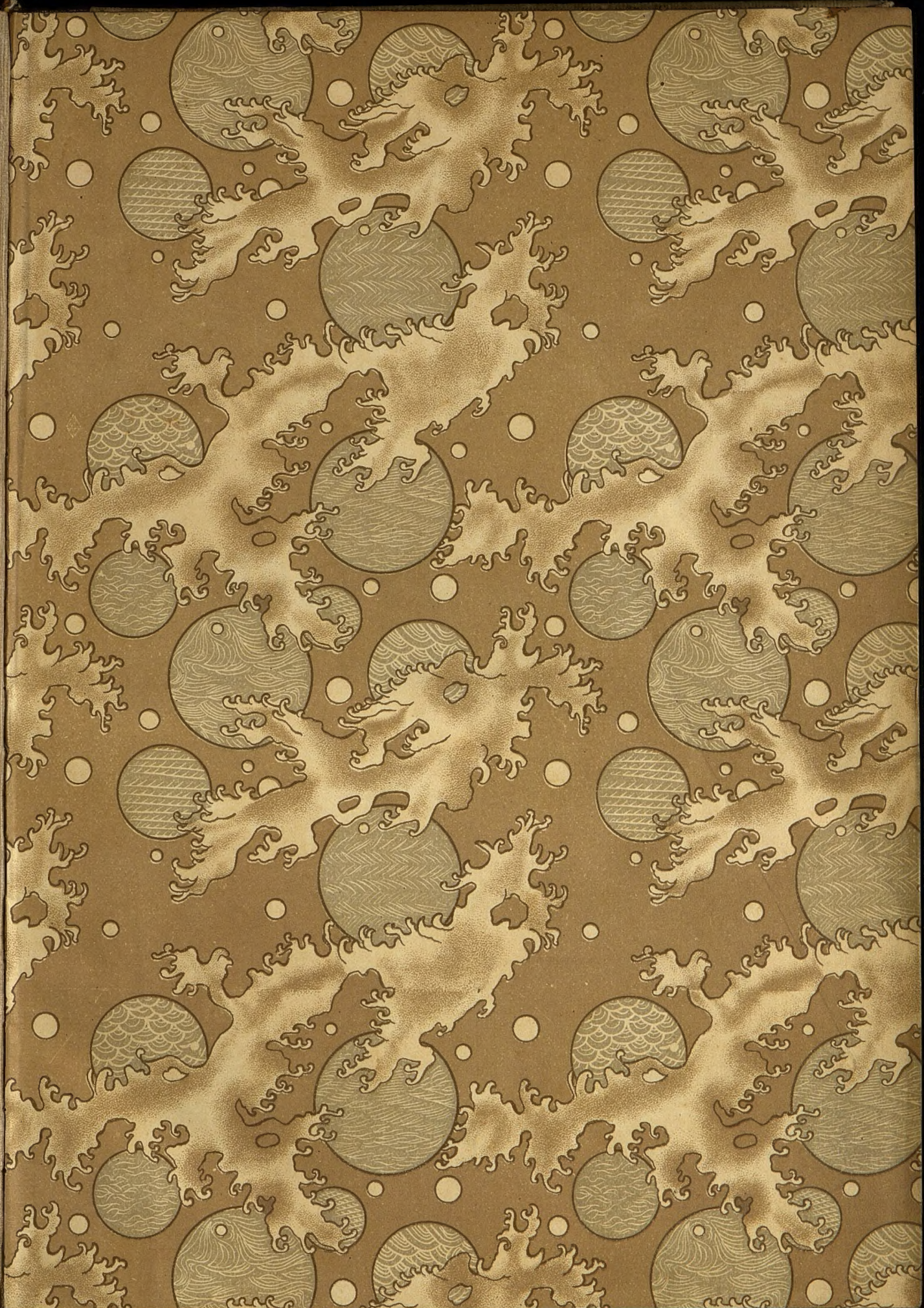
ЧЕЛОВѢКЪ И ЗЕМЛЯ

БРОКГАУЗЪ — ЕФРОНЪ



ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Человѣкъ и Земля

Географія, по отношенію къ человѣку, не что иное, какъ Исторія въ пространствѣ, точно такъ же, какъ Исторія является Географіею во времени.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ—ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ

Происхожденіе человѣка — Окружающая среда—Трудъ — Отсталыя народности—Семья, классъ, народъ — Раздѣленіе и ритмъ исторіи — Иранъ—Кавказъ—Месопотамія

Переводъ съ французскаго, съ разрѣшенія автора, приватъ-доцента Имп. СПБ. Университета

П. Ю. ШМИДТА

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ, Прачешный пер., № 6.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 877

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе I

Предисловіе къ русскому изданію VI

Книга первая.—ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Гл. I. Происхожденіе человѣка.—Исторія и географія.—Происхожденіе человѣка отъ низшихъ формъ.—Негритосы и пигмеи.—Распространеніе до-историческаго человѣка. 3

Гл. II. Окружающая среда.—Классификація соціальныхъ факторовъ.—Холодъ и тепло.—Сухость и влажность климата.—Горы и равнины.—Лѣса.—Острова, болота и озера.—Рѣки.—Море.—Контрасты окружающей среды.—Человѣкъ самъ является средою для другихъ людей. 39

Гл. III. Трудъ.—Трудъ.—Подражательность. — Взаимная помощь.—Распри и войны.—Начала земледѣлія.—Помощь домашнихъ животныхъ 117

Гл. IV. Отсталыя народности. — Современные и первобытные люди.—Пища.—Жилища и крѣпости. — Свайныя постройки.—Мѣста свиданія народовъ.—Пути сообщенія.—Распредѣленіе населенныхъ мѣстъ.— Ремесла.—Украшенія 157

Гл. V. Семья, классъ, народъ. — Группировка семей. — Матріархатъ и патріархатъ.—Собственность.—Образованіе классовъ.—Цари и рабы.—Языкъ.— Письменность.—Религія.—Мораль. 237

Оглавленіе.

Стр.

Гл. VI. Раздѣленіе и ритмъ исторіи.—Страны Востока и Запада.—Начальные меридіаны.—Схожденіе и расхожденіе міровыхъ путей.—Ходъ цивилизаціи 305

Книга вторая.—ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

Предисловіе 339

Гл. I. Иранъ.—Передняя Азія и Иранъ.—Арійцы.—Плоскогорія, горные хребты и естественные пути сообщенія.—Бактріана, Арахозія, Гедрозія.—Иранъ и Туранъ.—Исторія Элама.—Зохакъ и Кауэ.—Нравы и вѣрованія.—Мидяне и персы.—Персы и греки 341

Гл. II. Кавказъ. — Кавказъ: рельефъ, горные проходы. — Дагестанъ и Мингрелія. — Населеніе. — Анти-Кавказъ: рельефъ и пути сообщенія.—Армяне и курды.—Исторія . 433

Гл. III. Месопотамія. — Область Месопотаміи. — Историческіе пути.—Туранская культура. — Нашествіе семитовъ.—Земной рай и священныя горы.—Судоходство и легенда о потопѣ.—Каинъ и Авель.—Земледѣліе.—Промышленность, архитектура, астрономія, письменность.—Города и имперіи Халдеи и Ассиріи 458

Алфавитный указатель географическихъ и историческихъ названій и именъ цитированныхъ въ текстѣ авторовъ . . 529

Списокъ чертежей и картъ.

Отдѣльныя карты:

	Къ стр.
Распредѣленіе въ западной Европѣ расъ по соматическимъ признакамъ	6— 7
Распредѣленіе въ западной Европѣ народностей по языку	12— 13
Чередованіе цивилизацій и ихъ сферъ вліянія	324—325

Чертежи и карты въ текстѣ.

	Стр.
№ 1. Карта распространенія карликовыхъ племенъ	11
№ 2. Карта мѣстонахожденій ископаемыхъ остатковъ человѣка	19
№ 3. Палеолитическіе остатки человѣка въ западной Европѣ	21
№ 4. Перемѣщеніе границы льдовъ	25
№ 5. Пещеры долины нижняго теченія р. Везэръ	31
№ 6. Становища эскимосовъ	41
№ 7. Плотность населенія въ арктической области	45
№ 8. Область сухого климата	55
№ 9. Кергуэльскіе острова	63
№ 10. Долина Кейра	71
№ 11. Склоны долины Роны	77
№ 12. Островъ Тристанъ-д'Акунья	85
№ 13. Карта прежняго и нынѣшняго русла Рейна	89
№ 14. Притоки Амазонки, служащіе путями сообщенія мохосамъ	95
№ 15. Побережье Далмаціи	101
№ 16. Распредѣленіе различно воздѣланныхъ мѣстностей въ долинѣ р. Роны	123
№ 17. Лѣтнія и зимнія пастбища въ Провансѣ и Дофинэ	125
№ 18. Территорія индѣйцевъ-папагосовъ	133
№ 19. Пути перелетныхъ птицъ чрезъ Средиземное море	135
№ 20. Территорія индѣйцевъ племени сэри	155
№ 21. Распредѣленіе различныхъ типовъ жилищъ въ Океаніи	167
№ 22. Планъ подземныхъ галлерей въ деревушкѣ въ южномъ Тунисѣ	171
№ 23. Планъ Каза-Бланка въ каньонѣ Челли, въ Аризонѣ	175
№ 24. Деревня изъ свайныхъ построекъ въ Паладрю	179
№ 25. Образованіе города Цюриха изъ свайнаго поселенія	181
№ 26. Селенія съ постройками различныхъ типовъ въ Тунисѣ и Триполи	183

Списокъ чертежей и картъ

Стр.

№ 27. Дорога Ренштейгъ 189
№ 28. Эскимосская карта 193
№ 29. Пути торговли янтаремъ 197
№ 30. Долины рѣкъ Ардэша и Цэзы 198
№ 31. Пещера Таро 199
№ 32. Распредѣленіе различныхъ родовъ одежды въ Африкѣ 233
№ 33. Нѣкоторыя формы брачныхъ отношеній въ Индіи 241
№ 34. Страна «амазонокъ» 243
№ 35. Область распространенія матріархата въ Ассамѣ 247
№ 36. Страна традиціонной чести и дѣтоубійства 253
№ 37. Кланы деревни Оранби 257
№ 38. Раздробленіе горной страны 600 лѣтъ тому назадъ 267
№ 39. Языки и нарѣчія краснокожихъ 271
№ 40. Религіи Дагомеи 275
№ 41. Область между крайнимъ востокомъ и крайнимъ западомъ . . . 307
№ 42. Начальные меридіаны 311
№ 43. Ненаселенная полоса между востокомъ и западомъ 313
№ 44. Миграціи народностей Океаніи 319
№ 45. Расходящіеся пути Крайняго Востока 321
№ 46. Сходящіеся пути передней Азіи 323
№ 47. Нѣкоторые пути европейско-азіатской цивилизаціи 325
№ 48. Нѣкоторые всемірные пути движенія цивилизаціи до путешествія Магеллана 327
№ 49. Памиры—область, избѣгаемая человѣкомъ 343
№ 50. Расположеніе хребтовъ въ области бахтіаровъ 353
№ 51. Путь изъ Вавилона въ Экбатану 355
№ 52. Орографическая карта Персіи 359
№ 53. Азербейджанъ 361
№ 54. Область Восточнаго Эльбурса, Мазандеранъ 365
№ 55. Область Западнаго Эльбурса, Гиланъ 367
№ 56. Пути чрезъ Иранское плоскогоріе 371
№ 57. Область туркменовъ 373
№ 58. Горы и области Центральной Азіи 374
№ 59. Орографическая карта Центральной Азіи 375
№ 60. Окраины Ирана 377
№ 61. Пути, идущіе отъ Герата 385
№ 62. Горная преграда между Бактріаной и Пянджабомъ 387
№ 63. Горный проходъ Баміанъ 389
№ 64. Сеистанъ и Дрангіана 391
№ 65. Народности Ирана 393
№ 66. Планъ города Сузы 399
№ 67. Государства и населенные центры Ирана 413
№ 68. Экбатана и гора Эльвендъ 415
№ 69. Горные проходы Загроша 417
№ 70. Персія 421
№ 71. Бизутунъ и его окрестности 425
№ 72. Персеполь 429
№ 73. Рельефъ Кавказа и горъ Арменіи 435
№ 74. Дарьяльскій проходъ 439
№ 75. Дагестанъ и Желѣзныя Ворота 441

Списокъ чертежей и картъ

Стр.

№ 76. Замкнутыя долины западнаго Кавказа 443
№ 77. Восточная часть Анатолійскаго полуострова 449
№ 78. Рельефъ горъ Арменіи 450
№ 79. Пути сообщенія въ области Анти-Кавказа 451
№ 80. Месопотамія 461
№ 81. Пустыни къ западу отъ Месопотаміи 463
№ 82. Распредѣленіе населенія Месопотаміи по роду занятій 465
№ 83. Мѣстонахожденіе рая и священныхъ горъ 473
№ 84. Нѣкоторыя священныя горы и райскіе сады Европы и Азіи . . 477
№ 85. Источники нефти въ Халдеѣ 483
№ 86. Мѣстности, упоминаемыя въ халдейскихъ легендахъ 487
№ 87. Легенда о всемірномъ потопѣ 489
№ 88. Каналъ Нарванъ и Мидійская стѣна 491
№ 89. Строительные матеріалы въ Месопотаміи 493
№ 90. Современные Вавилоны 496
№ 91. Планъ древняго Вавилона 497
№ 92. Пять морей, окружающихъ Месопотамію 505
№ 93. Древніе города Халдеи 511
№ 94. Древніе города Ассиріи 521
№ 95. Ниневія и Хорсабадъ 525

Списокъ рисунковъ въ текстѣ.

	Стр.
Скелетъ гориллы	8
Скелетъ человѣка	9
Неандертальскій черепъ палеолитической эпохи	13
Возстановленный черепъ питекантропа, по Мануврiе (1895)	15
Скелетъ шимпанзе	16
Скелетъ человѣка	17
Наконечники скребковъ. Кремневый топоръ. Наконечникъ и двойной скребокъ	28
Наконечники гарпуновъ	29
Крючокъ для ловли рыбы. Наконечники стрѣлъ	30
Кро-маньонскій черепъ (въ профиль)	32
Кро-маньонскій черепъ (спереди)	33
Колоссальная до-историческая статуя съ о. Пасхи (сзади)	36
Колоссальная до-историческая статуя съ о. Пасхи (сбоку)	37
Эскимосъ въ своемъ каякѣ	43
Эскимосъ и индѣецъ съ Лабрадора. Черепъ эскимоса-иннуита. Черепъ индѣйца-альгонкина	47
Орудія и оружіе эскимосовъ	48
Оружіе эскимосовъ	49
Тюлени среди льдовъ	51
Ледяныя поля сѣвера	53
Туземецъ племени данакиль	57
Сомалiецъ	59
Кергуэльскій островъ. — Панорама «Портъ-Газели», близъ водопада Пойнтъ-Дёкъ	61
Негръ племени дэнка	65
Ландескотъ	67
Входъ въ долину Кейра	69
Аталайя, пещерное поселеніе на Большомъ Канарскомъ островѣ	75
Дѣвственный лѣсъ на Мадагаскарѣ близъ Діэго-Суарецъ	81
Лодка изъ древесной коры на рѣкѣ Нигеръ	91
Туземныя пироги изъ ствола тополя на р. Таримѣ	93
Челнъ изъ березовой коры на порогахъ рѣки въ Сѣверной Америкѣ	97
Туземецъ діола	99
Челнъ на Бѣломъ заливѣ въ Меланезіи	102
Туземецъ сіобанъ на Суматрѣ и его орудія рыболовства	103
Челны ново-зеландцевъ, сдѣланные изъ пальмовыхъ стволовъ	105

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

Стр.

«Янгада» бразильцевъ 107
Маякъ на островѣ Унстъ, на самой сѣверной оконечности Шетландскихъ острововъ 109
Финикійская галера 111
Туземцы-кочевники племени телльнель, занимающіеся рыбною ловлею на берегахъ Тарима 119
Арабъ-земледѣлецъ въ Алжирѣ, отправляющійся на рынокъ 122
Калмыкъ изъ Забайкалья 127
Степныя собаки и ихъ зернохранилища 130
Зернохранилища племени овамбо 131
Раненый журавль, поддерживаемый своими товарищами 137
Желѣзный столбъ Раджадхава, указывающій центръ городовъ, возникавшихъ одинъ за другимъ на мѣстѣ теперешняго города Дели . . 143
Обезьяна-пастухъ въ посту Карно, въ экваторіальной Африкѣ 147
Китаецъ-рыболовъ съ бакланами 149
Соколиный охотникъ въ Тибетѣ . . . . . 150—151
Жилища туземцевъ на о. Суматрѣ 163
Постройка хижины кафрами 165
Хижина изъ костей кита на крайнемъ сѣверѣ 166
Дома, выдолбленные въ скалѣ, въ мѣстечкѣ Троо, въ долинѣ Луары 169
Храмъ въ городѣ Петра, выдолбленный въ скалѣ 172
Каза-Бланка въ каньонѣ Челли, въ Аризонѣ 173
Циклопическія сооруженія изъ базальта въ Метеланимъ, на островѣ Понапе, въ группѣ Каролинскихъ острововъ 176
Пещерные жители Большого Канарскаго острова 177
Портъ Тампа, свайное поселеніе 185
Цыганскій таборъ у въѣзда въ деревню, на югѣ Франціи 194
Итальянскіе цыгане въ Испаніи 195
Каменный топоръ шелеенской эпохи. Развитіе кинжала 201
Каменные топоры изъ кремня палеолитической эпохи 202
Топоръ-молотокъ. Топоръ полированный 203
Ткацкое искусство на о. Уалакъ въ архипелагѣ Каролинскихъ острововъ, по даннымъ экспедиціи «La Coquille» (1822—1825) 204
Изготовленіе глиняныхъ сосудовъ въ городѣ Кенэ на берегу Нила . . 205
Негры-кузнецы въ Сенегалѣ 207
Кафръ въ нарядномъ одѣяніи 211
Способъ изображенія духовъ туземцами острова Ней-Лауенбургъ (Архипелагъ Бисмарка, Меланезія) 212
Первобытные рисунки и узоры туземцевъ острова Ней-Лауенбургъ (Архипелагъ Бисмарка, Меланезія) 213
Рѣзныя коробки изъ слоновой кости (Огове; Французское Конго). Рѣзная раковина съ острововъ Соломона 214
Изукрашенная хижина въ деревнѣ Анатоэ, въ Нидерландской Индіи . 215
Музыканты въ Ба-Гобо 217
Музыканты въ Суданѣ 221
Малаецъ съ острова Пагаи въ праздничномъ нарядѣ 223
Татуировка туземца изъ Могемокъ (спереди) 224
Татуировка туземца изъ Могемокъ (сзади) 225
Татуировка на ногѣ женщины изъ Могемокъ 226
Японская татуировка на спинѣ англійскаго матроса 227

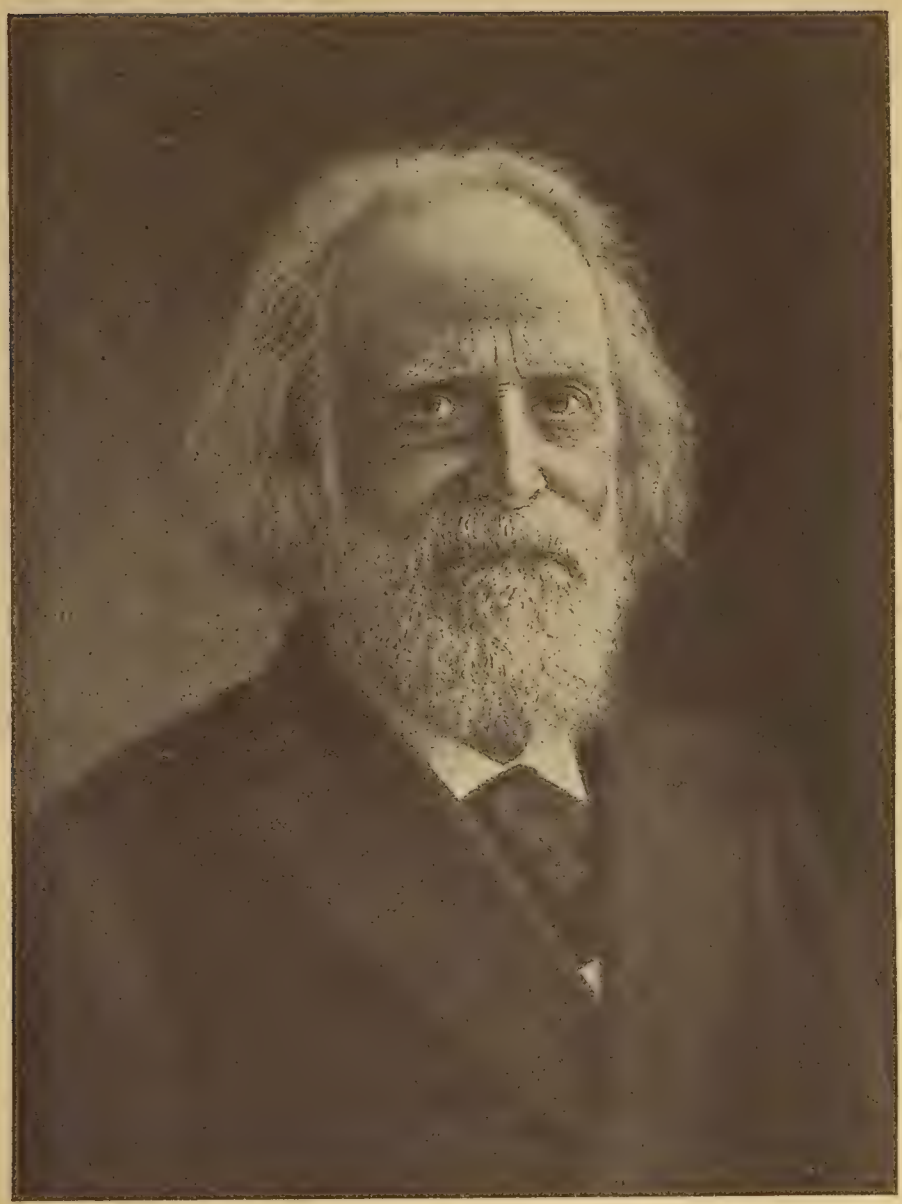
Списокъ рисунковъ въ текстѣ

Стр.

Канакъ Новой Каледоніи въ своемъ нарядѣ 229
Инструменты, употребляемые на островахъ Товарищества, собранные во время путешествія «La Coquille», 1822—1825 231
Битва амазонокъ 244
Дагомейская амазонка 245
Великій совѣтъ женщинъ у племени віандотовъ 249
Деревня Оранби въ Аризонѣ 256
Изображеніе лошади въ Комбарелльской пещерѣ 260
Изображенія животныхъ въ Комбарелльской пещерѣ 261
Корова съ мѣтками и узорами на кожѣ (страна Мазаи въ восточной Африкѣ) 263
Арабское пастушеское племя, обитающее въ степи 269
Юкагирское письмо 273
Ганеза—слонъ, олицетворяющій премудрость 277
Евангелисты-апостолы св. Лука и св. Маркъ съ посвященными имъ животными 279
Курильня опіума 281
Таоистскій жрецъ, молящійся предъ изображеніями боговъ 283
Могила индійскаго вождя въ Британской Колумбіи 285
Приношенія въ церковь по обѣту, сдѣланныя изъ кованнаго желѣза, въ Сенъ-Леонаръ, въ Тиролѣ 287
Идолы изъ деревни Ликилики на о. Уаланъ (Каролинскіе острова) 289
Туземецъ Никобарскихъ острововъ, занимающійся сушкою костей покойнаго отца надъ очагомъ своей хижины 291
Костякъ галльскаго вождя 293
Суданскій колдунъ, гадающій на палочкахъ и камешкахъ 295
Алтарь въ честь Діаны 296
Христіанскій алтарь изъ церкви въ Камплонѣ (Эфо) 297
Религіозная процессія римлянъ.—Торжественное жертвоприношеніе, состоявшее изъ свиньи, овцы и быка 299
Горное ущелье 317
Видъ пустыни Такла-Маканъ къ востоку отъ Памира 345
Діаграмма Пиктэ 347
Водопадъ Тотъ-э-Казабъ въ горахъ бахтіаровъ 351
Бахтіаръ-кочевникъ 357
Видъ города Марага у подножія Сехенда (Азербейджанъ) 360
Вершина Демавенда (видъ, снятый съ высоты 4500 метровъ) 363
Горячіе ключи Тунекабумъ (Мазандеранъ) 366
Мостъ чрезъ рѣку Кызылъ-Узень (Гиланъ) 369
Видъ въ г. Самаркандѣ 379
Типичное персидское горное селеніе Аскъ въ долинѣ Ларъ (видъ, снятый съ плоскогорія Рэна) 381
Оросительные каналы. Подземная лѣстница 383
Туркмены въ окрестностяхъ Самарканда 386
Разрѣзъ чрезъ слои наноса, заключающіе развалины древняго города Амоль 395
Барельефъ Хуринъ-Шейхъ-Хана 397
Обломокъ барельефа, найденнаго въ 1857 г. и изображающаго планъ г. Сузы 398
Украшеніе колоннъ во дворцѣ Артаксеркса Ападана (Суза, эпоха Ахеменидовъ) 401

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

	Стр.
Клинообразная надпись, срисованная съ памятниковъ Персеполя въ 1621 г.	403
Орудія земледѣлія изъ Мазандерана	407
Арба земледѣльцевъ изъ Хозрована	409
Могильникъ послѣдователей религіи Зороастра	410
Странствующій нищій въ Персіи	411
Холмъ развалинъ дворца въ Экбатанѣ	414
Барельефъ и надпись на четырехъ языкахъ въ Бизутунѣ	418
Пѣхотинцы мидянинъ и персъ	419
Барельефъ и надпись на пареянскомъ и персидскомъ языкахъ въ Бизутунѣ	420
Развалины Персеполя. Гигантская лѣстница для торжественныхъ процессій	423
Барельефъ во дворцѣ Дарія	427
Царь въ сопровожденіи своихъ служителей	431
Осетинъ	436
Осетинская деревня	437
Озеро и крѣпость Ванъ	455
Скифы, вооруженные копьями, по барельефу на вазѣ изъ Куль-Оба	456
Долина Малаго Заба у Бешаста	467
Вавилонскій кирпичъ съ клинообразною надписью	468
Вавилонская башня по ассирійскому барельефу	469
Евреи за принудительною работою въ Месопотаміи	471
Адамъ и Ева	476
Надуваніе мѣховъ	480
Плоты на мѣхахъ	481
Богъ-рыба Оанесъ	485
Исторія всемірнаго потопа, вырѣзанная на глиняныхъ табличкахъ	488
Четверная вавилонская колонна изъ обожженыхъ кирпичей	499
Бирсъ-Нимрудъ, развалины Вавилонской башни	500
Возстановленное изображеніе Вавилонской башни	501
Бабиль (Врата Бога) на берегахъ Евфрата	503
Какъ въ древности представляли себѣ міръ	504
Обелискъ царя Манихтусу	507
Сводъ законовъ короля Хаммураби	509
Камень изъ Такъ-керса	512
Ваза Ксеркса	513
Обломокъ части плана Вавилона съ клинообразными надписями	514
Цилиндрическая печать	515
Статуя царя Ашшурбанипала	517
Реставрація дворца Саргона въ Дуръ-Шарукинѣ	519
Голова ассирійскаго военачальника	523
Раненая львица	524
Ассирійское божество съ головой орла	527



ЖАНЪ ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

Род. 15 марта 1830 г. въ городѣ Санъ-Руа ла-Грандъ (Франція, департаментъ Жиронды), ум. 4 іюля 1905 г. въ городѣ Туру (Бельгія).

ЧЕЛОВѢКЪ — ЭТО ПРИРОДА,
ПОЗНАЮЩАЯ САМОЕ СЕБЯ.

I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я дописывалъ послѣднія строки своего обширнаго труда „Земля и Люди. Всеобщая географія“, я выразилъ въ нихъ желаніе получить впослѣдствіи возможность написать особый трудъ о человѣкѣ. Мнѣ хотѣлось разсмотрѣть судьбы человѣка въ послѣдовательности чередующихся вѣковъ, подобно тому какъ ранѣе я разсматривалъ его жизнь въ связи съ природою различныхъ странъ земного шара. Мнѣ хотѣлось также установить тѣ относящіеся къ области соціологіи выводы, къ которымъ привели меня мои изслѣдованія. Я тогда же набросалъ планъ этого новаго сочиненія и предполагалъ разсмотрѣть въ немъ вліяніе почвы, климата и всего окружающаго на историческія событія, показать связь судебъ человѣчества съ землею, выяснить причины и слѣдствія въ жизни и дѣятельности народовъ и установить гармонію ихъ съ общимъ ходомъ развитія нашей планеты.

Сочиненіе это и предлагается мною теперь на судъ читателей.

Конечно, я зналъ заранѣе, что изслѣдованія мои не приведутъ меня къ открытію того основного закона прогресса человѣчества, который вѣчно мелькаетъ заманчивымъ миражемъ на нашемъ горизонтѣ и, какъ видѣніе, исчезаетъ и разсѣивается, чтобы затѣмъ появиться вновь. Мы появились какъ ничтожная былинка въ безконечно великомъ пространствѣ, не знаемъ ни своего происхожденія, ни своего назначенія, не знаемъ даже, принадлежимъ ли мы къ единому виду живыхъ существъ, или же человѣчество возникало на землѣ нѣсколько разъ и столько же разъ угасало,— и среди такого-то полнаго невѣдѣнія намъ выпалъ тяжкій жребій формулировать законы эволюціи, какъ бы стараясь придать точныя и опредѣленныя формы неуловимому летучему туману!

Но нѣтъ,—среди мрака, окутывающаго прошлое человѣчества, въ этомъ рядѣ вѣковъ, который находками археологовъ удлиняется все болѣе и болѣе, мы все же можемъ познать нѣкоторую внутреннюю связь между судьбами человѣчества и дѣятельностью земныхъ силъ,—мы имѣемъ возможность прослѣдить во времени соотвѣтствіе любого періода въ жизни народовъ съ измѣненіями окружающей среды и уловить сложное воздѣйствіе природы на человѣка и человѣка на природу земли, давшей ему начало.

Тотъ же восторгъ, который охватываетъ насъ при созерцаніи безконечно разнообразныхъ ландшафтовъ нашей планеты, такъ гармонирующихъ съ волнами народныхъ массъ, вѣчно колышащимися на поверхности земли, то же захватывающее увлеченіе испытываемъ мы, когда, проникая взоромъ въ даль вѣковъ, видимъ длинную вереницу народовъ, порою наслаждающихся счастьемъ, порою страждущихъ, но ни на минуту не прекращающихъ гармоничной связи съ

землею, которая ихъ питаетъ и носитъ, съ небомъ, которое ихъ освѣщаетъ и пріобщаетъ къ общей жизни мірозданія.

И, подобно тому какъ поверхность земли развертываетъ передъ нашими взорами безконечный рядъ видовъ чарующей красоты, такъ точно и грандіозный потокъ исторіи обнаруживаетъ въ послѣдовательности событій сцены, величественныя по своей красотѣ; созерцаніе ихъ облагораживаетъ умъ и сердце. Историческая географія рисуетъ намъ блестящія своей реальностью, дивныя драмы, какихъ не могло бы измыслить самое живое воображеніе.

Въ наше время остраго кризиса, когда могучая волна глубоко всколыхнула все человѣческое общество, и когда человѣкъ, подхваченный потокомъ эволюціи, несущимъ его съ головокружительною быстротою, ищетъ новыхъ точекъ опоры для направленія своей жизни,—въ это время изученіе исторіи получаетъ тѣмъ большій интересъ и значеніе, что область ея все сильнѣе расширяется. Въ чередованіи вѣковъ открываются передъ нашими умственными взорами величественные уроки жизни, они группируются въ порядкѣ и, въ концѣ концовъ, слагаются даже въ основные законы.

Первая устанавливаемая историкомъ категорія общихъ явленій показываетъ намъ, что, благодаря неравномѣрному развитію отдѣльныхъ личностей и общественныхъ группъ, въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, за исключеніемъ племенъ, которыя остались въ первобытномъ, близкомъ къ природѣ состояніи, происходитъ расщепленіе на касты или классы, которые обладаютъ не только различными, но даже противоположными интересами и стремленіями и потому часто являются явно враждебными другъ другу въ теченіе всего своего существованія. Такова сущность историческихъ фактовъ, наблюдаемыхъ во всѣхъ странахъ

свѣта и во всѣ времена,—измѣняется на тысячи ладовъ лишь внѣшняя форма подъ вліяніемъ безконечнаго разнообразія мѣстности, климата и сплетенія событій.

Второе общее явленіе—неизбѣжный результатъ расщепленія общества на соціальныя группы—заключается въ томъ, что при нарушеніи равновѣсія въ интересахъ отдѣльныхъ личностей или классовъ происходитъ обязательно колебаніе коромысла вѣсовъ въ ту и другую сторону,—попраніе справедливости всегда вопіетъ о мщеніи! Отсюда проистекаетъ и вѣчная неустойчивость общественныхъ группъ. Обладающіе властью стараются сохранить ее въ своихъ рукахъ; порабощенные прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы отвоевать себѣ свободу, а затѣмъ, увлеченные силою своего порыва, стремятся сами завладѣть властью. Такова обычная причина гражданскихъ войнъ, усложняемыхъ войнами внѣшними, подавленіемъ возстаній и разрушеніемъ существующаго строя,—онѣ слѣдуютъ одна за другой, оканчиваясь различно, въ зависимости отъ относительной энергіи элементовъ, участвующихъ въ борьбѣ. Либо подчиняются порабощенные, исчерпавъ всю силу своего противодѣйствія,—въ такомъ случаѣ они медленно погибаютъ и угасаютъ совершенно, не имѣя болѣе энергіи, необходимой для жизни; либо берутъ верхъ поборники свободы, и тогда мы различаемъ въ хаосѣ міровыхъ событій настоящую революцію, т.-е. измѣненіе политическаго или соціальнаго строя, обязанное своимъ происхожденіемъ болѣе ясному пониманію условій среды, а также и энергіи и предпріимчивости отдѣльныхъ личностей.

Третья категорія фактовъ, связанныхъ съ изученіемъ человѣка на протяженіи всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что никакая эволюція въ жизни народовъ не можетъ быть создана иначе, какъ путемъ индивидуальныхъ усилій. Въ отдѣльной человѣческой личности—этомъ первичномъ

элементѣ общества—должно искать ту побудительную силу, которая въ окружающей средѣ перерабатывается въ волевыя проявленія, служитъ для распространенія идей и принимаетъ участіе въ дѣйствіяхъ, измѣняющихъ ходъ развитія націй. Равновѣсіе общества является неустойчивымъ, исключительно вслѣдствіе тѣхъ препонъ, которыя ставятся отдѣльнымъ личностямъ въ свободѣ расширенія ихъ дѣятельности. Свободное общество создается путемъ предоставленія свободы развитія каждой человѣческой личности, которая является первичной и основной частицей общества и, по собственному желанію, соединяется съ другими такими же частицами. Въ прямомъ соотвѣтствіи съ ростомъ свободы и иниціативы личности стоитъ значеніе и величіе общества: человѣкъ порождаетъ ту творческую волю, которая созидаетъ и перестраиваетъ міръ!

Борьба классовъ, исканіе равновѣсія общественныхъ группъ и преобладающее значеніе личности—таковы тѣ три категоріи явленій, которыя обнаруживаетъ передъ нами соціальная географія и которыя въ хаосѣ міровыхъ событій являются настолько постоянными, что имъ можетъ быть дано названіе „законовъ“. Уже въ томъ наше великое счастіе, что мы знаемъ эти законы и можемъ направлять сообразно съ ними наше собственное поведеніе и наше участіе въ дѣятельности общества, согласуя ихъ съ извѣстными намъ вліяніями среды. Итакъ, изученіе земли поясняетъ намъ историческія событія, исторія же, въ свой чередъ, заставляетъ насъ углубляться въ изслѣдованіе нашей планеты и искать болѣе сознательнаго единенія нашего собственнаго „я“ — одновременно столь малаго и столь великаго—съ неизмѣримо великимъ мірозданіемъ!

II.

Предисловіе къ русскому изданію.

Я въ высшей степени благодаренъ книгоиздательству Брокгаузъ-Ефронъ, равно какъ и переводчику магистру зоологіи П. Ю. Шмидту, доставившимъ мнѣ возможность предложить мою новую книгу: „Человѣкъ и Земля“ моимъ славянскимъ друзьямъ. Я положительно въ восторгѣ отъ этого, ибо мнѣ кажется, что ни въ какой другой странѣ я не могъ бы найти читателей, болѣе подготовленныхъ къ воспріятію идей, которыя я излагаю въ этой книгѣ. Нигдѣ элементы географіи и исторіи не запечатлѣны такъ широко, и нигдѣ связь между ними не выступаетъ такъ наглядно. Какое удивительное поприще для развитія значительной части человѣчества представляетъ эта безпредѣльная равнина, начинающаяся отъ береговъ Чернаго моря и простирающаяся на сѣверъ по широчайшей территоріи между Карпатами и Кавказомъ! Полторы тысячи лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда эта страна дѣйствительно терялась въ безконечности, когда таинственный народъ гиперборейцевъ, сливаясь съ элементами, снѣгами и бурями, исчезалъ въ Великомъ Сѣверѣ, какъ на фонѣ сновидѣній. Это не были люди, это были фантастическіе призраки, созданные болѣзненнымъ воображеніемъ маговъ, потомками которыхъ являются шаманы.

И до какой степени всеобъемлющи вліянія другихъ элементовъ земной архитектуры страны, которые, дѣйствуя на ряду съ обширностью равнины, предопредѣляли главнѣйшія событія русской исторіи! Развѣ, напримѣръ, два широкихъ прохода къ югу отъ Уральскихъ горъ не опредѣляли заранѣе того пути, по которому прослѣдовали гунны, монголы, калмыки и, въ обратномъ направленіи, сами русскіе при своихъ втор-

женіяхъ въ Азію? А развѣ твердыни Кавказа не указываютъ заранѣе на тѣ живыя точки, черезъ которыя произойдетъ соприкосновеніе между Европой и Азіей, между славянами, иранцами и семитами? А на югозападѣ эта долина Дуная, доступъ къ которой сначала такъ легко открывается въ направленіи отъ Карпатъ съ одной стороны и Балканъ—съ другой, а затѣмъ плотно замыкается какъ-бы неприступными желѣзными воротами,—развѣ эта долина не заключаетъ въ себѣ ясной картины исторіи дунайскихъ войнъ за послѣдніе два вѣка? А развѣ византійскіе, польскіе и варяжскіе пути не имѣютъ своихъ характерныхъ чертъ, которыя должны были различно вліять на эволюцію русскаго народа и его сосѣдей? А отроги амфитеатра Карпатъ, куда ведетъ такъ мало естественныхъ проходовъ, обширныя чащи Полѣсья и нѣкогда совершенно непроходимыя болота и топи? Какой экономистъ, какой географъ или историкъ станетъ отрицать рѣшающее вліяніе этихъ географическихъ условій на ходъ событій? Въ тиши кабинета пріятно отдаваться, подобно Ницше, Гобино или Дрисмансу, мечтамъ о сверхъчеловѣкѣ и утверждать, что окружающая насъ среда заключается въ насъ самихъ. Это, если хотите, величественно, но это нелѣпо! Что бы ни пѣлъ о томъ Шиллеръ, материкъ обѣихъ Америкъ раскрылся передъ Колумбомъ вовсе не во имя осуществленія его мечты.

Конечно, мы не утверждаемъ, что среда постоянно остается неизмѣнною: далеко не такъ, она постоянно измѣняется вмѣстѣ съ исторіей, которая есть не что иное, какъ эволюція окружающей обстановки, вызываемая самою же окружающей обстановкой. Нынѣшняя воздѣланная равнина уже не есть болѣе цвѣтущая степь прежнихъ дней; лишенные лѣсовъ склоны горъ не покрыты болѣе таинственными чащами; степь уже не извергаетъ изъ себя дикихъ ордъ; болота не служатъ уже убѣжищемъ для враговъ.

Безконечность пространства стушевывается по мѣрѣ развитія путей сообщенія, и страна принимаетъ совершенно новую физіономію, соотвѣтствующую міровоззрѣнію общества, которое уже не то, чѣмъ было прежде. Вопреки желаніямъ консерваторовъ, которые хотятъ подвигаться впередъ правильными этапами и съ большою охотою топтались бы и на одномъ мѣстѣ, Россія, побуждаемая къ тому тысячами теченій, которыя все болѣе и болѣе распространяются по трепещущей землѣ, имѣла полное основаніе поступать такъ, какъ поступали Соединенные Штаты Сѣверной Америки, которые покрылись сѣтью желѣзныхъ дорогъ и вообще обзавелись орудіями современной культуры, музеями, лабораторіями, электрическими станціями. Человѣчество начало нѣкогда съ узкихъ тропинокъ; оно добывало огонь путемъ тренія и получало извѣстія разъ въ годъ отъ случайныхъ странниковъ. Съ тѣхъ поръ потребности измѣнились. Теперь передъ нами рѣетъ новый міръ, который мы должны создать, и его оборудованіе всецѣло зависитъ отъ уровня нашихъ знаній.

Вполнѣ естественно, что въ результатѣ той грандіозной работы приспособленія, которую предпринимаетъ въ настоящее время обновляющаяся Россія, стремящаяся стать юной, получить возможность использовать всѣ свои рессурсы и предоставить ихъ въ распоряженіе всего человѣчества,—вполнѣ естественно, говорю я, что свободное общество приметъ совершенно иныя формы, чѣмъ тѣ, которыя свойственны одряхлѣвшему организму государства, претендующаго руководить всѣми проявленіями національной жизни. Тотъ же конфликтъ происходитъ между различными альтернативами во всѣхъ странахъ міра; но можетъ ли онъ закончиться иначе, какъ торжествомъ самоопредѣляющагося живого существа, которое называется націей и которое питается непосредственно силами земли?

Хотя исходъ борьбы и извѣстенъ заранѣе, тѣмъ не менѣе, необходимо при наблюденіи современныхъ явленій тщательно вычислить ту часть тренія, которая вызывается непрестаннымъ сопротивленіемъ государства. Нигдѣ, не исключая даже Англіи и Америки, не слѣдуетъ отожествлять дѣйствія народа съ дѣйствіями правителей.

Естественная роль самоопредѣляющихся націй можетъ быть выяснена, опредѣлена заранѣе. Она будетъ развиваться со все возрастающею быстротою изъ вѣка въ вѣкъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, изъ года въ годъ—и такъ въ теченіе всей будущей исторіи. Что же касается дѣятельности государства, то она никогда не идетъ въ уровень съ жизнью народа: представители государства всегда примѣшиваютъ къ его дѣламъ свои личные виды; они извращаютъ движенія, насилуютъ личность, задерживаютъ естественный ходъ эволюціи, предпринимаютъ невѣрные шаги. Приходится передѣлывать вновь все, что казалось уже законченнымъ, все, что было сдѣлано плохо и уродливо.

Франція являетъ собою, быть можетъ, наилучшій примѣръ этого отсутствія связи между дѣйствіями правительства, слагающагося изъ дипломатовъ, военныхъ и колонизаторовъ, и національнымъ геніемъ, который—подобно Феруэру, этому духу-покровителю древнихъ иранцевъ—паритъ надъ челомъ народа; то же можно сказать и почти въ той же мѣрѣ о всѣхъ другихъ націяхъ; онѣ увлечены теченіемъ современной жизни, а ихъ правительства, которыя уже по природѣ своей инертны и скованы традиціями, препятствуютъ имъ въ ихъ естественныхъ стремленіяхъ.

Эта оторванность правящихъ отъ управляемыхъ съ каждымъ днемъ усиливается, и процессъ этотъ все болѣе и болѣе обостряется, по мѣрѣ того, какъ земля, такъ сказать, концентрируется, благодаря постояннымъ сношеніямъ, всевозможнымъ формамъ обмѣна, общности

идей, равновѣсію силъ и необходимости международной солидарности.

И вы, русскіе, какое участіе примете вы въ этомъ широкомъ движеніи, которое несетъ насъ ко входу въ новый міръ? Черезъ нѣсколько вѣковъ, когда утихнутъ современныя страсти, забыты будутъ современныя распри, что будутъ думать о васъ? Какими великими доблестями щедро надѣлитъ васъ исторія?

Заранѣе можемъ мы отвѣтить на это: вашей главной заслугой всѣ должны будутъ признать то, что вы были наиболѣе гостепріимнымъ, наиболѣе братолюбивымъ изъ народовъ.

Нація, охватившая безконечную равнину, которая превосходными путями соединяется съ другими равнинами, вы въ одно и то же время обладаете и качествами осѣдлаго земледѣльца, который любитъ землю и съ нѣжностью воздѣлываетъ ее, и свободной натурой номада, который всюду чувствуетъ себя на родинѣ, будь то на сѣверѣ, въ ледяныхъ тундрахъ Бѣлаго моря, или на югѣ, среди виноградниковъ и жгучихъ известняковъ Крыма. Вы одинаково хорошо чувствуете себя въ палаткѣ или войлочной кибиткѣ, въ деревянной избѣ и въ каменномъ дворцѣ. Вы вездѣ будете желанными гостьми и всѣхъ будете принимать у себя, какъ друзей; ни одна національная группа не будетъ содѣйствовать столько, какъ ваша, нарожденію націи будущаго, которая произойдетъ отъ всѣхъ расъ и будетъ говорить на всѣхъ языкахъ. Вы будете главными дѣятелями въ дѣлѣ истинно-человѣческой цивилизаціи, зиждущейся на свободѣ и правѣ.

Элизе Реклю.

Книга первая.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Происхожденіе человѣка.—Окружающая среда.—
Трудъ. — Отсталыя народности. — Семья, классъ, народъ. —
Раздѣленіе и ритмъ исторіи.

Книга первая

Первобытный человѣкъ

Происхожденіе человѣка

Чередованіе вѣковъ—великая школа человѣчества.

Глава первая.

ИСТОРІЯ И ГЕОГРАФІЯ.—ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА ОТЪ НИЗШИХЪ ФОРМЪ.—НЕГРИТОСЫ И ПИГМЕИ.—РАСПРОСТРАНЕНІЕ ДО-ИСТОРИЧЕСКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Строеніе поверхности нашей планеты обнаруживаетъ вліяніе космическихъ силъ, дѣйствію которыхъ подвергался земной шаръ въ теченіе ряда тысячелѣтій. Континенты и острова, поднявшіеся изъ нѣдръ морскихъ, самъ океанъ со своими заливами, озера и рѣки и всѣ отдѣльныя области земной поверхности въ ихъ безконечномъ разнообразіи—все носитъ на себѣ отпечатокъ непрерывной дѣятельности силъ природы, вѣчно работающихъ надъ измѣненіемъ существующаго. Въ свою очередь, каждый изъ элементовъ земной поверхности сдѣлался съ перваго своего появленія и продолжаетъ быть въ теченіе всего своего существованія вторичною причиною тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ

жизни живыхъ существъ, порожденныхъ землей. На просторѣ тысячелѣтій развертывалась, такимъ образомъ, исторія земли, полная безконечно великой измѣнчивости. Двѣ среды — небо и земля—вліяли на всѣ организмы, растительные и животные, которые породило море и мать-земля. Когда появился человѣкъ, какъ конечное звено безгранично длиннаго цикла живыхъ существъ, развитіе его было уже предопредѣлено формами и рельефомъ тѣхъ областей земного шара, въ которыхъ ранѣе обитали его предки—животныя.

Съ общей точки зрѣнія, географія, по отношенію къ человѣку, не что иное, какъ исторія въ пространствѣ, точно такъ же, какъ исторія является географіей во времени. Гердеръ, говоря о физіологіи, назвалъ ее анатоміей въ дѣйствіи,—не можемъ ли мы съ такимъ же правомъ сказать, что человѣкъ—это природа, познающая самое себя?

Относительно появленія человѣка на землѣ возникаетъ много вопросовъ, которые до настоящаго времени не разрѣшены. Прежде всего, привязываетъ ли насъ наше происхожденіе отъ животнаго міра къ одному или ко многимъ типамъ предковъ, и которая изъ двухъ гипотезъ—гипотеза моногеніи (происхожденіе человѣка отъ одного корня) или полигеніи (происхожденіе отъ нѣсколькихъ корней)—является если не истинной, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе оправдываемой всею суммою извѣстныхъ фактовъ? Намъ говорятъ, правда, что «вся эта схоластика—дѣло прошлаго, съ тѣхъ поръ, какъ дарвинизмъ привелъ все въ полное соотвѣтствіе» [1]),—но что же дѣлать, если то же самое недоразумѣніе возникаетъ подъ новыми наименованіями? Намъ нерѣдко и теперь приходится слышать, что основныя расы, на которыя распадается человѣчество, не могутъ быть сведены къ единому корню.

Для каждаго индивидуума является вполнѣ естественнымъ стремленіе смотрѣть на себя, какъ на существо, совершенно обособленное отъ всего окружающаго міра. Внутреннее ощущеніе своей собственной жизни, обиліе бродящихъ въ немъ силъ не позволяютъ ему видѣть въ другихъ людяхъ равныхъ себѣ; онъ считаетъ себя существомъ, особо покровительствуемымъ счастьемъ или богами. Однако, потребности жизни привязываютъ человѣка все же къ извѣстной группѣ людей, сначала къ семьѣ, затѣмъ и къ общинѣ или клану, и онъ не можетъ долго сохранять увѣренность въ томъ, что его происхожденіе совершенно независимо отъ происхожденія его ближнихъ; такое убѣжденіе можетъ явиться у него развѣ лишь въ томъ случаѣ, если чрезмѣрное увлеченіе властью породитъ въ немъ убѣжденіе въ божественности его происхожденія, какъ

1) G. Vacher de Lapouge. «Les sélections sociales», p. 11.

то было, напримѣръ, съ Александромъ Великимъ и Цезаремъ. Итакъ, человѣкъ примиряется, наконецъ, съ общностью своего происхожденія съ происхожденіемъ своихъ родичей,—сперва, однако, онъ допускаетъ родство только съ ними: каждая община въ своихъ первоначальныхъ представленіяхъ считаетъ свое происхожденіе совершенно отличнымъ отъ происхожденія другихъ. На зарѣ исторіи, какъ это понынѣ наблюдается у наиболѣе древнихъ народностей, человѣкъ инстинктивно склоняется къ полигеніи, но изъ всѣхъ различныхъ народностей человѣческою расою по преимуществу онъ наивно считаетъ лишь одну ту, къ которой принадлежитъ онъ самъ.

Извѣстно, что многія названія племенъ и народностей по своему первоначальному смыслу значатъ просто—«люди»; таковымъ названіямъ придается при этомъ совершенно исключительное значеніе, какъ если бы всѣ другія группы индивидуумовъ, носящихъ человѣческій обликъ, представлялись въ глазахъ этихъ избранныхъ существъ сборищемъ особей, относящихся къ низшимъ животнымъ.

Часто даже въ тѣхъ случаяхъ, когда названіе народности имѣетъ какое-либо другое значеніе, связанное со страною, съ происхожденіемъ или съ какими-либо этническими особенностями, оно все же въ теченіе вѣковъ утрачиваетъ свой первоначальный смыслъ и получаетъ въ представленіяхъ тѣхъ, кто его носитъ, характеръ чего-то исключительнаго, единственнаго въ своемъ родѣ, иногда прямо божественнаго. Положительно, нѣтъ такихъ дикихъ племенъ,—и какая нація въ этомъ отношеніи можетъ считать себя совершенно чуждой подобной первобытной дикости?—нѣтъ племенъ, которыя на окружающія ихъ народности не смотрѣли бы съ высоты величія «избраннаго народа»!

Однако, такая обособленность не могла продолжаться до безконечности, и, вслѣдствіе различныхъ историческихъ событій, вслѣдствіе политическихъ союзовъ и торговыхъ сношеній, вслѣдствіе войнъ и мирныхъ трактатовъ, люди мало по малу убѣдились въ томъ, что всѣ они принадлежатъ если не къ одной расѣ, то, во всякомъ случаѣ, къ одной группѣ существъ, чрезвычайно сходныхъ между собою и обладающихъ общими основными чертами, рѣзко отличающими ихъ отъ другихъ животныхъ; къ такимъ чертамъ относятся хотя бы прямостоячее положеніе тѣла, употребленіе огня и членораздѣльная рѣчь. Въ минуты общихъ бѣдствій и еще чаще благодаря инстинкту любви между различными полами возникали даже и тѣсныя братскія связи между людьми, принадлежащими къ совершенно различнымъ народностямъ. Затѣмъ, въ тѣ періоды, когда великія культурныя идеи объединяли значительную часть человѣчества,—какъ то было, напримѣръ, во времена Будды въ Индіи или въ греко-римскомъ мірѣ въ эпоху всемірной монархіи при Антонинахъ,—убѣжденіе въ общности происхожденія всего человѣчества получало еще бо-

лѣе широкое распространеніе: даже ненавидя другъ друга, люди, какъ сыны общей земли, считали за особую честь принадлежать къ одному единому стволу человѣческаго рода,—проповѣдники моногеніи имѣли особый успѣхъ.

Произведеніемъ, держащимся середины между обѣими явно несовмѣстимыми теоріями—моногенетической и полигенетической,—является книга Бытія: ее можно привести въ подтвержденіе какъ той, такъ и другой гипотезы, такъ какъ, съ одной стороны, въ ней разсказывается о сотвореніи Адама, бывшаго «господиномъ надъ всѣми животными, населяющими землю» [1]), тогда какъ съ другой—упоминается о людяхъ, населявшихъ страны во время перваго братоубійства [2]). Съ той поры человѣческая мораль въ своей повседневной практикѣ постоянно страдала противорѣчіями, подобными встрѣчаемому въ Библіи.

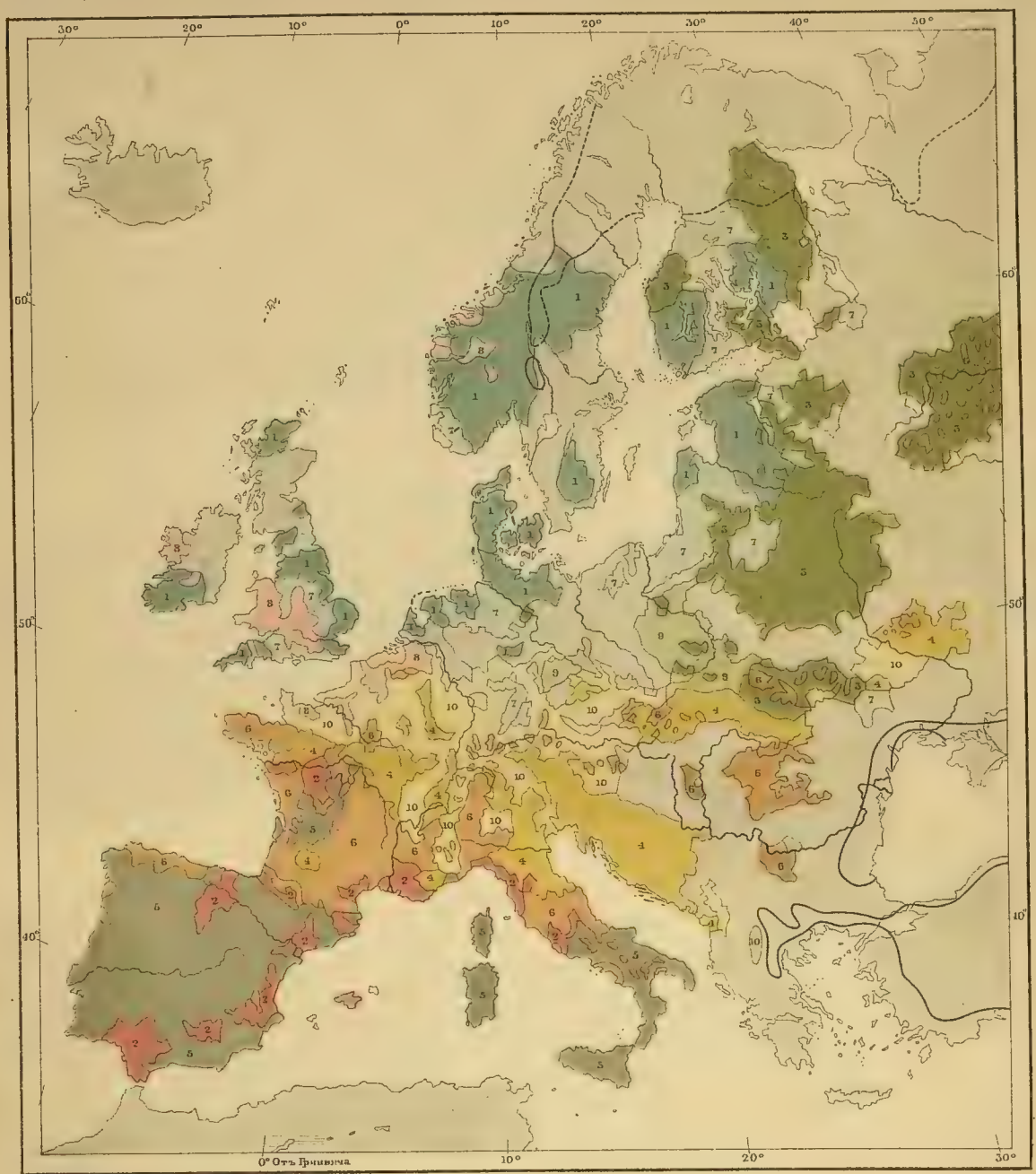
Какъ ни велика была гордость чистотою своей крови у племенъ, избѣгавшихъ всякаго соприкосновенія съ другими, и у аристократическихъ семей новѣйшаго времени, претендующихъ на «благородную кровь»,—фактъ тотъ, что захватывающій водоворотъ жизни человѣчества постоянно перемѣшивалъ человѣческія общества, какъ воды рѣки, и не было уголка на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы не происходило смѣшеніе расъ. По ученію раввиновъ среднихъ вѣковъ, человѣкъ, взятый отъ земли, былъ созданъ изъ семи сортовъ глины; это означало, безъ сомнѣнія, что онъ содержалъ въ себѣ зачатки всѣхъ цвѣтныхъ расъ, всѣхъ членовъ будущаго человѣческаго общества [3]). И дѣйствительно, современный человѣкъ содержитъ въ себѣ всѣ предшествовавшіе типы, и въ каждой смѣшанной расѣ даетъ себя знать атавизмъ.

Можно, правда, представить себѣ, что какое-либо человѣческое общество, заключенное гдѣ-нибудь среди неприступныхъ скалъ, образующихъ его естественную тюрьму, и могло бы остаться свободнымъ отъ всякаго смѣшенія,—однако, какъ только оно пришло бы въ соприкосновеніе съ другими обществами, неминуемо возникло бы и смѣшеніе. Положительно, всѣ племена являются смѣшанными расами; даже представители наиболѣе сильно различающихся расъ, хотя бы черной и бѣлой, уже много вѣковъ тому назадъ слились въ новыя этническія группы, сохранивъ въ большей или меньшей неприкосновенности такія отличительныя черты, которыя дѣлаютъ изъ нихъ общественныя единицы, заслуживающія особаго наименованія. Среди ряда чередующихся поколѣній смѣшеніе расъ проявляется чрезвычайно различнымъ образомъ: въ одномъ случаѣ оно происходитъ незамѣтно въ теченіе мирнаго времени, въ другомъ—внезапно и бурно въ періодъ войны, но

---

1) Кн. Бытія, гл. II, 19.—2) Тамъ же, гл. IV, 12.—3) Fr. Spiegel. «Ausland», 1872, № 10.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ РАСЪ, ПО СОМАТИЧЕСКИМЪ ПРИЗНАКАМЪ.



По Деникеру.

ГЛАВНЫЯ РАСЫ.

- *Сѣверная раса* — 1
- *Прибрежная или атлантическо-средиземноморская раса* — 2
- *Восточная раса* — 3
- *Адріатическая или динарическая раса* — 4
- *Иберійская островная раса* — 5
- *Западная или севенольская раса* — 6
- *Западная граница тюрко-монголовъ*
- *Южная граница лопарей и самоѣдовъ*
- *Народности со смѣшанными и недостаточно выясненными признаками*

ВТОРОСТЕПЕННЫЯ РАСЫ.

- *Переходно-сѣверная раса* — 7
- *Сѣверо-западная раса* — 8
- *Привислинская раса* — 9
- *Переходно-адріатическая раса* — 10

МАСШТАБЪ 1: 25. 000.000

0 250 500 1000 *Километ*

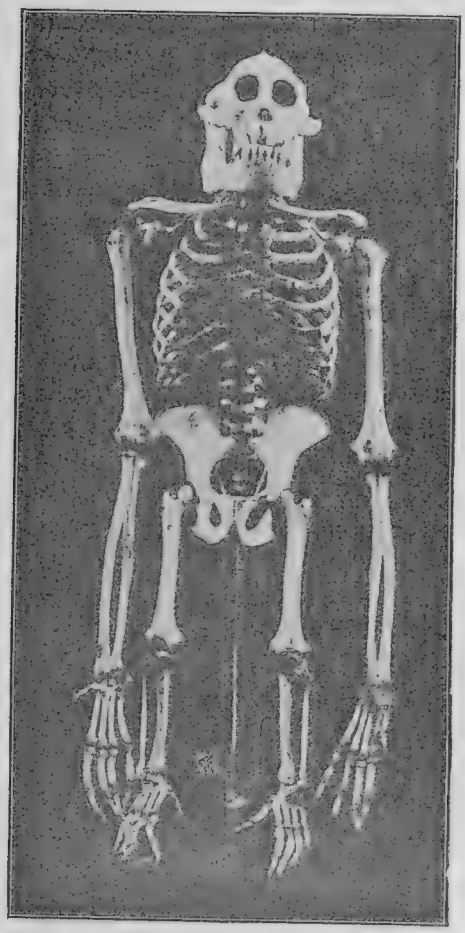
никогда процессъ этотъ не прекращается. Напрасно старался бы тотъ или другой патріотъ протестовать противъ такого смѣшенія расъ: каждый изъ насъ, какъ бы ни гордился онъ чистотою своей крови, обладаетъ милліонами предковъ, между которыми имѣлись представители самыхъ различныхъ типовъ. Потому-то тѣ изъ антропологовъ, которые стараются раздѣлить человѣческій родъ на рѣзко различающіяся расы,—либо по своему убѣжденію въ полигенетическомъ происхожденіи человѣка, либо имѣя въ виду путемъ сколько-нибудь допустимой классификаціи облегчить изученіе человѣка,—приходятъ къ совершенно различнымъ выводамъ, въ зависимости отъ того, какіе они избираютъ классификаціонные признаки. Ихъ выводы сильнѣйшимъ образомъ различаются въ зависимости отъ того, берутъ ли они за основу классификаціи цвѣтъ кожи, или же тѣлосложеніе, устройство скелета, или форму и размѣры черепа, характеръ волосяного покрова, или, наконецъ, языкъ и нравы людей.

И вотъ, въ результатѣ, Блюменбахъ, напр., различаетъ пять расъ, сдѣлавшихся классическими, именно: бѣлую, желтую, краснокожую, оливковую (малайскую) и черную (негритянскую) расу; Вирей признаетъ всего лишь двѣ расы; Топинаръ насчитываетъ сперва 16, затѣмъ 19 расъ; Ноттъ и Глиддонъ предполагаютъ существованіе 8 расъ, раздѣленныхъ на 64 семейства; Геккель дѣлитъ человѣчество на 34 расы, и, наконецъ, Деникеръ, во всеоружіи огромнаго количества измѣреній, собранныхъ во всѣхъ уголкахъ земного шара современными путешественниками, признаетъ существованіе 29 расъ и располагаетъ ихъ въ 17 этническихъ группъ; тѣмъ не менѣе многіе представители человѣческаго рода остаются подъ сомнѣніемъ, и остается не рѣшеннымъ, должно ли ихъ причислить къ той или къ другой категоріи [1]).

Мы знаемъ въ настоящее время, что всѣ эти построенія, какъ бы ни были они остроумны, все же являются далеко не незыблемыми. Послѣ Дарвина пала прежняя теорія неизмѣнности видовъ живыхъ существъ, по которой извѣстныя формы являлись окончательно и прочно установленными и не могли смѣшиваться съ другими типами иного происхожденія. Въ настоящее время понятіе вида устанавливается исключительно лишь для удобства обозрѣнія существующихъ формъ, и потому это понятіе совершенно неодинаково у различныхъ натуралистовъ: каждый стремится охватить въ своемъ представленіи комплексъ формъ настолько обширный, насколько это кажется ему возможнымъ. Какъ рѣшить, напр., вопросъ о томъ, отъ какого вида произошла собака? Является ли ея прародителемъ волкъ, лисица, шакалъ, гіена или какія-либо другія первоначальныя формы, постепенно видоизмѣнявшіяся вслѣд-

1) Colajanni. «Razze superiori, razze inferiori».

ствіе одомашненія и совершенно новаго образа жизни и расщепившіяся на множество разновидностей? Извѣстно, что волки и шакалы скрещиваются съ собаками и даютъ начало особямъ, которыя образуютъ стойкую и способную къ дальнѣйшему размноженію расу; съ другой стороны, одичавшія собаки принимаютъ, въ зависимости отъ мѣстности, формы, приближающіяся къ волку, къ шакалу или къ лисицѣ. Гдѣ начинается стойкій видъ, лежащій въ строго опредѣленныхъ границахъ? Гдѣ разновидность со своими непрерывными видоизмѣненіями? Этого мы не знаемъ!



Скелетъ гориллы.

Для сравненія со скелетомъ человѣка.
(См. стр. 9).

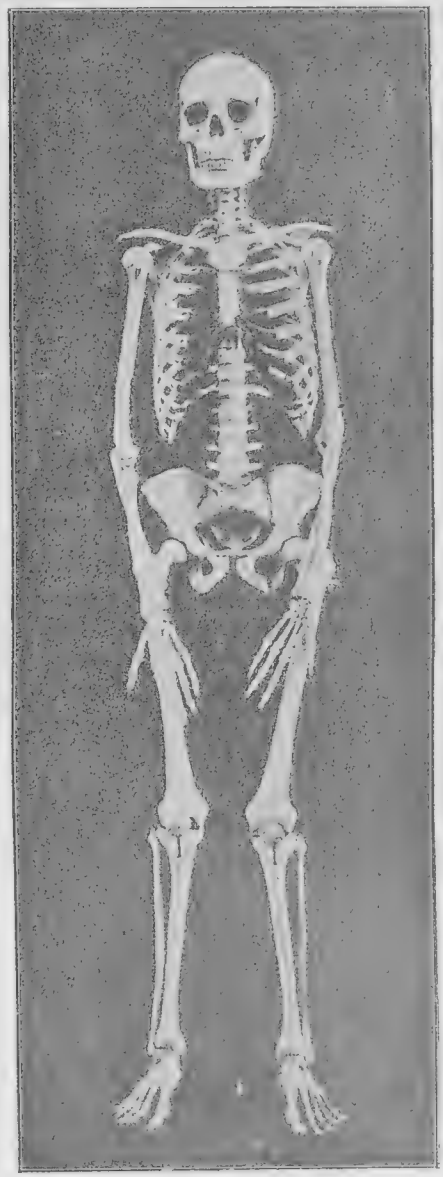
И тѣ же затрудненія, которыя встрѣчаются намъ при опредѣленіи видовъ семейства собакъ, встаютъ передъ нами и при разсмотрѣніи другихъ животныхъ, домашнихъ и дикихъ; они же являются и при рѣшеніи вопроса о человѣкѣ, у котораго различія, напр., между Homo europaeus и Homo alpinus гораздо значительнѣе, чѣмъ различія между представителями семейства собакъ [1]). Должно ли, несмотря на многочисленные примѣры удачныхъ смѣшанныхъ браковъ, которые такъ скандализируютъ въ Соединенныхъ Штатахъ сыновъ бывшихъ рабовладѣльцевъ, считать негровъ особымъ «видомъ» или «подвидомъ» [2]), отличнымъ отъ такъ называемой «кавказской» расы, или же должно ихъ разсматривать какъ простую разновидность обширнаго человѣческаго рода?

И если негровъ и бѣлыхъ объединить въ единый и общій по происхожденію видъ человѣка, то какъ отнестись къ негритосамъ острова

---

1) Vacher de Lapouge. «Les sélections sociales», p. 12. — 2) Tarde, «Revue scientifique», 15 juin 1895.

Люсона, къ андаманцамъ и къ карликовымъ племенамъ, разсѣяннымъ по континенту Африки? Сами негры видятъ въ племенахъ акка, бабинга и ба-бонго существа другого порядка, а всѣ бѣлые считаютъ ихъ за нѣчто въ родѣ обезьянъ, имѣющихъ человѣческій обликъ. Различныя племена хирѣютъ и исчезаютъ, быть можетъ, именно вслѣдствіе отсутствія скрещиванія,—такова была, напр., судьба карликоваго племени на берегахъ Санга. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что между другими карликовыми и нормально сложенными африканскими племенами происходитъ постоянное смѣшеніе. Дональдсонъ Смисъ разсказываетъ, напр., что карликовое племя, занимавшее въ недавнія времена область на сѣверъ отъ озера Стефаніи и озера Рудольфа, утратило свой оригинальный типъ вслѣдствіе браковъ съ племенами высокаго роста, и теперь это племя «дюмовъ» является лишь остаткомъ прежней расы [1]). Точно также карлики «сыны травы» — племя ва-тва, обитающее въ области озера Киву, — презирается нѣкоторыми сосѣдними племенами, напр., неграми уа-уту, но другія племена, напр., негры уатусси, считаютъ ихъ своими «большими друзьями» и вступаютъ съ ними въ браки. Женщины карликовыхъ племенъ Уганды считаютъ себя, какъ разсказываетъ Джонстонъ, счастливыми, если имъ удастся выйти замужъ за великорослыхъ негровъ другого племени.



Скелетъ человѣка.
Для сравненія со скелетомъ гориллы.
(См. стр. 8).

1) Donaldson Smith. «Through unknown African countries», pp. 274—275.

Возможно также, что карликовыя племена, скелеты которыхъ находятъ вмѣстѣ со скелетами людей большого роста во многихъ пещерахъ Западной Европы, особенно во Франціи, равно какъ и карлики Хуака въ Перу, исчезли вслѣдствіе скрещиванія и были постепенно поглощены окружающими племенами [1]: они приняли нормальный видъ, свойственный человѣческому роду.

Анатомы, изучающіе скелетъ съ точки зрѣнія происхожденія видовъ, т.-е. разсматривающіе его какъ аппаратъ, слагавшійся постепенно, отъ поколѣнія къ поколѣнію, путемъ активнаго приспособленія къ внѣшней средѣ и постепеннаго усовершенствованія, приходятъ, путемъ сравнительнаго изученія различныхъ типовъ, къ выводу, что современныя человѣческія расы не произошли, повидимому, одна отъ другой, но должны разсматриваться скорѣе какъ параллельныя вѣтви, восходящія къ общему предку, который жилъ, быть можетъ, даже еще ранѣе появленія четверорукихъ. Возможно, что этотъ первоначальный типъ является прямымъ потомкомъ сумчатыхъ, которыя сами произошли отъ пресмыкающихся, земноводныхъ и, наконецъ, низшихъ живыхъ существъ [2].

Не будемъ, однако, углубляться слишкомъ далеко, не будемъ даже и пытаться проникнуть мыслью въ тѣ отдаленныя эпохи, когда человѣчество, только что возникшее изъ среды животныхъ, складывалось въ виды или расы. Остановимся на той эпохѣ, когда наши предки пріобрѣли самый цѣнный даръ—получили членораздѣльную рѣчь, научившись умѣрять и обращать въ слова первоначальные звуки, сводившіеся, вѣроятно, къ рычанію и визгу. Итакъ, въ этотъ періодъ, являющійся крупнымъ поворотнымъ пунктомъ въ нашей исторіи, человѣчество было уже разбито на явственно различающіяся между собою группы, и возникшіе тогда языки получили совершенно различные корни, сообразно со свойственными каждой расѣ духомъ и наклонностью къ образованію словъ и къ построенію и ритму фразы [3].

Нарѣчія арійскія, семитскія, урало-алтайскія, берберійскія, языкъ банту—совершенно между собою несравнимы: это—нарѣчія племенъ, которыя въ ту эпоху, когда возникалъ ихъ языкъ, находились въ совершенно различныхъ условіяхъ и представляли изъ себя по существу удоборазличимые виды или расы человѣчества. Если начинать съ этого періода въ исторіи человѣчества, то слѣдуетъ считать происхожденіе человѣка полигенетическимъ. Народности, разсѣянныя, къ тому же, по всей землѣ, не могли имѣть никакого представленія объ общности своего происхожденія. Сколько группъ, различающихся по

---

1) J. Kollman, «Globus», № 21, 5 juin 1902; Frobenius, «Geographische Kulturkunde», p. 22.—2) Ernst Haeckel. «Anthropogenie». 5 Aufl., Bd. II, p. 584.—3) Renan. «Histoire du peuple d'Israël», I, p. 2. Haeckel. «Anthropogenie», Bd. II, p. 679.

своему языку, столько же, можно сказать, было и отдѣльныхъ человѣ-

№ 1. Карта распространенія карликовыхъ племенъ.

По Шлихтеру, Деникеру и др.

МАСШТАБЪ ВЪ ЦЕНТРѢ: 1: 100 000 000.

Карликовыя племена Азіи.

1. Негритосы аэта о. Люсона.
2. Негритосы о. Минданао.
3. Племя сакай полуострова Малакки.
4. Племена муангъ, шойя и др.
5. Племя семангъ.
6. Андаманцы.

Карликовыя племена Африки.

7. Племена акка, тикки-тикки (по Швейнфурту).
8. Племя уамбутти и др. (по Стэнли, Грогану и Шарпу).
9. Племена ба-туа, уа-туа, ба-топо и др. (по Стэнли).
10. Племена ашонго, ба-бонго, ба-булу и др. (по Дю-Шаллью и Маршу).
11. Племена акоа, ба-бонко, адума (по Фалькенштейну и др.).
12. Племена ба-яга, ба-бинга и др. (по Крампелю, Крозелю и Герру).
13. Племя ба-яэли (по Кунду).

Спорныя карликовыя племена.

14. Племена догбо, аренга и др.
15. Племя моссаро и др.
16. Племя санъ (бушмены).
17. Племя кимо на Мадагаскарѣ (по Флакуру).
18. Племя лембанъ на Пе сидскомъ заливѣ (по Вармунду и Дьёлафуа.)
19. Безымянное племя въ Марокко (по Галибёртону).
20. Ископаемые остатки карликоваго племени на о. Сардиніи.
21. Ископаемые остатки карликоваго племени Ментоны и Швейцерсбильда.
22. Ископаемые остатки карликоваго племени Ментоны и Швейцерсбильда.

ческихъ міровъ, чуждыхъ другъ другу [1]). Вотъ въ чемъ, слѣдовательно,

1) Faidherbe; Hovelacque. «Linguistique».

заключается твердо установленная исходная точка для исторіи человѣчества: въ различныхъ областяхъ земного шара полигенетически возникли не имѣющіе между собою ничего общаго роды рѣчи, соотвѣтственно съ разными направленіями чувства и мысли отдѣльныхъ народовъ.

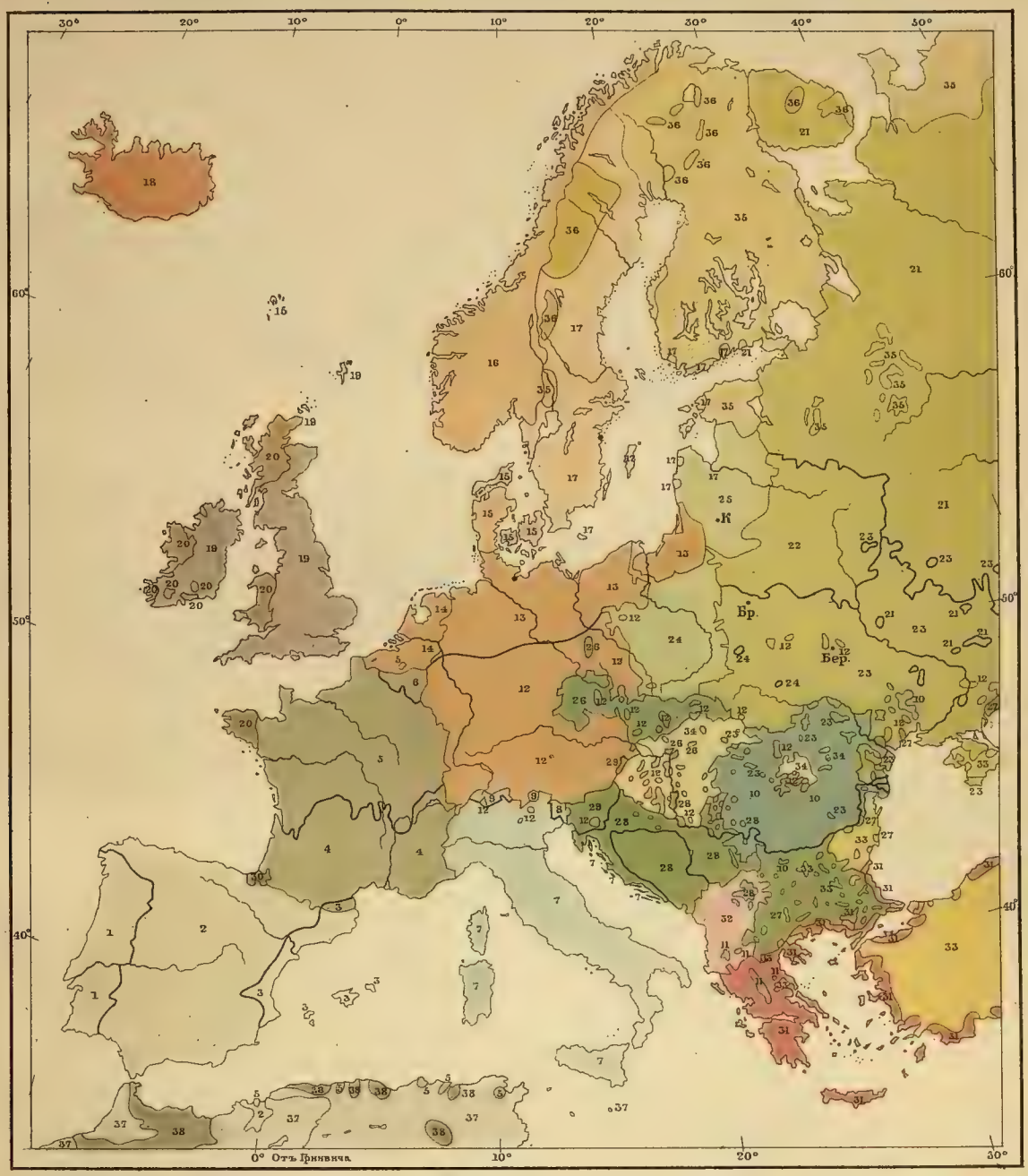
Сколько такихъ языковъ появилось, и какой періодъ времени требовался для пріобрѣтенія предками современнаго человѣка способности рѣчи, являющейся первымъ условіемъ для того, чтобы мы могли признать человѣка за такового,—этого мы не знаемъ! Несомнѣнно, многіе изъ первоначальныхъ языковъ впослѣдствіи, въ борьбѣ за существованіе, исчезли; что же касается до сохранившихся, то полный списокъ ихъ еще никѣмъ не составленъ,—до сихъ поръ были классифицированы и расположены въ извѣстномъ порядкѣ лишь нарѣчія главнѣйшихъ народностей. Остается еще изучить и установить съ точностью мѣсто, занимаемое цѣлымъ рядомъ нарѣчій, употребляемыхъ различными народностями земного шара. Можно, впрочемъ, уже и теперь попытаться составить предварительную карту распространенія языковъ и нарѣчій; такая карта, констатируя современное многоязычіе, свидѣтельствуетъ въ то же время о крупныхъ завоеваніяхъ, сдѣланныхъ нѣкоторыми языками, получающими все большее и большее преобладаніе.

До наступленія тѣхъ временъ, когда происходило пріобрѣтеніе рѣчи,—это духовное рожденіе человѣка, позволившее ему затѣмъ столь поразительно быстро прогрессировать,—человѣкъ былъ существомъ, не отличимымъ отъ животнаго: онъ могъ объясняться съ себѣ подобными лишь при помощи жестовъ, лая и визга, сходныхъ съ производимыми нашими собаками и кошками, этими наиболѣе намъ близкими существами, которыя, положительно, могутъ считаться кандидатами на званіе человѣка [1]). Весь этотъ древній періодъ, который можно назвать «періодомъ безсловесности человѣка», слѣдуетъ разсматривать какъ время, когда наши предки въ дѣйствительности еще не были людьми: они превратились въ этотъ новый видъ живыхъ существъ лишь съ того момента, какъ у нихъ выработалась способность говорить [2]).

Животныя формы, связывающія насъ съ другими млекопитающими и съ пресмыкающимися, относятся ко времени, когда человѣка еще не было на землѣ. Къ этому періоду пренадлежитъ обезьяна Pliopithecus antiquus, обломокъ челюсти которой былъ найденъ у Сансана въ долинѣ Жэръ; Pliopithecus кажется существомъ наиболѣе близкимъ къ человѣку изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ. Отсюда, быть можетъ, и то

1) Condorcet. «Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'ésprit humain».—2) H. Drummond. «Ascent of man».

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ НАРОДНОСТЕЙ ПО ЯЗЫКУ



ЛАТИНСКІЕ НАРОДЫ

Португальскій языкъ и нарѣчіе галлего	1
Испанскій „	2
Каталонскій „	3
Лангедокскій „	4
Французскій „	5
Валлонскій	6
Итальянскій „	7
Фріульское нарѣчіе	8
Ретто-романскій (лавинскій) яз.	9
Румынскій „	10
Куцо-валахскій „	11

ГЕРМАНСКІЕ НАРОДЫ

Нѣмецкій языкъ	12
Нижне-германскій „	13
Голландскій и фламандскій „	14
Датскій „	15
Норвежскій „	16
Шведскій „	17
Исландскій „	18

АНГЛИЧАНЕ КЕЛЬТЫ

	19
Бретонскій галльскій гаэльскій, эрійскій яз.	20

СЛАВЯНСКІЕ НАРОДЫ

Великорусскій языкъ	21
Бѣлорусскій „	22
Малорусскій „	23
Польскій „	24
Литовскій „	25
Чешскій, моравскій, вендскій (лужицкій) „	26
Болгарскій „	27
Сербскій „	28
Словинскій, словацкій, хорватскій „	29

БАСКИ

	30

ПЕЛАЗГИ

Греческій языкъ	31
Албанскій „	32

УРАЛО-АЛТАЙЦЫ

Турецкій языкъ	33
Венгерскій (мадьярскій)	34
Финскій, эстонскій, и ливонскій языкъ	35
Лопарскій, самоѣдскій „	36

АРАБЫ

	37

БЕРБЕРІЙСК. ПЛЕМЕНА

	38

ЕВРЕИ. *Черными точками (•) отмѣчены три главные города (К.-Ковно, Бр.-Брестъ-Литовскъ, Бер.-Бердичевъ) съ преобладаніемъ еврейскаго населенія.*

МАСШТАБЪ 1: 25.000.000

0 250 500 1000 Километ.

инстинктивное отвращеніе, которое мы питаемъ къ обезьянамъ: мы узнаемъ въ нихъ самихъ себя! Еще въ древности Энній сказалъ:

Simia quam similis turpissima bestia nobis [1].

Возможно, что ископаемый питекантропъ [2]), открытый врачемъ Е. Дюбуа въ 1894 г. въ древнемъ вулканическомъ пеплѣ четвертичнаго періода на о. Явѣ у Триниля, гдѣ его остатки находились вмѣстѣ съ остатками ископаемыхъ животныхъ, принадлежащихъ отчасти къ уже исчезнувшимъ видамъ, являлся искомой промежуточной формой—«недо-

Неандертальскій черепъ палеолитической эпохи.

Черепная крышка положена на подставки такимъ образомъ, чтобы придать ей то положеніе, которое она занимала въ черепѣ нормально.

стающимъ звеномъ цѣпи», соединяющей человѣка съ его предками—животными. По своему тѣлосложенію и росту (1,657 мет.), сходному со среднимъ ростомъ человѣка, по своему черепу, ёмкость котораго (900—1000 куб. сант.) болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза превосходитъ наибольшій объемъ, встрѣчаемый у самыхъ крупныхъ человѣкообразныхъ обезьянъ, питекантропъ, повидимому, принадлежитъ къ числу нашихъ предковъ и

1) Обезьяна—отвратительнѣйшее животное, такъ какъ похожа на насъ.—2) Eug. Dubois. «Pithecanthropus erectus. Eine menschenähnliche Uebergangsform aus Java». Batavia. 1894; Manouvrier, «Revue Scientifique», 30 nov. 1895; 7 mars 1896.

сближаетъ насъ съ гиббонами, т.-е. съ той именно группой обезьянъ, которая, по своему строенію, и происходитъ отъ однихъ съ нами предковъ [1]).

По мнѣнію Манувріе, очень вѣроятно, что этотъ обезьянообразный человѣкъ или человѣкообразная обезьяна—Homo javanensis—не обладалъ еще членораздѣльной рѣчью, являющейся, какъ мы говорили, самымъ цѣннымъ свойствомъ человѣка.

Узость лобной части, которая продолжается на черепѣ питекантропа очень далеко, позволяетъ заключить, что такъ называемая «кривая Брока» не была развита у этой формы сильнѣе, чѣмъ у человѣкообразныхъ обезьянъ [2]).

Въ окрестностяхъ Бахіи, въ Бразиліи, былъ открытъ среди скопленія раковинъ черепъ человѣка съ чрезвычайно первобытными чертами строенія; этотъ черепъ пытались сблизить съ остатками питекантропа [3]), однако, геологическій возрастъ его не былъ достаточно точно установленъ.

Всѣ эти находки доказываютъ, повидимому, что человѣкъ въ своей современной формѣ зародился въ странахъ, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ, гдѣ солнце льетъ на землю свои самые горячіе лучи, и гдѣ дожди выпадаютъ чрезвычайно обильно; многіе виды негритосовъ развились въ экваторіальной зонѣ, которая является въ то же время и родиной крупныхъ человѣкообразныхъ обезьянъ, родственныхъ человѣку.

Для зарожденія человѣческаго рода необходима была тропическая природа со всей ея могущественной воспроизводительной силой (Геккель, Джонстонъ). И если почти во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ развѣ обширныхъ равнинъ, у людей существуютъ преданія, что первые родоначальники ихъ спустились съ высокихъ горъ, ограничивающихъ горизонтъ, то эти легенды не что иное, какъ продуктъ оптическаго обмана! Могучія вершины горъ, поднимающіяся въ заоблачную высь, кажутся обителью боговъ, и не естественно ли, что здѣсь, у подножія трона божества, человѣкъ видитъ родину своихъ первыхъ родоначальниковъ?

«Человѣкъ—это падшее божество, которое не можетъ забыть небесъ»,

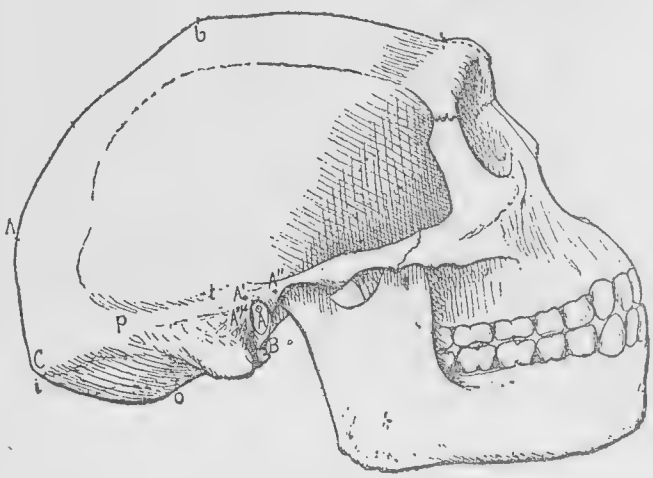
говоритъ Ламартинъ. Его едва ли, впрочемъ, можно назвать «падшимъ»: человѣкъ поднимается выше и выше, его воспоминанія, однако, дѣйствительно, простираются въ безконечность! Возникнувъ изъ безчисленнаго ряда поколѣній людей и человѣкообразныхъ существъ, животныхъ, растеній и простѣйшихъ организмовъ, человѣкъ уже въ строеніи своего тѣла воспроизводитъ все, что его предки пережили въ теченіе тысячелѣтій.

---

1) Ernst Haeckel. «The last link», p. 22—28. — 2) Société d'anthropologie, séance du 17 nov. 1895.—3) A. Nehring, «Naturwissenschaftliche Wochenschrift», 17 nov. 1895.

Въ самомъ себѣ онъ представляетъ итогъ всего предсуществовавшаго и въ своемъ зародышевомъ развитіи повторяетъ болѣе простыя формы организаціи, наблюдавшіяся у его предковъ. Вотъ почему не только у дикихъ племенъ слѣдуетъ искать чертъ первобытнаго человѣка: и у его болѣе отдаленныхъ предковъ—у животныхъ—мерцаютъ первые проблески разума и чувства!

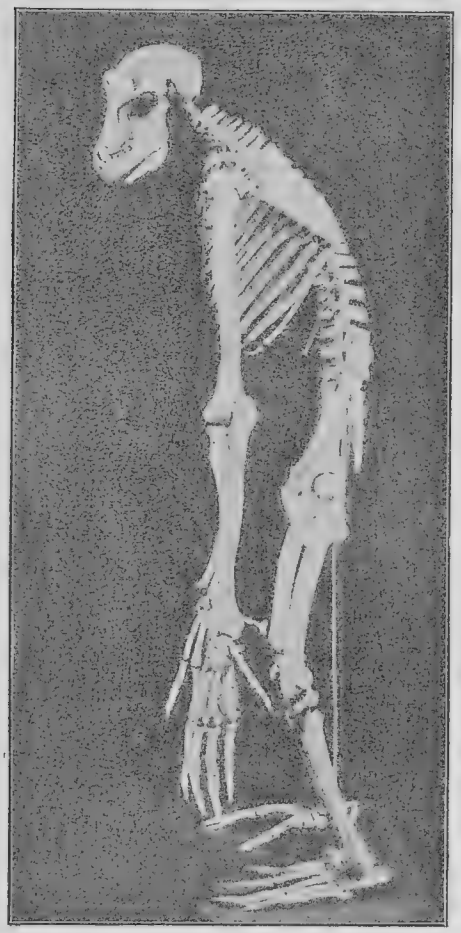
Общества животныхъ, дѣйствительно, показываютъ намъ иногда въ зачаточномъ состояніи, иногда же въ довольно совершенномъ видѣ; самыя различныя черты человѣческой общественной жизни. Мы можемъ у нихъ найти всѣ образцы, по которымъ сложилась послѣдняя. Въ безконечно разнообразныхъ обществахъ животныхъ мы встрѣчаемъ ту же игру страстей и интересовъ, которая стимулируетъ и непрестанно измѣняетъ нашу жизнь, опредѣляя прогрессивное или регрессивное развитіе цивилизаціи. Проявленія жизни животныхъ, однако, болѣе просты, наивны, лишены обманчиваго покрова фразъ, писаній, легендъ и комментаріевъ, которые искажаютъ нашу исторію,—потому они общепонятны, и наблюдатель легко можетъ познакомиться съ интимной жизнью всѣхъ этихъ окружающихъ насъ маленькихъ міровъ — на птичьемъ дворѣ, въ сосѣднемъ лѣсу, въ водѣ и въ воздушномъ океанѣ.



Возстановленный черепъ питекантропа, по Мануврie (1895).

«Въ тѣ времена, когда животныя говорили», люди ихъ понимали. Между существами двуногими и четвероногими не было секретовъ. Это взаимное пониманіе было такъ велико, что простой народъ, превосходящій ученыхъ правильнымъ, хотя и безсознательнымъ пониманіемъ природы, продолжалъ долгое время, да и теперь еще нерѣдко продолжаетъ надѣлять животныхъ даромъ рѣчи; они разговариваютъ въ его легендахъ и волшебныхъ сказкахъ, которыя составляютъ столь важную отрасль литературы, можно сказать, даже самую важную, такъ какъ эта отрасль сложилась сама собою и явилась неизвѣстно откуда.

Человѣкъ очень любитъ воображать себя «вѣнцомъ творенья», и его религіи даже исходятъ изъ этого основного положенія. Это и понятно: существо, въ очахъ котораго сходятся всѣ лучи міра, въ мозгу котораго всѣ самыя необычайныя представленія получаютъ реальность, должно волей-неволей считать себя находящимся въ центрѣ міра и превыше всего. Лишь послѣ долгой умственной работы, въ результатѣ непрестаннаго наблюденія надъ жизнью начинаетъ онъ познавать истинное значеніе живыхъ существъ и ихъ настоящее мѣсто въ природѣ, — лишь тогда убѣждается онъ и въ равноцѣнности всѣхъ формъ, развивающихся на протяженіи тысячелѣтій, въ общей эволюціи живыхъ существъ.



Скелетъ шимпанзе.

Для сравненія со скелетомъ человѣка.
(См. стр. 17).

Человѣкъ не можетъ претендовать на первенство даже и въ томъ смыслѣ, что онъ является наиболѣе молодымъ, самымъ послѣднимъ твореніемъ, созданнымъ силами природы.

Уже и въ ближайшія къ намъ эпохи множество видовъ живыхъ существъ возникло подъ вліяніемъ физическихъ и физико-химическихъ силъ вѣчно измѣнчивой окружающей среды. Извѣстно, напр., по изслѣдованіямъ Кентона (Quinton), что все пернатое населеніе земного шара возникло въ періодъ болѣе поздній, чѣмъ происхожденіе человѣка. Наконецъ, между видами, принадлежащими къ нѣкоторымъ древнимъ семействамъ, многіе избрали путь эволюціи, отличный отъ того, какимъ шелъ человѣкъ, и, тѣмъ не менѣе, обладаютъ теперь общественной жизнью, которая едва-ли ниже хаоса, полнаго постоянной борьбы, окружающаго человѣчество. Муравьи, пчелы, бобры, степныя собаки, образующія счастливѣйшія республики, журавли, собирающіеся при отлетѣ въ геометрически правильныя вереницы,—всѣ эти существа

обладаютъ также своей собственной цивилизаціей, которая, быть можетъ, даже лучше нашей!

Еслибъ человѣкъ слѣдовалъ исключительно примѣру своихъ четвероногихъ друзей, если бы онъ въ борьбѣ за существованіе не пользовался ихъ помощью и, съ другой стороны, не ухитрялся бы избѣгать нападенія опасныхъ для него животныхъ или не одержалъ бы надъ ними побѣды, — онъ остался бы въ дикомъ состояніи и былъ бы лишь двуногимъ животнымъ между четвероногими. Безъ сомнѣнія, для него не былъ бы возможенъ никакой дальнѣйшій прогрессъ, и, быть можетъ, онъ даже погибъ бы совершенно. Впрочемъ, мы имѣемъ не мало такихъ мѣстностей, гдѣ человѣкъ, дѣйствительно, не смогъ устоять противъ своихъ четвероногихъ соперниковъ въ борьбѣ за существованіе.

Скелетъ человѣка.
Для сравненія со скелетомъ шимпанзе.
(См. стр. 16).

Таковы, напримѣръ, мѣстности въ окрестностяхъ Сингапура, которыя остались пустынными, вслѣдствіе непріятныхъ визитовъ королевскаго тигра. Точно также въ различныхъ частяхъ Африки слоны, прокладывая себѣ дорогу черезъ лѣсъ, нерѣдко разсѣивали пугливыхъ туземцевъ, уступавшихъ имъ мѣстность; правда, въ настоящее время скорѣе слонамъ угрожаетъ опасность истребленія со стороны бѣлыхъ охотниковъ за слоновою костью! Въ Коста-Рикѣ и Гватемалѣ, на побережьѣ Тихаго океана, человѣкъ принужденъ былъ покинуть мѣстности, въ которыхъ водятся летучія мыши—вампиры: обитатели этихъ мѣстностей не могли защитить отъ нихъ свой скотъ, и сами подвергались постоян-

ной опасности укуса со стороны этихъ кровососовъ, проникающихъ ночью въ хижину при первой возможности. Наконецъ, часто чрезвычайно малыя существа, не говоря уже о микробахъ, являются противниками столь опасными, что человѣкъ не можетъ съ ними справиться и уступаетъ.

Въ мѣстностяхъ, населенныхъ тучами комаровъ, не дающихъ покоя ничему живому и заражающихъ человѣка маляріей, не было возможности существовать, пока не открыли роль этихъ насѣкомыхъ въ распространеніи болѣзни и пока не научились бороться съ размноженіемъ ихъ, когда они пребываютъ еще въ стадіи личинки. На берегахъ озера Поншартрэнъ и большой Лупзіанской лагуны, также какъ и на травянистыхъ островкахъ Баръ-эль-Газаля абсолютно невозможно существовать иначе, какъ покрывая свое тѣло глиною, охрой или пепломъ.

Такихъ мѣстностей человѣкъ, конечно, принужденъ былъ избѣгать; однако, на большей части земной поверхности онъ былъ въ состояніи вести борьбу, приспособляться къ окружающему, и, либо въ союзѣ со своими четвероногими друзьями, либо однѣми собственными силами, ему удалось отвоевать себѣ видное мѣсто въ природѣ и пріобрѣсти широкую власть надъ одними животными и несомнѣнное преимущество надъ другими,—даже и незримые микробы должны были въ концѣ концовъ ему подчиниться.

Казалось бы, что въ нашихъ сужденіяхъ о тѣхъ отдаленныхъ и темныхъ временахъ, о которыхъ не сохранилось никакихъ преданій, никакихъ записей, руководящая нить должна бы отсутствовать. Однако, даже и въ эти темныя времена представители чередовавшихся поколѣній человѣческаго рода оставили слѣды своей дѣятельности и своего существованія; эти слѣды столь многочисленны, что могла возникнуть даже особая наука о до-историческомъ человѣкѣ.

Дѣйствительно, несмотря на то, что отъ народовъ, жившихъ до появленія письменности, не сохранились лѣтописи въ собственномъ смыслѣ этого слова, и мы даже не знаемъ именъ этихъ народовъ и не знакомы съ языкомъ, на которомъ они выражали свои мысли,—мы находимъ тѣмъ не менѣе въ слояхъ земли безчисленное множество документовъ, удостовѣряющихъ ихъ существованіе: кости людей и домашнихъ животныхъ, домашняя утварь, оружіе, амулеты, драгоцѣнности, различные обработанные камни являются такими свидѣтелями, и научное изученіе всѣхъ этихъ предметовъ открыло передъ нами самую широкую картину жизни и цивилизаціи нашихъ до-историческихъ предковъ. Возможно, что въ будущемъ мы будемъ въ состояніи даже опредѣлить въ общихъ чертахъ хронологическую послѣдовательность въ развитіи этихъ первобытныхъ народовъ,—такія попытки и дѣлались неоднократно. Архео-

логи могутъ набросать передъ нами картину цѣлаго ряда вѣковъ до-исторической жизни, во всякомъ случаѣ, съ гораздо бо́льшей полнотой и послѣдовательностью, чѣмъ многіе историки, которые подъ грудою мелкихъ историческихъ событій, занесенныхъ въ письменные памятники, утрачиваютъ способность улавливать движеніе господствующихъ основныхъ идей.

До-историческая археологія, которая связываетъ жизнь современнаго человѣка съ жизнью его отдаленныхъ предковъ и позволяетъ

№ 2. Карта мѣстонахожденій ископаемыхъ остатковъ человѣка.

1. Триниль, гдѣ Е. Дюбуа найденъ обломокъ черепа и бедро питекантропа.
2. Чиказау, гдѣ найденъ черепъ, древность котораго сомнительна. Иллинойсъ, гдѣ найдены 2 лобныя кости.
3. Калаверасъ (черепъ сомнительный). Кэрсонъ-Сити (то-же).
4. Лагона-Санта (то-же).
5. Понтимело (то-же).
6. Ультима-Сперанца (то-же).

(Ср. на стр. 21 карту находокъ ископаемыхъ остатковъ человѣка въ Европѣ).

намъ знакомиться съ ходомъ эволюціи во времени, — наука очень недавняго происхожденія: оффиціально ея возникновеніе относится лишь ко второй половинѣ XIX вѣка, когда Лэйелль въ своемъ сообщеніи на британскомъ научномъ конгрессѣ установилъ полную несомнѣнность существованія человѣка и его техники въ четвертичный періодъ, т.-е. въ ту эпоху, когда суша и море были распредѣлены иначе, чѣмъ въ наше время, и когда господствовалъ иной климатъ. Однако, еще значительно ранѣе того, какъ эта истина проникла за врата академій и научныхъ конгрессовъ, многіе отдѣльные изслѣдователи и независимые

мыслители признавали уже вполнѣ сознательно существованіе остатковъ каменнаго вѣка и совершенно правильно истолковывали ихъ значеніе.

Еще въ первой половинѣ XVI столѣтія римскій ученый Меркати установилъ правильный взглядъ на оружіе и инструменты, которые всѣ считали просто «громовыми стрѣлами»; точно также два вѣка спустя А. Жюссье опубликовалъ о томъ же предметѣ мемуаръ, въ которомъ выска-

№ 3. Палеолитическіе остатки человѣка въ западной Европѣ.

Въ скобкахъ указаны найденныя части скелета, причемъ A означаетъ остатки точно опредѣленной древности, B—остатки спорной древности, C—остатки сомнительной древности, D—ископаемые остатки современной намъ эпохи, E—данныя о древности отсутствуютъ.

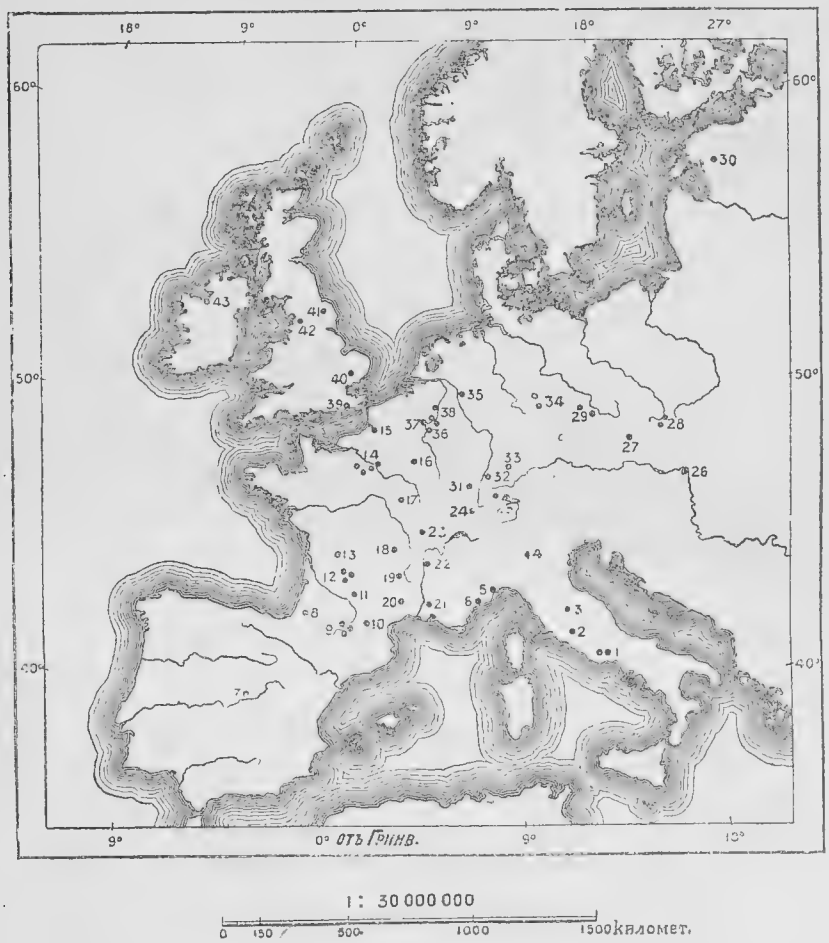
1. Арпико въ Италіи (2 скелета E).
   Островъ дель-Лири (черепъ E).
2. Орвьето (обломокъ черепа C).
3. Л'Ольмо (черепъ C).
4. Кастенедоло (многочисленные скелеты C).
5. Савона (скелетъ C).
6. Барма-Гранде (многочисл. скелеты E).
7. Пералесъ въ Испаніи (черепъ E).
8. Сордъ во Франціи (2 скелета E).
9. Ориньякъ (17 скелетовъ B).
   Обэръ (лобная кость E).
   Малярно (челюсть A).
   Ма-д'Азиль (E).
10. Саллель-Кабардэ (челюстная кость A).
11. Брюникль (E).
12. Шанселадъ (скелетъ B).
    Ложери-Бассъ (скелетъ B).
    Ля-Маделэнъ (скелетъ B)
    Кро-Маньонъ (скелетъ B).
13. Плакаръ (черепъ B).
14. Марсилли-сюръ-Эръ (часть черепа A).
    Брэшамъ (черепъ A).
    Гренелль (скелетъ B).
    Клиши (скелетъ B).
15. Муленъ-Киньонъ (челюсть D).
16. Шалонъ-сюръ-Марнъ (различн. кости C).
17. Арси-сюръ-Кюръ (челюсть E).
18. Гравноаръ (E).
19. Ла-Денизъ (многочисл. кости E).
20. Мейрюсъ (черепъ C).
21. Ле-Бо-де-л'Арбюзье (E).
22. Бозамбланъ (черепъ E).
23. Солютрэ (многочисл. кости D).
24. Делемонъ въ Швейцаріи (скелетъ D).
25. Тэнжанъ (E).
26. Наги-Сапъ въ Австріи (черепъ и обломки черепа C).
27. Брюннъ (черепъ и кости скелета B).
28. Предмостъ 10 скелетовъ B).
    Стипка (челюсть E).
29. Подбаха (черепъ B).
    Брюксъ (черепъ E).
30. Войсекъ въ Лифляндіи (E).
31. Эгискеймъ въ Эльзасѣ (A).
32. Ларъ въ Германіи (кости B).
33. Канштадтъ (обломокъ черепа C).
34. Гайленрейтъ (кости C).
    Таубахъ (коренной зубъ E).
35. Неандерталь (скелетъ A).
36. Ла-Нолеттъ въ Бельгіи (челюсть A).
    Фурфоозъ (черепъ B).
37. Спи (2 скелета A).
38. Анжи (обломки костей B).
    Анжуль (B).
    Смеермассъ (челюсть B).
39. Гэллей-Хилль въ Англіи (E).
40. Тильбёри (скелетъ A).
    Бёри-Сентъ-Эдмёндсъ (черепъ A).
41. Киркуэль (C).
42. Ситтль (C).
43. Гэмильтонъ въ Ирландіи (части черепа E).

зывались взгляды, опережавшіе науку лѣтъ на 150 [1]). У Бюффона мы тоже находимъ кое-какія указанія, свидѣтельствующія о его предчувствіяхъ въ этомъ направленіи.

1) Hamy. «Précis de paleontologie humaine».—Fr. Lenormand. «Les premières civilisations».

Позднѣе, въ то время какъ Кювье и его послѣдователи упорно боролись со всѣми сторонниками новизны, не желавшими признавать незыблемыхъ догматовъ науки, количество наблюдателей, которые на основаніи изученія ископаемыхъ остатковъ пришли къ убѣжденію въ существованіи человѣка и его технической дѣятельности въ четвертичный

№ 3. Палеолитическіе остатки человѣка въ западной Европѣ.



періодъ, становилось все болѣе и болѣе значительнымъ. Результаты наблюденій Эмара, Амп-Буэ, Турналя, Шмерлинга, Кристоля, Марсель-де-Сэрра и Бушэ-де-Перта одержали, наконецъ, верхъ надъ обскурантизмомъ школы Кювье,—убѣжденія этого великаго ученаго, хотя и оставили блестящее наслѣдство въ области человѣческой мысли, могутъ все же, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить примѣромъ тому, какъ всякая, даже и про-

грессивная идея, сдѣлавшись догмой, превращается постепенно въ препятствіе для дальнѣйшаго прогресса.

Въ настоящее время нѣтъ болѣе историковъ, которые оспаривали бы древность человѣческаго рода и представляли бы себѣ, что человѣкъ появился внезапно, созданный изъ глины или изъ морской пѣны, пять или шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ. Непрерывное и постепенное развитіе человѣческой расы съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней—является фактомъ капитальной важности, признаннымъ въ настоящее время, положительно, всѣми. Для того, однако, чтобы человѣчество могло достичь тѣхъ колоссальныхъ успѣховъ, которые мы наблюдаемъ въ теченіе до-исторической жизни, долженъ былъ пройти, безъ сомнѣнія, длиннѣйшій рядъ вѣковъ.

Дѣйствительно, до того времени, когда человѣкъ научился выражать свои мысли словами, онъ пережилъ продолжительный періодъ въ качествѣ безсловеснаго существа, затѣмъ имъ былъ пережитъ періодъ, когда ему не былъ знакомъ огонь,—легко понять, сколько усилій и борьбы требовалось человѣку для того, чтобы перейти изъ состоянія не одареннаго рѣчью животнаго на стадію болѣе совершеннаго существа, способнаго выражать свои мысли словами и поддерживать священное пламя на очагѣ своей хижины!

Время, въ теченіе котораго чередовались эти крупныя событія эволюціи человѣчества, можетъ быть, сообразно съ ними, раздѣлено на періоды, разграничивающіеся между собою даже гораздо рѣзче, чѣмъ обычные періоды нашей исторіи—древній, средній и новый.

Съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда наши предки пріобрѣли способность рѣчи и затѣмъ, много вѣковъ спустя, научились обращаться съ огнемъ, человѣкъ, подъ вліяніемъ измѣненій среды, самъ постепенно измѣнялся и, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе удалялся отъ животныхъ, съ которыми связанъ своимъ происхожденіемъ.

Благодаря слѣдамъ дѣятельности человѣка, сохранившимся въ пещерахъ и по берегамъ рѣкъ и озеръ, благодаря различнымъ остаткамъ, его техники, относящимся къ тѣмъ вѣкамъ, которые предшествуютъ историческимъ временамъ, археологи имѣли возможность установить присутствіе первобытнаго человѣка въ различныхъ частяхъ свѣта и выяснить постепенный ходъ цивилизаціи. Они пытались даже описывать различныя доисторическія народности, классифицировать ихъ по ихъ родству и ихъ особенностямъ, наносить на карту пути ихъ переселеній и завоеваній, наконецъ—опредѣлять ихъ преемственность и вносить систему въ этотъ хаосъ перемѣшанныхъ между собою народностей.

Результатомъ всѣхъ этихъ продолжительныхъ и упорныхъ изслѣдованій явился прежде всего тотъ выводъ, что, въ теченіе эволюціи, услож-

няемой нерѣдкими частичными задержками, люди постепенно совершенствуются все болѣе и болѣе въ умѣньи и искусствѣ дополнять и увеличивать свои индивидуальныя силы при помощи неодушевленныхъ предметовъ внѣшней среды—камней, дерева, костей и роговъ животныхъ. Въ самыя первыя времена человѣкообразное существо, являющееся нашимъ предкомъ, довольствовалось, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что собирало опавшія вѣтви деревьевъ и камни, точно такъ же, какъ это дѣлаютъ его собратья обезьяны,—подобно имъ же онъ употреблялъ эти предметы для своей защиты и въ качествѣ инструментовъ.

Затѣмъ слѣдовалъ періодъ, называемый «эолитическимъ», когда камень употреблялся просто, безъ отдѣлки; періодъ этотъ начался, вѣроятно, съ наступленія ланденьенскаго періода, въ серединѣ эоценовой эпохи (Цельсъ). Новаторы того времени, быть можетъ, считавшіеся еретиками въ тогдашнемъ человѣчествѣ, научились выбирать камни неправильной формы и пользоваться ими: они приготовляли изъ нихъ палицы, ножи, пилы, наконечники стрѣлъ, скребки, струги и другіе инструменты, ограничиваясь тѣмъ, что дѣлали ихъ острѣе треніемъ о другіе камни. Быть можетъ, они пользовались даже своими зубами при обработкѣ кремня,—если не ошибся Кастанеда въ своемъ описаніи индѣйскихъ охотниковъ XVI вѣка.

Такое примѣненіе первобытныхъ орудій, кое-гдѣ продолжающееся въ тѣхъ же древнихъ формахъ еще и до настоящаго времени, было истиннымъ началомъ человѣческой техники. Эти каменныя орудія, сдѣланныя преимущественно изъ кремня, археологи находятъ теперь тамъ, гдѣ ихъ оставили наши предки,—они сохранились между другими остатками, тогда какъ деревянныя части ихъ, конечно, превратились въ прахъ. Благодаря такимъ находкамъ, передъ нашимъ воображеніемъ развертывается, напримѣръ, въ долинахъ Франціи, Бельгіи и Англіи, картина настоящаго каменнаго вѣка, въ теченіе котораго человѣкъ жилъ въ сосѣдствѣ съ ископаемымъ слономъ (Elephas antiquus) и носорогомъ (Rhinoceros merckii) [1]).

Затѣмъ дальнѣйшіе перевороты и постепенныя измѣненія привели къ тому, что съ теченіемъ вѣковъ человѣкъ научился обрабатывать камень и придавать ему путемъ оббивки такія формы, которыя дѣлали изъ него инструментъ для работы или оружіе для борьбы. Еще позднѣе наступила эпоха, когда человѣкъ сдѣлался уже художникомъ, старающимся придать вырабатываемымъ предметамъ домашняго обихода и своему оружію красивыя формы,—это было время, предшествовавшее періоду обработки металловъ. Эти двѣ стадіи въ жизни человѣчества—стадія, когда примѣнялся оббитый камень, и стадія полированнаго камня—

1) Rutot. «Sur l'homme préquaternaire», p. 19.

носятъ обыкновенно названіе періодовъ «палеолитическаго» и «неолитическаго».

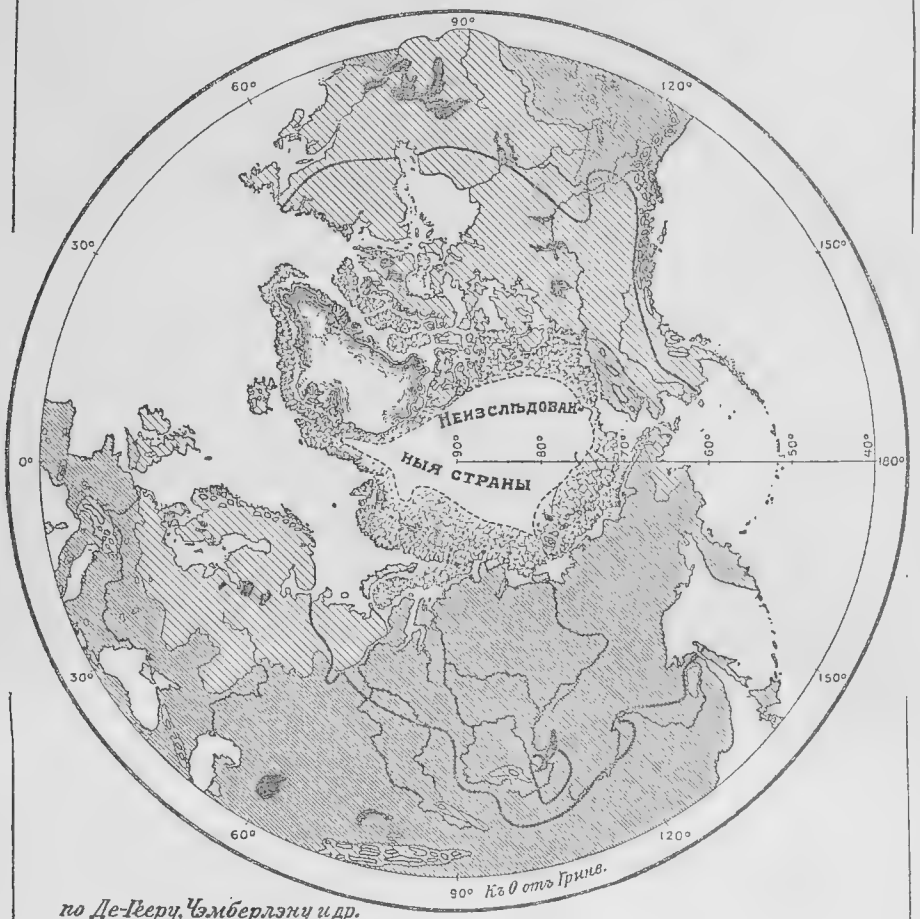
Каковы были промежуточныя стадіи между этими чередующимися періодами въ исторіи человѣчества,—на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить лишь различными гипотезами. Въ теченіе до-исторической эпохи, продолжительность которой неизвѣстна,—она составляла десятки тысячъ, быть можетъ, милліоны лѣтъ,—измѣненія внѣшней среды были не рѣдко столь значительны, что являлись настоящими переворотами, иногда внезапными и ужасными, иногда постепенными, длившимися въ теченіе долгаго періода и имѣвшими въ такомъ случаѣ еще болѣе серьезное значеніе. Въ результатѣ, населеніе земли претерпѣвало въ своей исторіи превратности, соотвѣтствующія измѣненіямъ внѣшней среды: то ему приходилось избирать новыя мѣстности для обитанія, то измѣнять образъ жизни, оставаясь на томъ же мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ раса, исчезнувшая почти совершенно, получала возможность снова распространиться и отвоевать себѣ обратно то, что было добыто трудами предковъ,—различныя расы какъ бы ставились послѣдовательно на пробу своей жизнеспособности.

Такія явленія природы, какъ изверженія вулкановъ, землетрясенія и провалы частей земной поверхности, наводненія, образуемыя рѣками, и затопленіе земли моремъ,—измѣняли нерѣдко внѣшнія формы земного рельефа, уничтожая отчасти, или даже совершенно, цѣлые народы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ уже, напримѣръ, столь многочисленныя преданія о потопѣ, поглотившемъ всю населенную землю. Къ исторіи всемірнаго потопа, имѣющей вавилонское происхожденіе и воспроизведенной въ книгѣ Бытія, присоединяются аналогичные разсказы, сохранившіеся въ Китаѣ, въ Индіи, въ Египтѣ, въ Новомъ Свѣтѣ, по преимуществу—въ мѣстностяхъ, по природѣ низменныхъ и подверженныхъ разрушительнымъ наводненіямъ, вслѣдствіе выхожденія въ рѣкахъ воды изъ береговъ. Точно также въ мѣстностяхъ вулканическихъ существуютъ другія легенды, также оправдываемыя событіями далекаго прошлаго; въ нихъ разсказывается о каменныхъ дождяхъ, объ обрушивающихся горахъ, о внезапномъ появленіи и исчезновеніи озеръ, о провалѣ городовъ.

Чередованіе ледниковыхъ періодовъ или, правильнѣе, перемѣщенія къ югу и къ сѣверу границы льдовъ, которое влекло за собою погребеніе обширныхъ областей земного шара подъ массою снѣга, льдовъ и обломковъ камней, происходило также уже въ тѣ времена, когда человѣкъ вышелъ изъ состоянія животнаго. На самомъ дѣлѣ, въ исторіи земли наблюдается лишь одинъ ледниковый періодъ, который, можно сказать, продолжается и до настоящаго времени въ области Гренландіи и полярнаго архипелага; сообразно съ измѣненіями климата, однако, ледяная масса то надвигалась, то отступала снова, и, такимъ образомъ, отъ времени до времени, въ теченіе той или другой эпохи, каждая мѣстность въ полосѣ,

граничащей со льдами, могла подвергаться своему особому ледниковому пе-

№ 4. Перемѣщеніе границы льдовъ.



по Де-Геру, Чэмберлэну и др.

Современные ледники. *Море, покрытое льдомъ.*
Пространство, покрытое льдомъ во время ледниковаго періода.
Пространство, въ которомъ нѣтъ слѣдовъ ледниковаго періода.
Граница вѣчно мерзлой почвы въ настоящее время.

Масштабъ по меридіану 1 : 100 000 000.

0 1000 2000 3000 4000 5000 километ.

ріоду,—могла быть захвачена льдами, затѣмъ снова отъ нихъ освободиться.

Наступаніе льдовъ и ихъ отступаніе обусловливали цѣлый переворотъ въ жизни растеній и животныхъ, которымъ приходилось также то отступать къ югу отъ надвигающихся льдовъ, то получать снова возможность разселиться по освобождающейся отъ льдовъ странѣ. Такимъ образомъ, каждое изъ этихъ колебаній границы льдовъ отмѣчаетъ также и особую стадію въ развитіи народовъ тѣхъ областей, которыя граничатъ со льдами.

Намъ неизвѣстно еще пока съ точностью, когда совершались различныя перемѣщенія полярнаго ледника, и сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, но зато граница распространенія льда отмѣчена вполнѣ точно во многихъ мѣстностяхъ концевыми моренами, образовывавшимися по его южному краю: подъ наносной почвой новѣйшаго происхожденія, подъ корнями деревьевъ въ лѣсахъ и подъ слоемъ дерна на лугахъ находятся нерѣдко камни, въ которыхъ ясно можно узнать валуны, занесенные съ далекаго сѣвера — изъ Гренландіи, со Шпицбергена и изъ Скандинавіи. Карты, составленныя многими геологами, относительно распространенія ледниковыхъ образованій въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ, удивительнѣйшимъ образомъ совпадаютъ между собой и показываютъ намъ, какъ узки были предѣлы, занятые въ теченіе ледниковаго періода человѣческимъ родомъ въ сѣверномъ полушаріи, по сравненію съ теперешними границами его разселенія. Эти предѣлы суживались еще тѣмъ, что съ большихъ горныхъ массивовъ — съ Альпъ, Пиренеевъ и Кавказскаго хребта—спускались въ тѣ времена гораздо сильнѣе развитыя ледяныя рѣки-глетчеры, чѣмъ теперь, и что даже и небольшіе горные хребты, каковы Вогезы, Севенны и Карпаты, обладали такимъ же ледянымъ покровомъ, дававшимъ потоки льда, камней и глины.

Возьмемъ для примѣра одну изъ странъ Европы, наиболѣе изученныхъ геологами и археологами, — именно ту часть Голландіи, которая находится въ нижнемъ теченіи рѣкъ Шельды и Мааса. Ученые изслѣдователи утверждаютъ, что въ этой области совпаденіе періодовъ въ развитіи человѣческой техники съ явленіями отступанія ледниковъ происходило пять разъ; пять разъ въ теченіе этого времени арктическіе ледники надвигались на сѣверъ Европы, заставляя отступать къ югу воды рѣкъ, лѣса и населеніе [1]).

Нѣтъ необходимости въ нахожденіи непремѣнно костей человѣка для того, чтобы заключить о существованіи его въ данной области въ прежнія времена: открытіе его домашней утвари, его жилищъ и другіе слѣды его жизнедѣятельности не только достаточны для того, чтобы

1) Rutot. «Etat actuel de la question de l'antiquité de l'homme». Bull. de la Soc. belge de Geol. 1903.

убѣдить насъ въ его существованіи здѣсь, но и могутъ дать гораздо болѣе ясное представленіе о немъ, чѣмъ даетъ нахожденіе даже «наилучше сохранившихся череповъ». Правда, самыя первобытныя времена, — тѣ времена, когда человѣкъ пользовался деревянными орудіями, палками,— останутся для насъ навсегда неизвѣстными, такъ какъ орудія эти распались въ прахъ, но «каменный» вѣкъ открывается передъ нами во всѣхъ подробностяхъ.

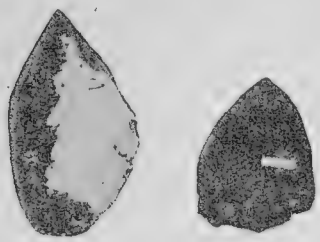
Произведенія человѣка изъ такъ называемыхъ «тенейскихъ» отложеній верхняго олигоцена, найденныя Буржуа въ долинѣ Шеръ и описанныя имъ, разсматриваются, правда, какъ не вполнѣ точно установленныя: относительно происхожденія наилучшихъ объектовъ этой коллекціи, находящейся въ сенъ-жерменскомъ музеѣ, возникаютъ сомнѣнія. Однако, другіе чрезвычайно древніе образчики техники до-историческаго человѣка, какъ, напримѣръ, кремневыя орудія Пюи-Курни, найденныя близъ Орильяка Рамомъ, не подвергаются никакому сомнѣнію и признаются за таковыя всѣми европейскими археологами, между тѣмъ эти каменныя орудія, употреблявшіяся нашими отдаленными предками, относятся къ верхнему міоцену; это въ настоящее время самые древніе свидѣтели далекаго прошлаго человѣчества [1]). Кремневыя орудія, открытыя Престичемъ на мѣловыхъ плоскогоріяхъ Кента, считаются также большинствомъ геологовъ очень древними, относящимися къ серединѣ пліоцена, т.-е. къ періоду, предшествовавшему четыремъ послѣднимъ періодамъ наступанія ледниковъ. Затѣмъ слѣдуютъ другія произведенія эолитическаго періода— каменныя орудія Сенъ-Преста, Рейтеля, Месвина [2]) и, наконецъ, классическія орудія изъ Шелль, Сентъ-Ашеля и Мустье, знаменитыя огромнымъ количествомъ находящихся среди нихъ образцовъ оружія и домашней утвари; множество такихъ каменныхъ орудій дали раскопки въ южной Европѣ отъ долины Роны до долины Днѣпра.

Южная Франція, въ области бассейновъ Гаронны и р. Одъ и на склонахъ центральныхъ возвышенностей, даетъ намъ цѣлую непрерывную серію издѣлій до-исторической техники, относящихся къ періоду наступаній и отступаній ледяного покрова: перевороты, совершавшіеся въ сѣверныхъ странахъ, обусловливали, безъ сомнѣнія, важныя измѣненія въ культурѣ южныхъ странъ, но не уничтожали ея совершенно. Здѣсь не было перерыва (hiatus) въ развитіи человѣка, по выраженію археологовъ. Въ то же время, въ различныхъ странахъ средней Европы, бывали совершенныя остановки въ развитіи, и цивилизація должна была возникать сызнова, благодаря стараніямъ колонистовъ, пришедшихъ изъ странъ, которыя не подверглись опустошенію [3]).

---

1) Rutot, Capitan, Klaatsch etc.—2) Rutot, op. cit.—3) Moriz Hoernes. «Der diluviale Mensch in Europa», pp. 7—8.

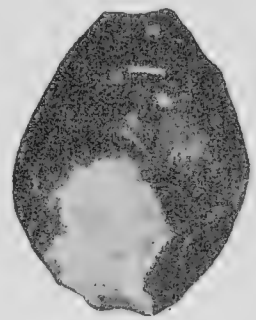
Въ различныхъ мѣстностяхъ Европы археологическія находки и внѣшній видъ тѣхъ почвенныхъ слоевъ, въ которыхъ онѣ найдены, позволяютъ намъ, такъ сказать, присутствовать при борьбѣ человѣка съ ледниками. Такъ, напримѣръ, въ серединѣ XIX столѣтія въ долинахъ графствъ Суффолькъ и Бедфордширъ были открыты неоспоримые слѣды работы человѣка—кремневые наконечники стрѣлъ и другіе инструменты, находившіеся въ почвенныхъ слояхъ, отложенныхъ непосредственно послѣ отступанія ледниковъ,—современныя рѣки еще не успѣли даже вырыть свои русла въ этихъ слояхъ, содержавшихъ остатки дѣятельности человѣка [1]). Лучше всего, однако, можно констатировать усилія до-историческаго человѣка отвоевать территорію отъ отступающихъ льдовъ—въ Швейцаріи, гдѣ ледники Альпъ слѣдовали всѣмъ колебаніямъ полярныхъ льдовъ.



Наконечники скребковъ.

Изъ долины р. Везэръ. Въ $^1/_3$ настоящей величины.

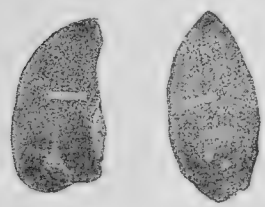
По Рютимейеру [1875], указанія на наиболѣе древнее пребываніе человѣка въ Альпахъ въ межледниковый періодъ имѣются на берегахъ озера Ветциконъ, гдѣ онъ открылъ и изучилъ остатки, принимаемые имъ за остатки корзинъ, сплетенныхъ человѣкомъ; это были три заостренныя на нижнемъ концѣ палочки, переплетенныя расщепленными вѣточками [2]).



Кремневый топоръ.

Найденъ въ гротѣ Мустье, въ долинѣ р. Везэръ. Въ $^1/_3$ наст. величины.

Позднѣе высказывалось возраженіе, что эти палочки могли быть отточены бобрами, которые въ прежнія времена водились въ швейцарскихъ озерахъ во множествѣ, и что обломанныя вѣтви могли быть заплетены вокругъ палочекъ благодаря дѣйствію зыби у береговъ. Другіе изслѣдователи видѣли въ этихъ «корзинахъ» Рютимейера не болѣе, какъ сосновыя вѣтви, истлѣвшія отъ времени [3]).



Наконечн. и двойной скребокъ.

Изъ долины р. Везэръ. Въ $^1/_3$ настоящей величины.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, относительно присутствія человѣка въ теченіе послѣдняго ледниковаго періода имѣются и другія свидѣтельства, доказывающія

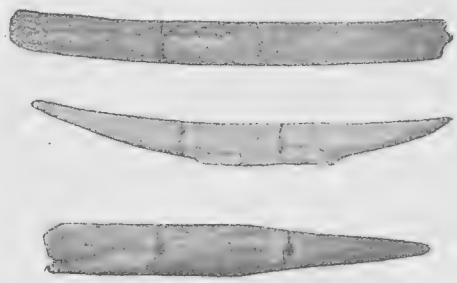
1) Ch. Lyell. «Antiquity of man», chap. XII—XIII. — 2) Alb. Heim. «Gletscherkunde».—3) C. Schröter. «Vierteljahrsschrift der naturforsch. Gesellschaft». 1876.

съ несомнѣнностью, что онъ жилъ въ тотъ періодъ, когда въ Швейцаріи водился мамонтъ и сѣверный олень. Находки, сдѣланныя въ Швейцерсбильдѣ, близъ Шаффгаузена, напоминаютъ произведенія Гренландіи. Въ общемъ легко, однако, понять, что слѣды пребыванія человѣка должны были исчезнуть въ горнистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ льды нѣсколько разъ спускались съ вершинъ въ долины, увлекая въ своемъ теченіи камни, оторванные отъ скалъ, нагромождая ихъ затѣмъ въ видѣ колоссальныхъ моренъ, покрывающихъ поверхность земли на тысячи квадратныхъ километровъ, или же глубоко бороздя землю и усѣивая ее обломками.

Наконечники гарпуновъ.

Изъ оленьяго рога; найдены въ Ложери, въ долинѣ нижняго теченія р. Везэръ. Въ $^1/_3$ настоящей величины.

Несмотря на то, что ископаемые остатки человѣка сохраняются въ поверхностныхъ слояхъ земли въ рѣдкихъ случаяхъ, лишь при особенно благопріятныхъ условіяхъ, напримѣръ, въ пещерахъ, подъ защищающимъ слоемъ известковыхъ отложеній, изслѣдователями все же были найдены кое-гдѣ кости человѣка чрезвычайно древняго происхожденія, — кости, принадлежащія людямъ, которые, въ теченіе межледниковаго періода и послѣдующихъ эпохъ, обрабатывали кремень и обсидіанъ и дѣлали оружіе изъ роговъ и бивней. Къ сожалѣнію, большое количество этихъ остатковъ было открыто совершенно некомпетентными лицами, которыя не приняли достаточныхъ предосторожностей и не изслѣдовали подробно мѣстности настолько, чтобы устранялось всякое подозрѣніе въ дѣйствительности принадлежности ихъ находки къ данной эпохѣ. По словамъ Манувріе, «тысячи до-историческихъ находокъ были такимъ образомъ испорчены». Отдѣльные предметы были растеряны, и остеологическія коллекціи музеевъ нельзя назвать многочисленными, несмотря на то, что было произведено довольно много увѣнчавшихся успѣхомъ изслѣдованій пещеръ.



Наконечники.

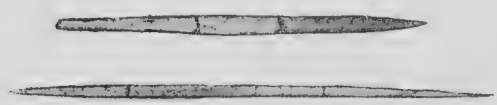
Изъ оленьяго рога, выдѣланы болѣе старательно; изъ долины нижняго теченія р. Везэръ. Въ $^1/_3$ настоящей величины.

Различные остатки, найденные въ нижнихъ слояхъ такъ называемой памценской формаціи, относятся даже, повидимому, къ эпохѣ, предшествующей ледниковому періоду западной Европы, и, во всякомъ случаѣ, являются болѣе древними, по сравненію съ такими же предметами, которые изслѣдователи находили до сихъ поръ въ различныхъ мѣстностяхъ Европы. Точно также кажется не подлежащимъ сомнѣнію, что два коренныхъ зуба человѣка, найденные въ слояхъ Таубаха, близъ Веймара, относятся къ эпохѣ конца пліоценоваго періода, предшествующей вѣку мамонта и сѣвернаго оленя, — эпохѣ ископаемаго слона (Elephas antiquus) и носорога (Rhinoceros merckii). Слѣды огня, орудія изъ кремня и кости, остатки ѣды, состоящіе изъ костей животныхъ, свидѣтельствуютъ также о существованіи человѣка въ Европѣ въ третичную эпоху.

Крючокъ для ловли рыбы.

Изъ оленьяго рога, конецъ котораго былъ сломанъ. Изъ Ложери (долина р. Везэръ). Въ $^2/_5$ наст. величины.

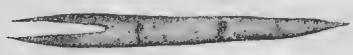
Другіе остатки человѣка, найденные въ Крапинѣ въ Кроаціи, позволили археологамъ высказать также и предположенія о природѣ человѣка этихъ отдаленныхъ временъ: человѣкъ, принадлежавшій къ обитавшей тамъ расѣ, обладалъ зубами, которые сильно напоминали зубы крупныхъ человѣкообразныхъ обезьянъ [1]).



Наконечники стрѣлъ.

Изъ оленьяго рога. Изъ Ложери въ долинѣ р. Везэръ. Въ $^1/_3$ настоящей величины.

Благодаря этимъ остаткамъ и нѣкоторымъ другимъ, найденнымъ ранѣе, ученые спеціалисты высказали предположеніе, что людей палеолитической эпохи слѣдуетъ раздѣлить на нѣсколько расъ. Самая древняя раса, называемая «неандертальской», по мѣстности нахожденія остатковъ ископаемаго человѣка, отличается значительнымъ выступаніемъ надбровныхъ дугъ, образующихъ настоящіе навѣсы надъ глазами, и значительной сплющенностью черепа, указывающей на сходство съ крупными обезьянами: по Швальбе, ее можно скорѣе разсматривать какъ переходную форму между человѣкомъ и антропопитекомъ, нежели какъ форму, являющуюся предкомъ современнаго человѣка, — въ генеалогическомъ древѣ высшихъ формъ эта раса скорѣе образуетъ особую вѣтвь.



Наконечникъ стрѣлы.

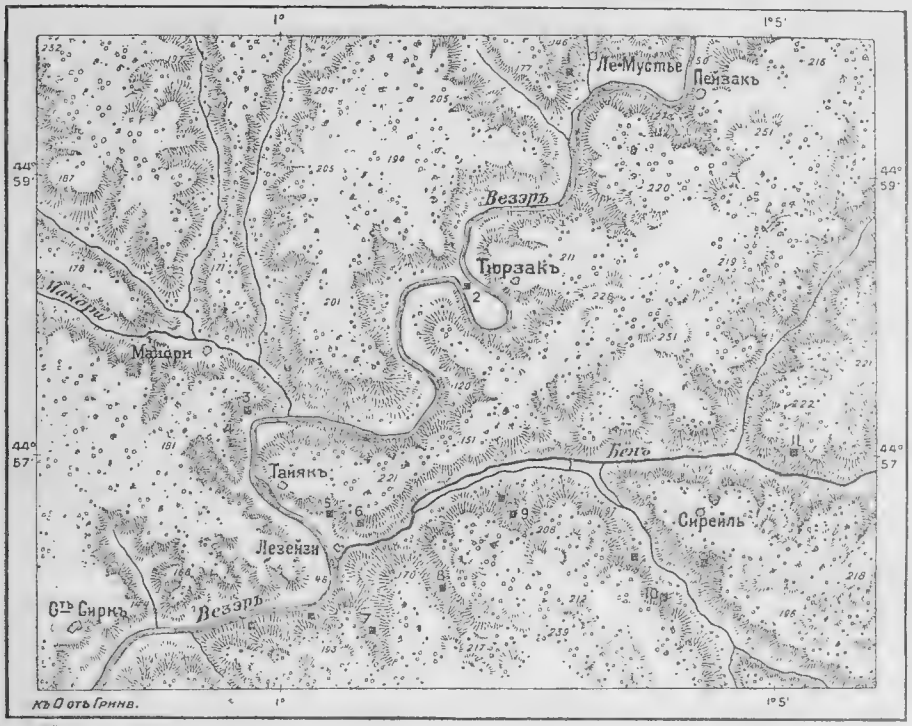
Изъ оленьяго рога, съ надрѣзомъ для вставленія. Изъ Ложери въ долинѣ р. Везэръ. Въ $^1/_3$ настоящей величины.

---

1) Alb. Heim, Gorjanoric'-Kramberger, Klaatsch, Moriz Hoernes и др.

Точно также Вильзеръ предлагаетъ установить новую расу, называемую имъ расою «войсекъ», на основаніи ископаемаго скелета, найденнаго въ Войсекъ, въ Лифляндіи, въ 1902 г.; черепъ этой расы отличается отъ другихъ человѣческихъ типовъ чрезвычайно большой длинноголовостью (индексъ его 0,67).

№ 5. Пещеры долины нижняго теченія р. Везэръ.



1 : 100 000

0 1 2 3 4 5 Километ.

1. Ле Мустье.
2. Ля-Маделэнъ
3. Ложери-Отъ.
4. Ложери-Бассъ.
5. Кро-Маньонъ.
6. Лезейзи.
7. Ля Муть.
8. Фонъ-де-Гомъ.
9. Комбарелль.
10. Ля-Калеви.
11. Ле-Грезъ.

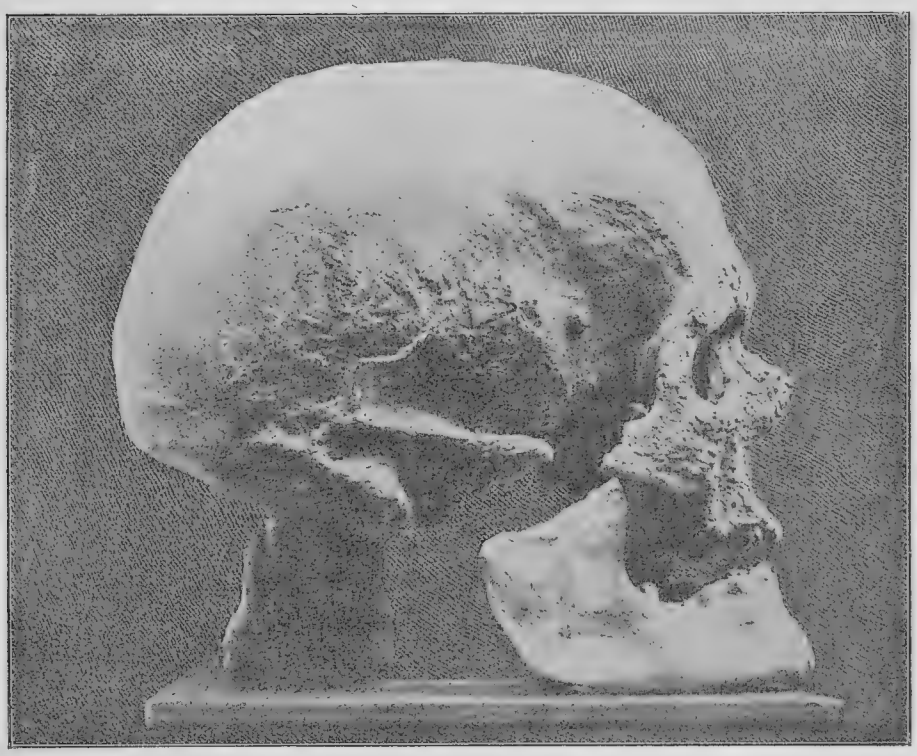
Пещеры, менѣе значительныя, не перенумерованы.

Что касается до человѣка изъ Кро-Маньона, который жилъ въ магдаленскую эпоху въ пещерахъ Перигора и Лимузена, то это была уже настоящая человѣческая раса, отличавшаяся большимъ ростомъ, высокимъ лбомъ, черепомъ, получившимъ благородную округлость, и уже замѣчательными художественными способностями.

Является даже вопросъ, не достигла ли раса Кро-Маньонъ, которая была, повидимому, все же воинственной и варварской, въ нѣкоторыхъ

отношеніяхъ кульминаціоннаго пункта культурнаго развитія,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ искусству, всѣ позднѣйшія поколѣнія неолитическаго вѣка представляютъ собою періодъ полнаго регресса.

Ученые, занимающіеся гипотезами относительно до-историческихъ расъ, стараются выяснить условія ихъ происхожденія и условія внѣшней среды, въ которыхъ находятся различныя открытыя ими народности. Однако, во всѣхъ различныхъ теоріяхъ, касающихся этихъ вопросовъ,

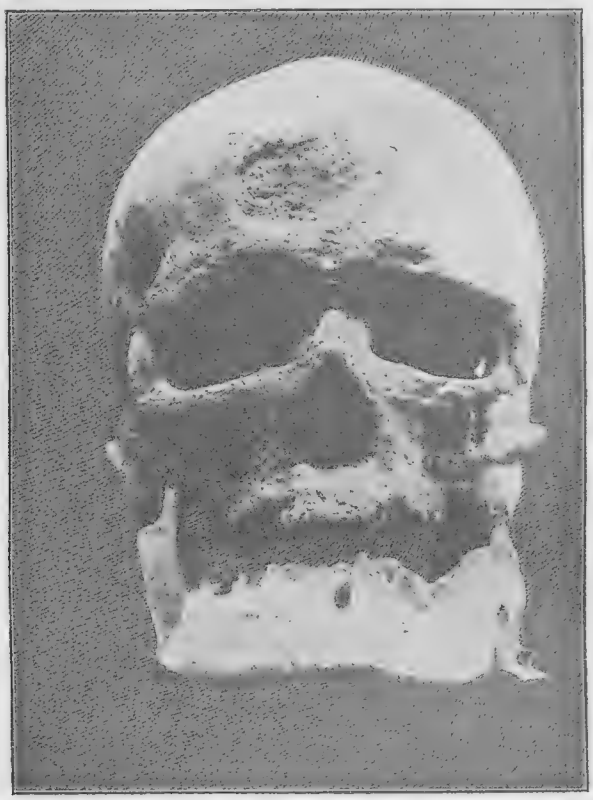


Кро-маньонскій черепъ (въ профиль).
Магдаленская эпоха.

играетъ слишкомъ большую роль индивидуальная точка зрѣнія, и потому трудно высказаться сколько-нибудь положительно относительно столь мало выясненной области. Ничто, во всякомъ случаѣ, не доказываетъ, чтобы въ развитіи человѣчества наблюдался постоянный прогрессъ въ смыслѣ увеличенія головного мозга и формы черепа. Очень вѣроятно даже, что замѣчалось какъ разъ обратное.

Вопреки общераспространенному мнѣнію, объемъ черепа съ палеолитическаго времени не увеличился совершенно. Большинство иско-

паемыхъ череповъ по своей емкости превосходитъ средніе современные черепа. Это зависитъ, надо думать, отъ того, что наши предки четвертичнаго періода не могли жить такъ спокойно, какъ большинство людей современнаго общества: борьба за существованіе была болѣе острой, болѣе разнообразной, требовала болѣе постоянныхъ усилій, бо́льшаго присутствія духа, бо́льшаго напряженія ума и изобрѣтательности [1]). Исто-



Кро-маньонскій черепъ (спереди).
Магдаленская эпоха.

рія человѣчества заключаетъ въ себѣ непрерывную эволюцію съ перемѣннымъ счастьемъ; человѣку постоянно приходится то выигрывать, то снова утрачивать силу, ловкость, остроту чувствъ, умственное развитіе, и въ этомъ непрерывномъ броженіи прогрессивное движеніе цѣлаго можетъ сопровождаться даже пониженіемъ качества отдѣльныхъ особей.

Были сдѣланы также попытки опредѣлить время, протекшее съ

1) Vacher de Lapouge. «Les selections sociales», pp. 113—119.

ледниковаго періода, чтобы получить хоть какія-нибудь первыя точки опоры для исторіи первобытнаго человѣка въ нашемъ умѣренномъ климатѣ сѣвернаго полушарія.

Приблизительные подсчеты времени, потребнаго для отложенія осадочныхъ породъ, въ озерѣ Четырехъ Кантоновъ и въ Тунскомъ озерѣ дали, по опредѣленію геолога Гейма, 16.000, а по Брюкнеру и Беку—15.000 лѣтъ въ качествѣ вѣроятнаго періода, протекшаго съ послѣдняго періода отступанія швейцарскихъ ледниковъ [1]).

Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки остатки сѣвернаго глетчера, окончившагося концевой мореной, могутъ быть прослѣжены въ качествѣ сплошного вала отъ Лонгъ-Эйланда до береговъ Охайо и озера Мичиганъ, а затѣмъ на западъ до границы Соединенныхъ Штатовъ у подножья Скалистыхъ горъ. На основаніи изслѣдованія степени размыванія дождями и рѣками этого вала ледниковыхъ отложеній, американскіе геологи опредѣляютъ періодъ со времени начала отступанія льдовъ главной ледниковой эпохи къ сѣверу различнымъ образомъ. Самыя послѣднія опредѣленія даютъ цифры въ 10.000 лѣтъ, а Винчелль опредѣляетъ это время даже съ еще бо́льшею точностью—въ 78 вѣковъ [2]).

Наносныя отложенія рѣкъ, являющіяся, впрочемъ, сравнительно ненадежной мѣрой, могутъ также служить для опредѣленія продолжительности жизни человѣчества. Такъ, въ дельтѣ Нила были найдены глиняные сосуды, покрытые отложеніями, толщина которыхъ, по вычисленіямъ однихъ и по предположеніямъ другихъ, соотвѣтствуетъ 15.000 лѣтъ [3]). Такія же наблюденія были сдѣланы по отношенію къ наноснымъ слоямъ Миссисипи; однако, подобныя опредѣленія сами по себѣ слишкомъ неточны для того, чтобы можно было придавать имъ сколько-нибудь серьезное значеніе.

Какъ бы то ни было, но періоды времени, указываемые геологами какъ время, протекшее съ послѣднихъ геологическихъ событій,—именно, съ обнаженія равнинъ ото льда и съ образованія современныхъ рѣкъ,—являются совершенно ничтожными по сравненію съ тѣми десятками и сотнями тысячелѣтій, которыми, такъ сказать, жонглируютъ археологи, занимающіеся первобытной исторіей человѣка. Такіе колоссальные періоды, утверждаютъ они, были необходимы для того, чтобы наши предки имѣли возможность постепенно подняться отъ состоянія цивилизаціи эолитическаго періода до изобрѣтенія письма. Въ своихъ исчисленіяхъ они принимаютъ, что природа удовольствовалась созда-

---

1) Alb. Heim. «Ueber das absolute Alter der Eiszeit». Vierteljahrsschr. der Gesel. in Zürich, XXXIX, 1894.—2) N. H. Winchell. «American Geologist», v. X, 1892, p. 80; Mac Gee. «American Anthropologist», v. V, oct. 1892, p. 337.—3) Mac Gee. «Earth, the home of man», p. 15. Anthropological Society of Washington.

ніемъ человѣка одинъ единственный разъ и затѣмъ заставила его пройти послѣдовательно, безъ какого-либо отклоненія и остановки, чрезъ безконечное число стадій—отъ стадіи антропопитека до современнаго человѣка. Однако, можемъ ли мы сказать съ увѣренностью, что силы земли не создавали человѣческій родъ многократно, и что шествіе его по пути прогресса, окончившееся тѣмъ, что человѣкъ пріобрѣлъ сознательное отношеніе къ самому себѣ и къ окружающему, не начиналось нѣсколько разъ?

Установленъ, во всякомъ случаѣ, фактъ, свидѣтельствующій о чрезвычайно большой продолжительности существованія человѣчества на нашей планетѣ,—именно, человѣческій родъ съ самыхъ незапамятныхъ временъ оказывается распространеннымъ съ одного конца свѣта и до другого.

При началѣ историческаго періода, которое въ нѣкоторыхъ странахъ должно быть отнесено на нѣсколько вѣковъ, въ другихъ — на 10.000 лѣтъ, континенты были населены почти на всемъ своемъ протяженіи, точно также какъ и большіе острова, расположенные вблизи ихъ береговъ. Единственными совершенно пустынными пространствами были, какъ и въ настоящее время, крутые склоны горъ, снѣжныя или ледяныя поля, вязкія болота, песчаныя пустыни и скалы, лишенныя всякой растительности.

Въ Азіи нѣтъ ни одной мѣстности, гдѣ бы не предпринимали своихъ кочевокъ номады—арабы или монголы,—гдѣ бы они не жили хоть временно послѣ продолжительныхъ дождей, вызывающихъ къ жизни усиленный ростъ травъ.

Извѣстны, впрочемъ, нѣкоторыя пустыни Аравіи, въ особенности къ сѣверу отъ Гадрамо, гдѣ никто не рѣшался жить, вслѣдствіе подвижности песковъ, легко засасывавшихъ человѣка въ нѣсколько мгновеній.

Въ Африкѣ обширныя пространства Сахары оставались недоступными въ теченіе всего историческаго періода: таковы были на западъ отъ Египта и отъ его послѣднихъ оазисовъ Фарафрэ, Харгэ и Дакель—безплодныя поверхности песковъ, тянущіяся на протяженіи многихъ тысячъ километровъ по направленію къ Тибести.

Пески Игиди, въ западной Сахарѣ, точно также тщательно избѣгаются караванами, равно какъ и пески Джуфъ или «Желудокъ пустыни», расположенные на сѣверо-западъ отъ Тимбукту и угрожающіе голодомъ и жаждою тѣмъ путникамъ, которые попытались бы туда проникнуть.

За исключеніемъ этихъ, непригодныхъ къ обитанію областей, человѣческій родъ былъ распространенъ повсюду, на всѣхъ континентахъ Стараго и Новаго Свѣта, вплоть до ихъ концевыхъ мысовъ, и по всѣмъ островамъ и архипелагамъ, разсѣяннымъ въ океанѣ.

Обширный архипелагъ Полинезіи былъ весь заселенъ вплоть до Низменныхъ острововъ, едва замѣтныхъ среди моря, и до одиноко лежащаго островка Пасхи, гдѣ также были найдены, можно сказать, грандіозные остатки доисторической цивилизаціи.

Колоссальная до-историческая статуя съ о. Пасхи (сзади).

Сплошная заселенность континентовъ свидѣтельствуетъ о продолжительности времени, въ теченіе котораго различныя расы человѣческаго рода распространялись по земному шару. Трудно даже представить себѣ, какъ затруднительна должна была быть колонизація въ тѣ времена, когда не были еще проведены дороги чрезъ лѣса и болота, и когда не было судовъ для переселенія чрезъ море.

И, тѣмъ не менѣе, распространеніе человѣческаго рода совершилось съ одного конца свѣта до другого.

Быть можетъ, оно происходило медленно, путемъ увеличенія числа семей, разселявшихся постепенно; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходили обширныя переселенія народовъ на значительное разстояніе отъ ихъ первоначальной родины.

Иногда приходится прямо удивляться тому, какими большими разстояніями бываютъ отдѣлены двѣ народности, происходящія изъ одного источника и обладающія родственными языками; иногда ихъ отдѣляютъ тысячи километровъ, и между ними не наблюдается непосредственной связи, которая свидѣтельствовала бы о ихъ родственныхъ отношеніяхъ въ болѣе близкія времена.

Колоссальная до-историческая статуя съ о. Пасхи (сбоку).

Существуютъ также многія этническія группы, которыя пребываютъ безконечное число вѣковъ въ одной и той же мѣстности и которыя потому могутъ быть разсматриваемы какъ настоящіе аборигены страны,—таково большинство американскихъ племенъ, относительно которыхъ Агассицъ предполагалъ, что они созданы особо отъ населенія Стараго Свѣта.

Эти туземныя группы, племена, «родившіяся отъ земли», населяютъ мѣстности, внѣшняя среда коихъ отличается особыми характерными чертами климата и почвы; благодаря такимъ особенностямъ окружающаго, они вырабатываютъ образъ жизни, сильно отличающійся отъ образа жизни своихъ ближайшихъ сосѣдей.

Достаточно, слѣдовательно, изучить ихъ въ отдѣльности, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности могущественнаго вліянія внѣшней среды, измѣняющейся лишь съ большою медленностью и потому дѣйствующей одинаково сильно какъ на цѣлыя народности, такъ и на отдѣльныхъ представителей ихъ. Вся этническая группа, которая подвергается такому вліянію, является сама по себѣ какъ бы человѣческимъ существомъ огромныхъ размѣровъ, живущимъ въ теченіе періода колоссальной продолжительности.

Каждый періодъ въ жизни народовъ
соотвѣтствуетъ измѣненіямъ внѣшней среды.

Глава вторая.

КЛАССИФИКАЦІЯ СОЦІАЛЬНЫХЪ ФАКТОРОВЪ. — ХОЛОДЪ И ТЕПЛО. — СУХОСТЬ И ВЛАЖНОСТЬ КЛИМАТА. — ГОРЫ И РАВНИНЫ. — ЛѢСА. — ОСТРОВА, БОЛОТА И ОЗЕРА.—РѢКИ.—МОРЕ.—КОНТРАСТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.—ЧЕЛОВѢКЪ САМЪ ЯВЛЯЕТСЯ СРЕДОЮ ДЛЯ ДРУГИХЪ ЛЮДЕЙ.

«Неодинаковость чертъ строенія и жизни земли вызвала многообразіе исторіи человѣчества», и каждая изъ этихъ чертъ опредѣлила въ безконечномъ разнообразіи явленій то или другое соотвѣтствующее ей явленіе [1]). Короче можно сказать словами Де-Грефа: «жизнь есть полное соотвѣтствіе съ окружающей средой». Ту же мысль выразилъ и Іерингъ, сказавъ: «почва—это самъ народъ».

1) H. Drummond. «Ascent of man».

Таковъ основной принципъ «мезологіи»—ученія о вліяніи окружающей среды—принципъ, выраженный уже болѣе 2.000 лѣтъ тому назадъ Гиппократомъ передъ его учениками-аѳинянами. Общія истины, высказанныя имъ, повторялись затѣмъ множествомъ авторовъ — Монтэнемъ, Бодэномъ, Монтескье; фактическое обоснованіе этихъ положеній было, однако, настолько слабо, что они оставались безъ серьезнаго примѣненія въ области географіи и исторіи. Лишь въ XIX вѣкѣ были сдѣланы болѣе существенныя наблюденія, и, по крайней мѣрѣ, внѣшнія условія, которыми пытаются объяснить зарожденіе историческихъ народовъ Іудеи, Греціи и Италіи, были описаны и изучены въ рядѣ превосходныхъ монографій.

Недостаточно признать въ общей формѣ вліяніе природы на человѣка, необходимо также выяснить, какое участіе въ этомъ вліяніи принимаетъ каждое изъ отдѣльныхъ частныхъ условій окружающей среды. Вотъ почему за послѣднее время ученые много занимались остроумнымъ анализомъ и тщательнымъ подборомъ факторовъ и классифицировали послѣдніе согласно съ ихъ вліяніемъ на человѣческое общество.

Особенно много сдѣлала въ смыслѣ классификаціи факторовъ, вліяющихъ на дѣятельность человѣка, школа Ле-Плэ (Le Play); ученикъ послѣдняго де-Турвилль, продолжая работу, начатую учителемъ, составилъ полный классифицированный списокъ всѣхъ этихъ факторовъ [1]). Этотъ списокъ разсматривается его школою какъ «вспомогательное средство, давшее соціальной наукѣ столь же сильный толчокъ впередъ, какъ толчокъ, данный химіи ея номенклатурой», какъ «орудіе точное и совершенное, позволяющее производить детальный и быстрый анализъ наиболѣе сложныхъ человѣческихъ обществъ». Такое опредѣленіе, несомнѣнно, преувеличено: орудіе это, безспорно, полезное въ рукахъ того, кто примѣняетъ его по отношенію къ соціальнымъ группамъ, уже хорошо извѣстнымъ, можетъ сдѣлаться въ то же время очень опаснымъ въ рукахъ изслѣдователей, которые, примѣняя его, не обладаютъ въ то же время достаточно подробными и полными свѣдѣніями по географіи и исторіи данной мѣстности. Дѣло въ томъ, что значеніе различныхъ факторовъ отнюдь не слѣдуетъ какому-либо предначертанному и не измѣняющемуся порядку,—оно измѣняется въ соотвѣтствіи со временемъ и съ мѣстомъ и является инымъ для каждаго народа и для каждаго отдѣльнаго человѣка. Въ одной мѣстности главнѣйшими факторами, вліяющими на человѣческое общество, являются холодъ, сильныя бури и волнующееся море, въ другихъ—горячіе лучи солнца или легкій теплый вѣтеръ.

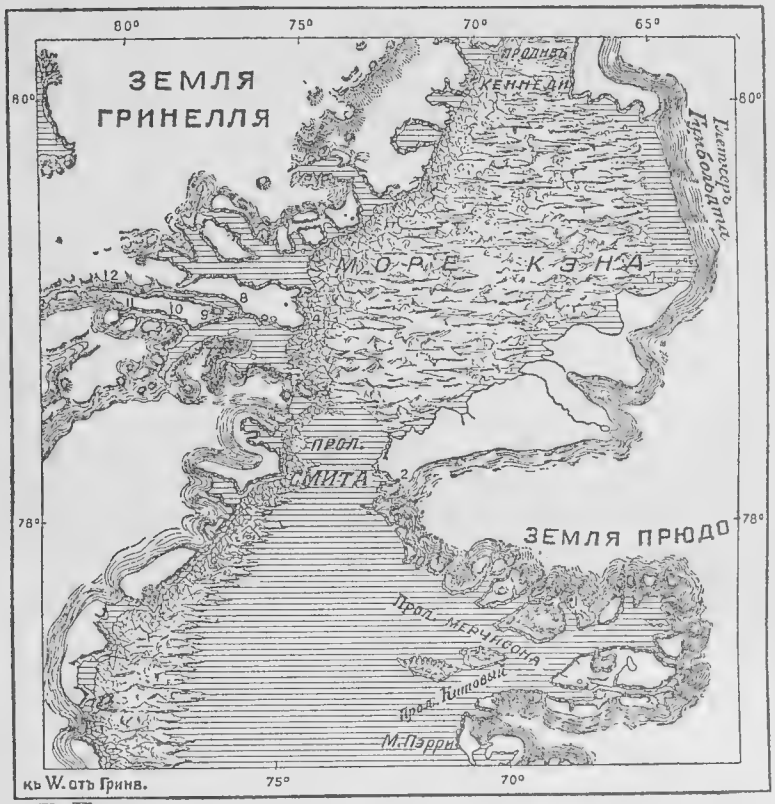
Въ классификаціи соціальныхъ факторовъ, составленной де-Турвиллемъ, мы находимъ 25 подраздѣленій, но уже съ самаго начала приходится, къ удивленію, замѣтить, что въ ней не дѣлается различія между

1) «Science sociale», t. II, p. 502; Ed. Demolins. «Les Français d'aujourd'hui», p. 431.

тѣми условіями, которымъ подчиняются всѣ люди безъ различія, какова бы ни была степень ихъ культурности, и тѣми, которымъ подпадаетъ лишь современный человѣкъ.

№ 6. Становища эскимосовъ.

(Къ стр. 42 и сл.).



По Пири

1. 4000000

0 20 50 100 150 200 Километ.

1. Энниверзари-Лоджъ. Мѣсто зимовки Пири въ 1896 г.
2. Ита. Временное становище. Мѣсто зимовки Пири въ 1897 и 1898 г.
3. Мысъ Сэбинъ. Мѣсто несчастной зимовки экспедиціи Грили въ 1890 г.
4. Мысъ Альбертъ. Покинутое становище эскимосовъ.
5—12. Покинутыя эскимосскія становища, встрѣченныя капитаномъ Свердрупомъ во время его экспедиціи въ 1898 г.

Между тѣмъ, имѣется вполнѣ явственное различіе между факторами природы, которыхъ человѣкъ не можетъ избѣжать, и факторами, относящимися къ міру искусственному, отъ вліянія которыхъ можно оградиться или которые можно даже не признавать вовсе. Почва, климатъ, способы труда и питанія, кровное родство и родственныя отно-

шенія, формы соціальной группировки—таковы основные факторы, имѣющіе вліяніе на исторію каждаго человѣка, равно какъ и любого живого существа. Съ другой стороны, заработная плата, покровительство, торговыя сношенія, законы государства — являются второстепенными факторами, которымъ человѣческія общества не были вовсе подчинены въ первобытныя времена. Правда, нерѣдко эти искусственныя условія подавляютъ вліяніе на человѣка естественныхъ, но, тѣмъ не менѣе, классификація, имѣющая общій характеръ, должна все же ставить на первое мѣсто воздѣйствіе первоначальной внѣшней среды, оказывавшей опредѣляющее вліяніе на первобытное населеніе. Должно прежде всего изучить статическое дѣйствіе среды и уже затѣмъ заняться ея вліяніемъ динамическимъ.

Въ качествѣ самаго первоначальнаго фактора соціальной эволюціи должно поставить, безъ сомнѣнія, условія температуры съ ея огромными колебаніями отъ сильнѣйшаго холода до сильнѣйшей жары и съ ея непосредственными результатами — сухостью или влажностью почвы. Карта распредѣленія густоты населенія показываетъ съ достаточной ясностью, что прежде всего климатъ распредѣляетъ людей на поверхности земного шара, собирая ихъ въ густыя массы въ мѣстностяхъ умѣренной и тропической полосы, если только онѣ достаточно орошаются, наоборотъ, разрѣжая населеніе въ холодныхъ странахъ или, наконецъ, обусловливая полное отсутствіе населенія въ областяхъ, слишкомъ холодныхъ для того, чтобы человѣкъ могъ въ нихъ поддерживать необходимую для жизни высокую температуру своего тѣла.

Въ общемъ, можно сказать, количество жителей, находящихся на одномъ квадратномъ километрѣ, соотвѣтствуетъ вполнѣ колебаніямъ климата: вокругъ полюсовъ изотерма 0^0 совпадаетъ почти точно съ границею мѣстъ, пригодныхъ для существованія человѣка. Почти всѣ пустынные острова далекаго сѣвера находятся въ полярныхъ областяхъ и обладаютъ суровѣйшими климатическими условіями: подвергаются постояннымъ туманамъ и вьюгамъ, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и льдами. Переселявшіяся народности, вытѣсненныя естественными переворотами въ жизни нашей планеты или же другими болѣе сильными народностями, либо инстинктивно избѣгали этихъ ужасныхъ странъ, либо погибали въ нихъ, не успѣвъ приспособиться къ слишкомъ суровой средѣ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчаемъ мы здѣсь мѣста, покрытыя слоемъ земли, удобренной милліонами тюленей, мѣста, на которыхъ лѣтомъ быстро развивается цѣлая флора злаковъ, достигающихъ иногда 5 метровъ въ вышину [1]). Семьи эскимосовъ населяютъ сѣверъ вплоть

1) H. G. Simmons. «Etudes botaniques de l'expédition Sverdrup». La Géographie, 15 févr. 1904.

до селенія Ита, находящагося въ 1300 километрахъ отъ полюса; знаменитый путешественникъ Ширн не разъ заходилъ съ эскимосами еще далѣе на сѣверъ. У южнаго полюса море преграждаетъ представителямъ человѣческаго рода путь къ полюсу на гораздо болѣе близкомъ къ экватору разстояніи, — именно, крайнія поселенія находятся на Огненной Землѣ, въ 3.800 километрахъ отъ полюса.

Не кажется ли вполнѣ очевиднымъ, что на обоихъ полушаріяхъ земного шара человѣкъ избѣгаетъ полярныхъ странъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе холода, и что здѣсь сказывается самымъ явственнымъ образомъ вліяніе среды? До того времени, какъ человѣкъ, благодаря наукѣ,

Эскимосъ въ своемъ каякѣ.

освободился до нѣкоторой степени изъ-подъ власти климатическихъ условій, никто изъ представителей человѣческаго рода не имѣлъ возможности проникнуть въ эти ужасныя страны полярнаго холода далѣе упомянутыхъ маленькихъ поселеній эскимосовъ, — полярныя страны были труднѣе доступны для человѣка, чѣмъ утраченный имъ рай! Теорія, по которой человѣкъ, располагая прирожденными силами, совершенно не зависитъ отъ окружающей среды, стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ наблюдаемыми фактами, и въ настоящее время едва ли кто-нибудь имѣетъ право повторить слова Гобино: «Достаточно было бы бѣлой расѣ, являющейся наиболѣе развитой и наиболѣе сильной, обосноваться,

вслѣдствіе какихъ-либо непреоборимыхъ условій, среди полярныхъ льдовъ или подъ жгучими лучами экватора, и возникли бы тамъ всѣ тѣ же идеи, всѣ тѣ же стремленія и та же дѣятельность человѣка» [1]). Опытъ показалъ полную несостоятельность этихъ слишкомъ поспѣшныхъ выводовъ,—въ недавнія времена мы видѣли, какъ въ полярныхъ странахъ экспедиціи, состоявшія изъ путешественниковъ той расы, которая столь превозносилась Гобино, принуждены были предаваться каннибализму и даже ускорять смерть истощенныхъ товарищей! Вполнѣ понятно, что оффиціальныя разслѣдованія постарались затушевать эти прискорбные факты.

Эскимосы Сѣверной Америки, называющіе себя «иннуитъ», что значитъ «люди», европейскіе лопари и азіатскіе самоѣды и чукчи свидѣтельствуютъ всей своей внѣшностью и образомъ жизни о господствующемъ вліяніи на человѣка холода сѣверныхъ странъ. Прежде всего, они очень малочисленны, что зависитъ отъ бѣдности рессурсовъ, предоставляемыхъ имъ арктическими землями, которыя покрыты льдомъ на значительной части своего протяженія. На пространствѣ приблизительно въ 7.000 километровъ съ запада на востокъ, отъ восточнаго берега Гренландіи до Чукотской земли, въ области, имѣющей приблизительно 20 милліоновъ квадратныхъ километровъ поверхности и превосходящей, слѣдовательно, въ 40 разъ Францію, имѣется въ общей сложности менѣе 50.000 эскимосскаго населенія, и въ его средѣ число туземцевъ, которые остались совершенно внѣ всякаго соприкосновенія съ европейцами и сохранили чистоту своей крови, не превышаетъ, безъ сомнѣнія, 15.000 душъ. Область, занимаемая эскимосами, въ 4—5.000 разъ слабѣе населена, чѣмъ остальная часть земного шара.

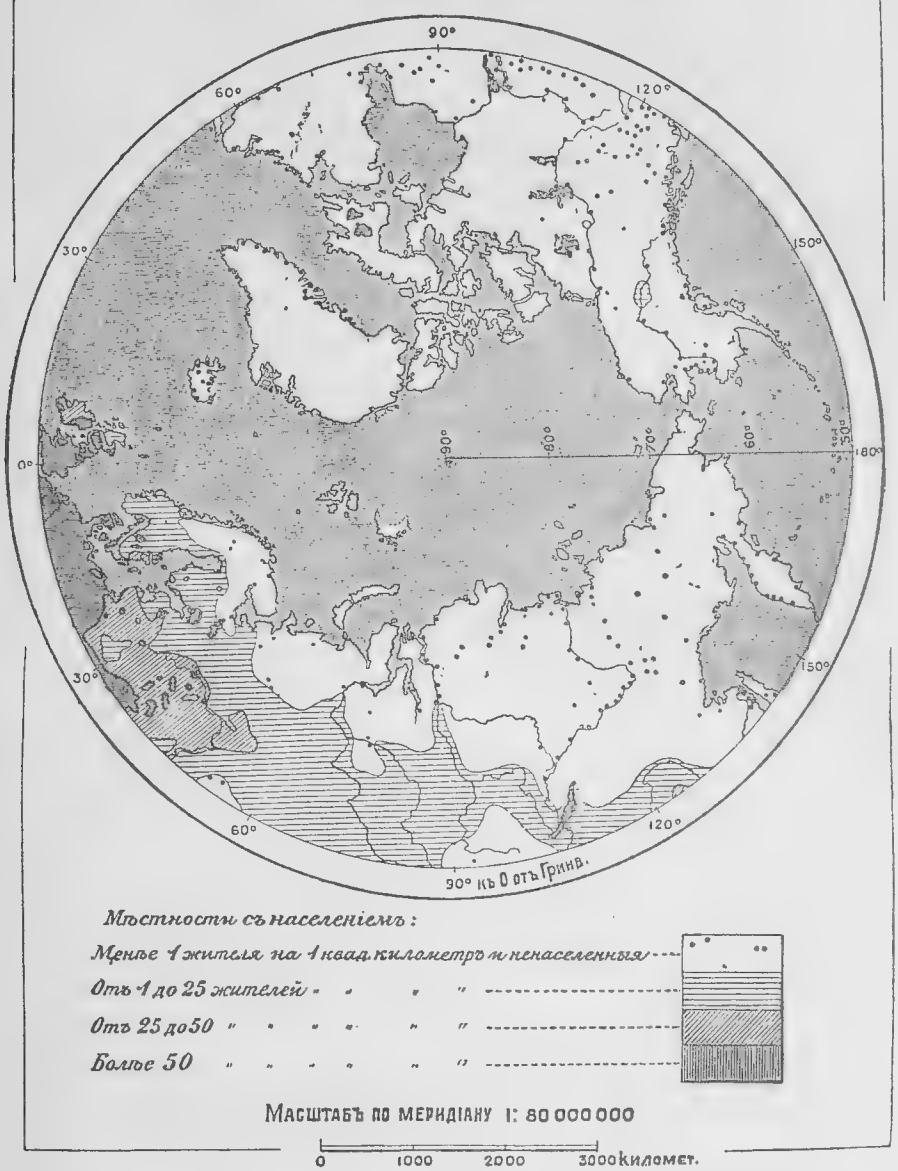
Сѣверныя племена такъ разсѣяны, что во многихъ мѣстностяхъ отдѣльныя группы совершенно потеряли другъ друга изъ вида и не знаютъ даже о существованіи другъ друга. Такова была судьба, напримѣръ, самой сѣверной группы гренландцевъ, состоявшей всего лишь изъ двухъ десятковъ туземцевъ, которые блуждали въ ледяныхъ пустыняхъ сѣвера между проливомъ Смита и Ледовитымъ океаномъ. Въ 1818 году ихъ встрѣтилъ Россъ на берегу Ита, къ сѣверу отъ залива Мельвилля; они были чрезвычайно поражены при видѣ другихъ людей и думали, что тѣ спустились съ луны или вышли изъ морскихъ глубинъ, — эта кучка туземцевъ воображала, что она представляетъ собою все человѣчество!

Обширныя, безжизненныя пространства, среди которыхъ живутъ эскимосы, доставляютъ имъ лишь крайне скудныя средства существованія; потому совершенно невѣроятно, чтобы эти племена, дѣйстви-

1) Gobineau. «Inégalité des races».

тельно, могли возникнуть здѣсь, въ этихъ странахъ вѣчнаго холода, населяемыхъ ими теперь,—это возможно развѣ лишь въ томъ случаѣ,

№ 7. Плотность населенія въ арктической области.



если климатъ въ этихъ странахъ былъ ранѣе болѣе теплымъ и затѣмъ охлаждался постепенно, принуждая жителей непрерывно измѣняться и

измѣнять свой образъ жизни, приспособляясь къ окружающей природѣ. Обыкновенно предполагаютъ, однако, что обитатели дальняго сѣвера переселились на берега Ледовитаго океана постепенно изъ умѣренныхъ странъ, и нѣкоторые археологи видятъ въ нихъ людей магдаленской эпохи, послѣдовавшихъ, по окончаніи ледниковаго періода, за отступающими на сѣверъ льдами. Во время такого переселенія эскимосы, безъ сомнѣнія, руководились удобствами охоты и рыболовства, — они слѣдовали за мускусными быками, за китами, моржами и тюленями. Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ животныхъ, отсутствуютъ также и слѣды жилищъ эскимосовъ, въ особенности въ сѣверо-западномъ полярномъ архипелагѣ [1]).

Въ тѣ времена, когда впервые упоминаются эскимосы въ исторіи, многія изъ этихъ племенъ занимали еще мѣстности, менѣе суровыя по своему климату. Девять вѣковъ тому назадъ, когда норманы высадились на берегахъ Гельланда и Винланда, значительно южнѣе мѣстностей, населенныхъ эскимосами въ настоящее время, люди, съ которыми имъ пришлось тамъ сражаться, были не краснокожіе «альгонкины», но чистокровные эскимосы «скрелингеры», родственные эскимосамъ полярнаго архипелага.

Въ настоящее время граница между этими двумя племенами почти всюду ясно намѣчена и соотвѣтствуетъ особенностямъ природы: «тамъ, гдѣ деревья, тамъ индѣйцы,—гдѣ начинается мохъ, тамъ начинаются эскимосы», говоритъ мѣстная пословица. Въ восточной Америкѣ истребительныя войны оросили эту естественную границу потоками крови. «Земля слишкомъ мала, чтобы носить наши два племени», говорили эскимосы путешественнику Боасу [2]),—слова, которыя, впрочемъ, повторяются съ поконъ вѣковъ и съ одного края свѣта до другого, какъ только встрѣчаются враждебныя племена или враждебные классы.

Вліяніе среды сказывается съ очевидностью уже на внѣшности чистокровныхъ эскимосовъ,—у обитателей южной Гренландіи его труднѣе констатировать, такъ какъ они почти всѣ смѣшались съ датчанами и подчинились, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, чужому вліянію. У чистокровныхъ эскимосовъ-иннуитовъ черепъ удлиненной формы, но безъ значительныхъ выступовъ, уши плотно прилегаютъ къ головѣ, волосы густы, носъ широкій и плоскій, не выдается надъ скулами, маленькіе глаза прячутся подъ густыми рѣсницами, ноги и руки закругленной формы, безъ рѣзко обозначающихся снаружи мышцъ. Въ своемъ толстомъ платьѣ изъ кожъ и мѣха они кажутся какими-то шарами, и когда идутъ, какъ бы катятся.

---

1) Gunnar Isachsen. «Petermann's Mit heil.», v. VII, 1903.—2) «Petermann's Ergänzungsheft», № 80.

Подобно тому, какъ конюхъ или жокей принимаетъ видъ и внѣшность благороднаго всадника, такъ эскимосъ, охотящійся за китами, получаетъ удивительное внѣшнее сходство всей своей фигуры съ тюленемъ, — его плоское лицо, съ нѣсколькими волосками

Черепъ эскимоса-иннуита. Черепъ индѣйца-альгонкина.

вмѣсто усовъ, съ добродушнымъ, какъ бы испуганнымъ выраженіемъ, напоминаетъ это ластоногое. Образъ жизни его также сходенъ до нѣкоторой степени съ тюленьимъ, такъ какъ продолжительные періоды полнѣйшей лѣни чередуются у него съ напряженной дѣятельностью. Защищенный снаружи своимъ толстымъ мѣховымъ одѣяніемъ отъ холода, эскимосъ согрѣваетъ себя и снутри колоссальнымъ количествомъ пищи, о какомъ европейцы не имѣютъ и представленія. Путешественники разсказываютъ, что иннуитъ или «ѣдокъ сырого», какъ называютъ эскимосовъ индѣйцы-альгонкины, способенъ поглотить 10, 12, даже 14 киллограм-

Эскимосъ и индѣецъ съ Лабрадора.

мовъ жира и мяса, не прерывая своей трапезы, но зато онъ способенъ также и очень долгое время поститься [1]).

Орудія и оружіе эскимосовъ. Весло, гарпунъ и копье.

У эскимосовъ Лабрадора существуетъ обычай, по которому юноши, въ качествѣ экзамена, дающаго имъ возможность вступить въ общество зрѣлыхъ людей, должны выдержать многодневный постъ; передъ ними ставится при этомъ большое количество сытной пищи, и они должны удержаться отъ искушенія и не дотронуться до нея.

Внѣшняя форма жилищъ самоѣдовъ, такъ же какъ ихъ одѣяніе и способъ питанія, опредѣляется внѣшними условіями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ южной Гренландіи, прибиваемые къ берегу стволы деревьевъ, занесенные теченіемъ, позволяютъ примѣнять при постройкѣ хижинъ дерево. Въ другихъ мѣстностяхъ, въ восточной Гренландіи примѣняются для нихъ камни. Могущественное вліяніе климата требуетъ, однако, отъ строителя, чтобы какъ деревянныя, такъ и каменныя жилища глубоко внѣдрялись въ землю: стѣны ихъ дѣлаются изъ земли, покрытой дерномъ, или изъ слоевъ мха, обложенныхъ снаружи умятымъ снѣгомъ. Во всей сѣверной области, населенной эскимосами, круглая хижина, въ которую можно проникнуть лишь ползкомъ чрезъ узкій корридоръ, строится изъ снѣга, и въ ней, въ теченіе долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ, живетъ вмѣстѣ иногда до десяти семействъ. Обитатели такой хижины ходятъ въ ней совсѣмъ безъ платья, согрѣваются лишь огнемъ лампы изъ тюленьяго жира и живутъ въ удушающей атмосферѣ, которая дѣлается прямо невыносимой отъ скопленія нечистотъ. Кажется, положительно, немыслимымъ, чтобы можно было жить въ подобной обстановкѣ, — но къ чему только

1) E. Reclus. «Les primitifs», p. 31.

человѣкъ ни привыкаетъ! Скупщики мѣховъ и даже миссіонеры, какъ, напримѣръ, Петито, живутъ цѣлыми мѣсяцами въ такихъ ужасныхъ берлогахъ [1]).

Когда лѣтнее солнце освободитъ обитателей подобной темницы, они разрываютъ свою снѣговую хижину, разрушаютъ ее, и въ скоромъ времени снѣгъ таетъ, и отъ нея не остается и слѣда.

Само собою разумѣется, климатъ никогда не позволялъ развиваться у эскимосовъ земледѣлію,—оно съ трудомъ было заведено лишь въ недавнее время, въ видѣ устроенныхъ кое-гдѣ огородовъ. Единственной ихъ растительной пищей были ягоды, въ родѣ морошки и клюквы, и растущій на скалахъ горькій лишай; кромѣ того, вмѣсто овощей, самоѣды ѣдятъ зеленую, непереваренную массу, находимую въ желудкѣ сѣверныхъ оленей.

Такимъ образомъ, почти вся пища, употребляемая эскимосами, животнаго происхожденія и добывается ими либо путемъ разведенія скота, либо охотою и рыбною ловлею. Чукчи во внутреннихъ областяхъ Чукотскаго полуострова разводятъ огромныя стада сѣверныхъ оленей, эскимосы Лабрадора живутъ главнымъ образомъ охотой, а эскимосы Баффиновой земли принуждены нерѣдко цѣлыми недѣлями жить исключительно охотою на сухопутныхъ животныхъ—главнымъ образомъ на мускусныхъ быковъ, — береговые льды простираются такъ далеко въ море, что мѣшаютъ имъ заниматься рыбной ловлей съ ихъ лодокъ. Гренландскіе эскимосы, живущіе по краямъ глубокаго моря, согрѣваемаго теплымъ теченіемъ, являются почти исключительно рыболовами и охотниками за тюленями, и всѣмъ путешественникамъ извѣстно, сколько поразительной хитрости и инстинктивнаго чутья они проявляютъ при преслѣ-

Оружіе эскимосовъ.
Различные гарпуны.

1) Petitot. «Quinze ans sous le cercle polaire».

дованіи своей добычи лѣтомъ въ водахъ, свободныхъ отъ льда, или зимою на льдахъ, между которыми скрываются животныя.

Метательное оружіе эскимосовъ, предназначенное для охоты за животными, плавающими подъ водою, представляетъ собою чудо искусства и остроумія. Эскимосскіе художники соперничаютъ другъ передъ другомъ въ украшеніи оружія узорами, рѣзьбой и гравировкой (Пэнъ). Говорятъ даже, что остроуміе эскимосовъ, обитающихъ на Аляскѣ, сказалось въ открытіи ими свойства спирали,—въ механикѣ они, слѣдовательно, пошли дальше древнихъ грековъ, славящихся своею изобрѣтательностью! Они примѣнили спираль къ оконечникамъ своихъ стрѣлъ, на которыхъ имѣется короткій спиральный завитокъ, равномѣрно завернутый справа налѣво [1]).

Какъ ни удивительно хитры и ловки охотники, иногда дичь все же отсутствуетъ; тогда царитъ ужасающій голодъ, и этотъ голодъ, постоянно висящій угрозою, объясняетъ нѣкоторыя черты нравовъ, совершенно незнакомыя народностямъ, ведущимъ осѣдлый образъ жизни и собирающимъ ежегодно жатву со своихъ полей. Именно, нерѣдко, въ зависимости отъ необходимости, создаваемой охотой или рыбнымъ промысломъ, у самоѣдовъ ослабляются родственныя связи, существующія между отдѣльными членами семьи.

Женщина самоѣдскаго поселенія у мыса Пойнтъ-Барроу оказалась, напримѣръ, слишкомъ слабою для того, чтобы служить носильщицей въ предпринятой людьми ея племени охотничьей экспедиціи,—мужъ, вслѣдствіе этого, развелся съ ней и оставилъ ее въ становищѣ вмѣстѣ со стариками и дѣтьми, а съ собой взялъ женщину болѣе сильную, которая могла переносить всѣ лишенія и подвергаться всѣмъ опасностямъ путешествія.

Съ другой стороны, общее благо заставляетъ нерѣдко эскимосовъ, занимающихся рыболовствомъ, бросать своихъ больныхъ или раненыхъ товарищей, подобно тому, какъ, случается, во время бури и наши матросы, доведенные до отчаянія, оставляютъ товарища, упавшаго въ море. Какъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ земного шара, въ областяхъ дальняго сѣвера разыгрываются во время сильной голодовки сцены каннибализма; въ нѣкоторыхъ общинахъ самоѣдовъ человѣческія жертвоприношенія являются даже урегулированными заранѣе въ видахъ общаго блага. Нерѣдко родители умерщвляютъ себя съ голоду для того, чтобы дѣти ихъ получили пищу. Точно также матери, въ видахъ спасенія семьи, жертвуютъ своими грудными младенцами.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ открытіе золотыхъ розсыпей въ Клондайкѣ, по берегамъ рѣки Юконъ и у мыса Номе сильнѣйшимъ обра-

1) Ed. Krause. «Globus», v. LXXIX, № 1, 3 Jan. 1901.

Тюлени среди льдовъ.

зомъ измѣнило всѣ экономическія условія мѣстнаго туземнаго населенія, заставивъ его доставлять золотоискателямъ рыбу и тюленій жиръ [1]). Чукчи морского побережья разбогатѣли и могутъ прекрасно поддерживать своихъ родителей, но, тѣмъ не менѣе, старики, неспособные слѣдовать за своими во время охоты, въ виду грозящей имъ опасности погибнуть гдѣ-нибудь въ покинутомъ становищѣ, и теперь еще сами требуютъ, по своей доброй волѣ, чтобы ихъ убили. Въ этомъ случаѣ, согласно обычаю, дѣти и наилучшіе друзья обязаны исполнять роль палачей. Они должны дать отцу или другу одуряющій напитокъ, а затѣмъ перерѣзать ему сонныя артеріи и дать ему спокойно умереть на его ложѣ изъ мха. У мыса Пойнтъ-Барроу эта ужасная церемонія дополняется еще тѣмъ, что трупъ старика выбрасывается собакамъ, а тѣ въ свою очередь поѣдаются затѣмъ членами общины, для того чтобы душа покойнаго избѣжала злыхъ духовъ и послужила бы на пользу живущимъ. Послѣ совершенія такого страшнаго обряда, люди долгое время постятся и сохраняютъ молчаніе, а когда снова начнутъ бесѣду, то старательно избѣгаютъ сопоставленія такихъ слоговъ, которые напоминали бы имя усопшаго.

Если не считать этихъ драматическихъ подробностей, обусловливаемыхъ призракомъ голодной смерти, то нѣтъ на землѣ племенъ, которыхъ необходимость взаимной помощи и поддержки дѣлала бы болѣе между

1) Eberli. «Petermann's Mittheilungen», v. XI, 1903, p. 258.

собою согласными, чѣмъ самоѣды. Болтливые и довѣрчивые, они проводятъ значительную часть времени въ посѣщеніяхъ другъ друга и въ странствованіяхъ отъ хижины къ хижинѣ, отъ поселенія къ поселенію; когда они снабжены въ достаточной степени пищею, и когда охота и рыбная ловля не занимаютъ всего ихъ времени, они не останавливаются передъ путешествіемъ въ нѣсколько сотъ километровъ съ цѣлью посѣщенія друзей. Каждый чужеземецъ имѣетъ право на пріютъ въ хижинѣ эскимоса.

Такое естественное добродушіе и такой духъ полнѣйшей солидарности являются правиломъ какъ у алеутовъ, такъ и у гренландцевъ.

Наши предки въ древности и въ средніе вѣка считали жару въ области тропиковъ такою сильною, что не допускали и возможности тамъ существованія человѣка, — по мнѣнію, господствовавшему тогда, солнце жжетъ подъ тропиками такъ сильно, что можно сжариться, и темный цвѣтъ кожи африканцевъ, казалось, указывалъ, дѣйствительно, на начало такого поджариванія!

Великія путешествія съ цѣлью открытій, предпринятыя Васко-де-Гамой, Колумбомъ, Магелланомъ и др., доказали, что дѣло обстоитъ не такъ, и что человѣкъ можетъ свободно обитать въ странахъ, которыя освѣщаются солнцемъ, стоящимъ въ зенитѣ. Высокая температура не является, слѣдовательно, такимъ непреодолимымъ препятствіемъ къ распространенію человѣческой расы, какъ холодъ; вѣрнѣе, на земномъ шарѣ не наблюдается такихъ высокихъ температуръ, какія дѣлали бы существованіе человѣка невозможнымъ. Карта распредѣленія изотермъ показываетъ, что существуютъ участки земной поверхности, гдѣ средняя температура превосходитъ 30° Ц. Во многихъ мѣстностяхъ лѣтнія жары поднимаются часто, или даже постоянно, до 40°, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если жара усиливается присутствіемъ скалъ или песковъ, воздухъ даже въ тѣни кажется нестерпимымъ дыханіемъ огня,—однако, привычный человѣкъ переноситъ даже и эту жару безъ особаго ущерба.

Если имѣются въ жаркихъ странахъ обширныя области, которыя почти или совершенно не населены, то причиной того является не чрезмѣрная жара, а либо чрезмѣрное обиліе водяныхъ паровъ, либо, еще чаще, отсутствіе въ воздухѣ влажности. Климатическія условія, благопріятныя для человѣка, должны отличаться влажностью воздуха, соотвѣтствующей не болѣе $^9/_{10}$ и не менѣе $^2/_3$ того количества паровъ, которое наблюдается при полномъ насыщеніи воздуха парами. Какъ только это отношеніе падаетъ до $^1/_4$—$^1/_5$ или еще ниже, условія становятся неблагопріятными для жизни человѣка. Къ тому же, мѣстности, не имѣющія достаточнаго количества водяныхъ паровъ въ воздухѣ, лишены обыкновенно и подпочвенной влаги; это пространства, почти совершенно ли-

Ледяныя поля сѣвера.

шенныя растительности, лишенныя животнаго населенія, а, слѣдовательно, непригодныя и для существованія человѣка.

Именно вслѣдствіе сухости воздуха и почвы, тянется отъ Монголіи до западной окраины Африки огромная полоса земель, лишенныхъ человѣческаго населенія и представляющихъ почти полную пустыню. Въ составъ этой полосы входятъ пустыня Гоби, Кашгарія, пустыни Ирана и Аравіи и Сахара; временами, даже область Сеара въ Южной Америкѣ входитъ въ этотъ районъ сухого воздуха, несмотря на сосѣдство Атлантическаго океана: обитателямъ ея приходится на время переселяться по направленію къ Амазонкѣ. На протяженіи приблизительно 12 милліоновъ квадратныхъ километровъ, захватываемыхъ полосою пустынь Стараго Свѣта съ промежуточными оазисами, населеніе достигаетъ лишь 1.000.000, т.-е. является въ 20 разъ болѣе бѣднымъ, чѣмъ среднее населеніе континентовъ.

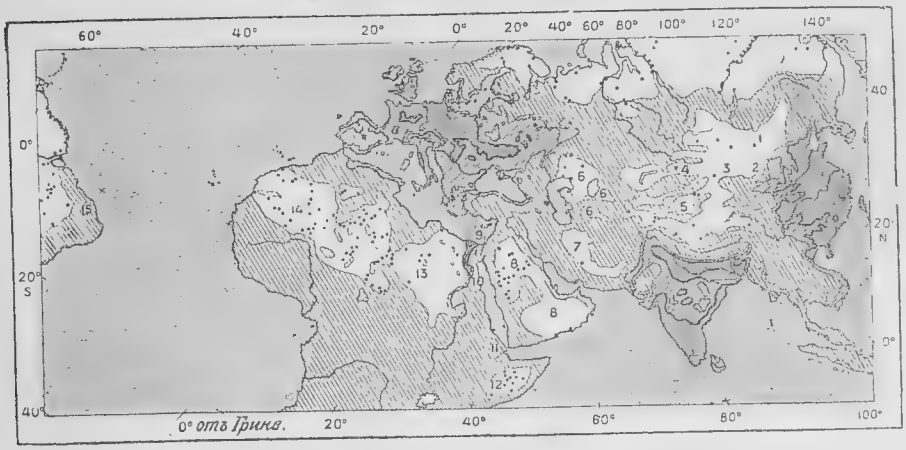
Эскимосы, которыхъ мы разсматривали какъ типичное племя, подчинившееся вліянію суроваго климата, не являются, безъ сомнѣнія, «первобытнымъ» племенемъ, съ точки зрѣнія происхожденія, такъ какъ въ теченіе безконечнаго ряда вѣковъ они скрещивались, въ то время какъ внѣшнія условія непрерывно измѣнялись. По сравненію, однако, съ тѣми различными племенами, которыя разсѣяны въ тропической полосѣ, эти обитатели далекаго сѣвера могутъ разсматриваться какъ настоящіе аборигены—«люди, порожденные землею». Напротивъ, этническія группы, являющіяся наиболѣе изолированными въ жаркомъ поясѣ, напримѣръ, туареги, живущіе въ Сахарѣ, или нубійцы, беджа, данакиль, или, наконецъ, сомалійцы, обитающіе по берегамъ Краснаго моря и Индійскаго океана, являются народностями чрезвычайно сильно смѣшанными и принимающими участіе въ исторической жизни уже въ теченіе долгихъ вѣковъ.

Ихъ предки находились въ частыхъ сношеніяхъ съ Индіей, Египтомъ и Финикіей. Городъ Мероэ въ верхнемъ теченіи Нила былъ одною изъ ихъ столицъ и центромъ своеобразной цивилизаціи; по крайней мѣрѣ, въ теченіе уже 36 вѣковъ знакомы они съ бронзой и желѣзомъ, такъ какъ уже въ храмѣ древнихъ Ѳивъ имѣются фрески, изображающія пунтовъ или сомалійцевъ, вооруженныхъ оружіемъ, сходнымъ съ тѣмъ, какимъ они пользуются въ настоящее время. Послѣ появленія современныхъ религій, племя беджа сперва перешло въ христіанство, затѣмъ въ магометанство; племя данакиль и сомалійское племя смѣшалось съ арабами и признаетъ Магомета; нѣкоторые изъ представителей этого племени претендуютъ даже на принадлежность къ семейству самого пророка. Тѣмъ не менѣе, эти племена, столь различно видоизмѣнившіяся, являютъ намъ, подобно эскимосамъ, типичныя черты вліянія климатическихъ условій.

Прежде всего можно замѣтить, что племена эти, обитающія на

морскомъ побережьѣ жаркаго пояса, — относятся ли они къ арабской, галласской или негритянской расѣ, — представляютъ всѣ много общихъ чертъ въ своемъ физическомъ строеніи и образѣ жизни. Въ противоположность обитателямъ дальняго сѣвера, низкорослымъ и толстымъ, съ неуклюжей фигурой, выпяченнымъ животомъ и неловкими движеніями,

№ 8. Область сухого климата.



Мѣстности съ населеніемъ
Менѣе 1 жителя на 1 квад. километ. и ненаселенныя
Отъ 1 до 25 жителей " " " " "
Отъ 25 до 50 " " " " " "
Болѣе 50 " " " " " "

1: 160 000 000
0 3000 6000 километ.

1. Халха въ Монголіи.
2. Ордосское плато.
3. Пустыня Гоби.
4. Джунгарскія степи.
5. Пустыня Такламаканъ.
6. Туркменскія степи.
7. Пустыни Ирана.
8. Пустыни Аравіи.
9. Синай.
10. Нубійская пустыня.
11. Эритрея.
12. Сомалійская пустыня.
13. Ливійская пустыня.
14. Сахара.
15. Сеара — мѣстность, населеніе которой, вслѣдствіе сухости, выселяется временно.

Высокія горныя плато и хребты Азіи остаются ненаселенными вслѣдствіе холода. Киргизскія степи въ окрестностяхъ озера Балхашъ, нѣкогда густо населенныя и теперь населяющіяся снова, были одно время опустошены вслѣдствіе войны. Въ окрестностяхъ Амазонки мѣстности слабо населены, такъ какъ покрыты густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ.

эти сыны солнца стройны и тонки, гибки, всегда подвижны и необыкновенно быстры въ бѣгѣ. Черты ихъ правильны и опредѣленны, полные жизни глаза рѣзко отдѣляются отъ вѣкъ, и волоса, являющіеся единственной защитой головы отъ жгучихъ солнечныхъ лучей, спускаются гривою на плечи. Одѣяніе этихъ племенъ состоитъ изъ простого плаща или шарфа, хижины, въ которыхъ они находятъ себѣ убѣжище ночью,

представляютъ собою не болѣе какъ шалаши. Имъ не приходится, какъ эскимосамъ, поддерживать внутри хижины огонь. Пища всѣхъ ихъ очень проста, такъ какъ холодъ не заставляетъ ихъ усиливать внутреннее сгораніе: нѣкоторое количество проса, молока, масла, баранины и рыбы, если они живутъ на берегу моря, — это и все, что имъ нужно. Туземцы племени беджа и данакиль — сама воздержность; они могутъ поститься какъ самоѣды, но послѣднимъ и ихъ трапеза показалась бы тяжелымъ постомъ. Путешественникъ Вольней свѣсилъ пищу, употребляемую въ день сирійцемъ, и нашелъ, что она не превышаетъ 6 унцій, т.-е. 170 граммъ; не подлежитъ сомнѣнію, что и туземцы племени беджа поглощаютъ въ день не болѣе.

Бедуины — названіе, подъ которымъ понимаются всѣ кочевники-мусульмане,—прославляютъ въ своихъ пѣсняхъ воздержность, подобно тому, какъ мы, европейцы, прославляемъ умѣнье жить и наслаждаться «Если голодъ будетъ меня преслѣдовать,—поетъ арабъ,—я не буду его слушать, я его обману, я его позабуду, я его умерщвлю».

Точно также и въ Новомъ Свѣтѣ папагосы Соноры свободно остаются безъ питья 2 — 3 дня подъ убійственнымъ солнцемъ. И, вопреки всѣмъ таблицамъ ученыхъ физіологовъ и медиковъ, которые опредѣляютъ съ точностью количество азота, углерода и воды, необходимое для каждаго человѣческаго организма, бедуины и папагосы отличаются большой силою и удивительною ловкостью. Папагосы замѣчательные скороходы: во время игры въ «кашанеконъ», т.-е. въ «ножной мячъ», имъ приходится въ одинъ вечеръ пробѣжать за мячомъ 50—65 километровъ.

Голая монотонная мѣстность, скалы, сѣрыя глинистыя или песчаныя пространства, прерываемыя рѣдкими оазисами зелени или заросшія жидкой травою, сказываются, несомнѣнно, и на характерѣ и правахъ этихъ народностей, обитающихъ въ такихъ сухихъ и жаркихъ мѣстностяхъ. Жизнь среди этихъ ужасныхъ условій измѣняется лишь крайне медленно, идеи и обычаи остаются въ теченіе долгихъ вѣковъ все одними и тѣми же и все столь же простыми, опредѣленными, не выходящими за извѣстныя границы и до крайности однообразными.

Однако, въ головахъ, разгоряченныхъ лучами жгучаго солнца, разгораются въ то же время очень легко гнѣвъ и страсти. Въ этихъ странахъ кровавое мщенье совершается съ дикой жестокостью. Во время сильныхъ національныхъ движеній и войнъ за независимость или же во время вторженій въ непріятельскія земли, туземцы охватываются фанатизмомъ, и въ такомъ случаѣ ихъ стойкость переходитъ всѣ границы возможнаго. Это наблюдалось въ особенности во время первыхъ вторженій магометанъ и во время возстанія махдистовъ противъ вторгшихся въ ихъ страну англичанъ.

Полнымъ контрастомъ такихъ странъ, отличающихся сухостью атмо-

сферы и почвы, являются страны, гдѣ влажность воздуха и чрезмѣрное обиліе дождей дѣлаютъ почти невозможнымъ пребываніе человѣка. Въ этомъ отношеніи особый контрастъ представляетъ западная сторона Новаго Свѣта.

Тогда какъ нѣкоторыя части западнаго побережья Америки, какъ, напримѣръ, полуостровъ Калифорнія и берега южнаго Перу, не имѣютъ другихъ обитателей, кромѣ золотоискателей, ловцовъ жемчуга и купцовъ, двѣ обильныя дождями области, расположенныя на сѣверѣ и на югѣ,—именно, съ одной стороны, побережье Аляски, съ другой, острова архипелага Хоносъ,—остались также пустын-

Туземецъ племени данакиль.
(Къ стр. 54—56).

ными, несмотря на богатство лѣсами, на плодородность почвы и имѣющіяся превосходныя гавани.

Городъ Жюно на Аляскѣ, если не считать мѣстечекъ, принадлежащихъ золотымъ пріискамъ, является самымъ значительнымъ населеннымъ пунктомъ на морскомъ берегу и тѣмъ не менѣе представляетъ собою очень небольшой промысловый и административный центръ, сдѣлавшійся столицею Аляски лишь съ 1903 г.; здѣсь эксплуатація горныхъ богатствъ, лѣсовъ и рыбной ловли позволяетъ быстро обогащаться, что, конечно, важнѣе всего въ глазахъ корыстолюбивыхъ янки.

За предѣлами городка Ситхи, выстроеннаго въ прежнія времена для русскихъ чиновниковъ и содержащаго теперь конторы нѣкоторыхъ коммерческихъ предпріятій, путешествіе по Аляскѣ считается почти невозможнымъ. Вода скопляется здѣсь огромными лужами во всѣхъ неровностяхъ почвы, корни хвойныхъ деревьевъ даже на крутыхъ спускахъ задерживаютъ дождевую воду, отъ которой слои мха раздуваются, какъ огромныя губки; съ вѣтвей деревьевъ падаетъ капля за каплей, цѣлые потоки стремятся по стволамъ деревьевъ, сломанныя вѣтви усыпаютъ гранитную почву и быстро сгниваютъ, распадаясь въ липкую грязь. Сѣтъ ли частый ливень сквозь вѣтви, или поднимается отъ земли густой туманъ,—путешественникъ вѣчно пронизанъ сыростью и мокнетъ отъ воды или отъ водяныхъ паровъ. Спускающіяся облака и ползущія вверхъ волны тумана смѣшиваются постоянно, и человѣкъ, такъ сказать, не выходитъ изъ влажной ванны. Удивительно ли, что среди подобныхъ условій жители, къ тому же очень малочисленные, ведутъ жизнь крайне монотонную и скучную? Ихъ главное занятіе — это спасаться отъ дождя!

Во многихъ мѣстностяхъ, постоянно затянутыхъ туманами и затопляемыхъ дождями, человѣкъ не могъ даже вовсе устроиться, несмотря на всѣ другія преимущества, которыя онъ тамъ встрѣчалъ. Такъ, между различными мѣстностями Индійскаго океана является необитаемымъ изъза климата большой Кергуэльскій островъ (ср. стр. 61 и 63), который считается крайнимъ пунктомъ существовавшаго нѣкогда южнаго материка. Поверхность его опредѣляется въ 4—5.000 кв. килом. и обладаетъ обширными пространствами, заросшими травою, которыя могли бы быть обработаны. Какъ убѣдился на опытѣ мореплаватель Джемсъ Россъ, на нихъ съ успѣхомъ могли бы разводиться стада, подобно тому, какъ они разводятся на лежащихъ въ американскихъ водахъ гораздо ближе къ полюсу Фальклавдскихъ островахъ. По своему географическому положенію, Кергуэльскій островъ, лежащій на 49° южн. шир., соотвѣтствуетъ Парижу въ сѣверномъ полушаріи, а средняя годовая температура его около 4° Ц., что соотвѣтствуетъ годовой температурѣ Христіаніи или Москвы—мѣстностямъ, слѣдовательно, вполнѣ благопріятнымъ для существованія человѣка. Кромѣ того, Кергуэльскій островъ обладаетъ прекрасными гава-

ями, совершенно защищенными отъ ужасныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, и расположенъ на половинѣ пути между Капштадтомъ и Мельбурномъ. Вполнѣ понятно, что французское правительство возымѣло мысль принять въ свое владѣніе этотъ островъ, который обѣщалъ получить чрезвычайно важное значеніе въ экономической жизни. Однако, моряки, китобои и нѣкоторые натуралисты, посѣтившіе Кергуэльскій островъ и пробывшіе тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, среди постоянныхъ дождей и бурь, своими разсказами мало подавали надежды на успѣшность попытокъ колонизаціи острова. Особенно безнадеженъ его западный берегъ, подвергающійся постояннымъ вѣтрамъ и окутанный густыми туманами; даже альбатросы не рѣшаются гнѣздиться на его скалахъ. Люди могутъ жить здѣсь развѣ лишь поневолѣ и страстно жаждутъ покинуть этотъ «Островъ отчаянія», какъ назвалъ его Кукъ во время своего путешествія въ 1776 г. Приспособляясь къ климату, насѣкомыя, населяющія островъ, — мухи и единственная мѣстная бабочка,— утратили свои крылья: эти органы должны были лишь мѣшать имъ, такъ какъ стоило имъ только раскрыть крылья, чтобы быть унесенными вѣтромъ.

Сомаліецъ.
(Къ стр. 54—56).

По той же причинѣ — чрезмѣрной сырости — многія тропическія долины, удивительно плодородныя и богатыя драгоцѣнными металлами, остаются совершенно не населенными: человѣкъ не можетъ въ нихъ жить изъ-за непрерывныхъ дождей. Такъ, напримѣръ, богатыя золотыя розсыпи въ Каравайя, на восточномъ склонѣ перувіанскихъ Андовъ, были оставлены испанскими золотоискателями втунѣ, въ теченіе всего XIX вѣка, несмотря на всю алчность испанцевъ къ золоту. Точно также склоны Андовъ въ области Эквадора, направленные на западъ къ глубокой складкѣ, которую прорѣзываетъ Амазонка, остаются почти необитае-

мыми, несмотря на богатство ихъ розсыпей и на разнообразіе цѣнныхъ растеній.

Много разъ пытались авантюристы устроиться въ восточныхъ долинахъ Сіерры-Невады между Ріо-Хама и Санта-Марта, надѣясь собрать тамъ богатую жатву золота. Однако, дожди, которые идутъ тамъ буквально ежедневно и развиваютъ сырость, благопріятствующую размноженію комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, сосущихъ кровь и передающихъ заразныя болѣзни, постоянно заставляли ихъ отказываться отъ этого намѣренія. Возможно, впрочемъ, что въ будущемъ завоеватели, лучше снаряженные, во всеоружіи науки и техники, приспособившіеся къ борьбѣ съ сыростью, сумѣютъ восторжествовать надъ природными условіями и устроятся на тѣхъ мѣстахъ, откуда бѣжали ихъ предшественники.

Влажность почвы также иногда препятствуетъ жить человѣку въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ влажность воздуха не настолько велика, чтобы ему мѣшать. Такъ въ Ирландіи «quaking bogs» или «трясучія торфяныя болота» и во многихъ мѣстностяхъ Новаго Свѣта «tremendales» и «tembladeras» старательно избѣгаются путешественниками и могутъ быть обработаны лишь послѣ долгаго предварительнаго осушенія почвы.

Еще въ недавнія времена внутренняя часть острова Нью-Фаундленда оставалась совершенно неизвѣстной, несмотря на то, что по берегу моря деревни и мѣстечки тянутся тамъ непрерывно, располагаясь у богатыхъ рыбою заливовъ и хорошо защищенныхъ гаваней. Тѣ изъ отважныхъ путешественниковъ, которымъ удавалось пройти съ одного берега острова до другого, чрезъ мѣстность, покрытую скалами, мелкими озерками, болотами и пространствами, заросшими карликовыми хвойными,— считались прямо совершившими подвигъ. Особенно затрудняютъ путь эти заросли хвойныхъ, въ которыхъ мелкія, стелющіяся деревца такъ перепутываются между собою, что приходится идти по ихъ стволамъ и сплетающимся вѣтвямъ. Чтобы сдѣлать эту страну доступной для жилья, пришлось цѣною огромныхъ затратъ провести колесныя и желѣзныя дороги. Впрочемъ, и въ настоящее время зимой передвиженіе по острову затруднительно вслѣдствіе постоянныхъ снѣжныхъ заносовъ.

Между областями, которыя, казалось бы, должны быть также необитаемы вслѣдствіе сырости, но все-таки населены людьми и даютъ своимъ жителямъ особый отпечатокъ, должно отмѣтить озерную часть верховьевъ Нила, гдѣ Нилъ задерживается хребтомъ, называемымъ «Ярмомъ рѣки», и образуетъ въ періодъ дождей обширное озеро, усѣянное большими травянистыми островками, которые называются, по мѣстному, «седдами». Негритянское племя дэнка, живущее тамъ, если не совсѣмъ въ водѣ, то, во всякомъ случаѣ, по самымъ болотистымъ берегамъ или по упомянутымъ островкамъ, служитъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ со

Кергузльскій островъ.—Панорама «Портъ-Газели», близъ водопада Пойнтъ-Дёкъ.

А—гористый полуостровъ съ обсерваторіей. — В—складъ провіанта. — С— мысъ Ашфельдъ, входъ въ «Портъ-Газель».

(Къ стр. 58—59).

стороны всѣхъ сосѣдей, вслѣдствіе того, что эти негры, а въ особенности часть племени, извѣстная подъ названіемъ «нюэръ», чрезвычайно похожи своими привычками на голенастыхъ болотныхъ птицъ, питающихся рыбою. Они высокаго роста и на очень длинныхъ и тонкихъ ногахъ, почему про нихъ говорятъ, что они ходятъ на ходуляхъ; подобно аистамъ, эти негры стоятъ нерѣдко въ водѣ на одной ногѣ, поджимая другую ногу, и могутъ пробыть въ такой странной позѣ болѣе часа (см. рис. на стр. 65). При ходьбѣ они опускаютъ ногу въ воду съ осторожностью, боясь наступить на какое-нибудь животное, и затѣмъ высоко поднимаютъ другую ногу, чтобы перешагнуть чрезъ стебли травъ. Такую походку сохраняютъ они даже и на сухомъ пути, — ихъ ходьба, дѣйствительно, напоминаетъ хожденіе на ходуляхъ. Занимаясь рыбною ловлей, эти негры становятся часто на верхушку гнѣзда термитовъ, поднимающагося холмикомъ надъ равниной,—гнѣзда термитовъ здѣсь гораздо выше, чѣмъ въ не затопляемыхъ областяхъ, такъ какъ термиты надстраиваютъ себѣ больше этажей, чтобы уходить въ верхніе, когда поднимается вода. Издали такой рыболовъ, стоящій на верхушкѣ красноватаго гнѣзда, представляетъ крайне курьезную фигуру, и прямо не различишь, человѣкъ ли это, или большая цапля-лопатень (Balaeniceps rex), которую арабы называютъ «отцомъ башмака» за ея широкій носъ.

Негры дэнка ходятъ постоянно голые, —одежда мѣшала бы имъ ходить по водѣ, и сырая матерія, прилегающая къ кожѣ, несомнѣнно, была-бы причиной лихорадокъ. Вслѣдствіе этого, здѣсь, какъ и всюду, обычай обратился въ законъ, и туземцамъ этого племени даже прямо

показалось бы стыдомъ, еслибы имъ пришлось одѣться! Для украшенія имъ вполнѣ достаточно татуировки на тѣлѣ и кольцъ и браслетовъ на рукахъ и ногахъ. Приходится, однако, все же позаботиться о томъ, чтобы кожа была покрыта чѣмъ-нибудь противъ сырости,—и вотъ часто эти негры, послѣ пожара въ степи, весело катаются въ золѣ, на подобіе муловъ, съ которыхъ только-что сняли сѣдла; когда они затѣмъ встанутъ, то оказываются совсѣмъ сѣрыми или синевато-сѣрыми, если сквозь слой пыли просвѣчиваетъ ихъ черная кожа! Впрочемъ, тѣ изъ нихъ, кто побогаче и владѣетъ большими стадами, вымазываютъ также иногда все свое тѣло жиромъ, покрывая его затѣмъ правильно расположенными полосами коровьяго помета.

Во многихъ другихъ странахъ земного шара, въ Индіи и Индокитаѣ, въ Матто-Гроссо, въ Бразиліи, въ Гранъ-Хако, въ Парагваѣ и въ Аргентинѣ, также живутъ племена, ведущія такой-же земноводный образъ жизни, какъ негры-дэнка. Эти племена тоже бродятъ по водѣ, соперничаютъ съ голенастыми птицами въ ловлѣ рыбы и умудряются существовать на зыбкой почвѣ, образованной сгнившимъ тростникомъ, подъ которымъ скрываются глубокія воды. Люди эти, положительно, вѣчные плѣнники болота, въ которомъ всякій другой, не приспособившійся къ нему, человѣкъ, безъ сомнѣнія, погибъ бы.

Такими же плѣнниками окружающей природы являются и туземцы племени уараунъ или гуараносы, которые были описаны Гумбольдтомъ и сдѣлались съ тѣхъ поръ довольно извѣстными. Въ тѣ времена, когда ихъ посѣтилъ этотъ великій путешественникъ, т.-е. въ началѣ XIX вѣка, гуараносы были въ 4 или 5 разъ многочисленнѣе, чѣмъ теперь. Въ періодъ наводненій, когда всѣ острова нижняго теченія Ориноко, расположенные между 40 его рукавами, покрывались вышедшими изъ береговъ водами, они обитали на верхушкахъ деревьевъ. Чтобы поддержать свое жилище, расположенное на много метровъ надъ водой, они соединяли верхушки нѣсколькихъ пальмъ и устраивали надъ такою образовавшеюся крышею изъ листьевъ настилку для своихъ хижинъ [1]).

Такой способъ устройства жилищъ не сохранился у нихъ до нашихъ дней [2]). Гуараносы вступили въ постоянныя сношенія съ европейцами—на востокѣ съ испанцами, на западѣ съ англичанами—и строятъ себѣ теперь прочныя баржи, которыя служатъ имъ плавучимъ жилищемъ въ теченіе всего времени, пока ихъ обыкновенная хижина затоплена рѣкою. Какъ только вода начнетъ подниматься и выходить изъ береговъ, они устраиваются на своихъ баржахъ и становятся съ ними на якорь. Ихъ образъ жизни также измѣнился, какъ въ смыслѣ приго-

1) Humboldt. «Voyage aux régions équinoxiales». — 2) Plassard. «Bulletin de la Soc. de Geogr. de Paris.», Juin. 1868.

товленія различныхъ издѣлій, такъ и въ смыслѣ добыванія пищи: ранѣе она состояла почти исключительно изъ продуктовъ одного лишь дерева—пальмы-мауриціи, теперь же болѣе разнообразна. Несмотря на то, что они, такимъ образомъ, вкусили нѣсколько цивилизаціи, гуараносы ведутъ

№ 9. Кергузльскія острова.

(Къ стр. 58–59).

себя все же во многихъ случаяхъ жизни совсѣмъ иначе, чѣмъ жители твердой земли.

Такъ, при проведеніи дорогъ, они не ограничиваются тѣмъ, что прорубаютъ просѣку въ лѣсу, какъ это дѣлаютъ жители болѣе сухихъ странъ,—срубивъ деревья, они кладутъ ихъ поперекъ дороги и связы-

ваютъ веревками, свитыми изъ волоконъ пальмъ. Когда наступаетъ разливъ, вся такая дорога подымается водою съ одного конца до другого и какъ бы превращается въ плотъ; когда вода падаетъ, стволы деревьевъ снова ложатся на землю. Замѣчаются также странности и по отношенію къ покойникамъ,—гуараносы не желаютъ хоронить ихъ въ жидкой болотистой почвѣ и потому покрываютъ ихъ толстымъ слоемъ глины и подвѣшиваютъ къ вѣтвямъ вблизи своихъ хижинъ или привязываютъ къ своимъ баржамъ и таскаютъ за ними вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ трупъ въ нѣсколько часовъ совершенно объѣдается рыбами, и тогда останки родственниковъ благоговѣйно укладываются въ особую корзину, служащую погребальной урной.

Даже и въ столь высоко цивилизованной Европѣ, въ средѣ совершенно проникнутаго современнымъ духомъ городского населенія, сохраняются нерѣдко странные обычаи, выработавшіеся въ прежнія времена, благодаря вліянію среды,—они до сихъ поръ находятъ себѣ оправданіе въ мѣстныхъ условіяхъ и, надо сказать, сильно измѣнились подъ благотворнымъ вліяніемъ цивилизаціи. Такъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Гамбурга—этого перваго по своему значенію коммерческаго порта Германіи и даже всей континентальной Европы—огородники и земледѣльцы, работающіе на поляхъ по низменнымъ берегамъ Эльбы, для передвиженія пользуются и теперь еще высокими ходулями. Точно также къ западу отъ острова Нуармутье (у устья Луары) другіе обитатели болотъ живутъ въ хижинахъ, которыя они строятъ изъ глины, смѣшанной съ мелко изрубленнымъ тростникомъ, и покрываютъ ихъ пучками ситника, чередующимися со слоями глины, чтобы крышу не унесли морскіе вѣтры. Обитатели этихъ хижинъ также не могутъ передвигаться иначе, какъ пользуясь длинными жердями, которые помогаютъ имъ перепрыгивать черезъ рвы.

Что касается до ландескотовъ Гаскони, обитающихъ по сосѣдству съ озерами, которыя окаймляютъ морской берегъ, то они во время ходьбы представляютъ, положительно, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, такъ какъ пользуются ходулями иногда вышиною до двухъ метровъ. Среди луговъ, усѣянныхъ лужами воды и болотами, имъ прямо не было бы возможности слѣдовать за своими стадами овецъ, которыми они живутъ, еслибы они не снабжали свои ноги этими курьезными подставками. При видѣ группы такихъ идущихъ на ходуляхъ ландовъ, прямо не можешь удержаться отъ выраженія своего изумленія! Закутанные въ свои овчинныя одѣянія, они шествуютъ медленно, причемъ вяжутъ на ходу чулокъ или крутятъ нитки (рис. на стр. 67); такъ подвигаются они по обширнымъ зарослямъ камыша и ситника, какъ бы получивъ какимъ-то волшебствомъ способность скользить по верхушкамъ растеній; зритель не можетъ выбраться изъ камыша, а они свободно идутъ впе-

редъ и—смотришь—уже вырисовываются на краю горизонта! Еще замѣчательнѣе кажутся ландескоты, когда разсматриваешь ихъ вблизи,—вопреки всѣмъ доводамъ разума, никакъ не можешь отказаться отъ мысли, что ходули — это настоящія продолженія ихъ ногъ! Притомъ тѣ мѣста, которыя представляются у нихъ назадъ, а не впередъ, какъ у простыхъ колѣнями, сгибаются смертныхъ! Длинная палка, которою ландескоты пользуются съ замѣчательной ловкостью, служитъ имъ въ различныхъ случаяхъ то для удержанія равновѣсія, то въ качествѣ руки, то въ качествѣ подпорки и еще болѣе увеличиваетъ курьезность ихъ внѣшняго вида, — положительно, кажется, что видишь передъ собой какихъ-то гигантскихъ кузнечиковъ! Въ нѣкоторыхъ районахъ, еще не превращенныхъ въ лѣса при помощи искусственной посадки, всѣ мѣстные жители обязательно ходятъ на ходуляхъ,—даже дѣти не боятся забираться на высокія ходули родителей; тамъ нерѣдко можно видѣть, какъ по долинѣ, заросшей камышемъ, медленно двигаются женщины, одѣтыя чаще всего въ черное и похожія на огромныхъ вороновъ, сидящихъ на высохшихъ вѣтвяхъ.

Негръ племени дэнка.
(Къ стр. 61).

Горы являются однимъ изъ тѣхъ элементовъ внѣшней среды зем-

ной поверхности, которые, всей совокупностью своихъ физическихъ условій, сильнѣе всего придаютъ особый характеръ обитателямъ и болѣе всего вліяютъ на выработку своеобразныхъ нравовъ и привычекъ, иногда оригинальныхъ до крайности. Поднимаясь высокой стѣной надъ равниною, горы представляютъ рѣзкій контрастъ со степями и пустынями, побуждающими человѣка свободно передвигаться въ ничѣмъ неограниченномъ пространствѣ. Въ горахъ весь міръ кажется ограниченнымъ ихъ крутыми скатами, и, дѣйствительно, границы, образуемыя стѣною горъ, бываютъ рѣзки. Населеніе жмется у подошвы горы и здѣсь оно многочисленно, подвижно, полно жизни, какъ волны озера, плещущаго у подножья утесовъ. Выше въ горахъ начинаются крутыя, обрывистыя скалы и голыя каменистыя пространства, — ихъ избѣгаетъ человѣкъ.

Все же иногда чрезмѣрная населенность равнины заставляетъ людей, въ поискахъ за средствами къ существованію, проникать въ ущелья горъ и заселять области, которыя на первый взглядъ кажутся недоступными, но въ дѣйствительности вполнѣ благопріятны для жизни колонистовъ.

Въ горныхъ странахъ мы нерѣдко находимъ пространства, долины, замкнутыя и окруженныя высокими стѣнами горъ, — это совершенно особые міры, иногда достаточно обширные и настолько богатые природными рессурсами, что дозволяютъ существовать обширному населенію; благодаря своей изолированности, такія мѣстности могутъ явиться колыбелью новой, своеобразной цивилизаціи. Такъ, въ Новомъ Свѣтѣ, образовались въ замкнутыхъ долинахъ такія рѣзко обособленныя этническія группы, какъ, напр., мексиканское племя нахюатль, племена мюйска, кихуа и аймара. Иногда долины рѣкъ, окруженныя великолѣпнымъ амфитеатромъ снѣжныхъ горъ, снабжающихъ ихъ въ изобиліи водою, являются роскошными садами; такова чудная долина Кашмира, покрытая огромными озерами. Половина Швейцаріи также представляетъ собою полосу горныхъ луговъ и лѣсистыхъ пространствъ, которая закрыта съ сѣверо-востока склонами Юры и превращена во внутреннюю долину.

Но если складки горъ и заключаютъ иногда обширныя, удобныя для обитанія мѣстности, дающія пріютъ милліонному населенію, то чаще все же, надо сказать, жителямъ высокихъ горъ приходится довольствоваться узкими долинами, окруженными скалами и не содержащими обыкновенно по своимъ сѣроватымъ склонамъ ничего, кромѣ скудной растительности; нерѣдко такія долины засыпаны скатившимися камнями, и надъ ними нависаютъ скалы, угрожающія обваломъ.

Сообщеніе такихъ естественныхъ темницъ съ остальнымъ міромъ совершается лишь съ большимъ трудомъ, и во многихъ горныхъ мѣст-

ностяхъ ихъ естественнымъ центромъ притяженія является не та область, которая лежитъ ниже по теченію рѣки, а другая, расположенная на противоположномъ склонѣ, въ бассейнѣ совершенно иной рѣки. Это случается, когда съ одной стороны хребта имѣются легко доступные и богатые растительностью склоны, по которымъ могутъ спокойно бродить стада и легко пройти человѣку, тогда какъ по другому склону, ниже по теченію рѣки, находится крутое и опасное ущелье. Путникъ предпочитаетъ тогда лучше спуститься по скалистому склону, чѣмъ идти узкою щелью, гдѣ воды бѣгутъ съ ревомъ и грохотомъ, и скалы нависаютъ крутыми стѣнами. Таковы были условія, напр., въ долинѣ Кейра (рис. на стр. 69 и 71), пока тамъ не была проведена съ огромными затратами горная дорога, идущая по скалистому хребту, поднимающемуся надъ рѣкою Гиль; когда не было этой дороги, вся долина сообщалась съ внѣшнимъ міромъ лишь чрезъ ущелье Изоаръ, открывающееся на сѣверъ по направленію къ Бріансону.

Ландескотъ.
(Къ стр. 64).

Горные проходы бываютъ настолько затруднительны, что въ Альпахъ южной Франціи имъ даютъ названіе «clus» или «cluses», свидѣтельствуя тѣмъ, что это настоящіе запоры, замыкающіе долину отъ внѣшняго міра,—приходится или сидѣть узникомъ взаперти, или выби-

рать другую дорогу, чтобы выбраться. На каждой подробной картѣ горной страны можно найти сотни долинъ, носящихъ названіе «долины Ада», «долины Конца Свѣта» и т. п., каждая такая долина содержитъ свое особое маленькое, затерянное въ горахъ, человѣчество,—здѣсь нерѣдко находятъ себѣ пріютъ всего лишь 2 — 3 семейства, заключенныя на узкомъ пространствѣ и окруженныя скалами и снѣгами.

И если здѣсь оказываются замкнутыми хижины, то то же самое можно сказать и о самихъ обитателяхъ ихъ и о духовной жизни послѣднихъ [1]). Принужденныя полагаться лишь на свои собственныя силы и очень малочисленныя, изолированныя общины этихъ замкнутыхъ долинъ не могутъ, само собою разумѣется, быть носителями столь сложной цивилизаціи, какъ обитатели просторныхъ низменныхъ равнинъ. Имъ приходится придерживаться первобытной техники, заниматься воздѣлываніемъ своихъ крохотныхъ клочковъ пахотной земли, уходомъ за стадами и охотой на горныхъ животныхъ.

По легендѣ, которую приняли и нѣкоторые историки, не приложившіе къ ней достаточно острой критики, населеніе равнинъ сошло, будто бы, съ горъ, слѣдуя теченію рѣкъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ дѣйствительности переселеніе народовъ совершалось всюду въ обратномъ направленіи. Обитатели высокихъ горъ, по существу, — люди равнины, которымъ пришлось подняться къ вершинамъ, либо съ цѣлью избѣжать непріятельскаго нашествія, либо для того, чтобы спастись отъ голода, либо въ поискахъ за вѣрнымъ убѣжищемъ и еще дѣвственными землями. Горныя равнины являются прекрасными убѣжищами,—въ нихъ спасаются нерѣдко народы-бѣглецы, пришедшіе изъ самыхъ различныхъ странъ, принадлежащіе къ разнообразнѣйшимъ расамъ и приспособленные ранѣе къ самымъ различнымъ внѣшнимъ условіямъ.

Между массою народностей, обосновавшихся въ замкнутыхъ долинахъ горъ, повидимому, ни одна не можетъ разсматриваться какъ вполнѣ самостоятельная и типичная, такъ какъ подобныя бѣгства или переселенія народовъ совершались въ самые различные періоды исторіи и имѣли самую разнообразную судьбу. Какъ бы ни были, однако, разнообразны по своему происхожденію и нравамъ обитатели горныхъ долинъ, они все же находятся въ болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ внѣшней среды, а потому представляютъ и много общихъ чертъ. Прежде всего уже разрѣженность воздуха вызываетъ у нихъ у всѣхъ одинаковыя особенности дыханія: дѣйствительно, человѣкъ, живущій на 2—3.000 метрахъ надъ уровнемъ моря, не получаетъ при одномъ вдыханіи такого же точно количества кислорода, какъ житель низменныхъ мѣстностей, и этотъ-то недостатокъ животворнаго газа вызываетъ во время подъема на горы

1) Gustave Droz. «Autour d'une source»

Входъ въ долину Кейра.
(Къ стр. 67).

всѣмъ извѣстную «горную болѣзнь», ближайшей причиной которой служитъ неполное выведеніе изъ организма ядовитыхъ веществъ, развивающихся въ крови.

Вслѣдствіе такого «барометрическаго малокровія» [1]), развивающа-

1) Tyndall; Bert; Jourdanet, «Du Mexique au point de vue de son influence sur la vie de l'homme».

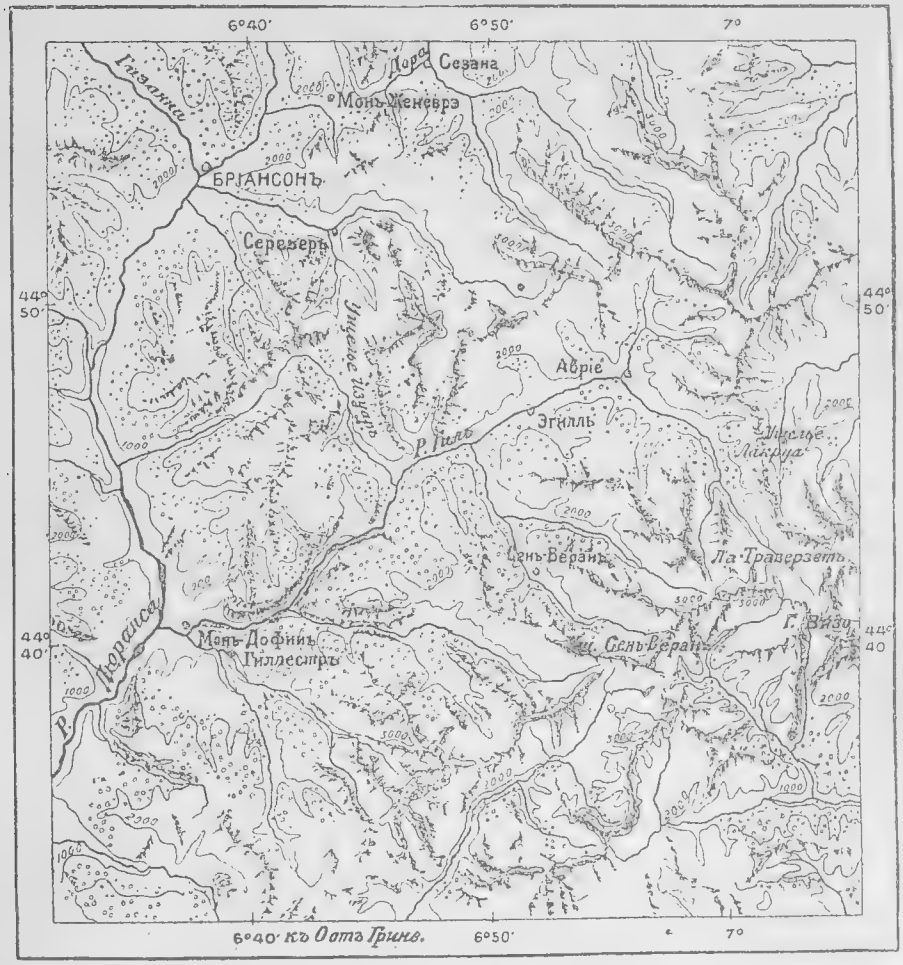
гося отъ слабаго атмосфернаго давленія, временные посѣтители высокихъ нагорій подвергаются особымъ болѣзнямъ, не встрѣчаемымъ въ низменныхъ равнинахъ. Однако, человѣческій организмъ можетъ приспособиться и къ этимъ условіямъ, благодаря особому физіологическому измѣненію: число красныхъ кровяныхъ шариковъ, которыхъ насчитывается около 5 милліоновъ въ кубическомъ миллиметрѣ крови людей, живущихъ въ мѣстностяхъ у морского побережья, увеличивается до 8 и даже болѣе милліоновъ у обитателей высотъ въ 4.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Такое приспособленіе возможно, и притомъ не только въ теченіе ряда поколѣній: даже и отдѣльный человѣкъ можетъ пріобрѣсти такое же точно приращеніе количества кровяныхъ шариковъ при пребываніи въ мѣстностяхъ съ разрѣженнымъ воздухомъ, и даже довольно быстро. Приспособленіе это вызвало у горныхъ жителей характерную особенность, отличающую ихъ отъ жителей равнины,—именно, иные размѣры грудной клѣтки. Туземцы племенъ кихуа и аймара, равно какъ и тибетцы, положительно, поражаютъ массивностью своего туловища и короткими конечностями, которыя кажутся обитателямъ равнины неуклюжими. Даже чистокровные потомки испанцевъ, устроившіеся 300 или 400 лѣтъ тому назадъ на плоскогоріяхъ Колумбіи и Мексики, отличаются отъ своихъ собратьевъ кастильской расы развитіемъ груди.

Всѣ мы, путешественники, посѣщающіе горы временно, въ теченіе лучшаго сезона, и наслаждающіеся тамъ чистымъ горнымъ воздухомъ, ароматомъ травъ, чудными альпійскими цвѣтами и восхитительными горными прогулками, всѣ мы—не даемъ себѣ труда подумать о томъ, какова на самомъ дѣлѣ была жизнь первобытныхъ обитателей горъ и какова жизнь теперешняго населенія, замкнутаго въ горныхъ долинахъ, которыя лѣтомъ такъ живописны и привлекательны.

Въ настоящее время насъ доставляютъ въ эти маленькіе замкнутые мірки извилистыя дороги, проложенныя надъ горными обрывами, или—съ еще бо́льшими удобствами—желѣзнодорожные пути, насквозь пронизывающіе горные хребты, и, уставъ отъ обыденныхъ хлопотъ нашей жизни, истощенные тѣломъ и душою, мы, попавъ въ горы, стараемся лишь возстановить свое физическое и душевное равновѣсіе. Среди величественныхъ горныхъ вершинъ намъ все кажется прекраснымъ; не то скажутъ, однако, мѣстные жители,—они хорошо знаютъ, какъ тяжело жить въ горныхъ тѣснинахъ! Подобно полярнымъ странамъ, многія долины Альпъ совершенно не видятъ солнца въ теченіе нѣкоторой части года, и въ зимній день тамъ нѣтъ прямого и яркаго свѣта, замѣчается только нѣкоторое ослабленіе ночной тьмы, и лишь вдали, за высокими хребтами, распространяется отблескъ дневного свѣтила! Въ полдень обитатели долины съ трепетомъ слѣдятъ взорами за свѣтомъ зари, кото-

рая высоко, на вершинахъ, освѣщаетъ гребень, а затѣмъ ослабѣваетъ

№ 10. Долина Кейра.
(Къ стр. 67).



Линіи горизонталей проведены на уровнѣ 1000, 2000 и 3000 метр.

Лѣса *Хребты горъ*

1 : 400 000

0 5 10 15 20 25 Километ.

снова и мало по малу погасаетъ, оставляя въ печальномъ полумракѣ могилы населеніе глубокой долины. Въ этихъ долинахъ, подобно тому

какъ на островахъ Ледовитаго океана, «темноту труднѣе перенести, чѣмъ холодъ»!

Какая радость для всѣхъ этихъ людей, живущихъ во тьмѣ, когда весною покажется, наконецъ, изъ-за горъ сперва краешекъ лучезарнаго свѣтила, затѣмъ весь его дискъ, и оно загорается, сіяющее, какъ божество, на небосклонѣ! Оно встрѣчаетъ и пріемъ, достойный божества: въ долинѣ Годмаръ, напримѣръ, обитатели деревушки Андріё, еще въ недавнія времена, собирались въ концѣ лѣта на мосту, переброшенномъ черезъ рѣку, чтобы проводить солнце, а затѣмъ, когда оно, черезъ 102 дня послѣ исчезновенія (его не видно тамъ съ 1-го ноября по 10-ое февраля), снова показывало изъ-за горъ свой золотой дискъ, они предлагали ему круглую лепешку изъ яицъ, которая служила какъ бы грубымъ символомъ, напоминавшимъ по цвѣту и формѣ божественное свѣтило,—этимъ они какъ бы старались расположить къ себѣ солнце и заставить его заботиться о скудныхъ продуктахъ ихъ земледѣлія, возрастающихъ на безплодной почвѣ [1]).

Отсутствіе свѣта дѣлаетъ, разумѣется, мѣстность нездоровою: человѣкъ плохо развивается на днѣ вѣчно мрачныхъ и сырыхъ ущелій; его суставы сводитъ, онъ дѣлается рахитичнымъ, нерѣдко зобатымъ, иногда даже кретиномъ. Горныя мѣстности постоянно содержатъ массу всевозможныхъ больныхъ и уродовъ—золотушныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ и глухихъ. Одно изъ селеній въ Альпахъ носило въ прежнія времена данное ему, вѣроятно, по заслугамъ, названіе: «Villard-Goîtreux» (поселка зобатыхъ),—даже собаки и куры бродили въ немъ, влача за собою длинные зобы! Правда. за послѣднюю половину XIX вѣка гигіеническое состояніе населенія сильно измѣнилось, такъ какъ въ долины проникло просвѣщеніе, принесшее свои плоды; быть можетъ, развитіе въ Альпахъ химической промышленности также явилось причиною измѣненія состава воздуха [2]).

Населеніе въ Гималаяхъ, Пиренеяхъ, на Кавказѣ и въ Андахъ Америки является также въ значительной степени чахлымъ: напримѣръ, въ долинѣ Каука въ Колумбіи зобатые составляютъ большинство населенія. Впрочемъ, отъ продолжительнаго отсутствія солнца страдаютъ не только люди, заключенные въ несчастныя деревушки глубокихъ, замкнутыхъ ущелій горъ,—отъ этого приходится терпѣть и жителямъ городовъ, расположенныхъ хотя бы и внѣ горъ, но еще въ тѣни, отбрасываемой ими. Ослабленіе солнечнаго свѣта и тепла влечетъ за собою, несомнѣнно, также соотвѣтственное уменьшеніе полноты душевной жизни и умаленіе свободы духа.

---

1) Ladoucette. «Histoire... des Hautes-Alpes». — 2) Louis Cuisinier. «Notes manuscrites».

Къ неблагопріятнымъ вліяніямъ среды въ высокихъ горныхъ долинахъ должно присоединить еще загроможденіе проходовъ снѣгами въ теченіе зимы. Въ это время обитатели находятся въ такихъ же совершенно условіяхъ, какъ въ полярныхъ странахъ. Снѣга скопляются въ ущельяхъ, громоздятся на высотахъ и по краямъ обрывовъ, угрожая упасть и раздавить хижины, расположенныя въ долинахъ. Для того, чтобы не быть раздавленными, обитателямъ приходится иногда спасаться въ естественныхъ или нарочно выкопанныхъ пещерахъ и вырывать зимой подъ снѣгомъ галлереи, чтобы въ пещеры могъ проникнуть наружный воздухъ. Обыкновенно съѣстные припасы, запасенные въ теченіе лѣта, оказываются недостаточными для семей этихъ пещерныхъ людей, не обладающихъ, къ сожалѣнію, подобно суркамъ, способностью запасаться на зиму толстымъ слоемъ жира и впадать въ спячку. Въ такихъ случаяхъ людямъ зрѣлыхъ лѣтъ приходится оставлять въ пещерахъ стариковъ, женщинъ и дѣтей и спускаться въ долину, чтобы тамъ искать себѣ средствъ къ существованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, горные жители, заключенные зимою въ своей темницѣ, не могутъ долго выносить такой неволи,—ихъ тянетъ на свободу, вдаль, тѣмъ болѣе, что со своихъ высокихъ хребтовъ, окружающихъ долину, они видятъ весь обширный міръ разстилающимся у своихъ ногъ; онъ притягиваетъ ихъ къ себѣ, и они спускаются съ горъ и идутъ все далѣе и далѣе, какъ бы влекомые безграничною ширью!

Изо всѣхъ обитателей Европы чаще всего швейцарцевъ приходится встрѣчать заброшенными судьбою въ напразличнѣйшихъ частяхъ земного шара. Постепенное улучшеніе путей сообщенія во всѣхъ странахъ, по которымъ расходятся рѣки, берущія начало въ Швейцаріи, — Рейнъ, Рона, Тичино, Дунай, — съ давнихъ поръ научило ихъ искусству расширять поле своей дѣятельности, и нигдѣ на свѣтѣ это стремленіе за предѣлы отечества не вошло такъ въ плоть и кровь населенія.

Выселеніе на зимнее время части горныхъ жителей происходило постоянно и, въ концѣ концовъ, привело къ регулярнымъ переселеніямъ. Обитатели ниже расположенныхъ равнинъ, вслѣдствіе такихъ періодическихъ посѣщеній, совершенно свыклись съ подобными странствованіями горныхъ жителей—привыкли къ нимъ такъ, какъ привыкаютъ къ пролету птицъ. Они ихъ принимаютъ съ полнымъ радушіемъ, такъ какъ гости эти приносятъ имъ продукты своей земли — полезныя или красивыя вещи, напримѣръ, великолѣпные кристаллы, найденные въ горахъ, цѣнныя растенія и рѣдкихъ животныхъ; горные жители предлагаютъ также и свой трудъ въ обмѣнъ за хлѣбъ насущный. Необходимость заставляетъ ихъ изощряться въ изобрѣтеніи особыхъ ремеслъ,—они стараются сдѣлаться полезными людямъ и путешествуютъ изъ страны въ страну, торгуя чѣмъ-нибудь или оказывая какія-нибудь услуги. Въ Южной Америкѣ еще

недавно, передъ началомъ европейской колонизаціи, когда желѣзныя дороги еще не измѣнили экономическихъ условій страны, всѣ взрослые туземцы боливійскаго племени каллаюайя, составляющаго часть народа аполистовъ, въ горахъ Аполобамба, отправлялись ежегодно въ окрестныя страны въ качествѣ торговцевъ лѣкарствами, магнитными камнями и другими средствами; они доходили даже до Лимы, Вальпарайзо, Буэносъ-Айреса и Ріо-Жанейро. Наиболѣе ловкіе изъ нихъ, которыхъ можно было узнать по носимому ими большому распятію, славились какъ замѣчательные врачи. Послѣ долгихъ годовъ бродячей жизни эти indios del Perú (индѣйцы изъ Перу) возвращались въ свою страну съ тяжелыми кошелями, набитыми серебромъ, и иногда даже съ цѣлыми караванами нагруженныхъ муловъ. По возвращеніи, они усыновляли дѣтей, родившихся за время ихъ отсутствія, и обучали мальчиковъ своему искусству и своему образу жизни [1]).

Торговцы, спускавшіеся съ горъ, обыкновенно не принимали никакого участія въ раздорахъ тѣхъ странъ, по которымъ имъ приходилось проходить, и не становились ни на чью сторону во время войнъ. Однако, въ общемъ, для горныхъ жителей всякое занятіе казалось хорошимъ, если за него платили, и потому случалось, что временно они занимались и въ качествѣ воиновъ. Такъ, швейцарцы въ средніе вѣка славились какъ храбрые вояки и служили въ качествѣ наемниковъ,—убивать и грабить сдѣлалось даже ихъ ремесломъ!

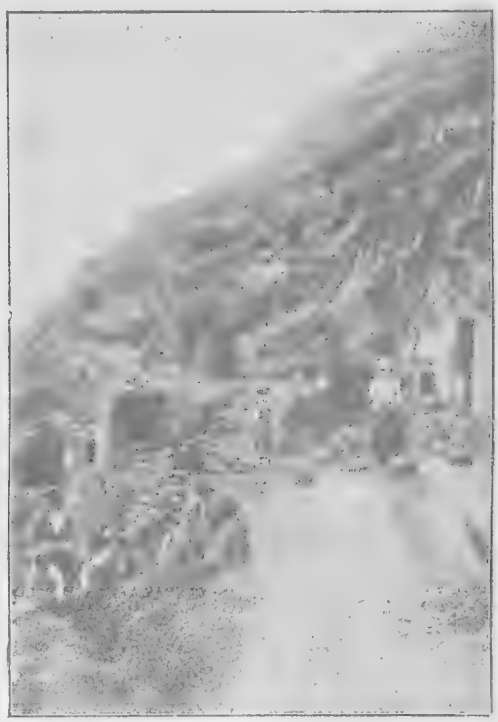
Обыкновенно хвалятъ храбрость жителей горъ, и это качество ихъ является опять-таки слѣдствіемъ окружающей среды и ихъ образа жизни. Сохраняя въ своихъ владѣніяхъ свободу и независимость, благодаря стѣнѣ горъ, которая ихъ защищаетъ, обитатели горныхъ долинъ вполнѣ естественно считаютъ, что преимущества, доставляемыя окружающимъ, зависятъ отъ ихъ собственныхъ высокихъ свойствъ,—иллюзія столь естественная и общечеловѣческая! Они признаютъ толпу людей, живущихъ ниже ихъ, на равнинѣ, за существа болѣе низкія и не способныя съ ними сравняться. Каждая долина въ горахъ образуетъ сама по себѣ маленькую республику, вступающую нерѣдко въ союзъ съ сосѣдними долинами, и такая республика вполнѣ гарантирована отъ нападеній до тѣхъ поръ, пока не нарушено согласіе съ сосѣдями: ей не страшны враги, обитающіе ниже, на равнинѣ.

До того, какъ въ горахъ были проведены дороги, обитатели горъ могли считать себя совершенно неуязвимыми, благодаря природной недоступности ихъ жилищъ: ихъ защищали лабиринты горныхъ тропинокъ и крутые подъемы, по которымъ лишь они одни знали путь. Естествен-

---

1) Lina Beck-Bernard, Hugo Reck, Bollaert etc.

ныя крѣпости, представляемыя горами, были достаточны для нихъ, и имъ не приходилось строить искусственныхъ фортовъ. Этимъ объясняется существованіе независимыхъ маленькихъ общинъ посреди обширныхъ государствъ. Такъ, на Большомъ Канарскомъ островѣ гуанхи, прятавшіеся въ пещерахъ своихъ скалъ, долгое время защищались отъ нападеній испанскихъ завоевателей. Аборы и другія гималайскія племена, защищенныя не только своими горами, но и потоками рѣкъ, стремительно несущимися съ хребтовъ въ періодъ муссоновъ, до сихъ поръ независимы, несмотря на то, что находятся среди владѣній англичанъ, которые достаточно извѣстны какъ завоеватели.



Аталайя, пещерное поселеніе на Большомъ Канарскомъ островѣ.

Положительно нѣтъ горной страны, которая въ теченіе своей исторіи, или даже при современныхъ условіяхъ, не представляла бы примѣровъ образованія въ ней отдѣльныхъ общинъ, формирующихся въ республики, независимыя отъ государствъ сосѣднихъ равнинъ; Пиренеи, Альпы, Балканы, Кавказъ, Гималаи, Куэнъ-Лунь, Кордильеры и Анды даютъ тому достаточно примѣровъ. Въ Тибетѣ Лхасса, защищенная двойнымъ рядомъ хребтовъ, была также долго недоступной, и лишь недавно съ нея сорвала покровъ таинственности послѣдняя военная экспедиція англичанъ.

Обитатели горъ являются прекрасными защитниками страны при нападеніи, если только, разумѣется, они не испорчены монашествомъ, какъ тибетцы; въ то же время они очень слабы какъ нападающіе. Такъ какъ численность ихъ относительно ограниченна, и къ тому же они группируются въ такое количество отдѣльныхъ общинъ, сколько имѣется горныхъ долинъ,—ихъ разъединенность уже заранѣе предначертана строеніемъ горъ. Вотъ почему они нерѣдко совершаютъ разбойничьи набѣги, но никогда не являются серьезными завоевателями. Всѣ войны,

въ которыхъ замѣшаны судьбы цѣлыхъ націй, постоянно разыгрывались на равнинахъ [1]).

Кромѣ того, каждый горный массивъ представляетъ самъ по себѣ одно столь обширное цѣлое, что является какъ бы прообразомъ всей земли; въ немъ можно найти самыя противоположныя условія, вслѣдствіе различій въ высотѣ, въ условіяхъ почвы, въ наклонѣ и въ климатѣ. Обитатели горъ собираются въ группы, конечно, сообразно съ климатическими или почвенными условіями или же въ зависимости отъ какой-либо спеціальной причины, привлекающей ихъ, напримѣръ, къ богатымъ копямъ или каменоломнямъ. Деревушки ихъ стараются спрятаться такъ, чтобы защититься отъ холода или же отъ жары, обусловливаемой присутствіемъ известковыхъ скалъ; они избѣгаютъ голыхъ скалъ или же слишкомъ крутыхъ скатовъ и отыскиваютъ долины болѣе пологія, хорошо орошенныя и огражденныя хребтами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Абиссиніи, горы прорѣзаны такими глубокими ущельями, что невозможно перебраться чрезъ нихъ, и потому онѣ образуютъ естественныя границы государствъ. У вулкана Килиманджаро находится не менѣе 83 независимыхъ государствъ на протяженіи 800 кв. километровъ, съ населеніемъ приблизительно въ 60.000 жителей,—естественныя границы, образованныя глубокими трещинами, разбили населеніе на отдѣльныя части, какъ какое-нибудь стадо овецъ [2]).

Въ обширныхъ долинахъ, какъ, напримѣръ, въ долинѣ Верхней Роны, можно легко замѣтить, что дома жителей тѣснятся по плодороднымъ холмамъ рѣчныхъ отложеній, намытыхъ потокомъ. Эти холмы тѣмъ гуще населены, чѣмъ обширнѣе ихъ площадь и, слѣдовательно, чѣмъ больше масса намытаго матеріала, въ соотвѣтствіи съ бо́льшею силою теченія рѣки; точно также та сторона долины, которая обращена къ солнцу, является болѣе обработанной и покрыта насажденіями болѣе цѣнныхъ растеній, напримѣръ, виноградниками; да и гирлянда деревушекъ и селеній, разбросанныхъ на ней, гуще и обильнѣе [3]).

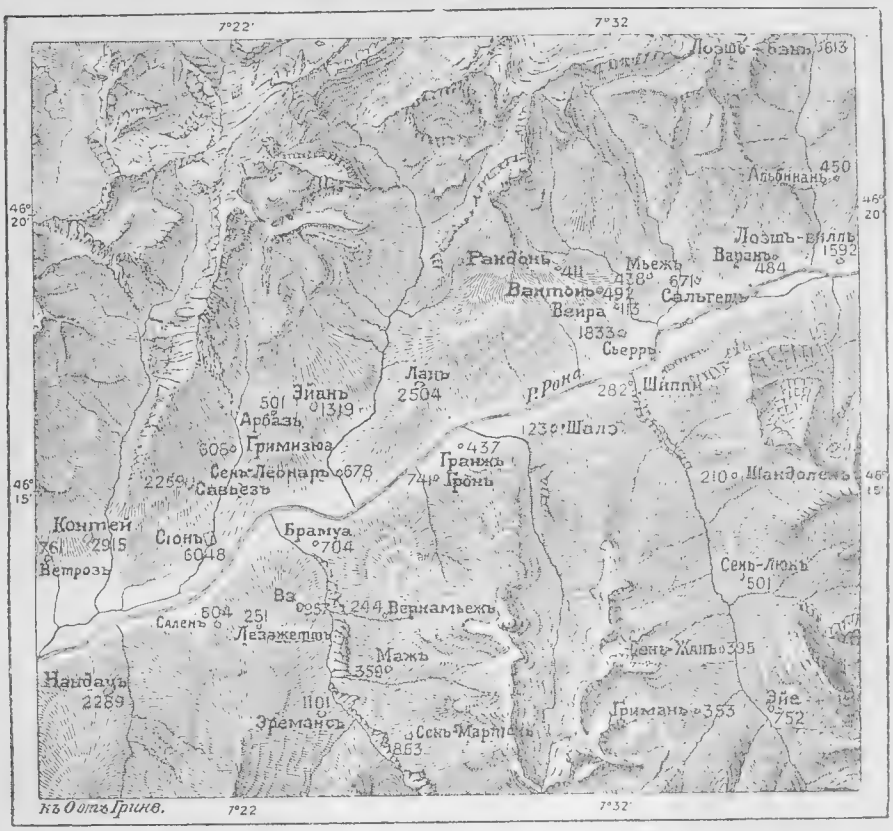
Въ равнинахъ каждая группа холмовъ, даже каждый островокъ пригорковъ представляетъ собою въ меньшихъ размѣрахъ то же, что и огромныя горы, и на жителяхъ сказываются здѣсь тѣ же самыя противоположныя вліянія среды, но только въ болѣе слабой степени. Такъ, крутыя скалы, выдающіяся надъ ниже лежащими деревнями и ихъ полями, способствуютъ возникновенію укрѣпленныхъ замковъ съ толстыми зубчатыми стѣнами и глубокими рвами, за которыми держались рыцари въ средніе вѣка. На такихъ же выдающихся пунктахъ строятъ, впро-

---

1) R. von Ihering. «Les Indo-Européens avant l'histoire». — 2) Hans Meyer. «Kilimandjaro», p. 235. — 3) Maurice Lugeon. Archives de la Soc. Vaudoise des Sc. Nat., 15 juin. 1901.

чемъ, и въ наши дни военныя укрѣпленія. Точно также пещеры и подземныя галлереи гротовъ давали въ первобытныя времена надежное прибѣжище жителямъ, спасающимся отъ враговъ; они играли такую же роль, какъ высокія замкнутыя долины въ горахъ. Нѣкоторыя народности,

№ 11. Склоны долины Роны.



1: 250 000

0 1 5 10 Километ.

Цифры, приведенныя рядомъ съ каждымъ названіемъ селенія, означаютъ число жителей по переписи 1900 г. Въ предѣлахъ карты населеніе къ сѣверу отъ Роны, на склонѣ, обращенномъ на солнечную сторону, состоитъ изъ 24.890 жителей въ 19 населенныхъ пунктахъ. Къ югу отъ Роны, на сѣверномъ склонѣ горъ, также 19 селеній, но лишь съ 12.065 жит. Кромѣ того должно замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ селеній (Эремансъ, Шандоленъ, Сенъ-Люкъ и др.) расположены на самомъ хребтѣ и, слѣдовательно, доступны солнечному свѣту.

напримѣръ, люди магдаленской эпохи палеолитическаго періода, повидимому, даже не имѣли другихъ жилищъ.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, природа земной поверхности не позволяетъ чрезмѣрно сильно расширяться пещерному населенію: способ-

ность разселенія и сила власти принадлежитъ, безспорно, обитателямъ свободной и ровной земной поверхности, а не жителямъ этихъ таинственныхъ лабиринтовъ пещеръ. Въ минувшія эпохи человѣческая раса, представленная своими различными разновидностями, развивалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе открытой и свободной была мѣстность, чѣмъ умѣреннѣе былъ климатъ и, въ то же время, чѣмъ менѣе поверхность земли была безплодна и чѣмъ слабѣе она заросла кустарниками, чѣмъ менѣе была завалена скалами или покрыта вязкими болотами, наконецъ, чѣмъ лучше она орошалась чистыми проточными водами. Не слишкомъ большая и не слишкомъ малая высота положенія мѣстности, среднее плодородіе ея и климатъ безъ рѣзкихъ крайностей представляютъ условія, наиболѣе благопріятныя для поддержанія и процвѣтанія первобытнаго человѣчества. Являются ли, однако, эти условія внѣшнихъ удобствъ въ то же время и условіями, которыя болѣе всего помогаютъ человѣку изощрять свой геній въ области открытій и интеллектуальнаго прогресса? Безъ сомнѣнія, нѣтъ: необходимо извѣстное количество препятствій, чтобы побуждать человѣка къ непрестанной борьбѣ съ ними; если эти препятствія слишкомъ велики, родъ человѣческій погибаетъ, будучи не въ силахъ ихъ преодолѣть; однако, онъ погибаетъ также и въ той средѣ, приспособленіе къ которой совершается чрезмѣрно легко. Борьба необходима, но борьба, которая была бы посильна человѣку, и изъ которой онъ могъ бы выйти побѣдителемъ.

По сравненію съ горами и съ замкнутыми долинами, степи и преріи, съ ихъ плоскою поверхностью, съ ихъ бездонными рвами, съ бѣдными водой рѣками и съ лагунами и болотами являются мѣстностью по преимуществу свободною, съ ничѣмъ не ограниченнымъ горизонтомъ; они тянутся въ безконечную даль, какъ море, и въ степи, подобно тому, какъ на морѣ, можно убѣдиться въ округлости нашей планеты по формамъ предметовъ, вырисовывающихся на краю горизонта.

Нигдѣ человѣкъ не испытываетъ такого увлеченія пространствомъ, какъ въ этихъ безграничныхъ равнинахъ травянистыхъ степей, описанныхъ такъ тепло и съ такою нѣжностью Гоголемъ и Тургеневымъ, воспѣтыхъ съ такимъ энтузіазмомъ Петёффи! Однородная сѣрая поверхность земли безъ выдающихся предметовъ, на которыхъ останавливался бы взоръ, допускаетъ свободный размахъ воображенія, и въ этомъ безграничномъ мірѣ, ничѣмъ не останавливающемъ полета мысли, человѣкъ можетъ вообразить себя столь же свободнымъ сыномъ воздуха и свѣта, какъ антилопа или степная птица. Впрочемъ, великимъ повелителемъ въ этихъ плоскихъ мѣстностяхъ является вѣтеръ; онъ дуетъ надъ ними какъ надъ моремъ, увлекаетъ своимъ дуновеніемъ песокъ, вырываетъ съ корнемъ траву. Во многихъ степяхъ кочевники-монголы, какъ только

замѣтятъ приближеніе бури, торопятся разобрать свои войлочныя кибитки,—они заранѣе знаютъ, что поднявшійся вихрь можетъ легко опрокинуть и разорвать ихъ легкое жилище [1]).

Обитатели степи свободны идти, куда придетъ въ голову, далеко-далеко, тѣмъ не менѣе они не бродятъ по степному приволью безо всякаго плана,—они руководствуются особенностями мѣстности и богатствомъ ея травою; въ то же время они любятъ группироваться семьями и племенами,—необходимость взаимной помощи и естественное влеченіе человѣка къ человѣку являются здѣсь основою образованія общественныхъ группъ, подобныхъ стадамъ тѣхъ травоядныхъ животныхъ, которыя въ настоящее время, путемъ одомашненія, сдѣлались спутниками кочевниковъ. Однако, источники пищи могутъ изсякнуть; трава, обглоданная скотомъ по самый корень, не даетъ болѣе пищи, крупная дичь обращается при появленіи человѣка въ бѣгство, и все это заставляетъ переселяться въ тѣ области степи, которыя расположены въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ; мало по малу устанавливаются, такимъ образомъ, періодическія переселенія племени, регулируемыя временами года. Такія регулярныя странствованія съ одного пастбища на другое являются единственными перемѣнами въ нормальной жизни обитателя степей.

Жизнь на обширной и свободной равнинѣ, голой, лишенной древеснаго покрова и какого бы то ни было разнообразія ландшафтовъ, является, однако, монотонной и однообразной настолько, что обитатели степей не могутъ измѣняться и прогрессировать сколько-нибудь быстро подъ вліяніемъ окружающей среды. Если не происходитъ какихъ-либо сильныхъ потрясеній, причиняемыхъ набѣгами чужихъ племенъ, продолжительными засухами, пожарами степей или какими-либо другими событіями, которыя принуждаютъ ихъ переселяться въ другія мѣстности,—они остаются въ своихъ степяхъ, въ теченіе безконечнаго ряда вѣковъ, застывъ на одной и той же ступени цивилизаціи. Однако, непредвидѣнный переворотъ въ ихъ существованіи можетъ произойти внезапно, и, въ такомъ случаѣ, все степное населеніе со своими женами, дѣтьми и стариками, со всѣми своими домашними животными и походными жилищами приступаетъ къ массовому переселенію. Такъ совершается полное переселеніе народовъ.

Земледѣльческія народности, живущія на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, находящіяся въ различныхъ условіяхъ, — въ одномъ мѣстѣ—въ долинахъ горъ, въ другомъ—на побережьяхъ озеръ или рѣкъ или на опушкѣ лѣсовъ,—не могутъ собраться вмѣстѣ и образовать такія же огромныя скопища. Ихъ, къ тому же, удерживали бы мѣстные интересы и привязанности, извѣстный консервативный духъ, свойствен-

1) James Gilmour. «More about the Mongols», p. 187.

ный всѣмъ земледѣльческимъ общественнымъ группамъ. Другое дѣло—кочевыя пастушьи народности: ихъ объединяютъ ихъ занятія, нравы, образъ жизни, равно какъ и самый видъ окружающей природы и отсутствіе какихъ-либо преградъ, которыя приходилось бы преодолѣвать. Привыкнувъ странствовать по степямъ, они легко могутъ собраться въ большія массы, не нуждаясь ни въ какихъ обозахъ для поддержанія своего существованія,—цѣлый народъ можетъ соединиться въ какомъ-нибудь одномъ уголкѣ степи.

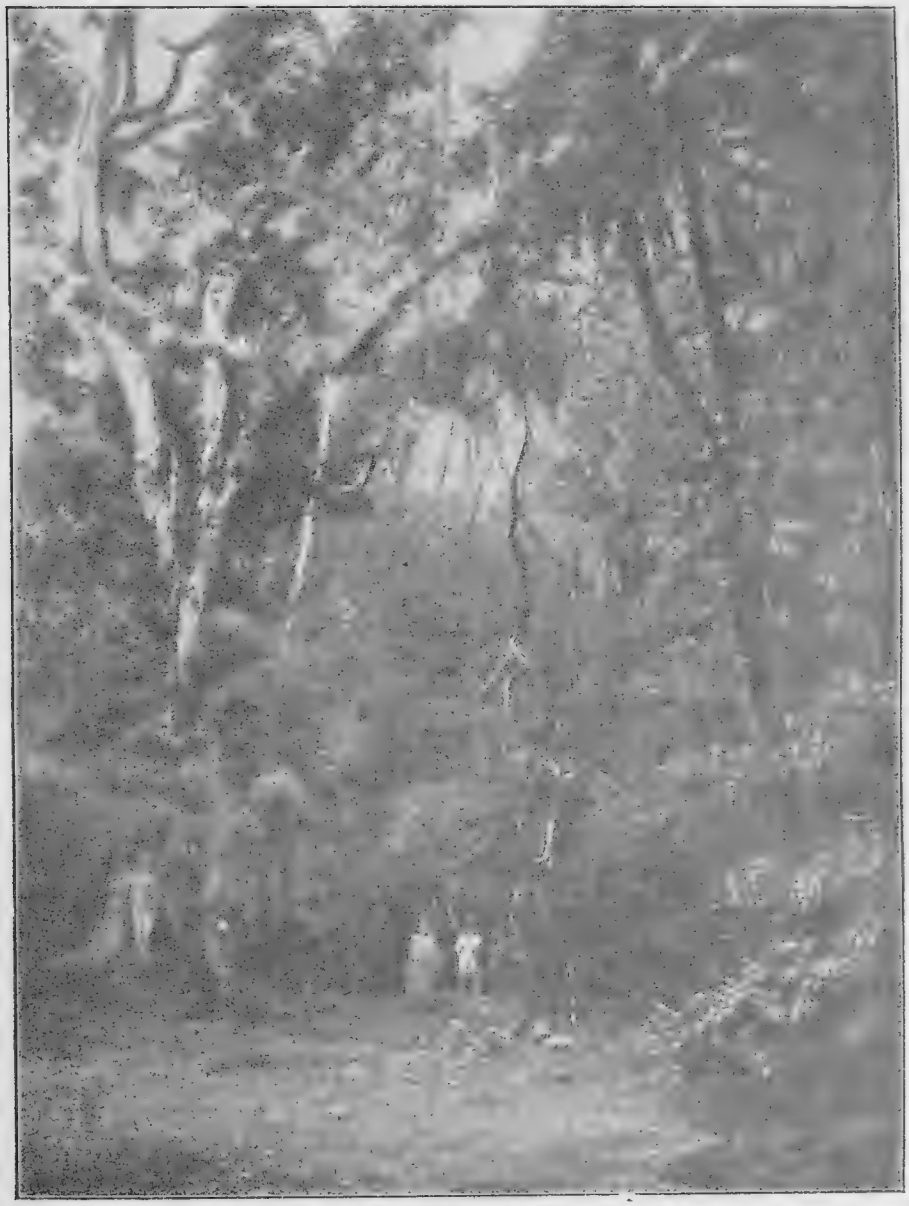
Если такія области земного шара, какъ травянистыя степи, облегчаютъ перемѣщеніе человѣка и развиваютъ въ немъ инстинктивную страсть къ переселеніямъ, то, съ другой стороны, имѣются также и области земли, которыя могутъ разсматриваться какъ настоящія темницы, — настолько ограничены въ нихъ владѣнія человѣка. Такой областью является дѣвственный лѣсъ,—не тѣ лѣса, за которыми ухаживаетъ человѣкъ, превращая ихъ въ парки съ аллеями, стрѣльбищами и обширными полянами для бѣговъ, а дѣвственная лѣсная чаща, въ которой люди не смогли еще побороть гигантскихъ столѣтнихъ деревьевъ, таинственныхъ свидѣтелей сѣдой старины.

Спутанная масса тропическихъ растеній, мрачная и влажная чаща ихъ нисколько не напоминаютъ нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ, производящихъ впечатлѣніе священныхъ храмовъ,—лѣсовъ изъ развѣсистыхъ буковъ и темныхъ елей и сосенъ, которыя расположены на правильныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Въ тропическій лѣсъ проникаешь не съ чувствомъ религіознаго трепета, а скорѣе съ нѣкоторымъ ужасомъ въ душѣ; тропическіе кустарники, разросшіеся густо и переплетенные ліанами, не принимаютъ посѣтителя такъ радушно и привѣтливо, какъ естественныя аллеи деревьевъ, съ ровною почвою, усѣянною листвою, одѣтою мхомъ и оживленною цвѣтами. Какъ только сойдешь съ узкой тропинки, такъ всюду натыкаешься на препятствія, — дорогу преграждаютъ стволы, корни, побѣги, переплетенные чужеядными растеніями. Лишь разсѣянные лучи отраженнаго свѣта проникаютъ въ этотъ хаосъ вѣтвей и листьевъ. Метрахъ въ сорока надъ поверхностью земли тропическій лѣсъ, быть можетъ, и покрытъ ковромъ яркихъ цвѣтовъ, надъ которымъ птицы весело порхаютъ въ воздухѣ, разсѣкая крыльями зеленыя волны древесной листвы, но внизу, въ густыхъ потемкахъ лѣса, человѣку приходится пробираться съ большими трудностями, приходится натыкаться на корни и стволы; ему можетъ облегчить путь развѣ лишь тропинка, протоптанная слонами или тапирами [1]).

Непрерывный лѣсъ, безконечныя дѣвственныя заросли на Ама-

1) Marcos Jimenez de la Espada. «Notes manuscrites».

зонкѣ, въ Индіи или въ Конго образуютъ на земной поверхности элементъ консервативный по преимуществу: племена держатся въ нихъ безъ



Дѣвственный лѣсъ на Мадагаскарѣ близъ Дізго-Суарецъ.

сколько-нибудь значительныхъ измѣненій, въ теченіе долгихъ вѣковъ. Они сохраняютъ здѣсь свой первобытный образъ жизни гораздо лучше,

чѣмъ въ оазисахъ пустынь, въ горахъ или среди ледяныхъ полей сѣвера, такъ какъ окружающая среда измѣняется вокругъ нихъ лишь съ чрезвычайной медленностью, и въ теченіе долгихъ періодовъ они могутъ жить совершенно не приходя въ соприкосновеніе съ другими людьми,—этому содѣйствуетъ окружающая ихъ лѣсная чаща и затруднительность путей, ведущихъ къ ихъ убѣжищамъ [1]). Именно въ лѣсахъ приходится находить въ настоящее время племена если не вполнѣ примитивныя, то все же наиболѣе приближающіяся къ первобытному типу, какъ мы его понимаемъ. Во многихъ мѣстностяхъ названія «дикихъ» и «лѣсныхъ» людей являются полными синонимами. Къ тому же племена, живущія въ лѣсу, настолько зависятъ отъ окружающей среды, что стоитъ лишь уничтожить лѣсъ, и племя исчезнетъ само собою. «Кто срубаетъ дубъ, тотъ убиваетъ серба»,—говорила пословица на Балканскомъ полуостровѣ въ тѣ времена, когда деревушки страны прятались еще въ узкихъ долинахъ, въ тѣни огромныхъ деревъ.

Лѣсныя племена живутъ, какъ въ погребѣ, въ постоянно тепломъ и влажномъ воздухѣ, и потому окраска ихъ кожи является болѣе свѣтлою, чѣмъ у степныхъ племенъ, живущихъ подъ жгучими лучами солнца. Черты лица лѣсныхъ обитателей болѣе мягки, болѣе округлы по сравненію съ чертами сосѣднихъ степныхъ племенъ; характеръ ихъ также болѣе мягкій и не столь свирѣпый и жестокій. Можно, однако, замѣтить, что людямъ, обитающимъ на просторѣ, свойственъ духъ болѣе твердый, умъ—болѣе свѣтлый, поведеніе—болѣе смѣлое и обращеніе съ чужеземцами—болѣе благородное и привѣтливое, чѣмъ у людей, прячущихся въ лѣсной чащѣ.

Въ Новомъ Свѣтѣ племенемъ, наиболѣе низко развитымъ, является племя аймороръ или ботокудовъ, которое обитаетъ въ глуши дѣвственныхъ лѣсовъ Бразиліи, по рѣкамъ Досъ и Іскитинхонха; это племя не умѣетъ ни строить хижинъ, ни плести гамаковъ, ни дѣлать корзинъ, ни лѣпить горшковъ, ни обрабатывать почвы. Живя среди животныхъ, населяющихъ лѣсъ, и ведя общій съ ними образъ жизни, эти индѣйцы, также какъ и родственныя имъ племена, имѣютъ зато чрезвычайно точныя и подробныя познанія относительно всего окружающаго ихъ животнаго міра. Нигдѣ инстинктъ обоюднаго пониманія между человѣкомъ и животнымъ не развитъ болѣе сильно, и, тѣмъ не менѣе, люди не выращиваютъ здѣсь животныхъ ни для пищи, ни для перевозки тяжестей, ни для участія въ охотѣ. Содержанію домашнихъ животныхъ препятствуютъ матеріальныя условія внѣшней среды, — какъ содержать здѣсь скотъ, въ этихъ непроходимыхъ чащахъ, гдѣ самъ человѣкъ едва можетъ пробраться, гдѣ представители нѣкоторыхъ племенъ, напримѣръ,

1) Green. «Influence of the forests in checking invasions».

туземцы, которыхъ испанцы называютъ «коронадосами» или «коронованными», стригутъ на головѣ свои волосы, чтобы они не мѣшали при хожденіи по лѣсу, цѣпляясь за вѣтви!

Сама природа ихъ мѣстообитанія заставляетъ племена, живущія въ лѣсахъ, подраздѣляться до безконечности на группы, состоящія изъ небольшого числа семействъ; занятіемъ этихъ племенъ является собираніе плодовъ и охота—кое-гдѣ, быть можетъ, также самое первобытное земледѣліе. Народности, населеніе которыхъ исчисляется путешественниками въ нѣсколько тысячъ душъ, разсѣяны обыкновенно на огромномъ пространствѣ, которое можно пройти лишь въ нѣсколько дней. Обыкновенно изслѣдователю дѣвственныхъ лѣсовъ Новаго Свѣта приходится встрѣчать лишь отдѣльныя семьи туземцевъ или даже во время празднествъ и собраній лишь такія сборища, какъ у насъ въ Европѣ въ какой-нибудь жалкой деревушкѣ.

Въ подобной обстановкѣ языки и нарѣчія дробятся такъ же, какъ расы. Каждое изъ этихъ мелкихъ человѣческихъ обществъ измѣняетъ постепенно свою рѣчь, и на протяженіи немногихъ поколѣній языкъ расщепляется на большое количество очень различныхъ діалектовъ. Вслѣдствіе понесеннаго народностью пораженія или вслѣдствіе какого-нибудь наводненія или другого несчастья, языкъ можетъ совершенно исчезнуть вмѣстѣ съ народностью, которая имъ говоритъ. Всѣмъ извѣстна исторія венецуэльскаго народца атуровъ, которые исчезли безслѣдно и оставили послѣ себя лишь говорящаго попугая, сохранившаго ихъ языкъ [1]). Этотъ курьезный фактъ вдохновилъ многихъ писателей и поэтовъ, и объ атурскомъ попугаѣ создалась цѣлая литература. Всѣ видѣли, однако, въ этомъ фактѣ прежде всего его грустную сторону и жестокую иронію судьбы, заставившую птицу быть единственнымъ наслѣдникомъ генія и духовной жизни цѣлой народности. Въ этомъ случаѣ, однако, намъ бросается въ глаза и другое — именно, неизбѣжная фатальность судьбы всѣхъ народовъ, которые изолируются, ведутъ отдѣльную жизнь и не входятъ въ соприкосновеніе съ другими народностями; это дѣлаетъ ихъ совершенною игрушкою судьбы. Они уже предназначены судьбою или къ гибели, или къ порабощенію другими племенами!

Изолированныя народности должны не только опасаться грядущей печальной судьбы, зависящей отъ ихъ малочисленности и отсутствія между ними связи,—они являются также и совершенно неспособными къ какому-либо прогрессивному видоизмѣненію, такъ какъ вся ихъ жизнь въ глуши дѣлаетъ ихъ неисправимыми консерваторами.

Именно среди обитателей лѣсовъ приходится встрѣчать предста-

1) Alex. von Humboldt, «Voyage aux régions équinoxiales».

вителей наиболѣе древнихъ типовъ, какъ по формѣ и строенію тѣла, такъ и по взглядамъ и понятіямъ. Карликовыя племена Африки и Остъ-Индіи сохраняются исключительно въ наиболѣе густыхъ и непроходимыхъ лѣсахъ, и ихъ жизнь тѣснѣйшимъ образомъ привязана къ первобытному дѣвственному лѣсу. Какимъ способомъ можетъ измѣниться ихъ умственная жизнь въ этихъ мѣстностяхъ, куда не проникаютъ вовсе люди другого племени и другихъ взглядовъ?

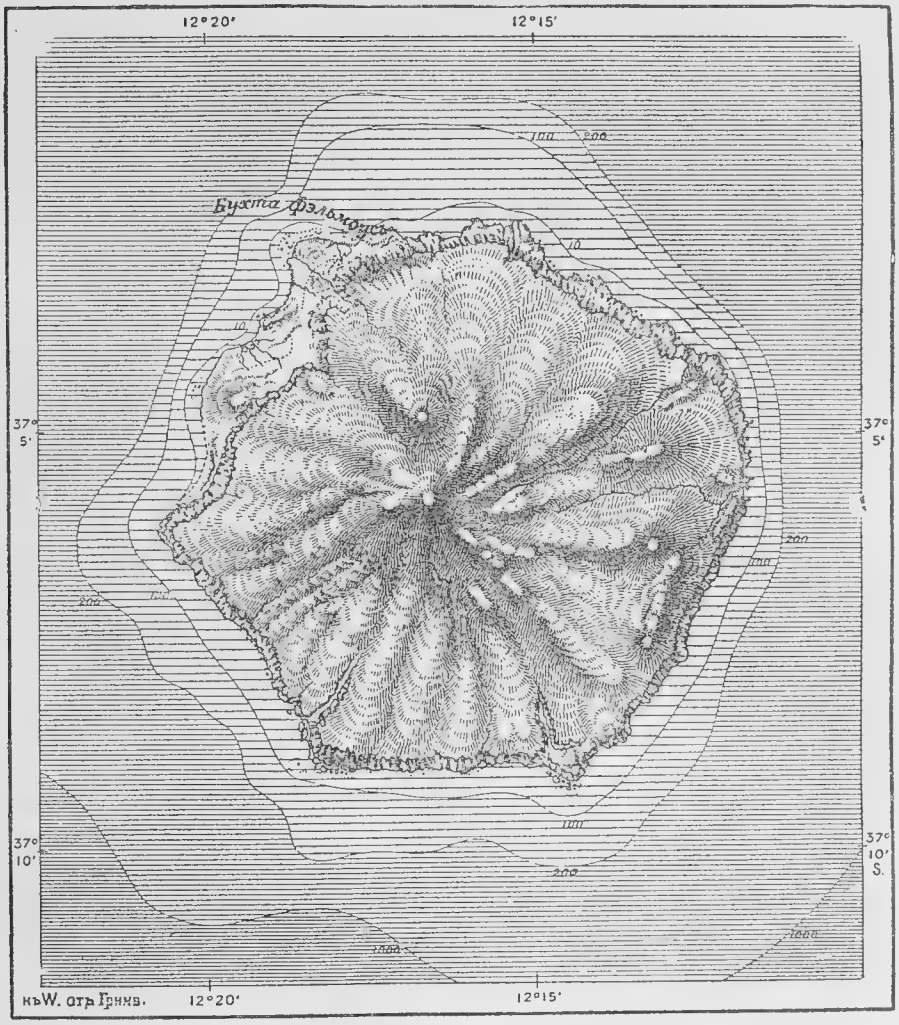
Даже въ цивилизованной Европѣ, покрытой густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, дровосѣки, угольщики и смолокуры, живущіе въ дремучихъ лѣсахъ, являются постоянно самыми вѣрными хранителями завѣтовъ старыхъ временъ, хранителями сказокъ и легендъ, давно позабытыхъ людьми, живущими въ мѣстности, свободной отъ лѣса. Они же являются людьми, поддерживающими старинныя вольности: крестьяне окрестностей Ліона, дровосѣки Шо, добыватели пробки въ Гардъ Френэ были постоянно, даже задолго до республики, самыми ярыми республиканцами. Обитатели лѣса не образуютъ населенія вполнѣ независимаго, но для того, чтобы сохранять старинный образъ мыслей, имъ достаточно жить, не приходя въ соприкосновеніе съ горожанами и сельскими жителями окрестныхъ деревень.

Группы семей или племена, оставшіяся, въ силу какихъ бы то ни было изолировавшихъ ихъ географическихъ причинъ, внѣ соприкосновенія съ остальнымъ живымъ и подвижнымъ человѣчествомъ, обладаютъ тѣмъ же стойкимъ консервативнымъ духомъ. При остальныхъ равныхъ условіяхъ, эволюція мысли совершается тѣмъ болѣе быстро, чѣмъ значительнѣе число личностей, принимающихъ въ ней участіе. Вслѣдствіе этого, затерянный въ океанѣ островъ, на который попало либо путемъ какого-нибудь кораблекрушенія, либо путемъ добровольнаго заселенія, извѣстное количество людей, становится міркомъ, чрезвычайно сильно отличающимся отъ сосѣднихъ странъ, какъ нравами, такъ и образомъ жизни жителей.

Одинъ изъ островковъ маленькаго архипелага Хирта или Сентъ-Кильда, расположеннаго вблизи Гебридскихъ острововъ, населенъ общиной именно такого рода: все его населеніе состоитъ изъ двухъ десятковъ семей, живущихъ въ покрытой зеленью долинѣ и занимающихся исключительно лишь овцеводствомъ и охотой на морскихъ птицъ. Въ теченіе суровыхъ зимъ жители острова погибли бы съ голода, еслибы суда не привозили имъ изъ Шотландіи необходимаго провіанта. Населеніе этого острова такъ сильно отличается отъ населенія Великобританскихъ острововъ, что въ прежнія времена, когда сношенія съ внѣшнимъ міромъ не были такъ часты, достаточно было придти на островъ кораблю, чтобы среди всего населенія распространилась какая-то заразительная болѣзнь.

На этомъ же островѣ новорожденныя дѣти очень часто умирали отъ

№ 12. Островъ Тристанъ-д'Акунья.



Немногочисленные обитатели острова (въ 1897 г. ихъ было 64 человѣка) живутъ поблизости отъ бухты Фэльмоусъ, на склонахъ, обращенныхъ къ солнцу.

«восьмидневной болѣзни» — особаго вида столбняка, происходящаго, по

всей вѣроятности, оттого, что главной пищей жителей являются морскія птицы.

На островахъ Вестъ-Маньяръ, около южнаго берега Исландіи, тѣ же самыя условія вызываютъ такія же ужасныя послѣдствія [1]).

Что касается до островныхъ обитателей, находящихся въ настоящей естественной тюрьмѣ, на островѣ Тристанъ-д'Акунья, то они пользуются полнѣйшимъ здоровьемъ, вслѣдствіе превосходныхъ гигіеническихъ условій; они обладаютъ даже тѣмъ, къ чему пока безуспѣшно стремятся рабочіе классы Европы,—именно, вполнѣ обезпеченнымъ пропитаніемъ; тѣмъ не менѣе, они чувствуютъ себя такъ скверно на островѣ, что ежегодно просятъ у англійскаго правительства дать имъ другое отечество.

Южнѣе Тристанъ-д'Акунья располагается другой островъ, Діего-Альварецъ, съ превосходными долинами и красивѣйшими пейзажами; моряки, потерпѣвшіе около него кораблекрушеніе, неоднократно жили тамъ безъ особыхъ лишеній,—однако, полная его изолированность дѣлаетъ также и его мѣстомъ ужаса.

Обитатели болотъ и озеръ, подобно жителямъ острововъ, являются иногда совершенно изолированными, и въ этомъ случаѣ они вѣками сохраняютъ старинные обычаи: измѣненія, которыя происходятъ въ окружающемъ ихъ внѣшнемъ мірѣ, совершаются гдѣ-то въ недоступной дали и нисколько не затрагиваютъ ихъ.

Примѣромъ такого народа, оставшагося преданнымъ древнимъ обычаямъ, можно привести племя уру, живущее у береговъ озера Титикака на плотахъ изъ тростника. Еще въ началѣ XVII столѣтія историкъ Эррера разсказывалъ о живущихъ здѣсь туземцахъ, у которыхъ не было другого матеріала для постройки домовъ и для остальныхъ потребностей, какъ «тотора», т.-е. тростникъ, растущій у береговъ озера и плавающій толстыми слоями на небольшихъ глубинахъ. По разсказамъ, которые, быть можетъ, основаны на простой игрѣ словъ, туземцы уру говорили нѣкогда племени кихуа про себя, что они — не люди, а простые «червяки,»—повидимому, они были лишены всякаго расоваго самолюбія!

За истекшіе три вѣка жизнь уру совершенно не измѣнилась: они живутъ до сихъ поръ на плотахъ изъ тростника, въ низкихъ хижинахъ, построенныхъ изъ того же тростника и отчасти изъ глины. Обыкновенно они привязываютъ свой плотъ либо къ скалѣ, либо къ пучку травы на берегу и не пускаются вглубь озера, за исключеніемъ развѣ того случая, когда погода особенно хороша. Тогда они поднимаютъ паруса, также сплетенные изъ тростника, и очень ловко направляютъ парусомъ свой слой тростника, служащій имъ судномъ. Главнѣйшею основою ихъ

1) H. Labonne. «Du tétanos des nouveau-nés». Gazette hebdom. de Medecine. 1888.

пищи является тотъ же тростникъ тотора,—они ѣдятъ его корни съ рыбою и съ мясомъ водяныхъ птицъ. Часть убитыхъ птицъ они продаютъ племенамъ кихуа и аймара, живущимъ на берегу, но, какъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Базадръ, они никогда не соглашаются переселиться и построить свои хижины на твердой землѣ и никогда не вступаютъ въ дружественныя сношенія съ другими племенами. Если имъ приходится изъ-за чего-либо, волей-неволей, идти по берегу, они качаются изъ стороны въ сторону, какъ пьяные.

Даже въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ современная индустрія даетъ бѣлымъ полное всемогущество въ смыслѣ истребленія низшихъ расъ, уцѣлѣло все же отчасти на полуостровѣ Флоридѣ племя семинолей, — оно не подверглось истребленію именно благодаря обширнымъ болотамъ и рѣкамъ. Въ настоящее время его становища посѣщаютъ изъ любопытства, добираясь до нихъ по очень длиннымъ, но широкимъ и хорошо содержимымъ дорогамъ.

Если, какъ мы видѣли, стоячая и спокойная вода разъединяетъ людей, то вода, находящаяся въ движеніи, текущая, ихъ обыкновенно соединяетъ. Замкнутыя долины горъ, дремучіе лѣса и непроходимыя болота, островки и озера являются консервативными элементами въ исторіи человѣчества; рѣки, наоборотъ,—главные факторы жизни, такъ какъ онѣ вызываютъ возникновеніе судоходства, обусловливаютъ прогрессъ земледѣлія, облегчаютъ сношенія между людьми и, однимъ словомъ, способствуютъ всему тому, что мы называемъ цивилизаціей. Именно, имѣя въ виду всѣ тѣ всевозможныя культурныя завоеванія, которыя совершилъ человѣкъ, благодаря содѣйствію рѣкъ, можемъ мы повторить слова Пиндара: «вода—наилучшее, что существуетъ въ мірѣ».

Вліяніе рѣкъ на исторію человѣчества настолько могущественно, что нѣкоторые мыслители, какъ, напримѣръ, Левъ Мечниковъ [1]), совершенно оставляютъ безъ вниманія всѣ остальные элементы внѣшней среды при разсмотрѣніи вліянія внѣшнихъ условій на развитіе различныхъ народовъ Мыслители эти считаютъ рѣки единственными существенными факторами прогресса человѣчества, въ теченіе того переходнаго періода, который послѣдовалъ за первобытными временами и охватилъ продолжительные періоды первоначальной цивилизаціи въ Египтѣ, въ Месопотаміи, въ Китаѣ и Индіи.

Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣки, благодаря различнымъ другимъ условіямъ окружающей среды, напримѣръ, вслѣдствіе того, что ихъ преграждаютъ естественные баррьеры или ихъ берега, зарастаютъ тростникомъ и покрываются болотами, не имѣютъ такого благотворнаго

1) Léon Metchnikoff. «Grands fleuves historiques».

вліянія на жизнь человѣчества или даже вовсе лишены значенія. Это бываетъ въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе внутренней части страны не можетъ вовсе добраться до рѣки, вслѣдствіе того, что берега ея покрыты дремучими лѣсами или непроходимыми зарослями тростника.

Затѣмъ большое число рѣкъ, въ особенности въ тропическихъ странахъ съ ихъ роскошной растительностью, являются по характеру береговъ совершенно недоступными для всѣхъ, кромѣ жителей, занимающихся по рѣкѣ судоходствомъ. Такъ, въ прежнія времена, когда не началось еще переустройство поверхности нашей планеты цивилизаціей, большинство водныхъ путей, и даже тѣ изъ нихъ, которые позднѣе имѣли сильнѣйшее вліяніе на экономическую жизнь человѣчества, напримѣръ, низовья Евфрата, Нилъ, Ян-тсе-кіангъ, были въ теченіе продолжительнаго періода недосягаемы для обитателей странъ, омываемыхъ этими рѣками. Гринъ приводитъ въ примѣръ рѣки Англіи, получившія въ настоящее время такое огромное значеніе въ жизни націи,—обитатели береговъ этихъ рѣкъ, до эпохи завоеванія римлянами и во время вторженія морскихъ народовъ-завоевателей, тщательно избѣгали ихъ. Всѣ города въ древности были выстроены на холмахъ, внутри страны, вдали отъ болотъ и лѣсовъ, окружавшихъ водные пути. Вѣна, напр.,—одинъ изъ самыхъ крупныхъ городовъ міра—долгое время не находилась вовсе на берегахъ Дуная; она подошла къ нимъ лишь недавно. Точно также городъ Шиффершатдтъ—уже по названію своему «городъ корабельщиковъ» — находится на берегу Рейна, извивающагося змѣей между холмами, и, несмотря на то, что населеніе его дѣйствительно издавна занималось судоходствомъ, выстроенъ далеко отъ рѣки, на возвышенности.

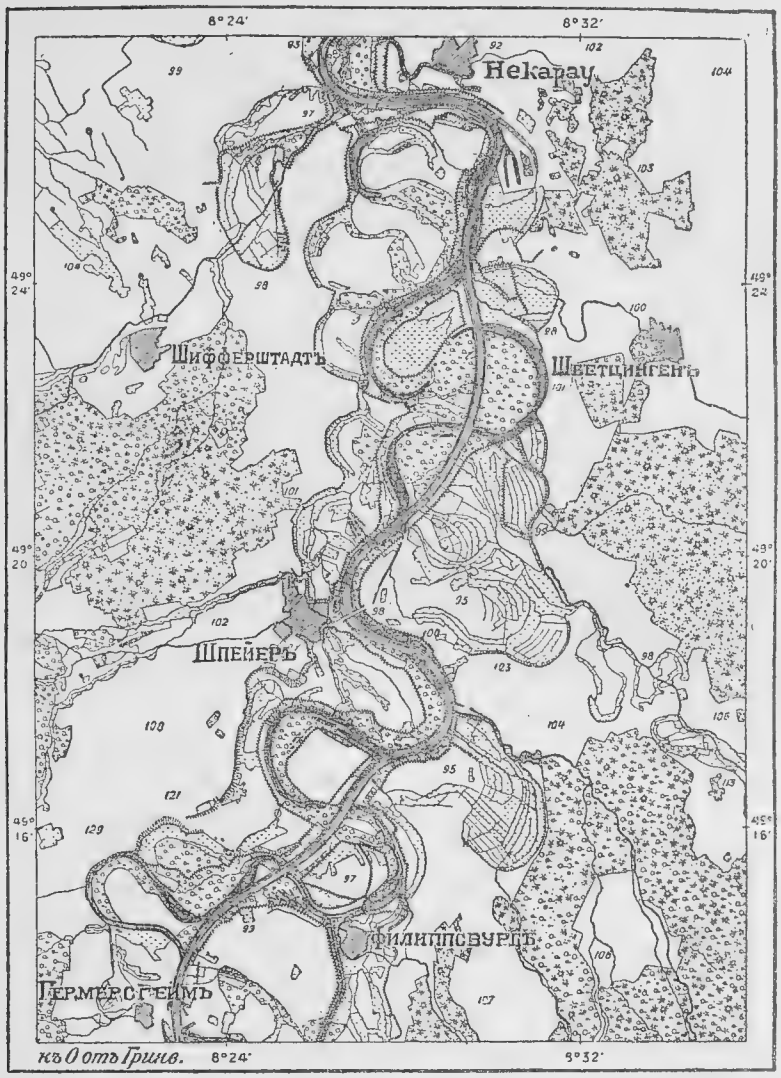
Въ нѣкоторыхъ особенно покровительствуемыхъ судьбою странахъ имѣются, однако, вполнѣ нормальныя и удобныя для человѣка рѣки; иногда такія рѣки явились результатомъ регулирующей дѣятельности человѣка, который за нихъ принялся. Подобныя рѣки текутъ свободно; онѣ несутся хотя бы и не совсѣмъ равномѣрнымъ, но, по крайней мѣрѣ, постояннымъ потокомъ и увлекаютъ въ своемъ теченіи снесенную съ береговъ траву, вѣтви деревьевъ и илъ. Значеніе ихъ въ исторической жизни безспорно.

Дѣйствительно, какъ могла не отразиться на духовной жизни населенія такая рѣка, не признающая пространства и времени, несущая вѣчно свои глубокія и широкія воды и отражающая въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, многія поколѣнія людей? Она должна была казаться вѣчной и незыблемой, какъ Провидѣніе, и притомъ, благодаря своимъ ежегоднымъ

1) J. R. Green. «The macking of England».

разливамъ, своимъ бурнымъ волнамъ и подергивающей ее легкой ряби,

№ 13. Карта прежняго и нынѣшняго русла Рейна.



она являлась безконечно разнообразной и измѣнчивой! Откуда берется

этотъ могучій потокъ воды? Первобытные люди, жившіе по берегамъ, не могли себѣ составить о томъ никакого представленія.

Въ чемъ заключалась, напримѣръ, «тайна Нила» и тайна столь многихъ другихъ рѣкъ, обитатели которыхъ не знали ихъ происхожденія и потому воображали, что эти рѣки истекаютъ изъ урны какого-либо бога или что сами рѣки являются божествами?

Разумѣется, если обитатели побережій видѣли вдали горы, то у нихъ являлось предположеніе, что рѣка беретъ оттуда начало, но отнюдь не въ видѣ обычныхъ ручейковъ, журчащихъ между камнями,—ея появленіе должно было быть связано съ чудомъ! Такъ въ индійской поэмѣ Рамайяна «божественный Гангъ падаетъ съ небесъ на главу Сивы», затѣмъ, послѣ продолжительныхъ блужданій по темени Великаго Бога, «потокъ пересѣкаетъ три міра» и служитъ далѣе на радость всего земного населенія.

Куда течетъ рѣка,—первобытный человѣкъ не знаетъ этого также, но волны потока, катящіяся передъ нимъ ежедневно, увлекаютъ его за собою и приглашаютъ слѣдовать въ даль, посѣтить дальнія, незнакомыя страны. Теченіе рѣки побуждаетъ его къ путешествію совершенно такъ, какъ къ тому же побуждаетъ его видъ перелетныхъ птицъ, несущихся длинной вереницей въ безконечную даль.

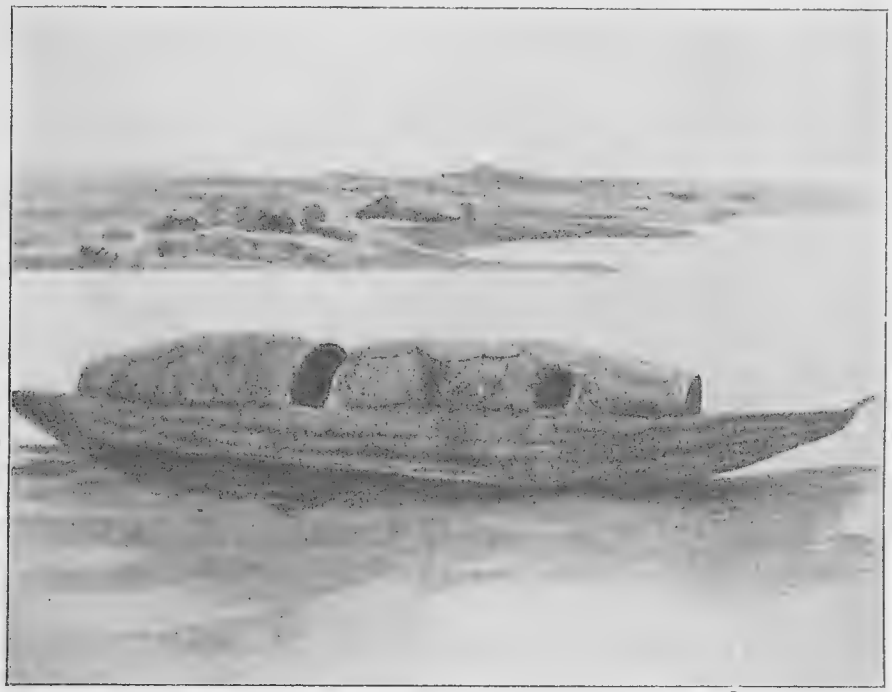
Сколько трагизма вложено поэтами въ такія символическія картины, какъ тѣ, въ которыхъ фигурируютъ легендарныя сирены или красавица Лорлея—очаровательная нимфа, выходитъ изъ волнъ хрустальночистыхъ водъ и коварно увлекаетъ человѣка въ пучину. Первоначальное значеніе этихъ легендъ было самое простое: богиня, привлекавшая и губившая молодыхъ, здоровыхъ и сильныхъ витязей, это была—быстрая, игривая волна со своимъ хрустальнымъ блескомъ, столь часто коварная и губительная!

Видъ бѣгущей воды вызываетъ идеальныя стремленія у каждаго человѣка, даже у наименѣе податливаго въ этомъ отношеніи. Курціусъ доказываетъ въ своемъ прекрасномъ произведеніи [1]), что греки, даже выйдя уже изъ первобытнаго состоянія, видѣли еще въ бѣгущихъ водахъ живыя, дѣятельныя существа, не лишенныя страстей и принимающія близкое участіе во множествѣ событій жизни человѣка, живущаго по ихъ берегамъ. И если, по ихъ представленіямъ, ручей является живымъ, если онъ оплодотворяетъ, какъ Евротъ, или убиваетъ людей, какъ Стиксъ или Лернейская гидра, то во сколько разъ могущественнѣе должна была представляться имъ рѣка, сносящая цѣлые города, затопляющая страны и преграждающая движеніе огромнымъ арміямъ?

Вслѣдствіе такихъ воззрѣній, переходъ черезъ рѣку разсматривался

1) E. Curtius. «Beiträge der Terminologie und Onomatologie der alten Geographie». Academie d. Wissensch. zu Berlin. 1886.

у грековъ постоянно какъ событіе чрезвычайной важности, требовавшее молитвъ, жертвоприношеній и актовъ милосердія. Къ рѣкѣ они обращались какъ къ божеству или, по крайней мѣрѣ, какъ къ незримому духу, но, въ то же время, если удавалось вступить въ союзъ съ другими божествами, то являлось возможнымъ мстить рѣкамъ и наказывать ихъ, когда онѣ бывали причиною гибели людей. Такъ легенда разсказываетъ, что Киръ наказалъ рѣку Гиндъ, притокъ Тигра, заставивъ всю свою армію работать въ теченіе цѣлаго года надъ тѣмъ, чтобы раздробить рѣку на 360 каналовъ [1]). Съ этой точки зрѣнія, и Ксеркъ, приказав-



Лодка изъ древесной коры на рѣкѣ Нигеръ.

шій наказать Геллеспонтъ бичами, дѣйствовалъ вполнѣ согласно съ духомъ времени,—воды пролива съ сильнымъ теченіемъ являлись въ его глазахъ такимъ же потокомъ, какъ Тигръ и Евфратъ.

Мы, современные цивилизованные люди, проводимъ всю свою жизнь въ безконечномъ множествѣ мелочныхъ занятій и получаемъ ежедневно огромное количество впечатлѣній, которыя уничтожаютъ одно другое. Вотъ почему мы не можемъ себѣ составить даже сколько-нибудь

1) Геродотъ. «Исторія», I, 189—190.

полнаго представленія о томъ влеченіи, томъ могучемъ призывѣ въ даль, какое оказываетъ на человѣка видъ вѣчно бѣгущей воды, — среди мертвой окружающей природы потокъ кажется живымъ и одухотворенным, онъ является въ то же время и носителемъ и распредѣлителемъ жизни! Рѣка производитъ всегда глубокое впечатлѣніе и даже не только на лицъ, привыкшихъ къ одному единственному окружающему пейзажу, но и на тѣхъ, кто много видѣлъ на своемъ вѣку. Такъ знаменитый натуралистъ Хэдсонъ, жившій долгое время на берегахъ Ріо-Негро, въ Патагоніи, старался тщетно представить себѣ въ своемъ воображеніи, во снѣ или на яву, какой-либо иной пейзажъ изъ тѣхъ, которые прежде производили на него впечатлѣніе: вмѣсто того ему постоянно рисовалась равнина, покрытая кустарникомъ, крутой склонъ, спускающійся къ рѣкѣ, и широкій потокъ, играющій въ лучахъ свѣта или покрытый ночною тѣнью и исчезающій за поворотомъ выдающагося мыса [1]).

Чѣмъ болѣе простъ рѣчной пейзажъ, тѣмъ сильнѣе онъ запечатлѣвается. Тѣ, кому приходилось жить на берегу Миссисипи, — на рѣкѣ, обладающей ярко выраженною индивидуальностью, рѣкѣ, характерной своей длиною, правильностью теченія, однообразіемъ береговъ и темной стѣною тянущагося поодаль лѣса, — тѣ лишь съ большимъ трудомъ могутъ отрѣшиться отъ мысли, что эта водная масса, несущаяся съ непреоборимой силою, является центральной осью всего населеннаго міра! А если уже современные цивилизованные люди не могутъ подавить въ себѣ этого впечатлѣнія, то можно ли удивляться тому, что воображеніе первобытныхъ обитателей береговъ такихъ грандіозныхъ потоковъ, какъ, напримѣръ, Миссисипи или Амазонка, является совершенно порабощеннымъ грандіозностью картины. Живущее по Амазонкѣ племя тапуйосовъ не можетъ даже представить себѣ, чтобы населенное людьми мѣсто могло находиться гдѣ-нибудь иначе, какъ на томъ или на другомъ берегу великой рѣки.

Сочиненія первыхъ путешественниковъ-изслѣдователей—Мартіуса, Спи, Беца, Уоллеса—полны замѣчаній относительно курьезныхъ взглядовъ туземцевъ, въ лодкахъ которыхъ имъ приходилось путешествовать; все, что туземцамъ разсказывали о природѣ другихъ странъ, совершенно не укладывалось въ ихъ представленія и понятія объ окружающемъ. Египтяне, еще 6.000 лѣтъ тому назадъ, представляли себѣ весь міръ по прообразу своей Нильской долины; онъ рисовался въ ихъ воображеніи какъ длинная, окруженная горами и пустынями долина съ пробѣгающей посреди рѣкою [2]).

По берегамъ водъ, находящихся постоянно въ движеніи,—по бе-

---

1) Hudson. «Idle days in Patagonia». — 2) Bonola. «Bullet. de la Soc. khédiviale de Géographie», 1896, № 10.

Туземныя пироги изъ ствола тополя на р. Таримѣ.
(По фотографіи Свенъ-Гедина).

регамъ этихъ настоящихъ «движущихся дорогъ»—открытіе судовъ и способовъ передвиженія на водѣ было, такъ сказать, уже предначертано заранѣе: не достаточно ли было для открытія судоходства плывущаго ствола дерева, которое могло привлечь на себя вниманіе дѣтей, плескающихся у берега? Не пользовались ли также на глазахъ у людей такимъ естественнымъ средствомъ передвиженія водоплавающія птицы, иногда даже лѣсныя животныя?

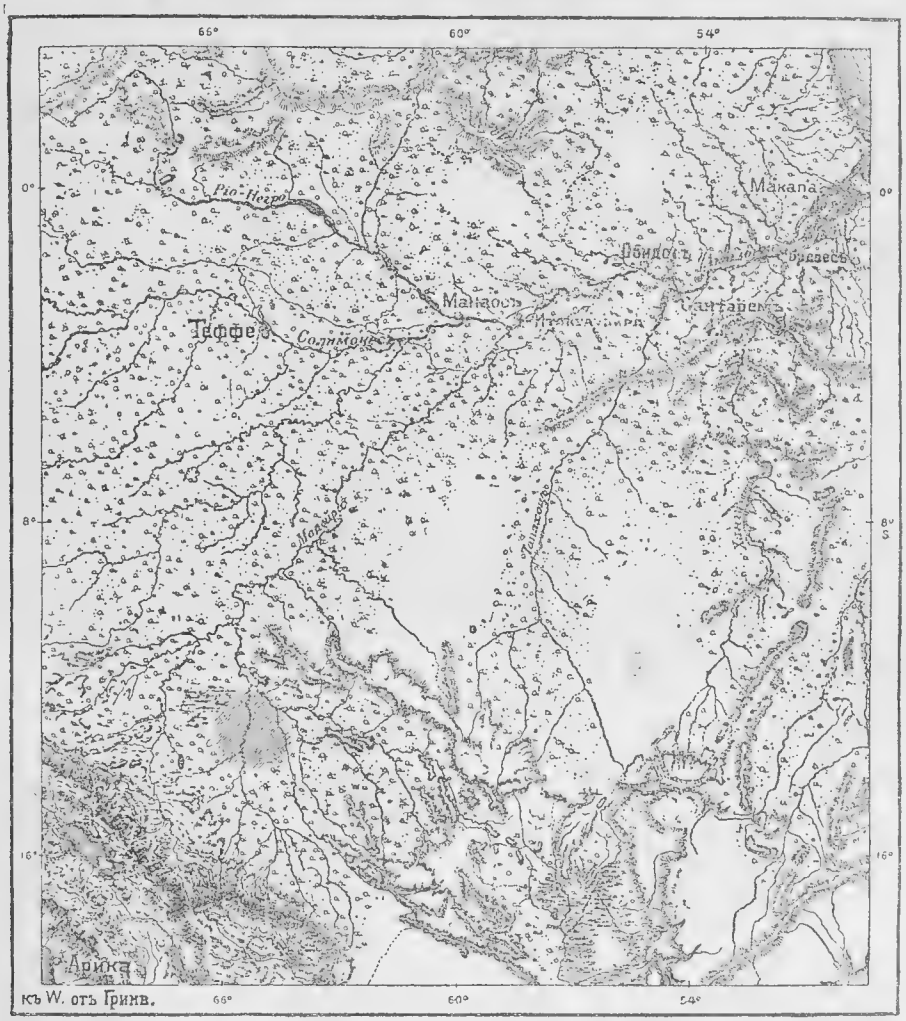
Точно также, вѣроятно, нерѣдко приходилось человѣку совершать невольныя путешествія по поверхности водъ, вслѣдствіе внезапнаго выхода воды изъ береговъ,—вода могла подхватить его на какомъ-нибудь образовавшемся плавучемъ островкѣ или на случайно сцѣпившихся стволахъ деревьевъ, или, наконецъ, могла унести его въ его собственномъ жилищѣ.

Въ такихъ случаяхъ сила необходимости являлась, несомнѣнно, элементомъ, воспитывающимъ первобытнаго человѣка: въ его памяти должны были сохраняться такіе случаи, когда приходилось невольно нестись по рѣкѣ на подобномъ плоту, созданномъ самою природою, и впослѣдствіи, когда человѣкъ снова оказывался на берегу, онъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ такихъ воспоминаній, пробовалъ подражать природѣ и строилъ себѣ плотъ собственными силами. Быть можетъ, въ другихъ случаяхъ, человѣку удавалось находить древесный стволъ, полый съ одной стороны, вслѣдствіе того, что дерево выгнило внутри; такой стволъ оказывался удобнымъ, не переворачивающимся въ водѣ челнокомъ, и, пригнавъ его домой, человѣкъ пользовался имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялось необходимымъ переправиться черезъ рѣку, спуститься по ея теченію или подняться къ верховьямъ.

Во время веселыхъ игръ въ рѣкѣ дѣтей и молодежи, имъ приходилось, конечно, плавать, держась за стволы деревьевъ, приходилось также, быть можетъ, сидя на стволѣ, грести руками или пользоваться для этой цѣли вѣтвями или палками, и такіе опыты показали, что примѣненіе подобныхъ вспомогательныхъ орудій облегчаетъ работу. Отсюда явилось представленіе о веслѣ, которое превратило челнъ какъ бы въ живое и одухотворенное существо, подчиняющееся велѣніямъ своего господина. Отъ ствола, выдолбленнаго случайно, природою, недалекъ былъ переходъ къ искусственному расширенію полости въ стволѣ либо при помощи огня, либо рѣжущими инструментами; безъ сомнѣнія, такой переходъ совершился на берегахъ многихъ рѣкъ и у несчетнаго количества народовъ,—челноки, выдолбленные изъ одного древеснаго ствола, можно встрѣтить, положительно, всюду на земномъ шарѣ. Затѣмъ, первобытный человѣкъ—вѣроятно, также случайно—научился снабжать свои суда парусами,—онъ замѣтилъ, что вѣтви, покрытыя листвою, увеличиваютъ при вѣтрѣ скорость ствола.

Построенныя такимъ образомъ лодки первобытнаго человѣка могутъ считаться очень совершенными суденышками, особенно, если принять во

№ 14. Притоки Амазонки, служащіе путями сообщенія мохосамъ.



Область, населенная мохосами. *Пороги и водопады*

1: 20000000

0 100 500 1000 Километ.

вниманіе тотъ матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы: такъ, челнокъ изъ древесной коры на рѣкѣ Нигеръ, или лодка, выдолбленная изъ ствола

тополя на Таримѣ, или березовая пирога, употребляемая гуронами и оджибвеями Сѣверной Америки, положительно, превосходны по своимъ качествамъ, и европеецъ не обладаетъ челнами, которые могли бы выдержать сравненіе съ этими первобытными лодками, по легкости, по удобству управленія и по быстротѣ починки при поврежденіяхъ. Индѣецъ или метисъ Сѣверной Америки, находясь въ пути, располагаетъ на берегу любой рѣки всѣмъ необходимымъ для постройки лодки и, благодаря этому, можетъ безпрепятственно пересѣчь всю территорію Канады, Великихъ озеръ и Скалистыхъ горъ.

Въ виду сказаннаго, удивительнымъ является не то обстоятельство, что почти всѣ дикія племена знакомы съ искусствомъ рѣчного судоходства, но то, что существуютъ все же нѣкоторыя народности, которыя живутъ по берегамъ рѣкъ и не рѣшаются пуститься по ихъ водамъ. Таковы, напримѣръ, знаменитые ботокуды, которые не рѣшались даже плавать и не умѣли строить лодокъ [1]). Въ иныхъ случаяхъ такое явленіе понятно; такъ, напримѣръ, нѣкоторыя рѣки бассейна Ориноко и Амазонки населены небольшими, но очень опасными рыбками, называемыми «pirangas»; онѣ бросаются на человѣка и вонзаютъ въ него свои острые зубы,—естественно, что изъ-за нихъ прибрежное населеніе опасается пускаться въ воду и потому не научилось плавать. Какъ объяснить, однако, что въ другихъ случаяхъ туземцы не учатся плавать и не пользуются лодками на такихъ рѣкахъ, воды которыхъ совершенно неопасны? Безъ сомнѣнія, въ подобныхъ случаяхъ должно существовать какое-нибудь религіозное предубѣжденіе, сохраняющееся въ теченіе вѣковъ, вопреки всѣмъ измѣненіямъ окружающей среды: вѣроятно, это населеніе обитало нѣкогда на берегахъ запретныхъ водъ, сдѣлавшихся такими вслѣдствіе представляемой ими опасности, — позднѣе эта запретность стала ненарушимымъ закономъ, которому люди слѣдовали даже и послѣ своего переселенія на берега другой, неопасной рѣки.

Итакъ, несмотря на подобные противорѣчащіе примѣры, представляемые нѣкоторыми племенами, и несмотря на странную логику нѣкоторыхъ военныхъ державъ, возвращающихся къ первобытному варваризму и считающихъ и въ наше время глубокія рѣки и проливы границами, разъединяющими народы,—можно разсматривать открытіе судоходства на рѣкахъ нашей планеты какъ крайне важное событіе въ эволюціи человѣчества, совершившееся въ разное время и во многихъ различныхъ точкахъ земного шара.

Въ этомъ замѣчательномъ открытіи сказался, дѣйствительно, огромный прогрессъ человѣчества, — оно соединило способность къ движенію человѣка съ такою же способностью природы, оно увеличило наши ин-

1) Paul Ehrenreich. Petermann's Mittheil. 1891. Heft V.

дивидуальныя, безконечно малыя силы грандіозными силами такихъ гигантовъ, какъ, напримѣръ, Миссисипи или Амазонка. Но, по всей вѣроятности, первые люди, пустившіеся по водѣ на вертлявомъ и неустойчивомъ древесномъ стволѣ, были предметомъ насмѣшекъ; ихъ болѣе мудрые и благоразумные собратья, остававшіеся на берегу, конечно, смѣялись отъ чистаго сердца надъ этими искателями приключеній, надъ этими сумасбродами, которые, рискуя жизнью, пускались въ даль отъ надежной твердой земли,—вѣдь этой земли никогда не рѣшались ранѣе покинуть ихъ предки!

Сдѣлавшись, съ изобрѣтеніемъ лодки, господами надъ безконечнымъ пространствомъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ, въ прямолинейномъ на-

Челнъ изъ березовой коры на порогахъ рѣки въ Сѣверной Америкѣ.

правленіи, обитатели береговъ рѣкъ, съ самыхъ первыхъ временъ, могли въ широкой степени пользоваться завоеванными преимуществами. Въ верховьяхъ притоковъ Амазонки, въ Боливіи, обитаетъ племя мохосовъ, представители котораго не рѣшаются проникнуть въ сосѣдній дѣвственный лѣсъ далѣе, какъ на разстояніе полета стрѣлы или лая собаки, но зато они удивительно знаютъ рѣку, всѣ ея притоки, всѣ ея развѣтвленія на тысячи километровъ; эти дикари знакомы съ иною природою, чѣмъ та, которая ихъ окружаетъ на родинѣ, они умѣютъ ладить съ другими народами и находятся совсѣмъ какъ дома среди другихъ условій цивилизаціи. Душа ихъ не дрогнетъ отъ страха при приближеніи въ легкомъ челнѣ къ порогамъ или къ водопаду; когда, подхваченные въ своемъ

челнѣ теченіемъ, они услышатъ ревъ бурлящей воды, они во время умѣютъ дать мастерской ударъ весломъ и проскользнуть между камнями, избѣжавъ крушенія и добравшись до спокойной воды ниже водопада. Если теченіе несетъ слишкомъ сильно, они ловко умѣютъ воспользоваться выступающими камнями, переброшенными черезъ рѣку ліанами, разсѣлинами между скалъ и песчаными отмелями, чтобы пробраться въ своемъ челнѣ и спуститься благополучно отъ самыхъ верховьевъ рѣки до ея низовій.

Ниже по теченію, гдѣ рѣка становится движущимся моремъ, туземцы умѣютъ искусно избѣгать поднимающихся бурь, спасаясь въ своемъ челнѣ въ середину скопленій травы, несомыхъ водою, такъ называемыхъ «каннарана», которыя ослабляютъ волненіе; они также умѣютъ противодѣйствовать вѣтру, увлекающему ихъ по направленію къ верховьямъ рѣки,—съ этою цѣлью они привязываютъ свой челнъ къ какому-нибудь древесному стволу, погруженному на нѣсколько метровъ подъ поверхностью рѣки и продолжающему равномѣрно свой путь, какъ бы ни былъ силенъ противный вѣтеръ. При подъемѣ по рѣкѣ, продолжающемся цѣлые мѣсяцы, они пользуются пассатными вѣтрами, дующими противъ теченія, равно какъ и боковыми вѣтвями прибрежныхъ деревьевъ.

Во время подобныхъ путешествій, туземцы, пускающіеся въ лодкахъ въ чужія страны, не только пріобрѣтаютъ силу и ловкость, но и научаются различнымъ мѣстнымъ искусствамъ и ремесламъ, привыкаютъ говорить на чужихъ языкахъ и, возвращаясь домой, привозятъ съ собой всевозможныя полезныя свѣдѣнія и познанія. Однако, имъ все же остаются совершенно непзвѣстны пространства, которыя находятся между рѣками, и лишь отъ другихъ народовъ или путемъ собственныхъ изслѣдованій удалось европейскимъ путешественникамъ-географамъ узнать о существованіи саваннъ или свободныхъ отъ лѣсной растительности пространствъ, тянущихся на огромномъ протяженіи въ области Амазонки.

Рѣка, послужившая первымъ учителемъ судоходства и обусловившая затѣмъ взаимный обмѣнъ знаній у сосѣднихъ народовъ, была въ то же время и первымъ природнымъ факторомъ, научившимъ человѣка земледѣлію, притомъ почти безъ затраты инпціативы съ его стороны. Рѣчныя воды постоянно размываютъ и намываютъ почву, принося не только плодородную землю, но также и корни, сѣмена и ростки растеній, которыя быстро прорастаютъ на новомъ мѣстѣ и вызываютъ къ себѣ удивленіе и интересъ мѣстныхъ жителей, не видавшихъ ихъ ранѣе. Если такое чужеземное растеніе пригодно для туземца тѣмъ, что даетъ пищу ему самому или его домашнимъ животнымъ, то каждый новый разливъ рѣки позволяетъ ему подражать природѣ: вполнѣ понятно, что онъ соберетъ сѣмена или корни, принесенные рѣкою, и посадитъ ихъ въ дѣвственную почву, намытую тѣми же водами. Безъ сомнѣнія, такіе

опыты, для которыхъ достаточно было человѣку нагнуться, производились во многихъ мѣстностяхъ земного шара, и, мало-по-малу, человѣкъ научался ихъ повторять не только на берегу рѣки, но и по склонамъ холмовъ и на лѣсныхъ прогалинахъ. Даже и въ наши дни еще можно наблюдать кое-гдѣ по затопляемымъ берегамъ великихъ американскихъ рѣкъ подобныя первыя начала земледѣлія.

Гуземецъ діола.

Итакъ, чѣмъ только мы не обязаны рѣкамъ, этимъ нашимъ добродѣтельнымъ божествамъ! Онѣ вывели насъ изъ состоянія первобытной инертности, увлекли насъ своимъ движеніемъ, превратили въ человѣчество, стремящееся къ прогрессу и вѣчно возобновляющееся, научили насъ, путемъ сближенія съ другими людьми, множеству различныхъ ремеслъ и искусствъ и, наконецъ, содѣйствовали даже тому, что мы получили возможность добывать свой насущный хлѣбъ! Мы привязаны, слѣдовательно, къ рѣкамъ, сознательно или безсознательно, безконечною вереницею событій, мы знаемъ, къ тому же, что долины ихъ служили путями переселенія народовъ, и что жизнь цѣлыхъ націй развивалась на ихъ берегахъ.

Великія цивилизаціи, отпрысками которыхъ мы являемся и безъ которыхъ не существовало бы человѣчества, въ современномъ смыслѣ слова, не могли бы развиться, еслибы не было Желтой рѣки и Голубой, не было бы Инда и Ганга, Евфрата и Нила, Сенегала и Нигера. Съ чувствомъ искренняго сыновняго уваженія произноситъ мыслящій человѣкъ эти великія имена!

Съ теченіемъ вѣковъ вліяніе факторовъ внѣшней среды измѣняется иногда прямо въ обратномъ направленіи. Первоначально большія рѣки разъединяли народы, и животное населеніе также различалось, напр., по обѣ стороны Амазонки; въ началѣ исторической эпохи нѣкоторыя племена не рѣшались переходить съ одного берега на другой, и огромное водное русло, наполненное движущимися массами воды, одинаково раздѣляло какъ людей, такъ и животныхъ. И, несмотря на это, позднѣе такое непреодолимое для первобытныхъ обитателей препятствіе сдѣлалось чрезвычайно важнымъ средствомъ передвиженія, какъ для людей, такъ и для ихъ могущества и для ихъ идей. Мало-по-малу человѣкъ, спускающійся вдоль по рѣкѣ, въ челнѣ, становится путешественникомъ и по сухой землѣ, дѣлается торговцемъ и находитъ себѣ хорошій пріемъ у всѣхъ народовъ; такими бродячими торговцами являются, напримѣръ, въ Африкѣ туземцы племени діола, обитающіе на берегахъ южныхъ рѣкъ и встрѣчающіеся всюду даже далѣе Нигера,— свои первые уроки они получили на мелкихъ озеркахъ своего морского побережья.

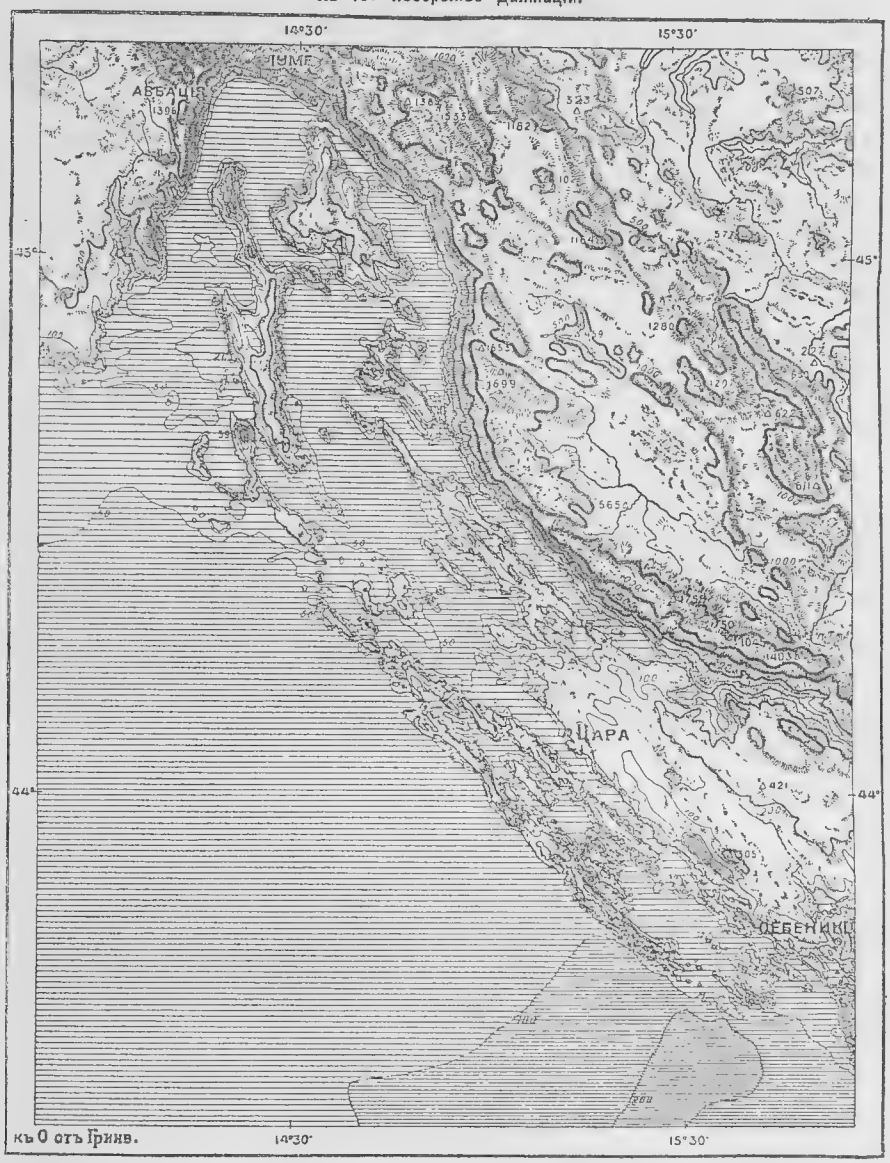
Тѣ же самыя явленія наблюдаются въ отношеніяхъ человѣка къ морю. Сколько народовъ, пришедшихъ изъ степей, спустившихся съ горъ или покинувшихъ родные лѣса, останавливались на берегу моря въ полномъ безсиліи, объятые ужасомъ предъ безграничною ширью разстилающихся предъ ними водъ, предъ грознымъ рокотомъ волнъ, разбивающихся о берегъ! Море, которому позднѣе пришлось носить на себѣ побѣдившіе его корабли, было первоначально совершенно непреодолимой преградой для всѣхъ обитателей суши и порождало въ душахъ ихъ суевѣрный ужасъ.

Кромѣ того, нѣкоторыя части морского побережья являлись для населяющихъ ихъ людей настоящими темницами, столь же замкнутыми, какъ долины горъ или прогалины, теряющіяся въ чащѣ дѣвственнаго лѣса. Не говоря уже объ островахъ, разбросанныхъ у берега, мы встрѣчаемъ въ береговой полосѣ также явственно отдѣленные участки суши— песчаныя отмели, части берега, отдѣленныя болотами, или береговыя скалы, остающіяся почти недоступными со стороны континента. Обитатели этихъ мѣстностей лишены возможности легко сноситься съ прилежащей страной и остаются насильственно заключенными въ своихъ тѣсныхъ предѣлахъ. Они являются какъ бы растеніями, лишенными питающей ихъ почвы, — таковы, напр., были долгое время обитатели береговъ Ванден.

Населеніе, тѣсно привязанное къ морю и почти совершенно лишенное связи съ континентомъ, тѣмъ не менѣе процвѣтало во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ оно находило для себя достаточно средствъ къ суще-

ствованію; оно образовывало обыкновенно независимыя общины, умѣв-

№ 15. Побережье Далмаціи.



Линіи горизонталей проведены на 100, 200, 500 и 1000 метрахъ.

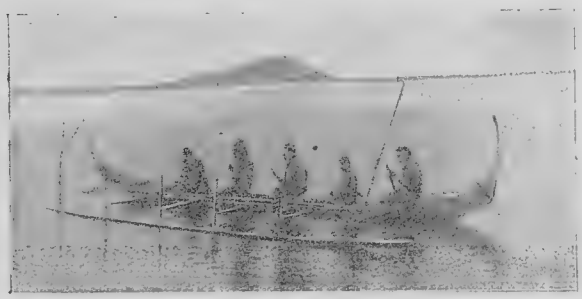
1: 3 000000

0 25 50 100 150 километ.

шія хорошо приспособляться къ окружающему и извлекавшія изъ него

какъ возможность существовать, такъ и средства для культуры. Въ тѣхъ случаяхъ, однако, когда обитатели океаническаго побережья сохраняютъ полную свободу сообщенія со внутренними частями континента, что возможно либо при присутствіи обширныхъ, легко проходимыхъ равнинъ, либо, когда имѣются рѣки нормальнаго характера, обитатели такихъ побережій могутъ пользоваться одновременно и преимуществами этой связи съ континентомъ, не утрачивая тѣхъ удобствъ, которыя имъ предоставляетъ море.

У нѣкоторыхъ береговъ водная стихія способствуетъ попыткамъ человѣка проникнуть внутрь океана. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣка продолжается въ расширенное устье, а устье открывается въ заливъ, попытки выйти въ море производятся въ томъ же направленіи; иногда человѣкъ заносится сюда въ лодкѣ по собственному желанію при преслѣдованіи добычи, иногда онъ попадаетъ помимо своей воли, по капризу волнъ или вѣтра. Такимъ образомъ совершается переходъ отъ рѣки къ морю,—первое знакомство съ солеиой стихіей начинается еще въ прѣсныхъ водахъ. Заливы, защищенные отъ вѣтровъ, или же проливы, огражденные островами, которые тянутся иногда цѣлой цѣпью, какъ, напримѣръ, у береговъ Далмаціи, облегчаютъ прибрежнымъ жителямъ плаваніе на лодкахъ и дѣлаютъ условія въ морѣ подобными тѣмъ, какія находятся въ рѣкахъ. Такимъ образомъ, такіе же точно челны могутъ употребляться для плаванія и въ морѣ.



Челнъ на Бѣломъ заливѣ въ Меланезіи.

Рѣчное судоходство измѣняется, слѣдовательно, мало-по-малу въ судоходство прибрежное, а это послѣднее—въ судоходство по открытому морю. Случается, что челнъ попадаетъ въ открытое море по волѣ вѣтра; съ другой стороны, человѣкъ самъ иногда пускается въ море для того, чтобы не быть выброшеннымъ на отмели или на камни. Онъ привыкаетъ къ тому, что море со своими неизмѣримыми глубинами является менѣе опаснымъ, чѣмъ прибрежныя воды съ ихъ отмелями, песчаными банками и скалами [1]).

Впрочемъ, море къ тому же обладаетъ совершенно особой притягательной силой, проистекающей отъ того, что въ немъ чередуются при-

1) Breusig. «Die Geschichte der Nautik bei den Alten».

Туземецъ сіобанъ на Суматрѣ и его орудія рыболовства.

ливы и отливы, и дважды въ день море приглашаетъ обитателей побережья ходить свободно по своему обнажившемуся дну; человѣкъ привыкаетъ слѣдовать за отступающими морскими волнами и обращаться передъ ними въ бѣгство, когда онѣ снова бросаются въ стремительную атаку на берегъ!

Мало-по-малу человѣкъ знакомится съ моремъ все ближе и ближе и познаетъ, сколько богатствъ оно таитъ въ своихъ нѣдрахъ, — знакомиться съ этими богатствами ему приходится уже вслѣдствіе того, что пища прибрежныхъ жителей состоитъ почти исключительно изъ рыбъ и другихъ «плодовъ моря», находимыхъ въ мелкихъ водахъ, между камнями и на песчаномъ днѣ лагунъ.

Погоня за морскими животными должна была увлечь обитателей океаническаго побережья далеко за предѣлы полосы, подвергающейся приливамъ и отливамъ; точно также молодое поколѣніе ихъ должно было

стремиться въ море, влекомое жаждой приключеній. Можно ли предположить, чтобы дѣти прибрежныхъ жителей могли избѣжать увлекательной борьбы съ морскими волнами? Ежедневно предъ ихъ глазами волны катятся длинными рядами, вздуваются все сильнѣе и сильнѣе при приближеніи къ берегу, на нихъ вырастаютъ острые гребни, увѣнчанные бѣлою пѣною, и затѣмъ они, послѣдовательно, съ грохотомъ обрушиваются всей своей водною массою на берегъ! Это постоянное движеніе, этотъ шумъ прибоя опьяняютъ юношу, полнаго силъ и жаждущаго борьбы,—онъ бросается въ колышащіяся волны, борется съ ними, онѣ то поднимаютъ его на свои гребни, то заставляютъ погружаться подъ поверхность воды. Благодаря такимъ играмъ въ морскихъ волнахъ, играмъ, развивающимъ силу и ловкость, человѣкъ привязывается къ морю съ самаго своего дѣтства и привыкаетъ плавать въ немъ съ такою же легкостью и проворствомъ, какъ какое-нибудь земноводное животное.

То, что путешественники разсказываютъ намъ объ обитателяхъ Каролинскихъ острововъ, о полинезійцахъ и другихъ островитянахъ, живущихъ въ теплыхъ водахъ тропическихъ морей, кажется, поистинѣ, удивительнымъ. Эти туземные жители могутъ держаться на морскихъ волнахъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ, даже цѣлыхъ дней, и чувствуютъ себя въ нихъ какъ въ своей родной стихіи.

Въ XVIII вѣкѣ, до того времени, когда многочисленныя путешествія познакомили насъ съ нравами обитателей острововъ Южнаго Тихаго океана, корабли становились обыкновенно на якорь въ нѣсколькихъ километрахъ отъ берега острововъ, боясь сѣсть на мель, и, тѣмъ не менѣе, ихъ чрезъ кратчайшее время окружало все населеніе сосѣдняго острова—мужчины, женщины и дѣти, плескавшіяся съ криками радости вокругъ невиданныхъ огромныхъ чудовищъ.

Судоходство по морю должно было развиться позже плаванія, и первоначально морскія лодки были крайне примитивныя. Дѣйствительно, чернокожее племя батанга, родственное банту, обитающее на побережьѣ Африки между Камеруномъ и Габономъ, пользуется челнами, вѣсящими не болѣе 7—8 килограммовъ; такой челнъ человѣкъ, приставъ къ берегу, свободно беретъ подъ мышку; челнъ этотъ сильно вытянутъ въ длину, узокъ, лишь слегка выдолбленъ и напоминаетъ по своему употребленію деревянную лошадку,—туземцы садятся на него верхомъ и дѣйствуютъ ногами, чтобы управлять имъ, сохранять равновѣсіе и предохранять его отъ наполненія водою, вслѣдствіе ударовъ волнъ. Европейцевъ положительно приводитъ въ изумленіе необычайный видъ, представляемый этими курьезными всадниками, скользящими на своихъ удивительныхъ лодкахъ, какъ насѣкомыя, бѣгущія по поверхности воды; туземцы умѣютъ справиться на нихъ даже съ волнами прибрежнаго прибоя, по которымъ не отваживается пуститься самый опытный пловецъ!

Челны ново-зеландцевъ, сдѣланные изъ пальмовыхъ стволовъ (даже парусъ сдѣланъ изъ пальмовыхъ листьевъ).

Въ другихъ моряхъ, гдѣ прибой не менѣе опасенъ, напримѣръ, у Коромандельскаго берега, прибрежные жители пользуются плотами, называемыми «катамарамъ»,—по нимъ свободно разгуливаютъ волны, грозя ежеминутно смыть гребцовъ. То же самое наблюдается на берегахъ Бразиліи, вблизи Бахіи и Пернамбуко; тамъ приходится часто встрѣчать въ открытомъ морѣ такъ называемыя «янгады» изъ легкаго дерева, снабженныя парусомъ,—поверхъ нихъ ходятъ волны, осыпая брызгами гребцовъ, принужденныхъ привязываться къ плоту и привязывать къ нему свои тыквенныя бутыли съ водою и тяжелые камни, служащіе якорями.

На подобныхъ судахъ жители американскаго побережья, принадлежащіе къ племени кихуа, открыли Галапагосскіе острова не менѣе какъ за два вѣка до открытія ихъ испанцами; на нихъ же, по всей вѣроятности, дошли они и до острова Пасхи, гдѣ, по свидѣтельствамъ нѣкоторыхъ авторовъ, оставили въ качествѣ доказательства своего посѣщенія тѣ удивительныя скульптурныя изображенія, которыя позднѣе были перевезены въ Британскій музей. Въ тѣхъ моряхъ, гдѣ дуютъ правильные вѣтры, чередуясь днемъ и ночью или смѣняясь по сезонамъ, предпріимчивые и отважные люди находятъ особенно много причинъ, побуждающихъ ихъ пуститься въ море; точно также влечетъ ихъ къ морскому путешествію въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ острова недалеко отстоятъ одинъ отъ другого или гдѣ берега различныхъ странъ раздѣлены не широкимъ проливомъ,—такъ въ Эгейскомъ морѣ, усѣянномъ островами, неминуемо должно было возникнуть мореплаваніе, какъ бы вслѣдствіе взаимнаго притяженія, оказываемаго этими островами.

Однако, далеко не всѣ моря являются удобными для плаванія, и не всѣ вѣтры оказываются попутными; очень немногія воды заслуживаютъ названіе «Golfo de las Damas» — «море дамъ», — названіе, данное испанскими моряками мексиканскимъ водамъ Тихаго океана, вслѣдствіе того, что, по ихъ словамъ, корабль можетъ тамъ управляться дамской рукою. Въ нѣкоторыхъ частяхъ океана, расположенныхъ на пути сильныхъ вѣтровъ, бурь и циклоновъ, поднимается нерѣдко такое волненіе, что, казалось бы, нѣтъ судна, которое можетъ ему противостоять. Тѣмъ не менѣе, притягательная сила даже такого бурнаго моря столь велика, и, съ другой стороны, столь значительна потребность въ добываніи изъ этихъ негостепріимныхъ водъ морскихъ продуктовъ, что человѣкъ и тамъ не останавливается передъ грозящей опасностью и, рискуя жизнью, пускается въ море въ легкомъ суденышкѣ.

По окраинамъ континентовъ, среди архипелаговъ острововъ не мало мѣстностей, въ названіяхъ которыхъ отражаются мрачныя драмы совершившихся тамъ кораблекрушеній. У береговъ Бретани, равно какъ и во многихъ другихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ, для туземныхъ жителей являются далеко не одними лишь географическими терминами такія

названія, какъ, напр., «заливъ Покойниковъ». Произнося названіе этого залива, мѣстные жители невольно вспоминаютъ длинный рядъ печальныхъ трагедій, разыгравшихся у его негостепріимныхъ береговъ; имъ приходятъ на память многочисленныя человѣческія жертвы, поглощенныя моремъ; передъ ихъ умственнымъ взоромъ рисуются корабли со сломанными мачтами, съ разодранными въ клочья парусами, бросаемые волнами изъ стороны въ сторону и выкидываемые на берегъ; имъ чудятся грозные раскаты волнъ, трескъ якорныхъ цѣпей, свистъ бури, крики и

«Янгада» бразильцевъ.

мольбы погибающихъ; иногда, быть можетъ, имъ представляется даже, что голоса мертвецовъ заглушаютъ собою ревъ разъяренной стихіи!

Море оказываетъ, какъ мы говорили, могущественное вліяніе на умственное развитіе сколько-нибудь цивилизованнаго прибрежнаго населенія и даже въ наше время побуждаетъ моряковъ къ новымъ открытіямъ въ области механики и географіи. Еще во много разъ большее вліяніе должно было оказывать оно на обитателей удаленныхъ отъ берега острововъ, которые жили, подобно населенію Гебридскихъ, Оркнейскихъ, Шет-

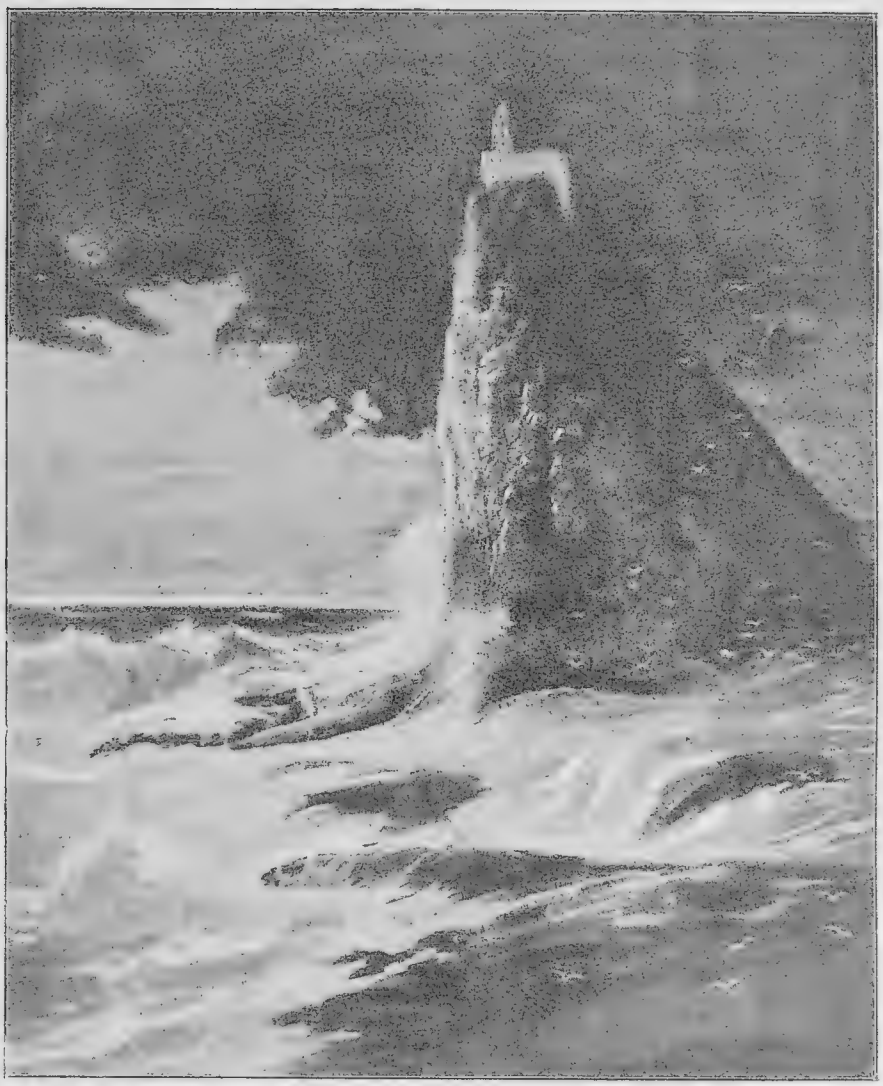
ландскихъ или Фаррерскихъ острововъ, на почти лишенныхъ растительности скалахъ, круто обрывающихся къ морю, съ вертикально спускающимися къ морскому берегу тропинками.

Мы видѣли, что уже рѣки оказываютъ могущественное вліяніе на человѣка,—но какой ничтожной является хотя бы Миссисипи или Амазонка, не говоря уже о какомъ-нибудь Рейнѣ или Шельдѣ, по сравненію съ безграничной ширью океана! Въ зависимости отъ формы и очертаній береговъ, отъ астрономическаго положенія мѣстности, отъ вѣтровъ и теченій, море является спокойнымъ или же грознымъ, чудно-красивымъ или ужаснымъ, но при всѣхъ условіяхъ оно постоянно подвижно, какъ бы одарено жизнью и волей, единой и въ то же время многообразной, во всей совокупности безконечнаго множества волнъ, увѣнчанныхъ бѣлыми гребнями!

Всѣ наши преданія, всѣ литературныя произведенія, начиная съ Одиссеи, въ которой прославляется могущество «тысячеголосаго» Океана, говорятъ намъ о величіи моря; моряки, однако, совершенно иначе ощущаютъ это величіе. Имъ не приходится, какъ жителямъ суши, смотрѣть на море лишь съ эстетической точки зрѣнія, — они живутъ моремъ и благодаря морю, оно является ихъ кормильцемъ, ихъ другомъ, а, случается, и злѣйшимъ врагомъ, лишающимъ ихъ самаго драгоцѣннаго—жизни. Они любятъ море, обожаютъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуютъ себя всецѣло въ его власти, они какъ бы очарованы моремъ и въ то же время взираютъ съ нѣкоторымъ ужасомъ на его воды, такъ какъ многимъ изъ нихъ приходитъ на мысль при видѣ волнъ, что когда-нибудь придется опочить подъ ихъ хладнымъ покровомъ. Это-то вѣчное предчувствіе и придаетъ морякамъ свойственную имъ серьезность,—въ ихъ спокойныхъ взорахъ подмѣчаешь какъ бы отблескъ смерти, къ которой они постоянно близки.

Полный контрастъ внѣшней среды—внутренней части континента и морскихъ побережій—опредѣляетъ также и своеобразный контрастъ между населеніемъ суши и населеніемъ береговъ моря. Окружающія условія, при своемъ измѣненіи, измѣняютъ и характеръ населенія. Чтобы охватить и объединить въ одно цѣлое высшаго порядка различныя и часто даже противоположныя представленія и идеи, свойственныя обитателямъ суши и обитателямъ побережій, омываемыхъ моремъ, приходится обратиться уже къ человѣчеству позднѣйшихъ временъ, такъ какъ во времена первобытныя наблюдается всюду явственная дисгармонія между этими двумя группами человѣческаго общества, объединившимися лишь въ позднѣйшія времена. «Исторія постепенно увеличивалась съ расширеніемъ морей» [1]); она сдѣлалась единой исторіей человѣчества лишь

1) Ratzel, «Anthropogeographie», v. I, p. 273. La Réveillère. «Conquête de l'Océan».



Маякъ на островѣ Унстъ, на самой сѣверной оконечности Шетландскихъ острововъ.

съ того времени, какъ всѣ морскіе бассейны были объединены безконечно великимъ океаномъ.

Во время войнъ, сопровождавшихся набѣгами и завоеваніями, племена нерѣдко разъединялись. Алчные обитатели морскихъ побережій, обосновавшись на островахъ или полуостровахъ, стремились удержать за собою свои рыбныя ловли или же различные морскіе промыслы по добыванію раковинъ, коралловъ, янтаря, жемчуга; эти драгоцѣнные предметы, извлекаемые изъ моря, они сбывали затѣмъ путемъ торговли въ

страны, отдаленныя отъ морскихъ береговъ. Въ зависимости отъ обстоятельствъ, они играли роль то торговцевъ, то пиратовъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда они не чувствовали себя достаточно сильными, они являлись честными купцами, вымѣнивавшими свои товары, согласно съ общепринятыми правами и обычаями и съ соблюденіемъ обоюдныхъ интересовъ продавцовъ и покупателей; въ другихъ случаяхъ—они дѣйствовали въ качествѣ грабителей и насильниковъ, разорявшихъ города, убивавшихъ людей и похищавшихъ женъ и дѣтей для того, чтобы обратить ихъ въ рабство.

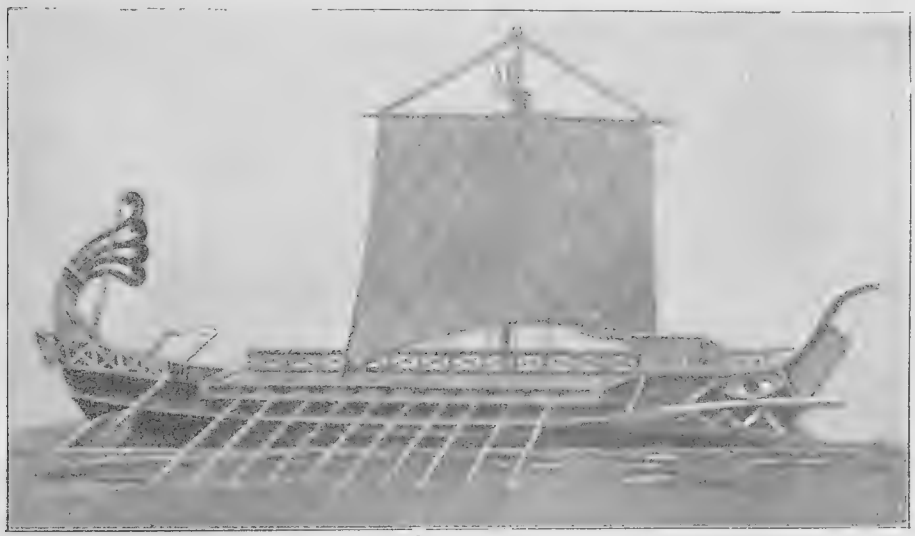
Традиціонная ненависть, царившая между первобытными племенами и обусловливавшаяся вліяніемъ среды и образа жизни, долгое время служила оправданіемъ всѣхъ подобныхъ насильственныхъ дѣяній.

Финикійцы и карѳагеняне древности, скандинавскіе викинги среднихъ вѣковъ и, въ новѣйшее время, малайскіе и китайскіе пираты могутъ служить примѣрами подобныхъ приморскихъ народностей, живущихъ грабежомъ за счетъ обитателей континента. Являясь то торговцами, то пиратами, въ зависимости отъ выгодъ, представляемыхъ даннымъ моментомъ, они служили одновременно какъ разрушителями культуры, вслѣдствіе своихъ разбоевъ, грабежей и обращенія въ рабство, такъ, съ другой стороны, иногда и носителями цивилизаціи, благодаря привозу новыхъ товаровъ и распространенію новыхъ идей; въ этихъ случаяхъ они служили прогрессу, скрещиваясь съ другими народностями и порождая новыя этническія группы, болѣе приспособленныя къ измѣненіямъ среды.

Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣйствіе того или другого элемента внѣшней среды—холода или тепла, гористости или ровности поверхности, степной или лѣсной растительности, присутствія рѣкъ или моря—дѣйствіе ихъ на ту или другую народность надлежитъ изучать отдѣльно и обособленно. Однако, отдѣлить данную черту внѣшней среды отъ другихъ условій, представить себѣ ее существующею совершенно обособленно и изучить въ отдѣльности именно ея вліяніе—можно лишь путемъ полной и чистѣйшей абстракціи.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вліяніе даннаго элемента сказывается, безусловно, сильнѣе всѣхъ другихъ на матеріальныхъ и моральныхъ сторонахъ жизни того или другого человѣческаго общества, оно, тѣмъ не менѣе, смѣшивается со множествомъ другихъ воздѣйствій, либо усиливающихъ, либо ослабляющихъ его значеніе. Внѣшняя среда является всегда безконечно сложной и разнообразной, и, вслѣдствіе того, человѣкъ побуждается тысячами различныхъ силъ, двигающихся въ различнѣйшихъ направленіяхъ, то слагающихся непосредственно, то сочетающихся подъ нѣкоторымъ угломъ и дающихъ равнодѣйствующую, то взаимно уничтожающихся.

Такимъ образомъ и жизнь островитянина опредѣляется далеко не одной лишь обширностью окружающей его морской стихіи,—должно принять во вниманіе также широту, подъ которой ему приходится жить, силу солнечныхъ лучей, освѣщающихъ его, колебанія температуры, направленіе и силу вѣтровъ, мало извѣстное, но все же сказывающееся въ дѣйствительности вліяніе магнитныхъ токовъ, обнаруживаемое склоненіемъ и наклоненіемъ магнитной стрѣлки. При изученіи какого бы то ни было человѣческаго общества необходимо также выяснить вліяніе строенія земной поверхности, состава и цвѣта почвы, характера растительности и животнаго міра—однимъ словомъ всѣхъ сторонъ внѣшней природы, которыя могутъ вліять на внѣшнія чувства человѣка. Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ представляетъ собою не что иное,



Финикійская галера.
(По реконструкціи Луврскаго Музея).

какъ нѣкоторый итогъ всего, что онъ видѣлъ, слышалъ и изжилъ, всего, что онъ имѣлъ возможность воспринять и усвоить своими внѣшними чувствами.

Наконецъ, эта первичная внѣшняя среда, созидаемая окружающимъ, является не болѣе, какъ лишь частью всей совокупности вліяній, которымъ подвергается человѣкъ. Потребности существованія опредѣляютъ способы питанія, измѣняющіеся сообразно съ мѣстностью; точно также возможность ходить голымъ или же необходимость одѣваться, жизнь на воздухѣ или жизнь въ жилищахъ самаго разнообразнаго свойства—въ гротахъ или въ шалашахъ изъ листьевъ, въ хижинахъ или въ домахъ—все это вліяетъ на способъ чувствовать и мыслить, все это создаетъ въ

значительной степени то, что мы называемъ «цивилизаціей», т.-е. нѣкоторое состояніе, вѣчно мѣняющееся, благодаря новымъ пріобрѣтеніямъ, перемѣшивающимся съ болѣе или менѣе упорными пережитками старины. Наконецъ, образъ жизни и вліяніе окружающей среды усложняются многочисленными болѣзнями, внезапными эпидеміями, также очень различными, въ зависимости отъ страны и отъ широты, и играющими большую роль въ томъ комплексѣ силъ, который направляетъ и опредѣляетъ человѣчество.

Ко вліянію среды въ пространствѣ, характеризующейся тысячами внѣшнихъ явленій, слѣдуетъ присоединить вліяніе среды во времени, ея безпрерывныя измѣненія и безконечныя превращенія. Если, по словамъ Мишле, исторія начинаетъ становиться «совершенной географіей», то и географія становится постепенно исторіей, благодаря непрерывному воздѣйствію человѣка на своихъ ближнихъ. Каждый новый индивидуумъ, появляющійся на свѣтъ и отличающійся своими поступками, своими исканіями новаго или своими противорѣчащими традиціи мыслями, становится либо героемъ, созидающимъ нѣчто новое, либо мученикомъ; будетъ ли онъ чувствовать себя счастливымъ, или, наоборотъ, сдѣлается жертвой горя-злосчастья,—онъ, такъ или иначе, дѣйствуетъ, и окружающій міръ оказывается измѣненнымъ. Человѣчество образуется и преобразуется, подпадая поочередно то прогрессивному движенію, то вступая на путь регресса, или же пребывая въ неопредѣленномъ состояніи, — все это различнымъ образомъ его видоизмѣняетъ, выливаетъ человѣческую расу въ ту или другую форму.

Можно ли перечислить всѣ факторы, вліяющіе такъ или иначе на человѣческое общество и постоянно какъ бы подновляющіе его? Переселенія, сліянія народностей, сосѣдство тѣхъ или другихъ племенъ, торговыя сношенія, политическія революціи, измѣненія семейнаго быта, права собственности, религіи, нравственности, приращеніе или уменьшеніе знаній—всѣ эти факторы измѣняютъ внѣшнія условія и въ то же время оказываютъ сильнѣйшее вліяніе на ту часть человѣчества, которая находится въ новой окружающей средѣ. Въ то же время ничто не теряется безслѣдно: давнишнія причины, хотя бы и въ ослабленномъ видѣ, продолжаютъ вліять въ позднѣйшія времена, и изслѣдователь можетъ подмѣтить ихъ скрытое вліяніе въ современныхъ теченіяхъ, подобно тому, какъ воду, исчезнувшую изъ первоначальнаго русла рѣки, можно бываетъ отыскать въ подземныхъ галлереяхъ глубокихъ пещеръ. Вполнѣ справедливы слова, что «мертвые управляютъ живыми» и «смерть владѣетъ жизнью»! Пословица каффровъ говоритъ: «каждое явленіе порождается какимъ-либо другимъ явленіемъ, и не должно забывать, что все совершающееся имѣетъ свою генеалогію»; эту пословицу столь же полезно помнить намъ, европейцамъ, какъ и чернокожимъ!

Итакъ, вся окружающая среда распадается на безчисленное множество отдѣльныхъ элементовъ: одни изъ нихъ относятся ко внѣшней природѣ, и ихъ-то обыкновенно и обозначаютъ названіемъ «внѣшней среды» въ узкомъ смыслѣ слова; другіе относятся къ иному порядку, такъ какъ проистекаютъ изъ самаго хода развитія человѣческихъ обществъ и образуются, увеличиваясь послѣдовательно до безконечности, преумножаясь и создавая сложный комплексъ явленій въ дѣйствіи.

Эта вторая «динамическая» среда, присоединяясь ко вліянію первичной, «статической» среды, образуетъ сумму вліяній, въ которой опредѣлить, какія силы преобладаютъ — трудно и часто даже невозможно. Трудность увеличивается еще тѣмъ, что нерѣдко относительное значеніе этихъ первичныхъ или вторичныхъ силъ, то чисто географическихъ, то уже историческихъ, сильнѣйшимъ образомъ измѣняется въ зависимости отъ характера народа и отъ времени. Въ одномъ случаѣ—сильные холода обусловливаютъ гибель населенія, даже уничтоженіе цѣлой расы, или они же принуждаютъ людей приспособляться къ суровой внѣшней средѣ и придумывать средства борьбы съ нею и, такимъ образомъ, косвенно содѣйствуютъ прогрессу; въ другомъ случаѣ—присутствіе моря или большой рѣки является основнымъ факторомъ цивилизаціи; въ третьемъ случаѣ, наконецъ, прогрессъ обусловливается, быть можетъ, тѣснымъ соприкосновеніемъ съ чужими народностями, обладающими совершенно иною культурою.

Сліяніе какого-либо народа, далеко зашедшаго впередъ на пути наукъ и искусствъ, съ народностью другого происхожденія и низшей культуры также является непремѣнною побудительною причиною къ новому шагу впередъ или назадъ; примѣромъ тому можетъ служить Римъ, расцвѣтшій подъ вліяніемъ греческой культуры, и вообще любая мало культурная народность, подпавшая вліянію народности цивилизованной.

Какъ бы то ни было, приспособленіе различныхъ народовъ ко внѣшней средѣ, усложняемое постоянною борьбою и битвами съ другими народами, не должно разсматриваться какъ результатъ исключительно только борьбы съ природою или съ другими людьми. Находясь почти постоянно въ полномъ невѣдѣніи истиннаго значенія жизни, мы нерѣдко говоримъ, что прогрессъ обусловливается одержанной жестокой побѣдой,— безъ сомнѣнія, грубая физическая сила мышцъ всегда почти сопровождаетъ силу воли человѣка, однако, послѣдняя не можетъ быть ею замѣнена. Въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ мы постоянно употребляемъ слова «борьба», «побѣда», «тріумфъ», какъ будто мы въ состояніи измѣнить существующія внѣшнія формы, пользуясь какими-либо другими силами, кромѣ силъ природы. Въ дѣйствительности, однако, всѣ мы сами должны приспособляться къ явленіямъ природы, вступать въ тѣснѣйшую связь съ ея силами и, по возможности, призывать къ себѣ

на помощь постепенно возрастающую группу товарищей, которые обладали бы такою же способностью понимать природу,—лишь въ этомъ случаѣ можемъ мы разсчитывать создать нѣчто способное сохраниться на болѣе долгое время!

Въ то же время всѣ эти природныя условія измѣняются сообразно съ мѣстностью и съ вѣкомъ,—вотъ почему до сихъ поръ тщетно стараются географы создать ихъ законченную классификацію и выяснить весь тотъ рядъ элементовъ внѣшней среды, который вліяетъ на развитіе народностей: явленія эти, до крайности разнообразныя и сталкивающіяся между собой, не позволяютъ расположить себя въ строгомъ методическомъ порядкѣ! Уже когда дѣло касается лишь одной единственной личности, задача оказывается чрезвычайно трудной и имѣетъ лишь условное и вполнѣ субъективное значеніе. Безъ сомнѣнія, каждая единичная личность должна прежде всего стремиться «познать самое себя», какъ это неоднократно рекомендовалось философами; однако, для того, чтобы познать самого себя, необходимо знать всѣ внѣшнія вліянія, которыя содѣйствовали образованію и развитію своего «я», должно изучить исторію своихъ предковъ, выяснить всѣ детали вліянія внѣшней среды на образованіе расы, къ которой принадлежишь, необходимо познакомиться также со своею жизнью въ теченіе безсознательнаго періода своего существованія, наконецъ, надо вспомнить всѣ свои слова и поступки въ рѣшающіе моменты жизни, когда приходилось, подобно Геркулесу, выбирать между двумя или даже тысячью различныхъ путей, которые ведутъ къ различнымъ жизненнымъ цѣлямъ. Во сколько же разъ значительнѣе являются трудности изученія, когда мысль охватываетъ обширныя общины людей, цѣлыя націи? Въ теченіе жизни этихъ націй, къ тому же, мѣняются даже ихъ наименованія, ихъ властители, границы ихъ предѣловъ и владѣній, а происхожденіе ихъ въ большинствѣ случаевъ остается намъ совершенно неизвѣстнымъ [1]).

Вотъ почему историки и даже столь проницательные изслѣдователи между ними, какъ Тэнъ, при истолкованіи историческихъ фактовъ и характера историческихъ личностей ограничиваются обыкновенно изложеніемъ условій внѣшней среды въ теченіе ближайшихъ періодовъ,—методъ, пригодный до извѣстной степени для того, чтобы дать нѣкоторыя общія идеи и представленія, но являющійся, въ то же время, очень опаснымъ, когда приходится изучать натуры оригинальныя и одаренныя геніемъ, т.-е. именно тѣ натуры, которыя опредѣляются совершенно иными элементами, чѣмъ элементы обыкновенной внѣшней среды, и которыя оказываютъ особенно сильное вліяніе на все окружающее. Задачи выясненія послѣдовательности дѣйствія различныхъ внѣшнихъ условій настолько трудны,

1) Mougeolle. «Statique des civilisations».

что обыкновенно историки совершенно устраняютъ ихъ, выдвигая на сцену существующія якобы основныя различія между расами—расовыя особенности. Послѣ выясненія тѣхъ непосредственныхъ вліяній внѣшней среды, которыя являются вполнѣ очевидными, всѣ остальныя черты національнаго характера историки очень охотно относятъ на счетъ такихъ предполагаемыхъ расовыхъ особенностей. Но что же въ сущности сама раса со всѣми своими характерными отличіями тѣлосложенія, пропорціональныхъ отношеній различныхъ частей тѣла, особенностей въ чертахъ лица, въ емкости черепа и въ развитіи мозга, какъ не продуктъ всѣхъ предшествовавшихъ условій,—условій безконечно разнообразныхъ, вліявшихъ въ теченіе всего того долгаго періода, который протекъ съ перваго появленія основныхъ зачатковъ человѣческаго рода [1])? То, что называется «наслѣдственностью пріобрѣтенныхъ признаковъ» [2]), является, по существу, не чѣмъ инымъ, какъ именно вліяніемъ окружающихъ условій. Раса опредѣляется условіями точно такъ же, какъ и отдѣльная личность, но для ея опредѣленія необходимо и соотвѣтственно гораздо болѣе долгое время.

Итакъ, исторія человѣчества, какъ во всемъ своемъ объемѣ, такъ и въ своихъ частяхъ, можетъ быть объяснена лишь совокупнымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и сложныхъ внутреннихъ стремленій на протяженіи вѣковъ. Для того, однако, чтобы лучше понять совершающуюся эволюцію, необходимо принимать во вниманіе и то, въ какой мѣрѣ измѣняются сами внѣшнія условія и въ какой мѣрѣ, слѣдовательно, измѣняется при общей эволюціи ихъ дѣйствіе. Такъ, напримѣръ, горная цѣпь, съ которой нѣкогда спускались въ сосѣднія долины колоссальные глетчеры и не позволяли никому подняться на ея крутые склоны, въ позднѣйшія времена, когда ледники отступили и снѣгомъ оказался покрытъ лишь ея гребень, могла утратить свое значеніе такого препятствія къ сообщенію между сосѣдними народами. Точно также та или другая рѣка, являвшаяся могущественнымъ препятствіемъ для племенъ, незнакомыхъ съ судоходствомъ, могла позднѣе сдѣлаться важной судоходной артеріей и получить огромное значеніе въ жизни населенія ея береговъ, когда это населеніе научилось управлять лодками и судами.

Бывшій нѣкогда «Концомъ Свѣта» мысъ Сагресъ на берегахъ Атлантическаго океана превратился позднѣе въ исходный пунктъ для открытія новыхъ невѣдомыхъ континентовъ. Точно также равнина представляетъ для развитія цивилизаціи діаметрально противоположныя условія, въ зависимости отъ того, покрыта ли она деревьями, или ковромъ дикихъ травянистыхъ растеній, или же плодородными полями.

---

1) Friedrich Ratzel. «Völkerkunde», t. II, p. 5.—2) Matteuzzi. «Les facteurs de l'évolution des peuples», p. 19.

Должно также сказать, что иногда природныя условія остаются совершенно неизмѣнившимися, и, тѣмъ не менѣе, благодаря общему ходу исторіи, измѣняющему относительное значеніе этихъ условій, они оказываютъ въ другой періодъ совершенно иное вліяніе. Такъ, внѣшнія формы Греціи оставались на протяженіи исторіи одинаковыми, за исключеніемъ развѣ какихъ-либо мелкихъ измѣненій, въ зависимости отъ размыванія и намыванія береговъ,—и, тѣмъ не менѣе, какъ различно было значеніе тѣхъ же самыхъ частей суши и тѣхъ же самыхъ формъ поверхности въ тѣ времена, когда цивилизація тяготѣла по направленію къ Греціи и исходила съ острова Кипра, изъ Финикіи и изъ Египта, по сравненію съ позднѣйшими временами, когда центръ историческаго тяготѣнія перемѣстился въ Римъ! Мы видимъ здѣсь столь же яркій контрастъ историческихъ событій, какъ контрастъ въ освѣщеніи горы, которая съ восходомъ солнца заливается свѣтомъ, а къ закату его облекается тѣнью. Точно также, не возникаетъ ли бьющая ключомъ жизнь среди, на первый взглядъ, мертвой и спокойной природы, благодаря присутствію по сосѣдству какого-нибудь бойкаго столичнаго города, оживленной гавани, какихъ-либо копей, залежей нефти и т. п.? Наконецъ, само развитіе націй ведетъ къ измѣненію внѣшнихъ условій: время непрестанно видоизмѣняетъ пространство!

Трудъ

Человѣкъ порождаетъ творческую волю,
которая созидаетъ и перестраиваетъ міръ.

Глава третья.

ТРУДЪ. — ПОДРАЖАТЕЛЬНОСТЬ. — ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ. — РАСПРИ И ВОЙНЫ. — НАЧАЛА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ. — ПОМОЩЬ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

То многоразличіе, которое представляетъ въ настоящее время человѣческое общество, обусловливается различными родами труда, вызываемыми потребностями жизни. Въ первобытныя времена обезьяноподобные предки человѣка жили, питаясь плодами и зернами растеній, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ ногти, зубы, мышцы и вообще все ихъ анатомическое строеніе [1]); однако, увеличеніе числа семей, расширеніе населенной области земного шара, недостатокъ привычной пищи и голодъ измѣнили нравы человѣка, повліявъ въ то же время и на окружающую

1) Cuvier;—Fr. Houssay. «Les industries des animaux», p. 14.

его среду. Человѣкъ обратился къ животной пищѣ и сталъ преслѣдовать животныхъ, — онъ сдѣлался охотникомъ и рыболовомъ, сталъ жить за счетъ животныхъ, повинуясь условіямъ окружающей природы.

Такое приспособленіе человѣчества къ окружающему совершалось, въ дѣйствительности, самыми разнообразными способами, вопреки мнѣнію многихъ авторовъ, которые стараются дать намъ якобы точныя и подробныя указанія относительно послѣдовательности, въ которой оно происходило. Читающая публика нерѣдко принимаетъ высказываемыя ими гипотезы за неоспоримыя истины, тѣмъ болѣе, что эти гипотезы удобны, легко воспринимаются и не заставляютъ много размышлять. Согласно такимъ рутинным взглядамъ, человѣчество прошло послѣдовательно и въ опредѣленномъ, правильномъ порядкѣ нѣсколько различныхъ стадій цивилизаціи. Наиболѣе первобытными временами для всего человѣчества являлись тѣ періоды, когда люди существовали собираніемъ плодовъ, охотою и рыболовствомъ. Затѣмъ наступилъ періодъ пастушескаго образа жизни, и лишь позднѣе его смѣнилъ періодъ земледѣльческій. Кондорсэ, перечисляя различаемые имъ «10 періодовъ» исторіи человѣчества, особенно оттѣняетъ «образованіе пастушескихъ народностей» и «переходъ къ земледѣльческому состоянію», какъ два наиболѣе важные этапа на великомъ пути прогресса и цивилизаціи, пройденномъ человѣчествомъ до нашего времени [1]). Болѣе подробное изученіе исторіи земли доказываетъ намъ, однако, что такая предполагаемая послѣдовательность различныхъ стадій жизни человѣчества является не болѣе, какъ чистѣйшимъ отвлеченіемъ, стоящимъ, къ тому же, въ полномъ противорѣчіи съ фактами. Различія въ средствахъ добыванія пищи являлись всюду прямыми послѣдствіями особенностей въ окружающихъ естественныхъ условіяхъ. Человѣкъ, обитавшій въ лѣсахъ, богатыхъ дичью, житель побережій рѣкъ или морей, богатыхъ рыбою, обитатель безконечныхъ степей, усѣянныхъ стадами, или же горный житель, заключенный въ свои узкія долины,— всѣ они должны были вести совершенно различный образъ жизни, въ зависимости отъ господствующихъ условій окружающаго.

Оставляя въ сторонѣ частности обычаевъ, наблюдаемыхъ у различныхъ племенъ, питающихся животною и растительною пищею, можно вообще сказать, что первоначально если не совершенно всеобщимъ, то, во всякомъ случаѣ, нормальнымъ состояніемъ человѣчества было собираніе плодовъ и другихъ продуктовъ природы въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. примѣненіе въ пищу рѣшительно всего съѣдобнаго, что только человѣку удавалось находить. Голодъ дѣлаетъ каждаго всеяднымъ: человѣкъ, потерявшійся въ лѣсу, начинаетъ, въ концѣ концовъ, ѣсть все, что только ему попадается съѣдобнаго: онъ ѣстъ растенія и

1) Condorcet. «Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'ésprit humain».

Туземцы-кочевники племени телльпель, занимающіеся рыбною ловлею на берегахъ Тарима.
(По фотографіи Свенъ-Гедина).

пробуетъ, не безъ отвращенія, различныхъ мелкихъ животныхъ, червей и насѣкомыхъ, рискуетъ отравиться ягодами и грибами, но, собирая ихъ, выказываетъ обыкновенно такую же осторожность, какъ и дикія животныя. И то же самое, что приходится дѣлать одному человѣку въ лѣсу, приходилось дѣлать и цѣлымъ племенамъ, даже цѣлымъ народамъ, пока они не приспособились къ обработкѣ земли,—имъ приходилось питаться всякой всячиной либо постоянно, либо въ теченіе опредѣленныхъ временъ года, или же въ теченіе періодовъ голодовокъ [1]).

Въ зависимости отъ мѣстности, первобытные способы собиранія пищи опредѣлялись различными условіями окружающей внѣшней среды и въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимали крайне своеобразный характеръ. Такъ, напримѣръ, туземцы, которые обитаютъ въ каменистыхъ и песчаныхъ пустыняхъ сѣверо-западной Австраліи и кочуютъ постоянно въ поискахъ за источниками воды, для добыванія пищи поджигаютъ обыкновенно въ степяхъ кустарники и другія высохшія растенія, такъ что пожаръ захватываетъ площадь въ 8—10 километровъ въ поперечникѣ; затѣмъ, когда пожаръ потухнетъ, все населеніе, взрослые и дѣти, вооруженные заостренными палками, отправляются на поиски и роются въ золѣ, отыскивая ящерицъ, змѣй, крысъ, червей и плоды растеній, которыя не были случайно сожжены огнемъ совершенно, а лишь слегка поджарились. Когда извѣстный районъ оказывается уже исчерпаннымъ, или когда изсякнетъ вся вода въ сосѣднемъ водоемѣ, племя направляется въ другую мѣстность, гдѣ поступаетъ совершенно такъ же. Такъ совершается весь годовой циклъ жизни племени, странствующаго отъ источника къ источнику и добывающаго пищу мѣстными пожарами, заранѣе разсчитанными съ полной предусмотрительностью [2]).

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ первобытный человѣкъ, въ тѣ времена, когда онъ снискивалъ свое пропитаніе собираніемъ плодовъ, отыскивалъ въ землѣ зерна, корневища и луковицы и такимъ образомъ впервые знакомился съ тѣми элементами растительнаго царства, которые позднѣе послужили къ развитію земледѣлія. Онъ наблюдалъ, какъ сѣмена прорастаютъ и даютъ новыя растенія, ему приходилось встрѣчать побѣги, вырастающіе у основанія засохшаго ствола, и подмѣчать, какъ изъ клубня, лежащаго въ землѣ, показывается молодой отпрыскъ и выбивается изъподъ земли [3]).

Воздѣлываніе растеній намѣчалось уже, такъ сказать, въ его представленіяхъ, и для того, чтобы приняться за это дѣло, ему необходимо было лишь вооружиться терпѣніемъ, запастись предусмотрительностью и умѣньемъ спокойно выжидать результатовъ затраченныхъ трудовъ.

---

1) Link. «Urwelt und Alterthum».—2) David W. Carnegie. «Scottish Geographical Magazine», March 1898, p. 116. — 3) Ed. Hahn. «Demeter und Baubo», p. 5.

Кочевой пастушескій образъ жизни, который считаютъ обыкновенно стадіей цивилизаціи, предшествующей земледѣлію, требовалъ въ дѣйствительности, повидимому, болѣе продолжительной подготовки.

Примѣръ Новаго Свѣта на всемъ его протяженіи, отъ острововъ Ледовитаго океана до архипелага, соприкасающагося съ антарктическими водами, лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, что земледѣліе вовсе не обязательно должно было возникнуть изъ предшествовавшаго пастушескаго образа жизни,—земледѣльческій образъ жизни вело множество племенъ и народностей, обитающихъ въ различныхъ частяхъ Сѣверной и Южной Америки, тогда какъ нигдѣ на обоихъ континентахъ не встрѣчалось кочевого, пастушескаго населенія. Южно-американское племя кихуа располагало, правда, однимъ домашнимъ животнымъ, именно ламой; однако, ламы употреблялись туземцами этого племени исключительно лишь для перевозки тяжестей, и основная часть населенія оставалась осѣдлой и занималась земледѣліемъ,—никому не позволялось оставлять свои поля безъ разрѣшенія властей.

Въ Америкѣ ни одно племя не дошло до добыванія молока отъ домашнихъ животныхъ, и точно также въ Старомъ Свѣтѣ существуетъ много народностей, проявляющихъ прямо какъ бы отвращеніе къ молоку. Китайцы и японцы, получившіе въ прежнія времена съ запада столько различныхъ полезныхъ знаній и косвеннымъ образомъ получившіе оттуда даже свою цивилизацію [1]), не научились отъ своихъ западныхъ сосѣдей употреблять въ пищу молоко домашней коровы. Возможно, конечно, что это пріобрѣтеніе человѣческаго рода требовало значительныхъ усилій и продолжительнаго времени; быть можетъ, для того, чтобы оно привилось, необходимы были даже какія-либо исключительныя физіологическія особенности самихъ домашнихъ животныхъ, такъ какъ въ естественномъ состояніи животныя эти даютъ молоко въ количествѣ, достаточномъ лишь для ихъ дѣтенышей, и отдѣленіе молока прекращается, какъ только отъ нихъ отнимаютъ послѣднихъ. Ганъ высказываетъ гипотезу, что первоначальное употребленіе молока сводилось къ жертвоприношеніямъ богамъ [2]),—быть можетъ, позднѣе молоко примѣнялось для возліяній въ честь боговъ, чтобы испросить прощеніе за умерщвленіе тельцовъ, сжигаемыхъ на алтарѣ.

Итакъ, развитіе человѣческаго общества происходило не въ томъ порядкѣ, какъ представляли себѣ прежніе авторы,—оно видоизмѣнялось различнымъ образомъ, въ зависимости отъ природы среды. Возьмемъ для примѣра нѣкоторыя народности Стараго Свѣта. Могли ли, напри-

1) Terrien de la Couperie. «Chinese and Babylonian Record».—2) Ed. Hahn. «Demeter und Baubo», p. 23.

мѣръ, хотя бы карликовыя племена центральной Африки, живущія въ тѣни безконечнаго дѣвственнаго лѣса, выработать какой-либо другой способъ добыванія пищи, кромѣ простого собиранія плодовъ и самой первобытной охоты? Разумѣется, это могло бы произойти развѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы сосѣднія племена, находящіяся на болѣе высокой ступени развитія и отличающіяся большей физической силой, научили ихъ заниматься земледѣліемъ и мѣновой торговлей.

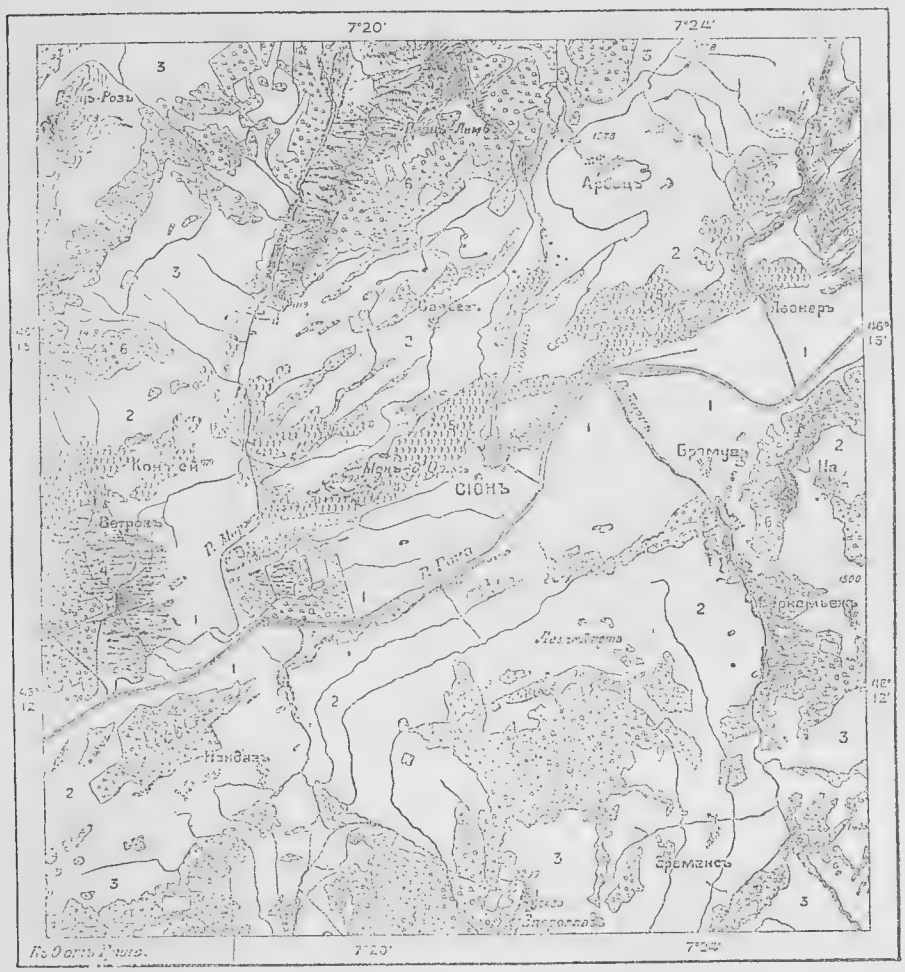
Точно также не обречены ли туземцы племени нюэръ, заключенные въ болотахъ и на плавучихъ островкахъ Баръ-эль-Джебела и Баръ-эль-Зерафа, исключительно на собираніе зеренъ злаковъ и на ловлю рыбы, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока они не будутъ обладать болѣе удобными средствами сообщенія съ сосѣдними сухими областями континента? Не являлись ли также въ совершенно другой части свѣта, очень далеко отъ долины Нила, обитатели Лофотскихъ острововъ вынужденными спиcкивать свое пропитаніе исключительно ловлею рыбы въ морѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ не связали съ остальною Европою пароходные рейсы?

Арабъ-земледѣлецъ въ Алжирѣ, отправляющійся на рынокъ.

Съ другой стороны, когда земледѣльческое населеніе обзавелось уже домашними животными и научилось пользоваться ихъ молокомъ, сама природа заставила обитателей обширныхъ равнинъ перейти къ кочевому, пастушескому образу жизни,—равнины не давали возможности существовать на нихъ охотничьему населенію, такъ какъ крупная дичь съ приходомъ человѣка сдѣлалась рѣдкою; на нихъ не было возможно и земледѣліе, вслѣдствіе того, что выпадало недостаточно дождей. Безконечно обширныя равнины годны исключительно лишь для пастьбы стадъ, которыя, уничтоживъ траву въ одной мѣстности, быстро переходятъ въ другую, столь же обильную травою. Земледѣлецъ привыкаетъ пасти домашній скотъ вблизи своего жилища и либо пользуется услугами четвероногихъ друзей при полевыхъ работахъ, либо получаетъ отъ нихъ

молоко или мясо, защищая ихъ въ свою очередь отъ нападенія хищныхъ

№ 16. Распредѣленіе различно воздѣланныхъ мѣстностей въ долинѣ р. Роны.



1---- *Луга и поля долинъ*
2---- *Поля на склонахъ горъ*
3---- *Альпійскіе луга*

Болотистая мѣстность
Виноградники
Лѣса

Высоты указаны въ метрахъ

1: 125 000

0 1 2 3 4 5килом.

животныхъ,—вслѣдствіе этого онъ легко можетъ превратиться въ пастуха,

покинуть свои родные лѣса или берега рѣки или моря, на которыхъ онъ жилъ, и послѣдовать за своимъ скотомъ въ безконечныя степи, поросшія травою, или на сосѣднія горныя пастбища.

Между областями, пригодными для земледѣлія, и областями, на которыхъ можетъ развиваться лишь скотоводство, располагается промежуточная полоса изъ мѣстностей иного характера: это либо обширныя песчаныя или глинистыя, каменистыя или галечныя пустыни, либо покрытыя снѣгомъ плоскогорія, либо, наконецъ, крутые горные хребты,— эти мѣстности одинаково непригодны по своей природѣ какъ для земледѣльцевъ, такъ и для пастуховъ. Онѣ удобопроходимы развѣ лишь для купцовъ, путешествующихъ въ одиночку или караванами, пѣшкомъ или верхомъ и въ сопровожденіи вьючныхъ животныхъ.

Въ любой естественной области контрасты почвы, растительности и продуктовъ страны сопровождаются также контрастами въ характерѣ и занятіяхъ ихъ населенія. Окружающая среда поясняетъ характерныя различія, наблюдаемыя въ людскомъ обществѣ; она поясняетъ также, почему та или другая низкая форма цивилизаціи можетъ удерживаться въ теченіе вѣковъ, тогда какъ рядомъ земледѣльческія націи, живущія въ условіяхъ, благопріятныхъ для разведенія полезныхъ растеній, могутъ болѣе или менѣе быстро прогрессировать. Во всѣ времена нашей исторіи населеніе морскихъ и рѣчныхъ побережій, лѣсовъ и степей, пустынь и оазисовъ, плоскихъ равнинъ и горныхъ странъ приспособлялось всегда въ своихъ занятіяхъ и образѣ жизни къ требованіямъ внѣшней среды.

Что особенно поражаетъ въ многоразличіи средствъ, примѣняемыхъ человѣкомъ при добываніи себѣ пропитанія, это то, что различныя отдѣльныя цивилизаціи, согласно съ внѣшними условіями, сближаются въ пространствѣ гораздо болѣе, чѣмъ онѣ являются связанными между собой во времени,—мы видимъ въ нихъ факты скорѣе географическаго, чѣмъ историческаго характера. Индѣйцы племени типэ Сѣверной Америки являются либо охотниками, либо рыболовами, либо земледѣльцами, въ зависимости отъ тѣхъ рессурсовъ, которыми обладаетъ данная мѣстность, т.-е. въ зависимости отъ того, будетъ ли она лѣсистою, или богатою озерами, или же покрытою плодородною наносною почвою [1]).

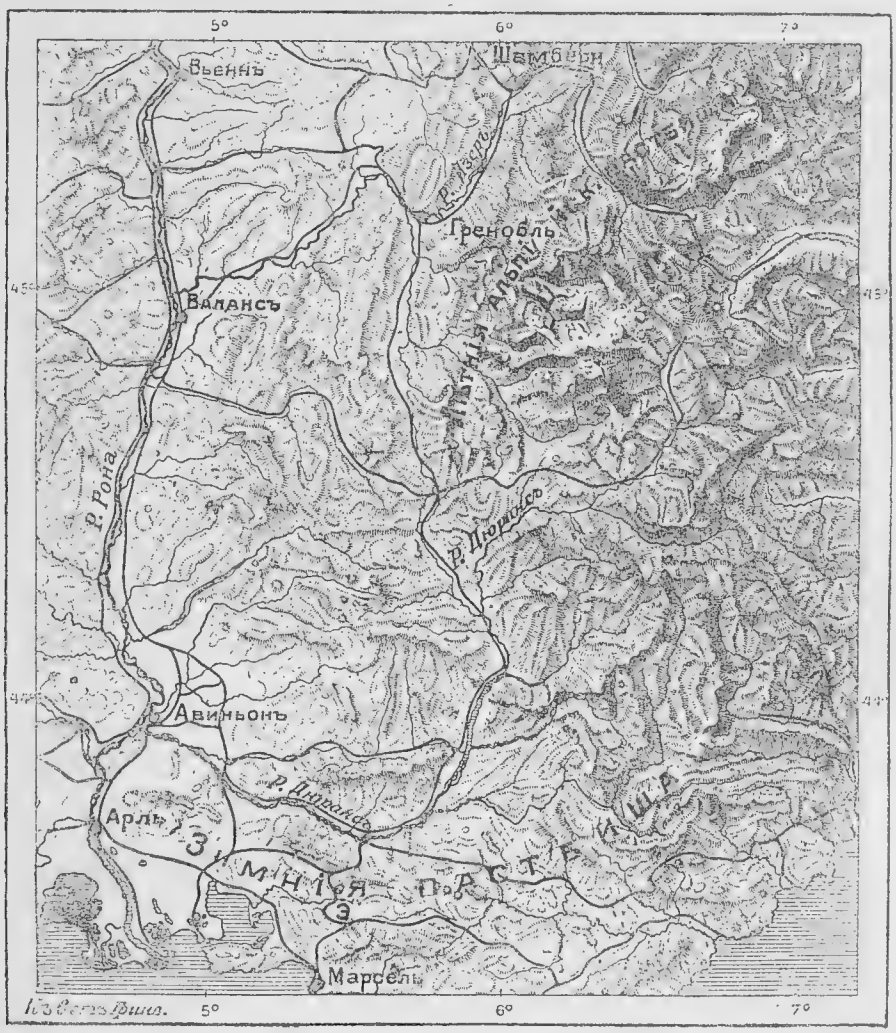
Точно также кочевыя племена на сѣверѣ Африки держатъ стада либо верблюдовъ, либо рогатаго скота, либо овецъ, либо, наконецъ, табуны лошадей, въ зависимости отъ различій въ почвѣ и климатѣ [2]).

Случается даже, что въ странѣ, гдѣ перемѣшаны два рода мѣстностей, различныя по своей природѣ, напримѣръ, сухія пустыни и области, болѣе или менѣе богато орошаемыя, населеніе имѣетъ одновременно два

1) P. Hermann, Bull. de la Soc. belge de Géographie», 1904, № 5, p. 342.— 2) A. de Préville. «Les sociétés africaines».

рода занятій: каждый житель страны является въ одно и то же время и пастухомъ, и земледѣльцемъ и потому пріобрѣтаетъ замѣчательную ловкость, удивительную остроту своихъ чувствъ и рѣдкую предусмотрительность.

№ 17. Лѣтнія и зимнія пастбища въ Провансѣ и Дофинэ.



Когда наступаетъ время полевыхъ работъ, онъ садится на своего верблюда, запряженнаго въ легкую соху, захватываетъ съ собою мѣшокъ съ сѣменами и отправляется отыскивать плодородный клочокъ земли, кото-

рый былъ бы въ то же время достаточно орошенъ, чтобы не страдать отъ продолжительной засухи. На основаніи характера растительности и почвы и общаго вида поверхности земли, онъ опредѣляетъ мѣстность, пригодную для посѣва, затѣмъ распахиваетъ ее, засѣваетъ и, если площадь кажется ему недостаточно большою, отправляется дальше на поиски за подходящими временными полями. Въ то же время при пастьбѣ стадъ ему необходимо знать страну на огромномъ протяженіи, ему должны быть хорошо извѣстны тысячи квадратныхъ километровъ. Онъ долженъ знать, по разсказамъ или по собственному опыту, сколько недѣль или мѣсяцевъ можетъ онъ остаться въ степи, имѣются ли поблизости ручьи или ключи, съ какими воинственными или мирными племенами ему придется встрѣтиться на своемъ пути, сколько времени онъ можетъ провести на пастбищѣ, въ горахъ и т. п. [1]).

Измѣненія въ политическомъ и соціальномъ строѣ, обусловленныя общимъ прогрессомъ человѣчества, также измѣняютъ границы между различными стадіями цивилизаціи: благодаря столкновеніямъ между народностями и вторженіямъ однихъ народностей въ предѣлы другихъ, наблюдается нерѣдко, что земледѣльцы завоевываютъ области охотничьихъ или пастушескихъ племенъ и пріобщаютъ ихъ къ земледѣлію,—такъ было, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ и въ южной Монголіи. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, мы видимъ обратный захватъ земледѣльческихъ странъ кочевниками, благодаря чему поля снова зарастаютъ травой, и жители страны, неспособные возстановить свое благосостояніе земледѣліемъ, оказываются принужденными жить охотою или скотоводствомъ; примѣромъ такого регресса цивилизаціи можетъ служить древняя Месопотамія и нѣкоторыя области центральной Азіи.

Въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ нѣтъ пастушескихъ народностей, возможенъ лишь переходъ отъ первобытныхъ занятій охотою или рыболовствомъ къ болѣе высокой культурѣ, выражающейся въ скотоводствѣ, земледѣліи и промышленности.

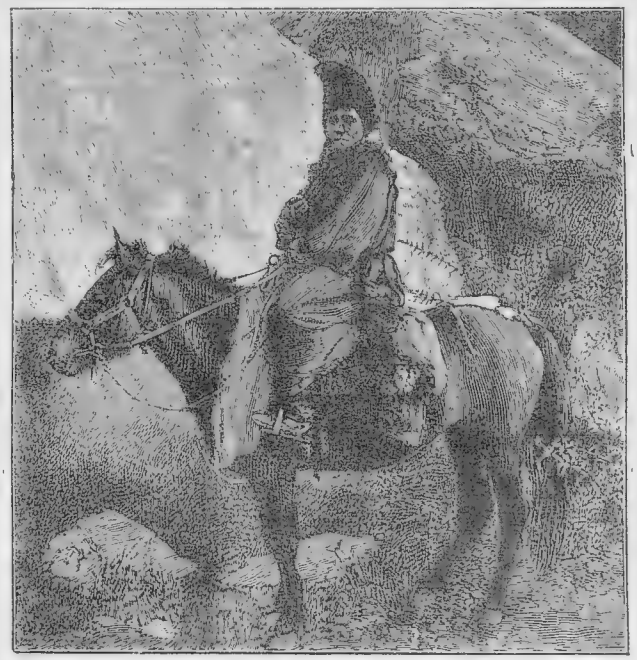
Ни одна изъ стадій цивилизаціи не является абсолютно единичной, такъ какъ сама природа въ высшей степени разнообразна, и явленія эволюціи въ исторіи совершаются всюду различными способами. Такимъ образомъ, нѣтъ, напримѣръ, земледѣльческихъ народностей, у которыхъ не было бы въ то же время развито до нѣкоторой степени добываніе пищи охотою и рыболовствомъ.

Краснокожіе индѣйцы, столь ревностно преданные охотѣ за бизонами, были въ то же время усердными собирателями риса и могли быть названы почти земледѣльцами: они сѣяли маисъ и жали его. У индѣйскаго племени оджибева (Чиппей) самымъ большимъ праздникомъ было

1) «La Tunisie» (publication officielle), t. I, pp. 58—59.

время собиранія дикаго риса (Zizania aquatica), растущаго на болотахъ и по берегамъ озеръ. Названіе Меномине́къ, встрѣчаемое столь часто въ бассейнѣ верхней Миссисипи, напоминаетъ намъ о томъ огромномъ значеніи, которое имѣло здѣсь собираніе риса въ прежнія времена [1]).

Кромѣ того, одни и тѣ же люди могутъ иногда принадлежать къ различнымъ стадіямъ цивилизаціи въ зависимости отъ времени года. Племя хотоновъ, живущее въ центрѣ Монголіи и переселившееся туда, повидимому, изъ Туркестана, переходитъ къ кочевому образу жизни лишь послѣ того, какъ оно засѣетъ свои поля. Забайкальскіе казаки, обладающіе обширными, хорошо воздѣланными землями, направляются лѣтомъ во внутреннюю часть Монголіи, радуясь возможности провести нѣсколько мѣсяцевъ въ странствованіяхъ по обширнымъ пустынямъ [2]). Не является ли и альпійская жизнь деревенскихъ жителей Швейцаріи такимъ же круговоротомъ съ постоянными переходами отъ чисто земледѣльческаго образа жизни къ пастушескому и обратно, какъ жизнь калмыковъ, халхасовъ или бурятъ? Какъ только пробудится весною растительный міръ, они устраиваютъ орошеніе своихъ полей, выпалываютъ свои посѣвы, затѣмъ поднимаются къ своимъ виноградникамъ, гдѣ чинятъ канавки и подпорки; когда настаетъ лѣто, они вмѣстѣ со стадами, въ самомъ радостномъ настроеніи, поднимаются на высокіе горные луга, покрытые свѣжей и сочной травой; затѣмъ холода заставляютъ ихъ вернуться въ долины, и



Калмыкъ изъ Забайкалья.

1) A. E. Jenks. 19th Report of the Bureau of Ethnology, p. 1013 — 1137. — 2) A. A. Klemenz. Soc. d'Anthr. Pétersbourg. 1901. — Globus. 21 nov. 1901, p. 310.

въ горахъ остаются лишь дровосѣки, которые затѣмъ спускаютъ внизъ срубленныя деревья на полозьяхъ или по теченію горныхъ рѣкъ.

Въ каждой странѣ населеніе раздѣляется на отдѣльныя общины, сообразно съ второстепенными условіями природы страны, и въ предѣлахъ каждой такой группы мы находимъ какъ бы все человѣчество, воспроизведенное въ миніатюрѣ. Можно сказать даже, что подобное воспроизведеніе человѣческаго рода наблюдается до извѣстной степени и въ предѣлахъ любой семьи, такъ какъ и въ ней различныя занятія, начиная съ такихъ, которыя производятся и въ хижинѣ дикаря,—хотя бы, напримѣръ, приготовленіе пищи, — до наиболѣе высокихъ, каково чтеніе и письмо, т.-е., иными словами, передача мыслей на разстояніе,— распредѣлены между отдѣльными членами, несмотря на то, что происходятъ подъ одною кровлею. Каждая ступень цивилизаціи обнимаетъ собою безконечное множество пережитковъ старины, относящихся къ различнымъ историческимъ періодамъ и объединяющихся гармонически въ одномъ организмѣ, благодаря жизни, которая воплощаетъ передаваемыя по наслѣдству черты самаго различнаго происхожденія и различныхъ временъ въ одномъ единомъ цѣломъ.

Появленіе въ человѣческой личности или въ обществѣ какого-либо новаго качества или новой черты обусловливается всегда тѣмъ или инымъ импульсомъ извнѣ; такой импульсъ необходимъ даже геніальному ребенку, побуждаемому чувствомъ протеста противъ установившихся понятій и обычаевъ. Иногда этотъ импульсъ исходитъ изъ неодушевленной природы и является сильнымъ, властнымъ и неотвратимымъ. Вулканическое изверженіе, потопъ, обусловленный выхожденіемъ рѣки изъ береговъ или надвиганіемъ моря, страшные, всеуничтожающіе вихри не разъ принуждали населеніе той или другой страны покинуть свои родныя земли и направиться въ страны болѣе гостепріимныя. Въ подобныхъ случаяхъ измѣненіе внѣшней среды неизбѣжно влечетъ за собою переворотъ въ мірѣ идей, вызываетъ совершенно иной способъ воспріятія окружающей природы, иныя приспособленія ко внѣшнимъ условіямъ, отличающимся отъ прежнихъ. Въ силу этого возможно, что, несмотря на катастрофу и вызванныя ею бѣдствія, данное событіе явится для населенія могущественнымъ началомъ, движущимъ въ сторону прогресса. Конечно, отдѣльныя человѣческія личности, быть можетъ, при этомъ пострадаютъ, быть можетъ, онѣ утратятъ результаты своихъ трудовъ, запасы, припасенные на черный день,—но всѣ эти отдѣльныя потери ничто въ сравненіи съ новыми духовными пріобрѣтеніями, даваемыми приспособленіемъ къ новой внѣшней средѣ.

Иногда, правда, подобное бѣдствіе влечетъ за собою и не одни лишь матеріальныя потери; многія народности уменьшились въ числен-

ности или даже были совершенно уничтожены подобными катастрофами, и въ такихъ случаяхъ потерпѣвшимъ народностямъ приходится возстановляться съ затратой большого количества энергіи, и лишь путемъ страшной борьбы удается имъ достигнуть той стадіи цивилизаціи, на которой онѣ находились ранѣе,—въ этой борьбѣ, случается, та или другая народность окончательно погибаетъ. Въ своемъ вѣчномъ стремленіи къ улучшенію своего существованія человѣкъ оказывается иногда совершенно слабымъ и возвращается тогда вспять къ первобытной дикости; въ другихъ случаяхъ—онъ одерживаетъ побѣду надъ препятствіями и поднимается на болѣе высокую ступень.

Ко внѣшнимъ причинамъ, вызывающимъ въ человѣкѣ измѣненія и зависящимъ отъ неодушевленной природы, присоединяются причины, зависящія отъ вліянія людей другъ на друга въ духовной области—отъ взаимнаго обученія ихъ; наиболѣе обычной формою такого обученія является игра. Свободное, ничѣмъ не стѣсняемое развлеченіе представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе важныхъ воспитательныхъ факторовъ, вліяющихъ на человѣка [1]). То, что мы теперь называемъ игрою и отличаемъ рѣзко отъ труда, было, наряду съ добываніемъ пищи, наиболѣе древней формой дѣятельности людей [2]). Подобно тому, какъ матери доставляетъ удовольствіе обучать свое дитя движеніямъ и звукамъ, которые постепенно вводятъ ребенка въ окружающую жизнь, такъ точно и дѣтямъ и молодымъ людямъ пріятно воспроизводить дѣйствительную жизнь въ своихъ играхъ.

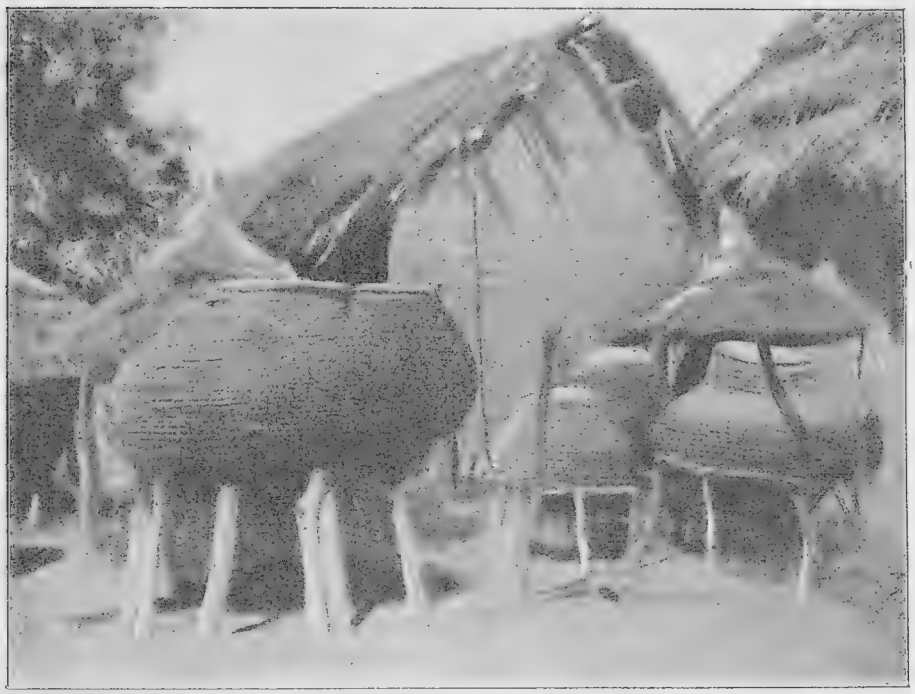
Сила ихъ воображенія такова, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности получаетъ огромное удовольствіе, когда представляетъ себѣ и разыгрываетъ различныя сцены, въ которыхъ является одновременно какъ актеромъ, такъ и зрителемъ; еще больше ихъ увлеченіе игрою, когда въ ней принимаютъ участіе многіе, и каждый изъ нихъ исполняетъ свою роль,—надо видѣть, какъ они тогда захвачены игрою и какъ искренно вѣрятъ продуктамъ своей фантазіи! Они изображаютъ то охотника и дичь, то побѣжденнаго и побѣдителя, то судью и преступника, они воспроизводятъ самые разнообразные случаи жизни, какіе только можетъ представить себѣ ихъ пылкое воображеніе, они переиспытываютъ самыя различныя эмоціи и научаются развивать то или иное изъ своихъ качествъ, въ зависимости отъ своихъ природныхъ склонностей,—то, что они при этомъ пріобрѣтаютъ, укореняется въ нихъ тѣмъ сильнѣе, что пріобрѣтеніе это совершается безсознательно; позднѣе имъ кажется, что они сами явились создателями пріобрѣтеннаго. У нихъ возникаетъ тѣс-

1) Karl Groos. «Die Spiele der Thiere»; «Die Spiele der Menschen».—2) G. Ferrero. «Les formes primitives du travail».

ная связь между дѣйствительной жизнью и воображаемою жизнью игры, причемъ эта послѣдняя жизнь кажется часто даже болѣе реальной, такъ какъ въ ней примѣняются съ крайнимъ напряженіемъ всѣ имѣющіяся въ наличности силы. Эти игры молодежи не представляютъ собою одного лишь развлеченія, какъ игры зрѣлыхъ людей, у которыхъ нѣтъ уже естественной побудительной причины къ игрѣ,—ихъ можно скорѣе назвать полной реализаціей идеаловъ, присущихъ дѣтству и юности. Впрочемъ, эти идеалы человѣка, занятаго игрою, не отличаются отъ тѣхъ идеаловъ, которые рисуются ему во время покоя его умственной дѣятельности. Между играющими одинъ научается во время игры оставаться независимымъ, честнымъ и добрымъ товарищемъ, другой привыкаетъ повелѣвать окружающими, третій научается подчиняться. Въ играхъ, какъ и въ настоящей жизни, мы встрѣчаемъ деспотовъ и рабовъ.

Играетъ ли, или работаетъ человѣкъ, онъ почти всегда безсознательно подчиняется примѣру другихъ, своихъ товарищей; бо́льшая часть проявленій, кажущихся на первый взглядъ внезапными, оказывается, въ дѣйствительности, не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ подражанія.

Степныя собаки и ихъ зернохранилища.



Зернохранилища племени овамбо.

ности. Такъ, уже въ самыя первобытныя времена жизни человѣчества животный міръ, къ которому мы принадлежимъ и котораго мы являемся продолженіемъ, былъ нашимъ великимъ учителемъ,—мы находимъ у животныхъ примѣры, воспроизводящіе всѣ явленія нашей собственной жизни.

Прежде всего уже умѣнье наиболѣе существенное—именно, умѣнье отыскивать себѣ пищу—было удивительнѣйшимъ образомъ преподано человѣку его старшими братьями—высшими и низшими животными. Въ тѣ времена, когда человѣкъ былъ самъ еще животнымъ и едва умѣлъ поддерживать свое существованіе собираніемъ плодовъ, охотой и рыбной ловлей, онъ видѣлъ уже вокругъ себя огромное количество примѣровъ такого добыванія пищи, заслуживавшихъ подражанія. На морскомъ берегу крабы и другіе раки указывали человѣку тѣ мѣста, гдѣ скрывались тѣ или иныя съѣдобныя произведенія моря; человѣкъ, мучимый голодомъ, тщательно наблюдалъ за животными, отправляющимися на поиски желудей или съѣдобныхъ корней, за пернатою добычею или за рыбою, и затѣмъ пробовалъ самъ различные роды пищи, различныя ягоды и плоды, листья и корни и разную живую добычу, служившую для удовлетворенія голода его четвероногимъ собратьямъ. Даже болѣе,—человѣкъ могъ научиться отъ животныхъ искусству дѣлать запасы различныхъ

пищевыхъ веществъ на черный день,—термиты, муравьи, пчелы, суслики, бѣлки, степныя собаки должны были научить его устраивать зернохранилища и помѣщать въ нихъ избытокъ пищи, собранной въ то время, когда ея много. Строенія, возведенныя термитами, превосходятъ своею архитектурою хижины дикихъ племенъ, живущихъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ; они состоятъ изъ множества удивительно выстроенныхъ галлерей, зернохранилищъ, помѣщеній для сушки зерна и запасныхъ магазиновъ [1]). Наконецъ, сколько приходилось видѣть человѣку также лѣчебныхъ средствъ, примѣняемыхъ животными при болѣзни или при пораненіи,—они часто лѣчатся листьями и корнями растеній!

Быть можетъ, также и первыя начала земледѣлія въ нѣкоторыхъ областяхъ были преподаны человѣку животными. По даннымъ американскаго натуралиста Макъ-Ги [2]), первыя стадіи обработки земли съ цѣлью полученія жатвы наблюдаются въ совершенной пустынѣ, именно, въ странѣ индѣйскаго племени папагосовъ,—той части Аризоны, которая прилегаетъ къ Калифорнскому заливу. Здѣсь у туземныхъ жителей находятся постоянно передъ глазами произведенія муравьевъ-работниковъ, колоніи которыхъ усѣиваютъ равнину десятками милліоновъ и занимаютъ своими полями четверть, если не треть, всей области папагосовъ. У каждой колоніи имѣется свое поле зернового хлѣба, которое обрабатывается и поддерживается муравьями, собирающими затѣмъ съ него жатву.

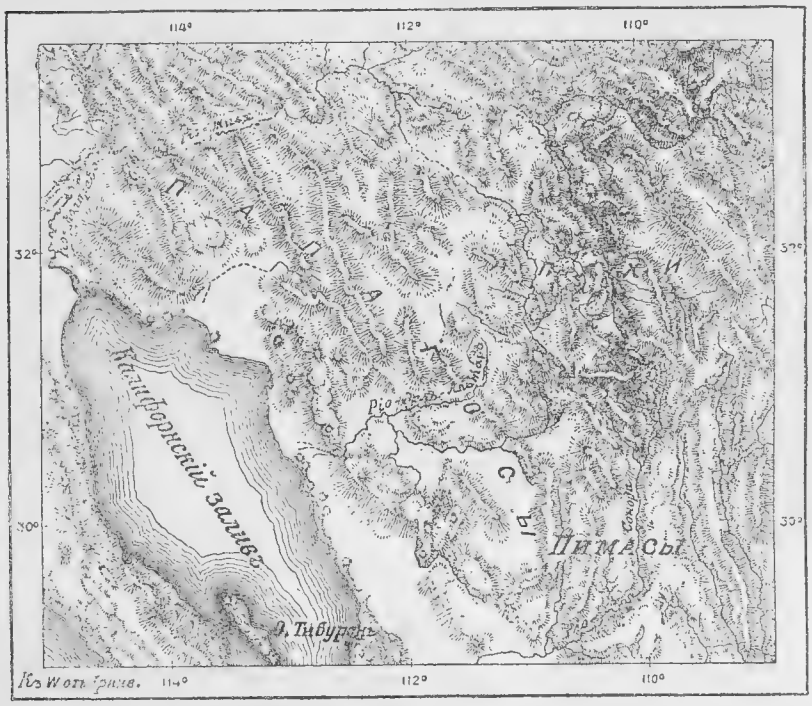
При видѣ этихъ чудесъ у туземныхъ индѣйцевъ должно было пробудиться самолюбіе, которое заставляло ихъ подражать работѣ муравьевъ; и дѣйствительно, ежегодно индѣйцы посѣщаютъ южныя области, чтобы принести оттуда съ собою зерна маиса, сѣмена тыквы и абрикосовъ, которыя они затѣмъ по возвращеніи, когда наступитъ періодъ дождей, сѣютъ въ землю, орошенную ливнями. Такой способъ посѣва возникъ, по всей вѣроятности, въ древнѣйшія времена и послужилъ даже въ этой странѣ, повидимому, главною причиною соединенія папагосовъ въ общины. «Земледѣліе,—говоритъ Макъ-Ги въ другой своей работѣ [3]),—по происхожденію своему было отраслью труда, возникшею въ пустынѣ». Безъ сомнѣнія, такой выводъ слишкомъ категоричнъ, но, во всякомъ случаѣ, и старинная гипотеза о происхожденіи земледѣльческой культуры въ областяхъ особенно плодородныхъ требуетъ также болѣе тщательнаго пересмотра.

Если уже въ дѣлѣ отысканія и сохраненія пищи человѣкъ обязанъ своимъ учителямъ-животнымъ безконечно многимъ, то еще болѣе обя-

1) Tuckey, Schweinfurth etc. — 2) Mac Gee. The American Anthropologist. X, 1895.—3) Ib. VII, 1897

занъ онъ имъ искусствомъ выбора или устройства себѣ жилища. Вѣроятно, многія пещеры, служившія человѣку прибѣжищемъ, оставались бы ему неизвѣстными, еслибы онъ не замѣчалъ, какъ летучія мыши порхаютъ вокругъ разсѣлины въ скалѣ, служащей едва замѣтнымъ входомъ въ подземныя галлереи. Точно также не мало хорошихъ идей дали человѣку птицы, строящія гнѣзда и умѣющія такъ ловко переплетать волоконца, нитки и соломенки, а иногда даже сшивать листья. Міръ насѣко-

№ 18. Территорія индѣйцевъ-папагосовъ.



мыхъ могъ тоже научить его многимъ техническимъ пріемамъ,—онъ подражалъ, напр., паукамъ, умѣющимъ плести замѣчательно гибкія, эластичныя и крѣпкія сѣти между двумя вѣтвями деревьевъ. Въ дѣвственномъ лѣсу первобытный человѣкъ забавляется, производя шумъ съ извѣстнымъ ритмомъ, подобно гориллѣ, которая ударяетъ въ тыквенную бутылку [1]); онъ

1) Karl Groos. «Die Spiele der Menschen», p. 49.

пользуется тропинками, которыя протоптаны хищниками, тапирами и слонами; разсматривая слѣды львовъ, онъ въ пустынѣ опредѣляетъ, въ какомъ направленіи находится вода, и, наблюдая за полетомъ птицъ, сверкающихъ высоко въ небѣ своими бѣлыми крыльями, узнаетъ, гдѣ находится наиболѣе легкій перевалъ черезъ горы или гдѣ располагается среди моря незамѣтный съ берега островъ.

Нерѣдко примѣръ животныхъ научалъ человѣка искусству избѣгать опасности или прятаться при преслѣдованіи. Примѣры другихъ животныхъ научили его, быть можетъ, также притворяться мертвымъ, т.-е. бросаться при нападеніи какого-либо хищника на землю и лежать безъ движенія, чтобы избѣжать ударовъ его когтей или клюва. Матери могли также брать хорошій примѣръ съ птицъ при воспитаніи дѣтей, наблюдая, съ какимъ искусствомъ и самопожертвованіемъ онѣ кормятъ своихъ птенцовъ, распредѣляютъ между ними пищу и затѣмъ обучаютъ ихъ летать, когда у нихъ подрастутъ крылья. Наконецъ, человѣкъ получилъ отъ птицъ чудный даръ чувства красоты и даже способность поэтическаго творчества! Могъ ли позабыть онъ пѣніе жаворонка, поднимающагося вертикально къ небу и испускающаго радостные и торжествующіе звуки, или пѣніе соловья, который въ ночь любви наполняетъ воздухъ своими звучными трелями и то страстными, то меланхолическими переливами? Въ настоящее время онъ старается подражать птицѣ при сооруженіи летательныхъ машинъ,—точно также въ былыя времена онъ подражалъ рыбѣ при постройкѣ своихъ лодокъ, въ которыхъ спинной плавникъ превратился въ киль, ребра—въ шпангауты и боковые плавники въ весла, а хвостовый въ руль [1]).

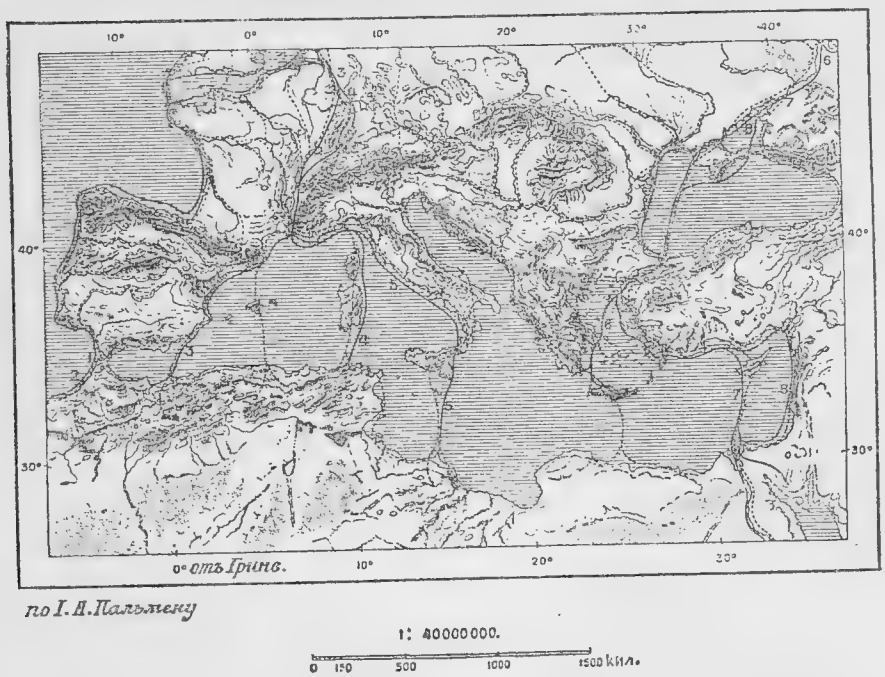
Область подражанія охватываетъ міръ людей въ такой же степени, какъ и міръ животныхъ. Чуть только какая-нибудь народность придетъ въ соприкосновеніе съ другой народностью,—у нея неминуемо явится потребность походить на эту послѣднюю тѣми или другими признаками. Въ предѣлахъ одной и той же этнической группы индивидуумъ, отличающійся отъ другихъ какой-нибудь бросающейся въ глаза чертою характера или способностью къ какой-нибудь дѣятельности, становится также образцомъ, которому подражаютъ его сотоварищи, и, въ этомъ случаѣ, умственный или моральный центръ тяжести данной группы долженъ перемѣститься. Обыкновенно подражаніе происходитъ безсознательно, какъ бы въ видѣ распространяющейся во всѣ стороны заразы, но, тѣмъ не менѣе, оно захватываетъ глубоко, и тотъ, кто имъ заражается, оказывается нерѣдко кореннымъ образомъ видоизмѣненнымъ. Сознательная подражательность играетъ менѣе значительную роль въ жизни, однако,

1) R. von Ihering. «Les Indo-Européens avant l'histoire». Trad. de Meulenaere, p. 197.

все же и ея значеніе серьезно, такъ какъ человѣкъ, стремящійся къ тому, чтобы быть похожимъ на другихъ, можетъ быть захваченъ различными душевными движеніями, напримѣръ, симпатіей, если дѣло касается его друга, покорностью—по отношенію къ своему господину, наконецъ, полетомъ своей фантазіи, пристрастіемъ къ модѣ или желаніемъ и сознательнымъ пониманіемъ своей выгоды [1]).

Большинство, если не всѣ функціи умственной жизни—языкъ, чтеніе и письмо, счетъ, занятія искусствами и науками — предполагаютъ

№ 19. Пути перелетныхъ птицъ чрезъ Средиземное море.



Конфигурація континентовъ—главный факторъ, вліяющій на направленіе пути перелетныхъ птицъ. Нѣкоторыя птицы, сообразно со своими наклонностями, слѣдуютъ морскимъ путямъ (отмѣченнымъ на картѣ сплошными линіями и номерами 1 — 8), но остаются все же въ виду береговъ; другія летятъ, по возможности, надъ сушею и затѣмъ внутри континента слѣдуютъ теченію рѣкъ (отмѣчены пунктиромъ).

существованіе и возможность развитія способности къ подражанію: безъ инстинкта и наклонности подражать не было бы ни соціальной жизни, ни возможности развитія различныхъ профессій. Не лежитъ ли начало первобытныхъ искусствъ въ танцахъ, т.-е. въ пантомимахъ, сопровождаемыхъ ритмическими тѣлодвиженіями въ тактъ звукамъ музыкальныхъ инструментовъ и пѣнію? Точно также не является ли первобытная

1) Guibert. Société d'Anthropologie de Paris. Séance du 18 avril 1873.

форма судебной дѣятельности—именно положеніе «око за око, зубъ за зубъ»—чистѣйшимъ подражаніемъ? Любой сводъ законовъ былъ въ прежнія времена не болѣе какъ сводомъ обычаевъ: люди приняли молчаливое соглашеніе повторять безпрестанно тѣ дѣйствія, которыя совершались въ древности, въ незапамятныя времена,—примѣромъ этому можетъ служить хотя бы англійское законодательство, которое съ такою стойкостью опирается постоянно на «прецеденты», что является какъ бы колоколомъ, который вѣчно издаетъ одинъ и тотъ же звукъ. Точно также по правиламъ общественныхъ приличій должно возвращать визитъ за визитъ, ужинъ за ужинъ, подарокъ за подарокъ; наконецъ, даже сама нравственность родилась, по существу, изъ идей долга, отплаты и возвращенія услуги за услугу какъ отдѣльному человѣку, такъ и общинѣ и всему человѣчеству [1]).

Во многихъ случаяхъ подражательность соединяется и сливается со взаимной помощью,—факторомъ, который, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ и въ будущемъ, является главнымъ двигателемъ прогресса человѣчества. Когда во второй половинѣ XIX столѣтія Дарвинъ, Уоллесъ и ихъ послѣдователи развили стройное ученіе объ эволюціи органическаго міра путемъ приспособленія отдѣльныхъ существъ къ внѣшней средѣ, большинство ихъ учениковъ обратили вниманіе лишь на ту сторону вопроса, которая была развита Дарвиномъ наиболѣе подробно.—именно, односторонне увлеклись его гипотезой и хотѣли видѣть въ грандіозной драмѣ развитія органическаго міра лишь «борьбу за существованіе». Однако, знаменитый авторъ «Происхожденія видовъ» и «Происхожденія человѣка» признавалъ въ своихъ произведеніяхъ также и «согласіе въ цѣляхъ существованія»; онъ говорилъ объ «общинахъ, которыя, благодаря соединенію большого количества членовъ въ тѣсную ассоціацію, процвѣтаютъ наилучшимъ способомъ и производятъ самое обильное потомство» [2]).

Между тѣмъ, сколько такъ называемыхъ «дарвинистовъ» не хотѣли совершенно признавать фактовъ взаимной помощи и, какъ бы побуждаемые видомъ крови къ кровавымъ дѣяніямъ, вопіяли въ изступленіи: «животный міръ—не болѣе какъ арена, наполненная гладіаторами... Каждое живое существо приспособлено къ кровавой борьбѣ» [3]). И подъ покровомъ науки сколько насилій и жестокостей совершалось людьми, находившими оправданіе своимъ эгоистическимъ дѣйствіямъ въ борьбѣ за существованіе! Какъ часто они, чувствуя себя сильными, испускали

---

1) G. Tarde. «Les lois de l'imitation». — 2) C. Darwin. «Descent of man», II ed., p. 163.—3) Huxley. «Struggle for existence and its bearing upon man».

воинственные крики по направленію къ болѣе слабымъ — «горе побѣжденнымъ»!

Безъ сомнѣнія, міръ являетъ намъ безконечное множество сценъ кровавой борьбы, происходящей между всѣми живыми существами, населяющими землю, начиная съ сѣмянъ растеній, которыя борятся между

Раненый журавль, поддерживаемый своими товарищами.

собой изъ-за комочка земли, и съ икринокъ рыбы, которыя отнимаютъ другъ у друга морскую воду, и вплоть до огромныхъ армій, съ ожесточеніемъ истребляющихъ одна другую сталью, свинцомъ и разрывными снарядами. Однако, еще болѣе многочисленны совершенно противоположныя картины,—взаимная помощь является важнѣйшимъ условіемъ

жизни, и безъ нея жизнь была бы невозможна. Если растенія, животныя, люди могли развиться въ обширныя общины и народности, и если въ ихъ средѣ огромное множество особей въ общемъ проводитъ дни своей жизни, мѣсяцы и годы вполнѣ нормально и безмятежно, то это происходитъ лишь благодаря тому, что элементы взаимнаго согласія среди нихъ одерживаютъ побѣду надъ элементами взаимной борьбы. Уже эти простыя слова «добраго утра» или «добраго дня», которыми обмѣниваются между собою люди во всѣхъ странахъ земного шара, указываютъ на извѣстное соглашеніе между ними, проистекающее изъ чувства доброжелательства другъ къ другу, существующаго въ каждомъ хотя бы въ зачаткѣ. Одна арабская пословица выражаетъ это наиболѣе возвышеннымъ образомъ: «смоковница, смотря на другую смоковницу, научается приносить плоды». Правда, другая поговорка, исполненная еще издавна присущей человѣку злобы, ограничиваетъ доброжелательное отношеніе лишь членами одной и той же націи: «не смотри на финиковую пальму,—говорятъ арабы,—не смотри на нее, такъ какъ она ничего не говоритъ чужестранцу»!

Примѣры взаимной помощи среди животныхъ, приводимые въ сочиненіяхъ натуралистовъ, очень многочисленны, и между ними нѣтъ ни одного, который не встрѣчался бы въ нѣсколько измѣненной формѣ и въ людской средѣ [1]). Муравьи и пчелы представляютъ въ этомъ отношеніи столько примѣровъ, краснорѣчиво говорящихъ о взаимной помощи, что надо только удивляться тому, какъ могли забыть ихъ защитники теоріи постоянной и безпощадной борьбы всѣхъ живыхъ существъ между собою за свое существованіе. Конечно, и между различными видами муравьевъ ведутся войны, у нихъ имѣются побѣдители и рабовладѣльцы, но, въ то же время, нельзя не отмѣтить, что, помогая другъ другу, они добываютъ пищу, занимаются земледѣліемъ и даже такими техническими работами, какъ культура нѣкоторыхъ грибовъ и химическая переработка собранныхъ сѣмянъ, наконецъ, напомнимъ, что они жертвуютъ своею жизнью другъ за друга, бросаясь съ полнымъ самозабвеніемъ на непріятеля. Точно также колоніи муравьевъ, содержащія сотни, тысячи и даже милліоны муравейниковъ, населенныхъ близкими видами, являютъ намъ картины высоко развитой умственной жизни и вполнѣ мирнаго существованія [2]). Въ виду всѣхъ подобныхъ чудесъ духовной жизни насѣкомыхъ, невольно хочется повторить слова Дарвина: «мозгъ муравья составляетъ, быть можетъ, чудо болѣе высокое, чѣмъ мозгъ человѣка».

---

1) P. Kropotkin. «Mutual aid among the animals». Nineteenth Century. Sept.—decemb. 1890.—2) Forel, Bates, Romanes etc.

Сколько находимъ мы также трогательнѣйшихъ примѣровъ дружбы и согласія, соединяющихъ представителей различныхъ видовъ между птицами, четвероногими животными и, наконецъ, между людьми! Взаимное довѣріе между особями обширной группы птицъ столь велико, что и самыя малыя обнаруживаютъ иногда отчаянную храбрость; случается, что мелкія пташки вступаютъ въ бой съ крупнымъ хищникомъ, напримѣръ, трясогузки нападаютъ на ястребовъ и сарычей. Вороны, увѣренныя въ своей силѣ, бросаются на орла и преслѣдуютъ его, какъ бы насмѣхаясь надъ царемъ птицъ. По глинистымъ берегамъ рѣки Колорадо, на западѣ Сѣверной Америки, колоніи ласточекъ спокойнѣйшимъ образомъ устраиваются надъ скалами, гдѣ гнѣздятся соколы. У нѣкоторыхъ видовъ птицъ, можно сказать, нѣтъ никакихъ другихъ враговъ кромѣ человѣка, и въ обыкновенныхъ естественныхъ условіяхъ онѣ живутъ въ мирѣ со всѣмъ окружающимъ, защищаемыя своимъ взаимнымъ согласіемъ,—таковы ткачи мыса Доброй Надежды и нѣкоторые попугаи и попугайчики американскихъ лѣсовъ.

У всѣхъ этихъ животныхъ взаимная связь отдѣльныхъ особей простирается до такой любви и преданности, какія рѣдко встрѣчаются и въ средѣ людского общества. Такъ, когда охотникъ ранитъ одного изъ вереницы летящихъ журавлей такъ, что онъ, владѣя лишь однимъ крыломъ, долженъ упасть на землю, вся вереница перестраивается, и двое изъ сосѣдей подлетаютъ справа и слѣва и поддерживаютъ раненаго. Точно также мелкія пташки присоединяются нерѣдко къ крупнымъ перелетнымъ птицамъ и сопровождаютъ ихъ во время перелета черезъ Средиземное море,—такъ наблюдали, что жаворонки присоединялись къ стаямъ журавлей, передъ тѣмъ какъ перелетать черезъ море [1]); помогали ли имъ журавли, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ жаворонки, по крайней мѣрѣ, должны были быть благосклонно приняты, чтобы сдѣлать совмѣстно такое большое путешествіе.

Итакъ, мы видимъ, очень далеки отъ истины увѣренія тѣхъ пессимистовъ, которые считаютъ, что весь животный міръ состоитъ изъ кровожадныхъ хищниковъ, раздирающихъ свои жертвы когтями и зубами и жаждущихъ ихъ крови [2])! Что бы они ни говорили, борьба за существованіе является отнюдь не основнымъ закономъ, и взаимное согласіе играетъ большую роль въ исторіи развитія живыхъ существъ. Лучшимъ доказательствомъ для насъ въ этомъ отношеніи является тотъ фактъ, что виды наиболѣе счастливые—отнюдь не тѣ, которые лучше другихъ приспособлены къ хищничеству и къ кровавой расправѣ,—напротивъ, счастливѣе всѣхъ тѣ животныя, которыя снабжены мало совершенными

1) L. Buxbaum. Der zoologische Garten. 1886, p. 133. — 2) P. Kropotkin. Nineteenth Century. Novem. 1890, p. 702.

орудіями нападенія и помогаютъ другъ другу съ наибольшимъ самоотверженіемъ, т.-е. животныя не самыя хищныя, а сильнѣе всего любящія.

То же самое можно сказать относительно первобытныхъ людей и дикарей, такъ какъ данныя археологіи, равно какъ и наблюденія надъ современными дикими племенами, указываютъ намъ, что существуетъ огромное количество народностей, живущихъ въ мирѣ и согласіи, владѣющихъ совмѣстно землею и производящихъ сообща работы; съ другой стороны, примѣры воинственныхъ народностей, приспособленныхъ исключительно къ битвамъ и живущихъ лишь грабежомъ и разбоями, довольно рѣдки, хотя и цитируются часто всѣми авторами. У различныхъ племенъ очень часто является прямо нравственнымъ закономъ, что при наступленіи голодовки каждый изъ членовъ племени долженъ сократить свою ежедневную порцію пищи, для того чтобы запасовъ хватило для всѣхъ на возможно болѣе долгое время. Часто также взрослые лишаютъ себя пищи, чтобы накормить дѣтей. Основнымъ фактомъ въ жизни человѣчества доисторическаго періода, почти во всѣхъ странахъ земного шара, является то, что родъ или община разсматривается первобытнымъ человѣкомъ какъ существо высшаго порядка, которому каждый изъ членовъ принужденъ платить своей работой и даже жертвовать своей собственной жизнью. Взаимная помощь у первобытнаго человѣка настолько совершенна, что во многихъ случаяхъ она простирается даже за предѣлы жизни: такъ, когда на Ново-Гебридскихъ островахъ умираетъ ребенокъ, мать или тетка его сама убиваетъ себя, чтобы заботиться о немъ въ загробномъ мірѣ [1]).

Даже умерщвленіе старцевъ или, вѣрнѣе, смерть ихъ по собственному желанію, наблюдаемая во многихъ странахъ, — напримѣръ, у племени батта на Суматрѣ и въ прежнія времена у упомянутыхъ уже выше чукчей Восточной Сибири,—представляетъ собою скорѣе примѣръ взаимной помощи, чѣмъ свидѣтельство глубокаго варваризма тѣхъ народностей, у которыхъ наблюдаются подобные ужасные случаи. Если въ общинѣ всѣ живутъ ради всѣхъ, если страстнымъ желаніемъ каждаго является благополучіе всей группы, то въ тѣхъ случаяхъ, когда жизнь изъ-за недостатка пищи и сильнаго холода становится особенно затруднительной, старикъ, вспоминая, какъ онъ ранѣе отважно боролся съ природою и чувствуя свою неспособность вести прежнюю борьбу вмѣстѣ съ окружающими, прекрасно понимаетъ истинное положеніе вещей,— жизнь становится для него несравненно болѣе тягостной, чѣмъ для старца какого-либо цивилизованнаго народа: тотъ, благодаря инымъ законамъ морали и инымъ общественнымъ отношеніямъ, продолжаетъ

1) Gill въ Waitz et Gerland, «Anthropologie», p. 611.

хотя бы въ слабой степени быть полезнымъ членомъ общества или, по крайней мѣрѣ, воображаетъ, что онъ еще полезенъ. «Ѣсть хлѣбъ другихъ», понимая очень хорошо, какъ необходима пища для болѣе дѣятельныхъ членовъ общины,—становится чрезмѣрной тяготою, и вотъ престарѣлые люди, сдѣлавшіеся безполезными для общины, просятъ, какъ милости, своихъ сородичей помочь имъ переселиться въ тѣ края, гдѣ царитъ вѣчный покой и вѣчно юная, новая жизнь. Да и лучше ли отношеніе къ престарѣлымъ родителямъ въ нашей современной семьѣ, когда стариковъ, мучимыхъ жесточайшими болѣзнями и просящихъ со слезами, чтобы ихъ избавили отъ этихъ мукъ, ихъ окружающіе, подъ предлогомъ сыновней или супружеской любви, оставляютъ медленно умирать въ тяжкихъ страданіяхъ, въ теченіе недѣль, мѣсяцевъ и долгихъ лѣтъ?

Общинная форма владѣнія собственностью, распространенная прежде почти во всѣхъ странахъ земного шара и мѣстами сохранившаяся и до нашихъ дней даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ вся земля захвачена отдѣльными, собственниками указываетъ намъ, въ какой мѣрѣ взаимная помощь служила идеаломъ и являлась общимъ правиломъ у земледѣльческихъ народностей, достигшихъ уже высокой ступени цивилизаціи. Въ этомъ случаѣ, заботою каждаго было также общее благополучіе, — объ этомъ свидѣтельствуютъ уже самыя названія, которыми обозначались деревенскія общины. У басковъ онѣ носили названіе «universités» (мірки), у русскихъ—«міръ», у сербовъ—«задруги», у бурятъ—«братская».

Терминъ «община» или «коммуна» примѣняется къ группѣ людей, «которые принимаютъ участіе въ исполненіи какихъ-либо обязанностей», т.-е. къ людямъ, которые помогаютъ взаимно другъ другу. Община же порождаетъ тѣсныя общественныя отношенія, которыя выражаются въ раздѣленіи трапезы и въ искреннемъ обмѣнѣ своими мыслями, — человѣкъ живетъ не однимъ лишь хлѣбомъ насущнымъ. Взаимная помощь не прекращается съ расширеніемъ общности идей, съ развитіемъ образованія и общественной жизни. Нѣтъ такого человѣка, даже среди самыхъ закоренѣлыхъ эгоистовъ, который никогда не пытался бы привить свои взгляды на вещи другому человѣку и не старался бы заставить его глядѣть своими глазами. И чѣмъ далѣе идетъ человѣческое общество по пути прогресса, тѣмъ болѣе научается каждый отдѣльный человѣкъ, даже совершенно безсознательно, видѣть во всѣхъ окружающихъ — людей, себѣ подобныхъ. Жизнь, бывшая первоначально у низшихъ представителей животнаго царства, равно какъ и у человѣка въ періодѣ его первобытной дикости, вполнѣ растительной, принимаетъ съ развитіемъ ума и сердца людей другой характеръ, болѣе полный и совершенный. Послѣ того, какъ жизнь людей сдѣлалась сознательной, у нихъ къ первичной цѣли, заключавшейся въ поддержаніи своего собственнаго существованія, прибавилась новая, — ихъ сфера чрезвычайно

расширилась и охватываетъ теперь уже поддержаніе существованія всего человѣчества [1]).

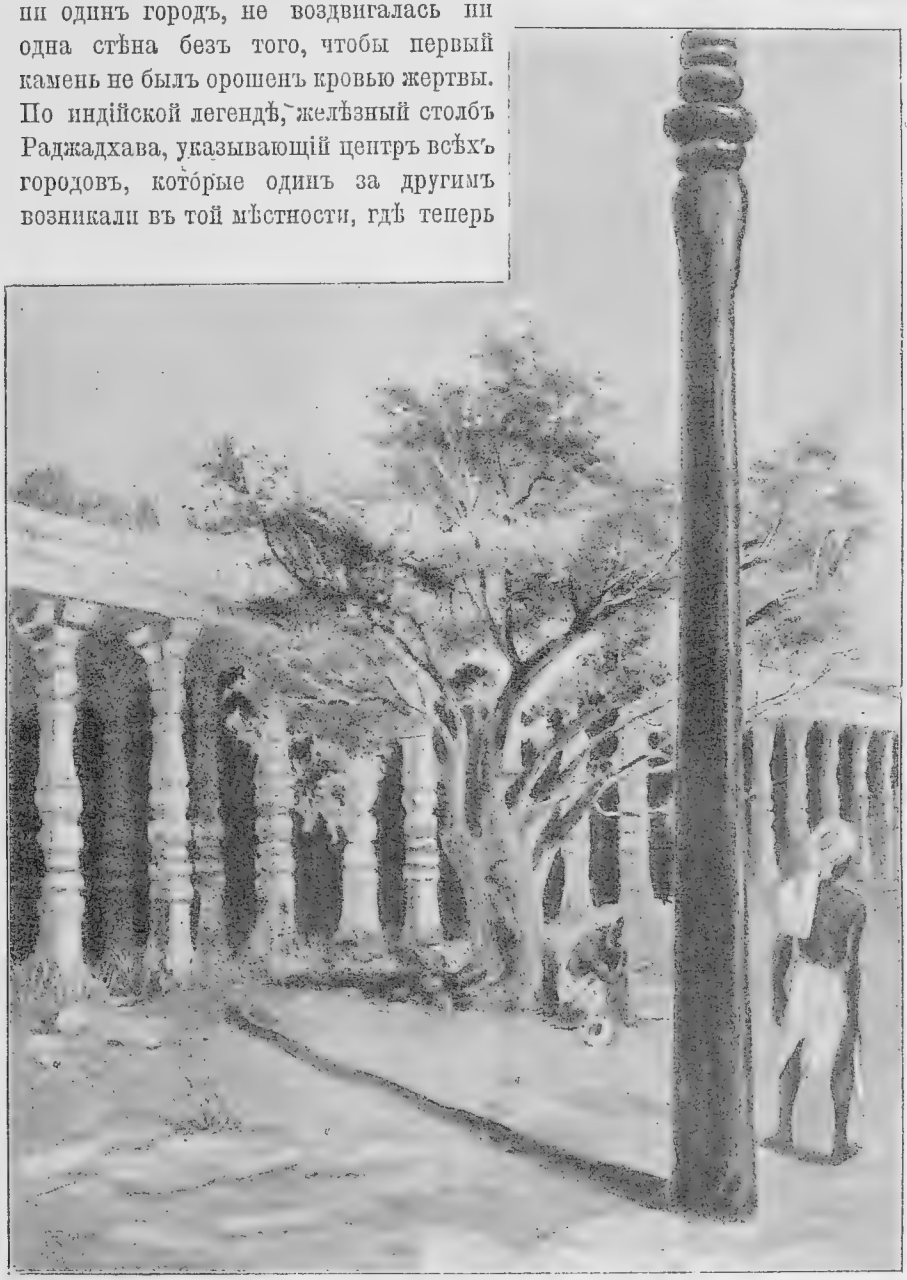
Однако, въ прогрессивномъ движеніи человѣчества наблюдаются и шаги вспять, въ сторону регресса, и иногда даже шаги ужасные. Вмѣсто взаимопомощи, которая столько содѣйствовала развитію у отдѣльныхъ людей и у цѣлыхъ народностей элементовъ, совершенствующихъ умъ и чувство, является часто на сцену внутренняя борьба съ жестокимъ сплетеніемъ ненависти и мщенія. Особенно легко среди охотничьихъ племенъ—этихъ убійцъ по профессіи—развивается всюду на землѣ страсть къ уничтоженію, умерщвленію людей. Охота, по отношенію къ другимъ животнымъ, не что иное какъ истребительная война, — вслѣдствіе этого она развиваетъ и у человѣка, также какъ у хищныхъ животныхъ, инстинкты коварства и жестокости и можетъ служить косвенной причиной возникновенія настоящей войны, ведущей къ истребленію себѣ подобныхъ. Охотникъ, занятый постоянно лишь мыслью о нахожденіи достаточнаго количества дичи, не можетъ относиться иначе, какъ съ чувствомъ недоброжелательства, къ своимъ соперникамъ, преслѣдующимъ ту же добычу,—и вотъ наступаетъ моментъ, когда ненависть къ сопернику вырывается наружу, и оружіе обращается человѣкомъ противъ своего ближняго [2]). Такая первобытная война, порожденная охотою, имѣетъ, слѣдовательно, своей цѣлью уничтоженіе конкуррентовъ,—и сколько другихъ войнъ, видимъ мы, возникаетъ въ наше время изъ-за того же корыстнаго побужденія, изъ-за того же желанія обладать и властвовать!

Благодаря непостижимому извращенію понятій, эта жестокая борьба людей между собою, эта «злая война», какъ ее называетъ Гомеръ, одобряется и даже восхваляется многими авторами, которые совершенно искренно считаютъ ее великой воспитательницей человѣчества. Въ этомъ должно видѣть пережитокъ древнихъ вѣрованій въ благотворное вліяніе жертвоприношеній,—вѣрованій, обусловленныхъ страхомъ неизвѣстнаго, боязнью злыхъ духовъ, носящихся въ воздухѣ, и неудовлетворенныхъ тѣней загробнаго міра, жаждущихъ возродиться, умерщвляя живыхъ. «Знай, что требуется кровь для того, чтобы могъ жить весь міръ и всѣ боги, знай, что кровь нужна для поддержанія жизни всей націи и продолженія потомства». Если бы не была пролита кровь, ни народы, ни націи, ни царства не могли бы сохраниться. «Твоя пролитая кровь, о посредникъ, утолитъ жажду земли, которая оживится новою силой». Такъ пѣли хонды центральной Индіи, закалывая жертву для умилостивленія боговъ; они дѣлили затѣмъ между собою ея мясо, чтобы сдѣлать плодородными свои поля и освятить свои очаги [3]).

---

1) Auguste Comte. «Philosophie positive». 1869. p. 494.—2) G. de Molinari. «Grandeur et décadence de la guerre», pp. 6—7.—3) Elie Reclus. «Les Primitifs», p. 374.

У нѣкоторыхъ народностей въ прежнія времена не закладывался ни одинъ городъ, не воздвигалась ни одна стѣна безъ того, чтобы первый камень не былъ орошенъ кровью жертвы. По индійской легендѣ, желѣзный столбъ Раджадхава, указывающій центръ всѣхъ городовъ, которые одинъ за другимъ возникали въ той мѣстности, гдѣ теперь



Желѣзный столбъ Раджадхава, указывающій центръ городовъ, возникавшихъ одинъ за другимъ на мѣстѣ теперешняго города Дели.

располагается городъ Дели, былъ постоянно орошенъ кровью,—онъ по-

ставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ неисчислимая армія «людей-змѣй», т.-е. мѣстныхъ туземцевъ, была нѣкогда зарыта въ землю во славу Юриштиры, сына Панду.

Не подлежитъ сомнѣнію, что война, это сложное историческое явленіе, захватывающее всю жизнь общества, могла служить иногда прогрессу, именно благодаря своей сложности и даже несмотря на то, что приносила съ собою разрушеніе, смерть и всевозможныя злодѣянія. Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, столкновеніямъ между племенами или націями предшествовали путешествія съ цѣлью изслѣдованій; эти путешествія давали въ результатѣ цѣнныя свѣдѣнія о ранѣе неизвѣстныхъ странахъ. Затѣмъ, въ другихъ случаяхъ, послѣ борьбы заключались дружественные союзы и возникали болѣе частыя торговыя сношенія,—такія сношенія между народами дѣйствовали особенно благотворно, такъ какъ расширяли кругозоръ народностей, не знавшихъ ранѣе другъ друга, увеличивали ихъ знанія и вызывали болѣе тѣсное сближеніе. Эти тѣсныя сношенія, однако, отнюдь не являлись результатомъ войны,—они возникали, наоборотъ, изъ побужденій совершенно противоположнаго характера, и, если бы и не было кровопролитія, если бы союзъ двухъ народовъ предшествовалъ ихъ взаимному истребленію, сближеніе между ними не было бы куплено тяжелыми жертвами. Между тѣмъ народъ не сохраняетъ въ своей памяти мирныхъ событій, такъ какъ они не вызываютъ въ немъ ни страха, ни смятенія,—онъ помнитъ лишь «страшные годы» и относитъ къ этимъ годамъ всѣ позднѣйшіе результаты, какъ дурные, такъ и хорошіе, тогда какъ слѣдовало бы рѣзко различать ихъ и сопоставлять съ тѣми причинами, которыми они вызваны. Не должно, впрочемъ, успокаивать себя иллюзіями: ненависть также порождается войною и порождаетъ ее въ свой чередъ; любовь между людьми вызывается лишь общею согласною работой. И опять-таки, слѣдовательно, всѣ хорошія послѣдствія войны должны быть отнесены на счетъ взаимной помощи, несмотря на то, что они, на первый взглядъ, обусловливаются взаимной борьбой!

Сколько разъ, въ то же время, война доводила свои послѣдствія до крайнихъ предѣловъ, сколько разъ она была логичной до конца и влекла за собою полное истребленіе племени или даже цѣлаго народа или расы и уничтожала, такимъ образомъ, окончательно всякую возможность прогресса, такъ какъ не оставалось болѣе живыхъ существъ, которыя могли бы стремиться къ прогрессу! Ненависть, какъ и любовь, легко возникаетъ въ душѣ людей. Она вспыхиваетъ и охватываетъ внезапно глубокою страстью юношей, которые ухаживаютъ за одной и той же дѣвушкой, и совершенно такъ же внезапно возстановляетъ она одинъ народъ на другой, если оба они стремятся завладѣть одною и тою же областью охоты, областью рыболовства или просто одной и той же землею. И не

только изъ-за столкновенія интересовъ родится ненависть между племенами: достаточно, чтобы у нихъ были сильно замѣтныя различія во внѣшности, въ ростѣ, въ цвѣтѣ кожи и въ привычкахъ, и враждебныя отношенія легко могутъ возникнуть. Черные и рыжіе муравьи при встрѣчѣ тотчасъ же вступаютъ въ ожесточенную борьбу,—точно также часто бросаются другъ на друга и человѣческія народности, различающіяся лишь цвѣтомъ кожи, но воображающія, что онѣ принадлежатъ къ различнымъ расамъ или, пожалуй, даже къ различнымъ человѣчествамъ.

Иногда ненависть возникаетъ вслѣдствіе различій въ образѣ жизни. Библейская легенда показываетъ намъ, что уже вскорѣ по сотвореніи міра возгорѣлась вражда между двумя людьми—пастухомъ и земледѣльцемъ,—вражда, окончившаяся смертью одного изъ нихъ. Правда, та же легенда говоритъ, что ненависть между ними явилась по желанію Бога, такъ какъ Онъ отказался принять жертву земледѣльца и тѣмъ вызвалъ ненависть въ его сердцѣ противъ брата. Ненависть, разжигаемая разсказами, вошственными пѣснями и мелкими столкновеніями, сохраняется еще долгое время послѣ того, какъ будутъ уже устранены причины, вызвавшія ее,—она какъ бы принимаетъ атавистическій характеръ.

Не называютъ ли нѣмецкіе профессора совершенно искренно весь французскій народъ «наслѣдственнымъ врагомъ»? И если говорить по правдѣ, то не было ли и у насъ долгое время обыкновенія называть въ просторѣчіи нашихъ сосѣдей по ту сторону пролива «англійскими свиньями», тогда какъ тѣ, въ свою очередь, называли насъ «французскими лягушками»?

Послѣдствіемъ войны является рабство, при которомъ у порабощеннаго человѣка не признается абсолютно никакихъ человѣческихъ правъ. Рабъ не имѣетъ души, онъ какъ бы не существуетъ. И то самое, что кажется справедливымъ по отношенію къ рабу, уже находящемуся во власти, должно быть справедливымъ и по отношенію къ рабу будущему, т.-е. ко врагу или къ члену чуждаго племени: онъ не можетъ имѣть никакихъ правъ, не можетъ разсчитывать ни на какое снисхожденіе. Это правило нарушается, правда, многими исключеніями, являющимися въ силу потребностей торговли, въ силу обычая гостепріимства или необходимости принимать пословъ, которые стоятъ подъ защитою религіозныхъ установленій; въ общемъ, считается, однако, все же вполнѣ справедливымъ уничтожать врага и обращать его въ рабство,—«врагъ—это ничто» [1])!

Единеніе людей для совмѣстной общей работы дополняется съ самыхъ давнихъ временъ примѣненіемъ силъ природы и даже измѣненіемъ самой окружающей природы. Такъ, первобытные предки человѣка соеди-

1) Ed. Meyer. «Die Sklaverei im Alterthum», p. 10.

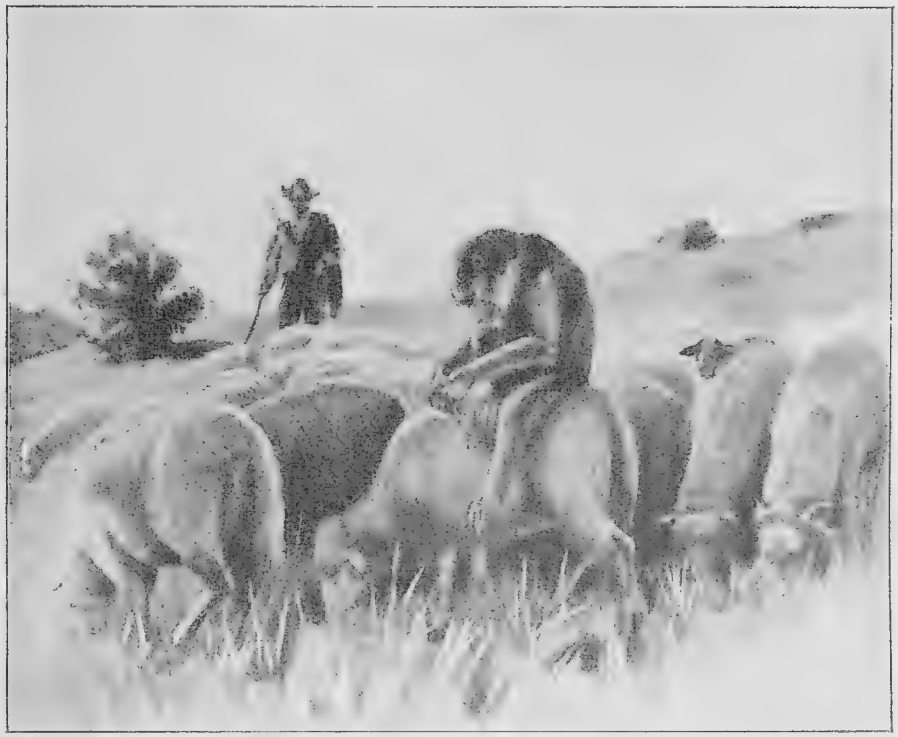
пялись въ общества, чтобы устраивать себѣ ложе для спанья изъ травы и листьевъ и крышу изъ набросанныхъ или переплетенныхъ вѣтвей, подобно тому, какъ это дѣлаютъ обезьяны и многія другія животныя. Вѣдь уже птицы и даже нѣкоторыя рыбы, какъ, напр., колюшка, строятъ себѣ гнѣзда, бобры возводятъ плотины и цѣлые дома, обезьяны устраиваютъ себѣ удобныя убѣжища на среднихъ вѣтвяхъ деревьевъ, съ поломъ и крышей изъ вѣтвей [1]). Подобно всѣмъ этимъ животнымъ, человѣкъ долженъ былъ скоро научиться примѣнять въ самой широкой степени произведенія растительнаго міра, встрѣчаемыя въ природѣ,—сурки, пчелы и муравьи должны были научить его также запасаться пищею на зиму.

Однако, въ зависимости отъ особенностей окружающей среды и отъ природныхъ условій, у человѣка возникли также совершенно особые пріемы земледѣлія, обусловленные не заимствованіемъ отъ «низшихъ братьевъ» человѣка, а его собственнымъ творческимъ геніемъ и его даромъ наблюдать и дѣлать выводы,—побуждала его къ тому потребность снискивать себѣ средства для пропитанія. Такъ, безъ сомнѣнія, отъ его вниманія не могло ускользнуть разсѣиваніе зеренъ плодами нѣкоторыхъ растеній, производимое съ силою и иногда даже съ шумомъ. Когда дикарь, обитающій въ бразильскихъ лѣсахъ, наблюдалъ, какъ съ высокаго дерева бертолетіи (Bertholetia excelsa) падаетъ тяжелый орѣхъ, величиною съ человѣческую голову, и какъ этотъ орѣхъ, раскалываясь при ударѣ о землю или о корень, разбрасываетъ отъ себя на далекое разстояніе свои сѣмена, могъ ли онъ не понять, что эти разбрасываемыя зерна содержатъ каждое зародышъ такого же дерева, какъ то, съ котораго они упали? Нѣкоторые другіе плоды меньшихъ размѣровъ, напримѣръ, плоды «не-тронь-меня» (Impatiens), разбрасываютъ свои сѣмена совершенно такимъ же способомъ; наконецъ, ползучія растенія, укореняющіяся своими отростками въ почву, и растенія съ клубнями на корняхъ, служащими для размноженія, должны были также самымъ наглядным образомъ научать человѣка, какимъ методамъ онъ долженъ слѣдовать для того, чтобы ежегодно получать жатву полезныхъ растеній. Среди деревенскихъ дѣтей найдется, вѣроятно, мало такихъ, у которыхъ не развилась бы внезапная любовь къ воздѣлыванію растеній,—кому изъ насъ въ молодости не нравилось сажать плодовое дерево! И то же самое, что дѣлаетъ въ настоящее время каждый ребенокъ, то различные народы въ періодѣ своего дѣтства дѣлали въ самыхъ различныхъ странахъ земного шара и различнымъ образомъ, сообразно съ условіями окружающей среды.

Итакъ, земледѣліе возникло въ сотняхъ различныхъ мѣстностей, но вполнѣ естественно, что многіе изъ первобытныхъ людей обнаружи-

1) Tylor. «Anthropology», p. 229.

вали больше склонности добывать себѣ пищу охотою и войною, чѣмъ воздѣлываніемъ почвы. Дѣйствительно, обработка земли, посѣвъ и затѣмъ собираніе жатвы требуютъ постояннаго напряженія, извѣстной работы ума и большого терпѣнія, тогда какъ преслѣдованіе дичи или же охота за человѣкомъ — дѣло страсти: побуждаемый голодомъ первобытный человѣкъ видитъ въ охотѣ настоящее удовольствіе, и возможность несчастныхъ случайностей или даже смерти дѣлаетъ это удовольствіе лишь болѣе острымъ и захватывающимъ. Иногда возбужденіе его пере-



Обезьяна-пастухъ въ посту Карно, въ экваторіальной Африкѣ.

ходитъ въ настоящее бѣшенство,—въ борьбѣ человѣкъ не соображаетъ, у него одно желаніе — побороть свою добычу, растерзать ее своими зубами, изрѣзать въ куски.

Прирученіе животныхъ является часто дѣломъ болѣе легкимъ, чѣмъ воздѣлываніе растеній, такъ какъ многія изъ животныхъ шли, по всей вѣроятности, непосредственно тому на встрѣчу,—живя одинаковою жизнью, человѣкъ и животныя взаимно понимали другъ друга. У поста Карно, въ экваторіальной Африкѣ, цѣлый рядъ легко приручившихся дикихъ

животныхъ образуетъ нѣчто въ родѣ чрезвычайно своеобразной республики; между этими сожителями человѣка особенно замѣчательна одна изъ крупныхъ обезьянъ, которая, по собственной своей охотѣ, устроилась тамъ пастухомъ надъ стадами. Она ведетъ овецъ на пастбище со всѣми пріемами нашей овчарки и свирѣпо кусаетъ за ноги тѣхъ изъ нихъ, которыя отбиваются отъ стада. Когда овцы пасутся спокойно, она садится на спину той или другой изъ нихъ и начинаетъ освобождать ее отъ паразитовъ. Несомнѣнно, ей было вполнѣ выгодно вступить въ союзъ съ человѣкомъ, но если такой союзъ состоялся, то все же исключительно лишь по ея иниціативѣ.

Во многихъ мѣстностяхъ подобный союзъ человѣка съ животными возникаетъ, такъ сказать, насильственнымъ путемъ, такъ какъ условія почвы и климата ставятъ человѣка и животныхъ въ тѣсную зависимость другъ отъ друга. Такъ, въ Новой Мексикѣ, въ Аризонѣ и Сонорѣ, коршуны, любители падали, становятся сожителями человѣка, и, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, между этими птицами и людьми возникаетъ чувство солидарности; когда появляется чужеземецъ, коршунъ держится въ отдаленіи и смотритъ недовѣрчиво, затѣмъ, когда пришелецъ удалится, онъ съ видимымъ удовлетвореніемъ подлетаетъ ближе, — подобно домашней птицѣ, онъ является однимъ изъ членовъ обширной семьи птичьяго двора туземцевъ.

Точно также и голубь любитъ сосѣдство человѣка и нерѣдко ищетъ прибѣжища вблизи его жилища, даже почти подъ его кровлей, особенно когда замѣтитъ въ вышинѣ орла или сокола. Волкъ-койотъ въ Мексикѣ, менѣе тѣсно привязанный къ человѣку, является все же если не сожителемъ, то, во всякомъ случаѣ, паразитомъ туземца. Онъ является по ночамъ порыться вокругъ очага, чтобы собрать остатки трапезы; обыкновенно его не трогаютъ, его признаютъ какъ бы дальнимъ родственникомъ, и, въ отплату за такую терпимость къ его ночнымъ визитамъ, туземцы ожидаютъ отъ него дѣятельной защиты противъ злокозненныхъ духовъ, витающихъ ночью надъ хижиной.

Полное прирученіе животныхъ—не болѣе, какъ высшая стадія тѣхъ первобытныхъ тѣсныхъ отношеній человѣка къ животнымъ, которыя постоянно возникали на почвѣ взаимныхъ услугъ и привычки. Въ Сонорѣ и въ Аризонѣ дикій индюкъ является такимъ же ручнымъ, какъ на птичьихъ дворахъ Европы, и есть полное основаніе думать, что эта птица, подобно голубю, сама стала просить у человѣка убѣжища и пищи и, въ концѣ концовъ, совершенно привыкла къ новой средѣ и теперь уже не рѣшается болѣе пускаться въ лѣса и въ сыпучіе пески [1]). Искусство человѣка не

1) W. Mac Gee. «The beginning of zooculture». American Anthropologist. 1897.

Китаецъ-рыболовъ съ бакланами.

участвовало въ этомъ измѣненіи характера птицы,—достаточно было ея природной доброты и податливости, равно какъ общности ея интересовъ съ интересами человѣка.

Сходнымъ образомъ человѣкъ и животное прекрасно понимали другъ друга въ довольно многихъ случаяхъ при отысканіи одной и той же пищи.

Такъ, кукушки южной Африки и готтентоты сдѣлались превосходными товарищами при совмѣстномъ отысканіи ульевъ пчелъ. Задачей кукушки является открыть такой улей; она указываетъ его пронзительными криками готтентоту, который отвѣчаетъ свистками; затѣмъ, когда человѣкъ завладѣетъ ульемъ, его собственные интересы заставляютъ его быть признательнымъ птицѣ и оставлять ей достаточную долю добычи, полученной общими силами.

Такой же союзъ человѣка съ птицей наблюдается иногда и при рыбной ловлѣ. Крачка или морская ласточка указываетъ рыбаку-лопарю на озерѣ Палла-Ярви и, вѣроятно, и на другихъ озерахъ Лапландіи мѣста, изобилующія рыбою, гдѣ онъ можетъ забросить свои сѣти, — въ свою очередь, она также получаетъ часть добычи. Такіе же договоры безъ словъ, свято соблюдаемые обѣими сторонами, заключались затѣмъ человѣкомъ также и съ птицами, ловящими рыбу.

До того времени, какъ китайцы приручили баклана и стали надѣвать ему на шею кольцо, чтобы онъ не могъ проглотить пойманную рыбу, птица эта была простымъ сожителемъ домашнихъ утокъ и гусей, вмѣстѣ съ которыми ловила рыбу и мелкихъ животныхъ въ рѣкахъ и озерахъ. На многихъ рѣкахъ во внутренней части Китая свободный союзъ между бакланомъ и человѣкомъ, союзъ, въ которомъ признаются вполнѣ равныя права какъ человѣка, такъ и птицы, сохраняется и до сихъ поръ и еще не нарушенъ сильнѣйшимъ въ свою пользу. Также часто заключались союзы между человѣкомъ и птицею съ цѣлью защиты отъ общихъ враговъ,—именно, защиты отъ змѣй.

На островѣ Мартиникѣ, въ Санта-Лючіа, лѣсныя птицы поднимаютъ страшный шумъ и крикъ для того, чтобы указать человѣку близость змѣи-тригоноцефала, и, когда человѣкъ убьетъ змѣю, сопровождаютъ радостными криками и громкимъ пѣніемъ побѣду человѣка и гибель ненавистнаго врага.

Нашъ союзъ съ собакою, главнѣйшимъ спутникомъ человѣка въ его борьбѣ за существованіе, имѣетъ сходное происхожденіе. Неоднократно было замѣчено, что дикія или одичавшія собаки соединяются иногда десятками въ стаи для преслѣдованія какого-нибудь животнаго, которое можетъ бѣжать такъ быстро, что его не догнать одной собакѣ.

Точно также приходилось замѣчать, что, когда люди охотятся за какой-нибудь крупной добычей, къ нимъ присоединяются дикія собаки, въ разсчетѣ на то, что послѣ поимки дичи имъ также перепадетъ лакомый кусочекъ. Такимъ образомъ и возникло взаимное соглашеніе между охотниками и собаками, а изъ этого соглашенія естественно должно было раньше или позже возникнуть порабощеніе собаки, какъ существа болѣе слабаго разумомъ и волею. По всей вѣроятности, сходными же путями дошли охотничьи племена до приученія баклановъ и соколовъ.

Непроизвольно и внезапно родившаяся дружба играла также, надо думать, нѣкоторую роль въ возникновеніи сотрудничества человѣка съ животными; у нѣкоторыхъ видовъ животныхъ она была даже, быть можетъ, единственнымъ побужденіемъ къ соединенію съ человѣкомъ. Газели и другія жвачныя, прирученныя обитателями побережій Нила, являются въ большинствѣ случаевъ сожителями, которые, прежде чѣмъ сдѣлаться настоящими домашними животными, употребляемыми человѣкомъ въ пищу, были настоящими его друзьями, защищаемыми имъ, вслѣдствіе безмолвнаго, но соблюдаемаго обоюдно соглашенія.

Въ этомъ отношеніи негры-денка,—пастушеское племя, обитающее въ верховьяхъ Нила, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ рѣка протекаетъ чрезъ обширныя степи и преграждается во многихъ мѣстахъ плавучими островами, — могутъ представлять собою переходную стадію. Разведеніе скота, который пасется среди волнующагося моря высокихъ травъ, — единственное ихъ занятіе; домашній скотъ для нихъ, какъ и для индусовъ-браманистовъ,—нѣчто въ родѣ божества; ни одна клятва не считается у нихъ болѣе священной и страшной, какъ клятва предками коровы!

Для самихъ себя денка строятъ лишь хижины или простые шалаши, тогда какъ для больныхъ коровъ они воздвигаютъ большія больницы, замѣчательно чистыя, на совершенно сухой почвѣ, на островѣ или посреди долины. Живетъ это племя почти исключительно молокомъ своихъ коровъ и овецъ; ихъ лишь доятъ и никогда не рѣшаются убить здоровое животное. Коровы, разводимыя неграми-денка, очень граціозны и напоминаютъ антилопъ; туземцы щадятъ ихъ какъ можно дольше и питаются лишь мясомъ больныхъ или раненыхъ коровъ; они вообще очень умѣренны въ своихъ потребностяхъ, ѣдятъ только разъ въ день, съ заходомъ солнца, и, тѣмъ не менѣе, обладаютъ достаточною силою. Лишь иногда, во время голодовокъ, рѣшаются они воспользоваться кровью своего скота, которую выпускаютъ и смѣшиваютъ съ молокомъ. Денка почитаютъ также одну изъ неядовитыхъ змѣй, которая любитъ лакомиться молокомъ ихъ коровъ,—въ каждомъ жилищѣ можно встрѣтить множество этихъ пресмыкающихся, сдѣлавшихся совсѣмъ ручными; члены семьи знаютъ всѣхъ змѣй наперечетъ и зовутъ каждую изъ нихъ особымъ именемъ [1]).

Точно также обитатели Египта приручили нѣкогда крокодила. Въ древности особенно жители Дендера славились умѣньемъ приручать этихъ животныхъ, водившихся въ тѣ времена во множествѣ въ Нилѣ, — они ѣздили на крокодилахъ верхомъ.

Въ прежнія времена, когда европейцы не успѣли еще выбить всѣхъ крокодиловъ, въ озерѣ Пиръ-Манго, около Карачи, эти священныя жи-

1) Georg Schweinfurth. «Im Herzen Afrika's».

вотныя собирались немедленно по зову своихъ сторожей и позволяли садиться на себя верхомъ благочестивымъ паломникамъ, которые увѣшивали ихъ морды украшеніями [1]). Точно также въ Палембангѣ дѣти свободно играютъ съ крокодилами, — послѣдніе откармливаются кухонными отбросами, падающими изъ хижинъ, которыя построены на сваяхъ въ рѣкѣ.

У многихъ племенъ, особенно въ Южной Америкѣ, юноши, и еще болѣе дѣвушки, обладаютъ удивительнымъ талантомъ приручать животныхъ. Туземная хижина тамъ окружена обыкновенно цѣлымъ звѣринцемъ, въ которомъ можно найти тапировъ, косуль, двуутробокъ и даже ягуаровъ; около нея видишь обезьянъ, кувыркающихся въ вѣтвяхъ надъ хижиной, кабановъ-пекари, роющихся въ землѣ, туканова и попугаевъ, лазающихъ по деревьямъ. Большія птицы агами и собаки являются защитниками всего этого многочисленнаго общества, и чужестранцу едва ли удастся проникнуть въ хижину, если его не введутъ сами хозяева.

Конечно, современный европеецъ воспользовался бы половиной всѣхъ этихъ прирученныхъ животныхъ для ѣды, но туземцы относятся къ нимъ не такъ,—они уважаютъ право на жизнь тѣхъ животныхъ, которыя выросли около ихъ дома; животныя эти какъ бы принадлежатъ къ семьѣ, они оказываютъ различныя услуги, охраняютъ домъ и будятъ человѣка утромъ, потому ихъ не должно коснуться никакое насиліе,— совмѣстная жизнь ихъ съ человѣкомъ возникла путемъ обоюднаго свободнаго соглашенія.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что, благодаря такой дружбѣ животныхъ съ человѣкомъ, развитіе ихъ умственныхъ способностей идетъ быстрыми шагами впередъ, точно также какъ въ человѣческомъ обществѣ умъ ученика развивается тѣмъ скорѣе, чѣмъ интеллигентнѣе его учитель.

То, что правильно по отношенію къ человѣку, правильно въ такой же степени и по отношенію къ другимъ видамъ животныхъ. Трудно понять, какимъ образомъ даже нѣкоторые защитники теоріи эволюціи, видя, въ какомъ согласіи живутъ домашнія животныя съ человѣкомъ, могли доказывать, что умственное развитіе живыхъ существъ,—начиная съ микробовъ и кончая животными такими сложными и обладающими такою замѣчательною хитростью, какъ шакалъ, канадскій барсукъ, лисица, наконецъ, слонъ,—все же будто бы роковымъ образомъ задерживалось.

По ихъ представленіямъ, каждое животное остается въ тѣсно замкнутомъ кругу представленій, изъ котораго ему нѣтъ выхода. Охотничьи

---

1) Richard Burton. «Sind revisited»; Hermann von Schlagintweit. «Reisen in Indien und Hochasien».

собаки и преслѣдуемая ими дичь не могутъ, будто бы, измѣнить своихъ хитростей и увертокъ, насѣкомыя и позвоночныя, возводящія различныя постройки, никогда не могутъ научиться какимъ-либо новымъ методамъ, нѣвчая птица не можетъ измѣнить своего мотива. Возможно, конечно, что эволюція умственныхъ свойствъ животнаго совершается съ бо́льшей медленностью, чѣмъ таковая человѣка, съ тѣхъ поръ какъ онъ обзавелся различными орудіями,—эта эволюція, однако, все же наблюдается у тѣхъ видовъ, которые преуспѣваютъ. И между эволюціей человѣка и таковой его низшихъ братьевъ существуетъ значительное сходство.

Всюду, гдѣ образовались небольшія общины, миніатюрные мірки, связанные общими интересами въ одно цѣлое, составляющее нѣкоторую индивидуальность, внѣшнія условія создаютъ для нихъ опредѣленную географическую среду: люди и элементы окружающей природы сливаются въ одно цѣлое, обладающее своей особой физіономіей.

Нерѣдко границы данной области являются очень рѣзкими, и сами эти границы вліяютъ на выборъ человѣкомъ данной мѣстности или даже обусловливаютъ его. Островъ или полуостровъ, долина, окруженная горами и высокими скалами, горное плато, опоясанное обрывами, плодородная равнина, обнесенная безплодными холмами, богато орошенные берега рѣки или источника—таковы эти географическія области, душою которыхъ сдѣлались соотвѣтствующія группы людей.

Естественная наклонность человѣка къ общественности была причиной такого раздѣленія человѣчества на группы. Во всѣ времена, даже въ тѣ отдаленныя эпохи, когда первобытныя общины людей бродили въ дѣвственныхъ лѣсахъ и степяхъ, среди зарождающагося общества производились попытки такихъ группировокъ, которыя позднѣе разрослись и дали начало возникновенію населенныхъ мѣстъ и городовъ,—почки, изъ которыхъ должны были развиться эти огромныя вѣтви, намѣчались давно уже на поверхности ствола!

Вслѣдствіе этого изучать тѣ творческія силы, которыя повели къ соединенію людей въ группы и къ образованію городовъ и обширныхъ столицъ, должно именно въ средѣ совершенно дикаго населенія. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ племенъ, идеаломъ которыхъ была бы полная изолированность; исключеніемъ являются лишь тѣ народы, которые живутъ въ постоянномъ страхѣ передъ чужестранцами.

Потребность въ полномъ одиночествѣ—не болѣе какъ извращеніе, наблюдающееся уже на болѣе высокихъ стадіяхъ культуры, либо у несчастныхъ, охваченныхъ религіознымъ помѣшательствомъ, либо у людей, сломленныхъ горями жизни,—у факировъ и отшельниковъ. Однако, и эти люди предаются одиночеству лишь вслѣдствіе того, что чувствуютъ себя солидарными съ окружающими ихъ людьми, которые доставляютъ

имъ ежедневно хлѣбъ насущный, получая взамѣнъ молитвы и благословенія. Если бы человѣкъ былъ совершенно охваченъ религіознымъ экстазомъ, онъ испустилъ бы свой духъ, чтобы соединиться съ божествомъ, человѣкъ же, отчаявшійся во всемъ, также убилъ бы себя, а не становился бы отшельникомъ.

Вполнѣ здравый человѣкъ первобытной общины, охотникъ, рыболовъ или пастухъ любитъ находиться въ сообществѣ своихъ товарищей. Иногда занятія заставляютъ его отдѣльно отъ другихъ подкарауливать дичь или ловить рыбу, ему случается также покидать свое жилье для отысканія лучшихъ пастбищъ,— однако, какъ только является возможность соединиться со своими друзьями, онъ непремѣнно возвращается къ ихъ становищу, которое представляетъ собою первое начало населеннаго пункта.

Интересныя изслѣдованія американскихъ этнологовъ показали намъ, что въ сѣверныхъ областяхъ Мексики живетъ индѣйское племя, которому удалось совершенно изолироваться отъ другихъ людей, благодаря поясу пустынь, окружающему его область со стороны суши, и благодаря водамъ, которыя омываютъ занимаемый этимъ племенемъ островъ Тибуронъ. Это племя сэри живетъ въ сторонѣ отъ путей переселенія народовъ и отъ торговыхъ путей, почему оно прекрасно сохранило самыя первобытныя условія первыхъ временъ человѣчества. Оно не достигло еще даже эолитическаго періода каменнаго вѣка,—туземцы этого племени не умѣютъ полировать камень и пользуются необдѣланными камнями, привязывая ихъ вѣтвями ліанъ или корнями.

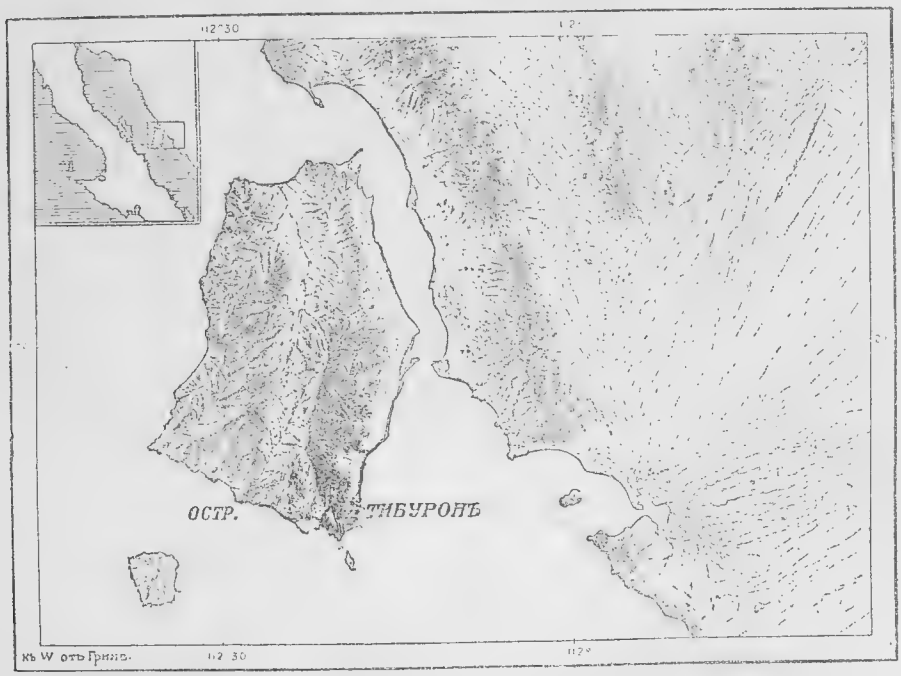
Они находятся, слѣдовательно, на стадіи, предшествующей періоду употребленія металловъ; имъ свойственна, однако, одна особенность, которая давала имъ большое преимущество предъ всѣми другими людьми, именно, способность такого быстраго бѣга, что нѣтъ животнаго, котораго они не могли бы утомить на бѣгу. Только благодаря этой быстротѣ бѣга эти индѣйцы и могли сохраниться и избѣжали гибели при массовыхъ истребленіяхъ туземцевъ, предпринимавшихся сперва испанцами, затѣмъ «цивилизованными» мексиканцами.

Къ ужасу всѣхъ своихъ сосѣдей, индѣйцы племени сэри ѣдятъ свои экскременты. Въ теченіе значительной части года ихъ главною пищею являются такъ называемыя «варварійскія фиги» или «туна», и часть этихъ плодовъ, поглощаемыхъ ими въ огромномъ количествѣ, проходитъ чрезъ организмъ безъ измѣненія; въ теченіе того времени года, когда плодовъ этихъ нѣтъ, индѣйцамъ, вмѣсто прежняго раздолья, приходится лишь собирать отбросы своихъ былыхъ пиршествъ, молоть ихъ и превращать въ новое кушанье. Они очень хвалятъ эту муку за ея, будто бы, чрезвычайно питательныя свойства и считаютъ ее особенно важной для воиновъ [1]).

1) Mac Gee. XVII, «Report of the Bureau of Ethnology», p. 209.

Каждая изъ тѣхъ небольшихъ первобытныхъ общинъ, которыя находятъ необходимыя для своего существованія и развитія матеріальныя условія въ очень тѣсныхъ предѣлахъ, сохраняла бы, само собою разумѣется, свою первичную форму, если бы тысячи различныхъ факторовъ, дѣйствующихъ то медленно, то сильно и быстро, соединяясь съ тысячами различныхъ политическихъ и соціальныхъ условій, не нарушали существующаго равновѣсія и не измѣняли самой природы, вторгаясь въ ея различныя явленія. Такимъ образомъ, въ жизни человѣчества

№ 20. Территорія индѣйцевъ племени сэри.



по В. І. Макъ-Ко

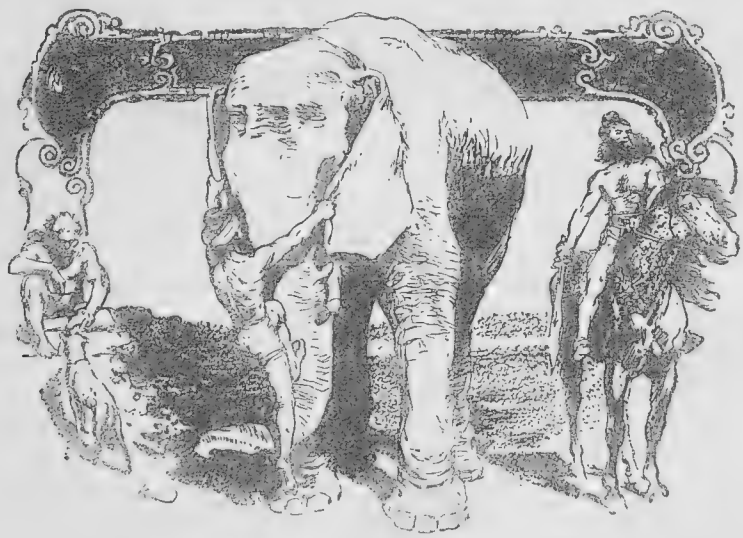
возникали одно за другимъ, накоплялись и дѣйствовали различныя движущія начала, и мало-по-малу они вывели всѣ племена и всѣ націи, въ концѣ концовъ, даже все населеніе континентовъ изъ первобытной изолированности и создали современное человѣчество во всемъ его цѣломъ.

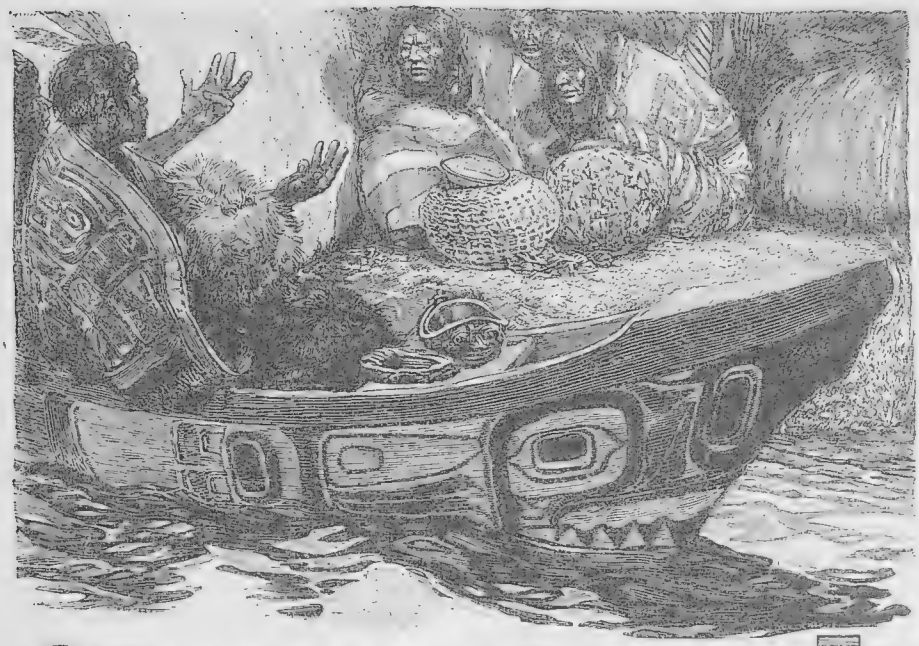
Но какой потокъ различнѣйшихъ событій, какой хаосъ взаимно перекрещивающихся силъ, то слагающихся, то уничтожающихъ одна другую, какая сложность дѣйствующихъ одновременно безчисленныхъ

причинъ, влекущихъ за собою столь же неисчислимыя слѣдствія, наблюдаются въ теченіе этой долгой эволюціи! За мирными соглашеніями слѣдуютъ столкновенія, полныя кровавой борьбы, соединенія людей для общаго дѣла чередуются съ разрушеніемъ ихъ трудовъ, созданныхъ, казалось бы, на вѣки, заселеніе пустынныхъ областей смѣняется опустошеніемъ странъ, обильныхъ земными плодами,—какъ бы въ безконечномъ вихрѣ вращаются люди и элементы неодушевленной природы, рождающіеся и исчезающіе какъ пылинки въ яркомъ лучѣ солнца!

Въ этомъ постоянномъ столкновеніи жизни и смерти, то одна, то другая одерживаетъ верхъ,—такъ намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, въ зависимости отъ точки зрѣнія, на какую мы станемъ. Въ дѣйствительности же, не доказываютъ ли вѣчныя превращенія міродданія равенство обѣихъ силъ, ихъ полное тожество, не доказываютъ ли они, что каждая жизнь является совокупностью смертей?

Если ограничиться лишь картиной эволюціи человѣка и окружающихъ его животныхъ, то можно съ полнымъ правомъ сказать, что съ самыхъ первыхъ временъ, какія намъ лишь извѣстны, и вплоть до теперешней эпохи развитіе нашего человѣческаго міра было направлено къ соединенію первоначально разсѣянныхъ группъ въ единое человѣческое общество, все болѣе и болѣе тѣсно сливающееся, и къ образованію единаго цѣлаго съ землею, на которой мы живемъ. Это-то люди и называютъ со своей особой и субъективной точки зрѣнія—«прогрессомъ»!





Отсталыя народности

Первые преобразователи природы подпали сами ея преобразующему вліянію.

Глава четвертая.

СОВРЕМЕННЫЕ И ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ.—ПИЩА.—ЖИЛИЩА И КРѢПОСТИ.—СВАЙНЫЯ ПОСТРОЙКИ.—МѢСТА СВИДАНІЯ НАРОДОВЪ.—ПУТИ СООБЩЕНІЯ.—РАСПРЕДѢЛЕНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.—РЕМЕСЛА.—УКРАШЕНІЯ.

Тѣ многоразличныя измѣненія, которымъ подвергалось человѣчество съ самаго своего появленія и которыя въ своемъ цѣломъ, вмѣстѣ съ самымъ ходомъ цивилизаціи, называются обыкновенно «прогрессомъ», извѣстны намъ прямо и непосредственно лишь за время историческаго періода, отъ котораго сохранились письменные документы съ точными указаніями годовъ и лицъ. За предѣлами же этого періода,—періода, въ теченіе котораго человѣчество, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ націй, вело сознательную жизнь и заботилось о томъ, чтобы

передать будущимъ поколѣніямъ свѣдѣнія о происходившихъ событіяхъ,— мы, вмѣсто яркаго свѣта исторіи, видимъ лишь блѣдные лучи ея зари. При сіяніи этихъ лучей мы можемъ замѣтить развалины зданій и другихъ твореній рукъ человѣческихъ, можемъ установить существованіе нѣкоторыхъ народностей и лишь въ самыхъ общихъ чертахъ прослѣдить ихъ столкновенія и переселенія, можемъ собрать лишь преданія и легенды, настоящій смыслъ которыхъ трудно истолковывается,—однимъ словомъ, мы съ трудомъ лишь можемъ добыть разрозненные остатки, по которымъ является нѣкоторая возможность установить заключительные выводы. Пробѣлы въ этихъ выводахъ, остающіеся между неоспоримыми документальными данными, приходится заполнять предположеніями, — такъ въ старинной, испорченной отъ времени надписи ученый, разбирая ее, вставляетъ недостающія буквы. Этой первоначальной, далеко не-полной исторіей является исторія первобытныхъ временъ,— неопредѣленныя границы ея будутъ отодвигаться постепенно ко временамъ все болѣе и болѣе отдаленнымъ, по мѣрѣ того, какъ наука будетъ ярче освѣщать своимъ свѣтомъ давно минувшее прошедшее человѣчества.

Конецъ исторіи первобытныхъ временъ и начало настоящей исторіи относится къ различнымъ періодамъ, въ зависимости отъ народа и отъ мѣстности. Благодаря раннему расцвѣту цивилизаціи въ областяхъ Стараго Свѣта, по берегамъ Индійскаго океана и Средиземнаго моря, лучи исторической науки проникаютъ здѣсь далеко вглубь вѣковъ и освѣщаютъ событія въ теченіе 5, 6 и даже 10 тысячелѣтій до современнаго періода; въ то же время въ другихъ странахъ, гдѣ изслѣдователямъ не удалось открыть письменныхъ документовъ, разсказы туземцевъ не позволяютъ заглянуть въ исторію далѣе, какъ за предѣлы нѣсколькихъ поколѣній. Благодаря этому, Новый Свѣтъ извѣстенъ намъ съ исторической точки зрѣнія всего только на протяженіи 4 послѣднихъ столѣтій,—намъ удалось открыть лишь кое-какіе проблески чередованія важнѣйшихъ событій до прихода европейцевъ, и то лишь по отношенію къ наиболѣе цивилизованнымъ американскимъ народностямъ.

Можно сказать даже, что исторія первобытныхъ временъ продолжается и до сихъ поръ для очень большой части населенія земли,— именно, для тѣхъ народностей, которыя, несмотря на свою внѣшнюю связь съ остальнымъ міромъ, не достигли еще полной цивилизаціи и прозябаютъ въ интеллектуальной и моральной изолированности. Даже среди народностей западной Европы, среди населенія, блещущаго современной культурой и образованностью, можно найти при собираніи обычаевъ, преданій, старинныхъ народныхъ пѣсенъ много пережитковъ сѣдой старины и слѣдовъ первобытныхъ временъ. Только благодаря этому одновременному существованію послѣдовательныхъ стадій развитія человѣчества и, въ особенности, благодаря возможности изученія такъ назы-

ваемыхъ «первобытныхъ» или, вѣрнѣе, «отсталыхъ» народностей, еще мало подвергшихся вліянію народовъ-завоевателей, можемъ мы познакомиться съ человѣчествомъ далекаго прошлаго, съ нашими предками, и можемъ попытаться возстановить ходъ ихъ эволюціи въ прежнія времена и среди прежней географической среды, которая болѣе или менѣе отличалась отъ современной.

Безъ сомнѣнія, возстановить въ своихъ мысляхъ съ достаточной точностью образъ жизни существовавшихъ нѣкогда первобытныхъ народностей, отъ которыхъ сохранились лишь кости и орудія,—задача трудная. Но надо сказать, что во многихъ мѣстностяхъ природа мало измѣнилась съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, и затѣмъ мы постоянно имѣемъ передъ собой, какъ нѣкоторый примѣръ для сравненія, страны, гдѣ въ настоящее время обитаютъ народности, похожія по образу жизни на народности исчезнувшія.

Разстоянія вполнѣ соотвѣтствуютъ времени: мы можемъ такъ же легко переноситься мысленно изъ страны въ страну, какъ изъ одного вѣка въ другой. Миклухо-Маклай находился, напримѣръ, несомнѣнно, въ очень отдаленномъ прошломъ, когда слушалъ въ Новой Гвинеѣ разсказы стариковъ, говорившихъ ему о той недавней эпохѣ, когда ихъ племя еще не знало огня и не умѣло добывать его искусственнымъ образомъ,—если случалось, что въ одной хижинѣ гасли всѣ угли, то приходилось идти и искать огня у сосѣдей. Не является ли также племя та-ола, скрывающееся въ чащахъ дѣвственныхъ лѣсовъ Целебеса, погруженнымъ въ глубокій мракъ древнѣйшихъ временъ, — временъ, предшествовавшихъ знакомству со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлалось для насъ совершенно необходимымъ? Помимо того, если многія народности, и главнымъ образомъ тѣ, отъ которыхъ мы происходимъ, непрестанно прогрессировали, то, съ другой стороны, также сколько народностей пошло вспять, вернулось къ своимъ прежнимъ мрачнымъ пещерамъ, лишеннымъ воздуха и очага!

Какова была, прежде всего, пища нашихъ предковъ? Наблюденія надъ современными «первобытными» людьми даютъ намъ на это достаточно подробный отвѣтъ. Пища нецивилизованныхъ народностей является различной, въ зависимости отъ климата, отъ характера почвы и отъ стадіи цивилизаціи, достигнутой ими въ теченіе ихъ существованія. Обитатели острововъ, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ природа надѣлила ихъ щедро своими дарами, какъ, напримѣръ, на многихъ островахъ архипелаговъ южнаго Тихаго океана, должны были ограничиваться плодами деревьевъ, зернами и зелеными побѣгами мѣстныхъ растеній; добавленіемъ къ нимъ являлась дичь, очень скудная, вслѣдствіе недостатка представителей наземной фауны на островахъ, рыба и другіе морскіе продукты, даваемые въ изобиліи моремъ

Въ окрестностяхъ пустынь и въ каменистыхъ мѣстностяхъ съ однообразнымъ климатомъ пищевыя вещества, потребляемыя населеніемъ, были также однообразны, тогда какъ въ континентальныхъ странахъ, богатыхъ различными видами животныхъ и растеній, мѣстные жители имѣли обширный выборъ самыхъ разнообразныхъ веществъ для своего пропитанія. Внѣшняя среда создаетъ условія питанія животныхъ,—точно также обусловливаетъ она и питаніе человѣка, и, въ зависимости отъ мѣста и отъ времени, различія могутъ быть столь значительными, что та пища, которая для одного народа является самой любимой, у другого вызываетъ лишь отвращеніе. Одни лакомки предпочитаютъ всему прочему насѣкомыхъ и червей, другіе — прогорклое сало, тухлое мясо или зеленое полупереваренное вещество, заключающееся въ желудкѣ сѣвернаго оленя. Сопутствовавшаго Пржевальскому монгола рвало отъ отвращенія, когда онъ видѣлъ, что европейцы ѣдятъ утку, между тѣмъ какъ самъ онъ спокойно ѣлъ даже не вымытыя кишки овцы. Цѣлыя народности довольствуются зернами и плодами, тогда какъ другимъ необходимо кровавое, сырое мясо. Сколько народностей въ различныхъ частяхъ земного шара пьютъ кровь другихъ людей, своихъ враговъ! Это дѣлается либо просто изъ жестокости и воинственнаго увлеченія, либо изъ преклоненія предъ храбростью побѣжденнаго врага, которая должна перейти такимъ способомъ въ самого побѣдителя (такъ поступаютъ, напримѣръ, малайцы, употребляя въ пищу мясо тигра), либо вслѣдствіе какого-нибудь другого религіознаго или національнаго предразсудка, или, наконецъ, вслѣдствіе постоянныхъ голодовокъ, которыя превратили человѣка въ хищное животное. Сколько разъ также мореплаватели, потерпѣвшіе крушеніе на морѣ и спасающіеся на лодкѣ, бывали принуждены бросать между собою жребій и питаться мясомъ того изъ своихъ сотоварищей, кого укажетъ злой рокъ! Частому повторенію такихъ случаевъ Дёнморъ Лангъ приписываетъ сильное развитіе каннибализма среди островитянъ Полинезіи, но едва ли это вѣрно: въ развитіи людоѣдства, несомнѣнно, преобладающее вліяніе оказываетъ религіозный элементъ. Нѣкоторыя пищевыя вещества и приправы, необходимыя для большинства людей, оказываются совершенно ненужными для нѣкоторыхъ другихъ; такъ, соль, безъ которой не можетъ обойтись европеецъ, вызываетъ лишь отвращеніе у нѣкоторыхъ племенъ центральной Африки,—быть можетъ, они находятъ достаточно солей калія и натрія въ употребляемыхъ ими пищевыхъ веществахъ растительнаго происхожденія.

«Кухонные остатки»—скопленія раковинъ, встрѣчаемыя у береговъ Даніи, равно какъ «ostrerias» или «устричныя кучи» испанской Америки, «sambaqui» бразильскаго побережья и груды отбросовъ подъ развалинами свайныхъ построекъ—являются остатками трапезъ, происходившихъ въ давнія времена въ теченіе столѣтій на одномъ и томъ же мѣстѣ. Такія

груды остатковъ получались бы и въ настоящее время въ городахъ и накоплялись бы, вѣроятно, милліонами кубическихъ метровъ, если бы ихъ не утилизировали тысячью различныхъ способовъ при земляныхъ работахъ, при постройкахъ и при удобреніи полей. Въ наше время эти остатки уничтожаются, трапеза же наша становится все болѣе и болѣе разнообразной, такъ какъ постоянно появляются новыя кушанья, новыя пищевыя вещества, доставляемыя путемъ торговли съ одного конца свѣта на другой.

Нѣкоторыя изъ скопленій «кухонныхъ остатковъ», сохранившіяся на морскомъ побережьѣ, достигаютъ огромныхъ размѣровъ, свидѣтельствуя о томъ, что прежніе обитатели морскихъ береговъ обладали относительно высокою цивилизаціею; отдѣльные люди или отдѣльныя семьи не могли накопить такихъ колоссальныхъ грудъ устричныхъ и другихъ раковинъ,—холмовъ, достигающихъ иногда 300 метровъ въ длину, 30—60 метровъ въ ширину и 3 метровъ въ вышину. Очевидно, въ тѣ времена ловцы собирались на трапезу въ большомъ числѣ, обществами, и ѣли устрицъ и другихъ моллюсковъ, а также различныхъ рыбъ, оленей, косуль, свиней, быковъ, собакъ, кошекъ, бобровъ и выдръ, — обглоданныя кости этихъ животныхъ сохранились среди обломковъ раковинъ.

Съ того времени, когда накопились упомянутыя кучи раковинъ, многіе виды и разновидности животныхъ исчезли или, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени измѣнились. Съ другой стороны, благодаря этимъ же остаткамъ можно установить, что многія формы животныхъ существовали въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ историки считали ихъ отсутствующими. Аналогичныя наблюденія сдѣланы и по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ растеній: такъ, плодовыя деревья, относительно которыхъ думали, что они ввезены изъ Азіи во времена римскаго владычества, оказалось, прекрасно росли въ восточной Европѣ еще значительно ранѣе начала историческаго періода. Какъ можно судить по плодовымъ косточкамъ, найденнымъ въ пещерахъ, пещерные люди, остатки которыхъ были открыты въ пещерахъ Ма-д'Азиль, знали уже два сорта вишенъ и три сорта сливъ. Орѣшникъ росъ въ Галліи еще въ третичную эпоху. Наконецъ, уже въ началѣ магдаленскаго періода человѣкъ былъ знакомъ съ хлѣбными злаками, такъ какъ изображенія колосьевъ ихъ вырѣзаны на камнѣ, относящемся къ этому времени [1]). Виноградная лоза также росла въ западной Европѣ, такъ какъ изображенія ея находятъ на украшеніяхъ, относящихся къ бронзовому періоду. Въ эту эпоху обитатели Италіи пили уже настоящее виноградное вино, употребленіе котораго распространялось затѣмъ, по всей вѣроятности, съ за-

1) Ed. Piette. Bull. de la Soc. d'Anthropologie de Paris. Séance du 18 avril 1895.

пада на востокъ, а не въ обратномъ направленіи, какъ это думали прежде. Въ тѣ доисторическія времена и даже въ началѣ историческаго періода обитатели свайныхъ построекъ альпійской области, напримѣръ, въ Варезѣ и Любліанѣ, пили вино изъ ягодъ дерена, а на сѣверномъ склонѣ Альповъ, отъ Савойи до Австріи, употреблялся напитокъ изъ перебродившаго сока малины и ежевики [1]). Всѣ эти напитки позволяли человѣку напиваться пьянымъ; извѣстно, что онъ часто ощущалъ потребность временно уйти отъ самого себя, затемнить свой разсудокъ и забыться, — употребленіе одуряющихъ напитковъ регулировалось суевѣріями и религіознымъ культомъ.

До начала историческаго періода жилища человѣка были столь же разнообразны, какъ его пища, такъ какъ и они всецѣло зависѣли отъ окружающей среды; всѣ формы жилищъ давнихъ эпохъ сохраняются и до нашего времени, несмотря на быстрыя завоеванія цивилизаціи. Почва, покрытая снѣгомъ, предоставляла эскимосу совершенно иные матеріалы для постройки, чѣмъ каменистая пустыня или дѣвственные лѣса арабовъ и индусовъ. Даже когда люди сдѣлались богатыми и цивилизованными и стали строить себѣ роскошныя сооруженія изъ дерева, глины, кирпичей, камня или мрамора, окружающая природа все же отражалась на характерѣ ихъ построекъ. «Климатъ сказывается въ архитектурѣ. Заостренная крутая крыша свидѣтельствуетъ о томъ, что выпадаетъ много дождя, плоская крыша — о томъ, что сильно свѣтитъ солнце, крыша съ наваленными на нее камнями указываетъ на значительную силу вѣтра [2])». До нашего времени уцѣлѣли не одни лишь строенія романскаго и готическаго стиля, — нѣтъ такой формы жилища, нѣтъ такого типа хижины или шалаша, примѣровъ котораго не сохранилось бы въ употребленіи до настоящаго времени. Пережитки старины въ области жилищъ сказываются даже въ нашихъ богатѣйшихъ современныхъ городахъ. Если хорошенько поискать, то развѣ не найдутся, напримѣръ, пещерные люди въ Парижѣ или въ Лондонѣ? Развѣ не удастся тамъ также найти людей, живущихъ въ шалашахъ изъ набросанныхъ вѣтвей и обломковъ, не говоря уже про тѣхъ, которымъ приходится спать прямо на голой землѣ?

Въ тропическихъ странахъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, протекло первое дѣтство человѣчества, густыя заросли кустарниковъ нерѣдко до сихъ поръ служатъ жилищемъ многимъ племенамъ. Точно также хорошимъ прибѣжищемъ для первобытнаго человѣка служатъ верхушки большихъ деревьевъ; естественнымъ поломъ является тамъ мѣсто, гдѣ расходятся

1) G. de Mortillet. «Les boissons fermentées». Bull. Soc. d'Anthropologie. 1897, fasc. 5.—2) Victor Hugo. «Le Rhin».

главныя вѣтви, крышей же, которая прекрасно защищаетъ и отъ жгучихъ солнечныхъ лучей, и отъ проливныхъ дождей и сильныхъ вѣтровъ, служитъ густая листва.

Въ этихъ зеленыхъ жилищахъ люди жили, подобно своимъ четверорукимъ сородичамъ, съ большими удобствами: стоило имъ протянуть руку, и они могли достать ягоды и плоды, служившіе имъ пищей, въ случаѣ же нападенія имъ достаточно было паломать вѣтвей и защищаться, сидя въ своей крѣпости и употребляя вѣтви въ качествѣ дротиковъ, копій или палицъ. Когда лѣсная чаща была густой и непроходи-

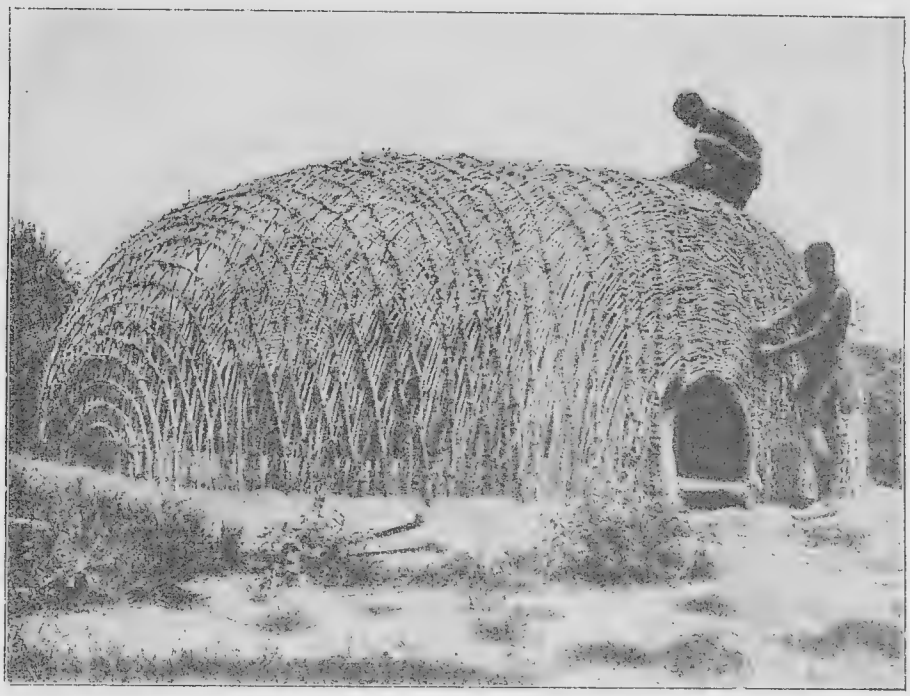
Жилища туземцевъ на о. Суматрѣ.

мой, когда деревья сливались въ одну сплошную массу своими переплетающимися вѣтвями и соединялись ползучими ліанами, то возможно, что въ ихъ вѣтвяхъ происходили ч настоящія сраженія между лѣсными обитателями и вторгшимися въ лѣсъ врагами. Въ наши времена, однако, усовершенствованное оружіе сдѣлало невозможнымъ существованіе племенъ, живущихъ въ вѣтвяхъ. Извѣстно, что племя уараунъ, живущее въ дельтѣ рѣки Ориноко, не обитаетъ болѣе на верхушкахъ пальмъ во время разлива рѣки; точно также племена сара, жившія подобно обезьянамъ на высокихъ вѣтвяхъ эріодендроновъ, были изгнаны изъ своихъ жилищъ ружейными выстрѣлами багирмійскихъ работорговцевъ [1]).

Зато лѣсныя логовища, дающія пріютъ цѣлымъ семьямъ, которыя живутъ въ нихъ на подобіе дикихъ звѣрей, до сихъ поръ довольно многочисленны. Этотъ родъ человѣческаго жилья еще широко распространенъ на поверхности земного шара во всѣхъ странахъ, изобилующихъ лѣсами, кустарниками и камышами. Такія лѣсныя убѣжища представляютъ одновременно удобства защиты отъ дождя и отъ враговъ, и, безъ сомнѣнія, они являлись нерѣдко яблокомъ раздора между людьми и медвѣдями или другими дикими звѣрями. Въ лѣсу встрѣчаются иногда, дѣйствительно, очень уютные уголки, созданные самой природой; они защищены отъ вѣтра, отъ жгучихъ лучей солнца и отъ дождя и предоставляютъ человѣку ложе изъ мягкаго мха или травы и листьевъ. Кому довелось, въ наши дни, испытать полную приключеній жизнь въ дремучемъ лѣсу и сравнить ее съ регулярнымъ однообразіемъ городской жизни въ домахъ—каменныхъ ящикахъ, тотъ, вѣроятно, не разъ въ минуты томительной безсонницы сожалѣлъ о тѣхъ часахъ, которые ему случалось проводить въ лѣсу, на мягкомъ ложѣ травы, вспоминалъ тѣ ночи, когда онъ могъ любоваться звѣзднымъ небомъ и блестящимъ млечнымъ путемъ, просвѣчивающимъ сквозь вѣтви деревьевъ!

Въ этихъ чудныхъ лѣсныхъ уголкахъ человѣкъ можетъ нерѣдко очень простымъ способомъ увеличить удобства, предоставляемыя природой: достаточно, напримѣръ, связать верхушками нѣсколько тонкихъ деревьевъ, расположенныхъ по кругу, чтобы образовалось нѣчто въ родѣ конической хижины; если переплести эти стволы вѣтвями, то такимъ способомъ у хижины получатся стѣны [2]). Переходъ отсюда къ болѣе сложнымъ постройкамъ не труденъ: стволы деревьевъ, поставленные рядомъ или положенные одинъ на другой, образуютъ стѣны, перекладины изъ нихъ и плетенки разгораживаютъ жилище на комнаты, листья, положенные толстымъ слоемъ, образуютъ кровлю, отдѣльные древесные стволы играютъ роль колоннъ, поддерживающихъ крышу, колючій ку-

1) G. Nachtigal. «Sahara und Sudan». 2) Viollet-le-Duc. «Histoire de l'habitation humaine», p. 67.

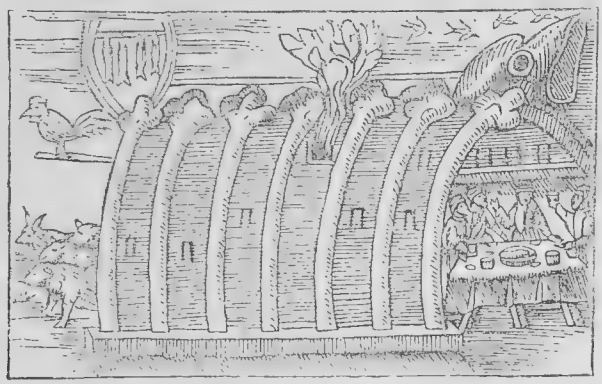


Постройка хижины кафрами.

старникъ, расположенный кольцомъ вокругъ жилища, защищаетъ послѣднее отъ хищныхъ звѣрей и враговъ. Таково было первое начало хижины, измѣнявшейся въ своихъ относительныхъ размѣрахъ и въ деталяхъ своей архитектуры, сообразно съ природою и съ мѣстною растительностью. Во всѣхъ странахъ азіатскаго востока главнымъ матеріаломъ, которымъ располагаютъ мѣстные строители, является бамбукъ,—растеніе, замѣчательное быстротою своего роста, своею правильной формою, своей легкостью и прочностью и въ то же время удобствомъ обработки. Въ странахъ умѣренной полосы и на горахъ, гдѣ бамбука не встрѣчается, примѣняются для возведенія жилищъ стволы деревьевъ, и жилища принимаютъ характеръ бревенчатыхъ хижинъ или избъ.

Двѣ основныя формы первобытныхъ построекъ—кругъ и квадратъ или четырехугольникъ—зависятъ, само собою разумѣется, отъ матеріала, находящагося въ распоряженіи строителя, и отъ работы, потребной для того, чтобы придать ту или другую форму. Чаще всего примѣняется округлая форма, съ изогнутыми линіями; она унаслѣдована отъ животнаго царства, — такой формы хижины бобровъ, муравейники и термитники, гнѣзда птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, наконецъ, паутина, сплетенная пауками.

Для созданія хижины древнѣйшаго типа достаточно было согнуть стволы деревьевъ, расположенные по кругу, связать ихъ у вершинъ сводомъ и иногда еще обмазать глиной, чтобы сдѣлать ихъ болѣе устойчивыми. Лишь позднѣе появилось жилище прямоугольнаго типа, — для его постройки необходимо было уже срубать стволы деревьевъ и располагать ихъ другъ на дружку продольно. Этотъ способъ постройки представляетъ то большое преимущество, что допускаетъ возможность увеличивать жилище, насколько это нужно: длинные дома ирокезовъ и другихъ индѣйцевъ Сѣверной Америки, равно какъ такія же постройки, возводимыя на нѣкоторыхъ островахъ южнаго Тихаго океана для жилья молодыхъ людей или для пріема гостей, иной формы и не могли быть, какъ четырехугольной. Впрочемъ, даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ строительное искусство уже настолько развилось, что человѣкъ можетъ придавать своимъ хижинамъ любую форму, консервативный духъ и традиціи нерѣдко удерживаютъ въ продолженіе многихъ вѣковъ одни и тѣ же типы жилищъ, которые передаются по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такимъ образомъ Африка дѣлится на двѣ части, границы которыхъ, впрочемъ, иногда заходятъ одна въ другую: въ одной части мы встрѣчаемъ округлыя хижины, въ другой—четырехугольныя. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ странахъ находятся хижины сводчатаго типа или же съ островерхими крышами. Архитектура могилъ слѣдуетъ тѣмъ же правиламъ, какъ и архитектура домовъ: покойникамъ приписываются тѣ же привычки и вкусы, какіе свойственны живымъ.

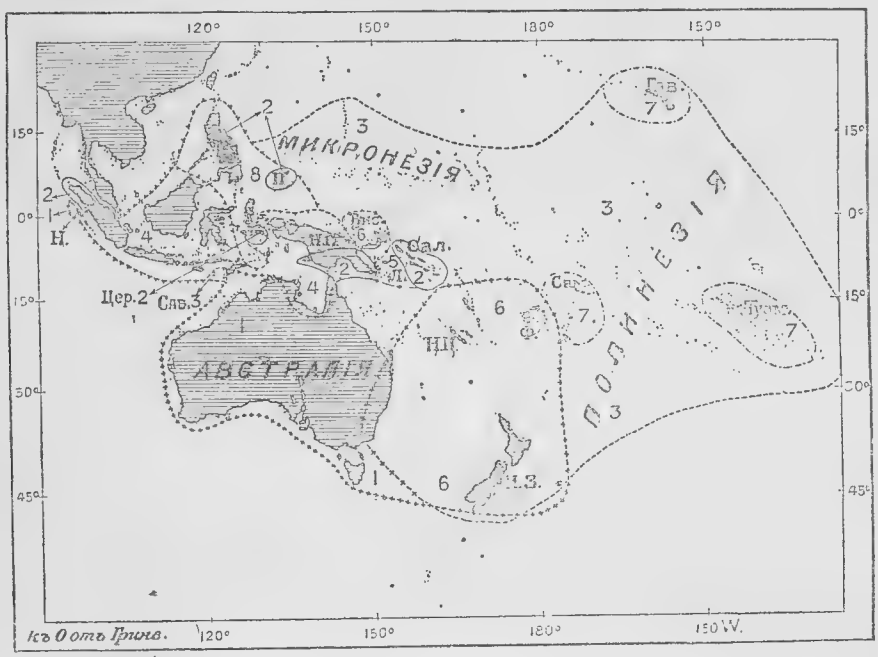


Хижина изъ костей кита на крайнемъ сѣверѣ.
(По старинной гравюрѣ Олафа Магнуса).

Кромѣ лѣсовъ и кустарныхъ зарослей, природа предоставляетъ человѣку, въ качествѣ убѣжища, также многочисленныя пещеры. Для человѣка, какъ и для животнаго, пещера, образовавшаяся благодаря вымыванію водою скалъ, является вполнѣ естественнымъ пріютомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ известняки въ горахъ пронизаны многочисленными подземными галлереями и обширными гротами, все населеніе вело пещерный образъ жизни; можно было пересѣчь всю страну съ одного конца до другого и не замѣтить на всемъ

протяженіи ни единой души, — всѣ исчезали моментально въ своихъ

№ 21. Распредѣленіе различныхъ типовъ жилищъ въ Океаніи.



по фробеніусу

1: 150 000 000

0 1000 5000 10000 Кил.

1. Негритосскій типъ построекъ (бо́льшая часть Австраліи, Тасманія, Ніасъ и др.).
2. Типъ барла (о-ва Соломона, юго-восточная часть Новой Гвинеи, о-ва Церамъ, Палаосъ, отчасти Филиппинскіе о-ва, сѣверо-западная часть Суматры).
3. Малайско-азіатскій типъ (бо́льшая часть Полинезіи и Микронезіи, о-ва Савоэ).
4. Свайный типъ (Суматра, Ява, Борнео, Целебесъ и друг. Сѣверная Австралія, сѣверо-западная Новая Гвинея).
5. Смѣшеніе 1-го и 2-го типовъ построекъ (Луизіадскіе о-ва).
6. Смѣшеніе 1-го и 3-го типовъ (архипелагъ Бисмарка, Новая Каледонія, Фиджи, восточная Австралія, Новая Зеландія).
7. Третій типъ построекъ съ элементами 1-го типа (Самоа, Туамоту, Гаваи).
8) Смѣшеніе 3-го и 4-го типовъ построекъ (бо́льшая часть Филиппинскихъ острововъ, Гальмахера, Тиморъ-Лао).

Негритосскій типъ хижинъ обладаетъ одной изогнутой поверхностью, образующей и стѣны, и крышу; малайско-азіатскій типъ характеризуется двускатною крышею, покоящейся на вертикальныхъ стѣнахъ; типъ барла—хижины на сваяхъ, отличающіяся отъ типа 4-го присутствіемъ продольныхъ брусьевъ, помѣщенныхъ между двумя рядами вертикальныхъ столбовъ.

Сокращенія:

Бис.—Архипелагъ Бисмарка	Н.—о. Ніасъ	Сав.—о. Савоэ
Цер.—о. Церамъ	Н. К.—Новая Каледонія	Сам.—Самоа
Ф.—о. Фиджи	Н, Г.—Новая Гвинея	Туам.—Туамоту
Гав.—о. Гаваи	Н. З.—Новая Зеландія	Л.—Луизіадскіе о-ва
	Сол.—о-ва Соломона	П.—Палаосъ.

глубокихъ пещерахъ. Обитатели подобныхъ мѣстностей приспособляли

пещеры общими усиліями для своихъ нуждъ: закрывали входы въ нихъ большими камнями или стволами деревьевъ, выравнивали полъ и сглаживали выступы, спускающіеся съ потолка.

Нашимъ предкамъ приходилось нерѣдко либо вести борьбу съ дикими звѣрями изъ-за этихъ жилищъ, либо путемъ молчаливаго соглашенія раздѣлять съ ними кровъ, такъ какъ пещеры и для звѣрей въ одинаковой степени представляли очень удобное убѣжище. Археологамъ случалось находить не мало слѣдовъ многократной смѣны хозяевъ въ пещерахъ. Нѣкоторыя изъ такихъ подземныхъ жилищъ образуютъ цѣлые города, такъ какъ галлереи ихъ чрезвычайно сильно вѣтвятся: многолюдныя общины могли находить въ нихъ убѣжище вмѣстѣ со своими стадами; тамъ члены ихъ могли не бояться осады, особенно въ случаѣ, если у пещеръ было много выходовъ, незнакомыхъ осаждающимъ, и если можно было найти съѣстные припасы въ окрестностяхъ. Многія пещеры все же дѣлались гробницами своихъ обитателей, особенно если врагъ, превышающій защитниковъ пещеръ численностью, замуровывалъ входъ, такъ что всѣ обитатели погибали съ голода, или зажигалъ у входа солому и сырые листья, такъ что пещерные жители задыхались отъ дыма. Не должно думать, что подобные ужасы совершались лишь во времена войнъ доисторическаго періода,—и въ наши дни, случалось, народы, считающіе себя носителями цивилизаціи, пятнали свое имя такимъ же низменнымъ коварствомъ.

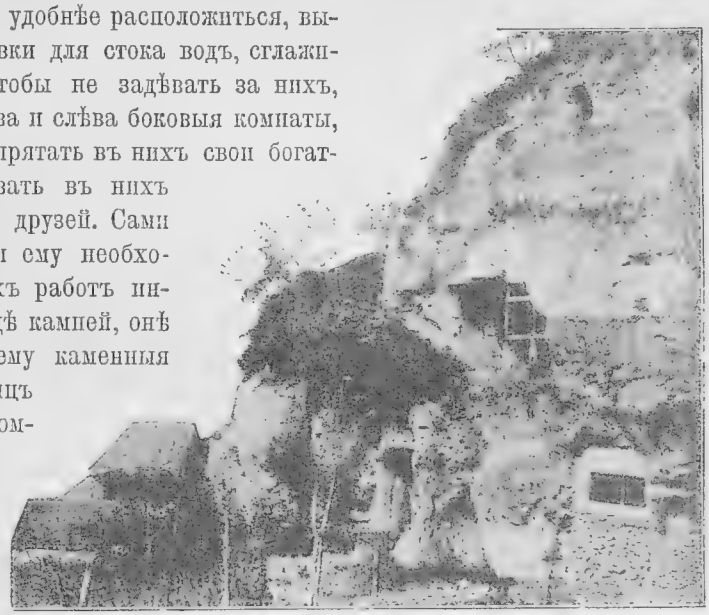
Впрочемъ, и въ мирныя времена пещерные жители далеко не всегда могутъ жить вполнѣ спокойно въ своихъ убѣжищахъ: вода, протачивающая камень и украшающая своды пещеръ известковыми сталактитами, дѣлаетъ мѣстами невозможнымъ существованіе въ пещерахъ; иногда также каменный сводъ угрожаетъ обрушиться при малѣйшемъ землетрясеніи. Многія пещеры, въ которыхъ жилъ человѣкъ въ прежнія времена, теперь совершенно недоступны, вслѣдствіе осыпей, другія подвержены размыву водою,—такова, напримѣръ, судьба пещеры Ма-д'Азиль во французскихъ Пиренеяхъ, чрезъ которую протекаетъ рѣка, и пещеры Ризъ (Аризъ), которая также иногда затопляется водой, поднимающейся на 13—14 метровъ выше своего низкаго уровня [1]). Вслѣдствіе этого людямъ того времени, когда здѣсь водился сѣверный олень, обитавшимъ въ пещерѣ на лѣвомъ берегу рѣки Аризы, приходилось не разъ покидать эту пещеру изъ-за наводненій и спасаться на сосѣднихъ высотахъ подъ выступами скалъ, которыя защищали ихъ нѣсколько отъ непогоды.

Несмотря на всѣ эти неудобства и опасности, пещеры въ прежнія эпохи, да и теперь еще, очень часто служатъ жилищемъ человѣку. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ были раскопаны археологами известковыя

1) Ed. Piette, Bull. de la Soc. d'Anthropologie de Paris, 18 avril 1895.

отложенія, образовавшіяся на полу пещеры и достигавшія иногда толщины 8 метровъ,—вся эта толща, случалось, состояла сплошь изъ обломковъ костей и различныхъ орудій, изъ обугленнаго дерева и т. п. Благодаря этимъ-то остаткамъ, собраннымъ въ пещерахъ, археологамъ и удалось разобратвся въ жизни доисторическихъ временъ и возстановить ее [1]).

Устраиваясь въ естественныхъ углубленіяхъ скалъ, человѣкъ, въ своемъ вѣчномъ стремленіи придавать окружающему красивую форму, умѣлъ измѣнять неприглядную обстановку пещеръ: онъ выравнивалъ полъ ихъ, чтобы удобнѣе расположиться, выдалбливалъ канавки для стока водъ, сглаживалъ выступы, чтобы не задѣвать за нихъ, устраивалъ справа и слѣва боковыя комнаты, для того чтобы прятать въ нихъ свои богатства или устраивать въ нихъ своихъ дѣтей и друзей. Сами скалы доставляли ему необходимые для такихъ работъ инструменты въ видѣ камней, онѣ же доставляли ему каменныя плиты для лѣстницъ и половъ въ комнатахъ. Надо сказать, что тотъ прогрессъ въ постройкѣ жилищъ, который былъ вызванъ развитіемъ архитектуры настоящихъ домовъ, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ былъ къ выгодѣ человѣка: каждое улучшеніе въ архитектурѣ стоило въ то же время многихъ неудобствъ. Обитатели пещеръ проиграли въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ, когда покинули свои подземныя жилища и перешли въ дома, построенные искусственно и подвергающіеся дѣйствію стихій. Пещера достаточно тепла зимою и доставляетъ пріятную прохладу лѣтомъ; въ ней человѣкъ находитъ условія, настолько благопріятныя въ гигіеническомъ отношеніи, что лишь немногіе дома могутъ съ ней въ данномъ случаѣ сравниться. Знаменитому археологу, изучавшему древности Египта, Флин-



Дома, выдолбленные въ скалѣ, въ мѣстечкѣ Троо, въ долинѣ Луары.
(По фотографіи изъ книги „Sites et monuments“).

1) Julien Fraipont. «Les cavernes et leurs habitants».

дерсу Петри неоднократно пришлось жалѣть по возвращеніи въ Европу о подземныхъ залахъ могилъ фараоновъ, которыя онъ избралъ своимъ мѣстомъ обитанія въ Гизе при раскопкахъ пирамидъ [1]). Обитатели города Шустера въ древней странѣ Эламъ, повидимому, также понимали, какое удовольствіе связано съ пещерной жизнью, такъ какъ ихъ дома были снабжены пещерами, которыя были вырыты въ галечныхъ конгломератахъ, намытыхъ водою съ хребта Загрошъ; въ этихъ искусственныхъ пещерахъ, спускающихся иногда на двадцать метровъ ниже самихъ строеній, семьи ихъ проводили лѣто.

Во всѣхъ странахъ земного шара, даже въ наиболѣе цивилизованныхъ, мы встрѣчаемъ пещерное населеніе, сохранившееся съ давнихъ временъ и лишь нѣсколько измѣнившее свой образъ жизни, сообразно съ потребностями времени и мѣста. Въ Италіи, напримѣръ, въ 1890 г. было еще около 100.000 пещерныхъ жителей, обитавшихъ въ 37.000 пещеръ.

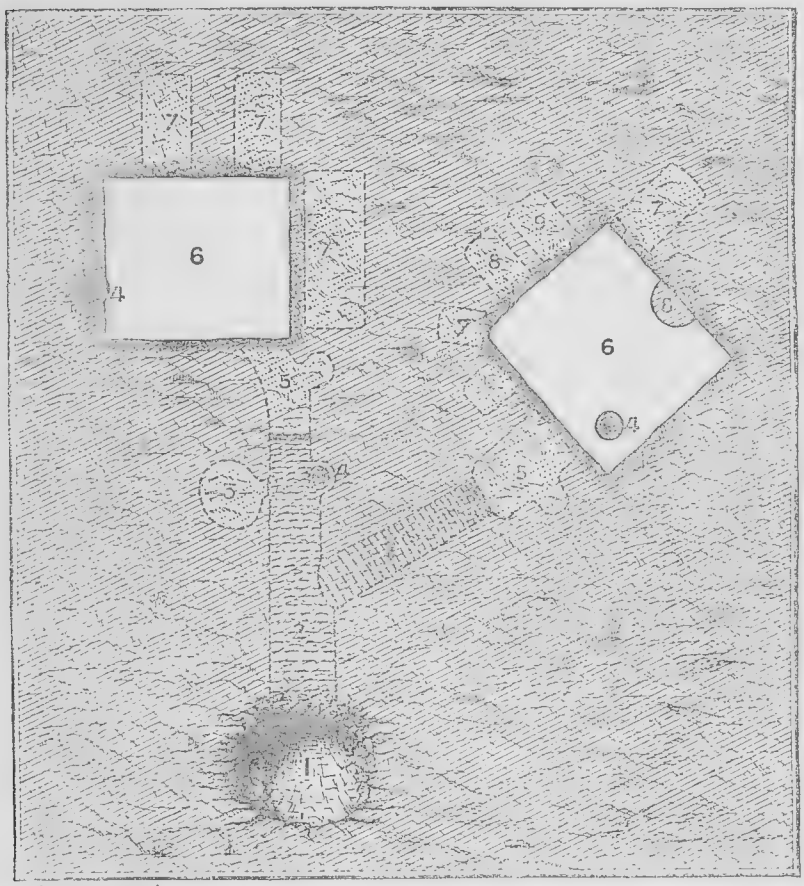
Во Франціи, особенно среди известковыхъ скалъ, окаймляющихъ Гаронну, Луару и ихъ притоки, находятся цѣлыя деревни, обитающія въ искусственныхъ и естественныхъ пещерахъ. Здѣсь пещерные жители не довольствуются, однако, тѣмъ, что имъ доставляетъ сама природа, и всячески стараются отдѣлать и улучшить свои жилища,—въ послѣднихъ можно найти не только необходимѣйшую мебель, но и часы, и книги, и гравюры. Такія подземныя деревни устраиваются обыкновенно въ обрывахъ туфа, поднимающихся невысоко надъ рѣкою и обращенныхъ на югъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно по берегамъ Луары, гораздо больше жителей обитаетъ въ пещерахъ, чѣмъ въ домахъ, и жилища ихъ по удобству и комфортабельности стоятъ гораздо выше многихъ домовъ, построенныхъ на поверхности земли [2]).

Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Рошъ, около Монтуара, мы встрѣчаемъ пещерныя жилища, въ которыхъ комнаты, погреба, конюшни устроены несравненно лучше, чѣмъ во многихъ обыкновенныхъ домахъ ближайшихъ окрестностей; здѣсь имѣется даже выдолбленная въ скалѣ церковь,—правда, она оставлена въ настоящее время. Въ этихъ искусственныхъ пещерахъ мы встрѣчаемъ также не мало украшеній,—скульптурныя украшенія въ романскомъ стилѣ, въ готическомъ или въ стилѣ ренессансъ могутъ дать археологамъ указанія относительно времени постройки этихъ подземныхъ жилищъ. На холмахъ Троо мы встрѣчаемъ, подобно тому какъ въ деревнѣ Рошъ, многочисленныя подземныя жилища, но они здѣсь еще тѣснѣе связаны между собой и образуютъ одно цѣлое,—подземныя галлереи соединяютъ между собой не только отдѣльные этажи домовъ, но и сообщаются внизу съ источниками, а наверху

1) Flinders Petrie. «Ten years' digging in Egypt», p. 12.—2) Capitan. Revue de l'Ecole d'anthropologie.

съ находящейся тамъ крѣпостью. Фиговыя и миндальныя деревья проникаютъ своими корнями въ разсѣлины скалъ, а весь обрывъ окружается садиками, которые расположены террасами одинъ надъ другимъ

№ 22. Планъ подземныхъ галлерей въ деревушкѣ въ южномъ Тунисѣ.



1 : 400

0 5 10 20 Метр.

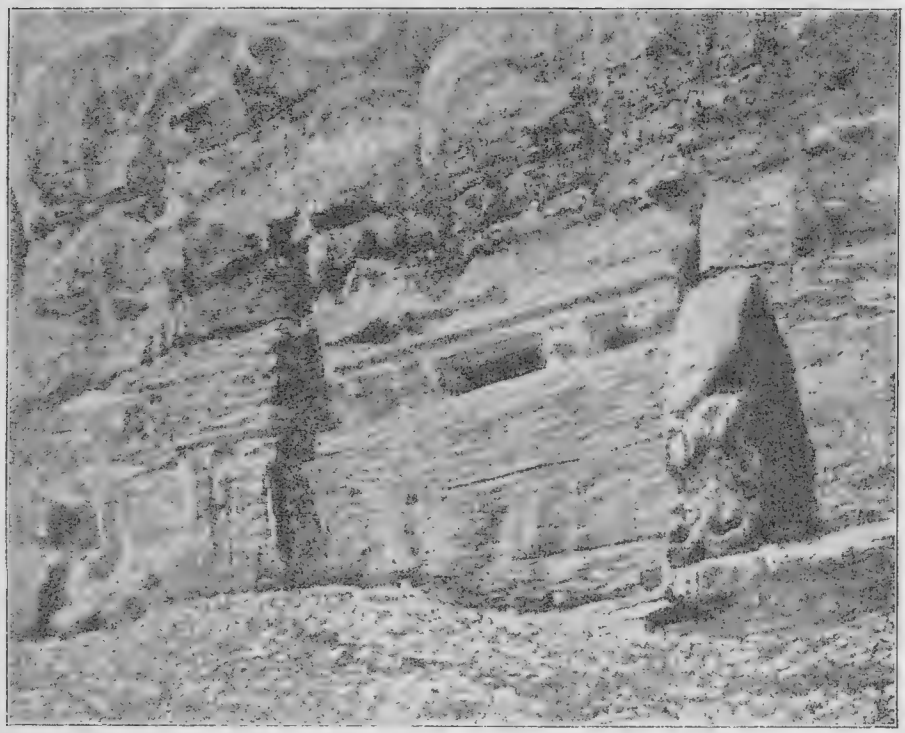
1. Входъ въ жилище.
2. Входная лѣстница подъ землей.
3. Комната для гостей.
4. Цистерны.
5. Конюшни.
6. Дворъ подъ открытымъ небомъ.
7. Жилыя комнаты.
8. Кухни, изъ которыхъ одна подъ открытымъ небомъ.
9. Хлѣбный амбаръ.

и наполнены благоухающими цвѣтами [1]). Трое можно привести какъ примѣръ мѣстности, гдѣ пещерная жизнь удержалась болѣе всего и обна-

1) Ardoin-Dumazet. «Voyage en France».

ружила въ то же время наибольшій прогрессъ въ своемъ примѣненіи къ потребностямъ современной жизни.

Въ этихъ подземныхъ городахъ замѣчаются иногда чрезвычайно оригинальныя примѣненія къ мѣстнымъ условіямъ. Такъ, недалеко отъ Сомюра, подземная галлерея Понъ-Тушаръ превратилась въ трактиръ,— въ ней любители выпить распиваютъ искристое вино подъ колоссальными столбами долменовъ. Въ Индіи мы встрѣчаемъ выдолбленные внутри скалъ богатѣйшіе храмы. Нерѣдко древнія кладбища,—цѣлые города мертвыхъ, почитаемыхъ святыми, — располагаются бокъ-о-бокъ



Храмъ въ городѣ Пе́тра, выдолбленный въ скалѣ.

съ городами живыхъ. Пе́тра—«Городъ Камня»—съ замѣчательными лабиринтами, украшенными статуями и надписями, представляетъ собою нынѣ не что иное, какъ колоссальное кладбище, тогда какъ ранѣе, 18 вѣковъ тому назадъ, это была роскошная столица, полная королевскаго блеска и величія. Для постройки зданій въ этомъ городѣ не приходилось доставлять камня, — достаточно было мало-по-малу выдалбливать скалы внутри и устраивать одинъ этажъ надъ другимъ. Въ Европѣ также нѣкоторыя подземелья дворцовъ и соборовъ соперничаютъ архитектурными красотами съ самими зданіями, выстроенными надъ ними.

Каза-Бланка въ каньонѣ Челли, въ Аризонѣ.

Въ нѣкоторыхъ пещерахъ каменныя породы ихъ стѣнъ годились для различныхъ работъ, служившихъ для украшенія помѣщеній, и позволяли устраивать внутри храмы и дворцы; между тѣмъ пещеры, вырытыя въ рыхлой землѣ, оставались постоянно мало уютными жилищами дикарей и піонеровъ цивилизаціи, еще не успѣвшихъ устроиться съ большимъ комфортомъ. Индѣйцы-альгонкинцы и гуроны Сѣверной Америки, обитавшіе внѣ предѣловъ лѣса и потому не имѣвшіе возможности строить хижины, вырывали ямы въ землѣ и затѣмъ покрывали ихъ наполовину кровлей изъ дерна. Вытѣснившіе затѣмъ краснокожихъ европейскіе піонеры всѣхъ національностей пользовались при завоеваніи данныхъ странъ тѣмъ же самымъ способомъ постройки временныхъ жилищъ,—такія землянки назывались англичанами «dug-out» и были аналогичны землянкамъ «weems» Гебридскихъ острововъ и Шотландіи [1]); землянки эти походили также на ямы, которыя вырываютъ себѣ на высокихъ плоскогорьяхъ Тибета мѣстные рудокопы, для того чтобы спастись отъ страшныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, взрывающихъ почву и несущихъ тучи гальки. На нашихъ глазахъ двѣ арміи—русская и японская—слѣдовали тому же примѣру въ огромномъ масштабѣ, такъ какъ выры-

1) Fr. Garnier. «L'habitation humaine».

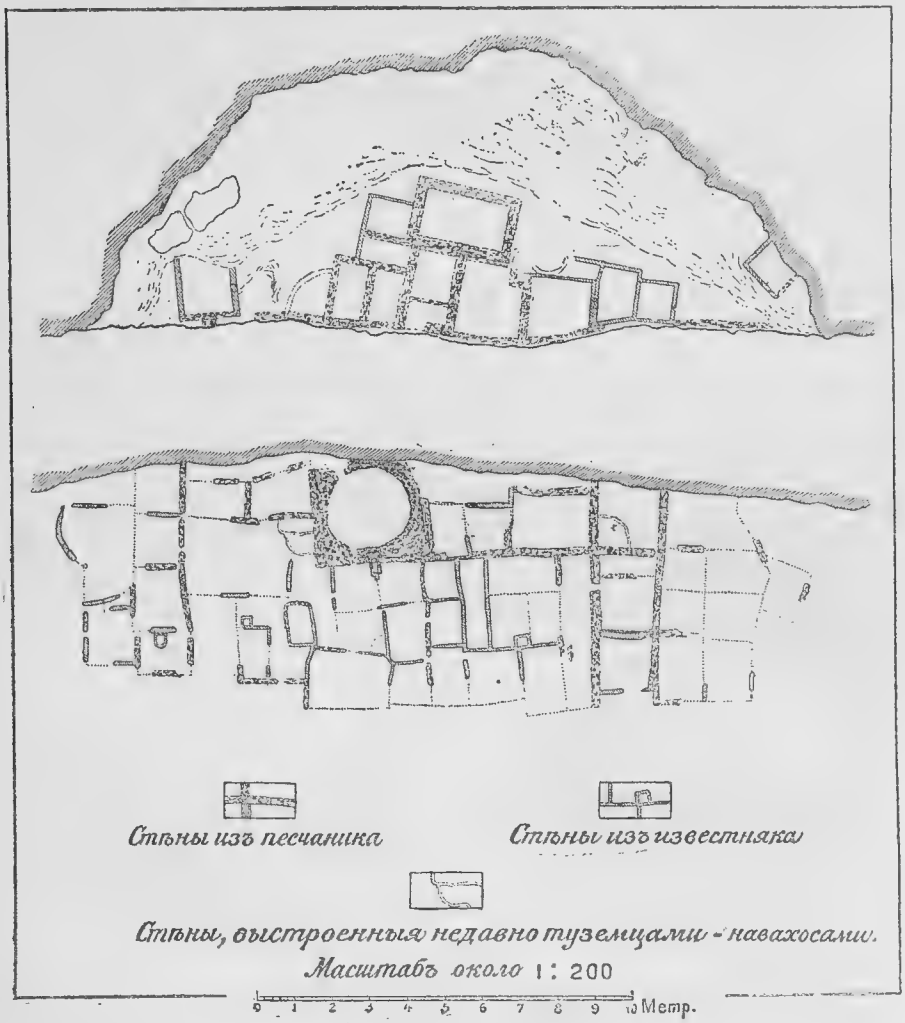
вали цѣлыя галлереи казематовъ и землянокъ въ твердой глинистой почвѣ долины рѣки Хунхэ. Къ тому же роду жилищъ относятся хижины изъ снѣга, устраиваемыя съ большимъ искусствомъ эскимосами, для того чтобы спасаться въ нихъ въ теченіе долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ.

По прошествіи первыхъ вѣковъ дѣтства человѣчества, предки наши, съ одной стороны, подъ вліяніемъ возникшаго у нихъ стремленія къ искусству, съ другой—подъ давленіемъ необходимости, научились видоизмѣнять форму своихъ первобытныхъ жилищъ. Еще задолго до наступленія историческихъ временъ, человѣкъ умѣлъ уже воздвигать различныя строенія, сильно различавшіяся между собой въ зависимости отъ матеріаловъ, которые ему предоставляла окружающая природа. Съ того самаго времени, какъ онъ открылъ способы приготовлять различные инструменты изъ камня и крутить веревки, онъ могъ уже, когда было нужно, отпиливать вѣтви деревьевъ, вырывать стволы съ корнемъ или срубать ихъ у основанія; затѣмъ онъ научился помѣщать одинъ стволъ на другой и складывать такимъ образомъ стѣны, покрывать ихъ крышей, снабжать свой домъ дверями, окнами и устраивать внутри комнаты. Такимъ способомъ возникали, напримѣръ, избы сарматовъ, совершенно подобныя избамъ, въ которыхъ живутъ унаслѣдовавшіе ихъ русскіе крестьяне.

Съ другой стороны, въ горахъ Кашмира, Непала, Сиккима, Тироля и Швейцаріи, гдѣ встрѣчаются аналогичныя условія и гдѣ всюду живущія тамъ пастушескія племена располагаютъ для своихъ построекъ камнемъ для фундамента и деревомъ для самаго дома и его внутренняго устройства,—вездѣ возникли деревянныя хижины одинаковой архитектуры, живописно сложенныя изъ разнообразнаго строительнаго матеріала. Далѣе, когда различныя племена научились существовать за счетъ домашнихъ животныхъ, они получили возможность пользоваться шкурами этихъ животныхъ и въ открытыхъ и лишенныхъ лѣса мѣстностяхъ стали устраивать изъ нихъ палатки, защищающія отъ солнца. Позднѣе, племена, открывшія способы тканья матерій, стали дѣлать такія же палатки изъ этихъ послѣднихъ. Въ другихъ мѣстностяхъ люди узнали способность глины дѣлаться твердой подъ вліяніемъ огня или солнца и научились приготовлять кирпичи, складывать изъ нихъ стѣны, располагать ихъ слоями и возводить пирамиды. Наконецъ, изъ всѣхъ этихъ различныхъ формъ жилищъ, перваго и второго порядка, возникли смѣшанные способы постройки, и они получили также нѣкоторыя оригинальныя отличительныя черты, сообразно съ мѣстными условіями и съ происхожденіемъ народности, такъ какъ, даже переселяясь въ новую страну, человѣкъ всегда удерживаетъ въ своей памяти внѣшній видъ тѣхъ жилищъ, въ которыхъ ему приходилось жить въ его прежнемъ оте-

чествѣ [1]). Вслѣдствіе этого въ англійской Гвіанѣ, напр., племена аракуна, макузи и другія каранбскія племена внутренней части страны, строили себѣ хижины, совершенно сходныя съ хижинами тѣхъ ихъ сородичей,

№ 23. Планъ Каза-Бланка въ каньонѣ Челли, въ Аризонѣ.



Верхняя часть плана изображаетъ жилища, устроенныя внутри скалы на 30 метрахъ надъ уровнемъ долины; нижняя часть—постройки въ долинѣ.

отъ которыхъ они произошли,—именно, жилища ихъ походили на хижины племени ураунъ или гуараносъ, обитавшаго на низменномъ побережьѣ

1) Viollet-le-Duc. «Histoire de l'habitation humaine», p. 358.

Ориноко. Несмотря на то, что страна ихъ степного характера, съ совершенно сухой почвой, и условія ея рѣзко отличаются отъ таковыхъ въ дельтѣ рѣки Ориноко, племена эти строили свои хижины, тѣмъ не менѣе, на сваяхъ, и бревна, которыя они при этомъ употребляли, дѣлались изъ той же пальмы (Euterpe oleracea), какъ на побережьѣ; дерево это очень любитъ сырость и встрѣчается относительно рѣдко въ ихъ равнинной странѣ, — они его находили лишь въ видѣ одиночныхъ группъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, но все это не препятствовало имъ подражать своимъ предкамъ, обитавшимъ на берегахъ, наполовину затопленныхъ водой [1]. Совершенно такъ же въ странѣ папуасовъ типъ архитектуры домовъ, построенныхъ на болотистой почвѣ побережья, сохранился и внутри страны, и, быть можетъ, именно этимъ можно объяснить устройство тамъ домовъ изъ двухъ этажей; нижній этажъ, расположенный между сваями, прикрытыми по бокамъ цыновками или листьями, служитъ конюшнею или амбаромъ для сохраненія провіанта. Подобнымъ же способомъ находитъ себѣ объясненіе въ переживаніи древнихъ формъ и въ приспособленіи къ окружающей средѣ возникновеніе швейцарскихъ шалэ.

Циклопическія сооруженія изъ базальта въ Метеланимъ, на островѣ Понапе, въ группѣ Каролинскихъ острововъ.
(По фотографіи изъ Geographical Journal).

Однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ, вліявшихъ на выработку способа постройки человѣческихъ жилищъ, была потребность въ защитѣ. Главнымъ образомъ въ погонѣ за надежно защищенными уголками че-

1) E. im Thurn. Journal of the Anthropological Institut, v. XI. 1883.

Пещерные жители Большого Канарскаго острова.
(По фотографіи, сообщенной Французскимъ Географ. Обществомъ).

ловѣкъ и поселялся въ подземельяхъ, вырытыхъ въ скалѣ,—превращая ихъ въ жилища, онъ старался подражать самой природѣ, которая доставляла ему естественную защиту въ видѣ горныхъ ущелій и пещеръ. Во многихъ странахъ земного шара, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ и въ Америкѣ и даже на нѣкоторыхъ островахъ Океаніи, встрѣчаются стѣны изъ огромныхъ камней, которыя называютъ обыкновенно «циклопическими» сооруженіями,—ихъ постройку приписываютъ циклопамъ или гигантамъ, жившимъ на землѣ до появленія на ней современнаго слабаго человѣчества. Камни этихъ стѣнъ шли въ дѣло такими, какими ихъ человѣкъ находилъ въ природѣ, и строители ограничивались лишь тѣмъ, что складывали ихъ, соединяя съ большимъ искусствомъ одинъ съ другимъ. Обыкновеніе дѣйствовать такимъ образомъ, подобно многимъ другимъ сторонамъ практической дѣятельности человѣка, получило даже религіозный отпечатокъ,—именно, у первобытнаго человѣка возникло представленіе, что является даже грѣхомъ и нарушеніемъ святости камня, если люди отъ естественныхъ обломковъ отбиваютъ выступающія мѣста и выравниваютъ поверхность камня [1]).

1) De Gobineau. «Histoire des Perses», t. I, p. 31.

Во всѣхъ странахъ священныя мѣста, въ которыхъ народъ прятaлъ свои сокровища, особенно охранялись, и для того, чтобы была возможность защитить ихъ силою, для нихъ выбиралось самое удобное для защиты положеніе. Въ мѣстностяхъ разнообразныхъ по формамъ своей поверхности, усѣянныхъ скалами и болотами, пересѣченныхъ рѣками и покрытыхъ лѣсами и кустарниками, населеніе старалось скрыть свое центральное убѣжище и помѣщало его гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ проторенныхъ тропинокъ, такъ чтобы непріятели не нашли его и были направлены на ложный слѣдъ. Тамъ, гдѣ не было возможности его спрятать, старались, по крайней мѣрѣ, затруднить доступъ къ этому мѣсту и облегчить его защиту. Для этого строились палисады, рылись рвы и ямы, устраивались ложные выходы, вообще—принимались всевозможныя средства къ тому, чтобы задержать нападающихъ или сдѣлать нападеніе совершенно невозможнымъ. Во внутреннихъ частяхъ Африки можно еще нерѣдко встрѣтить такіе лабиринты [1]),—современное искусство подражаетъ имъ, устраивая лабиринты изъ дорожекъ въ садахъ.

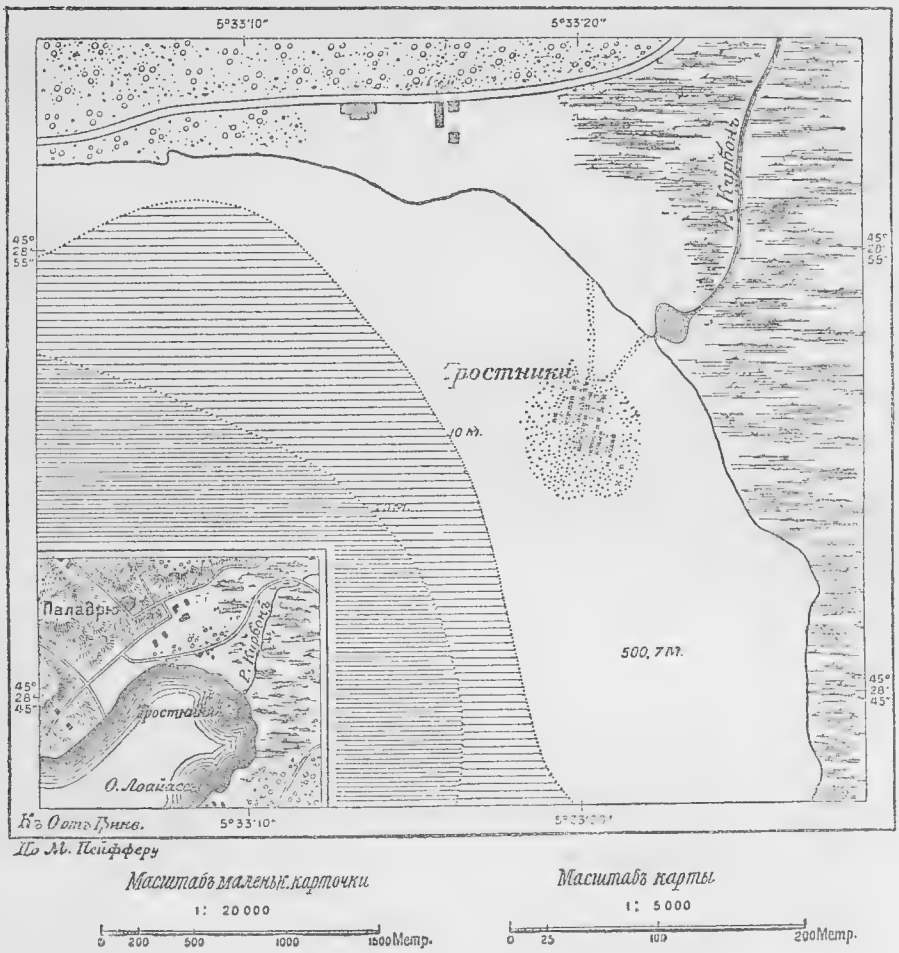
Въ открытыхъ мѣстностяхъ укрѣпленія строились обыкновенно на трудно доступныхъ скалахъ. Хотя мы и сами живемъ въ эпоху господства войны, и въ любой странѣ тысячи людей содержатся въ крѣпостяхъ, построенныхъ на крутыхъ скалахъ, все же весь міръ былъ чрезвычайно удивленъ, когда путешественники-археологи открыли въ Америкѣ существованіе въ прежнія времена цѣлыхъ племенъ, которыя жили совершенно изолированно на колоссальныхъ скалахъ съ вертикальными обрывами и сообщались съ жителями долины исключительно лишь по лѣсенкамъ, выбитымъ въ скалѣ. Между тѣмъ, существуетъ-ли въ сущности разница между этими обитателями скалъ—племенами цуни и моки въ Аризонѣ и племенемъ тунебо въ Колумбіи, представители которыхъ карабкаются съ ловкостью настоящихъ обезьянъ вверхъ и внизъ по своимъ лѣсенкамъ,—и нашими военными инженерами, строящими крѣпости, по возможности, также въ совершенно неприступныхъ мѣстахъ? Въ этомъ отношеніи современныя условія тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ условіямъ давнихъ временъ.

То же самое можно сказать относительно озерныхъ поселеній или свайныхъ построекъ, открытыхъ во многихъ странахъ земного шара и, между прочимъ, и въ западной Европѣ. Зимою 1853—54 года, во время чрезвычайно низкаго стоянія уровня воды въ Цюрихскомъ озерѣ, около Обермейлена были найдены остатки старинаго поселенія, построеннаго на сваяхъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Съ этого времени изслѣдователи постоянно находили въ различныхъ мѣстностяхъ

1) Bull. de la Soc. de géographie belge. 1905.

Европы сотни слѣдовъ другихъ свайныхъ поселеній, и въ нихъ удавалось открывать тысячи и даже сотни тысячъ различнѣйшихъ предметовъ, сдѣланныхъ руками нашихъ предковъ въ доисторическія времена. Такъ, лишь въ одномъ свайномъ поселеніи на берегахъ Нейшательскаго озера, у Концизы, было найдено болѣе 25.000 различныхъ образцовъ

№ 24. Деревня изъ свайныхъ построекъ въ Паладрю.



издѣлій прежнихъ временъ, несмотря на то, что на днѣ озера остался еще неизслѣдованнымъ слой ила толщиною въ метръ.

Находки археологовъ были такъ многочисленны, что теперь намъ легко возсоздать мысленно эти поселенія изъ группъ хижинъ на сваяхъ, съ ихъ выдолбленными челнами, ихъ лѣсенками, спускающимися къ

водѣ, ихъ крайне простымъ внутреннимъ убранствомъ, ихъ оружіемъ, инструментами, амулетами, плетенками и корзинками, зернами и плодами, служившими пищею обитателямъ; мы знаемъ также теперь и тѣхъ животныхъ, которыя жили тогда вмѣстѣ съ человѣкомъ, и животныхъ, служившихъ обитателямъ свайныхъ построекъ пищею. Чтобы возстановить эти постройки, впрочемъ, достаточно познакомиться съ такими же постройками, существующими и въ наше время во многихъ мѣстностяхъ по морскимъ побережьямъ,—напримѣръ, на островѣ Биллитонѣ, на Борнео, въ странѣ папуасовъ и по южно-американскому берегу, недалеко отъ Маракайбо. Какое множество такихъ поселеній, возникшихъ первоначально въ видѣ группы свайныхъ построекъ, развилось затѣмъ, мало-по-малу, въ цѣлые города,—таково происхожденіе города Нидау, на берегахъ Бьеннскаго озера, и Цюриха, лежащаго на оконечности одноименнаго съ нимъ озера. Другія свайныя поселенія, также постепенно разросшіяся и окрѣпшія, превратились въ крѣпости или же увеселительныя мѣста, какъ, напримѣръ, Изолетта на Варезскомъ озерѣ или Розенинзель—на Штарнбергскомъ. Города Бамбергъ и Вюрцбургъ возникли также первоначально въ видѣ рѣчныхъ поселеній [1]).

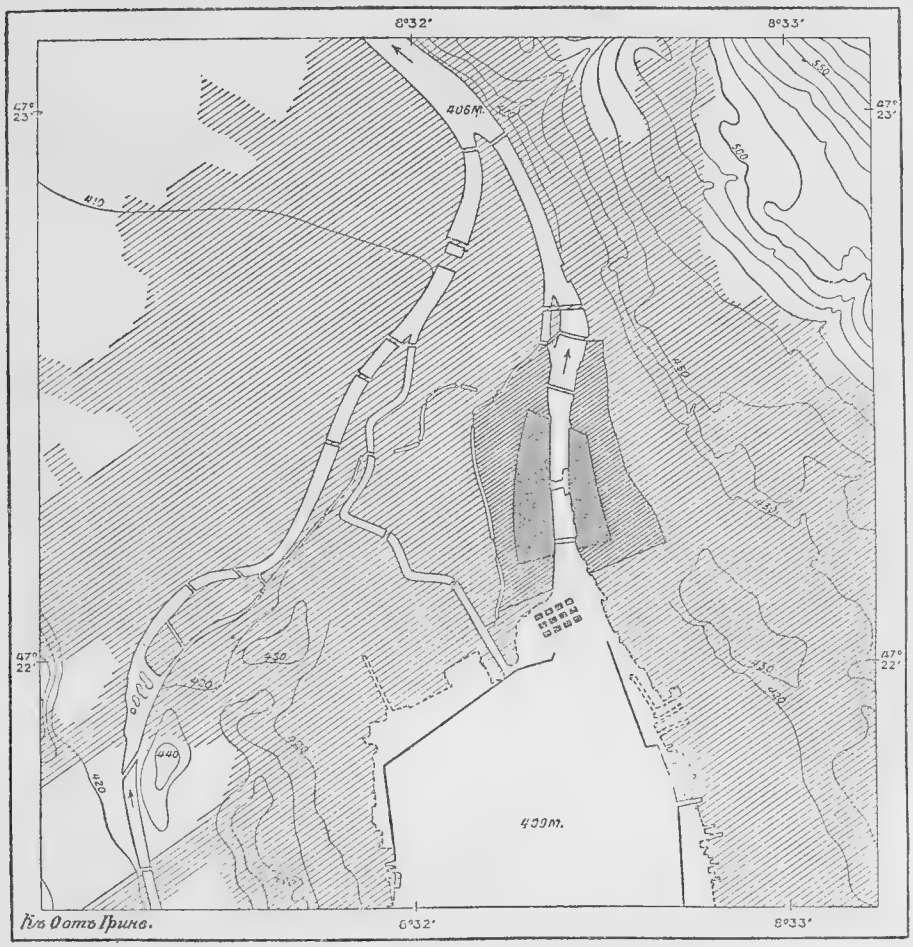
Большинство свайныхъ построекъ было привязано къ берегу, и остатки ихъ располагаются обыкновенно на неглубокихъ мѣстахъ. На озерѣ Паладрю сохранялись хижины на сваяхъ еще въ эпоху каролинговъ [2]). Возникновеніе такихъ же построекъ наблюдается равнымъ образомъ и въ силу тѣхъ же самыхъ причинъ по берегамъ морей; древній городъ Тиръ, Фаросъ у Александріи, городъ Джезире въ Алжирѣ, Венеція и Чіоджіа—являются тому наиболѣе извѣстными примѣрами. Изученіе свайныхъ построекъ и находимой въ нихъ флоры показываетъ намъ, какъ значительно вліялъ человѣкъ на природу въ теченіе времени, протекшаго съ эпохи этихъ построекъ до нашихъ дней: растенія, которыя человѣкъ воздѣлывалъ тогда, въ настоящее время значительно улучшены или замѣнены другими разновидностями, которыя приносятъ болѣе обильные плоды, тогда какъ дикіе виды растеній, всевозможныя травы и плевелы, являются вполнѣ тожественными съ тѣми, которыя расли многія тысячи лѣтъ тому назадъ [3]).

Изучая подробно любую страну, можно замѣтить, что большинство старинныхъ типовъ построекъ представлено въ ней и въ настоящее время; въ этомъ смыслѣ имѣются, однако, и области, обладающія совершенно особымъ интересомъ,—такова та часть Мавританіи, которая охватываетъ островъ Джерба, сосѣднюю пустыню и горы побережья Туниса

1) Jeitteles. Ausland. 1872, № 45.—2) Chantre. Comptes-rendus de l'Académie des Sciences. 1872. № 3.—3) Kolb. «Culturgeschichte», v. I, p. 46.

и Триполи, гдѣ можно наблюдать самыя разнообразныя, можно сказать, всѣ

№ 25. Образованіе города Цюриха изъ свайнаго поселенія.



мыслимыя формы построекъ. Мы находимъ здѣсь строенія, выдвинутыя

въ море на сваяхъ, берберійскія ксуры (зернохранилища), дома современной постройки, шалаши номадовъ, пещеры, вырытыя въ видѣ длинныхъ галлерей въ скалахъ и открывающіяся наружу лишь круглыми отверстіями, похожими на воронки, траншеи, ведущія во внутренніе колодцеобразные дворы и развѣтвляющіяся на правильно расположенныя пещеры, наконецъ, цѣлыя пирамиды фортовъ и бастіоновъ, гдѣ осажденные могутъ переходить съ одной линіи укрѣпленій на другую,—всѣ эти разнообразные типы построекъ встрѣчаются въ области относительно небольшой по поверхности, по берегу моря [1]). Въ мѣстечкѣ Матмата почтовая контора устроена въ пещерѣ.

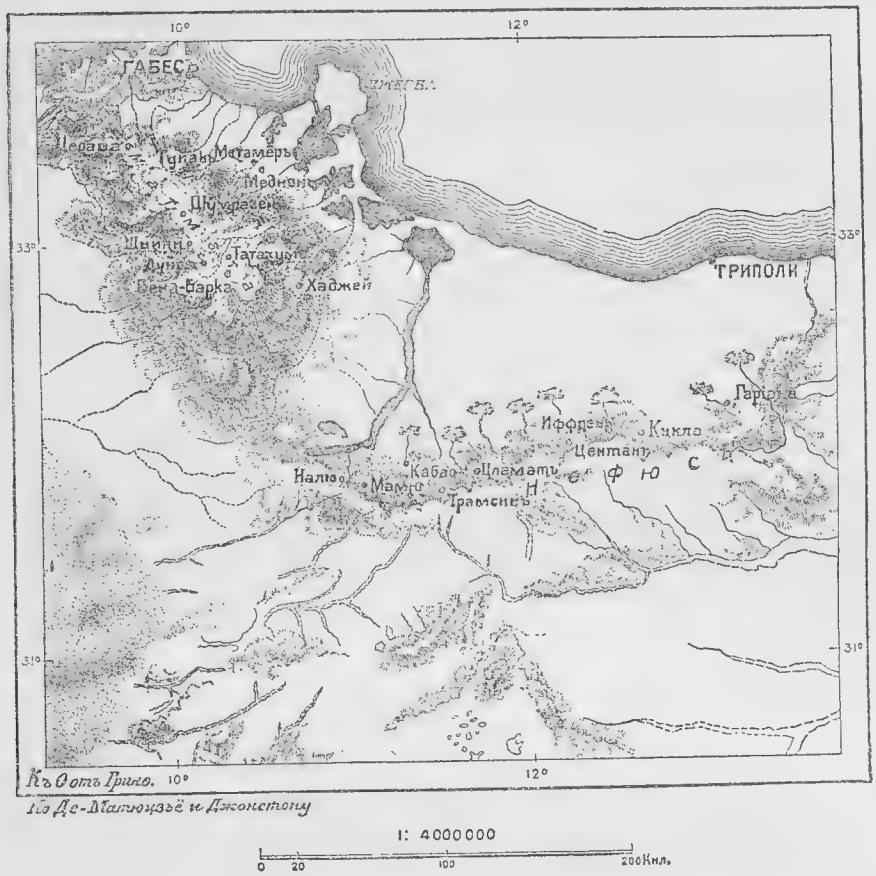
Жилища людей, группируясь въ деревушки, селенія или города, приспособляются, разумѣется, также ко внѣшней средѣ и стараются использовать выгоды, предоставляемыя окружающимъ: они располагаются сообразно со свойствами земной поверхности, съ присутствіемъ или отсутствіемъ защищающихъ ихъ холмовъ или горъ, сообразно съ близостью источниковъ, дающихъ воду, съ близостью лѣсовъ и каменоломенъ, дающихъ лѣсной строительный матеріалъ и камни, наконецъ,—съ близостью хорошо защищенныхъ бухтъ, въ которыхъ могутъ найти себѣ пріютъ суда. Кромѣ условій ближайшей среды, вліяютъ также и условія болѣе отдаленныя: различные народы и націи группируютъ свои жилища на поверхности земли различнымъ образомъ, въ зависимости отъ ихъ личныхъ вкусовъ. Они руководствуются въ данномъ случаѣ инстинктомъ, который указываетъ имъ, какъ будетъ удобнѣе расположиться, въ видахъ обмѣна взаимныхъ услугъ, необходимыхъ въ обыденной жизни.

Съ того времени, какъ человѣкъ оставляетъ первобытное, дикое состояніе, въ которомъ каждая группа людей живетъ исключительно для себя лично, у него пробуждается интересъ къ другимъ людямъ, пробуждается влеченіе къ нимъ и сознаніе необходимости взаимной помощи. Вслѣдствіе этого отдѣльныя группы людей стараются устроиться такъ, чтобы видѣться съ другими, люди посѣщаютъ другъ друга, преодолѣвая даже для этого всякія препятствія. Если исключить племя сэри и различныя племена дѣвственныхъ лѣсовъ по берегамъ Амазонки, гдѣ сами внѣшнія условія препятствуютъ соприкосновенію съ сосѣдними племенами и дѣлаютъ потому людей враждебными всякому сближенію, то должно сказать, что вообще всѣ этническія группы, населяющія землю, охотно между собою сближаются и заботятся о томъ, чтобы была возможность часто встрѣчаться.

1) Mahier de Mathuisieulx. «Notes manuscrites»; Henry M. Johnston. Geograph. Journal. Janv. 1898.

Бо̀льшая часть сосѣднихъ народовъ избираетъ обыкновенно для своихъ встрѣчъ мѣста, удободостижимыя по естественнымъ путямъ сообщенія—по рѣкамъ, горнымъ проходамъ или ущельямъ; на этихъ мѣ-

№ 26. Селенія съ постройками различныхъ типовъ въ Тунисѣ и Триполи.



Метамёръ, Медненъ, Ховайя (около Шумразенъ)—деревни, въ которыхъ имѣются „ксуры“ или зернохранилища въ нѣсколько этажей, увѣнчанныя сводомъ.

Дуйратъ, Бени-Барка и Гетоффа (близъ Бени-Барка) — деревни съ постройками, трудно отличимыми отъ скалистыхъ обрывовъ, среди которыхъ эти деревни расположены.

Шнини, Шумразенъ—деревни съ естественными или искусственными пещерами по склонамъ горъ.

Налю, Намю, Кабао—деревни, расположенныя на вершинахъ скалъ.

Церава, Матмата, Кабира, Хадей, Налю, Центанъ, окрестности Гаріаны—пещерныя жилища равнинъ и горныхъ плато.

Татахвинъ (Фумъ-Татахвинъ), Туйанъ—каменныя строенія на поверхности земли.

стахъ справляются празднества, происходятъ переговоры и ведется мѣновая торговля предметами, которыхъ нѣтъ у одного племени и которые въ изобиліи имѣются у другого. Краснокожіе въ прошломъ столѣтіи свободно

странствовали въ безконечныхъ лѣсахъ и преріяхъ бассейна Миссисипи и выбирали для своихъ встрѣчъ обыкновенно полуострова, образующіеся вслѣдствіе сліянія двухъ рѣкъ,—напримѣръ, треугольникъ, отдѣляющій рѣки Мононгахела и Аллегени; иногда такими же мѣстами встрѣчъ избирались холмы съ широкимъ, свободнымъ горизонтомъ,—холмы, съ которыхъ можно было издали видѣть собирающихся сотоварищей; таковы были, напримѣръ, два островка Маниту, между озерами Мичиганомъ и Гурономъ.

Еще въ серединѣ XIX вѣка краснокожіе каждую весну собирались отовсюду толпами къ «Великой лагерной стоянкѣ» на обширныхъ, покрытыхъ травою долинахъ, находящихся къ западу отъ горъ южнаго Віоминга, недалеко отъ водораздѣла между обоими океанами. Это была Нижегородская ярмарка Сѣверной Америки! Воевавшія племена заключали между собою перемиріе, всѣ занимались обмѣномъ товаровъ, устраивали борьбу и игры, въ которыхъ состязались въ силѣ и ловкости, проигрывали свое имущество въ азартныя игры и при всѣхъ этихъ занятіяхъ удивительно умѣли пользоваться общепонятнымъ языкомъ знаковъ. Зимніе холода препятствовали возникновенію въ этой мѣстности осѣдлаго пункта,—если бы климатическія условія были болѣе благопріятны, то, несомнѣнно, въ настоящее время на мѣстѣ, столь удобномъ по природнымъ условіямъ, находился бы уже богатый городъ.

Въ мѣстностяхъ, обильныхъ дичью, рыбою, скотомъ или земледѣльческими продуктами, населеніе группируется, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣмъ гуще, чѣмъ богаче мѣстность данными продуктами. Возникновеніе будущихъ городовъ намѣчается также въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчаются между собою сферы вліянія различныхъ центровъ производства; разстоянія между послѣдними измѣряются пропорціонально величинѣ спроса на данные продукты, и движеніе всей суммы мѣновыхъ сношеній происходитъ по линіи наименьшаго напряженія при максимальныхъ результатахъ [1]). Случается, однако, также, что для мѣновой торговли и для мирныхъ встрѣчъ избираются мѣста, извѣстныя тѣмъ, что они необитаемы, никому не принадлежатъ и ни къ чему не пригодны, — взаимныя встрѣчи народовъ происходятъ, напр., на опушкахъ лѣсовъ и на совершенно безплодныхъ гребняхъ горъ. Такова была, напр., знаменитая ярмарка въ Латьерѣ, между Сентонжъ, Перигоръ и Ангумуа; она происходила на пустынныхъ холмахъ, покрытыхъ кустарниками и молодыми елями; эта уединенная мѣстность сразу оживала и населялась людьми, по окончаніи же ярмарки снова становилась царствомъ однихъ дикихъ звѣрей. Точно также испанскіе баски изъ Ронкаль и французскіе баски изъ Барету—двѣ горныя народности, считающіяся наслѣд-

1) E. Cammaerts. «J.-G. Kohl et la géographie des communications».

ственными врагами, но, по существу, хорошіе друзья, встрѣчаются на ярмаркѣ, которая устраивается на гребнѣ Пиренейскаго хребта въ Пьерръ-Сенъ-Мартенъ, гдѣ царятъ вѣчные снѣга и дожди [1]).

Обыкновенно первобытныя мѣновыя сношенія сопровождаются также зачатками промышленности. Залежи кремней, пригодныхъ для изготовленія оружія и инструментовъ, слои глины для фабрикаціи глиняной посуды, глина, удобная для выдѣлки трубокъ для куренія, жилы металлическихъ рудъ или розсыпи драгоцѣнныхъ камней, скопленія красивыхъ раковинъ, служащихъ въ качествѣ украшеній или въ видѣ мѣновой мо-

Портъ Тампа, современное свайное поселеніе.

неты,—все это, въ свою очередь, можетъ служить причиной сбора въ данной мѣстности большого скопленія народа. Если притомъ такая мѣстность находится въ удобныхъ условіяхъ добыванія пищи, то имѣются въ наличности всѣ элементы для образованія постояннаго поселенія.

Человѣкъ въ своей жизни руководствуется, впрочемъ, не одними лишь непосредственно матеріальными интересами. Страхъ передъ неизвѣстнымъ, священный ужасъ передъ тайной приковываютъ иногда также населеніе къ мѣстамъ, сосѣднимъ съ тѣми, которыя вызываютъ

1) Arduin-Dumazet, vol. XLI, p. 157—158.

эти чувства: человѣкъ чувствуетъ какъ бы нѣкоторое притяженіе къ тому мѣсту, котораго онъ страшится. Если изъ щелей въ земной корѣ вырываются пары, какъ изъ подземной кузницы, въ которой боги выковываютъ свои громы и молніи, если отъ скалъ отражается какое-нибудь необыкновенное эхо, звучащее какъ голоса насмѣшливыхъ горныхъ духовъ, или если какое-либо другое необъяснимое явленіе поражаетъ человѣка, напримѣръ, хотя бы огромный камень, упавшій съ неба, или пламя, выходящее изъ-подъ земли, или таинственные туманы, принимающіе образъ людей и расплывающіеся затѣмъ въ воздухѣ,—то всѣ такія мѣста освящаются религіей, на нихъ возникаютъ святилища, вѣрующіе устремляются толпами, и въ томъ случаѣ, когда такое святое мѣсто въ другихъ отношеніяхъ расположено выгодно, оно можетъ превратиться въ Мекку или въ Іерусалимъ.

Наконецъ, существующая между людьми вражда и боязнь грабежа и насилій явились также причиною возникновенія группировки жилищъ въ населенныя мѣста, и даже вплоть до нашихъ дней устройство огромныхъ городовъ обусловливается въ значительной степени именно этими причинами. Одной изъ главныхъ заботъ нашихъ предковъ было принятіе мѣръ противъ вражескихъ набѣговъ; ни въ одной странѣ нельзя было найти города, который не былъ бы окруженъ палисадомъ и рвомъ: при постройкѣ городовъ пользовались всѣми преимуществами, предоставляемыми мѣстностью для того, чтобы сдѣлать изъ города мѣсто, не только удобное для жизни, но и вѣрное убѣжище для защиты отъ нападенія враговъ. Такъ, напримѣръ, островокъ, отдѣленный отъ континента глубокимъ проливомъ, являлся прекраснымъ мѣстомъ для возникновенія приморскаго города,—населеніе его было, съ одной стороны, защищено отъ нападеній враговъ, съ другой—могло поддерживать тѣсныя отношенія съ дружественными племенами. Мѣстности, расположенныя на верху скалъ съ отвѣсными обрывами, съ которыхъ въ случаѣ атаки враговъ защитники могли низвергать на нихъ сверху цѣлый дождь камней, являлись также естественными укрѣпленіями, чрезвычайно удобными для населенія, тѣмъ болѣе, что сверху можно на далекое разстояніе осмотрѣть всю окрестность и замѣтить во время приближеніе недруговъ.

Въ мѣстностяхъ, сильно пересѣченныхъ, съ рѣзкими чертами земной поверхности, горные хребты, глубокія ущелья, широкія рѣки и морское побережье отграничиваютъ обыкновенно небольшія группы первобытнаго населенія, и потому разстоянія, отдѣляющія различные центры цивилизаціи, являются очень неравными. Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ мѣстностяхъ однообразнаго характера въ смыслѣ почвы, рельефа поверхности и климата: тамъ поселенія, усѣивающія поверхность, находятся на болѣе или менѣе одинаковыхъ разстояніяхъ одно отъ другого,—въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ на разстояніи дня пути,

въ странахъ, болѣе густо населенныхъ,—на разстояніи половины дня или еще меньше; въ распредѣленіи осѣдлыхъ пунктовъ наблюдается настоящая законность и зависимость отъ передвиженія человѣка.

Разсматривая подробныя карты, не трудно замѣтить рѣзкій контрастъ, наблюдаемый между мѣстностями съ нормальнымъ распредѣленіемъ населенія и тѣми, въ которыхъ различныя измѣненія внѣшней среды вносятъ въ распредѣленіе видимый безпорядокъ. Долгое время разстояніе, проходимое пѣшеходомъ въ теченіе дня пути, было единственной мѣрой, служившей для опредѣленія разстоянія между населенными пунктами,—они возникали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ путникамъ приходилось останавливаться для ночевки. Приручение лошади для перевозки тяжестей и верховой ѣзды позволило, однако, человѣку удлинить размѣры своего дневного пути, и вслѣдствіе этого на великихъ историческихъ путяхъ появились мѣста ночевокъ, приспособленныя для всадниковъ; они чередовались съ мѣстами ночевокъ пѣшеходовъ и давали начало болѣе крупнымъ населеннымъ пунктамъ.

Ясно для каждаго, что другія вьючныя и верховыя животныя, примѣнявшіяся вмѣсто лошади,—напримѣръ, верблюдъ въ центральной Азіи и въ сѣверной Африкѣ, слонъ въ восточной Индіи и быкъ въ южной Африкѣ,—должны были обусловить, въ зависимости отъ быстроты своего хода, нѣкоторыя измѣненія въ нормальныхъ разстояніяхъ между пунктами остановокъ и, слѣдовательно, между населенными мѣстами. Эти разстоянія относительно коротки въ странахъ, гдѣ животныя служатъ исключительно для перевозки товаровъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ ходъ ихъ болѣе медленный, чѣмъ при примѣненіи ихъ человѣкомъ для перевозки лишь самого себя.

Въ другихъ случаяхъ разстоянія между деревушками, селеніями или городами предопредѣляются условіями рельефа, формою морского берега, климатомъ, флорою, фауною и другими условіями мѣстности; они располагаются вдоль естественныхъ путей сообщенія или вдоль дорогъ, постепенно проложенныхъ человѣкомъ. Такъ, у пастушескихъ племенъ ихъ постоянныя миграціи съ лѣтнихъ пастбищъ въ горахъ на пастбища зимнія, лежащія въ долинѣ, сами опредѣляютъ уже мѣста временнаго, а для нѣкоторой части населенія и постояннаго мѣстопребыванія. Разсматривая хорошую карту, на которой обозначено расположеніе различныхъ осѣдлыхъ пунктовъ, тотъ, кто умѣетъ читать, можетъ прочесть на ней всю исторію данной мѣстности и даже можетъ познакомиться съ историческими условіями развитія многихъ ея отдѣльныхъ пунктовъ; разсматривая такую карту, онъ можетъ уловить взаимную связь между причинами и слѣдствіями, можетъ понять взаимоотношенія между горными и равнинными мѣстностями, между материкомъ и островами, между заливами и мысами, оазисами и рѣчными долинами. Изученіе распредѣ-

ленія на земной поверхности населенныхъ мѣстъ чрезвычайно интересно и могло бы дать самые плодотворные выводы; для этого необходимо, однако, чтобы конфигурація поверхности нашей планеты была во всѣхъ частяхъ ея сходной, иначе разсмотрѣніе распредѣленія населенныхъ мѣстъ можетъ привести насъ къ совершенно фантастичнымъ заключеніямъ, которыя сильнѣйшимъ образомъ исказятъ истину.

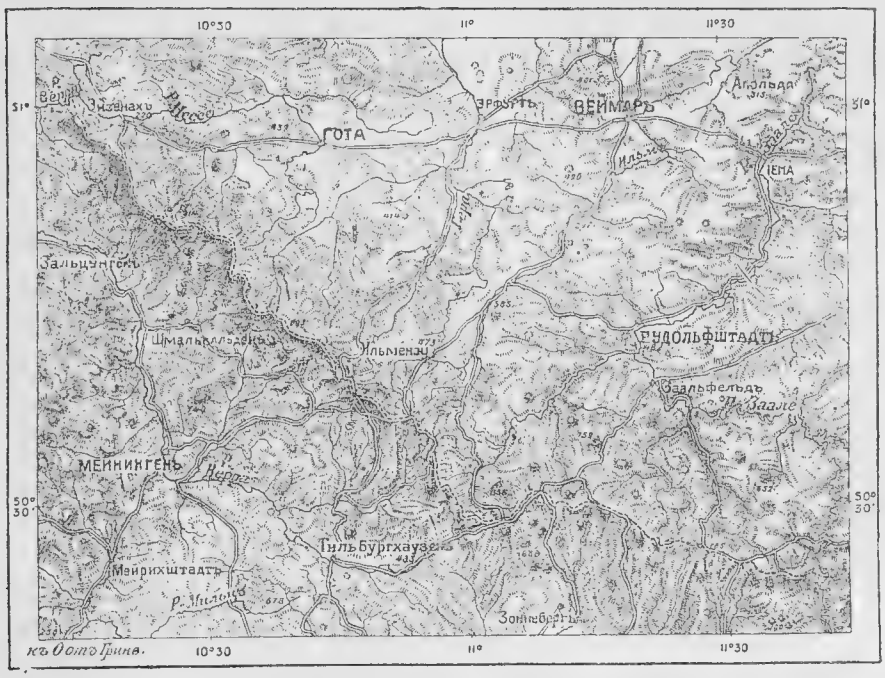
Сѣть путей сообщенія возникла съ того самаго времени, какъ двѣ или большее число группъ людей вступили между собою во взаимныя сношенія; первоначально, при своемъ возникновеніи, она, безъ сомнѣнія, была очень слабо развита, но, во всякомъ случаѣ, достаточна для того, чтобы измѣнить нѣсколько внѣшній видъ природы нашей земли и придать ей особую прелесть, особое обаяніе въ глазахъ того, кто живетъ въ ея средѣ и проникаетъ въ ея тайны. Тропинка, извилистая вслѣдствіе неровностей горныхъ склоновъ и встрѣчающихся препятствій, вьется крутыми изворотами по холмамъ въ долину, и пѣшеходъ съ восторгомъ слѣдуетъ по ней, увлеченный безсознательно ея послѣдовательными изгибами, которые такъ гармонично и согласно съ геометріей природы соотвѣтствуютъ каждому возвышенію почвы, каждой шероховатости на земной поверхности. Какъ бы путемъ молчаливаго соглашенія, ноги каждаго изъ путниковъ, слѣдуя закону наименьшей затраты энергіи, двигаются по одному и тому же пути и утаптываютъ тропинку все болѣе и болѣе; если условія сохраняются безъ какихъ-либо значительныхъ измѣненій, то и дорожка остается неизмѣнной въ теченіе вѣковъ,—одно поколѣніе людей смѣняетъ другое, страна переходитъ отъ однихъ народовъ къ другимъ, а дорога остается все той же! Мѣстами дожди образуютъ временныя лужи,—онѣ принуждаютъ пѣшеходовъ прокладывать боковыя дорожки, которыя вѣтвятся до безконечности. Въ другихъ мѣстностяхъ, среди холмовъ или скалъ, дорога углубляется въ видѣ рва между травянистыми склонами, увѣнчанными вверху деревьями. При переходѣ дороги черезъ ручеекъ набросанные камни позволяютъ путнику перебраться на другую сторону, не замочивши ногъ. Одна картина смѣняетъ другую, и это разнообразіе пути скрашиваетъ путешествіе и придаетъ ему особую поэзію и прелесть!

Во многихъ мѣстностяхъ человѣку для проложенія сѣти дорогъ достаточно лишь слѣдовать по слѣдамъ звѣрей или пользоваться ихъ указаніями. Въ тропическихъ лѣсахъ туземцы часто пользуются тропинками, протоптанными слонами, тапирами или какими-нибудь другими крупными животными; на островѣ Явѣ вулканъ Гедэ, расположенный надъ Бьютензоргомъ, былъ бы совершенно недоступенъ изъ-за растительности, если бы носороги не протоптали по его склонамъ тропинокъ, доходящихъ

до самаго края кратера. Точно также и въ пустынѣ не исключительно ли путемъ наблюденій надъ тропинками животныхъ находитъ человѣкъ источники воды и броды черезъ рѣки?

Обитатели острововъ, расположенныхъ посреди океана, должны были направлять свои лодки по полету птицъ, чтобы достичь сосѣднихъ земель. Многіе горные хребты оставались бы до сихъ поръ непреодолимой преградой для человѣка, если бы вереницы перелетныхъ птицъ

№ 27. Дорога Реннштейгъ.



Реннштигъ или Реннштейгъ

1 : 1000 000

0 5 25 50 Килом.

не указали мѣстонахожденія удобныхъ переваловъ. Слѣдуя морскими путями, мореплаватели руководствовались также полетомъ птицъ, равно какъ и правильно дующими вѣтрами въ областяхъ пассатовъ, муссоновъ и чередующихся бризовъ. Море, до того времени, когда наступилъ періодъ пара и корабли сдѣлались независимыми отъ вѣтра, подобно сушѣ, обладало своими историческими путями, намѣченными природой на подвижной поверхности водной стихіи [1]).

1) Georg Schweinfurth, «De l'Origine des Egyptiens».

Самыми древними памятниками дѣятельности человѣка являются проложенныя имъ пѣшеходныя тропинки; по сравненію съ ними созданія рукъ человѣческихъ изъ кирпича и камня, находимыя въ Месопотаміи и по берегамъ Нила,—не болѣе, какъ произведенія вчерашняго дня! Эти пути, вытоптанные ногами всего населенія, состоятъ изъ тысячъ мало между собою различающихся варіантовъ, которые въ концѣ концовъ тѣсно сплелись между собою; они пробѣгаютъ съ одного населеннаго пункта къ другому, слѣдуя указаніямъ рельефа земной поверхности. Самый опытный инженеръ не могъ бы проложить ихъ лучше, и если бы ему пришлось намѣчать дорогу, то проведенная имъ, безъ сомнѣнія, не отличалась бы такимъ живописнымъ приспособленіемъ къ природѣ и не обходила бы естественныхъ препятствій такими изящными, полными прелести изгибами.

Должно сказать, что осушеніе почвы равнинъ обусловило во множествѣ случаевъ перемѣщеніе такихъ пѣшеходныхъ тропинокъ: въ прежнія времена путники, для избѣжанія болотъ, густыхъ кустарныхъ зарослей и вражескихъ засадъ, предпочитали иногда идти по верхушкамъ холмовъ, такъ чтобы все время видѣть мѣстность по обѣ стороны пути. Дорога въ Тюрингіи, носящая названіе Ренштейгъ, является однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ примѣровъ такихъ историческихъ путей, оставленныхъ человѣкомъ съ того времени, какъ могли быть проведены дороги въ долинахъ, гдѣ мало-по-малу человѣкъ культивировалъ природу. Въ настоящее время эти слѣды старинныхъ путей признаются лишь изъ уваженія къ ихъ древности,—современная цивилизація измѣнила потребности человѣка, и ему не приходится болѣе считаться съ прежними препятствіями и прокладывать свои пути по вершинамъ холмовъ!

Многія племена, считаемыя дикими, проявляютъ удивительныя техническія познанія и смѣлость при постройкѣ мостовъ и переходовъ чрезъ потоки, чрезъ пропасти и даже чрезъ цѣлыя долины.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ восточномъ Тибетѣ и въ Америкѣ, въ странѣ инковъ, употребляются для перехода чрезъ пропасти перекинутые съ одного обрыва на другой висячіе мосты, которые получили тамъ названіе «oroyas» или «tarabitas»; эти сооруженія должно считать, несомнѣнно, унаслѣдованными отъ народностей, которыя обладали болѣе высокой культурой, чѣмъ современное населеніе страны. Нѣкоторыя американскія племена, перешедшія обратно въ дикое состояніе,—между ними племя аруаковъ въ Сьерра-Невада-де-Санта-Марта,—сохранили первобытныя формы сооруженій: у нихъ мосты устраиваются изъ совершенно цѣльныхъ деревьевъ, которыя наклоняются съ одного и съ другого берега по направленію другъ къ другу, связываются верхуш-

ками, вѣтви ихъ переплетаются, и весь образовавшійся мостъ укрѣпляется еще въ дополненіе цѣлой сѣтью ліанъ.

Современный цивилизованный человѣкъ предъявляетъ къ своимъ путямъ сообщенія—къ грунтовымъ дорогамъ, каналамъ и желѣзнодорожнымъ путямъ—очень большія требованія и потому легко склоненъ думать, что его предки, первобытные люди, были почти лишены способовъ передвиженія. Это, однако, совершенно ошибочно! Не располагая экипажами, наши предки, охотники и пастухи-номады, пользовались съ тѣмъ бо́льшимъ успѣхомъ своими собственными ногами, и такіе подвиги въ области пѣшаго хожденія, которые теперь считались бы чѣмъ-то совершенно исключительнымъ и небывалымъ, совершались прежде сплошь и рядомъ, какъ это можно видѣть, напримѣръ, въ сѣверной Мексикѣ у племенъ сэри, яки и тарахумара.

Въ прежнія времена переселялись иногда цѣлыя племена, со всѣми своими больными и ранеными; ихъ женщины, случалось, разрѣшались въ дорогѣ отъ бремени и бывали принуждены искать гдѣ-нибудь убѣжища на нѣсколько дней. Какъ часто приходилось ранѣе путешественникамъ, при слѣдованіи по проторенной дорогѣ, замѣчать съ удивленіемъ, что индѣйцы сопровождаютъ ихъ цѣлый день, ни на шагъ не отставая пробираясь по сторонамъ чрезъ густую чащу, преодолѣвая всевозможныя препятствія и скользя подобно змѣямъ между зарослями ліанъ! Благодаря такой легкости передвиженія,—легкости, которая тѣмъ значительнѣе, чѣмъ слабѣе накопленныя богатства привязываютъ данное племя къ его мѣстообитанію,—туземцы нерѣдко переселяются большими массами на разстоянія сотенъ и даже тысячъ километровъ, въ страны, отличающіяся какъ по своимъ естественнымъ произведеніямъ, такъ и по климату. Изслѣдованія американскихъ этнологовъ привели къ очень замѣчательному результату,—они показали, что племена одного и того же происхожденія, говорящія однимъ и тѣмъ же языкомъ, оказываются иногда разсѣянными на огромнѣйшей территоріи, напр., на территоріи, которая простирается отъ острова Ванкувера до Флориды и отъ Канадскаго Средиземнаго моря до Сіерра-Мадре. Можно было бы подумать, что распредѣленіе этническихъ группъ обусловливается исключительно случаемъ,—настолько оказываются разбросанными по лицу земли нѣкоторыя племена; причинами ихъ странствій, вызывающихъ такую разбросанность, является либо стремленіе къ завоеваніямъ, либо бѣгство отъ враговъ, либо просто ничѣмъ необъяснимый капризъ. Весь западъ Стараго Свѣта, послѣ нарушенія равновѣсія, созданнаго Римской имперіей, былъ ареною такого движенія народовъ. Не пришлось ли намъ видѣть въ тѣ времена въ Галліи, на Иберійскомъ полуостровѣ и даже на границахъ африканскихъ пустынь—народности, пришедшія съ Кавказа и съ Тянь-Шаня?

Итакъ, цѣлая сѣть дорогъ покрывала земной шаръ; мѣстами тро-

пики вились и поднимались высоко въ горы, мѣстами онѣ пролегали по голымъ камнямъ скалъ, тянулись глубоко между холмами или извивались лентою среди травянистаго моря степей; наши предки, привычные пѣшеходы, не знали, однако, въ точности относительнаго расположенія мѣстностей и потому не знали также и въ какомъ направленіи слѣдуетъ идти, чтобы добраться до тѣхъ сказочныхъ странъ, о которыхъ имъ приходилось слышать въ легендахъ и сагахъ [1]).

Впрочемъ, во многихъ странахъ первобытныя народности достигли, безъ сомнѣнія, нѣкоторыхъ географическихъ познаній, въ достаточной степени точныхъ. Нашимъ путешественникамъ приходилось не разъ встрѣчать дикарей, которые, для того чтобы объяснить дорогу, чертили на пескѣ или на бумагѣ карту,—иногда чертили даже съ большимъ искусствомъ и указывали на ней не только направленіе дорогъ, но и относительныя разстоянія. Лучшія карты мало извѣстныхъ странъ, карты, заключающія въ себѣ самыя подробныя свѣдѣнія, составляются, именно, туземцами, которые являются совершенно безсознательными географами. По описанію де-Бретта, племя аруаковъ, о которомъ мы упоминали выше, особенно славится своими картографическими способностями: священники этого племени преподаютъ дѣтямъ религію, генеалогію семействъ ихъ племени и географію [2]). Лѣтъ 50 тому назадъ почти вся картографія Сахары, между рѣкою Нигеромъ и хребтами Атласа, была создана неграми, арабами и туарегами, рисовавшими карты на камнѣ или на пескѣ [3]). Въ недавнія времена и, быть можетъ, еще и въ наши дни лоцмана Каролинскихъ и Маршальскихъ острововъ располагали такъ называемыми «medos»; это были настоящія карты, составленныя изъ раковинъ или изъ камешковъ, изображающихъ острова, и изъ палочекъ, расположенныхъ въ различныхъ направленіяхъ для указанія положенія экватора, меридіановъ, числа дней плаванія, распредѣленія теченій и направленія путей [4]). Торресовъ проливъ, усѣянный рифами, является чрезвычайно опаснымъ для плаванія, и единственная карта, служащая руководствомъ мореплавателю, особенно въ той опасной части пролива, которая располагается между островами Мабуягъ и Буронъ,—составлена туземнымъ мореплавателемъ [5]).

Путемъ торговли постоянно поддерживались сношенія между отдѣльными племенами, какъ кочевыми, такъ и осѣдлыми. Обмѣнъ пищевыхъ веществъ и другихъ товаровъ, обмѣнъ вѣрованій и идей про-

1) Edmond Demolins, «Les Grandes Routes des Peuples». — 2) De Bretties, Bull. Soc. d'Anthr., № 3, 1903, p. 335. — 3) Henri Duveyrier, «Les Touareg du Nord». — 4) Hernheim. «Beitrag zur Sprache der Marschall Inseln»;—Kubary. Mitthel. der geograph. Gesel. in Hamburg. 1880. — 5) Haddon. «Report of the Anthr. Expedition to Torres Straits», vol. V. 1902, p. 60.

исходилъ постоянно между различными этническими группами; такой же обмѣнъ совершался и благодаря людямъ, взятымъ въ плѣнъ во время войны,—изъ нихъ большая часть входила затѣмъ въ составъ народа-побѣдителя въ качествѣ пріемныхъ членовъ; обмѣнъ происходилъ и благодаря

№ 28. Эскимосская карта.

Эта карта (слѣва) была начерчена эскимосомъ Каллихуэра въ 1850 г. на кораблѣ „Ассистенсъ“ подъ начальствомъ капитана Оммэней. Эскимосъ, несмотря на то, что впервые держалъ карандашъ въ рукахъ, начертилъ не только береговую линію отъ М. Іорка до Пикьерлю, но и намѣтилъ скалы, глетчеры и горы и указалъ названія всѣхъ замѣчательныхъ пунктовъ, которые были ему извѣстны. Справа помѣщена для сравненія точная карта той же мѣстности.

тѣмъ бродячимъ группамъ людей, которыхъ ихъ полезный трудъ защищалъ во время всѣхъ ихъ странствій. Даже во времена самыхъ жестокихъ и истребительныхъ войнъ эти странники обоего пола обладали какъ бы нѣкоторой святостью и пользовались неприкосновенностью,—всякій обычай мало-по-малу переходитъ въ законъ, освящаемый религіей. Во всѣ

времена были извѣстны странствующіе ремесленники, переходившіе съ мѣста на мѣсто, и кочевники эти имѣли гораздо большее вліяніе на распространеніе цивилизаціи по земному шару, чѣмъ это обыкновенно думаютъ: постепенно изъ одной мѣстности въ другую передавались и предметы, и мысли, и такимъ способомъ они распространялись съ одного конца свѣта на другой [1]).

Въ наше время трудно даже и представить себѣ, какое значеніе въ исторіи человѣчества имѣли странствующіе торговцы, такъ какъ бродячіе продавцы и бродячіе ремесленники теперь чрезвычайно уменьшились въ числѣ; они совершенно потеряли свое прежнее значеніе распространителей новостей съ того времени, какъ ихъ замѣнили курьеры, почта, телеграфъ и телефонъ. Теперь

Цыганскій таборъ у въѣзда въ деревню, на югѣ Франціи.

они не болѣе какъ пережитокъ старины, отчасти даже презираемый и гонимый, тогда какъ ранѣе пользовались почетомъ. Во времена давно прошедшія они оказывали громадное вліяніе на развитіе человѣчества,— именно благодаря имъ люди узнавали о своемъ родствѣ и общности. Было время, когда эти вѣчные странники, переходившіе по лицу земли отъ одного народа къ другому, представляли собою какъ бы кровеносную и нервную систему всего колоссальнаго общественнаго организма. Одинъ изъ миссіонеровъ [2]) совершенно справедливо замѣчаетъ, говоря о госте-

1) A. F. Bandelier. «The Gilded Man», 1893, p. 7. – 2) James Gilmour. «More about the Mongols», p. 12.

пріимствѣ монголовъ, что какъ не принять имъ съ радостью чужестранца, который является для нихъ одновременно и газетой, сообщающей всѣ новости внѣшняго міра, и посланцемъ, передающимъ привѣты и различныя порученія? Исполненіе всѣхъ этихъ небольшихъ услугъ, быть можетъ, запоздаетъ на мѣсяцы и годы, но, въ концѣ концовъ, порученія все же будутъ исполнены. То же самое было и въ Мексикѣ, до того времени, когда страна была покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ: туземцы, не задумываясь, предпринимали путешествіе пѣшкомъ съ береговъ Калифорнскаго залива на перешеекъ Техуантепекъ, — путешествіе, продолжающееся нѣсколько мѣсяцевъ,—для того чтобы исполнить какое-нибудь самое пустое дѣло или удовлетворить свою прихоть,—время у нихъ ничего не стоило!

Итальянскіе цыгане въ Испаніи.

Примѣръ цыганъ, извѣстныхъ по всей Европѣ подъ различными наименованіями, показываетъ намъ, какую необыкновенную эволюцію претерпѣли странствующія племена съ того времени, когда другіе народы перестали нуждаться въ бродячихъ посредникахъ торговли,—эти номады умѣли ухаживать не только за скотомъ, но и за людьми; мы упоминали уже о такомъ же племени аполобамба въ Боливіи, которое странствуетъ по всей южной части американскаго континента и находитъ вездѣ себѣ превосходный пріемъ. Проведеніе дорогъ—смерть для этихъ странствующихъ людей, которыхъ прежде всюду ожидали съ нетерпѣніемъ въ опредѣленное время. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о времени, когда цыгане проникли въ Европу, мы можемъ еще и теперь изучать непосредственно нравы и обычаи таборовъ этихъ бродягъ по ихъ близкимъ сородичамъ въ Индіи, каковыми являются племена банджари и повинда. Въ былыя времена они оказывали выдающіяся услуги осѣдлому населенію и считались всеобщими друзьями; къ нимъ выходили

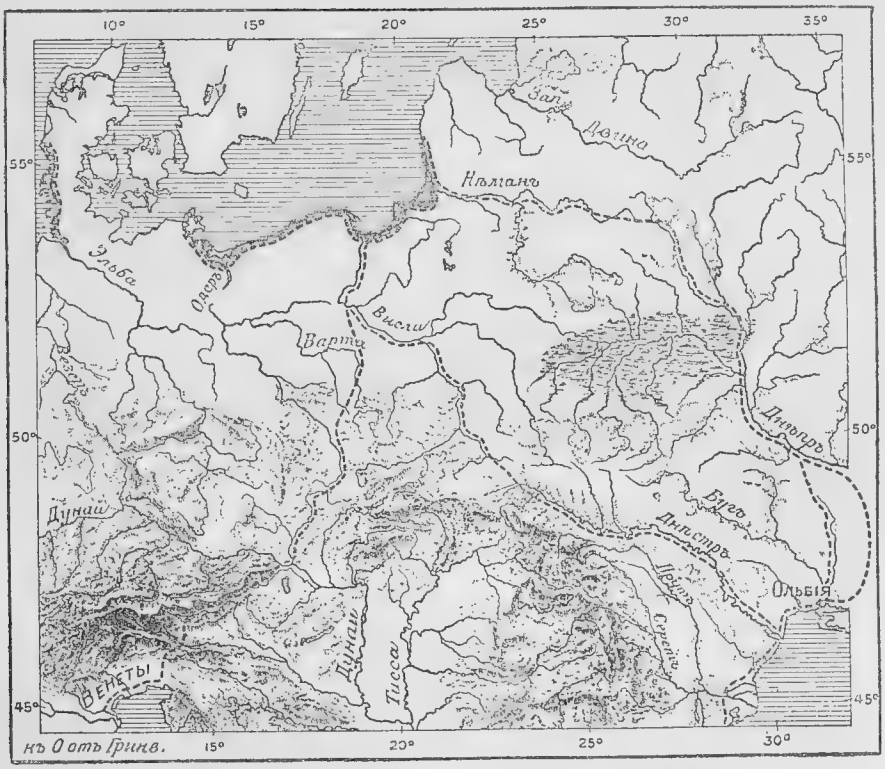
на встрѣчу, съ ними обмѣнивались привѣтствіями и благословеніями, ихъ разспрашивали о томъ, что они видѣли, и затѣмъ, пока родители вели съ пришельцами свои различныя коммерческія дѣла, дѣти забавлялись стекляшками, которыя тѣ имъ давали, а дѣвушки гадали у старухъ и узнавали свою будущую судьбу. Въ цивилизованныхъ странахъ Европы цыгане, напротивъ, по своему кочевому образу жизни, дифференцировались совершенно отъ осѣдлаго населенія тѣхъ странъ, по которымъ имъ приходится бродить, и въ концѣ концовъ ихъ даже перестали считать за людей: имъ, какъ зачумленнымъ, позволяютъ останавливаться лишь за предѣлами деревень, къ нимъ примѣняютъ особыя полицейскія мѣры, имъ запрещаютъ законную торговлю и, такимъ образомъ, какъ бы насильно наталкиваютъ ихъ на воровство и грабежъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже, чтобы освободить отъ нихъ страну, ихъ массами отправляютъ въ ссылку. Можно считать, положительно, стыдомъ нашего современнаго общества, что оно, являясь безсильнымъ дѣлать добро, примѣняетъ подобныя мѣры!

Въ наше время пути, по которымъ въ давно минувшіе вѣка передвигались странствующіе торговцы, намѣчены не только рельефомъ земной поверхности, къ коему приходилось примѣняться путникамъ, но также и товарами, открытыми въ мѣстахъ остановокъ торговцевъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходила торговля. Подобно тому какъ въ Сѣверной Америкѣ «охотники за мѣхами» и другіе путешественники устраиваютъ въ различныхъ пунктахъ склады, въ которыхъ хранится оружіе и провіантъ, такъ точно и доисторическіе торговцы, путешествовавшіе съ караванами по Европѣ и Азіи, оставляли тамъ и сямъ вдоль своего пути зарытые подъ землею клады,—ихъ-то и случается находить въ настоящее время. Благодаря этимъ находкамъ можно нанести на карту Европы тѣ пути, по которымъ шло торговое движеніе въ доисторическія времена съ одного конца материка на другой: таковы были пути отъ Кавказа къ Балтійскому морю, отъ Palus Maeotica (Азовское море) къ долинѣ Дуная, таковъ же былъ путь отъ Адріатическаго моря къ странѣ янтаря чрезъ проходъ между Альпами и Карпатами, путь чрезъ Галлію по долинамъ Соны и Сены, путь на Иберійскій полуостровъ чрезъ проходъ вдоль Бискайскаго залива. Вообще говоря, преимущества, которыя обусловливали предпочтеніе, оказываемое извѣстнымъ путямъ при медленномъ мѣновомъ обмѣнѣ товаровъ въ доисторическія времена,—эти же преимущества должны были сдѣлать данные пути главнѣйшими также и позднѣе, во времена историческія; вдоль такихъ путей и возникли большіе города, по нимъ совершались передвиженія народовъ, и около нихъ разыгрывались особо выдающіяся событія жизни послѣднихъ.

Подобно тому какъ были свободные путешественники, которые спокойно могли проходить чрезъ страны народовъ, находившихся во

враждѣ и въ борьбѣ, такъ точно имѣлись и мѣстности, свободныя съ самаго начала по всеобщему соглашенію отъ какихъ-либо враждебныхъ проявленій. Внутренняя причина установленія такихъ мѣстностей заключалась въ полной невозможности поступать иначе, такъ какъ народностямъ приходилось, во что бы то ни стало, сходиться отъ времени до времени мирно въ какой-нибудь мѣстности, предназначенной для

№ 29. Пути торговли янтаремъ.



Мѣста добыванія янтаря ------- Пути торговцевъ

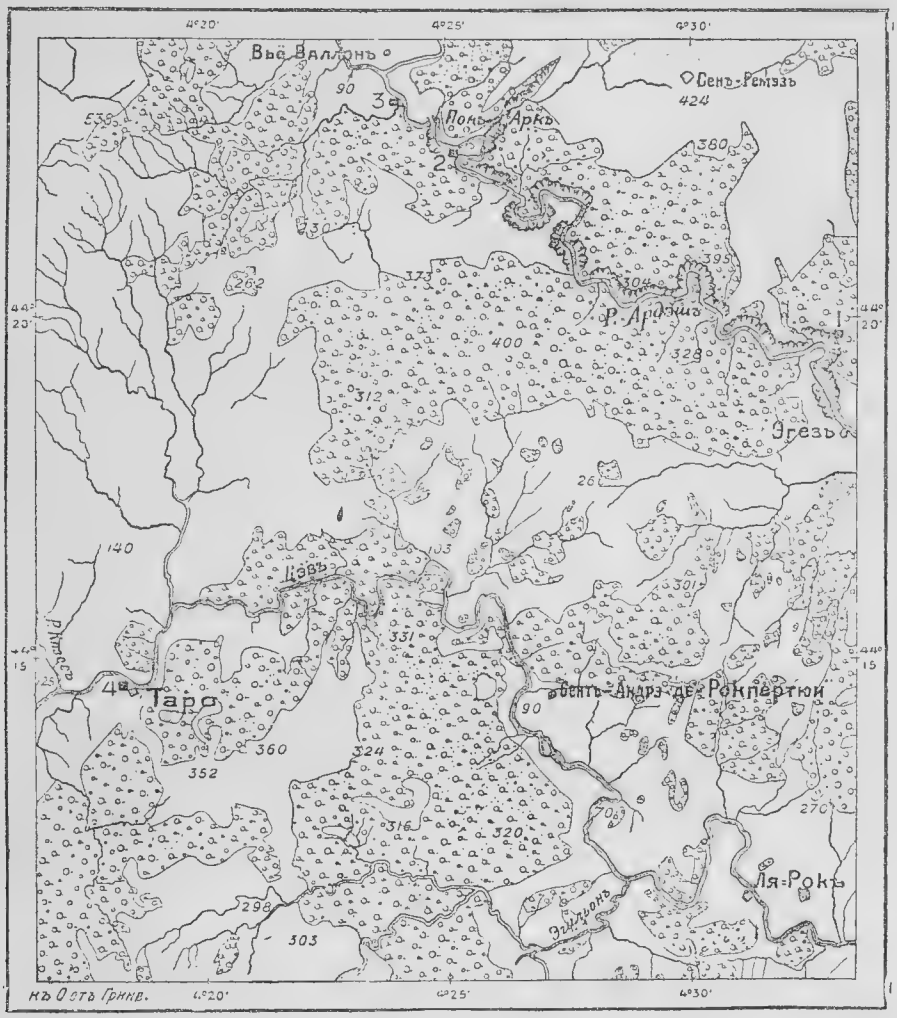
1: 15 000 000

0 150 500 1000 Кил.

торговли,—иначе они не могли получать предметовъ, совершенно необходимыхъ для существованія. Условія, придававшія такое значеніе той или другой мѣстности, были очень различными, въ зависимости отъ страны и отъ времени. Нѣкоторыя удобно расположенныя мѣстности были выбраны путемъ общаго формальнаго соглашенія, но чаще это происходило внезапно: молчаливое соглашеніе скорѣе всего отвѣчаетъ замкну-

тому въ себѣ и подозрительному характеру первобытныхъ народовъ. Во

№ 30. Долины рѣкъ Ардэша и Цэзы.



1: 200 000

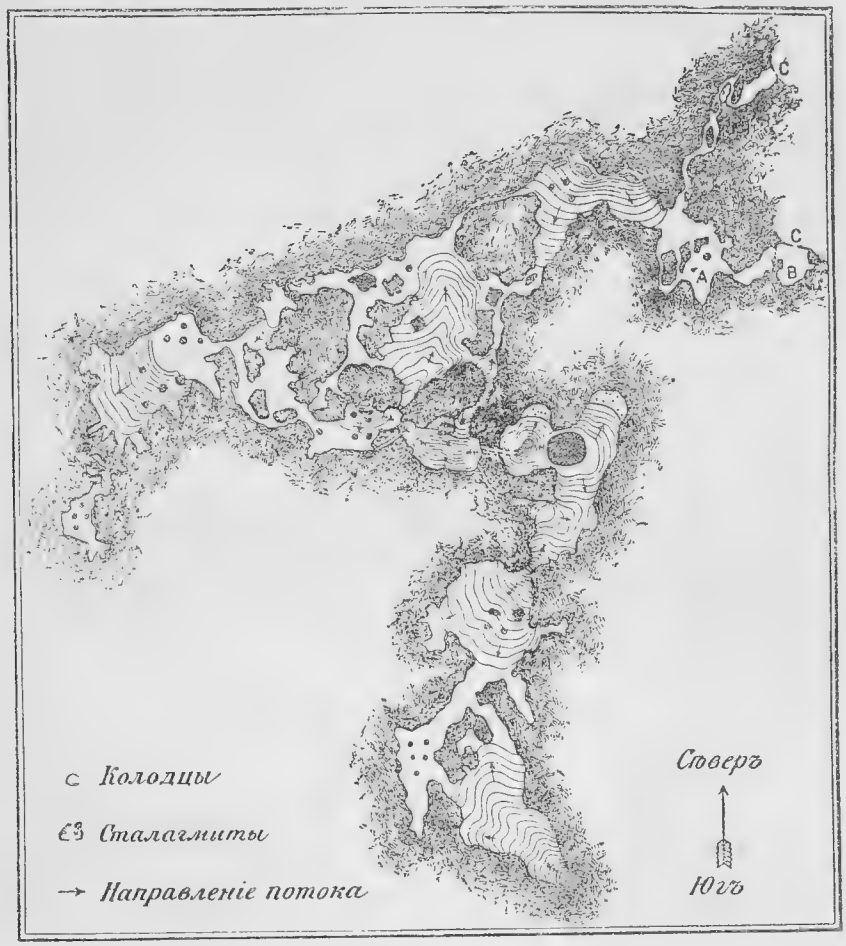
1 2 3 4 5 10 Килом.

Миновавъ хребетъ Букэ, р. Ардэшъ, отъ Валлонъ до Эгэзъ, и р. Цэза, отъ притока Клэссъ до пороговъ Сотадэ, окаймлены обрывами, гдѣ находятся пещеры; большая часть ихъ не изслѣдована. Извѣстны слѣдующія пещеры, отмѣченныя цыфрами: 1) Пещера Сенъ-Марсель, болѣе 2 километровъ въ длину, съ остатками глиняной посуды и костями. 2) Пещера Эббъ на перешейкѣ Па-де-Муссъ. 3) Пещера Гуль-де-Фуссуби. 4) Пещера Таро. Много пещеръ также на плато Сенъ-Ремэзъ. (По Мартелю и Мазорику).

всѣхъ странахъ и во всѣ времена изъ подобныхъ свободныхъ мѣстъ

мѣновой торговли развивались мѣста встрѣчи, гдѣ охотно сходились различныя племена, даже враждебныя между собой. Въ городѣ Су, въ

№ 31. Пещера Таро.



1:1800
0 10 25 50 75 100 Метр.

A. Камера доисторическаго періода съ костями и остатками глиняной посуды.
B. Камера, примѣнявшаяся въ средніе вѣка въ качествѣ помѣщенія для прокаженныхъ; желѣзная рѣшетка отдѣляетъ ее отъ остальной части пещеры.
C. Входъ въ пещеру.
Пещера была неполно изслѣдована около 60 лѣтъ тому назадъ М. Ж. де-Малло; точный и полный планъ ея былъ снятъ въ 1893 г. М. Ф. Мазорикомъ.

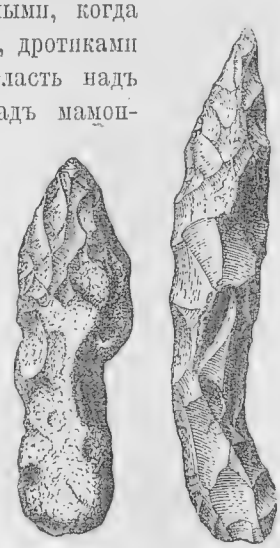
Марокко, сохранилось до сихъ поръ признаваемое всѣми правило, по которому запрещается въ базарный день всякая месть.

Жилища человѣка, проведенныя имъ тропинки и населенныя мѣста, служащія для жизни и торговли, говорятъ намъ исключительно о мирной дѣятельности человѣка; между различными группами человѣческаго общества, связанными между собой разнообразными интересами, свирѣпствовали, однако, и войны, и нарождающаяся промышленность должна была снабжать человѣчество какъ въ цѣляхъ прогресса, такъ и въ цѣляхъ удовлетворенія его дикихъ страстей,—она должна была дѣлать народности сильными въ одинаковой мѣрѣ какъ для взаимной помощи, такъ и для взаимной борьбы. Предметы, свидѣтельствующіе о постепенныхъ завоеваніяхъ человѣческой техники въ этой области, сохранились главнымъ образомъ въ пещерахъ подъ прикрытіемъ скалъ и известковыхъ отложеній, накопившихся со временъ первобытныхъ пещерныхъ жителей. Въ этомъ отношеніи особенно должны быть отмѣчены пещеры на югѣ Франціи, въ долинахъ рѣкъ Везэры, Дордоньи, Цэзы и Ардеша.

Пока люди, подобно своимъ сородичамъ обезьянамъ, располагали лишь естественнымъ оружіемъ—мышцами, ногтями и зубами, къ которымъ они добавляли при случаѣ оторванную отъ дерева вѣтку или отломанный отъ скалы камень,—они должны были вести жизнь главнымъ образомъ на деревьяхъ или, по крайней мѣрѣ, оставаться обитателями лѣса, дававшаго имъ защиту противъ дикихъ звѣрей; пища ихъ должна была состоять изъ тѣхъ растительныхъ веществъ, которыя имъ удавалось находить,—изъ листьевъ и ягодъ, изъ корней и клубней. Но затѣмъ, по прошествіи длиннаго ряда лѣтъ и вѣковъ, изъ коихъ каждый приносилъ съ собою запасъ новыхъ свѣдѣній, основанныхъ на опытѣ, долженъ былъ появиться какой-нибудь первобытный Архимедъ, который научился различать заостренный по краямъ, рѣжущій кремень отъ тупого, безформеннаго камня. Съ этого времени силы человѣка сравнялись съ силами дикихъ звѣрей, и онъ могъ спуститься со своихъ высокихъ древесныхъ жилищъ и вступить въ бой съ хищниками на ихъ собственной почвѣ, вооруженный равнымъ оружіемъ; ихъ когтямъ и зубамъ онъ могъ противопоставить каменный топоръ! Ему не было болѣе надобности спасаться отъ нихъ бѣгствомъ, онъ могъ съ ними бороться, и потому всѣ его привычки, его нравы и вся его жизнь должны были сильно измѣниться.

Сдѣлавшись соперникомъ хищныхъ животныхъ и научившись проливать кровь, человѣкъ научился также и пить ее, тѣмъ болѣе, что видѣлъ, какъ это дѣлаетъ страшный махайродусъ и другія животныя того времени. Съ той поры онъ сталъ рвать мясо, для того чтобъ имъ питаться, сталъ приготовлять шкуры звѣрей, чтобы дѣлать изъ нихъ ковры и одежды, сталъ замѣнять веревки изъ травы или изъ ліанъ болѣе прочными—изъ кишекъ или изъ сухожилій животныхъ. Оставался ли онъ

растительноядным по своимъ вкусамъ, по своимъ привычкамъ и благодаря обилію растительной пищи, или становился плотоядным или, по крайней мѣрѣ, всеядным,—во всякомъ случаѣ, онъ могъ теперь пользоваться продуктами земли для своей выгоды, онъ могъ дѣлаться Тезеемъ или Геркулесомъ, истребителемъ чудовищъ, которыхъ научился побѣждать,—наступила новая эра въ жизни человѣчества! Когда же человѣкъ присоединилъ затѣмъ къ острому камню, превращенному въ палицу или въ топоръ, другія орудія, придалъ имъ особую форму и сдѣлалъ ихъ заостренными, гладкими или зазубренными, когда онъ сталъ располагать пращей, лукомъ и стрѣлами, дротиками и копьями,—онъ получилъ окончательно силу и власть надъ другими существами: онъ одержалъ побѣду и надъ мамонтомъ, и надъ мастодонтомъ, и надъ пещернымъ львомъ и медвѣдемъ, и надъ крокодиломъ и змѣями, онъ сдѣлался царемъ природы, — недоступны ему были лишь мѣстности, гдѣ ему приходилось бороться съ тучами комаровъ и мошекъ или съ другими безконечно малыми существами. Точно также въ нѣкоторыхъ странахъ жизнь человѣка дѣлали немыслимой летучія мыши, вампиры: колонисты Коста-Рики, напримѣръ, чтобы избѣжать собственной гибели и гибели домашнихъ животныхъ, должны были покинуть западное побережье этой страны, на югъ отъ горы Херрадура.



Развитіе кинжала.

Эпоха Стрепи. Шелеенская эпоха.

(Изъ коллекціи Рюто).

Каменный топоръ шелеенской эпохи.

Озинишъ.

(Изъ коллекціи Рюто).

Первобытныя каменныя орудія, примѣнявшіяся человѣкомъ при первомъ началѣ промышленности, появились очень просто. Научившись пользоваться внѣшними предметами, какъ орудіями защиты или инструментами, человѣкъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ тщательно сохранять тѣ палки и тѣ камни, которые оказывались особенно пригодными для той или другой цѣли; при этомъ онъ подмѣчалъ тѣ преимущества, которыя придаетъ неотдѣланнымъ, найденнымъ среди природы предметамъ та или другая ихъ форма, — онъ замѣчалъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сила и ловкость удара увеличиваются. Человѣкъ научился также сравнивать гибкость и крѣпость различныхъ вѣтвей или корней деревьевъ и значеніе этихъ свойствъ при примѣненіи ихъ въ качествѣ дротика, палицы или

метательнаго орудія; имъ былъ открытъ, напримѣръ, бумерангъ, которымъ пользуются до настоящаго времени дикія племена Австраліи и которымъ, вслѣдствіе частичнаго регресса, не въ состояніи болѣе управлять культурные люди нашего времени. Точно также первобытный человѣкъ могъ наблюдать разницу между полетомъ различныхъ камней, которые онъ бросалъ прямо отъ руки съ большою точностью. Во многихъ странахъ и до сихъ поръ дикія племена пользуются камнями и копьями, которыя мечутъ издали съ поразительной мѣткостью. По іудейской легендѣ, великанъ Голіафъ палъ, сраженный камнемъ, разсѣкшимъ ему лобъ; на востокѣ пастухи въ Сузіанѣ никогда не отправляются на пастбище безъ того, чтобы не прицѣпить себѣ сбоку пращу,—всѣ

Каменные топоры изъ кремня палеолитической эпохи.
Сентъ-Ашёль, около Амьена. Въ $^1/_3$ натуральной величины.

они могутъ соперничать съ Давидомъ въ вѣрности глаза и мѣткости, съ которой примѣняютъ это орудіе [1]).

Когда камень разбивался о сосѣднюю скалу, человѣкъ, бросившій его, могъ воспользоваться осколками и подбиралъ ихъ для своихъ надобностей,—для того, чтобы рубить, или рѣзать, или скоблить ими. Протекли вѣка, даже тысячелѣтія, какъ мы знаемъ, въ теченіе которыхъ люди мало-по-малу учились пользоваться обломками кремня, обсидіана и другихъ каменныхъ породъ, обладающихъ блескомъ и твердостью, для изготовленія всѣхъ своихъ инструментовъ. Вслѣдствіе постоянныхъ потребностей, вызываемыхъ дѣятельностью и жизнью человѣка, эти камни

1) Frédéric Houssay. «Annales de Géographie, III-e année.

съ острыми концами и острыми лезвіями извлекались изъ земли милліонами и даже милліардами и бросались опять послѣ употребленія, какъ только становились тупыми. Позднѣе болѣе одаренные работники научились успѣшно исправлять эти камни,—они нѣсколькими новыми ударами заостряли ихъ и такимъ образомъ могли пользоваться ими, какъ своими старыми, привычными друзьями, гораздо болѣе долгое время.

Такимъ образомъ создался переходъ между первобытнымъ кампемъ или осколкомъ камня, находимымъ человѣкомъ въ природѣ, и позднѣйшими каменными орудіями, искусно обработанными его руками. Превосходно полированныя каменныя орудія, мастерскія произведенія ваятельнаго искусства возникли путемъ постепеннаго совершенствованія изъ камней, грубо приспособленныхъ для той или другой цѣли; эти, въ свой чередъ, произошли отъ камней неправильной формы, находимыхъ въ природѣ [1]). Однако, примѣненіе неотдѣланныхъ камней сохраняется все же кое-гдѣ и до настоящаго времени, и крестьяне пользуются ими при размежеваніи полей и проведеніи дорогъ. На Арранскихъ островахъ, посреди ирландскаго залива Гальвей, рыбаки примѣняютъ до сихъ поръ якоря изъ камня; тамъ же жилища рыбаковъ, такъ называемыя «clogh an», строятся изъ обломковъ скалъ въ формѣ ульевъ и широко распространены [2]).

Топоръ-молотокъ изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи. **Топоръ полированный** изъ Робенхаузена.

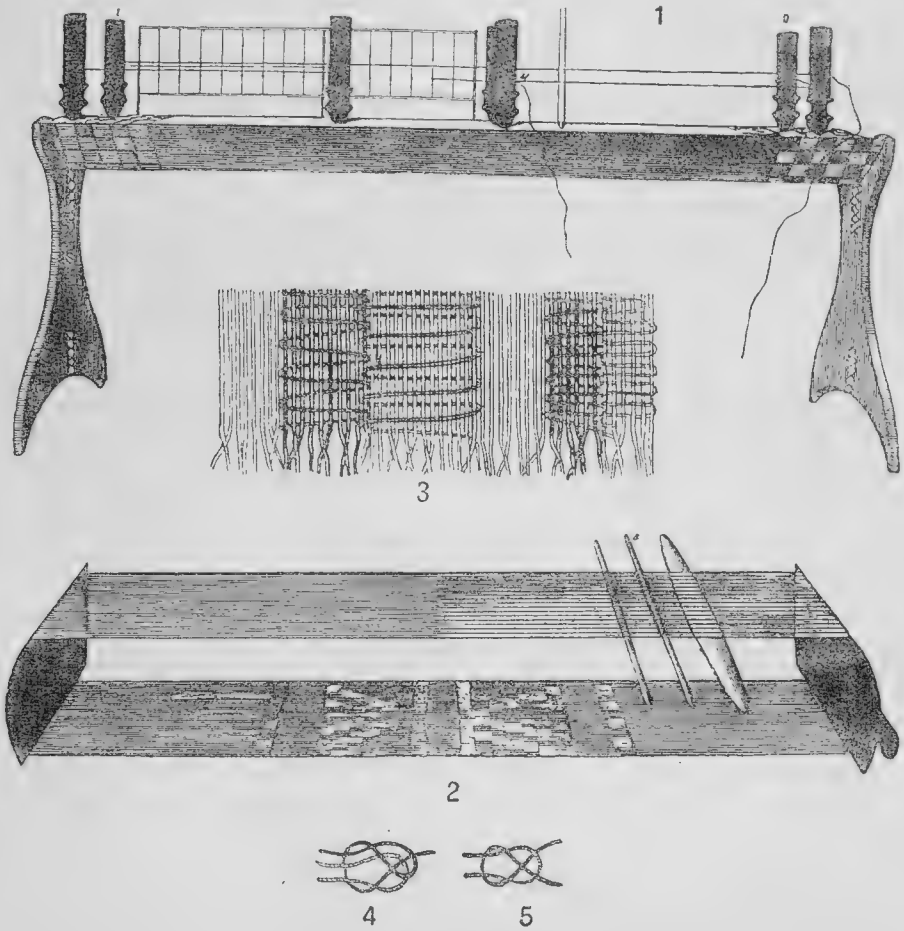
(Изъ колл. Вибрэ. 1/3 натур. велич.).

По качеству обработки камней археологи установили различные періоды цивилизаціи въ теченіе доисторическихъ временъ, — именно, эпоху эолитическую, палеолитическую и неолитическую. Большее или меньшее искусство, съ которымъ вырабатывались каменныя орудія, — сперва изъ простыхъ обломковъ, затѣмъ путемъ болѣе или менѣе искуснаго отбиванія и, наконецъ, путемъ вполнѣ совершенной полировки, — даетъ основаніе къ хронологическому дѣленію первобытнаго періода; что дѣленіе это основывается на каменныхъ орудіяхъ, вполнѣ понятно,—камень можетъ сохраняться въ теченіе вѣковъ, даже въ теченіе геологическихъ періодовъ, тогда какъ соотвѣтствующія издѣлія изъ кости, рога, равно какъ и ткани и сосуды,

1) G. de Mortillet, «Le Préhistorique». — 2) Haddon and Brown. Proceed. Geogr. Soc., July 1894.

изготовляются всѣ изъ такихъ матеріаловъ, которые уничтожаются со временемъ; въ силу этого данныя издѣлія и не могутъ служить для обозначенія крупныхъ періодовъ.

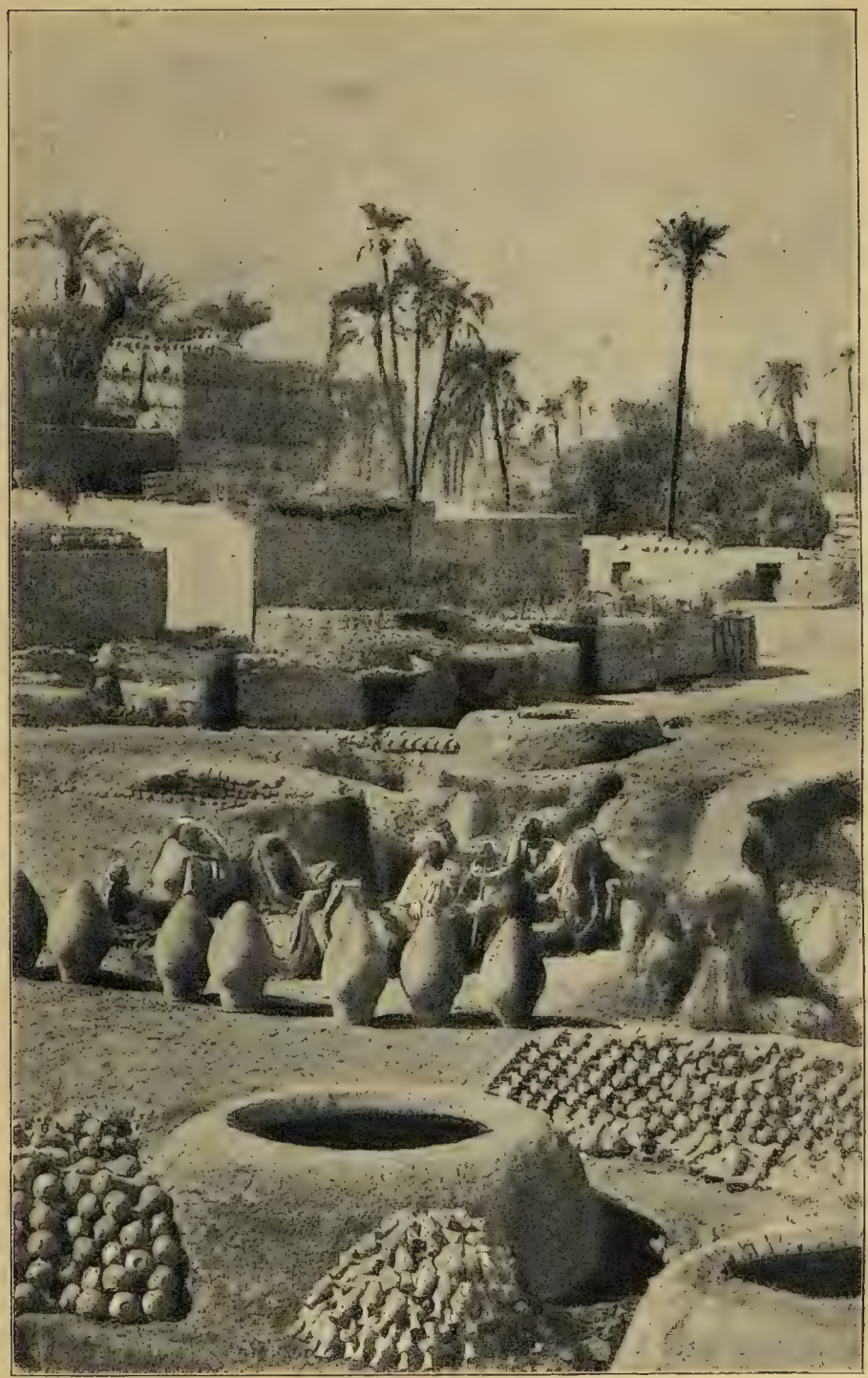
Земля, предоставляя человѣку камни, снабжала его оружіемъ; точно также, можно сказать, не было надобности первобытному человѣку и въ



Ткацкое искусство на о. Уалакъ въ архипелагѣ Каролинскихъ острововъ, по даннымъ экспедиціи «La-Coquille» (1822—1825).

1. Основа.—2. Способъ тканья.—3. Увеличенный кусочекъ ткани.—4. Узелъ туземнаго тканья.—5. Узелъ европейскаго тканья.

изобрѣтеніи способовъ изготовленія тканей,—природа, по крайней мѣрѣ, въ тропическихъ областяхъ, гдѣ предположительно возникли человѣческія расы, предоставляетъ ему готовыя ткани безвозмездно. Въ жаркихъ странахъ нѣкоторые виды кактусовъ, банановъ и другихъ растеній съ тол-



Изготовленіе глиняныхъ сосудовъ въ городѣ Кенэ на берегу Нила.

стыми стволами окружены у основанія естественной тканью изъ перекрещивающихся волоконъ, — это, дѣйствительно, настоящія ткани, служащія образцомъ тѣхъ тканей, которыя человѣкъ теперь примѣняетъ для своихъ одеждъ. Ткани эти легко выравнить, сдѣлать болѣе прочными и плотными,—остается позаботиться лишь о томъ, чтобы онѣ дольше держались, для чего ихъ слѣдуетъ либо освободить ударами молотка отъ всего лишняго, либо вымочить въ водѣ, чтобы удалить всѣ вещества, способныя разлагаться. Съ доисторическихъ временъ еще нѣкоторые наиболѣе смѣлые и изобрѣтательные люди научились подражать такимъ естественнымъ тканямъ, переплетая отобранныя и спеціально приготовленныя волокна; позднѣе были постепенно изобрѣтены процессы, упрощающіе тканье, былъ изобрѣтенъ способъ скрещивать нити основы и пропускать между ними челнокъ съ нитью утока; тогда появились мало-помалу всѣ тѣ великолѣпныя ткани, которыми мы располагаемъ, начиная отъ хлопчато-бумажныхъ до шелковыхъ.

Точно также и гончарное дѣло возникло, такъ сказать, помимо вмѣшательства человѣка,—изогнутыя пластинки глины, образующіяся вслѣдствіе высушиванія почвы лучами солнца, могли служить человѣку уже настоящими сосудами, вполнѣ удобными для употребленія; такіе же сосуды образовывались, когда въ водѣ между ячеями сѣти отлагался глинистый илъ [1]); въ видѣ сосудовъ же употреблялись и собранныя на берегу раковины. Вода, попавшая на плотную почву, увлекаетъ иногда мелкія частицы ея, которыя, высохнувъ, настолько слипаются между собою, что образуютъ нѣчто въ родѣ кирпичей, пригодныхъ для употребленія. Было, слѣдовательно, вполнѣ естественно сдѣлать попытку мѣсить глину до тѣхъ поръ, пока она не получитъ надлежащей консистенціи, затѣмъ удалить воду давленіемъ и придать ей желаемую правильную форму руками. Смотря по размѣрамъ дѣлаемыхъ сосудовъ или по количеству веществъ, которыя эти сосуды должны были заключать, напримѣръ, по объему воды, опредѣлялись и размѣры куска глины; затѣмъ, когда глина получала надлежащую форму и превращалась въ тотъ или другой предметъ гончарнаго производства, послѣдній выставлялся на солнце и дѣлался мало-по-малу твердымъ. Ловкость рукъ и искусство совершенствовались въ теченіе годовъ и вѣковъ, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію; въ концѣ концовъ, работа получила высшую степень совершенства, какую она только можетъ имѣть при ручномъ производствѣ.

Рано или поздно должно было, однако, явиться на помощь гончару новое могущественное вспомогательное средство. Быть можетъ, когда-

1) Elie Reclus. «Notes manuscrites».

Негры-кузнецы въ Сенегалѣ.

нибудь кухня находилась неподалеку отъ того мѣста, гдѣ онъ работалъ надъ глиной, быть можетъ, угли и горящія вѣтви какъ-нибудь случайно выскочили изъ очага и попали на почву, гдѣ лежали кирпичи и посуда изъ глины. Еще вѣроятнѣе, что самый очагъ былъ однажды сдѣланъ изъ глиняныхъ кирпичей. Можно ли предположить, чтобы послѣ множества, частью произвольныхъ, частью случайныхъ, наблюденій человѣкъ могъ не замѣтить дѣйствія на глину огня и тѣхъ измѣненій, которыя въ ней производятся обжиганіемъ на огнѣ? Когда значеніе огня было открыто, гончарное искусство получило всѣ свои самые существенные элементы. Что касается до изобрѣтенія гончарнаго колеса, которое такъ удивительно облегчаетъ полученіе правильной и красивой круглой формы сосудовъ, то извѣстно, что основаніемъ къ этому изобрѣтенію послужило то, что ранѣе гончары при формированіи сосудовъ придавали вращательное движеніе куску глины между своими руками; такой методъ и до сихъ поръ примѣняется на практикѣ уолофскими женщинами при приготовленіи мисокъ [1]). Во многихъ мѣстностяхъ старинный способъ производства гончарныхъ издѣлій—способъ каменнаго вѣка—поддерживается и до сихъ поръ, напримѣръ, въ Орнолакѣ, въ Пиренеяхъ и по берегамъ Нила.

1) Lajard et Regnault. Bull. Soc. d'Anthropologie. Séance du 19 déc. 1895, p. 737.

Очень важнымъ открытіемъ, давшимъ начало всей механикѣ, было изобрѣтеніе колеса,—событіе первостепенной важности; археологи до сихъ поръ еще не знаютъ, какому народу слѣдуетъ приписать заслугу изобрѣтенія этого орудія. Извѣстно, во всякомъ случаѣ, что въ Новомъ Свѣтѣ повозки не были извѣстны до прихода испанцевъ,—тамъ имѣлись лишь сани; съ другой стороны, въ Старомъ Свѣтѣ мы видимъ, что всюду съ самаго начала историческихъ временъ встрѣчаются удивительныя сооруженія, состоящія изъ покоящагося на оси съ двумя колесами ящика, въ которомъ помѣщается человѣкъ со своимъ имуществомъ.

Это открытіе, вмѣстѣ съ открытіемъ примѣненія металловъ, явилось настоящей зарею—предвозвѣстницей современной эпохи.

Обработка металловъ развивалась не во всѣхъ странахъ въ одной и той же послѣдовательности и въ одинаковомъ порядкѣ. Методы должны были различаться въ зависимости отъ обилія и отъ природы руды, равно какъ и въ зависимости отъ открытій, сдѣланныхъ ранѣе различными народностями. Такъ, извѣстно, что дикія племена, обитающія по берегамъ Верхняго озера въ Сѣверной Америкѣ, научились прежде всего выковывать самородную мѣдь изъ залежей въ мѣстностяхъ Онтонагонъ и въ Кевеенавъ для приготовленія изъ нея украшеній и орудія. Точно также гренландскіе эскимосы, не умѣвшіе отливать металловъ и находившіеся по остальной своей техникѣ еще на стадіи каменнаго вѣка, примѣняли иногда въ небольшомъ количествѣ куски метеорическаго или самороднаго желѣза, которые они находили по своимъ берегамъ. Тогда какъ въ западной Европѣ нормальный порядокъ и послѣдовательность въ употребленіи металловъ заключались въ томъ, что сперва примѣнялась мѣдь, затѣмъ бронза, т.-е. сплавъ мѣди съ оловомъ, и, наконецъ, желѣзо,—негры и уральскія племена начали прямо съ употребленія желѣза, и именно они сдѣлались учителями кузнечнаго искусства арійцевъ Европы и Азіи,—это искусство проникло въ Европу двумя путями, съ юга и съ востока.

Метеорическое желѣзо, какъ справедливо замѣчаетъ Ленорманъ [1]),—эти обломки свѣтилъ, упавшіе съ неба, какъ бы нарочно ниспосланные добродѣтельными божествами въ подарокъ своему народу, были во многихъ странахъ основной исходной точкой для развитія металлургическихъ работъ. Металлъ этотъ не приходится добывать изъ руды,—стоитъ его лишь просто расплавить, чтобы имѣть возможность воспользоваться имъ для приготовленія всевозможныхъ инструментовъ; метеорическое желѣзо, можно сказать, доставляло изобрѣтателямъ отдаленныхъ вѣковъ прямо ниспосланный Провидѣніемъ случай брать первые уроки по обра-

1) Lenormant. «Les premières civilisations».

боткѣ металловъ. На это указываетъ уже египетское названіе желѣза—«ba-en-psc» — «вещество съ неба» и старинное ученіе о небесномъ сводѣ,—послѣдній представлялся ранѣе человѣчеству состоящимъ изъ желѣза, осколки котораго падаютъ иногда на землю. Точно также греки дали желѣзу названіе «sideros», которое, несомнѣнно, произошло отъ слова «звѣздный»,—по ихъ понятіямъ, желѣзо являлось небольшимъ свѣтиломъ, отдѣлившимся отъ небеснаго свода. Съ самаго начала историческаго періода въ Египтѣ желѣзо было уже извѣстно, — желѣзное кольцо, напр., было найдено вдѣланнымъ внутри пирамиды Хеопса. Однако, либо изъ недовѣрчивости по отношенію къ предмету, открытому недавно, либо изъ боязни боговъ, которые низвергаютъ съ неба метеориты, египтяне считали желѣзо веществомъ нечистымъ. Именно изъ этого металла было сдѣлано оружіе, которымъ Тифонъ убилъ Озириса, и ржавчина, легко разъѣдающая металлическіе предметы во влажномъ климатѣ Египта, считалась сгустѣвшею кровью этого божества. Одно изъ очень древнихъ орудій, приготовленныхъ изъ метеорическаго желѣза, было открыто Шлиманномъ въ развалинахъ Трои [1]).

Работы по извлеченію рудъ и по обработкѣ металловъ позволяютъ въ большинствѣ очаговъ цивилизаціи отличить эпоху, болѣе или менѣе близкую къ періодамъ, уже извѣстнымъ или, по крайней мѣрѣ, предвидимымъ историками; археологи стараются опредѣлить время появленія металловъ съ бо́льшею точностью, и задача эта иногда облегчается для нихъ тѣмъ, что количество документальныхъ данныхъ, накопляющихся въ коллекціяхъ, становится огромнымъ. Такъ, уже одна мѣстность Глазинай въ Кроаціи дала намъ десятки тысячъ предметовъ изъ камня, бронзы и желѣза.

Прогрессъ различныхъ техническихъ производствъ, совершившійся въ теченіе доисторическаго періода, безъ сомнѣнія, по своему значенію превышаетъ въ значительной степени тотъ прогрессъ, который наблюдался въ теченіе историческихъ временъ. Вполнѣ естественно, что при столь быстромъ развитіи техники у людей, занятыхъ производствомъ различныхъ предметовъ, возникла страсть къ украшенію и артистическое увлеченіе красивыми формами,—послѣдствіемъ этого должно было быть возникновеніе искусства, неизбѣжно сопровождающаго всякій свободный трудъ.

Въ эти первобытныя времена, когда общественные классы не были еще разграничены и огромный соціальный организмъ лишь отчасти дифференцировался на отдѣльные органы, искусство не имѣло еще, по всей вѣроятности, спеціально ему преданныхъ адептовъ, живущихъ внѣ общины.

1) Stanislas Meunier. Revue Scientifique, 7 mai 1896, p. 584.

Каждый былъ самъ по себѣ художникомъ и артистомъ въ такой же степени, въ какой каждый былъ поставщикомъ для себя всего необходимаго для жизни.

Когда первобытный человѣкъ подстерегалъ добычу въ лѣсу, ожидая момента, удобнаго для того, чтобы пустить въ нее свою стрѣлу, или когда онъ пробирался между вѣтвями деревьевъ и высокой травою, для того чтобы подкараулить дичь во время ея отдыха, его глазъ неоднократно поражали захватывающія по красотѣ картины, рѣзко запечатлѣвавшіяся въ его памяти: вотъ могучій тигръ крадется осторожно, обнажая свои когти и рядъ острыхъ зубовъ, вотъ гигантъ слонъ обвиваетъ дерево хоботомъ и низвергаетъ его на землю, или граціозный олень пробирается по лѣсной тропинкѣ, гордо поднявъ свои вѣтвистые рога! Когда затѣмъ вечеромъ человѣкъ мечталъ при слабомъ свѣтѣ очага, передъ нимъ снова вырисовывались эти сильно запечатлѣвшіяся въ мозгу картины, и, чтобы сохранить ихъ на память или изобразить ихъ другимъ, онъ старался воспроизвести ихъ въ рисункѣ.

Обломокъ кремня позволялъ ему награвировать поразившую его сцену на рукояткѣ оружія, которое дѣлалось тогда несравненно болѣе цѣннымъ. Эта цѣнность, однако, была въ тѣ времена совершенно отвлеченной,—искусство было искренно и лишено всякихъ матеріальныхъ интересовъ, потому оно и было великимъ и чистымъ искусствомъ! Художникъ умѣлъ тогда работать лишь для собственнаго удовольствія и для удовольствія своихъ ближнихъ: онъ вырѣзалъ фигурки для развлеченія своей жены и вѣшалъ на столбы своей хижины изображенія предковъ или животныхъ-охранителей. Такимъ образомъ, искусство возникло изъ самыхъ условій жизни и отнюдь не имѣло своими творцами какихъ-то «сверхъ-человѣковъ», какъ воображаютъ современные художники, имѣющіе нѣсколько преувеличенное мнѣніе о своемъ значеніи. Первые преобразователи природы сами подпали ея преобразующему вліянію; это отнюдь не были люди какого-то особаго происхожденія, принадлежащіе къ «надземному» міру [1])!

Въ минуты досуга, остававшіяся отъ охоты и удовлетворенія своего голода, человѣкъ отыскивалъ также и другіе способы проявленія художественнаго творчества, кромѣ вырѣзанія или гравированія на костяхъ, на деревѣ или на камнѣ: различныя краски—желтая и красная охра, сгущенные соки различныхъ плодовъ—были всегда въ его распоряженіи, и онъ скоро научился пользоваться ими для рисованія на стѣнахъ скалъ тѣхъ предметовъ, которые приходилось ему видѣть, или тѣхъ формъ, которыя казались особенно пріятными его глазу.

Нѣтъ ни одного первобытнаго народа, который не примѣнялъ бы

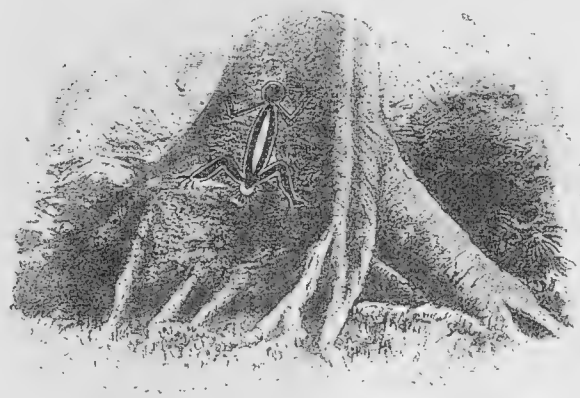
1) Patrick Geddes. «Every man his own critic», p. 40.

живописи для удовлетворенія своей естественной склонности къ искусству; иногда живопись служила и утилитарнымъ цѣлямъ,—именно, примѣнялась для того, чтобы сообщить союзникамъ или собратьямъ о тѣхъ происшествіяхъ, знаніе которыхъ являлось необходимымъ для общаго блага. Правда, большинство этихъ произведеній живописи подвергалось разрушительному вліянію стихій, уничтожалось дождемъ, вѣтрами, солнцемъ и не могло сохраниться въ теченіе долгихъ вѣковъ, — почти всѣ картины стерлись или были смыты, тогда какъ вырѣзанные или награвированные предметы сохранились, какъ въ сокровищницѣ, подъ слоями земли и камней. Имѣются страны, гдѣ отсутствіе скалъ, на которыхъ человѣкъ могъ бы рисовать, и чрезмѣрная сырость мѣшаютъ первобытному населенію упражняться въ живописи; въ этихъ случаяхъ первобытные люди старались закрѣпить свою мысль и передать идущимъ по тому же пути свои желанія зарубками на деревьяхъ или сплетеніемъ ихъ вѣтвей,—во всякомъ случаѣ, и здѣсь всевозможными способами удовлетворялась потребность въ искусствѣ и необходимость передавать мысли на разстояніе.

Кафръ въ нарядномъ одѣяніи.

Во времена, близкія къ нашимъ, нѣкоторыя племена, приводимыя обыкновенно въ качествѣ примѣра народностей съ самой зачаточной цивилизаціей, обладали, какъ оказывается, тѣмъ не менѣе, высокимъ художественнымъ дарованіемъ и наклонностью къ живописи,—объ этомъ мы узнали благодаря сухости климата ихъ страны и обилію въ ней скалъ съ отвѣсными обрывами. Такъ, въ сѣверо-западной Австраліи, на берегахъ рѣки Гленельгъ, знаменитый изслѣдователь Георгъ Грей открылъ настоящія художественныя картины, выполненныя въ нѣсколькихъ тонахъ—бѣлой, желтой, черной и красной краской—и покрытыя смолой въ родѣ лака; теперь, однако, это туземное искусство совершенно исчезло, такъ какъ и племя, обладавшее такими художественными способностями, было истреблено.

Точно также и въ южной Африкѣ не приходится уже болѣе встрѣчать произведеній живописи на скалахъ,—послѣднія почернѣли, и находившіяся на нихъ картины—творенія племени санъ, называвшагося европейцами «людьми кустарниковъ» («босьеманны» или «бушмены»),—исчезли вмѣстѣ съ самимъ племенемъ. Многія изъ этихъ произведеній искусства были, однако, въ свое время перенесены въ музеи Марицбурга и Блумфонтена, и репродукціи ихъ имѣются въ главнѣйшихъ этнографическихъ коллекціяхъ Европы. Самая большая изъ этихъ картинъ содержитъ 38 фигуръ людей и животныхъ, нарисованныхъ въ 4 краски. Она очень живо изображаетъ сцену набѣга и угона скота, произведеннаго бушменами, которыхъ преслѣдуютъ кафры, вооруженные щитами и дротиками; бушмены вооружены луками и стрѣлами, которыми, какъ можно видѣть на картинѣ, пользуются съ большимъ успѣхомъ,—по всѣмъ даннымъ, они должны одержать побѣду [1]).



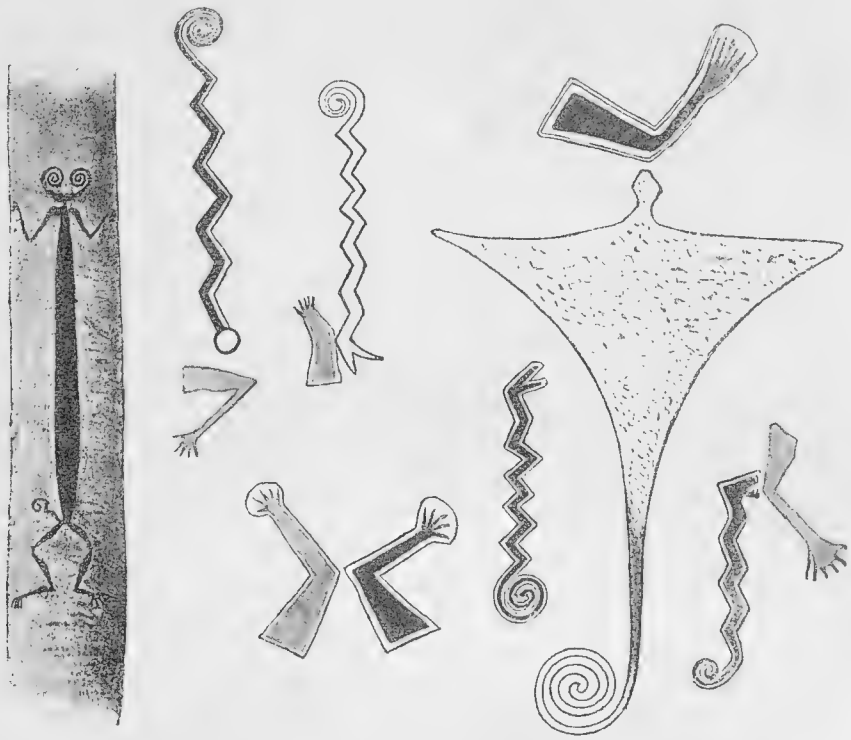
Способъ изображенія духовъ туземцами острова Ней-Лауенбургъ (Архипелагъ Бисмарка, Меланезія).

Живопись, въ своихъ различныхъ проявленіяхъ, должна была служить, подобно вырѣзанію и скульптурѣ, самымъ различнымъ цѣлямъ. Она служила удовлетворенію потребности жить съ окружающей природой и отражать ее въ самомъ себѣ, она служила также и для передачи свѣдѣній о совершившихся событіяхъ либо въ тѣсномъ кругу племени и въ теченіе краткаго періода жизни человѣка, либо въ качествѣ лѣтописи, сохраняющейся на долгія времена. Иногда живопись, въ особенности рисунки дикихъ племенъ Сѣверной Америки на выдѣланныхъ шкурахъ, была простѣйшимъ способомъ записыванія и счета,—средствомъ, примѣняемымъ еще и до сихъ поръ во многихъ цивилизованныхъ странахъ булочниками и разносчиками. Нарисованныя изображенія имѣли часто также символическое значеніе и относились къ представленіямъ народа въ области сверхъестественнаго. Наконецъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что во многихъ случаяхъ рисованіе различныхъ фи-

1) Weitzecker. Atti del primo Congresso Geographico, vol. II, p. 290. — Frédéric Christol. Bull. de la Soc. de Géogr. de Neuchâtel, t. IX, 1896—97.

гуръ на кожахъ и на скалахъ представляетъ собою настоящее идеографическое письмо; въ этомъ отношеніи подобныя изображенія заслуживаютъ спеціальнаго изученія, какъ письменная передача рѣчи.

По мнѣнію знаменитаго изслѣдователя пещеръ, археолога Пьетта, изображенія, которыя найдены въ «слоѣ раскрашенныхъ валуновъ» въ доисторическихъ отложеніяхъ пещеры Ма-д'Азиль и относятся ко времени, слѣдовавшему непосредственно за эпохой сѣвернаго оленя, являются, на самомъ дѣлѣ, не чѣмъ инымъ, какъ особымъ родомъ іероглифовъ; большею частью это ряды круговъ краснаго цвѣта, которые, повидимому, изображали числа и, какъ кажется, также факты и идеи [1]).

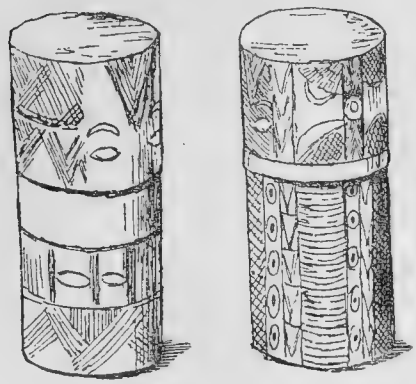


Первобытные рисунки и узоры туземцевъ острова Ней-Лауенбургъ (Архипелагъ Бисмарка, Меланезія).

То же можно сказать и относительно надписей, вырѣзанныхъ на скалахъ долины Инферно и долины Фонтанальба,—надписей, благодаря которымъ сосѣднія озера получили названія «озеръ Чудесъ»; у тѣхъ, кто ихъ разбиралъ, не осталось никакихъ сомнѣній въ томъ, что эти вырѣзанныя изображенія различныхъ инструментовъ, животныхъ и зем-

1) Ed. Piette. Bull.de la Soc. d'Anthropologie de Paris, séance du 18 avril 1895.

ледѣльческихъ работъ представляютъ собою не только чрезвычайно интересное и художественное воспроизведеніе образа жизни древняго горнаго населенія, но также и особый родъ символическаго письма [1]). Какъ справедливо замѣчаетъ фонъ-Іеринтъ [2]), письменность появляется одновременно съ пріобрѣтеніемъ въ собственность домашняго скота. Цвѣтныя или выжженныя мѣтки на кожѣ быковъ были первыми письменными знаками, и первыя исписанныя скрижали спокойно разгуливали живыми по степи. Примѣненіе мѣтокъ на кожѣ живыхъ быковъ привело затѣмъ къ примѣненію кожи, содранной съ быковъ, для отмѣчанія событій, которыя должно было сохранить въ памяти. Кожа покрывалась письменными знаками; на ней совершались трактаты, подписываемые различными народностями, на ней же писались и законы. Изъ примѣненія этихъ громоздкихъ матеріаловъ, служившихъ для письма древнимъ евреямъ и римлянамъ, возникло позднѣе у ученыхъ Пергама примѣненіе для письма особо выдѣланной кожи—пергамента.



Рѣзныя коробки изъ слоновой кости (Огове; Французское Конго).

Рѣзная раковина съ острововъ Соломона.

На ней изображены украшенія, образующія лицо: глаза образованы двумя птичьими головами и зубы—крыльями.

Произведенія искусствъ, оставленныя намъ нашими доисторическими предшественниками, познакомили насъ непосредственно съ нѣкоторыми чертами цивилизаціи отдаленныхъ эпохъ. По нимъ мы можемъ даже въ общихъ чертахъ узнать, каковъ былъ физическій типъ изображенныхъ людей; мы можемъ попытаться классифицировать людей по ихъ внѣшнему типу и отнести ихъ къ той или другой изъ расъ, которыя принимаются при условномъ раздѣленіи человѣческаго рода. Такъ, въ теченіе перваго періода—«періода вырѣзанія на камнѣ»—въ тѣ времена, когда множество слоновъ разгуливало по зеленымъ степямъ западной Европы, по берегамъ озеръ и рѣкъ

---

1) Arturo Issel. «Le rupi scolpite nelle alte valli delle Alpi Maritime», p. 242.—2) Von Ihering. «Les Indo-Européens avant l'histoire», trad. par O. de Meulenaere, p. 29 ss.

и поднималось на высокія долины, изъ которыхъ подъ теплыми лучами южнаго солнца только-что исчезли льды ледниковаго періода, — въ эти времена художники очень часто вырѣзали на слоновой кости изображенія женщинъ, которыя большею частью были волосаты и отличались сильно развитыми ягодицами, придававшими имъ сходство съ «готтентотской Венерой».

Въ позднѣйшую эпоху населеніе магдаленскаго періода приближалось болѣе по своему типу къ современнымъ людямъ [1]). Вырѣзанныя

Изукрашенная хижина въ деревнѣ Апатоэ, въ Нидерландской Индіи.

изображенія людей того времени, однако, слишкомъ грубы и не вполнѣ сохранились, почему не даютъ достаточно точныхъ указаній относительно внѣшняго типа; многіе антропологи совершенно воздерживаются отъ подобныхъ попытокъ отожествленія доисторическихъ расъ съ расами современными. Если судить лишь по издѣліямъ техники и по образу жизни, то обитатели долинъ Везэры и Дордоньи въ магдаленскую эпоху оказываются столь сильно похожими на современныхъ лопарей и эскимосовъ, что многіе ученые видятъ въ обитателяхъ сѣверной

1) Ed. Piette. Bull. de la Soc. d'Anthropologie de Paris, séance du 3 mai 1894.

Скандинавіи и дальняго сѣвера Америки непосредственныхъ потомковъ доисторическаго населенія Галліи. По ихъ представленіямъ, жители магдаленской эпохи оттѣснялись съ измѣненіемъ климата постепенно къ сѣверу и, съ исчезновеніемъ льдовъ и снѣговъ, послѣдовали за сѣвернымъ олешемъ въ полярныя страны, географическія очертанія которыхъ, отличавшіяся въ тѣ времена отъ нынѣшнихъ, облегчали переходъ съ одного континента на другой. Людвигъ Вильзеръ, знаменитый авторъ «Die Germanen», выясняетъ намъ, какимъ образомъ, по его представленіямъ, люди кро-маньонской эпохи, оттѣсненные въ южную Скандинавію, подверглись тамъ укрѣпляющему вліянію климата и превратились въ особо привилегированную арійскую расу, которая затѣмъ просвѣтила міръ своей цивилизаціей [1]).

Изученіе древнихъ издѣлій изъ слоновой кости позволяетъ намъ также составить себѣ представленіе о томъ, на какихъ животныхъ охотился первобытный человѣкъ и какія животныя были имъ приручены,—онъ вырѣзалъ и гравировалъ ихъ изображенія на кости своими кремневыми инструментами. Такимъ путемъ мы узнаемъ, напр., что въ эпоху, къ которой относятся находки въ Солютрэ, еще въ теченіе палеолитическаго періода, когда примѣнялись неполированныя каменныя орудія, лошадь была уже въ состояніи домашняго животнаго или, по крайней мѣрѣ, употреблялась въ пищу,—ее вырѣзали изъ кости или выгравировывали ея изображеніе постоянно съ недоуздкомъ на головѣ [2]).

Позднѣе, въ эпоху сѣвернаго оленя, когда климатъ сдѣлался болѣе влажнымъ и обиліе снѣговъ заставило отказаться отъ лошади, человѣкъ сталъ держать оленей. Наконецъ, въ тѣ времена, когда дожди замѣнили снѣга, туземцы приручили одинъ видъ дикаго быка, котораго, судя по изображеніямъ, покрывали попоной или опоясывали широкимъ ремнемъ.

Одновременно съ настоящей живописью, при которой воспроизводились люди или предметы окружающей природы, у первобытныхъ людей развилось также и чисто декоративное искусство—украшеніе предметовъ различными фигурами, раскрашиваніе ихъ красками, нанесеніе прямыхъ или изогнутыхъ линій, то простыхъ, то образующихъ различные узоры. Въ этомъ отношеніи у различныхъ племенъ можно констатировать большее или меньшее развитіе художественнаго вкуса, соотвѣтственно съ числомъ извѣстныхъ отдѣльныхъ элементовъ украшенія. Такъ, первобытные австралійцы не дошли до знакомства со спиралью и съ греческимъ узоромъ [3]). Негры, не подвергшіеся мусульманскому вліянію, также незнакомы со спиралью и съ завиткомъ, тогда какъ, напротивъ, полинезійцы и американскія племена, притомъ даже тѣ изъ

1) Globus. 13 april 1905.—2) Ed. Piette, op. cit.—3) Brough Smith; F. Regnault. Bull. de la Soc. d'Anthropologie de Paris, fév. VI, p. 536.

Музыканты въ Ба-Гобо.

нихъ, которыя, по общимъ условіямъ культуры, стоятъ гораздо ниже африканскихъ, обладаютъ декоративнымъ искусствомъ гораздо болѣе высокимъ. Дикія племена Гвіаны и береговъ Амазонки знаютъ прекрасно спираль и греческій узоръ; они примѣняютъ многогранныя фигуры, умѣютъ сплетать различныя формы и соединять ихъ между собой чрезвычайно сложными способами. Примѣняя повтореніе одинаковыхъ формъ и двойную плоскость симметріи, они получаютъ узоры, которые столь же пріятны для глаза, какъ, напримѣръ, арабскіе узоры [1]). Впрочемъ, можно было бы и заранѣе предсказать, что большое разнообразіе внѣшнихъ

1) F. Regnault, op. cit., p. 540.

формъ въ мірѣ растеній, птицъ, раковинъ и т. п. должно было въ значительной степени содѣйствовать развитію художественнаго вкуса туземцевъ. Папуасы Новой Гвинеи, живущіе среди роскошнѣйшей природы, умѣютъ удивительно разнообразно украшать свои хижины и предметы своего домашняго обихода, такъ что, положительно, приводятъ въ восторгъ антропологовъ [1]).

Въ магдаленскую эпоху, которую изслѣдователи доисторическихъ временъ наиболѣе часто приводятъ въ примѣръ, говоря о произведеніяхъ искусства, геометрическіе элементы узоровъ, служащихъ для украшенія, еще довольно грубы. Наибольшій прогрессъ начинаетъ проявляться въ эпоху бронзы.

Изъ инструментовъ, которые находятся при раскопкахъ жилищъ первобытныхъ людей и которые встрѣчаются еще и у отсталыхъ народностей, довольно многіе позволили человѣку скрашивать часы своего досуга музыкой, сопровождаемой ритмическими движеніями тѣла и ногъ; настоящій музыкальный инструментъ былъ найденъ въ пещерахъ, однако, до сихъ поръ лишь одинъ единственный—именно, свистокъ [2]). При отысканіи источниковъ возникновенія музыкальнаго искусства мы должны обратиться къ міру пернатыхъ друзей человѣка, среди которыхъ столь многіе представители обладаютъ удивительнымъ даромъ пѣнія, а нѣкоторыя породы, — напримѣръ, хотя бы журавли, упражняются и въ танцахъ. Извѣстно также, что многія животныя очень чувствительны къ музыкѣ, притомъ даже къ самой простой,—случалось, что заключенные могли очаровывать музыкой и пѣніемъ пауковъ, крысъ и другихъ своихъ товарищей по темницѣ. Различными модуляціями голоса, свистомъ и духовыми инструментами человѣкъ можетъ привлекать змѣй и заставлять ихъ балансировать въ тактъ на своемъ хвостѣ. Шумная военная музыка увлекаетъ лошадей, также какъ и людей, а, по словамъ монголовъ, скрипачъ, извлекающій жалобные звуки изъ своего инструмента, заставляетъ плакать верблюда [3]).

Ни одна легенда не является столь справедливой, какъ легенда объ Орфеѣ, звуки лиры котораго привлекали къ нему дикихъ звѣрей изъ ихъ убѣжищъ и дѣлали ихъ друзьями человѣка; эти звуки вызывали къ жизни даже дремлющіе камни,—они сами собой обтесывались и складывались въ стѣны города. Орфей является олицетвореніемъ искусства въ доисторическія времена, и мы можемъ сказать съ увѣренностью, что лира его содѣйствовала, во всякомъ случаѣ, болѣе прогрессу человѣческаго рода, чѣмъ дубина Геркулеса. Намъ неизвѣстно, что сохранилось

---

1) De Clercq, «Ethnographie de la Nouvelle-Guinée hollandaise».—2) Ch. Letourneau, «Evolution littéraire», p. 308.—3) James Gilmour. «Mongolia».

съ этихъ отдаленныхъ эпохъ, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что мотивы, воспроизводимые крестьянами, гонящими скотъ на водопой, и большинство деревенскихъ мотивовъ, къ которымъ изъ вѣка въ вѣкъ примѣняются новыя слова, являются наслѣдіемъ временъ, предшествовавшихъ историческимъ. Что такое пѣсня, какъ не укротительница страстей, элементъ, упорядочивающій повседневную жизнь, регуляторъ мыслей и поступковъ? Вмѣстѣ съ танцами, съ пантомимой и съ традиціонными сказками пѣсни были вездѣ первымъ началомъ литературнаго творчества,—ими человѣчество было пріобщено къ искусству!

Съ первобытныхъ временъ музыка, удивительно прогрессировавшая въ смыслѣ выраженія чувствъ и вызыванія идеальныхъ представленій въ душѣ человѣка, потеряла, тѣмъ не менѣе, много въ своемъ значеніи какъ помощница во всѣхъ повседневныхъ занятіяхъ. Если гдѣ и поютъ еще, производя какую-нибудь работу, напримѣръ, наматывая канатъ на кораблѣ или мѣся тѣсто въ булочной въ глухомъ городкѣ, то все же, въ общемъ надо сказать, скрипъ поршней и рычаговъ и мѣрные удары колесъ замѣнили собою пѣсни человѣка и звуки флейты или скрипки. Женщина не поетъ больше, сидя за прялкой,—стукъ машинъ заглушилъ бы ея голосъ на ткацкой фабрикѣ! Въ прежнія времена болѣзненныя операціи также сопровождались музыкой, которая заглушала страданіе: татуировка, обрѣзаніе, замыканіе половыхъ органовъ при помощи кольца [1]) причиняли менѣе страданій паціенту при ритмическомъ пѣніи окружающихъ; точно также при погребеніи ритмическія причитанія плакальщицъ, то повышающіяся, то понижающіяся, какъ бы укачивали и успокаивали отчаяніе и горечь понесшихъ безвозвратную потерю. Нерѣдко музыка служила и для того, чтобы усыпить мысль человѣка или изъ состоянія полнаго сознанія перевести его въ смутное безсознательное состояніе, при которомъ сохраняется лишь самое слабое ощущеніе жизни. Съ этою цѣлью негръ цѣлыми часами бьетъ въ свой тамъ-тамъ или въ свою маримбу. Музыкой также предупреждаетъ дикарь о чемъ-нибудь своихъ далеко живущихъ друзей,—онъ какъ бы переговаривается съ ними, зная, что удары его барабана будутъ поняты вдали его другомъ или его любовницей [2]).

Когда миссіонеры-іезуиты, хорошіе знатоки человѣческаго сердца, поднимались или спускались по рѣкамъ Америки, они постоянно пѣли въ тактъ гребцамъ свои самые громкіе и самые гармоничные гимны, въ чаяніи, что индѣйцы, прячущіеся въ лѣсныхъ зарослях береговъ, будутъ тронуты и очарованы ихъ голосами; дѣло обращенія въ христіанство, завершившееся основаніемъ теократической общины Парагвая,

---

1) Karl Bücher. «Arbeit und Rythmus».—2) E. de Habich. «Vias del Pacífico al Marañon».

началось съ пѣснопѣній, которыя разносились эхомъ отъ одной лѣсной чащи къ другой по пустынной рѣкѣ. И сколько съ этого времени путешественниковъ, не спасшихся при всемъ своемъ усовершенствованномъ оружіи, спасло свою жизнь благодаря музыкальному ящику или какому-нибудь другому музыкальному инструменту [1])!

Гдѣ поютъ, тамъ оставайся съ миромъ,
Злые люди вѣдь не знаютъ пѣсенъ [2]).

Когда рабы-негры были изъ самыхъ различныхъ частей Африки перевезены на американскія плантаціи, они говорили на разнообразнѣйшихъ языкахъ, но вскорѣ совершенно забыли родную рѣчь и принуждены были даже между собой пользоваться языкомъ своихъ господъ. Они не понимали и туземцевъ Новаго Свѣта, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣдніе еще существовали и не были истреблены окончательно. Ненависть и страхъ раздѣляли представителей этихъ двухъ расъ — краснокожей и чернокожей; между угнетенными легко возникаетъ злоба и враждебныя отношенія,—каждый изъ нихъ охотно вымещаетъ свое порабощеніе и понесенныя несправедливости на сотоварищахъ по несчастью. Тѣмъ не менѣе, между обѣими расами совершилось во многихъ мѣстностяхъ Америки молчаливое соглашеніе и примиреніе благодаря музыкѣ. Несмотря на первоначальныя дурныя отношенія между людьми этихъ расъ, африканскіе музыкальные инструменты въ короткій срокъ распространились среди индѣйцевъ и достигли даже племенъ, затерявшихся среди непроходимой чащи дѣвственныхъ лѣсовъ; мало-по-малу тамъ-тамъ и маримба сблизили людей, различающихся цвѣтомъ кожи. Ladinos'ы Гватемалы, безъ сомнѣнія, очень удивились бы теперь, если бы кто-нибудь имъ сказалъ, что игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ ихъ научили презираемые ими чернокожіе,—тѣмъ не менѣе, они играютъ съ такимъ же увлеченіемъ, какъ негры Конго. «Художественный геній, по словамъ Гобино, родился отъ брачнаго союза бѣлыхъ съ чернокожими».

Извѣстный экономистъ Карлъ Бюхеръ доказываетъ, однако, въ своемъ сочиненіи «О работѣ и ритмѣ», что музыка и танцы сдѣлали для человѣка еще гораздо болѣе: придавая работѣ извѣстный ритмъ, они увлекали работника, поощряли его къ болѣе тщательному исполненію работы и придавали ему то веселое настроеніе, которое повышаетъ творческія силы и непрестанно возстановляетъ энергію и иниціативу. Музыкальный ритмъ имѣетъ совершенно особое значеніе въ исторіи ци-

---

1) Jacques Arago. «Voyage d'un aveugle autour du monde». — 2) «Wo man singt, da lass dich ruhig nieder, böse Menschen haben keine Lieder». Это — популярное переложеніе поэмы Зейма, 1804 г.: «Arrête-toi sans peur où t'accueillent des chants, à l'unisson des voix, il n'est point de méchants».

вилизаціи въ качествѣ экономическаго фактора. Объ этомъ можно судить уже по тѣмъ пережиткамъ старины, которые сохраняются при выполненіи работъ болѣе первобытнаго характера даже и въ нашъ вѣкъ машинъ, когда работникъ дѣлается полнымъ рабомъ дерева и металла,

Музыканты въ Суданѣ.

вмѣсто того чтобы повелѣвать ими. Хорошій работникъ постоянно выполняетъ требуемыя механическія дѣйствія размѣренно и въ тактъ. Кузнецъ подымаетъ и опускаетъ молотъ на наковальню съ извѣстнымъ ритмомъ, плотникъ вколачиваетъ гвозди и строгаетъ доски, также соблю-

дая равные промежутки времени между движеніями, бондарь заставляетъ гудѣть свою бочку подобно барабану. Уже работая въ одиночку, человѣкъ возбуждается правильными, размѣренными звуками своего инструмента,—начиная съ легкаго, едва замѣтнаго шума, производимаго вязальными спицами, и вплоть до движенія большого рѣжущаго орудія всѣ ритмическія дѣйствія оживляютъ работу и дѣлаютъ ее нормальной функціей жизни.

Еще значительнѣе вліяніе ритма, когда много людей соединяются для общей работы и дѣйствуютъ своими инструментами такъ, что они производятъ размѣренные удары, отбивающіе тактъ. Въ этомъ случаѣ ни одинъ изъ работниковъ не станетъ удерживаться отъ принятія участія въ общемъ трудѣ: мышцы сами напрягаются въ тактъ звукамъ,—всѣ работаютъ вмѣстѣ и придаться отдыху могутъ также лишь вмѣстѣ. Мостильщики постоянно отбиваютъ тактъ своими желѣзными или деревянными трамбовками, которыхъ они, по вполнѣ понятной ассоціаціи, называютъ «барышнями»,—они будто танцуютъ съ дѣвушками по звонкой мостовой! Точно также молотильщики въ различныхъ, самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Европы отбиваютъ всюду опредѣленный тактъ, и ихъ размѣренные удары цѣпами, комбинирующіеся по три, особенно пріятны для слуха и удивительно гармонично согласуются съ другими звуками окружающей природы, напримѣръ, на югѣ—съ пѣніемъ цикадъ.

На всѣхъ рѣкахъ и моряхъ гребцы опускаютъ свои весла въ воду и поднимаютъ ихъ на воздухъ дружно вмѣстѣ, согласуя ихъ съ движеніями сидящаго спереди; также и, наматывая якорный канатъ, матросы увеличиваютъ напряженіе мышцъ голосомъ и помогаютъ себѣ въ работѣ. Вскрикиванія, короткіе, отрывистые звуки и отдѣльныя ноты чередуются и размѣренно слѣдуютъ одна за другой, гармонично развиваясь иногда въ настоящую пѣсню. На востокѣ земледѣльцы роютъ и разрыхляютъ землю обществомъ и при этомъ также дѣйствуютъ своими орудіями въ тактъ, — въ прежнія времена, въ эпохи радостной свободы, тактъ отбивался флейтой и барабаномъ, пѣснью или танцами молодой дѣвушки, во времена же порабощенія народа ассирійцами или египтянами онъ отбивался ударами бича и палки.

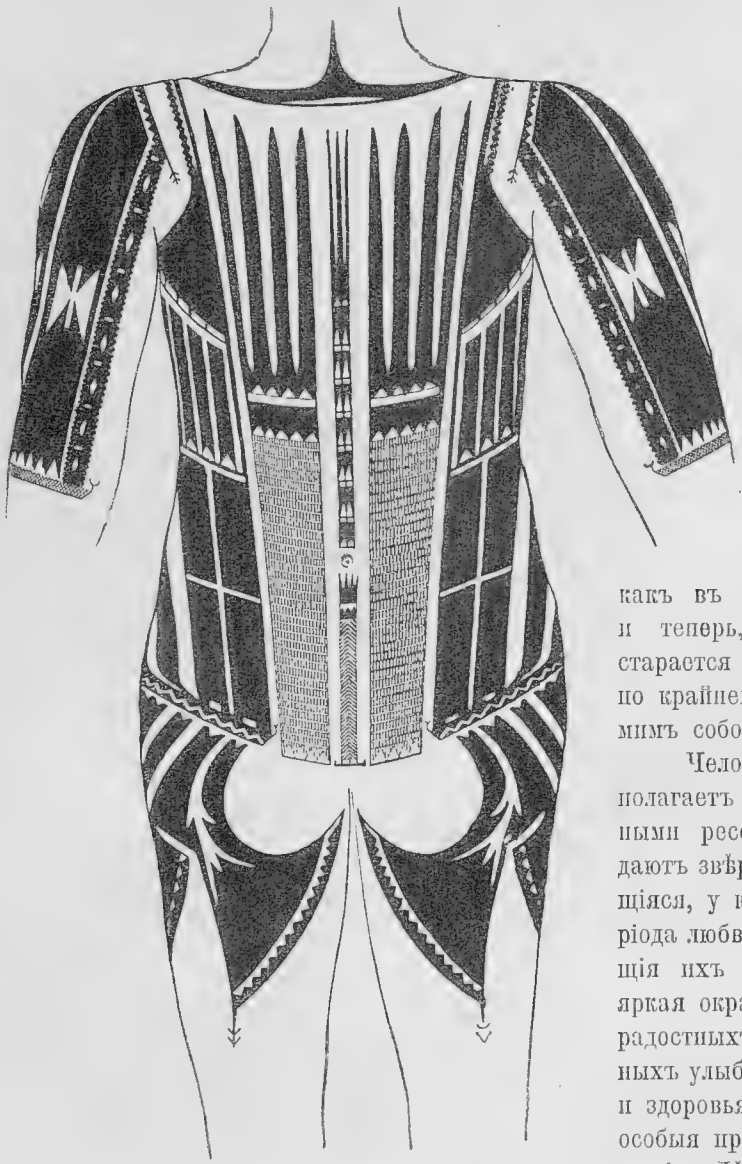
Наконецъ, и движенія солдата регулируются шагами въ тактъ, балансированіемъ тѣла и послѣдовательной игрою мышцъ. Между тѣмъ оправдывавшаяся неоднократно военная поговорка гласитъ, что солдаты одерживаютъ побѣды не своими руками, а ногами. Извѣстно, что и вьючныя животныя, снабженныя бубенчиками, менѣе устаютъ, чѣмъ другія: размѣренные звуки колокольцевъ помогаютъ имъ работать не въ меньшей степени, чѣмъ сознаніе, что они избраны человѣкомъ предводителями стада или упряжки; оселъ, который позваниваетъ своимъ колокольчикомъ, идя впереди лошадей, является также до извѣстной степени

Тиртеемъ. Такимъ образомъ, всюду мы видимъ, что тактъ чередующихся звуковъ музыки оказываетъ превосходное вліяніе на повышеніе работоспособности. Безъ сомнѣнія, вліяніе музыкальнаго ритма связано какими-

Малаецъ съ острова Пагаи въ праздничномъ нарядѣ.

то безсознательными путями съ ритмичностью движенія крови въ артеріяхъ, съ ритмическими ударами сердца, которое приводитъ въ дѣйствіе весь организмъ, подобно могучему поршню паровой машины.

Первобытный человѣкъ примѣнялъ искусство и къ своей собственной персонѣ. Существуютъ племена, которыя не носятъ одежды, но никогда еще не приходилось встрѣчать племенъ, которыя бы не украшали своего тѣла; если вообще и имѣются представители человѣчества, которые живутъ въ одиночку, изолированно и не стараются себя украсить, то, несомнѣнно, такихъ людей можно найти развѣ лишь среди какихъ-нибудь злодѣевъ или людей, во всемъ отчаявшихся.

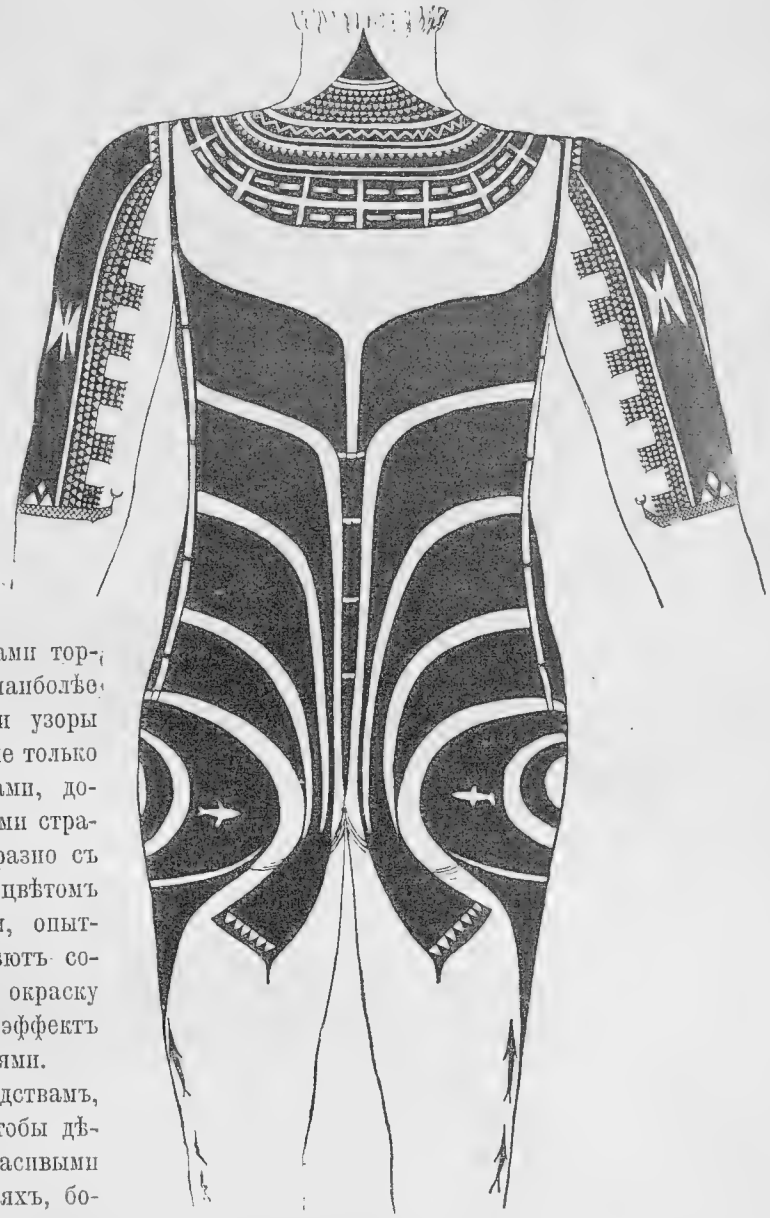


Татуировка туземца изъ Могемокъ (островъ Мэкензи, Каролинскіе о-ва). Спереди.

Въ обычной жизни, какъ въ прежнія времена, такъ и теперь, человѣкъ постоянно старается нравиться другимъ или, по крайней мѣрѣ, любуется самимъ собой.

Человѣкъ по природѣ не располагаетъ такими вспомогательными рессурсами, какими обладаютъ звѣри, птицы и пресмыкающіяся, у которыхъ въ теченіе періода любви вырастаютъ украшающія ихъ перья или появляется яркая окраска. Ему недостаточно радостныхъ взоровъ, обаятельныхъ улыбокъ, чувства своей силы и здоровья: ему необходимы еще особыя прически и внѣшнія украшенія. Дѣйствительно, первобытные люди нисколько не меньше заботятся объ украшеніи своей персоны, чѣмъ самые отъявленные фаты цивилизованнаго общества; нерѣдко имъ случается проводить цѣлые часы при созиданіи своей сложной прически, и они гораздо силь-

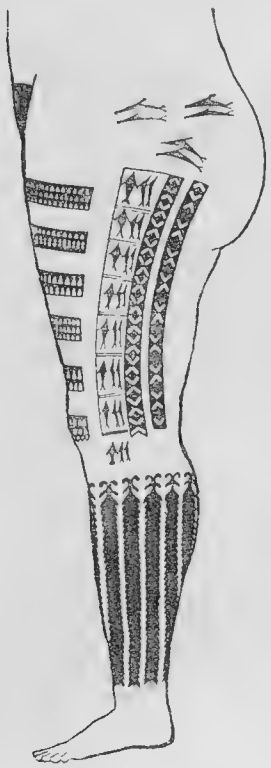
нѣе увлекаются модой въ выборѣ перьевъ, булавокъ, стекляшекъ и матерій для украшенія своего тѣла, чѣмъ охотой и войной. Съ какимъ наивнымъ благоговѣніемъ поворачивается во всѣ стороны дикарь, чтобы показать все то великолѣпіе красокъ, яркихъ и кричащихъ, которыми онъ изукрасилъ свои члены! Жирная земля, различные сорта глины, охры, а въ тропическихъ областяхъ, особенно въ Южной Америкѣ, красящіе плоды, напримѣръ, генипа и руку, являются между объектами торговли одними изъ наиболѣе цѣнныхъ. Украшенія и узоры на тѣлѣ различаются не только сообразно съ матеріалами, доставляемыми различными странами, но также и сообразно съ формой прически и цвѣтомъ лица; сами художники, опытные въ кокетствѣ, умѣютъ согласовать ту или другую окраску и производимый ею эффектъ со всѣми этими условіями.



Татуировка туземца изъ Могемокъ (островъ Мэкензи, Каролинскіе о-ва). Сзади.

Ко внѣшнимъ средствамъ, служащимъ для того, чтобы дѣлать себя болѣе красивыми или, въ другихъ случаяхъ, болѣе страшными, первобытные люди присоединяли и до сихъ поръ присоединяютъ во многихъ странахъ производство на тѣлѣ неизгладимыхъ отмѣтинъ, дѣланіе рубцовъ и надрѣзовъ, удаленіе

частей тѣла, татуировку и раскрашиваніе тѣла. Желаніе нравиться или устрашать было не единственной причиной произвольныхъ страданій и иногда даже мукъ, претерпѣваемыхъ человѣкомъ при подобныхъ операціяхъ. Большинство племенъ и любой представитель каждаго изъ нихъ старались также отмѣтить чѣмъ-либо свою индивидуальность, указать свое происхожденіе, похвалиться своими славными дѣяніями, удовлетворить своему тщеславію и утвердить свою славу на вѣки въ памяти людей.



Татуировка на ногѣ женщины изъ Могемокъ (Каролинскіе о-ва).

У культурнаго человѣка нашихъ дней имѣется его паспортъ и его документы,—человѣкъ прежнихъ временъ выставлялъ всѣ свои титулы предъ лицомъ всѣхъ на своемъ собственномъ тѣлѣ. Очень часто въ подобныхъ случаяхъ отличія, къ которымъ стремился человѣкъ, вели къ уменьшенію красоты, къ обезображиванію его. Подобно тому какъ цивилизованный человѣкъ иногда бахвалится своими пороками и преступленіями, такъ и дикарь хвастается своими руками, на которыхъ не хватаетъ пальцевъ, челюстями съ выбитыми зубами, губами, которыя растянуты кольцами, или рубцами на своемъ лбу. Иногда и другія причины побуждаютъ человѣка обезображивать себя: носящіе трауръ жертвуютъ добровольно частью своего тѣла въ честь друга или родственника, отошедшаго въ вѣчность, либо съ тою цѣлью, чтобы послѣдовать за нимъ хотя бы одною частью своего «я», либо для того, чтобы сдѣлать себѣ благосклоннымъ духъ усопшаго, витающій надъ его очагомъ.

Всѣ эти многочисленныя причины ведутъ къ одной и той же цѣли. Такъ, амулеты, предназначенные для того, чтобы защищать обладателей ихъ отъ колдовства, являются въ то же время и драгоцѣнными украшеніями: напримѣръ, коралловое колье элегантной красавицы даетъ ей не только вѣрную защиту отъ злыхъ духовъ, но и выгодно оттѣняетъ бѣлизну ея шеи и красоту ея плечъ.

Татуировка, въ своей первобытной формѣ очень грубая, сдѣлалась затѣмъ однимъ изъ наиболѣе утонченныхъ искусствъ; она развивалась, однако, лишь въ странахъ, населеніе которыхъ можетъ, прогрессируя въ области умственнаго ризвитія и техники, обходиться безъ одежды. Эски-

мосы, напримѣръ, никогда не татуируются, такъ какъ они постоянно закутаны въ мѣха.

Черточки, линіи или просто точки, кружки и крестики — таковы обыкновенно тѣ простыя отмѣтины, которыя дѣлаются на кожѣ художниками-татуировщиками. Цвѣточки, награвированные на лбу, на вискахъ, на подбородкѣ, на рукахъ или на груди молодыхъ дѣвушекъ, иногда являются, дѣйствительно, изящнымъ украшеніемъ, свидѣтельствующимъ о художественномъ вкусѣ. Привыкнувъ нѣсколько къ татуировкѣ, случается, нельзя не восхититься общей красотою узора, состоящаго то изъ греческихъ завитковъ, то изъ ромбовъ, то изъ перекрещивающихся треугольниковъ и круговъ, чрезвычайно гармонирующихъ съ фигурой даннаго человѣка; особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя африканскія племена въ западной части континента. Верхомъ та-

Японская татуировка на спинѣ англійскаго матроса.

тупировочнаго искусства являются, однако, произведенія, выполняемыя въ нѣсколько иномъ стилѣ обитателями Полинезійскихъ архипелаговъ и японцами.

Является вопросъ, почему татупировка достигла особаго совершенства на этихъ океаническихъ островахъ, обладающихъ небольшими размѣрами и лишенныхъ, вслѣдствіе того, густого населенія, въ средѣ котораго могла бы возникнуть настоящая школа этого искусства? Не трудно замѣтить, однако, что районъ прежняго распространенія татупировки ограничивался исключительно тропическими областями Полинезіи, гдѣ плодовыя деревья, многочисленныя съѣдобныя растенія и обиліе рыбы доставляютъ богатое пропитаніе человѣку, и гдѣ художнику-татупировщику, слѣдовательно, можно было производить свою кропотливую работу цѣлыми долгими днями: среди прекрасной и обильной плодами земными природы, дававшей человѣку силу, красоту и ловкость, у него было также и много досуга,—художникъ-татупировщикъ, равно какъ и его паціентъ, не были принуждены усиленно работать для поддержанія своего существованія, они могли не особенно заботиться о завтрашнемъ днѣ, и татупировка могла продолжаться въ теченіе долгихъ дней. Эта продолжительная и болѣзненная операція угрожала иногда жизни, но во многихъ странахъ, особенно въ Океаніи, нельзя было сдѣлаться полноправнымъ мужчиной или женщиной иначе, какъ этой цѣною: ничья нечистая рука, т.-е. рука не татупированная, не могла подавать пищу при трапезѣ, никто, оставаясь въ своемъ первоначальномъ естественномъ видѣ, не могъ заслужить уваженія. Татупировка сдѣлалась для человѣка символомъ свободы.

И дѣйствительно, маорисы и обитатели Маркизскихъ острововъ, покрытые великолѣпной татуировкой, представляютъ прекрасное зрѣлище гордой наготы: все тѣло изукрашено у нихъ на своемъ красномъ фонѣ синими полосами, красиво изогнутыми и расположенными сообразно съ рельефомъ туловища; въ однихъ мѣстахъ эти полосы усиливаютъ, въ другихъ ослабляютъ контуры, придавая благородную грацію и удивительную красоту тѣлу, — человѣкъ получаетъ какъ бы совершенно новую и особую анатомію, которая поражаетъ неподготовленный глазъ.

У японцевъ, которые, безъ сомнѣнія, пришли съ острововъ Океаніи, татупировка, видоизмѣнившаяся сообразно съ общимъ характеромъ національной живописи, получила совершенно другое направленіе, чѣмъ у полинезійцевъ: она совершенно лишена симметріи, гармонирующей съ формами тѣла, или, правильнѣе, она подчиняетъ себѣ геометрическій планъ строенія человѣческаго тѣла и выдвигаетъ впередъ цѣлостность рисунка; нататупированныя изображенія японцевъ поражаютъ неожиданностью сюжета, — то свободно извиваются драконы, то просвѣчиваютъ сквозь цвѣтущія вѣтви деревьевъ птицы или женскія лица.

Татупировка, почти исчезнувшая въ нашемъ современномъ обще-

ствѣ или, по крайней мѣрѣ, тщательно скрываемая подъ платьемъ, была прежде настоящимъ одѣяніемъ, соотвѣтствовала дарованіямъ человѣка и подчинялась вліянію моды лишь отъ поколѣнія къ поколѣнію. Само собою разумѣется, что она должна была потерять все свое значеніе въ человѣческомъ обществѣ съ того времени, какъ установился обычай пользоваться одеждой, легко мѣняемою, сообразно съ колебаніями температуры, сообразно съ занятіями, съ капризами и наклонностями даннаго лица.

Канакъ Новой Каледоніи въ своемъ нарядѣ.

Узоры, нататуированные на тѣлѣ, дѣлались для того, чтобы быть видимыми, вызывать удивленіе, любовь или страхъ; вполнѣ естественно, что не стоило болѣе подвергать себя страданію и опасности для выполненія на тѣлѣ изображеній, которыя все равно должны были оставаться скрытыми подъ одеждой. Потому, роковымъ образомъ, татуировку должны были оставить еще съ доисторическихъ временъ всѣ племена, которыя переняли привычку кутаться въ мѣха, въ плащи, платье и обувь. Она могла удержаться лишь какъ пережитокъ старины и сохранилась, дѣйствительно, только въ качествѣ нататуированныхъ знаковъ, удостовѣряющихъ принадлежность къ кастѣ или къ обществу, если члены его не желаютъ, чтобы всѣ знали о ихъ соглашеніи между собою, или въ качествѣ паспорта, по которому могутъ узнать далеко живущіе друзья, или, наконецъ, въ качествѣ символическаго изображенія какого-либо обѣта, даннаго подъ вліяніемъ гнѣва или любви; такимъ образомъ, татуировка сохранилась, наприм., до нашихъ дней у босняковъ католической вѣры и у пилигриммовъ изъ Лоретто [1]),—

1) Eurico Ferri, «Notes manuscrites».

быть можетъ, потому, что у нихъ въ составъ татуировки входитъ всегда изображеніе креста [1]). Происхожденіе этого обычая, однако, гораздо древнѣе христіанской вѣры и связано съ культомъ природы; татуируются никакъ не позже весенняго солнцестоянія и лишь по достиженіи половой зрѣлости. Татуировка теперь потеряла свой прежній характеръ искусства, уважаемаго всѣми, сдѣлалась тайнымъ, даже иногда презираемымъ занятіемъ,—естественно, что она при этомъ ухудшилась и мало-по-малу приняла первичныя зачаточныя формы. Теперь она уже не то, что въ былые дни,—она не является исторіей расы и олицетвореніемъ ея идеаловъ [2]). Если кто-нибудь изъ посящихъ татуировку членовъ общества совершалъ дѣянія, противныя чести, то ее уничтожали, ставя на ней мѣтку измѣны.

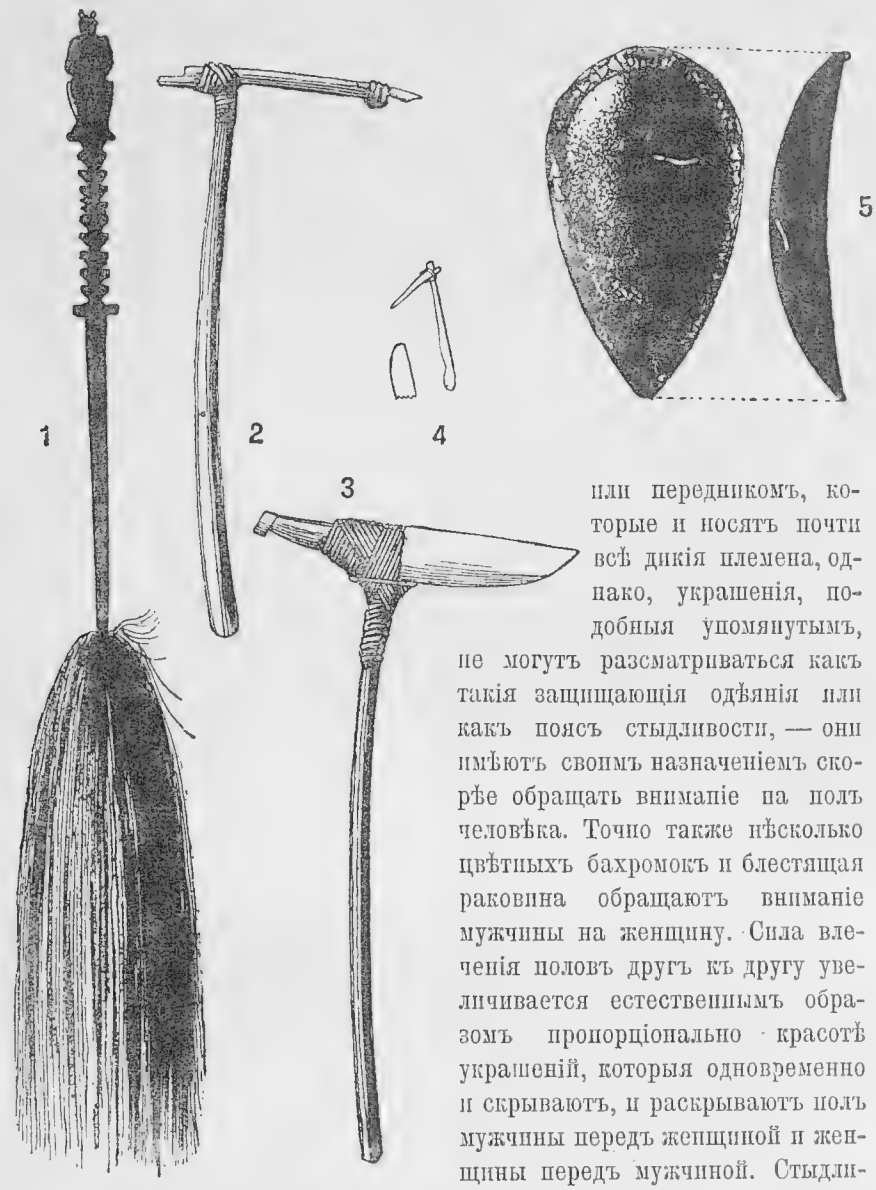
Одежда, которая замѣнила собою украшенія, нататуированныя на кожѣ, въ значительной степени служила тѣмъ же самымъ цѣлямъ: она также должна была украшать человѣка, удовлетворять его личное тщеславіе и вызывать общее удивленіе. Большинство моралистовъ, однако, слѣдуя предразсудкамъ современности и перенося ихъ на прошедшее, видятъ главною причиною появленія всевозможныхъ одѣяній, которыя носитъ человѣкъ, чувство стыда [3]); они принимаютъ легенду Библіи, по которой первая чета людей жила въ раю въ полной наготѣ и одѣлась въ листья тотчасъ послѣ грѣхопаденія, когда попробовала плода отъ древа познанія добра и зла [4]).

Если бы въ стыдѣ, дѣйствительно, заключалась главная причина, изъ-за которой человѣкъ покрываетъ свое тѣло одеждой, то почему, въ такомъ случаѣ, представители множества первобытныхъ племенъ,—каковы, напримѣръ, австралійцы, минкопи, ботокуды [5]),—обнаруживаютъ свою наготу безо всякаго стыда? И почему другія дикія племена украшаютъ свое тѣло бахромою, раковинами, жемчугомъ, красными зернами, стеклянными бусами, стараясь скорѣе привлечь вниманіе, чѣмъ устранить его? Почему также у канаковъ Новой Каледоніи, у нѣкоторыхъ другихъ островитянъ Меланезіи и у кафровъ въ Лоренцо-Маркецъ вся одежда состоитъ лишь изъ покрова, облекающаго мужскіе половые органы и сдѣланнаго либо изъ пучка листьевъ, либо изъ куска матеріи, либо изъ раковинъ,—иногда такой покровъ представляетъ собою даже настоящую деревянную коробку или у богатыхъ кафровъ коробку изъ слоновой кости или изъ золота [6])? Вполнѣ понятно, что въ мѣстностяхъ, изобилующихъ колючими кустарниками, первобытному человѣку прихо-

---

1) Ciro Truhelka, «Les Restes illyriens en Bosnie». — 2) Watke. Ausland, 1873, № 4. — 3) Schurtz. «Grundzüge einer Philosophie der Tracht», pp. 9—10. — 4) Книга Бытія. III, 2, 7. — 5) Waitz et Gerland. «Ethnographie». — 6) Haan. Bullet. de la Soc. d'Anthropologie. Séance du 15 juillet, 1897.

дится тщательно защищать выдающуюся часть своего тѣла футляромъ



Инструменты, употребляемые на островахъ Товарищества, собранные во время путешествія «La Coquille», 1822—1825.

1. Метелка отъ мухъ.
2. Тесло изъ желѣза.
3. Тесло изъ базальта.
4. Инструменты для татуировки.
5. Деревянный сосудъ.

или передникомъ, которые и носятъ почти всѣ дикія племена, однако, украшенія, подобныя упомянутымъ, не могутъ разсматриваться какъ такія защищающія одѣянія или какъ поясъ стыдливости, — они имѣютъ своимъ назначеніемъ скорѣе обращать вниманіе на полъ человѣка. Точно также нѣсколько цвѣтныхъ бахромокъ и блестящая раковина обращаютъ вниманіе мужчины на женщину. Сила влеченія половъ другъ къ другу увеличивается естественнымъ образомъ пропорціонально красотѣ украшеній, которыя одновременно и скрываютъ, и раскрываютъ полъ мужчины передъ женщиной и женщины передъ мужчиной. Стыдливость существуетъ лишь для того, чтобы быть побѣжденной, и нерѣдко дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ кокетствомъ: повторяется исторія съ нимфой, которая бѣжитъ въ кусты и, быть можетъ, безсознательно скрываетъ за ними

лишь половину своего тѣла, чтобы сильнѣе разжечь страсть преслѣдующаго ее любовника.

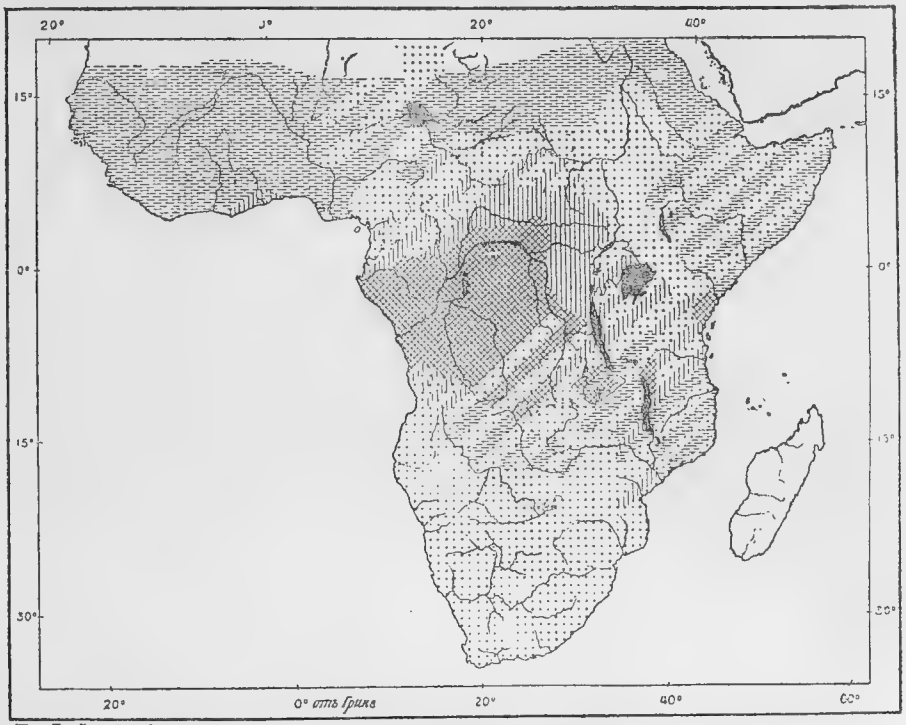
Впрочемъ, всѣ явленія соціальнаго характера имѣютъ обыкновенно многоразличное происхожденіе. Это можно сказать и относительно употребленія платья; въ нѣкоторыхъ случаяхъ платье могло служить также и для того, чтобы отвращать вниманіе, тогда какъ обыкновенно оно вниманіе привлекаетъ,—животный міръ даетъ намъ достаточное число примѣровъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи. Если птица, напр., облачается въ пестрый нарядъ, чтобы привлекать вниманіе самки, то, съ другой стороны, собака садится на заднія лапы, т.-е. скрываетъ свои половые органы, когда желаетъ, чтобы отъ нея удалился самецъ; столь же естественнымъ является, что и женщина закрываетъ часть своего тѣла, когда желаетъ отклонить отъ себя ласки мужчины. У многихъ племенъ наклонность къ ношенію одежды должна была происходить также отъ непріятнаго чувства, которое естественнымъ образомъ испытываютъ всѣ при видѣ экскрементовъ и которое должно было переноситься и на части тѣла, служащія для ихъ изверженія. Человѣкъ охотно прячетъ то, что можетъ вызывать у другихъ отвращеніе, и, дѣйствительно, въ Африкѣ, напримѣръ, гдѣ наблюдается въ широкой степени стеатопигія (сильное развитіе зада), приходится замѣчать, что у женщинъ часто развита привычка закрывать матеріей свою сѣдалищную часть. Впрочемъ, и видъ органовъ принятія пищи—рта, зубовъ и языка—во время ѣды можетъ также вызывать отвращеніе, и въ силу этого нѣкоторыя дикія племена никогда не ѣдятъ въ обществѣ [1]),—быть можетъ, они это дѣлаютъ также и съ тою цѣлью, чтобы не дать возможности злымъ духамъ войти въ тѣло человѣка [2]). Наконецъ, стыдливость и обусловливаемое ею ношеніе одежды могутъ въ тѣхъ случаяхъ, когда женщина вполнѣ принадлежитъ своему господину [3]), проистекать также изъ права собственности на нее,—онъ облекаетъ свою рабу въ покрывало. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ право собственности на женщину выражено наиболѣе сильно и глубоко вошло въ нравы,—напримѣръ, въ странахъ мусульманскаго востока,—женщина-рабыня должна скрывать даже свое лицо; она не должна проявлять никакого выраженія своей воли, не должна обладать ни собственной жизнью, ни мыслями.

Независимо отъ всѣхъ этихъ второстепенныхъ или косвенныхъ причинъ, должно все же сказать, что желаніе нравиться и желаніе вызывать къ себѣ страсть были у первобытныхъ людей первыми и главными причинами украшенія своего тѣла; отсюда мало-по-малу въ теченіе вѣковъ развились различныя формы одежды цивилизованныхъ наро-

1) Karl von der Steinen. «Central-Brasilien». — 2) Elie Reclus. «Notes manuscrites».—3) Havelock Ellis. Humanité nouvelle, 10 octobre 1899.

довъ, и, въ концѣ концовъ, человѣкъ сталъ закрывать все свое тѣло совершенно, иногда, какъ у мусульманскихъ женщинъ, оставляя въ своемъ одѣяніи лишь отверстіе для глазъ. Не стыдъ породилъ ношеніе одежды и придалъ послѣдней ея современное значеніе, а, наоборотъ, первоначальное украшеніе пола, которое локализировалось и развило стыдли-

№ 32. Распредѣленіе различныхъ родовъ одежды въ Африкѣ.



По Л. Фробенiусу

Одежда изъ пальмовыхъ листьевъ | Одежда изъ хлопчатника | Одежда изъ коры пальмы | Одежда изъ шкуръ и кожи

1: 72 000 000

0 300 1500 3000 километровъ.

вость. При позднѣйшей эволюціи воспріимчивость чувствъ дѣлается болѣе острой, вслѣдствіе широкаго распространенія всеобщаго обычая носить платье. Однако, какъ только форма одежды измѣняется въ зависимости отъ моды, такъ измѣняется и стыдливость [1]). Та же самая женщина, которая свободно открываетъ свои плечи и шею на балу, ни-

1) Westemark. «History of human marriage», p. 192;—Ernst Grosse. «Anfänge der Kunst», p. 93.

сколько не утрачивая своей естественной скромности, скорѣе умерла бы, чѣмъ показалась бы въ такомъ нарядѣ передъ прохожими на улицѣ!

Впрочемъ, надо сказать, что чувство, аналогичное настоящему стыду, проявляется во всѣхъ случаяхъ, когда играетъ главенствующую роль обычай. Женщина племени ленгуа или батакудовъ, которую застали бы безъ кружечка, носимаго на губѣ, сочла бы себя обезчещенной, совершенно такъ же, какъ счелъ бы себя въ нашемъ обществѣ обезчещеннымъ камергеръ, оказавшійся на оффиціальномъ празднествѣ безъ своего одѣянія, увѣшеннаго орденами! Индіанка съ береговъ Ріо-Негро, надѣвавшая передъ Альфредомъ Уоллесомъ юбку, стыдилась совершенно такъ же, какъ стыдилась бы цивилизованная женщина, если бы ей публично пришлось свою юбку снять. На Филиппинскихъ островахъ центромъ стыда является пупокъ, который никогда не долженъ быть неприкрытымъ; точно также въ Китаѣ считается непристойнымъ говорить о ногѣ, и на приличныхъ картинахъ ноги постоянно прикрыты платьемъ; женщина, которая позволила бы посмотрѣть на свои икры или колѣни, вызвала бы къ себѣ общее презрѣніе [1]).

Въ прежнія времена главнымъ образомъ мужчина примѣнялъ украшенія съ половою цѣлью, такъ какъ при тогдашнихъ условіяхъ общества каждая женщина была увѣрена въ томъ, что найдетъ мужчину и сдѣлается его супругою; въ то же время мужчинѣ нерѣдко приходилось считаться съ соперниками, и онъ рисковалъ долгое время остаться безъ спутницы жизни; въ силу этого, ему приходилось нравиться, приходилось во что бы то ни стало стремиться вызвать къ себѣ страсть. Подобно тому какъ пѣтухъ украшается краснымъ гребнемъ и распускаетъ свой хвостъ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, такъ точно и мужчина старался украсить свое тѣло узорами изъ охры или сока руку и генипы, бахромою и яркими тканями, орлиными перьями и когтями животныхъ, наконецъ, скальпами побѣжденныхъ враговъ, татупировкою и рубцами.

На островѣ Флиндерсѣ у Тасманіи вспыхнуло возстаніе туземцевъ вслѣдствіе того, что англичане запретили имъ раскрашиваться красной охрой, смѣшанной съ жиромъ: «вы дѣлаете насъ не нравящимися женщинамъ»!—жаловались молодые туземцы. Туземное населеніе вымерло, такъ и не обнаруживъ никакого желанія познакомиться съ гигіеною и опрятностью, какъ ее понимали побѣдители, оставшіеся въ странѣ единственными обитателями.

Въ наше время уже не мужчинѣ приходится стараться о своемъ украшеніи, а женщинѣ. Въ цивилизованныхъ странахъ она въ гораздо большей степени, чѣмъ мужчина, подвергается опасности остаться одной на всю жизнь; вслѣдствіе этого ей приходится украшать себя шелковыми

1) Havelock Ellis, op. cit.

тканями, драгоцѣнными камнями, заниматься своимъ туалетомъ въ теченіе долгихъ часовъ и подвергать даже иногда свое тѣло настоящей пыткѣ, въ надеждѣ привлечь на себя взгляды изумленія и восторга.

Имѣются, впрочемъ, на землѣ и такія условія, въ которыхъ, безо всякаго сомнѣнія, человѣкъ долженъ былъ облачиться въ одежды съ единственною цѣлью—чтобы защитить себя отъ погоды. Въ странахъ, гдѣ дожди выпадаютъ въ изобиліи, какъ, напр., въ странѣ папуасовъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ внутренней Бразиліи, одежда туземца представляетъ собою не что иное, какъ своего рода крышу. Какъ справедливо замѣтилъ фонъ-деръ-Штейненъ, потоки дождя увлекаютъ нерѣдко листья и ломаютъ вѣтви деревьевъ, и это угрожало бы опасностью туземцамъ, если бы они не защищали свою голову и верхнюю часть туловища конусами изъ листьевъ, по которымъ вода и увлекаемые ею обломки быстро скатываются. Къ такимъ мѣстнымъ причинамъ возникновенія одежды присоединились впослѣдствіи другія причины, перечисленныя выше, въ томъ числѣ и человѣческое тщеславіе. Человѣкъ пользуется всякимъ случаемъ, для того чтобы вызвать изумленіе другихъ и полюбоваться самимъ собою!

Прилагаемая карта (стр. 233) показываетъ, что матеріалы для одеждъ имѣются всюду; въ случаѣ отсутствія кожъ животныхъ или растеній, пригодныхъ для выдѣлки тканей, человѣкъ пользуется пальмовыми листьями, а обитатели лѣсовъ экваторіальной области примѣняютъ замѣчательно удачно для этой цѣли и простую древесную кору.

Въ холодныхъ странахъ, подверженныхъ сильнымъ морскимъ вѣтрамъ, человѣку также было совершенно необходимо покрывать свое тѣло: для жителей этихъ странъ вопросъ объ обладаніи теплыми мѣхами является вопросомъ жизни и смерти. Впрочемъ, надо сказать, способность туземцевъ арктическихъ и антарктическихъ странъ противустоять холоду такова, что они нерѣдко могутъ подвергать свое тѣло дѣйствію сильнѣйшихъ холодовъ совершенно безо всякой одежды. Они не только индифферентны, повидимому, къ ощущенію холода, но и могутъ прекрасно развиваться въ такихъ условіяхъ, которыя у европейцевъ повлекли бы за собою смерть въ самое короткое время. Дарвинъ и другіе путешественники часто наблюдали, что обитатели Огненной Земли ходятъ нагіе по снѣгу или подъ градомъ; женщины кормятъ зимою на воздухѣ своихъ грудныхъ дѣтей, которыя отъ этого, повидимому, не страдаютъ, и удаляются отъ огня, у котораго высадившіеся бѣлые дрожатъ отъ холода [1]). Обыкновенно обитатели Огненной Земли, которымъ удавалось достать мѣхъ гуанако или какой-нибудь теплый покровъ, заворачивали имъ ту

1) Ch. Darwin. «Voyage of a naturalist round the world».

сторону тѣла, которая подвергается дѣйствію вѣтра, и совсѣмъ не заботились о защитѣ другой стороны, которая отъ вѣтра закрыта.

Въ этихъ случаяхъ, какъ и при разсмотрѣніи одѣяній жаркихъ и умѣренныхъ странъ, совершенно ясно, что естественный стыдъ не былъ первопричиною обыкновенія носить одежду, принятаго людьми въ историческія времена. Впрочемъ, и здѣсь утилитарное происхожденіе одежды, предназначенной служить противъ холода, не препятствуетъ проявленію кокетства,—результаты тѣ же, какъ и при пользованіи одѣяніями другого происхожденія. Молодыя гренландки, напримѣръ, умѣютъ придавать очень элегантный видъ своимъ вышитымъ шароварамъ, кофтамъ, сапогамъ и капюшонамъ; кромѣ того въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ нѣтъ миссіонеровъ, они сохранили и татуировку, украшающую подбородокъ, щеки и руки. Нѣкоторыя племена эскимосовъ западной Аляски особенно отличаются кокетствомъ; они умѣютъ составлять свой костюмъ изъ мѣховъ и изъ разноцвѣтныхъ матерій, комбинируя ихъ такимъ образомъ, что впечатлѣніе получается положительно красивое.

Однако, при тяжелыхъ, жирныхъ одѣяніяхъ, къ тому же дорогихъ и трудно пріобрѣтаемыхъ, почему они служатъ долгое время, невозможно сохранить тѣло въ чистотѣ. Безъ сомнѣнія, племена, ходящія голыми, въ общемъ, болѣе тщательно соблюдаютъ гигіену своей кожи, чѣмъ племена, носящія одежду. Въ грядущіе вѣка разума главнѣйшимъ украшеніемъ человѣчества сдѣлается, конечно, чистоплотность!

Центромъ тяжести является полное равноправіе между отдѣльными индивидуумами.

Глава пятая.

ГРУППИРОВКА СЕМЕЙ. — МАТРІАРХАТЪ И ПАТРІАРХАТЪ. — СОБСТВЕННОСТЬ. — ОБРАЗОВАНІЕ КЛАССОВЪ. — ЦАРИ И РАБЫ. — ЯЗЫКЪ. — ПИСЬМЕННОСТЬ. — РЕЛИГІЯ. — МОРАЛЬ.

Побудительная причина, заставляющая каждаго человѣка украшать себя и стараться нравиться, влекла къ соединенію половъ для выполненія естественной функціи и, вслѣдствіе того, должна была вызвать образованіе семейныхъ группъ. Но, подобно тому какъ украшенія безконечно различались сообразно со внѣшней средой и съ матеріалами, которыми могъ располагать человѣкъ, такъ точно и общественныя формы, обусловленныя соединеніемъ половъ, были крайне разно-

образны въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныя эпохи. У различныхъ видовъ животныхъ также встрѣчаются всевозможныя формы соединенія половъ, и такое же многообразіе наблюдается среди первобытныхъ людей въ доисторическія и даже историческія времена. Смѣшеніе половъ, лишенное какихъ-либо опредѣленныхъ правилъ, общее пользованіе женщинами по извѣстнымъ правиламъ, полигамія или поліандрія, первенство мужа или жены, наслѣдованіе послѣ смерти старшаго брата вдовы его младшимъ, наконецъ, временная или постоянная моногамія—таковы были главнѣйшія формы брачныхъ отношеній. На первый взглядъ, легко вообразить, что всѣ первобытные люди вели одинъ и тотъ же образъ жизни,—однако, вѣроятнѣе, что они напоминали наши современныя дикія племена, у которыхъ наблюдаются самыя различныя формы брачныхъ отношеній. Многіе соціологи допускали, дѣйствительно, общее, ни на чемъ, впрочемъ, не основывающееся заключеніе, что «первобытнымъ состояніемъ человѣка вообще было полное смѣшеніе мужчинъ и женщинъ одной и той же общины». Но какое же мы имѣемъ основаніе думать, что это должно было быть такъ, если уже за предѣлами человѣческаго рода, среди міра животныхъ, встрѣчаются проявленія всѣхъ упомянутыхъ формъ брака и многія изъ нихъ свидѣтельствуютъ о взаимномъ выборѣ самца самкою или обратно?

Изслѣдованія, произведенныя Дарвиномъ и позднѣе Гузо, Эспинасомъ, Ромэнсомъ и многими другими, сдѣлали совершенно несомнѣннымъ, что семья, дѣйствительно, существуетъ въ животномъ царствѣ, хотя и въ очень разнообразныхъ формахъ. У многихъ видовъ наблюдаются даже примѣры моногамическихъ семейныхъ отношеній и постоянной, неизмѣнной любви, которую присяжные моралисты считаютъ единственной заслуживающей титула «супружества»,—впрочемъ, этотъ родъ брачныхъ отношеній, несомнѣнно, болѣе рѣдокъ, и чаще всего наблюдается смѣшеніе половъ, видоизмѣняющееся различными способами. Потому очень вѣроятно, что тѣ же самыя отношенія преобладали и у большинства первобытныхъ людей. Въ обособившемся обществѣ, которое подвергается всѣмъ опасностямъ со стороны внѣшнихъ стихій, со стороны животныхъ и вражескихъ племенъ, его коллективная личность обнимала собою всѣхъ индивидовъ — мужчинъ и женщинъ и дѣтей—и сближала ихъ столь тѣсно, что частная собственность не могла возникнуть и разъединить ихъ: всѣ они составляли въ совершенно равной степени отдѣльныя части обширной семьи.

Оскаръ Браунингъ [1]) доказываетъ, что во многихъ странахъ, несомнѣнно, существовалъ періодъ, когда присвоеніе женщины отдѣльнымъ мужчиной разсматривалось какъ покушеніе на права общества. Подобно

1) Transactions of the R. Historical Society, vol. VI, 1892, p. 97.

тому какъ всегда можно было сказать относительно присвоенія себѣ земли отдѣльными личностями, что «собственность—это воровство», такъ точно въ тѣ времена можно было сказать: «бракъ—это похищеніе». Человѣкъ, который похищалъ женщину у своихъ согражданъ и дѣлалъ ее какъ бы своею собственностью, своимъ личнымъ и частнымъ достояніемъ, долженъ былъ считаться нарушителемъ права собственности и преступникомъ по отношенію къ общинѣ.

Однако, въ этой области рѣзкія измѣненія обычаевъ и настоящіе перевороты въ понятіяхъ должны были случаться часто. Любовь не примѣняется къ традиціи, — она идетъ на проломъ, сама измѣняетъ все и создаетъ, въ концѣ концовъ, новыя установленія. Такъ «мужья-братья» первобытной общины, не рѣшаясь завладѣть лично для себя «сестрою», т.-е. женщиною, принадлежащею къ той же общинѣ, не стѣснялись, въ то же время, похищать женщинъ чужихъ общинъ. Вѣроятно, часто влюбленный юноша прятался въ кустарникахъ у ручья, къ которому должна была придти за водой дѣвушка, подкарауливалъ свою добычу и съ торжествомъ уводилъ ее къ себѣ въ деревню, чтобы владѣть ею въ качествѣ единственнаго и полновластнаго господина, а не въ качествѣ мужа-общинника.

Таково было начало эксогамическихъ браковъ, т.-е. браковъ съ женщинами изъ чужой общины; первоначально они происходили путемъ насильственнаго похищенія и лишь затѣмъ, вслѣдствіе частыхъ повтореній, приняли нормальный характеръ и стали общепринятыми. И въ наше время не мало извѣстно странъ, гдѣ похищеніе молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ совершается съ насиліемъ, безъ молчаливаго соглашенія съ похищенною жертвою или съ ея родными. Чтобы понять причины этого, должно прежде всего принять во вниманіе, что среди многихъ народовъ и во всѣхъ частяхъ свѣта постоянно свирѣпствовали войны. Когда всѣ страсти борящихся напряжены, когда жизнь и свобода ближняго находится во власти побѣдителя, и когда самое искусство убійства и грабежа разсматривается какъ нѣчто достойное славы и похвалы, конечно, побѣдитель можетъ считать себя въ правѣ распоряжаться какъ ему заблагоразсудится съ плѣнными и присваивать ихъ себѣ, — въ силу этого Ахиллесъ, напр., требовалъ себѣ Бризеиду, какъ свою собственность; даже среди народовъ, считающихъ себя цивилизованными, солдаты на войнѣ проявляютъ дикій атавизмъ инстинктовъ и совершаютъ насилія и грабежи.

Впрочемъ, у многихъ первобытныхъ народовъ похищеніе женщинъ происходитъ при вполнѣ мирныхъ условіяхъ и освящено обычаемъ. Такъ туземцы племени сіа-пошъ въ Гиндукушѣ были обычаемъ принуждены брать жену чуждой общины; желающій добыть себѣ жену подкрадывался къ хижинѣ, гдѣ спала намѣченная имъ дѣвушка, и пускалъ въ эту хи-

жину стрѣлу, окрашенную кровью,—если надо было, онъ былъ готовъ и на самомъ дѣлѣ пролить кровь того, кто попробовалъ бы преградить ему дорогу. Совершенно такъ же поступали и древніе германцы, у которыхъ слово «brut-luft» — «бѣгъ за невѣстой»—употреблялось въ смыслѣ «женитьбы» [1]).

Въ западной части Балканскаго полуострова мирдиты—народность христіанской религіи и республиканскихъ нравовъ — считали для себя прямо безчестіемъ не имѣть своей женою дочери кого-нибудь изъ мусульманъ—ихъ наслѣдственныхъ враговъ, живущихъ въ долинѣ. Мусульмане, съ своей стороны, иногда ожесточенно защищали своихъ дочерей и сестеръ отъ такихъ похищеній, но еще чаще смотрѣли на совершившееся совершенно спокойно, такъ какъ знали, что для горныхъ жителей похищеніе женщинъ является какъ бы закономъ природы, освященнымъ традиціей, — они тѣмъ болѣе относились къ этому хладнокровно, что, во время перерывовъ между постоянными военными стычками, получали обыкновенно отъ похитителей денежный выкупъ въ установленномъ обычаемъ размѣрѣ. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ промежуточную форму между простымъ похищеніемъ первыхъ временъ и настоящей покупкой жены, каковая практикуется, напримѣръ, на Кавказѣ у черкесовъ.

Итакъ, настоящее похищеніе женщинъ сохранилось и до сихъ поръ. Еще болѣе многочисленны различные обычаи, свидѣтельствующіе о первобытномъ характерѣ эксогамическихъ браковъ [2]). Примѣрами этихъ сохранившихся изъ древности обычаевъ полна исторія. Въ Греціи сохранились воспоминанія о «героическомъ» бракѣ, въ Индіи—о союзѣ, заключенномъ по примѣру Ракхаза; во всѣхъ частяхъ земного шара самыя различныя племена при заключеніи брака симулируютъ похищеніе; похищеніе римлянами сабинянокъ воспроизводится всюду въ различнѣйшихъ играхъ и празднествахъ, при которыхъ извлекаются шпаги, мелькаютъ въ воздухѣ палицы, но уже не проливается болѣе крови. Является даже вопросъ, не представляютъ ли собою шафера, сопровождающіе жениха и невѣсту въ нашей брачной церемоніи,—вооруженныхъ сотоварищей, которые съ той и другой стороны проливали кровь, чтобы помочь добыть или помочь охранить жертву любви? Обычаи и установленія, подобно народамъ, имѣютъ многоразличное происхожденіе: пережитки ненависти и злобы часто переплетаются съ пережитками дружескаго согласія въ одно драматическое дѣйствіе, въ которомъ дѣйствующія лица, забывъ первоначальное значеніе, видятъ уже лишь одно собственное удовольствіе. Какъ бы то ни было, во всѣ времена союзъ муж-

---

1) Max Müller, «Essais de Mythologie comparée», traduction de G. Perrot, p. 307.—2) Mac Lellan, «Primitive marriage».

чины съ женщиной долженъ былъ порождаться взаимнымъ влеченіемъ.

№ 33. Нѣкоторыя формы брачныхъ отношеній въ Индіи.

1 : 10 000 000

0 100 250 500 Килом.

1. Племя тода—въ прежнія времена полигамія и примѣненіе дѣтоубійства.
2. Племя ирула—смѣшеніе половъ.
3. Племя наиръ—сложные браки, въ основѣ которыхъ матріархатъ.
4. Племя поліаръ—поліандрія.
5. Племя мопла (магометанское)—полигамія.
6. Племя лаббаи—полигамія.
7. Племя родія—эксогамическая поліандрія.
8. Племя ведда — браки съ младшими сестрами, эндогамическая полигамія.
9. Евреи въ г. Кранганоре — строгая моногамія.
10. Назареяне въ г. Квилонѣ—моногамія религіознаго характера.
11. Католики въ Гоа, Сенъ-Тома, Пондишерри и др.
12. Протестанты въ Мангалорэ и Мадура.

У тамилей и сингалезовъ браки при помощи цвѣтовъ.

Въ одной изъ главъ Маха-Бхараты мы находимъ описаніе всѣхъ закон-

ныхъ способовъ брака, которыхъ насчитывается восемь, — повидимому, они соотвѣтствовали обычаямъ тѣхъ различныхъ народностей, которыя въ различныя эпохи слились въ одно цѣлое, образовавшее населеніе Индостана.

Различныя формы полового общенія, начиная отъ полнаго смѣшенія половъ до свободнаго союза, обусловленнаго обоюднымъ согласіемъ, не могутъ быть поняты, если оставить безъ вниманія третій элементъ того тройственнаго союза, который представляетъ собою семья,— именно, ребенка. Въ соціальномъ организмѣ ребенокъ имѣлъ крайне важное значеніе: онъ впервые обусловилъ тѣсную связь группы изъ двухъ индивидовъ разнаго пола, позднѣе онъ же далъ основаніе къ возникновенію моногамической семьи [1]). Если не принимать во вниманіе преимущественнаго вліянія ребенка, то остается необъяснимымъ возникновеніе матріархата; въ недавнія времена самое существованіе этой формы брачныхъ отношеній не было извѣстно, теперь же мы знаемъ на основаніи множества документальныхъ данныхъ и огромнаго количества наблюденій, что матріархатъ господствовалъ въ теченіе долгихъ вѣковъ у очень многихъ народностей. Нѣкоторые авторы [2]) старались даже доказать, что все человѣчество въ своемъ первоначальномъ развитіи прошло чрезъ фазу матріархата, т.-е. управленія семьи матерью. Гипотеза эта, однако, очень сомнительна, особенно въ виду того, что у наиболѣе низко стоящихъ первобытныхъ племенъ, каковы, напримѣръ, многія отсталыя народности Бразиліи и индѣйскія племена Калифорнскаго побережья, матріархата не наблюдается, — его приходится искать у племенъ, имѣющихъ за собою уже многіе вѣка цивилизаціи [3]). Самымъ варварскимъ состояніемъ общества является тотъ періодъ, въ теченіе котораго въ семьѣ мужчина главенствуетъ, не вслѣдствіе того, что онъ отецъ своихъ дѣтей, а исключительно лишь потому, что онъ обладаетъ бо́льшею силою и доставляетъ наибольшую часть пищи, идущей на пропитаніе семьи, расточая въ то же время удары своей мощной рукой и врагамъ, и слабѣйшимъ членамъ семьи. Дѣти при этихъ условіяхъ могутъ быть всецѣло предоставлены матери; она ухаживаетъ за ними и воспитываетъ ихъ, но отецъ, тѣмъ не менѣе, не оказываетъ ей никакого уваженія и не считаетъ ее себѣ равною, — она не болѣе, какъ родильница, кормилица и служанка, тогда какъ онъ остается надъ нею господиномъ.

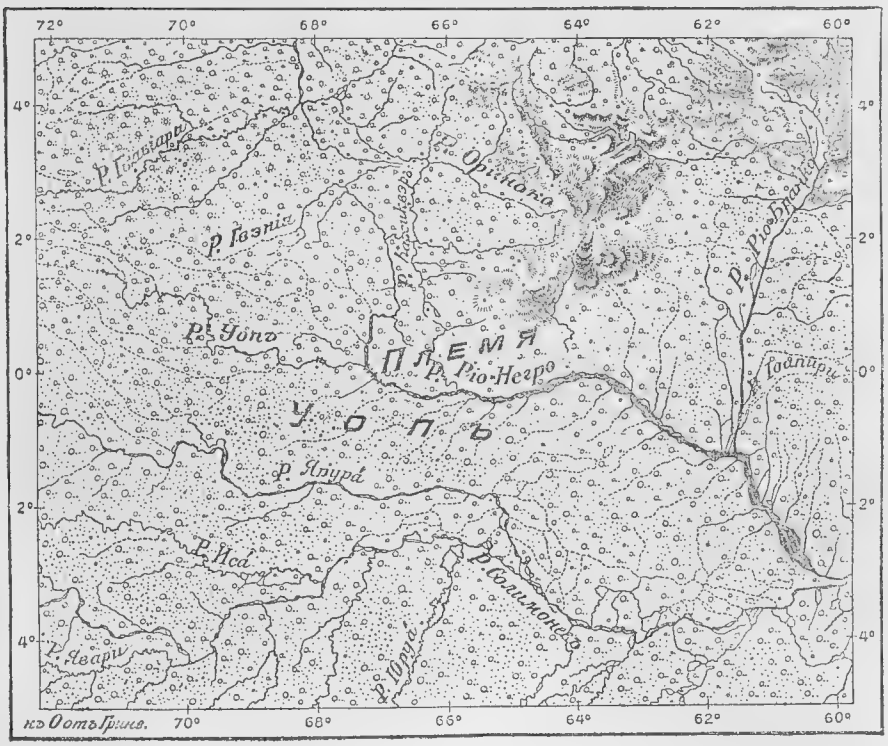
Настоящій матріархатъ требуетъ уже нѣкотораго утонченія нравовъ и является стадіей гораздо болѣе высокой, чѣмъ времена владыче-

---

1) Guyau, «Morale d'Épicure», p. 160.—2) Bachofen, «Mutterrecht» —3) Heinrich Cunow, «Bases économiques du Matriarcat» (Devenir Social, janvier 1898).

ства мужчины, основаннаго на силѣ, чѣмъ эпоха смѣшанныхъ браковъ, если такіе дѣйствительно существовали, и чѣмъ тотъ періодъ, когда женщинами обладали сообща всѣ полноправные члены семейной группы. Даже въ эти періоды, когда за общиной тащилась цѣлая масса дѣтей, они должны были вполнѣ естественнымъ образомъ группироваться около

№ 34. Страна «амазонокъ».



1:12 000 000

0 100 200 300 400 500 килом.

По Кудро, женщины племени уопь дали поводъ къ легендѣ, по которой р. Амазонка получила свое названіе.

своихъ матерей и такимъ образомъ должны были способствовать увеличенію значенія матери въ управленіи семьей; при благопріятныхъ обстоятельствахъ развивалось такимъ путемъ и соціальное или даже политическое право матери. Вслѣдствіе того, что отецъ былъ неизвѣстенъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ разсматривался какъ лицо совершенно случайное,—вокругъ очага матери соединялись тѣ, кого она выкормила и пріучила къ жизненной борьбѣ. Такимъ образомъ,

власть матери развивалась въ средѣ первобытнаго варварства и дала первый импульсъ къ возникновенію цивилизаціи [1]). У племенъ, живущихъ по берегамъ Южной Америки, гдѣ связь мужчины съ семьей въ большинствѣ случаевъ сильно расшатана, и гдѣ почти господствуетъ безпорядочное смѣшеніе половъ, естественнымъ путемъ начинаетъ возникать матріархатъ [2]).

Основное значеніе ребенка въ образованіи матріархата остается внѣ всякаго сомнѣнія, но извѣстно также, что и вліяніе географической среды должно было имѣть нѣкоторое значеніе въ этой соціальной эволюціи. Такъ, въ странахъ, гдѣ собираніе плодовъ и корней было глав-

Битва амазонокъ.
Древній барельефъ. Обломокъ щита.
(Изъ Лувpскаго Музея).

нымъ способомъ нахожденія пищи, женщины имѣли гораздо болѣе шансовъ получить также значеніе въ смыслѣ доставленія матеріальныхъ средствъ. Эти шансы еще болѣе увеличивались въ тѣхъ странахъ, гдѣ велось мало войнъ и мужчина, вслѣдствіе этого, не занималъ перваго мѣста въ семьѣ въ качествѣ защитника и завоевателя [3]). Неизвѣстно, впрочемъ, дѣйствительно ли война во всѣ времена давала превосходство мужчинамъ, такъ какъ легенды объ амазонкахъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ являются настолько общераспространенными, что нельзя не допустить существованія въ древности воинственныхъ племенъ, находившихся подъ управленіемъ женщинъ. Къ тому же, мы имѣемъ не однѣ

1) Elie Reclus, République française, 23 fév. 1877. — 2) Liard-Courtois. «Après le Bagne», p. 117.— 3) Ernst Grosse, «Die Anfänge der Kunst», p. 36.

легенды: примѣры того, что женщины выступали въ качествѣ настоящихъ предводителей на войнѣ, существуютъ и въ исторіи.

Существовали ли амазонки или нѣтъ въ качествѣ отдѣльныхъ политическихъ общинъ,—не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что многія племена признавали полное превосходство женщинъ, и что у другихъ племенъ мужчины, хотя и обладали властью, заявляли все же всегда о своей принадлежности къ семейству матери, а не отца. Геродотъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи, сдѣлавшемся знаменитымъ [1]), говоритъ, что ликійцы носили имя матери, а не отца, и что ихъ родство считалось по ихъ отношеніямъ къ матери. Ликійскія надписи подтверждаютъ это сообщеніе великаго путешественника-историка, такъ какъ въ нихъ упоминаются также лишь имена матерей [2]). Къ собраннымъ Бахофеномъ примѣрамъ матріархата въ древности Макъ Лелланъ и многіе другіе путешественники добавили достаточное количество примѣровъ изъ жизни современныхъ нецивилизованныхъ народовъ.

Дагомейская амазонка.

1) Книга I, 173.—2) Bachofen. «Mutterrecht»; M. Kowalewsky, «Tableau des Origines et des Evolutions de la Famille et de la Propriété».

Чтобы привести наиболѣе типичную форму такихъ соціальныхъ отношеній, мы можемъ указать, напримѣръ, на горныхъ жителей Ассама, къ югу отъ Брамапутры,—именно, на племена гарро и хазія. Даже и въ настоящее время, несмотря на вліяніе индусовъ и другихъ сосѣднихъ племенъ патріархальнаго типа, племена эти раздѣляются на кланы, которые сохранили названіе «mahari», т.-е. «матріи». Они родственны тибетцамъ, у которыхъ наблюдаются также остатки владычества женщинъ, и признаютъ главою семьи всегда женщину. У нихъ дѣвушка дѣлаетъ предложеніе юношѣ, приглашая его сдѣлаться ея мужемъ; дѣвушка же совершаетъ похищеніе выбраннаго мужа въ сопровожденіи своихъ друзей и слугъ, принадлежащихъ къ материнскому клану. Право развода принадлежитъ у нихъ женѣ,—она имѣетъ право, когда захочетъ, бросить на воздухъ пять раковинъ въ знакъ того, что расторженіе брака состоялось, и затѣмъ супругъ принужденъ возвратиться въ свою первоначальную матрію, оставивъ своихъ дѣтей женѣ. Даже если жена терпитъ своего мужа всю жизнь, она все же разводится съ нимъ послѣ его смерти: прахъ его, послѣ сожженія, отправляется къ его родственникамъ, тогда какъ тѣло жены съ почетомъ сжигается членами ея матріи; позднѣе урны съ прахомъ дѣтей ставятся вмѣстѣ съ урною матери [1]).

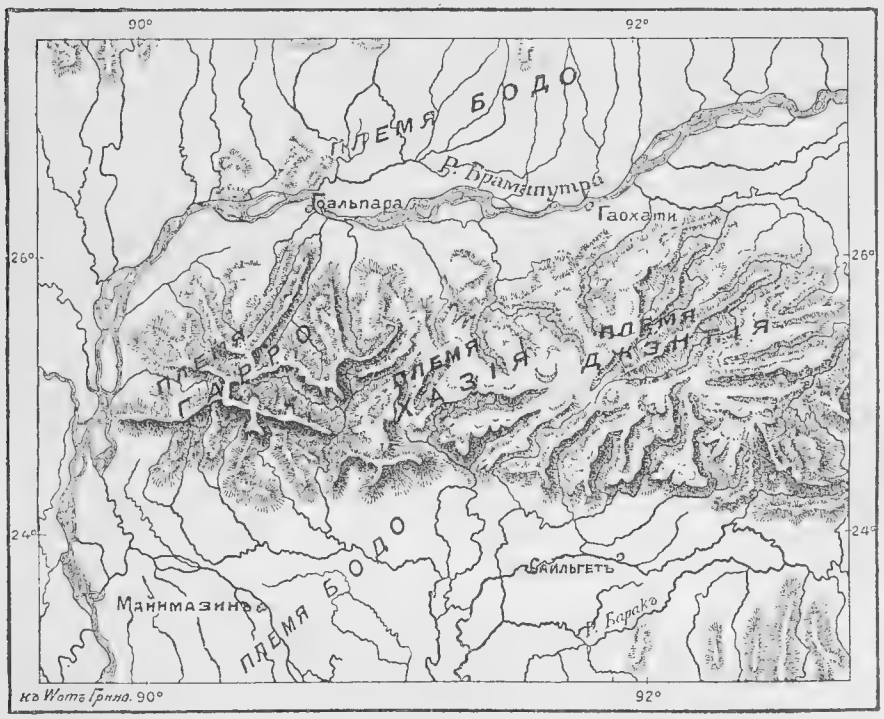
Куновъ классифицировалъ виды семейнаго строя первобытныхъ племенъ въ различныхъ частяхъ свѣта и доказалъ съ несомнѣнностью, что существуетъ прямая зависимость между семейнымъ строемъ и экономическими условіями окружающей среды. Такъ, никогда не приходилось встрѣчать настоящаго матріархата у пастушескихъ народностей. Даже у тѣхъ кочующихъ народностей, у которыхъ происхожденіе опредѣляется по отношеніямъ даннаго члена семьи къ матери,—какъ, напримѣръ, у племени ова-герреро южной Африки,—женщина отнюдь не обладаетъ властью; она принуждена подчиняться, такъ какъ все благосостояніе семьи зависитъ почти исключительно отъ работы мужчины. Онъ пасетъ скотъ на пастбищахъ, заботится о немъ и защищаетъ его отъ непріятелей, отъ дикихъ звѣрей и отъ разбойниковъ; онъ же доитъ коровъ и приготовляетъ сыры, однимъ словомъ, онъ обладаетъ и силою, и превосходствомъ въ смыслѣ экономическаго значенія,—вотъ почему даже пережитки древнихъ временъ, указывающіе на прежнее главенство матери, не препятствуютъ у кочевниковъ фактическому господству мужчины.

Въ тѣхъ странахъ, однако, гдѣ земледѣліе становится почти исключительно дѣломъ женщинъ, гдѣ мужья и сыновья постоянно заняты какимъ-нибудь отхожимъ промысломъ, охотою, рыбною ловлею, войною,—положеніе совершенно мѣняется; тамъ главнѣйшая роль въ экономиче-

1) Dalton, «Ethnology of Bengal».

ской жизни народа принадлежитъ женщинѣ. Земледѣліе доставляетъ женщинѣ почти постоянно одно и то же количество продуктовъ, тогда какъ результаты дѣятельности мужчины сильно измѣнчивы, въ зависимости отъ случая и отъ погоды. Общее благосостояніе зависитъ, слѣдовательно, исключительно отъ работы матерей, отъ ихъ умѣнья, ихъ любви къ труду и отъ мира и согласія, которые онѣ вносятъ въ домъ. Естествен-

№ 35. Область распространенія матріархата въ Ассамѣ.



ное чувство, съ которымъ относятся къ матери группирующіяся вокругъ нея дѣти, вызываетъ какъ бы нѣкоторое поклоненіе ей. Ни одно рѣшеніе не можетъ быть принято безъ того, чтобы съ ней не посовѣтовались; доставляя сперва средства къ существованію семьи, женщина, въ концѣ концовъ, дѣлается и участницей во всѣхъ соціальныхъ и политическихъ дѣлахъ: мужчины, несмотря на свое превосходство въ силѣ, преклоняются предъ ея превосходствомъ моральнымъ.

У сѣверо-американскаго племени віандотовъ [1]) большой національный совѣтъ составлялся изъ 44 женщинъ и 4 мужчинъ, — послѣдніе были, на самомъ дѣлѣ, не болѣе какъ исполнителями воли женщинъ [2]). Въ общинахъ, выше организованныхъ, однако, гдѣ земледѣліе получаетъ уже такое значеніе, что мужчина почти совершенно оставляетъ охоту и рыболовство и прилагаетъ всю свою силу къ обработкѣ земли, происходитъ опять переворотъ въ группировкѣ членовъ семьи, и изъ семьи матріархальной развивается семья патріархальная, какъ мы это наблюдаемъ, напримѣръ, въ древнемъ Китаѣ, у японцевъ и у римлянъ.

Должно замѣтить, впрочемъ, что слово «матріархатъ» ведетъ иногда къ недоразумѣніямъ,—именно, предполагаютъ, что власть матери надъ дѣтьми обусловливаетъ также ея управленіе семьею или, по крайней мѣрѣ, равноправіе матери и отца. Въ дѣйствительности, однако, это вещи совершенно разныя. Власть матери никоимъ образомъ не препятствуетъ проявленію грубой силы отца: возникаетъ лишь, такъ сказать, нѣкоторое упрощеніе труда управленія семьею. Такъ, у племени орангъ-ло, обитающаго на полуостровѣ Малаккѣ, дѣти принадлежатъ лишь одной матери, что является вполнѣ признакомъ матріархата, тѣмъ не менѣе жена влачитъ самое несчастное существованіе, мужъ бьетъ ее и не позволяетъ ей ѣсть въ своемъ присутствіи [3]). Точно также въ Беарніи и въ Японіи мужъ старшей наслѣдницы въ семьѣ живетъ у нея и получаетъ отъ нея свое имя, которое дѣлается также и именемъ семьи: можно было бы думать, что это является признакомъ настоящаго матріархата, однако, мужъ, тѣмъ не менѣе, при всемъ его уваженіи къ женѣ, давшей ему и богатство, и имя, остается главою и неоспоримымъ владыкою семьи [4]).

Поліандрія является формою брачныхъ отношеній, возникающею естественнымъ путемъ изъ матріархата. Въ союзѣ мужчины и женщины и тотъ, и другой обладаютъ стремленіемъ отстоять свою личность и получить преобладаніе. Въ силу этого женщина, являвшаяся полной госпожею надъ своими дѣтьми, подчинявшая себѣ мужчину и считавшаяся въ семейныхъ дѣлахъ лишь со своею волею, не встрѣчала препятствія, если брала нѣсколькихъ любовниковъ, одного за другимъ или даже всѣхъ сразу: будучи госпожею положенія, она свободно могла ихъ выбирать. Женское сердце, впрочемъ, консервативно и остается вѣрнымъ первымъ впечатлѣніямъ, потому женщина даже при господствѣ настоящей поліандріи имѣла обыкновеніе поддерживать семейныя связи и брала своими супругами сыновей одной и той же матери. Эта форма брачныхъ

---

1) Heinrich Cunow. Le Devenir Social, avril 1898, pp. 335 à 341.—2) I. W. Powell. «Wyandot Government».—3) Lafitau, Anthropologie, t. VIII, 1897, p. 110.—4) Jacques Lourbet, Revue de Morale sociale, 1893, p. 164.

Великій совѣтъ женщинъ у племени віандотовъ.
Рисунокъ Жоржа Ру съ фотографіи.

отношеній господствовала въ прежнія времена у племени бодо въ Тибетѣ и у всѣхъ племенъ одинаковаго съ нимъ происхожденія.

Полигинія является установленіемъ, которое при патріархатѣ соотвѣтствуетъ поліандріи при матріархатѣ. Притомъ контрастъ между обоими типами брака, характеризующимися господствомъ матерей или господствомъ отцовъ, далеко не всегда является рѣзкимъ. Такъ, многіе авторы приводятъ какъ примѣръ, свидѣтельствующій о существованіи матріархата въ древней Индіи, быть можетъ, именно переходную форму между обѣими системами. Дропади, супруга пяти сыновей Панду, является «царицей», но не главою семьи; несмотря на то, что она получила много мужей, она не сохранила власти надъ домомъ и должна повиноваться. Въ этомъ замѣчательномъ случаѣ, слѣдовательно, элементы патріархата примѣшиваются къ матріархату.

Другой часто приводимый примѣръ—это племя наиръ, на Малабарскомъ берегу; въ этомъ случаѣ оба начала точно также смѣшаны. Дѣйствительно, женщины племени наиръ, принадлежа къ древней, воинственной и привыкшей господствовать расѣ, сами избираютъ и мѣняютъ своихъ мужей, но онѣ принуждены брать ихъ изъ касты браманистовъ,—касты, пришедшей съ сѣвера, обладающей умомъ и хитростью и способной господствовать, прикрываясь внѣшними почестями, оказываемыми

оффиціально признанной власти. Вслѣдствіе этого типы брачныхъ союзовъ у племени наиръ мѣняются, сообразно съ большимъ или меньшимъ вліяніемъ входящихъ въ него этническихъ элементовъ, но всѣ они представляютъ собою нѣкоторый компромиссъ между различными принципами и выливаются иногда въ крайне курьезныя и сложныя формы. Примѣромъ самыхъ оригинальныхъ брачныхъ союзовъ является, пожалуй, коллективный «великій союзъ»: мужчины браманисты и женщины племени наиръ соединяются въ общину изъ многихъ членовъ, иногда до 12 каждаго пола, причемъ каждый изъ членовъ такой общины, какъ мужчина, такъ и женщина, имѣетъ права на всѣхъ остальныхъ членовъ другого пола [1]). Въ данномъ случаѣ нѣтъ ни матріархата, ни патріархата, — мы имѣемъ здѣсь передъ собою соединеніе полигаміи и поліандріи—возвратъ къ первоначальному смѣшенію половъ, но уже въ строго урегулированной формѣ, допускающей сближеніе лишь между членами опредѣленной общины. Несомнѣнно, необходимы были сложныя хитросплетенія и полное извращеніе религіозныхъ понятій, для того чтобы дойти до подобной комбинаціи!

Патріархатъ, сдѣлавшійся подъ различными видами почти всемірно распространеннымъ типомъ брачныхъ отношеній въ современномъ человѣческомъ обществѣ, беретъ свое начало, подобно матріархату, не только въ доисторическихъ временахъ, но и во временахъ до появленія человѣческаго рода. Различія въ условіяхъ среды и въ условіяхъ развитія вызвали естественнымъ образомъ многочисленныя различія въ деталяхъ; можно все же сказать, что, въ общемъ, скорѣе матріархатъ объясняется естественнымъ актомъ, именно рожденіемъ ребенка, между тѣмъ какъ патріархатъ въ своей основѣ имѣетъ актъ насилія—побѣду и похищеніе—явленія историческаго порядка [2]).

Возникновеніе патріархата произошло не такъ, какъ представляетъ себѣ Макъ-Лелланъ въ своей книгѣ «О первобытномъ бракѣ»,—патріархатъ произошелъ не путемъ медленной эволюціи изъ первобытныхъ формъ брачныхъ отношеній и группировки дѣтей вокругъ отца,—наоборотъ, появленіе его обусловливается причинами насильственными, событіями внезапными, и развитіе его было совершенно независимо и обособлено отъ развитія матріархата; послѣднее, впрочемъ, не препятствовало комбинированію и смѣшенію этихъ двухъ формъ брака.

Возникновеніе первой патріархальной семьи, семьи, сильно отличающейся отъ того, что мы теперь подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ, было совершенно аналогично возникновенію государства. Побѣдитель и владыка

---

1) Mac Lellan. «Primitive Marriage».—2) Ludwig Gumplowicz, Neue deutsche Rundschau, vol. I, 1895, p. 1143 et suiv.

завладѣвалъ страной и всѣми находящимися въ ней жителями,—онъ являлся основателемъ государства. Каждый изъ воиновъ, составлявшихъ побѣдоносное войско, получалъ свою долю добычи, земли, имущества и людей. Всѣ покорявшіеся съ этого момента побѣдителю въ качествѣ рабовъ или наложницъ входили въ составъ его «семьи»,—терминъ, подъ которымъ первоначально подразумѣвалось все имущество движимое и недвижимое, всѣ дѣти и рабы [1]). Самъ «отецъ семейства», глава семьи, первоначально считался не производителемъ, давшимъ ей начало, а лишь защитникомъ всего маленькаго государства, которое сдѣлалось ему подвластно вслѣдствіе одержанной въ борьбѣ побѣды или даже перешло къ нему по наслѣдству,—«отцомъ семейства» мужчина могъ сдѣлаться, слѣдовательно, путемъ содѣйствія своихъ рабовъ или своихъ родственниковъ; даже послѣ своей смерти онъ получалъ законныхъ дѣтей, благодаря установленію «левирата», т.-е. обычая, по которому братъ долженъ былъ жениться на вдовѣ своего покойнаго брата, и дѣти его считались дѣтьми покойнаго.

Кромѣ войны, являвшейся основной причиной образованія патріархальной семьи, иногда также и другія условія образа жизни содѣйствовали тому, что мужчина получалъ въ семьѣ высшую власть. У племенъ, живущихъ исключительно охотой, пищу приноситъ домой мужъ, тогда какъ женщинѣ приходится лишь смотрѣть за дѣтьми и заниматься дома хозяйственными работами. Въ такомъ случаѣ отецъ совершенно неизбѣжно получалъ и удерживалъ за собой высшій авторитетъ: являясь кормильцемъ и поильцемъ семьи, онъ вполнѣ заслуживалъ преклоненіе предъ нимъ всѣхъ членовъ его семьи. У кочевыхъ народностей семья держится также силою мужчинъ,—они ловятъ, укрощаютъ и бьютъ скотъ; естественно, что они получаютъ права надъ женщинами, которыя болѣе слабы и самой природой предназначены для приготовленія пищи, для заботъ о дѣтяхъ и о молодыхъ животныхъ стада. При всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, патріархатъ долженъ усиливаться у пастушескихъ племенъ особенно въ томъ случаѣ, если они одновременно и воинственны, и стараются покорить себѣ другія народности. Каждая новая доставленная партія плѣнниковъ вліяетъ на семью побѣдителя и соотвѣтственно уменьшаетъ права жены.

Благодаря борьбѣ между обоими принципами, изъ коихъ одинъ возникъ на почвѣ естественной связи между ребенкомъ и его матерью, другой—на почвѣ насилія мужчинъ-похитителей, оба типа брачныхъ отношеній, матріархатъ и патріархатъ, развивались одновременно на протяженіи ряда вѣковъ и, сообразно съ превратностями человѣческаго рода, то получали болѣе широкое развитіе, то утрачивали свое значеніе, никогда не сохраняя, однако, во вполнѣ устойчивомъ состояніи семейныхъ

1) Michel Bréal et Anatole Bailly. «Dictionnaire étymologique latin».

отношеній, — центромъ тяжести таковыхъ является полное равноправіе между индивидами и, слѣдовательно, между обоими полами.

Въ то же время на Суматрѣ, напримѣръ, признавались три формы брака: «jugur» — покупка мужчиной женщины, «ambel-anak» — покупка женщиной мужчины и «semando» — бракъ на равныхъ правахъ [1]).

У племени хассаніэ и у племени хамитовъ въ верховьяхъ Нила часто признается право замужней женщины на полученіе части продуктовъ, добытыхъ отъ обработки почвы. При постоянномъ антагонизмѣ различныхъ режимовъ патріархатъ, какъ показываетъ намъ исторія, преобладалъ все же чаще всѣхъ прочихъ,—причиной того были трудности въ борьбѣ за существованіе, которыя требуютъ приложенія силы, и результаты столкновеній, происходившихъ внутри самихъ семей.

Смѣшеніе понятій и идей обнаруживаетъ всюду, даже у чисто патріархальныхъ народностей, существованіе нѣкоторыхъ остатковъ господствовавшаго въ древности матріархата,—иногда остатки эти чрезвычайно курьезны. Такъ, у племени ба-люба въ Касаи женщины являются настоящими рабынями, пріобрѣтаемыми за деньги, но, тѣмъ не менѣе, онѣ предсѣдательствуютъ какъ «старѣйшія» при религіозныхъ обрядахъ, соединенныхъ съ посѣвомъ [2]). Въ другихъ мѣстностяхъ, особенно у берберійскихъ племенъ, женщина также служитъ какъ раба, но, несмотря на это, можетъ защитить странника подобно божеству. Точно также въ средніе вѣка, въ Европѣ, рука женщины замѣняла прикосновеніе къ алтарю. Такіе слѣды сдѣлались, однако, въ современномъ обществѣ столь слабыми, и всѣ общественныя условія столь прочно основываются на правахъ супруга и отца, что даже сама добродѣтель—«virtus»—разсматривалась прежде какъ свойство, составляющее монополію мужчины [3]). Вполнѣ естественно, что такая исключительная претензія на обладаніе добродѣтелью должна была породить всевозможные пороки: дикую ревность мужа-собственника, жестокость въ воспитаніи дѣтей, сожженіе вдовъ, примѣненіе и, наконецъ, даже требованіе дѣтоубійства.

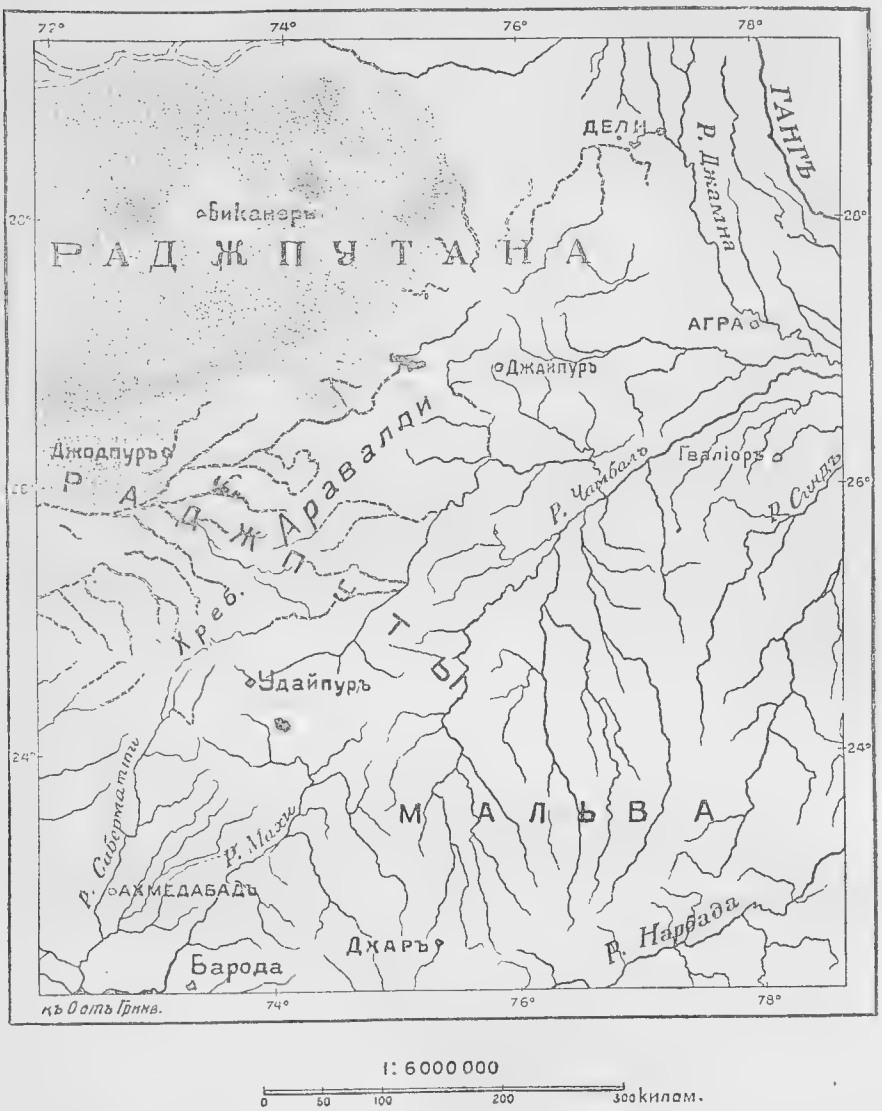
Извѣстно, что въ Индіи нѣкоторыя области, населенныя воинственными племенами, сложились подъ этимъ режимомъ. Даже еще относительно недавно, уже въ нашъ вѣкъ просвѣщенія и науки, индусы племени раджпутовъ или «королевскихъ сыновей», типичные представители традиціонной чести, добывали себѣ женъ исключительно путемъ похищенія, допускали сожженіе своихъ матерей вмѣстѣ съ трупомъ отца и почти постоянно убивали сами своихъ дочерей изъ боязни, что не въ состояніи будутъ выдать ихъ замужъ съ достаточной роскошью и блескомъ.

---

1) Lubbock. «Origines de la civilisation». — 2) Garmijn. Bulletin de la Soc. Belge de Géogr., nov. 1905.—3) G. de Greef. «Le Transformisme social».

Этотъ примѣръ ясно показываетъ, насколько соціальная группировка, созданная кланомъ, общиной или націей и утвержденная тради-

№ 36. Страна традиціонной чести и дѣтоубійства.



ціонной моралью, имѣетъ неизмѣримо больше вліянія, чѣмъ естественныя чувства, проявляемыя человѣкомъ въ его брачныхъ и родственныхъ отношеніяхъ. Эти чувства и личныя отношенія принуждены примѣняться

къ отношеніямъ, установленнымъ общественнымъ мнѣніемъ, иначе они безжалостно искореняются. Общественная воля данной группы выражается въ суровой диктатурѣ, и ея властное вліяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе давняго происхожденія данная традиція и чѣмъ она менѣе основана на разумѣ: «такъ дѣлали прежде постоянно»—такова ея основа. Отсутствіе возобновленія влекло бы за собой быстрое вымираніе каждой общины, если бы превратности жизни не обусловливали измѣненія въ группировкѣ путемъ скрещиванія съ другими общинами или же путемъ насильственныхъ нарушеній.

Возникающее человѣческое общество, сплоченное въ группу потребностью взаимной помощи и борьбою, въ самой первобытной своей формѣ не имѣло еще времени слиться и образовать одно опредѣленное цѣлое,—отдѣльные его члены не связаны между собой особенно прочно. Численность такихъ общественныхъ группъ сильно варіируетъ: у племени альта, на Люцонѣ, въ составъ группы входитъ, по опредѣленію Блументритта, 20—30 членовъ, въ центральной Австраліи, по Физону, 30—50, у племени ботокудовъ въ Бразиліи соединяются между собой 80—100 сочленовъ, у бушменовъ южной Африки число ихъ еще значительнѣе,—именно, по Бурчелю, 100—200.

Такая общественная группа представляетъ собою, однако, такъ сказать, лишь человѣческій матеріалъ, изъ котораго болѣе культурное общество, разбитое на кланы, общины или народы, черпаетъ элементы для своей организаціи, соотвѣтственно съ тысячами различныхъ комбинацій, отвѣчающихъ образу жизни, и съ идеаломъ слагающихся общинъ.

Въ этомъ отношеніи разнообразіе общественныхъ организацій безконечно, и отдѣльные люди должны приспособляться къ нимъ самымъ различнымъ образомъ, согласно съ условіями среды, съ сосѣдними народностями, съ заключаемыми союзами и завоеваніями. Соединеніе второстепенныхъ группъ въ болѣе крупныя единицы высшаго порядка совершается такимъ образомъ, чтобы были сохранены прежнія этническія индивидуальности, въ то же время наслѣдія прошедшихъ временъ постоянно измѣняются.

Извѣстно, съ какимъ упорствомъ общины краснокожихъ, равно какъ и общины туземцевъ Австраліи, стремятся сохранить память о своемъ происхожденіи при помощи «тотемовъ» и «кобонговъ», т.-е. символическихъ изображеній животныхъ и растеній, названія которыхъ присвоены отдѣльнымъ колѣнамъ народа [1]).

Лучше всего сохранилось дѣленіе, связанное съ тотемами, у народовъ-охотниковъ, такъ какъ представители отдѣльныхъ клановъ у нихъ

1) Fison and Howitt. Anthrop. Institute, 1884; Starcke. «Famille primitive».

чаще всего встрѣчаются въ лѣсу или въ степи съ тѣми представителями животнаго царства, которыхъ они называютъ своими братьями.

Нѣкоторыя племена цѣликомъ посвящены какому-нибудь покровительствующему божеству; таковы племена «зайцевъ», «змѣй», «волковъ», «лисицъ»; другія племена состоятъ изъ множества клановъ или семей, живущихъ бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, подобно животнымъ различныхъ видовъ въ звѣринцѣ [1]),— таковы деревни индѣйцевъ моки и цуни въ провинціяхъ Тусаянъ и Корнба, въ Аризонѣ и Новой Мексикѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ, особенно въ Африкѣ и въ Океаніи, такія наслѣдственныя традиціи указываются узорами татуировки, рубцами и другими украшеніями кожи,—здѣсь религіозныя представленія и генеалогическія данныя различнымъ образомъ переплетаются съ элементами искусства.

Инстинктъ пріобрѣтенія и сохраненія собственности проявлялся съ самыхъ первыхъ временъ, еще съ тѣхъ временъ, когда человѣкъ былъ животнымъ, — онъ проявлялся какъ у отцовъ, такъ и у матерей и у дѣтей; у всѣхъ племенъ и общинъ этотъ инстинктъ сказывался не только въ присвоеніи права надъ человѣческой личностью, но распространялся равнымъ образомъ также и на неодушевленные предметы.

Такъ возникла собственность, но понятіе о собственности въ тѣ времена не было такимъ, какъ въ ученіяхъ современныхъ экономистовъ. Вполнѣ естественно, что первобытные люди должны были разсматривать принадлежащимъ имъ лично тотъ камень, который они обработали, или тотъ сосудъ, который вылѣпили своими руками, и даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ дарилъ этотъ сдѣланный имъ предметъ кому-либо другому, уже самая свобода подарка устанавливала его право собственности на этотъ предметъ. Первобытные люди не представляли себѣ, однако, что та каменоломня, изъ которой они добыли камень, или тотъ потокъ лавы, который далъ имъ обсидіанъ, необходимый для ихъ орудій, могутъ сдѣлаться чьей-либо личной собственностью.

Они не присваивали себѣ степи, рѣки или лѣса, какъ своей частной собственности, и не допускали даже возможности подобнаго присвоенія, такъ какъ ничто въ нравахъ ихъ родной общины и въ нравахъ другихъ народовъ земного шара не могло заставить ихъ тогда смотрѣть такъ на вещи. Вѣдь въ тѣ времена для отысканія пищи достаточно было свободно странствовать за своими стадами по безконечному пространству, покрытому травою, охотиться за дичью въ лѣсахъ или же преслѣдовать на своемъ челнѣ стада тюленей и стаи рыбъ. Наши предки видѣли передъ собой постоянно ничѣмъ не ограниченное пространство! Даже когда первобытный человѣкъ принялся воздѣлывать почву, онъ первое

1) Schurz. «Die Speiseverbote».

время не стремился къ тому, чтобы удерживать за собою разъ засѣянное поле, — если послѣ жатвы обработанную имъ землю занималъ кто-нибудь изъ его сотоварищей, онъ тому не препятствовалъ. Земледѣлецъ не считалъ себя владѣльцемъ своего участка, дающаго жатву, точно

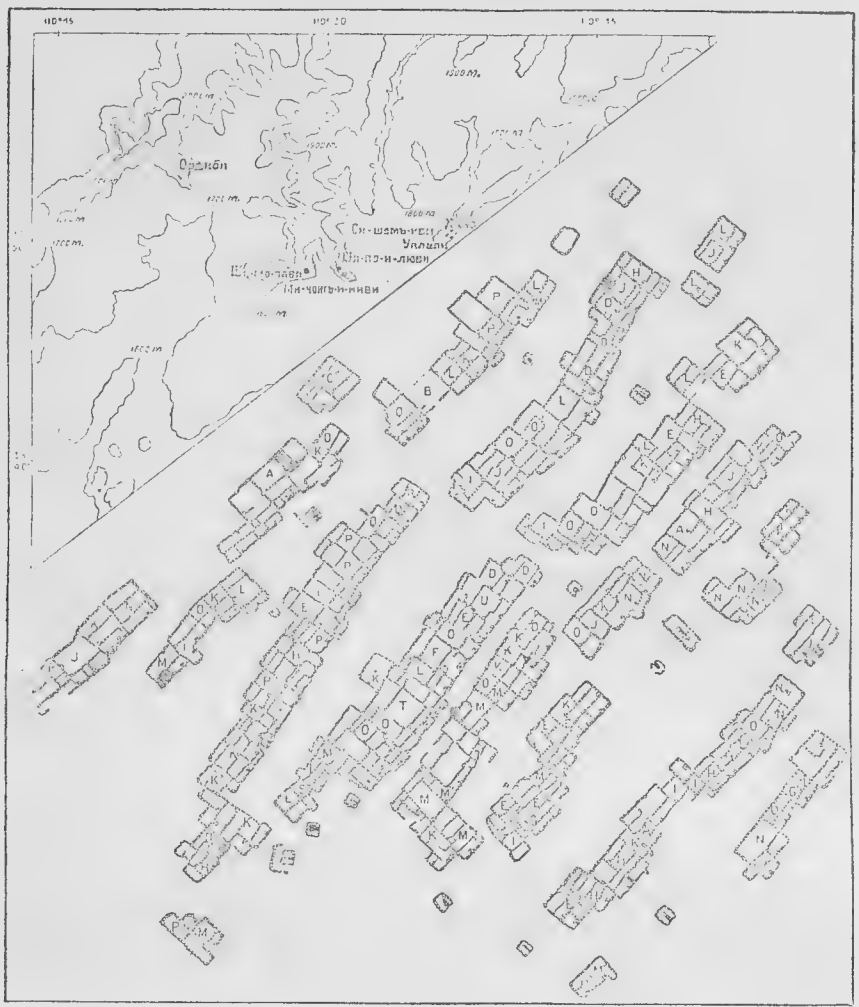
Деревня Ораиби въ Аризонѣ.
Видны входы въ подземныя камеры «кива», употребленіе которыхъ связано съ религіозными обрядами.

также какъ сусликъ, набившій зерномъ свои запасные магазины, не считаетъ себя хозяиномъ поля!

За отсутствіемъ писанныхъ правъ, чувство естественнаго равенства должно было регулировать отношенія между различными народностями. Нѣчто въ родѣ международнаго права возникло изъ подобнаго положенія вещей и запрещало группѣ охотниковъ, рыболововъ или рудокоповъ заниматься своимъ дѣломъ въ области, населенной другою группою,—эти молчаливыя соглашенія, совершаемыя въ общихъ интересахъ,

обыкновенно и соблюдались всѣми. Такимъ образомъ создалась коллек-

№ 37. Кланы деревни Ораиби.



По Мингелеву.

Масштабъ карты вверху. *Приблизительный масштабъ плана.*

1 : 600 000

0 5 15 30 Килом.

1 : 2000

0 10 50 100 метр.

НАЗВАНІЯ КЛАНОВЪ:

A. Медвѣдь.	E. Солнце.	I Хорекъ.	M. Кроликъ.	O. Лукъ.
B. Паукъ.	F. Соколъ.	J. Пшеница.	N. Песокъ.	R. Тыква.
C. Змѣя.	G. Кошка.	L. Тростникъ.	O. Волкъ.	S. Бочка.
D. Орелъ.	H. Попугай.	K. Ящерица.	P. Филинъ.	T. Журавль.

U. Мескаль (сокъ агавы).

тивная собственность, причемъ не были ясно очерчены границы, раз-

дѣляющія владѣнія отдѣльныхъ общинъ, и нерѣдко даже пустынныя, никому не принадлежащія мѣстности, опушки лѣсовъ и болота тщательно избѣгались сосѣдями съ той и съ другой стороны, чтобы не могло возникнуть никакого предлога къ столкновеніямъ. Благодаря этому могли долгое время поддерживаться общественныя владѣнія, въ которыхъ всѣ имѣли право одинаково свободно работать и передвигаться. Однако, тотъ фактъ, что различныя общины присваивали себѣ извѣстную территорію и считали ее принадлежащей данной группѣ людей, содержалъ уже въ себѣ принципъ грядущей частной собственности въ современномъ значеніи слова.

Дѣйствительно, каждое измѣненіе, происшедшее внутри общины, и каждый ея внѣшній конфликтъ могли измѣнить равновѣсіе въ пользу того или другого отдѣльнаго члена небольшой соціальной группы—клана или общины. Особая награда, присвоенная какому-нибудь выдающемуся охотнику, счастливому воину, знаменитому пророку или врачу, позволяла ему обыкновенно сконцентрировать въ своихъ рукахъ большое количество домашнихъ животныхъ, большое количество земли или ея продуктовъ, предназначенныхъ для пропитанія его самого и его кліентовъ или рабовъ. Могло случиться также, что вслѣдствіе увеличенія населенія въ замкнутомъ районѣ, отмежеванномъ себѣ той или другой общиной, возникала борьба за существованіе; она влекла за собою войну, и, въ результатѣ, тотъ или другой отличившійся на войнѣ членъ общины, взявшій, напримѣръ, въ плѣнъ обитателей цѣлой деревни, могъ считать себя въ правѣ пользоваться этими новыми рабами для пастьбы скота въ окружающихъ степяхъ или для воздѣлыванія полей, которыя они распахивали ранѣе. Храбрость его казалась общинѣ достойной особой награды, и ему оставляли завоеванное.

Одно изъ санскритскихъ словъ, наиболѣе часто употребляемое въ книгѣ Веда въ смыслѣ «битвы»,—«gavishti»—означаетъ въ буквальномъ переводѣ «борьба за коровъ» [1]).

Съ доисторическихъ временъ собственность, возникшая путемъ захвата или какимъ-либо другимъ способомъ, обозначалась мѣтками, указывавшими на принадлежность даннаго предмета тому или другому лицу,—таковы были мѣтки, дѣлавшіяся на шерсти или на кожѣ животныхъ. Лошадь была домашнимъ животнымъ уже въ магдаленскую эпоху, какъ можно судить по недоуздку, который изображенъ на одномъ изъ вырѣзанныхъ на камнѣ рисунковъ лошади, и по попонѣ, которую можно различить на другомъ рисункѣ. Эти цѣнныя данныя были получены при изслѣдованіи пещеры Комбарелль, около Эйзи [2]). Одно изъ

1) Max Müller, «Essais sur la Mythologie comparée», trad. Perrot, pp. 36, 37.—
2) Capitan et Breuil, Comptes-rendus de l'Académie des Sciences, 9 déc 1901; p. 1038.

изображеній мамонта несетъ, повидимому, также слѣды нарисованной на немъ попоны,—если это такъ, то этотъ гигантъ являлся предшественникомъ слона и какъ домашнее животное.

Война, во множествѣ своихъ различныхъ формъ, была одною изъ важнѣйшихъ причинъ, поведшихъ къ образованію частной собственности. Большинство экономистовъ съ давнихъ поръ объясняютъ завладѣніе землею причиною болѣе возвышенною,—именно, признаніемъ затраченнаго труда. Однако, наблюденія надъ жизнью теперешнихъ первобытныхъ племенъ показываютъ намъ, что если эта причина и играла роль, то развѣ въ исключительныхъ случаяхъ. Трудъ, выполненный какимъ-либо изъ членовъ общины, приноситъ, разумѣется, пользу всѣмъ ея сочленамъ, но этимъ послѣднимъ обыкновенно и въ голову не приходитъ наградить своего трудолюбиваго сотоварища какими-либо преимуществами, которыя отличали бы его отъ другихъ. Неравенство въ правахъ, возникающее на почвѣ внутренней борьбы и внѣшнихъ войнъ, объясняетъ гораздо лучше то неравенство въ распредѣленіи собственности, которое появляется въ общинахъ.

Какую бы форму, однако, ни приняло пріобрѣтеніе однимъ лицомъ поля, участка земли или цѣлой области, въ памяти людей и въ обычномъ или писанномъ правѣ остаются все же всегда слѣды существованія въ прежнія времена коллективной собственности.

Во многихъ мѣстностяхъ обладатели частныхъ владѣній работаютъ вмѣстѣ въ праздничные дни, и земля тогда дѣлается общею,—это наблюдается, напримѣръ, на островѣ Гуамъ, главномъ изъ Маріанскихъ острововъ [1]). Иллюзіи прошлаго снова возрождаются! Какая общая радость замѣчается также въ деревняхъ старинной Беарніи, когда всѣ обитатели, отъ стараго до малаго, собираются осенью на гумнахъ, чтобы обдирать колосья маиса подъ разсказы старыхъ бабушекъ или пѣсни молодыхъ дѣвушекъ!

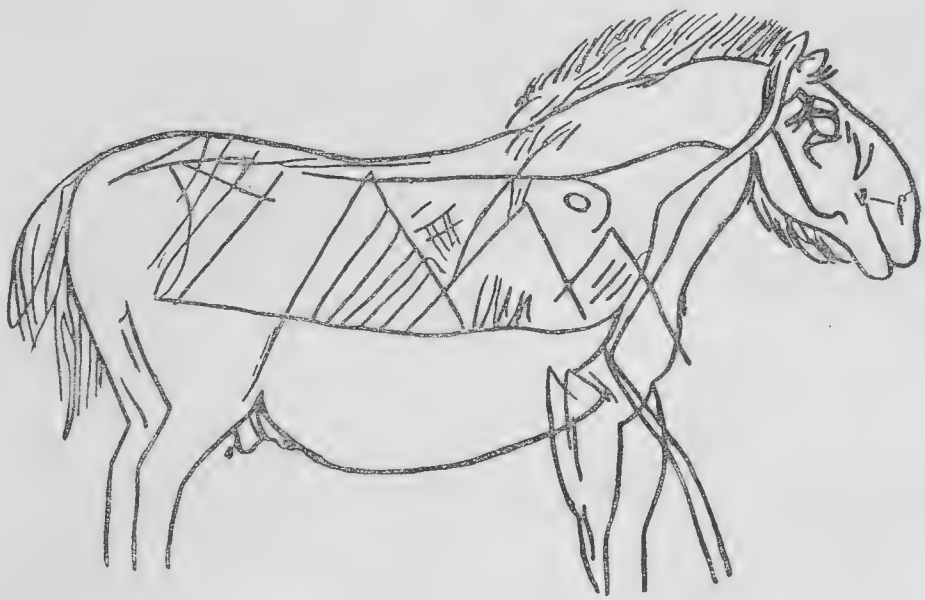
Часто тамъ, гдѣ земельные участки раздѣлены сообразно со своей природой и воздѣланныя поля стали уже вполнѣ частною собственностью, община сохраняетъ еще нѣкоторыя коллективныя права на лѣса и пастбища, а земли, не имѣющія особой цѣны, остаются во владѣніи всѣхъ. Даже въ странахъ, гдѣ бѣдное населеніе совершенно лишено земли, традиціи все же сохраняются. Англійскій лордъ, объѣзжающій свои владѣнія въ Ирландіи, прекрасно понимаетъ скрытый смыслъ тѣхъ взглядовъ, которые бросаютъ на него крестьяне.

Итакъ, война со своими послѣдствіями является неустранимою первопричиною неравноправія въ человѣческой средѣ. Молодой воинъ болѣе сильный, ловкій и хитрый, чѣмъ другіе, обращающій менѣе вниманія на

1) National Geograph. Magazine. May 1905, p. 236.

старыя традиціи и обычаи, могъ всегда возвыситься надъ своими товарищами, сдѣлаться ихъ главою и начальникомъ, признаваемымъ не только во время военныхъ экспедицій, но и въ обычное мирное время. Таково было начало того установленія, которое получило свою окончательную форму къ монархіи, т.-е. въ управленіи всѣмъ государствомъ однимъ лицомъ, которое по праву, или безъ права, но фактически, стоитъ превыше всѣхъ законовъ. Цѣлые милліоны Людовиковъ XIV-въ зародышѣ предшествовали «Королю-Солнцу»!

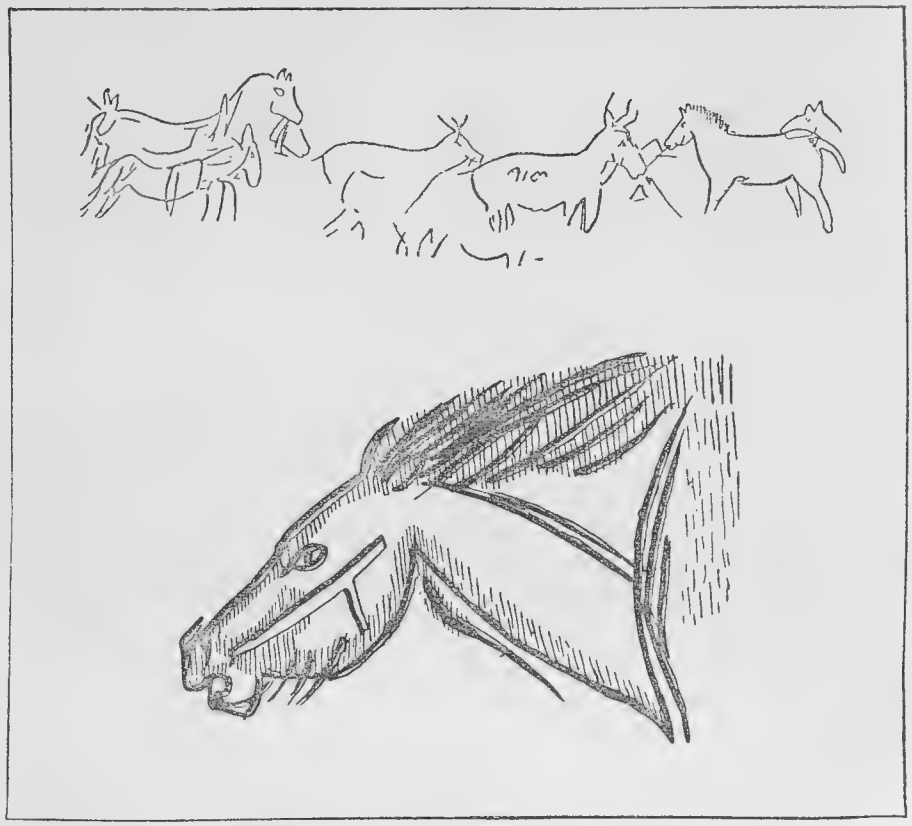
Какъ справедливо замѣтилъ Гумпловичъ, монархія—установленіе одинаковой древности съ человѣчествомъ,—ея происхожденіе даже древнѣе происхожденія человѣческаго рода, такъ какъ она существовала уже и въ мірѣ животныхъ [1]). Подобно большинству человѣческихъ установленій, она родилась у нашихъ предковъ—представителей животнаго царства, обитавшихъ въ лѣсахъ и степяхъ; множество животныхъ обществъ имѣло во главѣ короля, какъ объ этомъ разсказываютъ уже басни. Извѣстно, что у многихъ видовъ обезьянъ имѣются начальники, пользующіеся уваженіемъ другихъ обезьянъ стаи, благодаря своей физической силѣ, мощности своихъ рукъ и опаснымъ укусамъ своихъ зубовъ.



Изображеніе лошади въ Комбарелльской пещерѣ.
Въ $^1/_8$ натуральной величины.

1) Ludwig Gumplowicz, Neue Deutsche Rundschau, vol. 1895.

Одни и тѣ же явленія влекутъ за собой одинаковыя слѣдствія, и въ теченіе ряда вѣковъ совершаются тѣ же дѣйствія, повторяясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, начиная отъ животныхъ предковъ до унаслѣдовав-



Изображенія животныхъ въ Комбарелльской пещерѣ

Рядъ животныхъ сверху представляетъ собою воспроизведеніе рисунка на одной изъ стѣнъ грота, уменьшенное до $^1/_{10}$ натуральной величины. Голова лошади внизу воспроизведена въ $^1/_8$ натуральной величины доисторическаго рисунка; штриховка изображаетъ полосы, сдѣланныя черною краской.

шихъ отъ нихъ многое, согласно естественному закону атавизма, представителей рода человѣческаго.

Впрочемъ, уже языкъ человѣка, этотъ истолкователь нашихъ мыслей, указываетъ ясно, каково было происхожденіе королевской власти. Почти на всѣхъ человѣческихъ нарѣчіяхъ титулы, примѣняемые къ главѣ государства и къ аристократіи, связаны съ понятіемъ борьбы. Такъ «императоръ» — это полководецъ, предводительствующій войскомъ, «диктаторъ»—полководецъ, диктующій приказанія солдатамъ, «маршалъ» и «коннетабль»—предводитель кавалеріи, «герцогъ»—предводитель войска,

«jarl» или «earl»—человѣкъ, отличающійся храбростью и силою, и т. д. [1]). Нѣкоторые титулы выражаютъ, впрочемъ, въ общей формѣ простой фактъ властвованія, какъ въ мирное, такъ и въ военное время,—таково названіе «король» («roi»). Въ германскихъ языкахъ соотвѣтствующія названія — «koning», «koenig», «king» — приписываютъ королю особыя высшія знанія (отъ глагола «kennen»). Въ этомъ сказывается уже самоуниженіе подданныхъ передъ своимъ владыкою; они принадлежатъ къ поколѣніямъ, которыя были рабами въ теченіе времени, достаточно продолжительнаго для того, чтобы сдѣлать ихъ придворными льстецами!

Среди людей монархія могла тѣмъ легче утвердиться, что самъ человѣкъ — животное, способное приручаться, подобно собакѣ и другимъ видамъ домашнихъ животныхъ [2]). Покоренный сперва лестью, затѣмъ страхомъ, человѣкъ быстро привыкаетъ къ рабству и позволяетъ распоряжаться своими силами и даже своей жизнью тѣмъ, кто обладаетъ къ тому желаніемъ; но и утрачивая при этомъ чувство собственнаго достоинства, онъ все же остается по остальнымъ своимъ чувствамъ человѣкомъ, выказываетъ уваженіе и благоговѣніе передъ покорившимъ его, и дѣло кончается нерѣдко тѣмъ, что къ угнетающему его тиранну онъ проявляетъ больше любви и уваженія, чѣмъ къ кому-либо другому. Подобно собакѣ, ползаетъ онъ у ногъ своего господина, который бьетъ его!

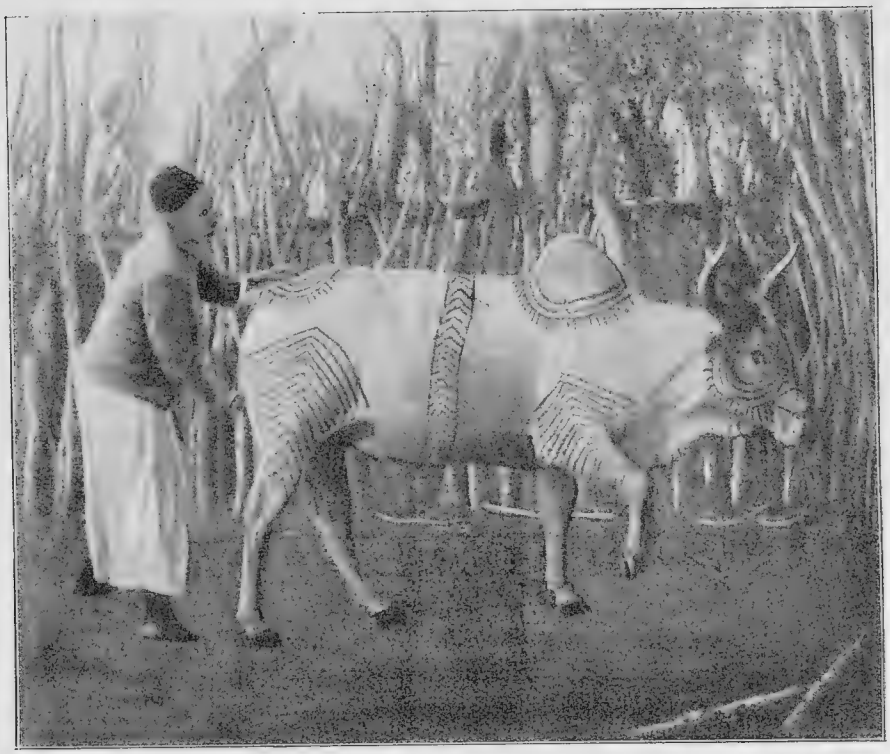
Этотъ духъ покорности и самоуничиженія возникъ также еще въ предшествовавшемъ человѣку животномъ царствѣ; благодаря ему только и могли образоваться въ такомъ множествѣ человѣческихъ обществъ единодержавныя условія правленія; онъ же обусловилъ въ теченіе хода исторіи образованіе колоссальныхъ имперій, въ которыхъ тысячи людей считали особымъ счастьемъ лежать распростертыми въ пыли у ногъ одного изъ себѣ подобныхъ. Какъ часто послѣднимъ желаніемъ тѣхъ, кто шелъ на гибель по одному лишь капризу монарха, была возможность воскликнуть предъ нимъ,—предъ человѣкомъ, мановеніемъ руки отправляющимъ ихъ на смерть,—«Caesar, morituri te salutant»! Это была не иронія отчаянія, но крайняя степень обожанія!

Въ одномъ изъ маленькихъ государствъ Палаосскихъ острововъ глава его носитъ титулъ «mad», т.-е. «смерть», — предполагается, что каждый, кто на него взглянетъ, долженъ умереть [3])!

Наклонность къ подражанію также одно изъ естественныхъ качествъ, содѣйствовавшихъ болѣе всего развитію монархическаго духа въ человѣчествѣ: слабый старается подражать сильному, бѣдный—богатому, уродливый—красивому и даже иногда, наоборотъ, красивый подражаетъ уроду, если тотъ занялъ высокое положеніе.

---

1) Thomas Carlyle, «Sartor Resartus». — 2) Ludwig Gumplowicz. Neue Deutsche Rundschau, vol. 1895.—3) Миклухо-Маклай. Извѣстія И. Русск. Геогр. Общ. 1877.



Корова съ мѣтками и узорами на кожѣ (страна Мазаи въ восточной Африкѣ).

Неизбѣжно, слѣдовательно, подражаніе это должно было мало-помалу становиться закономъ и долгомъ. Тамъ, гдѣ долгъ прочно установленъ, кто изъ подданныхъ рѣшится не подражать своему господину? Итакъ, почтительное подражаніе проникаетъ насквозь всю массу народонаселенія, и, благодаря этому подражанію, слова, рѣчи, мысли становятся все болѣе и болѣе рабскими.

Такъ, на островахъ Фиджи, если падалъ, запнувшись за камень, одинъ изъ вождей племени, то и всѣ его спутники считали своимъ долгомъ также упасть, и если бы кто-нибудь изъ нихъ остался на ногахъ, онъ былъ бы побитъ товарищами, какъ дерзкій человѣкъ и бунтовщикъ [1]! Впрочемъ, вѣдь и у насъ, если какой-нибудь старый и болѣзненный самодержецъ жалуется на свои года, то кто изъ придворныхъ не сочтетъ своимъ долгомъ поддакивать ему и не начнетъ распространяться также и относительно своей слабости и болѣзней? Если королева некрасива, то при дворѣ величайшей красотою становится походить на

1) J. Sourу, «Études historiques sur... l'Asie antérieure», p. 321.

ея некрасивыя черты; если она уродлива, то считается столь же необходимымъ придавать и себѣ сходство съ такой уродливостью.

У властителей не мало привилегій, которыхъ лишены простые смертные,—но эти послѣдніе зато всегда могутъ обезьянничать и перенимать всѣ ужимки своихъ повелителей, считая ихъ даже за признаки хорошаго тона!

Старый инстинктъ человѣка влечетъ къ постыднымъ дѣяніямъ (Гюго)!

Въ то же время другія человѣческія страсти, при иныхъ условіяхъ, влекутъ людей къ возстанію противъ тиранніи, вызываютъ въ ихъ душѣ героическія чувства. Условія всюду различны, и вслѣдствіе этого политическіе результаты борьбы между тѣми или другими порабощенными людьми и враждебной имъ группой, которая состоитъ изъ лицъ, сохранившихъ большую или меньшую свободу, должны быть чрезвычайно различны всюду и во всѣ времена. Впрочемъ, съ точки зрѣнія чисто географической, важно знать, главнымъ образомъ, какъ соотвѣтствуютъ политическія формы человѣческихъ обществъ различнымъ формамъ земной поверхности въ эволюціи первобытнаго человѣчества. Въ этомъ отношеніи можно установить общія правила, которыя были дѣйствительны до тѣхъ поръ, пока образованіе великихъ державъ, обнимающихъ очень различную по своей природѣ поверхность, не сгладило первоначальныхъ контрастовъ.

Возьмемъ для примѣра горную страну, населеніе которой сильно разбросано и разбито на мелкія общины; общины эти располагаются въ небольшихъ горныхъ долинахъ, ограниченныхъ ущельями, обрывами и трудно проходимыми изъ-за снѣговъ и льдовъ горами. Въ такихъ небольшихъ, замкнутыхъ міркахъ у каждаго своя, опредѣленная условіями среды, работа, и всѣ дни являются ею заполненными: сѣнокосъ и уборка хлѣба, уходъ за садомъ, рубка дровъ, уходъ за стадами, приготовленіе сыра — таковы главнѣйшія занятія, занимающія рабочее время года; у большого числа жителей, благодаря отхожимъ промысламъ, работа продолжается и въ теченіе холоднаго времени года. Оборона страны не затруднительна, вслѣдствіе защиты, представляемой скалами, и благодаря недоступности дорогъ; въ случаѣ, если приходится отражать непріятеля, то тактика оказывается несложной и не требуетъ отъ мѣстныхъ жителей, въ видахъ интересовъ всего своего чрезвычайно малаго отечества, подчиненія одному вождю. Каждый изъ членовъ такого государства, уже по своимъ занятіямъ и образу жизни, вѣритъ въ свои собственныя силы. Онъ можетъ еще подчиниться «первому изъ равныхъ», своему соратнику, признанному всѣми самымъ сильнымъ и хитрымъ, но такой начальникъ будетъ обладать нѣкоторымъ авторитетомъ лишь въ теченіе того вре-

мени, когда отечество въ опасности, — власть его будетъ сводиться на нѣтъ въ обыкновенное время. Власть подобнаго военачальника получаетъ большое значеніе, лишь когда горныя племена спускаются со своихъ высотъ, чтобы завоевать окружающія равнины и основать тамъ новое государство. Но, коль скоро нѣчто подобное случится, нравы горныхъ жителей въ долинѣ измѣнятся, и, въ концѣ концовъ, обитатели горъ растворятся въ окружающихъ народностяхъ болѣе высокой культуры.

Долины Гималаевъ, Гиндукуша, Кавказа, Альпъ, Пиренеевъ даютъ намъ множество примѣровъ подобныхъ небольшихъ демократическихъ группъ, просуществовавшихъ тысячелѣтія и сохранившихся иногда и до нашихъ дней. На полуостровѣ Малаккѣ и на большихъ Индо-Малайскихъ островахъ, на китайскомъ островѣ Хайнанѣ и на японскомъ островѣ Формозѣ внутреннія области съ долинами, отходящими отъ горнаго массива къ периферіи, также населены, или, по крайней мѣрѣ, были въ прежнее время населены, республиканскими народностями, государственное устройство которыхъ обусловливалось раздѣленіемъ высокихъ горъ на долины.

Впрочемъ, иногда и архитектура горнаго массива или цѣлой системы горъ обладаетъ такими свойствами, что облегчаетъ возникновеніе обширной имперіи. Такъ, бассейны озеръ, въ которыхъ располагаются города Течуко и Мексико и къ которымъ примыкаетъ цѣлый рядъ горныхъ плато, должны были, уже по самому своему положенію, дать большія преимущества обитающему на нихъ населенію; это послѣднее воспользовалось превосходствомъ своего положенія и поработило обитателей расходящихся отъ плато долинъ, тѣмъ болѣе, что они были гораздо слабѣе и, уже по своимъ природнымъ условіямъ, не были такъ тѣсно сплочены. Также и царствовавшія семьи инковъ, которымъ были подчинены племена аймара и кихуа, обитали на высотахъ Андовъ между двумя хребтами и, благодаря формамъ рельефа своей страны, обладали положительно ужасающей силой и властью; они пользовались ею, нападая на всѣ сосѣднія племена, жившія по внѣшнимъ склонамъ горныхъ хребтовъ, которые съ одной стороны спускаются къ Тихому океану, съ другой—къ дѣвственнымъ лѣсамъ Амазонки.

Въ самой Европѣ имѣется страна, богатая горами и обширными долинами,—это Швейцарія; она представляетъ съ географической точки зрѣнія страну смѣшаннаго характера, и въ ея исторіи можно подмѣтить также эволюцію въ двухъ направленіяхъ—именно, побѣдоносное отстаиваніе своей независимости, обусловленное трудной доступностью страны для племенъ, населяющихъ равнину, и, съ другой стороны, — постепенное расширеніе государствъ путемъ завоеваній за счетъ земель, расположенныхъ ниже, въ равнинахъ. Такъ могущественный Бернъ, который является одновременно и равнинной, и горной страной, и олигархіей, и

республикой, завладѣлъ кантономъ де-Во, который и находился въ его власти до конца XVIII вѣка; точно также небольшія союзныя государства, окружающія озеро Четырехъ Кантоновъ, держали подъ своею политическою властью долину рѣки Тессины, а долгое время и долину рѣки Вальтелины.

Также и нѣкоторыя равнинныя страны доставляютъ своимъ обитателямъ условія, аналогичныя тѣмъ, которыя находятся въ узкихъ долинахъ, расходящихся отъ горнаго массива или окруженныхъ хребтами. Даже на настоящихъ равнинахъ континентовъ, въ мѣстностяхъ болотистыхъ, на морскомъ побережьѣ и на островахъ встрѣчаются мѣста, расположенныя такимъ образомъ, что сама природа ихъ благопріятствуетъ возникновенію небольшихъ отдѣльныхъ общинъ, пользующихся полной автономіей государственнаго организма.

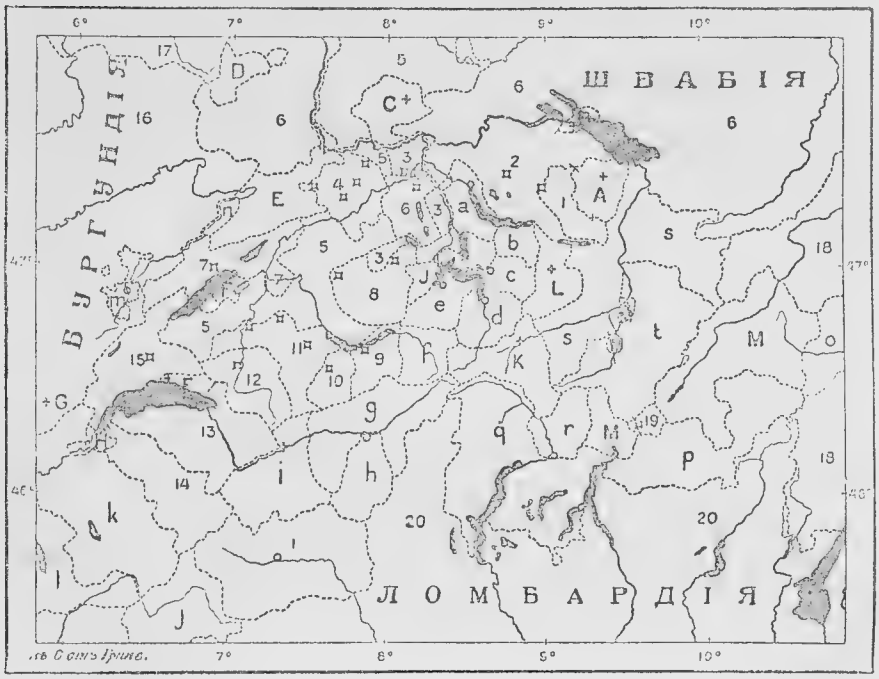
Такъ, первобытныя условія, зависящія отъ самой природы страны, должны были сохраниться даже до нашихъ временъ въ такихъ странахъ, какъ Фрисландія, гдѣ пути сообщенія были чрезвычайно затруднены со стороны моря вслѣдствіе недостаточной глубины его у береговъ и господства сильныхъ бурь, со стороны суши—вслѣдствіе обилія болотъ и трясинъ. Осушенныя плодородныя пространства, занимающія мѣстность, которая лежитъ посрединѣ между этими препятствіями, являются островками, коихъ не коснулись войны и завоеванія. Люди, населяющіе ихъ, изъ вѣка въ вѣкъ пользовались свободой, жили совершенно забытыми и развѣ лишь послѣ какого-нибудь ужаснаго наводненія бывали принуждены покидать свои убѣжища и принимать участіе въ войнахъ сосѣдей.

Оазисы, разбросанные въ песчаныхъ пустыняхъ, въ родѣ тѣхъ, которые мы встрѣчаемъ въ Египтѣ и въ Аравіи, и такіе острова, лежащіе близко другъ къ другу и мало различающіеся по своимъ размѣрамъ и природнымъ условіямъ, какъ острова Эгейскаго моря и Зондскаго архипелага, представляли аналогичныя же преимущества своимъ обитателямъ и облегчали возникновеніе въ ихъ средѣ республиканскаго строя. Пастушескія племена, живущія каждое въ своемъ уголкѣ степи, имѣли, равнымъ образомъ, возможность сохранять въ теченіе долгихъ вѣковъ полное внутреннее равновѣсіе и вести мирную и свободную жизнь. Лишь въ томъ случаѣ, если какой-нибудь могущественный завоеватель собиралъ ихъ въ одну обширную орду, въ одинъ огромный военный лагерь, или если сами они сливались въ одну массу, вслѣдствіе какого-нибудь переворота природнаго или историческаго,—лишь тогда они могучимъ потокомъ распространялись по свѣту; весь образъ жизни ихъ быстро мѣнялся, и мѣнялось также и отношеніе къ другимъ людямъ.

Ничто не можетъ сравниться съ силою потока угнетенной народности, которая, какъ бы объятая духомъ мщенія, низвергается и угнетаетъ въ свою очередь другія народности, которыя ей удалось покорить!

Въ этомъ случаѣ возникаетъ полная тирапія,—побѣжденные оказываются

№ 38. Раздробленіе горной страны 600 лѣтъ тому назадъ.



1: 3500 000

50 100 150 кил.

Церковныя земли.

A. Аббатство Сенъ-Галль.
B. Епископія Констанцы.
C. Аббатство Сенъ-Блазьенъ.
D. Епископія Страсбурга.
E. Епископія Баль.
F. Епископія Лозанны.
G. Аббатство Сенъ-Клодъ.
H. Епископія Женевы.
I. Епископія Сіона.
J. Аббатство Мурбаха.
K. Аббатство Диссентисъ.
L. Аббатство Гларисъ.
M. Епископія Куаръ.

Земли съ народнымъ управленіемъ дѣйствительныя или вѣроятныя.

a. Цюрихъ.
b. Раппершвиль.
c. Швицъ.
d. Ури.
e. Станцъ.
f. Гаслиталь.
g. Верхній Валэ.
h. Вьежъ (Виспъ).
i. Валь-д'Аостъ.
j. Тарантэзъ.
k. Женеву.
l. Савоя.
m. Барошажъ-де-Понтарлье.
n. Франшъ-Монтань.
o. Тироль.
p. Вальтелинъ.
q. Валэ-дю-Тессинъ.
r. Беллинзона.
s. Блюданъ, Сарганъ и др.
t. Преттигау, Разюнъ и др.

Земли феодаловъ дѣйствительныя или вѣроятныя.

1. Тоггенбургъ.
2. Кибургъ.
3. Габсбургъ.
4. Фалькенштейнъ, Тирстъ и др.
5. Фрейбургъ и Бресгау (Церингенъ).
6. Ленцбургъ и Верхній Эльзасъ (Гогенштауфенъ).
7. Нейшатель.
8. Брандисъ и др.
9. Уншпунненъ и др.
10. Телленбергъ.
11. Виссенбергъ.
12. Грюйэръ.
13. Шаблэ.
14. Фосиньи.
15. Коссонэ и др.
16. Бургонь.
17. Лоррэнъ.
18. Домъ Виттельсбаховъ.
19. Бергаллія.
20. Ломбардія.

совершенно раздавленными, да и толпы побѣдителей превращаются въ

рабовъ, распростертыхъ у ногъ стоящаго во главѣ ихъ властителя; въ качествѣ посредниковъ между владыкою и приниженными подданными появляется толпа людей, которые, съ одной стороны, подчинены высшей власти, съ другой — сами начальствуютъ и вымещаютъ на своихъ подчиненныхъ тѣ несправедливости и обиды, которыя самимъ имъ приходится переносить.

Политическая организація обширной группы людей зависитъ въ очень большой степени отъ ихъ числа; господство таинственнаго, незримаго владыки надъ лично незнакомыми ему людьми и управленіе ими при посредствѣ своихъ помощниковъ—«проконсуловъ» и «вице-королей»— несравненно затруднительнѣе, чѣмъ властвованіе на основаніи привилегій, данныхъ окружающими своему же товарищу, живущему вмѣстѣ съ ними и управляющему сотнями, иногда тысячами людей.

Вполнѣ очевидно, что превратности судьбы и перевороты мѣстнаго характера имѣютъ лишь слабое историческое значеніе по сравненію съ тѣми революціями, которыя захватываютъ цѣлыя націи, благодаря ряду косвенныхъ вліяній. Отсюда проистекаетъ великое значеніе въ эволюціи человѣчества всѣхъ факторовъ, которые содѣйствуютъ нарушенію изолированности отдѣльныхъ племенъ, смѣшенію ихъ съ другими этническими группами или соединенію ихъ въ одну массу, путемъ заключенія союзовъ или путемъ завоеваній. Измѣненія рельефа и очертаній земли, зависящія отъ вулканическихъ изверженій, обваловъ, наводненій и бурь, имѣютъ также свое вліяніе на перемѣщеніе народовъ и измѣненіе ихъ строя, — вліяетъ и появленіе заразныхъ болѣзней и другихъ бѣдствій, возникновеніе войнъ, преслѣдованіе непріятелей и бѣгство отъ нихъ. Открытіе горныхъ проходовъ, путей чрезъ лѣса, чрезъ рѣки и морскіе проливы, одинаковымъ образомъ, должны быть причислены къ событіямъ великаго значенія въ исторіи народовъ, и вліяніе ихъ сказывалось еще съ доисторическихъ временъ. Большинство подобныхъ фактовъ, правда, проходило незамѣченнымъ, — они совершались вслѣдствіе отдѣльныхъ дѣйствій множества отдѣльныхъ личностей.

Различаясь обычаями и нравами, цвѣтомъ и оттѣнкомъ кожи, устройствомъ черепа, строеніемъ органовъ рѣчи, отдѣльныя группы человѣчества, разъединенныя самой средой на общины, племена и народности, оказывались столь сильно изолированными другъ отъ друга, что языкъ ихъ не могъ болѣе приспособиться произносить одинаковые звуки, и ихъ уши не могли таковые одинаково воспринимать. Такимъ способомъ возникли языки и нарѣчія; они образовались какъ національные типы народностей и точно также стремились прійти въ состояніе равновѣсія,— одни изъ нихъ при этомъ могли лишь удержаться, другіе — получили мало-по-малу болѣе широкое распространеніе.

Арабское пастушеское племя, обитающее въ степи.

Вокругъ современнаго историческаго міра, образованнаго культурными націями, вырисовывается цѣлый міръ доисторическій, изъ народностей некультурныхъ, не имѣющихъ письменности,—языки ихъ извѣстны лишь благодаря французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ миссіонерскимъ обществамъ, занимающимся распространеніемъ Священнаго Писанія. Эти языки, число коихъ достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ, развиваются чрезвычайно различнымъ образомъ, соотвѣтственно съ окружающими ихъ условіями, — на развитіе ихъ вліяютъ изолированность или дружественныя отношенія съ сосѣдними племенами, а также различныя побочныя давленія, заставляющія народности переселяться, измѣняться или даже гибнуть.

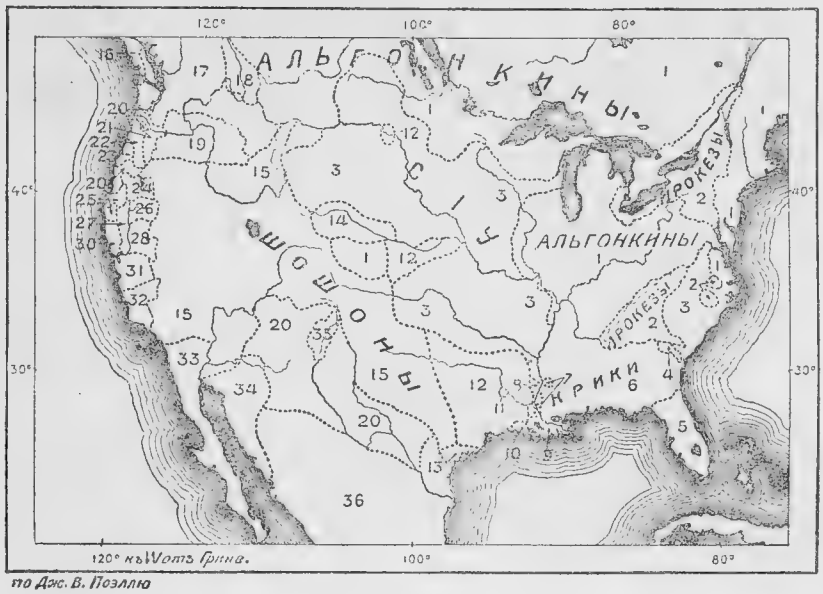
Въ Океаніи и на многочисленныхъ островахъ Индо-Малайскаго архипелага происходитъ непрерывная борьба между языками, имѣющими болѣе широкое распространеніе, каковы языки маорисовъ и малайцевъ, и между мѣстными нарѣчіями. Соприкосновеніе различныхъ народностей и торговыя сношенія между ними имѣютъ въ окончательномъ результатѣ объединеніе и сближеніе людей между собой, почему, по прошествіи тысячелѣтій, языки торговыхъ народностей завоевываютъ обширныя области; тѣмъ не менѣе, не мало имѣется и небольшихъ племенъ,—напримѣръ, на Целебесѣ, въ Новой Гвинеѣ, въ Австраліи,—которыя обладаютъ каждое своимъ особымъ языкомъ. Точно также и на африканскомъ континентѣ языки-завоеватели—арабскій, суагелійскій, хаузскій, нѣкоторыя нарѣчія банту и въ настоящее время англійскій жаргонъ—одерживаютъ постепенно побѣду надъ языками туземными, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣется огромное количество небольшихъ общинъ, въ предѣлахъ которыхъ люди изъясняются на такихъ нарѣчіяхъ, которыхъ болѣе нигдѣ не понимаютъ.

Южная Америка является континентомъ, гдѣ первобытныя народности разсѣяны наиболѣе сильно, и, вслѣдствіе того, мы находимъ въ ея предѣлахъ безконечное множество нарѣчій. Тысячи племенъ, живущихъ по Амазонкѣ, обладаютъ каждое своимъ особымъ діалектомъ,—причиной тому являются установившіяся между этими равными по своей культурѣ племенами мирныя отношенія. Впрочемъ, на западѣ, въ области горъ, племена кихуа, аквава, тахуэльхе обладали ранѣе большими завоевательными стремленіями, почему и языкъ ихъ получалъ широкое распространеніе; точно также и въ центральной Бразиліи, благодаря постоянному движенію по рѣкамъ лодочниковъ племени гуарани, языкъ этого племени распространился и заслужилъ названіе «lingoa geral». Наконецъ, въ Сѣверной Америкѣ языки краснокожихъ племенъ были въ такой же непрестанной борьбѣ между собой, какъ и сами племена, и можно констатировать, что многіе изъ нихъ, повидимому, совершенно исчезаютъ: въ Калифорніи, въ Орегонѣ и по всему тихоокеанскому склону

гнетъ, оказываемый побѣдителями, согналъ индѣйскія племена на все болѣе и болѣе съуживающееся пространство.

Языкъ выражаетъ промелькнувшую въ головѣ человѣка мысль и передаетъ ее окружающимъ, въ то же время рука его стремится помочь

№ 39. Языки и нарѣчія краснокожихъ.



1 : 50000000

0 250 1000 2000 кил.

Племена, говорящія на соотвѣтствующихъ языкахъ.

1. Альгонкины.
2. Ирокезы.
3. Сіу.
4. Учіэ.
5. Тимуквэны.
6. Мускоджи или крики.
7. Тоники.
8. Начезы.
9. Шитимэши.
10. Аттакапы.
11. Адаизы.
12. Коддо.
13. Каракэвы.
14. Кіовы.
15. Шошоны.
16. Вакаши и шимаку.
17. Салиши.
18. Китунэхи.
19. Шахэпти.
20. Атапаски.
21. Шинкоки и ванлэтпу.
22. Калапооѣ и сэлиши.
23. Яконы и кузы.
24. Такили, лутуами и сэсты.
25. Квореты, вейтспики, шимарики и вишоски.
26. Палайнихи и яни.
27. Копихи.
28. Паюны и ваще
29. } Куланапы, юки и мокелюмны.
30. }
31. Костено, марипо, исселени и мокелюмны.
32. Сэлини, хумехи и марипо.
33. Юмы.
34. Пимасы и сэри.
35. Таньо и кирисы.
36. Цуни, куахультики и атапаски.

языку, стремится поддержать и сохранить эту мысль на вѣки, — всюду встрѣчаемъ мы различные вырѣзанные на камнѣ или деревѣ знаки— символическія мѣтки, пиктографіи (рисунки, передающіе извѣстную мысль) или іероглифы. Благодаря открытіямъ археологовъ, намъ извѣстно мно-

жество рисунковъ на скалахъ, — рисунковъ большею частью очень элементарныхъ, но тѣмъ лучше передающихъ вложенныя въ нихъ простыя идеи. Такіе элементы рисунковъ, какъ крестъ, кругъ, греческій узоръ и завитокъ, находятся всюду [1]); трудно, однако, найти связь между этими первобытными знаками и нашими буквами. Индѣйцы Сѣверной Америки и племя кихуа поддерживали письменныя сношенія при помощи узелковъ, завязанныхъ на шнурахъ; точно также очень оживленную переписку вели дагомейцы въ Гвинеѣ при помощи знаковъ, написанныхъ на обломкахъ тыквенныхъ бутылокъ.

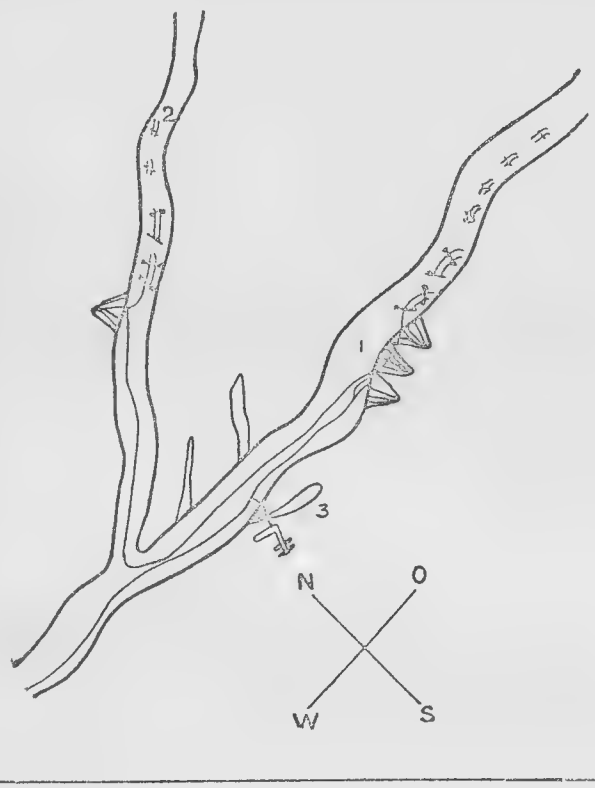
У всѣхъ народовъ и во всѣ времена языкъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ «материнскимъ»: матери постоянно съ невѣроятнымъ терпѣніемъ обучаютъ языку дѣтей. Отецъ молчитъ, мать же безпрерывно повторяетъ слова,—она болтаетъ какъ попугай, чтобы заставить и ребенка произносить слова родного языка. Женщина-мать сообщаетъ ребенку первый запасъ словъ, она же научаетъ его первымъ пѣснямъ, первымъ сказкамъ; благодаря ей сохраняются и развиваются всѣ пріобрѣтенія человѣческаго рода, — даже болѣе — «всему, что дѣйствительно совершенно необходимо для жизни, научили насъ женщины,— они научили насъ улыбкамъ, граціи, умѣнью нравиться» [2]).

Всѣ непосредственныя вліянія почвы и климата на человѣка, съ которыми ему прежде всего пришлось считаться и бороться, создавая и развивая различные пріемы труда, приспособляя различнымъ способомъ свой образъ жизни къ особенностямъ среды,—всѣ эти вліянія усложняются тѣми воздѣйствіями, которыя возникаютъ въ его собственномъ умѣ и заставляютъ давать различныя, иногда очень наивныя объясненія явленіямъ внѣшняго міра. У него не является еще сомнѣній относительно дѣйствительности всего, что поражаетъ его чувства, онъ требуетъ отвѣта на всѣ вопросы, которые приходятъ ему въ голову. Не располагая данными положительной науки, онъ для пониманія окружающаго міра долженъ удовлетворяться галлюцинаціями своихъ чувствъ, неясными призраками своихъ мыслей и объясненіями, приводящими его въ страхъ или возбуждающими въ немъ несбыточныя желанія: онъ не знаетъ, но вѣритъ, и его задѣваетъ за живое, если кто-нибудь выразитъ сомнѣніе въ предметѣ его вѣры. Эту вѣру раздѣляютъ съ нимъ съ одинаковымъ упорствомъ его друзья, сочлены его клана, словомъ, всѣ, кто находится подъ вліяніемъ одинаковой внѣшней среды. Этотъ комплексъ обманчивыхъ вѣрованій, химерическихъ надеждъ, эти несвязныя легенды о происхожденіи видимаго и невидимаго міра, эти первобытныя сказанія, со-

1) Géorge Courty. «Sur les signes rupestres de Seine-et-Oise; Charles Letourneau, op. cit. 2) Remy de Gourmont. «Le Chemin de Velours»; Patrick Geddes.

бираемыя по традиціи и превращающіяся, благодаря могущественному вліянію наслѣдственности, въ абсолютные догматы, — все это представляетъ собою то, что мы называемъ «религіей».

Нѣкоторые писатели изъ ненависти къ господствующему культу, могущественные истолкователи котораго старались навязать участіе въ немъ и невѣрующимъ, считали себя въ правѣ утверждать, что тѣ народы, которые живутъ безъ всякой религіи, совершенно лишены представленія о загробномъ мірѣ, заняты лишь непосредственными интере-



Юкагирское письмо.

Одинъ изъ путешественниковъ, условившись встрѣтиться съ юкагирами на мѣстѣ сліянія рѣкъ Колымы и Коркодона, нашелъ на условленномъ мѣстѣ вмѣсто инородцевъ приводимое здѣсь письмо, вырѣзанное на корѣ березы. Онъ прочелъ его слѣдующимъ образомъ: „Этимъ лѣтомъ четыре семейства поднялись вверхъ по Коркодону (1); одинъ человѣкъ (изображенный своимъ тотемомъ) умеръ и былъ погребенъ въ мѣстности, обозначенной нами на чертежѣ цифрой 3. Поднявшіяся семьи устроились выше по теченію въ 3 юртахъ; затѣмъ двѣ семьи, состоящія изъ 4 рыболововъ, отправились къ верховьямъ р. Коркодона въ двухъ большихъ лодкахъ, тогда какъ другія семьи лишь съ 2 рыболовами и одной юртой поднялись по притоку—по р. Расохѣ (2).

сами своей повседневной жизни, довольствуются стремленіемъ къ матеріальному благосостоянію и не спрашиваютъ себя вовсе о причинахъ окружающихъ явленій и о существованіи невидимаго міра. Эти авторы утверждаютъ, что существуютъ народы глубоко нерелигіозные, — таково будто бы племя таола или «люди лѣса», открытое братьями Саразинами въ лѣсной чащѣ о. Целебеса.

Чтобы укрѣпить еще болѣе эти доводы, приводятъ въ примѣръ

раскопки доисторическихъ деревень, при которыхъ не удавалось находить ни одного предмета, служившаго при выполненіи обрядовъ какого-либо культа. Среди множества предметовъ, изъ коихъ употребленіе нѣкоторыхъ все же пока не выяснено, нѣтъ ни одного, который производилъ бы впечатлѣніе предмета, примѣняемаго жрецами для вызыванія боговъ, приходящихъ на помощь человѣку, или для заклинанія злыхъ духовъ. Если бы фактъ этотъ былъ даже и совершенно прочно установленъ, и если бы, дѣйствительно, среди наслѣдія, оставленнаго нашими предками, не было найдено ни четокъ, ни фетишей, ни амулетовъ,—мы не имѣли бы все же права заключать изъ этого, что первобытный человѣкъ былъ простою машиной, выполняющею лишь физическія дѣйствія, и что его не привлекала къ себѣ вовсе тайна неизвѣстнаго! Не знать причины факта и, тѣмъ менѣе, создавать эту причину на основаніи исключительно своихъ догадокъ и своей фантазіи — обычная ошибка, свойственная людямъ!

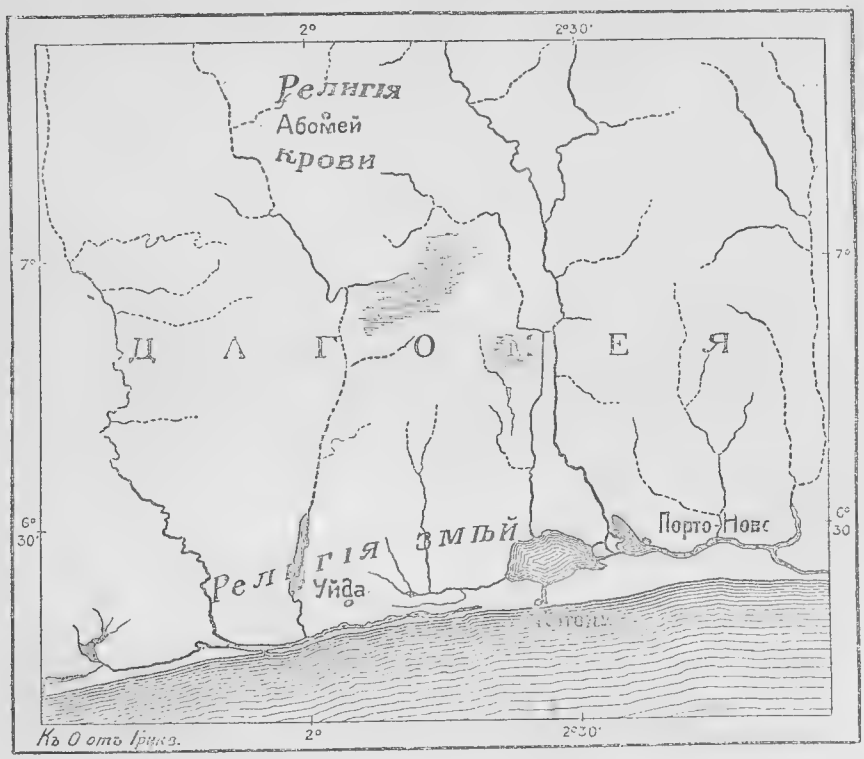
Спрашивается, на какихъ свидѣтельствахъ основывается обычное мнѣніе, что среди тѣхъ многочисленныхъ племенъ, которыя еще живутъ или жили въ недавнее время внѣ прямого соприкосновенія съ европейцами, многія совершенно лишены религіозныхъ представленій? Свидѣтельства эти доставлялись миссіонерами и другими путешественниками-христіанами, которые, вполнѣ естественно, имѣли наклонность считать «настоящей религіей» лишь свою собственную; когда при изложеніи ихъ католическихъ или протестантскихъ вѣрованій туземцы встрѣчали слова ихъ смѣхомъ, насмѣшками или тупымъ удивленіемъ, они тотчасъ же заключали, что эти послѣдніе нерелигіозны. Такія сужденія высказывались относительно почти всѣхъ нецивилизованныхъ народностей: австралійцы, кафры, готтентоты, полинезійцы—всѣ обладаютъ очень совершенной миѳологіей, и религіозныя представленія ихъ было бы полезно изучить въ смыслѣ выясненія вопросовъ сравнительнаго развитія человѣческаго духа,—всѣ они, тѣмъ не менѣе, причислялись первоначально къ народностямъ, лишеннымъ религіи.

Кромѣ того иногда дикари предпочитаютъ отклонять отъ себя нескромные вопросы. Такъ одинъ изъ путешественниковъ встрѣчаетъ на Цейлонѣ молодыхъ веддовъ со строгими волосатыми и бородатыми лицами: «Существуетъ ли Богъ»?—спрашиваетъ онъ ихъ.—«Мы не знаемъ этого».—«Живутъ ли луна и солнце»?—«Кто же это знаетъ»?—«Что дѣлается съ душой послѣ смерти»?—«Мы не знаемъ».—«Боитесь ли вы въ лѣсу демоновъ»?—«Нѣтъ»! Подобные разговоры не доказываютъ ничего, кромѣ полной невозможности взаимнаго пониманія между веддами и ихъ бѣлолицыми собесѣдниками [1])!

1) Rütimeyer. Globus. № 13, 2 April 1903.

Другой источникъ заблужденій обусловливается тѣмъ, что философы и теологи считали «атеистическими секты», иногда даже глубоко религіозныя, но не ставящія во главѣ своего Пантеона, на вершинѣ своего Олимпа или Меру, Единаго Бога, Превышняго Владыку, одновременно Творца, Хранителя и Разрушителя. Такимъ образомъ, напримѣръ, путемъ непостижимаго противорѣчія, буддисты, доктрина или, вѣрнѣе, различ-

№ 40. Религіи Дагомеи.
(Къ стр. 276).



ныя доктрины которыхъ свидѣтельствуютъ о столь глубокомъ и проникновенномъ познаніи ими природы и духовнаго міра, были объявлены также перелигіозными изъ-за того, что, именно, благодаря избытку религіознаго чувства, у буддистовъ порождается желаніе теряться въ безконечности вещей.

Безъ сомнѣнія, имѣются племена и народности, которыя, вслѣдствіе жизни въ благопріятной внѣшней средѣ, среди мира и благосостоянія,

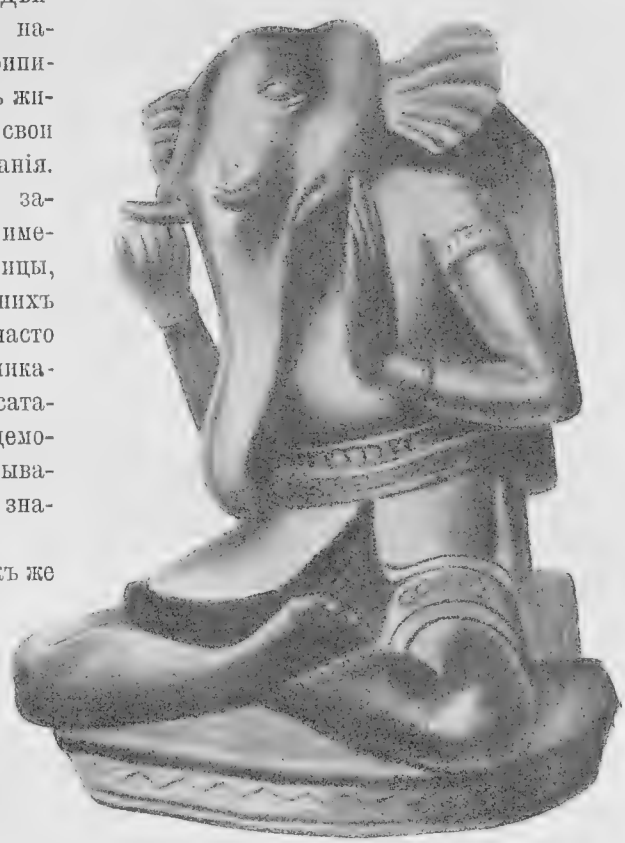
относительно мало заботятся о тайнахъ жизни и смерти и, ревниво относясь къ своей свободѣ, не позволяютъ образоваться господствующей кастѣ жрецовъ. Однако, и эти народности были не въ меньшей степени «религіозными животными» [1]), чѣмъ другіе представители человѣческаго рода. Этимъ опредѣленіемъ человѣка, какъ «религіознаго животнаго», Катрфажъ имѣлъ въ виду рѣзко ограничить «человѣческое царство»,— царство совершенно особое, находящееся, такъ сказать, между небомъ и землею. Можетъ, однако, возникнуть вопросъ, не являются ли младшіе братья человѣка, животныя, также религіозными? Нѣкоторые изъ современныхъ философовъ, между ними и Контъ, согласны допустить это, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколько ограниченной степени, а Тито Виньоли признаетъ даже у животныхъ возникновеніе миѳовъ, какъ у человѣка [2]).

Старинныя сочиненія полны разсказовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ сильно наши предки вѣрили въ первоначальное сходство воззрѣній всѣхъ живыхъ существъ. Животныя считались равными намъ во всѣхъ отношеніяхъ, они могли быть даже выше насъ, такъ какъ многія изъ нихъ служили предметами культа. Вѣдь поклонялись же тысячи народовъ земного шара, и въ особенности обитатели страны Уйда въ Африкѣ, змѣѣ, рождающейся изъ земли,—змѣѣ, которая, свертываясь въ кольцо и кусая свой хвостъ, превращается въ безконечное существо, въ символъ вѣчности. По еврейской легендѣ, змѣя олицетворяетъ само познаніе—познаніе добра и зла. Въ индусскихъ религіяхъ, столь богатыхъ превращеніями и воплощеніями всѣхъ родовъ, измѣненіями растеній въ животныхъ и животныхъ въ божества, Ганеза, т.-е. слонъ, былъ воплощеніемъ мудрости, а на островѣ Бали онъ въ качествѣ третьяго лица, вмѣстѣ съ божествами Дурга и Сива, составлялъ Троицу. Не являются ли также чрезвычайно важными божествами обезьяна Хануманъ и, въ особенности, священная корова браманистовъ, — божествами, на которыхъ обращаются взоры 200 милліоновъ людей? Аписъ и Анубисъ въ теченіе многихъ вѣковъ царили на берегахъ Нила, а Іегова евреевъ былъ непосредственно окруженъ крылатыми быками, «херувимами», которыхъ онъ облекалъ сверхъестественною силою. На основаніи религіознаго культа также признаютъ первобытные люди животныхъ лѣсовъ, степей и морей, оленя, косулю, бобра, медвѣдя, бизона, тюленя, кита своими предками, положившими начало той или другой группѣ семей. Какъ бы въ силу атавизма, негры на островѣ Гаити признавали своимъ божествомъ объектъ поклоненія ихъ предковъ дагомейцевъ — змѣю Воду,—это имъ ставится даже въ большую вину!

Даже представители христіанскаго ученія, во имя котораго фило-

1) A. de Quatrefages, «L'éspèce humaine», p. 349 ss. — 2) Tito Vignoli, «Myth and Science».

софы отказываютъ животнымъ въ религіозности, нерѣдко противорѣчили собственной логикѣ,—не мало церковныхъ синклитовъ признавало то или другое животное отвѣтственнымъ за свои дѣянія и приговаривало его къ костру, къ висилицѣ или сѣкирѣ палача. Не сопутствуетъ ли также каждому изъ евангелистовъ въ старинныхъ произведеніяхъ церковной скульптуры и живописи (рис. на стр. 279) свойственное ему эмблематическое животное? Дѣйствительно, каждая народность любитъ приписывать окружающимъ живымъ существамъ свои собственныя вѣрованія. Христіанскіе соборы заклинали животныхъ именемъ Пресвятой Троицы, и въ миѳологіи среднихъ вѣковъ животныя часто становились посредниками Богоматери или сатаны, святыхъ или демоновъ, и имъ приписывалось вполнѣ точное знаніе религіи.



Ганеза—слонъ, олицетворяющій премудрость.

Совершенно такъ же перувіанцы, потомки племенъ кихуа и аймара, которые поклонялись богу-солнцу, сохранили изъ своего древняго культа представленіе, что ихъ вьючныя животныя, ламы, при восходѣ солнца всегда обращаются къ востоку и привѣтствуютъ солнце слабымъ блеяніемъ. Будучи сами слишкомъ трусливыми и боясь, вопреки волѣ своихъ проповѣдниковъ-миссіонеровъ, пришедшихъ изъ Европы, преклоняться предъ божественнымъ свѣтиломъ, озаряющимъ вершины горъ, обитатели Андовъ считаютъ ламъ своими заступницами передъ божествомъ, выполняющими за нихъ этотъ религіозный обрядъ [1]).

1) P. Germain, Actes de la Société scientifique du Chili.

Путешествующіе съ караванами мусульмане Персіи и Аравіи замѣчаютъ также, что верблюды, лошади и мулы останавливаются внезапно, когда услышатъ голосъ муэдзина, призывающаго во главѣ каравана правовѣрныхъ на молитву; изъ этого они заключаютъ, что и животныя знаютъ свои обязанности по отношенію къ Аллаху [1]).

Не къ чему, однако, обращаться къ баснямъ,—достаточно изучить животныхъ, съ которыми намъ приходится жить, чтобы убѣдиться въ томъ, что и у нихъ существуетъ религіозное чувство, почти столь же ясно выраженное, какъ у человѣка. Конечно, они не владѣютъ рѣчью и не могутъ выразить своихъ чувствъ, но не проявляютъ ли они тѣлодвиженій, жестовъ, взглядовъ, интонаціи голоса и того таинственнаго трепета, который внезапно позволяетъ понять намъ ихъ чувства и мысли? Не подлежитъ сомнѣнію, что настоящіе «кандидаты на званіе человѣка» — собака, кошка и другія домашнія животныя — раздѣляютъ нерѣдко необъяснимый страхъ, вдругъ объемлющій ихъ хозяина, человѣка: религіозныя, какъ и ихъ господинъ, они ощущаютъ такой же страхъ передъ неизвѣстностью, и воображеніе ихъ возбуждается фантомами: они подмѣчаютъ зависимость явленій отъ причинъ, но не умѣютъ ихъ истолковать, и возникающія у нихъ объясненія пугаютъ ихъ [2]).

Не наблюдается ли также у животныхъ необъяснимой страсти къ тѣмъ или другимъ предметамъ, которые не имѣютъ для нихъ никакого практическаго значенія? Они считаютъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ амулетовъ или фетишей, подобныхъ тѣмъ, которыми пользуются негры. Наконецъ, то глубокое, захватывающее чувство, побѣждающее всѣ препятствія, выдерживающее всѣ испытанія, съ которымъ животныя относятся къ своему другу-человѣку, — не напоминаетъ ли оно настоящій религіозный культъ, совершенно такой же, какъ проявляемый человѣкомъ къ тому, что онъ обоготворяетъ?

По существу всѣ религіи, какъ животныхъ, такъ и человѣка, всѣ религіозные культы, какъ бы ни были они разнообразны и даже противоположны другъ другу, имѣютъ аналогичное происхожденіе и развиваются параллельно. Каждый человѣкъ, захваченный общимъ вихремъ жизни, но желающій, тѣмъ не менѣе, сохранить и развить свою индивидуальную силу, ищетъ опоры во внѣшнемъ мірѣ, чтобы помочь себѣ, когда его одолѣваетъ страхъ, чтобы отстранить отъ себя угрожающую опасность, осуществить охватывающія его желанія.

Является ли основнымъ начальнымъ чувствомъ страхъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ священныя книги и древніе авторы, «страхъ пе-

---

1) Hermann Vambery, «Sittenbilder aus dem Morgenland». — 2) Girard de Rialle, «Origine des Religions».

редъ Богомъ — начало премудрости», или же, какъ доказываетъ Фейербахъ [1]), въ основѣ лежитъ нѣчто болѣе широкое,—именно, жажда лучшаго и исканіе счастья,—во всякомъ случаѣ, человѣкъ хватается за все, что находится внѣ его и рисуется его воображенію дѣйствительнымъ защитительнымъ средствомъ. Въ этомъ заключается основной принципъ религіи, сохраняющійся вѣчно.

Евангелисты-апостолы св. Лука и св. Маркъ съ посвященными имъ животными.

Скульптурныя изображенія XIII вѣка на портикѣ церкви въ Сенъ-Жиллѣ (Воклюзъ).

Во всемъ остальномъ вѣрованія отдѣльнаго человѣка, группы людей, народности или націи принимаютъ тотъ характеръ, который складывается подъ вліяніемъ первоначальной географической среды и среды второго порядка — исторической жизни. Глубокое значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что имя, данное древними германцами самому высокому ихъ божеству, было «Oski» или «Желаніе»: 2.000 лѣтъ спустя, философамъ пришлось лишь подтвердить этимологію этого слова и признать, что божество, создаваемое человѣкомъ, является не болѣе какъ отраженіемъ его желаній! Созданное нашимъ воображеніемъ идеальное могущественное существо должно дать намъ то, чего мы желаемъ, — оно и создается для того, чтобы удовлетворять насъ.

Происхожденіе всѣхъ религій имѣло въ своей основѣ также и еще одинъ чрезвычайно важный элементъ, связанный съ питаніемъ,—именно,

1) Feuerbach. «Das Wesen des Christenthums».—«Das Wesen der Religion».

потребность во временномъ освобожденіи умственныхъ силъ отъ напряженія,—освобожденіи, которое достигается либо отдыхомъ, либо опьянѣніемъ.

Наклонность къ опьянѣнію себя—не что иное, какъ результатъ усталости мысли,—человѣкъ утомляется разсуждать, сравнивать, слѣдить за собою и своими дѣйствіями, превращать волевые импульсы въ сообразныя законамъ логики движенія; чтобы отдохнуть отъ этой дѣятельности, онъ предоставляетъ свободу своему разнузданному воображенію, захватывается мистическою игрою мысли, дѣлающею невозможное возможнымъ, ищетъ наслажденія въ безуміи или даже въ смерти, которая даетъ забвеніе всего! Подобно тому какъ въ повседневной жизни за періодомъ дѣятельности слѣдуетъ сонъ, такъ чередуется и жизнь, регулируемая разсудкомъ, съ періодами, когда человѣкъ отрицаетъ всякое участіе разума, даже презираетъ его и ищетъ другого оправданія своему существованію. Отсюда и проистекаетъ та потребность въ опьяняющихъ напиткахъ или даже въ одуряющихъ ядахъ, которую мы встрѣчаемъ въ безконечномъ множествѣ формъ у всѣхъ народовъ земного шара,—напитки эти вносятъ пріятное разнообразіе въ жизнь несчастныхъ и даже въ жизнь счастливцевъ. Голодающему грезятся постоянные пиры, а тому, кого всѣ ненавидятъ, снится безконечное счастье всеобщаго обожанія и преклоненія.

Такая усталость въ дѣятельности и потребность въ грезахъ проявляется въ большей или меньшей степени у всѣхъ людей; она во всѣхъ странахъ и во всѣ времена получаетъ общее распространеніе, благодаря сходству среды, благодаря заразительности примѣра и подражательности,—такъ и возникаютъ группы людей, связанныхъ религіей. Каждая такая толпа захватывается общимъ движеніемъ, повинуется одинаковой безумной страсти, увлекается однимъ и тѣмъ же вихремъ тоски, отчаянія, экстаза и безумія,—потому эта толпа выполняетъ и одинаковыя дѣйствія, стремится осуществить одинаковыя галлюцинаціи, вызвать ихъ одинаковыми средствами.

Многія религіи получили такое значеніе, что повели къ образованію корпорацій, обладающихъ особыми служителями — жрецами; въ нѣкоторыхъ религіяхъ имѣются даже полубоги или земные боги, — слова, жесты и дѣйствія ихъ замѣняютъ для вѣрующаго необходимость размышлять надъ религіозными вопросами. Предпринимаются и общественныя церемоніи, въ теченіе которыхъ человѣкъ, какъ отдѣльная личность, совершенно исчезаетъ. Въ теченіе положенныхъ часовъ онъ долженъ вставать, садиться, кланяться, произносить извѣстныя слова, слушаться извѣстныхъ жестовъ, опредѣленныхъ мотивовъ, вдыхать тѣ или другіе ароматы, опьяняться тѣми или другими напитками,—однимъ словомъ, жить и дѣйствовать сообразно съ движеніями, предписанными

Курильня опіума.
Рисунокъ Ру по фотографіи.

жрецомъ, или сообразно съ традиціями, передающимися съ незапамятныхъ временъ. Такимъ способомъ научается человѣкъ вертѣться какъ дервишъ, привыкаетъ приводить себя въ безчувственное состояніе какъ анссауа, который прокалываетъ себя булавками и иглами, такимъ же способомъ «восходитъ онъ на седьмое небо», какъ апостолъ Павелъ или Магометъ. Обыденная жизнь человѣка замѣняется новой жизнью, полной религіозныхъ грезъ и безумія!

Способъ, какимъ человѣкъ добываетъ свою пищу, оказываетъ вліяніе на его религіозныя увлеченія, также какъ вліяетъ и на всѣ его мысли, весь его образъ жизни, привычки, знанія и искусства. Именно вокругъ добыванія насущнаго хлѣба вращается прежде всего умственная дѣятельность человѣка [1]). Охотникъ или рыболовъ всегда введетъ въ свои сказки и легенды тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ преслѣдуетъ; ихъ же

1) Ernst Grosse, «Die Anfänge der Kunst», p. 35.

причислитъ онъ и къ своимъ богамъ. Кочевникъ, непрерывно странствующій со своими стадами, постоянно будетъ видѣть себя, какъ въ этой жизни, такъ и въ рисующейся ему будущей, окруженнымъ верблюдами, быками или овцами и будетъ поддерживать порядокъ между своими стадами. Наконецъ, могла ли идея безсмертія души, имѣвшая въ теченіе долгихъ вѣковъ и тысячелѣтій своей эмблемою зерно, бросаемое въ землю, явиться у какихъ-либо другихъ народовъ, кромѣ народовъ земледѣльческихъ? Коль скоро народъ мѣняетъ свое отечество и, вытѣсненный войною или чѣмъ-либо другимъ, переселяется въ новую страну,— легенды его и традиціи немедленно приспособляются къ новой средѣ. Даже въ нашихъ современныхъ религіяхъ, напримѣръ, хотя бы въ буддійской или въ католической, совершенно точно урегулированные священнослужителями кодексы вѣрованій все же мѣняются со временемъ, несмотря на то, что установленныя въ древности церемоніи сохраняются.

Первобытный человѣкъ, чувствуя въ себѣ броженіе жизни, приписываетъ и всѣмъ окружающимъ предметамъ жизнь, аналогичную своей собственной. Если его ударяетъ камень, человѣкъ считаетъ его проникнутымъ къ себѣ враждебными намѣреніями, если онъ споткнется за выступъ почвы, онъ толкаетъ его также ногой, думая, что этотъ выступъ причинилъ ему преднамѣренное зло. Точно также онъ любитъ вѣтви, затѣняющія его отъ солнца, любитъ цвѣтокъ, радующій его своимъ ароматомъ, и сердится на хлещущіе его кустарники и на шипы, вонзающіеся въ его кожу, на горькія ягоды, обманывающія его разсчеты.

Каждое впечатлѣніе вызываетъ въ немъ удовольствіе или злобу; онъ чувствуетъ себя связаннымъ со внѣшней средою цѣлымъ потокомъ впечатлѣній, которыя поддерживаютъ въ немъ постоянную религіозную иллюзію, заставляющую одухотворять внѣшній міръ. Анимизмъ этотъ, наблюдаемый въ рудиментарной формѣ у животныхъ и у дѣтей, которыя бьютъ со злостью всякую бездѣлушку, причиняющую имъ непріятность, кажется смѣшнымъ людямъ взрослымъ, видящимъ ясно связь между причиной и слѣдствіемъ, между неодушевленнымъ камнемъ и вражеской рукой, которая его бросила. Тѣмъ не менѣе, такое ошибочное воспріятіе жизни окружающаго міра сохраняется и въ наши дни въ идеяхъ морали и въ исторіи религіи.

Дѣло въ томъ, что многія случайности повседневной жизни возникаютъ вслѣдствіе причинъ, которыя не легко себѣ объяснить: наука о явленіяхъ природы открыла намъ пока лишь свои ближайшіе горизонты, а между тѣмъ потребность въ объясненіи всего велика. Первобытный человѣкъ, подъ вліяніемъ этой потребности, ищетъ въ непосредственно окружающихъ его предметахъ таинственныхъ причинъ тѣхъ явленій, которыя его поражаютъ. На обширной аренѣ жизни каждое существо кажется ему играющимъ особую роль, спеціально направленную къ пользѣ

Таоистскій жрецъ, молящійся предъ изображеніями боговъ.

или ко вреду его собственной персоны—этого «центра міроздапія»; все, что онъ видитъ, кажется ему населеннымъ безплотными духами, либо благосклонными къ нему, либо враждебными,—у каждаго ручья ему рисуется наяда, въ каждомъ деревѣ—дріада, все удивительнѣйшимъ образомъ оживлено и одухотворено, каждый предметъ, вплоть до малѣйшей травинки, представляетъ собою фетишъ.

Окруженный духами, какъ густою тучею назойливыхъ комаровъ, человѣкъ принужденъ проводить свою жизнь въ постоянныхъ сноше-

ніяхъ съ ними, — съ одной стороны, онъ заклинаетъ ихъ, съ другой — обращается къ нимъ съ молитвами.

Считая себя, какъ это и вполнѣ естественно, главнымъ центромъ вселенной, дикарь воображаетъ, что всѣ явленія природы совершаются исключительно для него и ради него, что всѣ они сцѣпляются, чтобы испугать его или обрадовать. «Это случается только со мною»!—восклицаетъ и до сихъ поръ эгоистъ въ своей наивности. Иногда же ему кажется, что вокругъ него витаютъ безплотные духи, принимая форму то камней, то деревьевъ, что звѣзды ему улыбаются и листья шепчутъ ласковыя слова! Все, окружающее человѣка, можетъ сообразно съ обстоятельствами или устрашать его, или успоканвать, все можетъ становиться или духомъ добрымъ, или злымъ демономъ, и потому невозможно дать логичной классификаціи божествъ добрыхъ и злыхъ. Помимо того миѳологическія представленія мѣняются у различныхъ племенъ и народностей, божества получаютъ другія наименованія, хотя по существу и остаются тѣми же продуктами фантазіи человѣка; благодаря этому нѣтъ возможности разобраться во всей этой путаницѣ [1]).

То или другое курьезное совпаденіе, то или другое странное обстоятельство вызываетъ иногда у человѣка представленіе о «чудѣ» и можетъ придать самому обыкновенному предмету въ воображеніи человѣка первостепенное значеніе; въ общемъ, однако, должно сказать, что предметы поклоненія, настоящіе или воображаемые, — «фетиши» (очень мѣткое названіе, данное португальцами, «feiticos» или «сдѣланное искусственно») распредѣляются въ извѣстной іерархіи, всюду болѣе или менѣе одинаковой [2]).

Нѣкоторые изъ дикихъ звѣрей, равно какъ и нѣкоторыя домашнія животныя, являются одними изъ сильнѣйшихъ фетишей. Далѣе, исключительныя личности, волхвы, цѣлители, наконецъ, вожди занимаютъ также высокое мѣсто среди безконечнаго множества обоготворяемыхъ существъ; даже нѣкоторыя произведенія природы, несмотря на то, что они состоятъ изъ безконечнаго множества независимыхъ одна отъ другой частицъ, представляются, тѣмъ не менѣе, человѣку отдѣльными могущественными божествами; рѣки, горы, мысы, безконечный океанъ, облака, дождь, солнечные лучи, сама мать-земля, плодородная Гея, изъ которой мы произошли и въ которую намъ суждено сойти,—всѣ эти области безконечнаго пространства являются божествами для монголовъ, якутовъ и даже объякутившихся русскихъ [3]). Наконецъ, небо, во всей своей безпредѣльности, въ глазахъ обитателей той планеты, которую оно обни-

1) Draper, «Histoire du développement intellectuel de l'Europe». — 2) De Brosses, «Du Culte des dieux-fétiches», Paris 1760.—3) Deutsche Rundschau, Jahrgang XVII, Heft 12.

Могила индійскаго вождя въ Британской Колумбіи.
Изображенія, которымъ туземцы стараются придать возможно страшный видъ, чтобы отогнать злыхъ духовъ, мѣшающихъ душамъ покойныхъ переселиться въ лучшій міръ. Рис. Ру по фотографіи.

маетъ, также не болѣе какъ особая божественная личность, — его слѣдуетъ бояться и къ нему должно возносить молитвы, подобно тому какъ и ко всякому другому величественному явленію природы, съ которымъ человѣкъ приходитъ въ соприкосновеніе. Потому вполнѣ правильно разсматривать обитателей Поднебесной имперіи, почитающихъ геніевъ Земли и Неба, какъ народъ, едва миновавшій въ своей эволюціи періодъ фетишизма. Впрочемъ, въ дѣйствительности, какая нація можетъ считать себя развившейся безъ прохожденія стадіи этой всемірной религіи [1])?

Итакъ, милліоны и милліарды душъ вѣрующихъ могутъ сойтись на поклоненіи столь великому фетишу, какъ Земля и Небо. Но величіе высшихъ фетишей не препятствуетъ вѣрованію во вліяніе множества фетишей безконечно малыхъ, и, напр., сыновья Поднебесной имперіи, сопровождающіе поклоненіе Небу множествомъ точно соблюдаемыхъ церемоній, вносятъ еще болѣе рвенія и стараній въ тѣ тысячи мелкихъ обрядовъ, ко-

1) Pierre Laffite, «General View fo Chinese Civilisation».

торыхъ требуетъ культъ «фанъ-шуй», т.-е. культъ безконечнаго множества духовъ, обитающихъ въ воздухѣ и въ водѣ. Нигдѣ искусство волхованія, искусство дѣлать себѣ благосклонными духовъ не пріобрѣло такого колоссальнаго значенія, какъ въ Срединной Имперіи!

Современныя историческія событія Китая были въ значительной степени обусловлены охватившимъ желтолицыхъ возмущеніемъ тою безцеремонностью, съ которой европейскіе инженеры, проводя желѣзныя дороги, переворачивали священную землю и, не оказывая никакого уваженія духамъ земли, оскорбляли ихъ.

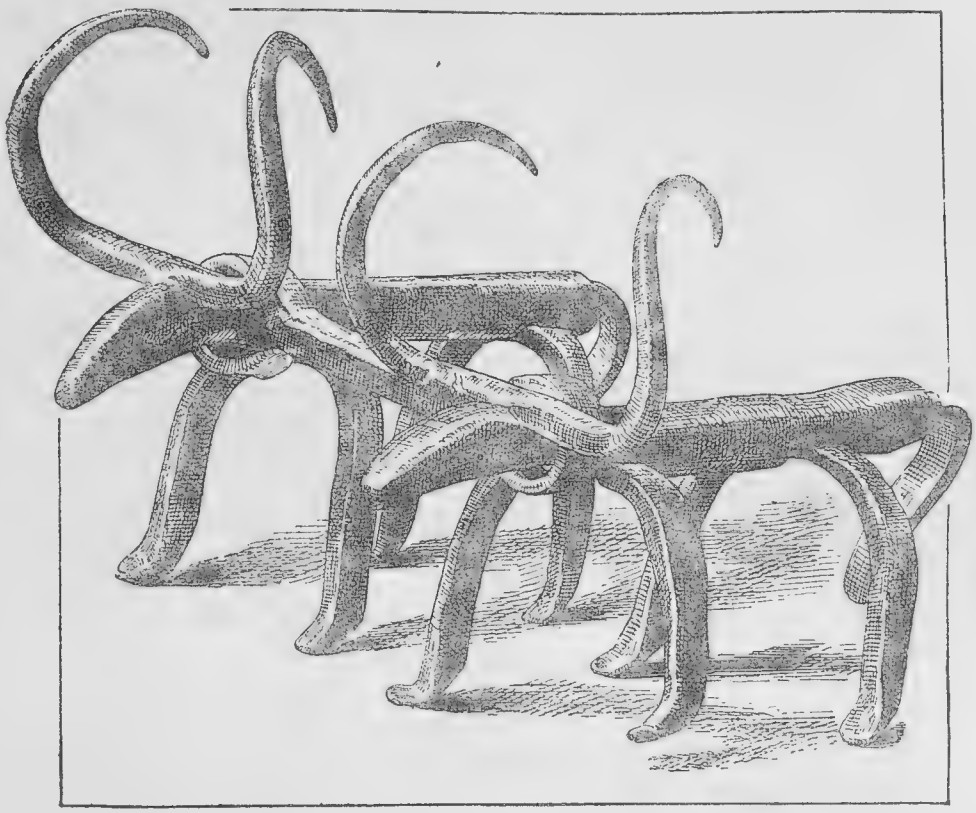
Изъ вѣрованія въ безконечное множество духовъ, представляющихъ собою дѣятельныя силы природы, возникаетъ религія поклоненія природѣ — «натуризмъ». Все обладаетъ жизнью, по убѣжденію человѣка, — объ этомъ свидѣтельствуетъ уже большинство нашихъ языковъ, въ которыхъ всѣмъ предметамъ приписывается обладаніе половъ, ко всѣмъ предметамъ прилагается мѣстоименіе «онъ» или «она». До изобрѣтенія средняго рода, который новѣйшаго образованія, не было предмета, не обозначавшагося существительнымъ мужескаго или женскаго рода [1]).

Къ духамъ земли, окружающимъ человѣка со всѣхъ сторонъ, присоединяются души всѣхъ ранѣе жившихъ людей, всѣхъ, кого болѣе уже нѣтъ: натуризмъ превращается въ «анимизмъ» или, скорѣе, сливается съ нимъ. Смерть непрерывно коситъ вокругъ человѣка его окружающихъ, и таинственные призраки — «души» или «духи» умирающихъ сливаются съ фантомами также неизвѣстной природы, исходящими изъ земли, изъ деревьевъ, изъ всего окружающаго.

Человѣкъ видитъ себя постоянно окруженнымъ этими духами различнаго происхожденія, но одинаковой силы; смерть врывается въ его существованіе внезапно, сопровождается нерѣдко ужасными проявленіями, и потому онъ охотно готовъ признать ее страшнѣйшимъ божествомъ. Обитатели Георгіи титулуютъ свирѣпствующую среди нихъ моровую язву или иную эпидемическую болѣзнь «Великимъ господиномъ» и при обращеніи къ ней употребляютъ самыя льстивыя выраженія [2]). Дикарь пробуетъ заклинать смерть, когда она является къ нему врагомъ, уносящимъ его товарищей, родителей или друзей, онъ призываетъ ее, какъ союзника и покровителя, когда хочетъ умертвить опаснаго для него хищнаго звѣря или ненавистнаго врага, къ которому пылаетъ местью. Человѣкъ чувствуетъ и видитъ рѣющія вокругъ него души мертвыхъ, души, покинувшія тѣла убитыхъ вокругъ него товарищей, — онѣ то благосклонны къ

1) Max Müller, «Essais de Mythologie comparée», trad. G. Perrot, p. 72.— 2) Sakhokia. Bulletin de la Sos. d'Anthropologie, séance du 16 avr. 1904.

нему, то его безпокоятъ. Люди такъ хорошо видятъ эти души, они такъ слышатъ ихъ вопли, что, ища отъ нихъ спасенія, тотъ, кто ихъ боится, старается запутать въ лѣсу свои слѣды, чтобы души заблудились, переноситъ свою хижину на новое мѣсто, замуровываетъ или задвигаетъ засовами двери, переодѣвается въ другое платье, чтобы его не узнали, даже начинаетъ говорить на другомъ языкѣ и оставляетъ свой прежній [1]).



Приношенія въ церковь по обѣту, сдѣланныя изъ кованнаго желѣза, въ Сенъ-Леонаръ, въ Тиролѣ.

Къ счастью, между этими страждущими душами имѣется достаточно такихъ, которыя могутъ быть успокоены. Родственники умершаго нерѣдко предупреждаются сномъ о томъ, въ какомъ мѣстѣ находится его тѣло и какія оно претерпѣло измѣненія. Иногда они слышатъ его голосъ въ вѣтвяхъ деревьевъ и заключаютъ, что онъ туда переселился; въ другихъ случаяхъ—они открываютъ его присутствіе въ какомъ-нибудь лѣс-

1) Elie Reclus, «Les Primitifs».

номъ животномъ, которое получило съ нимъ сходство. Благодаря переселенію душъ, происходящему при переходѣ изъ прежней жизни въ новую, скала или источникъ, растеніе или животное могли сдѣлаться прибѣжищемъ странствующей души. Достовѣрнымъ казалось лишь то, что жизнь непрерывна и вѣчна; первобытные люди понимали это, однако, самымъ простымъ и реальнымъ образомъ: они не могли понять вѣчности жизни съ точки зрѣнія неразрушимости матеріи и сохраняли, просто, непоколебимую увѣренность въ томъ, что души умершихъ постоянно сопровождаютъ ихъ и находятся вмѣстѣ съ ними, относясь къ нимъ такъ же, какъ при жизни, или дружественно, или враждебно.

Такимъ образомъ, боясь смерти, этого удивительнаго превращенія человѣка, при которомъ онъ перестаетъ дышать и двигаться и начинаетъ разлагаться, люди, въ то же время, вѣрили въ вѣчное существованіе жизни во множествѣ различныхъ формъ. «Смерть» не была для нихъ смертью; человѣкъ исчезалъ, но лишь кажущимся образомъ, и если онъ не находилъ себѣ убѣжища въ тѣлѣ какого-нибудь другого животнаго, то во всякомъ случаѣ наиболѣе тонкая часть его собственнаго существа дѣлалась невидимой, какъ воздухъ, и носилась вокругъ его жилища, скрывалась между шелестѣвшими листьями. Еще и въ наше время въ Вервье, при поминкахъ по покойникѣ, запрещаютъ дѣтямъ бросать камнями въ изгородь, такъ какъ боятся оскорбить душу усопшаго [1]).

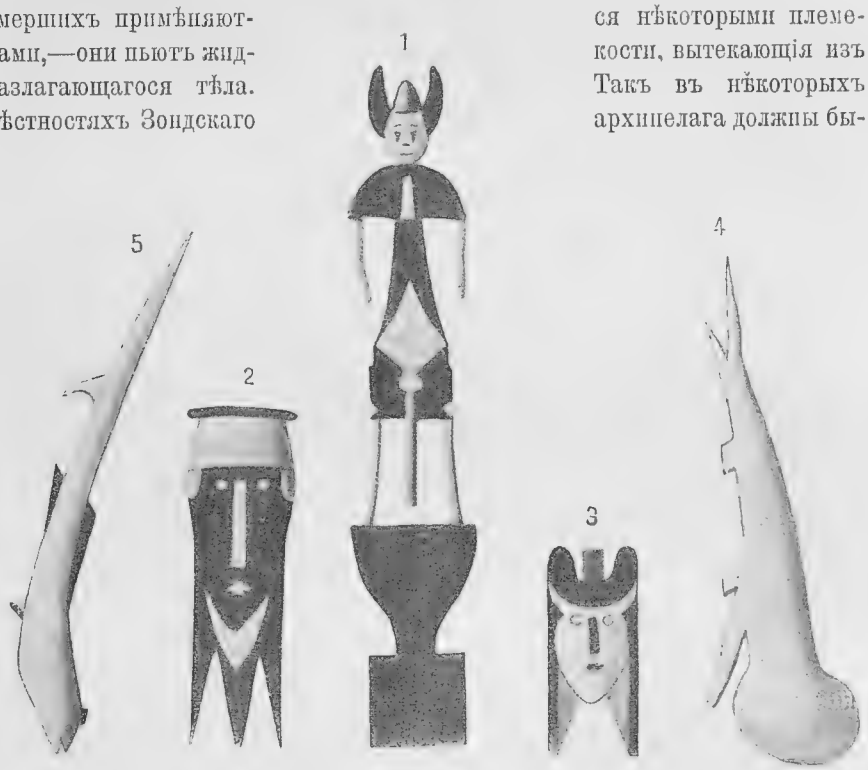
Но если эти души живутъ, то какъ могутъ онѣ поддерживать свое существованіе внѣ условій, необходимыхъ для жизни? Здѣсь начинается уже область чуда. Человѣкъ представлялъ себѣ, что блуждающія души потеряли связь съ тѣломъ противъ своего желанія, вслѣдствіе колдовства или какого-нибудь насилія со стороны злыхъ духовъ [2]). Итакъ, слѣдовало прежде всего бороться съ этими враждебными силами. Сыновняя преданность и та солидарность между людьми, которую отрицаютъ пессимисты, несмотря на то, что она привязываетъ даже людей живущихъ къ тѣмъ, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, требовали, слѣдовательно, чтобы первобытный человѣкъ постарался помѣстить покойника въ подходящія для него условія.

Прежде всего онъ долженъ былъ предоставить ему жилище, которое было бы ему по вкусу; вотъ почему способы погребенія должны были сильно различаться, въ зависимости отъ природы страны и отъ развитія мѣстной техники. У нѣкоторыхъ племенъ покойника погребали вблизи его очага, у другихъ — его душу заключали въ деревянную куклу, въ восковое изображеніе или просто въ лоскутокъ ткани, который вѣшали въ хижинѣ. Вѣтвь священнаго дерева, особая постройка,

1) Eug. Monseur, «Cours d'Histoire religieuse» p. 8. — 2) Elie Reclus, «La Mort.» Société Nouvelle, 1895.

возведенная на помостѣ, носовая часть лодки—считались иногда также мѣстами пребыванія мертвыхъ. У многихъ племенъ священное пламя должно было уничтожить тѣло человѣка и тѣснѣйшимъ образомъ слиться съ его истинной душою. Племена, отличавшіяся особой храбростью, давали своимъ покойникамъ самое достойное имъ погребеніе — въ своемъ собственномъ тѣлѣ! Племя батта на Суматрѣ, чукчи въ Сибири и многія другія племена поѣдали своихъ стариковъ.

Даже и еще болѣе утонченные способы внѣдрить въ себя души умершихъ примѣняются нѣкоторыми племенами,—они пьютъ жидкости, вытекающія изъ разлагающагося тѣла. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Зондскаго архипелага должны бы-



Идолы изъ деревни Ликилики на о. Уаланъ (Каролинскіе острова).
1, 2, 3—главные идолы.—4, 5—второстепенные идолы.

ли поступать вдовы, для того чтобы остаться вѣрными своимъ умершимъ мужьямъ: онѣ, сидя въ своей хижинѣ, высасывали все изъ любимаго тѣла, пока оно не превращалось въ высохшую мумію. У племени алиуру (альфуру) на островахъ Ароэ, къ западу отъ страны папуасовъ, дѣти послѣ смерти родителей примѣшиваютъ къ своимъ лепешкамъ изъ саго кусочки тѣла почившихъ и такимъ образомъ съѣдаютъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; во время поминокъ у нихъ передается изъ рукъ въ руки чаша, въ которой арракъ смѣшанъ съ жид-

костью, вытекающею изъ трупа, — всѣ присутствующіе пьютъ изъ нея, чтобы пріобщить себя къ усопшему [1]).

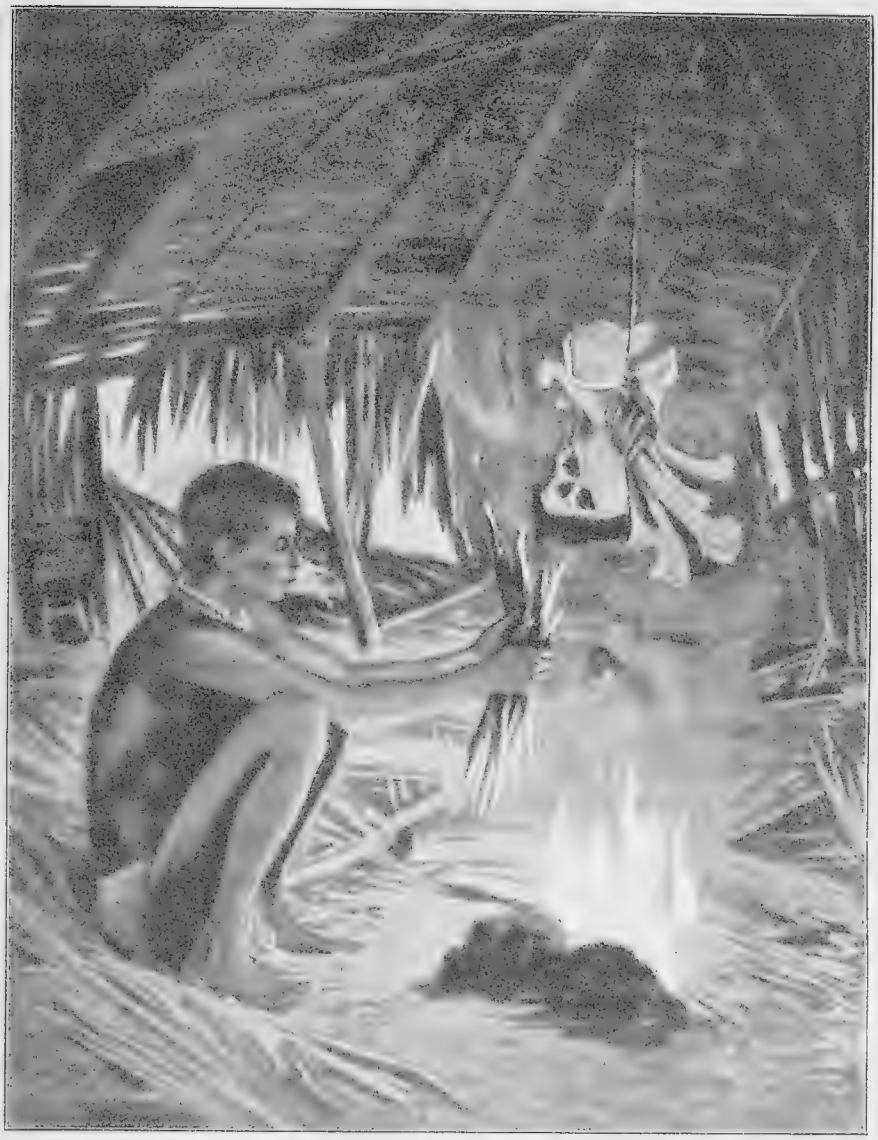
Имѣются также племена, которыя сами оставили этотъ отвратительный обычай, но заставляютъ рабовъ поѣдать своихъ мертвыхъ, какъ бы передавая имъ на это полномочія. Такая замѣна аналогична условіямъ, которыя мы встрѣчаемъ у тибетцевъ, бросающихъ свои трупы собакамъ, и у парсовъ, которые предоставляютъ самой природѣ возстановлять тѣла при посредствѣ коршуновъ-стервятниковъ. Древніе обитатели Эѳіопіи рисовали на своемъ тѣлѣ изображенія родителей или усопшихъ друзей [2]). То же самое въ сущности дѣлаемъ и мы, нося на себѣ медальоны съ изображеніями покойниковъ, съ прядями ихъ волосъ и т. п.

Поѣданіе труповъ, хотя и зависитъ отъ стремленія войти въ самыя тѣсныя отношенія съ ушедшимъ въ лучшій міръ, явленіе все же относительно рѣдкое въ людской средѣ, — обыкновенно покойникамъ даютъ превращаться въ первоначальные элементы путемъ медленнаго разложенія. Мясо всегда предоставляется разрушенію, тогда какъ кости часто сохраняются, особенно черепъ и кости голени, которые сберегаются многими племенами. Племя гуарани на Ориноко предоставляетъ трупы покойниковъ рыбамъ, которыя совершенно очищаютъ скелетъ отъ мягкихъ частей, и затѣмъ онъ сохраняется, какъ фетишъ [3]).

Въ какомъ бы видѣ ни оставалось тѣло, предполагается все же, что оно не можетъ жить вѣчно безъ поддержки, — необходимо кормить его, либо предоставляя цѣлую трапезу, что было бы, однако, слишкомъ невыгодно для семьи или для общины, либо жертвуя ему лишь кое-какія крошки и капельки, которыхъ, какъ предполагается, достаточно для питанія тѣней. Такъ, греки и римляне наклоняли чашу съ виномъ надъ огнемъ, чтобы тонкая струйка драгоцѣнной влаги, вылившаяся на очагъ и испарившаяся, сдѣлала къ нимъ благосклонными боговъ и духовъ. Покойникъ у нихъ получалъ въ руки палку, чтобъ онъ могъ продолжать свой жизненный путь и по ту сторону гробовой доски, — путь къ берегамъ, быть можетъ, болѣе счастливымъ! Во времена Гомера, въ тѣхъ странахъ, гдѣ были извѣстны уже домашнія животныя, покойнику давалась лошадь или быкъ въ качествѣ спутниковъ въ загробной жизни; точно также сѣверные викинги снабжались при погребеніи ладьею, чтобы у нихъ была возможность продолжать свои странствованія для открытія и завоеванія невѣдомыхъ береговъ.

Если въ странѣ были извѣстны деньги, то покойнику клали монету, чтобы онъ могъ ею воспользоваться въ загробной жизни. Еще со-

1) A. Bastian, «Rechtsverhältnisse der Völker»;—Elie Reclus, Revue Internat. des Sciences, № 12, 1881.—2) Lecky, «Rationalism in Europe».—3) Félix Regnault, Bull. de la Soc. d'anthr., séance du 9 janv. 1896.



уземецъ Никобарскихъ острововъ, занимающійся сушкою костей покойнаго отца надъ очагомъ своей хижины.

временники Сократа и Сенеки суевѣрно придерживались этого древняго обычая, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы даже и до сихъ поръ цивилизованные люди соблюдаютъ при погребеніи такую же обрядность. Наконецъ, если покойникъ былъ великимъ вождемъ, то на костеръ или въ могилу его сопровождала нерѣдко цѣлая свита умерщвлявшихся тутъ же воиновъ, женщинъ и рабовъ.

Итакъ, въ безконечномъ множествѣ душъ мертвыхъ, наполняющихъ пространство, душъ, которыхъ не меньше, чѣмъ листьевъ на деревьяхъ или песчинокъ въ морѣ, устанавливается все же нѣкоторая іерархія, аналогичная той, которая замѣчается среди живыхъ даннаго народа: если у народности царитъ равенство, и мертвые считаются равными; у тѣхъ же народностей, у которыхъ могущество однихъ основывается на рабствѣ другой части населенія, отношеніе къ мертвымъ бываетъ различно и отъ поклоненія доходитъ до полнаго пренебреженія. Созданіе касты жрецовъ обусловливаетъ также различіе въ отношеніяхъ къ усопшимъ, такъ какъ жрецы и священники выдаютъ себя за судей и за распредѣлителей наградъ и наказаній въ загробной жизни. Однако, какъ бы ни вѣрилъ человѣкъ въ истины, высказываемыя религіей, у него всегда остается въ душѣ нѣкоторое сомнѣніе. Кальвинисты, какъ извѣстно, проповѣдывали, слѣдуя апостолу Павлу и св. Августину, идею предопредѣленія: судьба людей, по ихъ представленіямъ, заранѣе предначертана свыше. Точно также на островахъ Таити туземцы вѣрятъ, что души усопшихъ слѣпы и, выходя изъ тѣла, въ зависимости отъ случая, наталкиваются либо на камень, открывающій имъ путь къ вѣчной жизни, либо на камень, за которымъ вѣчная смерть [1]).

Жрецы, подобно военачальникамъ, выдѣлились изъ толпы путемъ естественнаго отбора: люди, выдающіеся особымъ умомъ или большою опытностью, или просто хитрые пройдохи пріобрѣтали въ теченіе своей жизни сильное вліяніе благодаря тому, что давали правильныя или казавшіяся правильными объясненія различнымъ событіямъ жизни, давали совѣты и указанія при подходящемъ случаѣ. Сперва ихъ вліяніе являлось вполнѣ законнымъ, но ничто такъ не развращаетъ, какъ успѣхъ, и уже само ихъ благоразуміе должно было увлечь ихъ и сдѣлать лицемѣрными всезнайками. Магія сдѣлалась, такимъ образомъ, ремесломъ, имѣющимъ цѣлью лѣчить людей отъ болѣзней и отклонять отъ нихъ злую судьбу, навлеченную другими колдунами или злыми духами, и ремесло это недурно оплачивалось, такъ какъ безъ подарка божеству или посреднику между нимъ и человѣкомъ—не было спасенія! Частица истинной науки присоединялась къ предполагаемымъ познаніямъ жрецовъ, благодаря которымъ они могли, будто бы, привлекать благосклонность божествъ и отклонять злыя козни духовъ, носящихся въ воздухѣ; магія служила даже предметомъ обученія и передавалась отъ учителя ученикамъ. Образовывались цѣлыя общины лицъ, изучающихъ магію, и мало-по-малу въ каждомъ племени возникала группа маговъ-жрецовъ, пользующихся извѣстными привилегіями и тѣмъ болѣе опасныхъ, что къ ихъ

1) Marillier; Rémy de Gourmont. «Chemin de velours», p. 18.

сознательнымъ или безсознательнымъ плутнямъ примѣшивались также и дѣйствительныя знанія природныхъ явленій. Римскій medicus заклиналъ болѣзни бормотаньемъ непонятныхъ словъ [1]). Колдунъ-индѣецъ вопрошаетъ совѣта у животныхъ «тотемовъ» и окружаетъ себя черепахами, лебедями, воронами и сороками (Шулькрафтъ). Другіе волхователи уединяются и бесѣдуютъ съ божествами наединѣ.

Такая высшая каста людей, воображавшихъ или, по крайней мѣрѣ, утверждавшихъ, что имъ извѣстенъ міръ духовъ, держала цѣлые народы и націи въ состояніи постояннаго страха,—она должна была безсознательно спекулировать на легковѣріи наивныхъ людей и ихъ боязни смерти

Костякъ галльскаго вождя.

У ногъ вождя сосуды и чашки содержатъ пищу и ароматичныя растенія, предназначенныя для исцѣленія ранъ. Тѣло покоится на колесницѣ, отъ которой уцѣлѣли лишь желѣзныя шины и среднія части колесъ.

и неизвѣстнаго загробнаго міра; къ этому побуждало ее уже желаніе увеличить свое могущество и богатство. Сдѣлавшись посредниками между людьми и духами, жрецы въ своихъ собственныхъ интересахъ должны были представлять людямъ духовъ какъ существа чрезвычайно злобныя и мстительныя,—такимъ образомъ должно было выше цѣниться ихъ собственное посредничество и заступничество! «Великій Калитъ,—говорятъ колдуны на Палаосскихъ островахъ о духѣ, которому поклоняются,—Великій Калитъ любитъ ѣсть людей» [2])! Обитатели Таити повторяли тоже, производя свои дѣтоубійства, что проливать кровь — «заслужить любовь

1) Pictet. «Aryas», t. II, pp. 644 — 645. — 2) Миклухо-Маклай. Извѣст. И. Р. Геогр. Общ. 1878.

бога» [1]). Не является ли и царящій въ небѣ Іегова евреевъ «Богомъ жестокимъ и мстительнымъ»? И греческій Зевсъ спокойно возсѣдаетъ на Олимпѣ въ своемъ величавомъ безразличіи и радуется жестокой братоубійственной войнѣ, которую ведутъ троянцы и ахеяне [2]).

Эта жажда крови, эта страшная ненависть безчисленныхъ духовъ могла быть утолена лишь однимъ единственнымъ средствомъ—жертвою. Подобно тому какъ во время пожара, уничтожающаго лѣсъ, дикарь зажигаетъ часть лѣса, чтобы пожаръ утихъ, такъ и божеству, жаждущему потоковъ крови, предлагается немного ея въ надеждѣ, что оно удовольствуется ею и человѣку удастся выиграть время! Но тамъ, гдѣ населеніе жило подъ постояннымъ страхомъ, внушаемымъ жрецами, небольшого количества крови было недостаточно, — ея требовались цѣлыя рѣки, и жажда боговъ никогда не могла быть утолена. Отсюда проистекалъ долгъ каждаго поклонника жертвовать божеству все, что было у него самаго дорогого. До того, какъ ангелъ, посланный Богомъ, удержалъ руку Авраама, занесенную надъ его сыномъ Исаакомъ для принесенія въ жертву Богу, сколько другихъ отцовъ должно было совершить подобныя же кровавыя жертвоприношенія! Отецъ могъ искупить свои грѣхи лишь смертью сына! Къ западу отъ озера Стефаніи туземцы племени боранъ умилостивляютъ своего бога Неба—«Вакъ», принося ему въ жертву своихъ дѣтей, родившихся въ теченіе первыхъ лѣтъ супружеской жизни,—у однихъ въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ, у другихъ—даже въ теченіе восьми. Новорожденныя дѣти бросаются въ лѣсу, и ихъ растерзываютъ дикіе звѣри. Послѣ этого періода очищенія боранъ называютъ себя «ра́ба» и считаютъ тогда, что расквитались со своимъ богомъ; жрецъ совершаетъ надъ ними обрѣзаніе, и родившихся позднѣе дѣтей они сохраняютъ и даже очень любятъ и ласкаютъ [3]).

Безъ сомнѣнія, легенда о жертвоприношеніи Авраама олицетворяетъ то смягченіе нравовъ, которое произошло въ теченіе исторіи еврейскаго народа, когда человѣческія жертвоприношенія были замѣнены закланіемъ животныхъ, но и послѣ этой эпохи сколько разъ еще страхъ передъ Богомъ заставлялъ родителей проливать кровь своихъ дѣтей! У грековъ «царь-царей» Агамемнонъ заклалъ въ жертву богамъ свою дочь Ифигенію, а Іефтей предалъ палачамъ молодую дѣвушку, вышедшую ему навстрѣчу со своими подругами, чтобы увеселять его пѣснями и пляскою. Царь Давидъ жертвовалъ даже своимъ народомъ ради того, чтобы заслужить прощеніе въ своемъ непослушаніи передъ Богомъ: «Такъ какъ я прегрѣшилъ передъ Тобою,—взываетъ онъ,—то возьми мой народъ и умерщвляй его, пока Ты не насытишься»!

---

1) William Ellis. «Polynesian researches».—2) Иліада, XX.—3) Maud. Georg. Journal, May, 1904, p. 568.

Впрочемъ, не было непремѣнной необходимости проливать постоянно кровь своихъ соотечественниковъ,—война давала средство умилостивлять боговъ и духовъ за счетъ враждебныхъ народностей. И дѣйствительно, приходится видѣть, что цѣлыя народности исчезаютъ съ лица земли для

Суданскій колдунъ, гадающій на палочкахъ и камешкахъ.

удовлетворенія кровожадности божествъ. Такъ евреи принесли въ жертву Іеговѣ обитателей всей «страны обѣтованной», и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда кто-нибудь изъ нихъ изъ-за инстинктивной жалости или изъ-за необдуманно даннаго обѣта оказывалъ пощаду тому или другому изъ мѣстныхъ жителей, это считалось преступленіемъ. Мы можемъ, впрочемъ,

не только открыть источникъ, изъ котораго возникла идея принесенія кровавыхъ жертвъ духамъ въ первобытныя времена, но можемъ и констатировать сохраненіе ея до нашихъ дней,—вѣдь и теперь еще послѣ битвы побѣдители поютъ хвалебный гимнъ Богу, какъ богу войны!

Нѣтъ ни единой древней формы первобытной религіи, которая бы, подъ вліяніемъ оставшихся неизмѣнными причинъ, не сохранилась въ большей или меньшей степени и въ нашихъ современныхъ цивилизаціяхъ. Такъ, напримѣръ, культъ отрубанія головъ, распространенный

Алтарь въ честь Діаны.
(Изъ Луврскаго Музея).

среди столь многихъ доисторическихъ племенъ, встрѣчается и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ племенъ даяковъ острова Борнео. Въ представленіи дикаря его нравственныя обязанности по отношенію къ человѣчеству ограничиваются той частью послѣдняго, которую составляетъ его собственное племя; въ силу этого, онъ считаетъ настоящей доблестью отправиться къ сосѣднимъ чужимъ племенамъ, поотрубать тамъ людямъ головы и принести ихъ домой своей семьѣ. Безъ совершенія убійствъ, которыми онъ могъ бы похвалиться, онъ не считается даже человѣкомъ:

пролить человѣческую кровь — это первый долгъ кандидата на званіе правоспособнаго мужчины. Не является ли, однако, воспитаніе, которое получаютъ эти сыновья лѣсовъ, сохраняющіе, впрочемъ, очень хорошія и благородныя отношенія въ средѣ своего собственнаго племени, совершенно подобнымъ тому, какое получаютъ и наши молодые современники? Вѣдь и ихъ учатъ, что великая честь и слава въ томъ, чтобы убивать непріятелей или просто какихъ-нибудь негровъ отдаленной, малоизвѣстной страны! Даякъ хвалится тѣмъ, что происходитъ отъ головорѣза [1]), но и въ нашемъ современномъ обществѣ не считается ли высокою честью происхожденіе отъ людей, которые прославились тѣмъ, что не выпускали изъ своихъ рукъ меча, бердыша и аркебузы?

Христіанскій алтарь изъ церкви въ Камплонѣ (Эфо).

Религіозныя убійства, вдохновленныя и урегулированныя во всѣхъ своихъ деталяхъ культомъ духовъ, сопровождались во многихъ случаяхъ людоѣдствомъ. Разумѣется, каннибализмъ могъ имѣть своей первопричиной иногда также и голодъ, какъ это нерѣдко случалось и въ теченіе историческаго періода въ осажденныхъ городахъ, на затерявшихся въ морѣ судахъ и во время путешествій по безконечнымъ льдамъ, среди снѣговъ и въ глухихъ дѣвственныхъ лѣсахъ. У человѣка, однако, также какъ и у животныхъ, такіе факты являются исключительными,— какъ правило они наблюдаются развѣ лишь кое-гдѣ въ Африкѣ, напр., въ области рѣки Нигера, гдѣ встрѣчаются населенныя мѣста, на рынокъ которыхъ ежедневно поступаетъ извѣстное количество человѣческаго мяса,—оно разсматривается тамъ какъ простая говядина убойнаго скота.

1) De-Baeker. «Archipel Indien».

Трапезы, за которыми человѣкъ ѣстъ мясо себѣ подобнаго въ качествѣ нѣкотораго религіознаго акта, являются всегда церемоніями, носящими характеръ возвышеннаго и крайне важнаго дѣйствія. Если воинъ поѣдаетъ сердце или мозгъ своего врага, чтобы воплотить въ себѣ храбрость и умъ побѣжденнаго противника, то понятно, что этотъ актъ имѣетъ въ его жизни значеніе первостепенной важности,—вѣдь онъ такимъ способомъ удваиваетъ свои физическія и нравственныя силы!

Еще бо́льшее значеніе получаетъ подобная трапеза въ томъ случаѣ, если жертва—сверхъ-человѣческая. Можетъ, пожалуй, показаться, что это неисполнимо и немыслимо, такъ какъ боги гораздо могущественнѣе человѣка. Послѣдній, однако, вдохновляемый фанатизмомъ вѣры, можетъ совершать и чудеса, особенно при участіи волшебства жрецовъ! Когда нація подвергалась крайнимъ опасностямъ, часто обычныя жертвы—быкъ или агнецъ, чистыя молодыя дѣвушки и красивые, безпорочные юноши—считались недостаточными для того, чтобы отвратить гнѣвъ Божій. Приходилось приносить въ жертву царскихъ сыновей, самихъ царей и даже сыновей бога! Вѣрующіе, хотя и являются обреченными на кару и не могутъ заслужить прощенія, получаютъ все же возможность возстановить свою плоть и кровь плотью и кровью бога,—онъ умираетъ, но для того, чтобы затѣмъ возродиться, приноситъ себя въ жертву, но для того, чтобы потомъ воскреснуть и явиться высшимъ судіей живымъ и мертвымъ.

Итакъ, всѣ современныя религіи, въ какихъ бы разнообразныхъ и сложныхъ формахъ по внѣшности онѣ намъ ни представлялись, происходятъ отъ той первѣйшей потребности, которая мучитъ духъ еще первобытнаго человѣка,—потребности понять или, по крайней мѣрѣ, получить хоть какое-нибудь объясненіе явленіямъ природы, получить рѣшеніе загадки смерти и загробной жизни. У людей чистыхъ духомъ и искреннихъ эта потребность познанія выливается въ высокой и чистой формѣ и придаетъ необыкновенное благородство ихъ религіознымъ стремленіямъ: исканіе истины соединяется у нихъ съ добротою сердца и глубиною мысли. Въ давнія времена люди ощущали, быть можетъ, лишь нѣсколько болѣе смутно, но не менѣе глубоко, чѣмъ въ наши дни, что существуютъ общія причины, опредѣляющія и связывающія безчисленныя отдѣльныя явленія [1]); въ хаосѣ конечнаго міра они предчувствовали нѣчто безконечное, чему старались дать имя и въ тысячахъ проявленій коего старались найти связь, сливающую эти проявленія во единое, въ цѣлое,—они создавали такимъ образомъ одновременно и монотеизмъ, и пантеизмъ. Дѣйствовала въ человѣкѣ еще и другая сила, превращавшая его въ существо религіозное, сила эта—любовь, которая привлекала его ко

1) Max Müller, «Origine et développement de la Religion».

Религіозная процессія римлянъ.—Торжественное жертвоприношеніе, состоявшее изъ свиньи, овцы и быка.
Съ барельфа, находившагося сначала во дворцѣ Св. Марка въ Римѣ, нынѣ же въ библіотекѣ Св. Марка въ Венеціи.

всему внѣшнему міру, живущему жизнью, сходной съ его собственной, привлекала къ ручейкамъ и рѣкамъ, къ лѣсамъ и скаламъ, къ горамъ и облакамъ, къ голубому небу, къ кровавой зарѣ, къ таинственнымъ сумеркамъ, къ ярко блещущему солнцу и къ звѣздамъ, мерцающимъ въ пространствѣ!

Эволюція религіи уже самымъ развитіемъ своихъ основаній должна была вовлечь человѣка въ странную на первый взглядъ иллюзію. «Ab Jove principium» («отъ Юпитера проистекло начало»)—гласитъ пословица, но представленіе это совершенно ошибочно! Люди сами положили начало своимъ божествамъ, создавъ вождей и жрецовъ, установивъ ихъ іерархію, подчинивъ слабыхъ сильнымъ, бѣдныхъ—богатымъ, довѣрчивыхъ и наивныхъ — хитрымъ и вооруживъ въ то же время угнетенныхъ чувствомъ протеста. Воображаемое общество боговъ на небесахъ соотвѣтствуетъ вполнѣ дѣйствительному обществу людей на землѣ. Когда народы получили царей, стремящихся ко всемірному владычеству, они создали и бога-властителя, царящаго въ небесахъ и управляющаго людьми и духами. Каждому колебанію въ жизни человѣчества соотвѣтствовало такое же движеніе въ природѣ міра боговъ; возвышеніе и паденіе властителей земли, какъ бы отражаясь въ пространствѣ, сказывалось на отношеніи къ царящимъ въ небесахъ божествамъ,—къ нимъ или относились съ восторженностью, или же интересъ къ нимъ ослабѣвалъ,—вѣдь воображаемые образы и галлюцинаціи людей основываются всегда на реальной почвѣ!

Однако, всѣ тѣ, кому жилось хорошо при прежнемъ положеніи вещей, подъ вліяніемъ извѣстной консервативности, свойственной установленіямъ человѣка, подъ вліяніемъ традицій, старались постоянно сохранить существующій порядокъ долѣе, чѣмъ слѣдовало; цари, жрецы и всѣ ихъ прихлебатели всегда съ большою ревностью поддерживали въ народѣ вѣру въ тѣ образы боговъ въ небесахъ, которые были созданы ихъ предшественниками; они всегда старались сохранить прежнія религіозныя церемоніи и всѣ тѣ нравственныя правила, которыя были связаны съ религіей. Цари, когда имъ угрожаетъ опасность, получаютъ помощь отъ боговъ, созданныхъ ими самими.

Милліоны людей въ теченіе множества послѣдующихъ поколѣній единодушно приходили къ одному и тому же соглашенію, и, въ концѣ концовъ, совершенно абстрактные образы получили полную конкретность, такъ что призывъ сильныхъ міра сего въ случаѣ угрожающей имъ бѣды не остается безъ отвѣта со стороны властителей небесъ. Политическая и соціальная организація образуетъ съ принадлежащими къ ней божествами одно неразрывное цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части непосредственно реагируютъ другъ на друга: земные властители возводятъ на небесный тронъ боговъ, эти же послѣдніе, съ своей стороны, удлиняютъ срокъ существованія монархій и церкви!

Каждая религія устанавливаетъ ученіе нравственности сообразно со своими требованіями или, вѣрнѣе, черпаетъ изъ общаго всѣмъ людямъ запаса жизненныхъ правилъ тѣ, которыя ей кажется выгоднѣе предписывать людямъ. Вполнѣ естественно, что истолкователи религіознаго культа воображаютъ, будто они, именно, являются творцами морали. Они имѣютъ тѣмъ болѣе основаній думать такъ, что, являясь заклинателями духовъ и по своему истолковывая велѣнія свыше, они стараются также и сами сдѣлаться исполнителями высшей воли, устанавливаютъ наказанія за ея нарушеніе и примѣняютъ ихъ какъ къ себѣ, такъ и къ вѣрующимъ. Справедливые на словахъ, они стремятся быть такими же и на дѣлѣ. Въ первобытныя времена жизни народовъ, до того, какъ совершилось расщепленіе основныхъ соціальныхъ функцій, обѣ власти—священническая и судейская—соединяются обыкновенно въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ.

Какъ бы ни мнили, однако, о себѣ священники и судьи, что они существа высшія, божественныя по своей природѣ и стоящія внѣ окружающаго общества, они, тѣмъ не менѣе, такіе же люди, какъ и всѣ остальные, и черпаютъ свои идеи и предразсудки изъ общаго всѣмъ запаса. Примѣняя наказаніе къ тѣмъ, кто, по ихъ мнѣнію, такового заслуживаетъ, они исходятъ обыкновенно изъ принципа, который кажется имъ самымъ справедливымъ,—именно, изъ принципа возмездія. По этому принципу наказуемый долженъ потерпѣть то, что онъ причинилъ другимъ,—за рану ему наносится рана, убійство карается смертью.

Очень распространена ошибка отожествлять идеи возмездія и мести, — наказаніе, тожественное съ преступленіемъ, казалось уже въ основѣ правильнымъ, и даже у самого приговореннаго мысль о наказаніи могла сливаться съ раскаяніемъ: раскаивающійся грѣшникъ могъ считать самъ вполнѣ естественнымъ, что онъ долженъ наказать себя или можетъ быть наказанъ другими совершенно тѣми же страданіями, которыя онъ причинилъ другимъ [1]). Такимъ образомъ, месть — правило «ударъ за ударъ» — является отнюдь не единственной исходной точкой въ эволюціи наказанія. По мнѣнію Тарда, происхожденіе наказаній изъ принципа мести, хотя и кажется самымъ понятнымъ, имѣетъ все же второстепенное значеніе: главнѣйшимъ источникомъ является наказаніе, такъ сказать, семейное, при которомъ, наказуемый испытываетъ, съ одной стороны, стыдъ, съ другой—угрызенія совѣсти.

Изъ-за идеи наказанія, какъ возмездія, считавшейся всѣми справедливой, такъ какъ она оставалась невѣрно понятой, сколько назначалось хранителями политической власти и блюстителями религіи наказаній, пытокъ и даже смертныхъ казней въ отмщеніе за настоящія или предполагаемыя преступленія противъ нравственности!

---

1) G. Tarde, «Les transformations du droit», pp. 18, 21

Главною основою права, созданнаго тѣми, кто отъ него получалъ всѣ выгоды, являлось, что никто кромѣ нихъ не обладаетъ истиной, высшей справедливостью,—въ награду за то они могутъ присваивать себѣ реальное обладаніе всѣми земными благами. Въ этомъ лежитъ одна изъ главныхъ причинъ того установленія, встрѣчаемаго на островахъ Океаніи, которое называется «табу»; оно извѣстно, впрочемъ, и въ остальной части земного шара подъ другими наименованіями—«законовъ», «долга», «приличій»! Состоитъ оно въ полномъ запрещеніи простымъ смертнымъ, обыкновеннымъ подданнымъ, иногда женщинамъ или дѣтямъ, прикасаться къ плодамъ или другимъ кушаньямъ, предназначеннымъ для трапезы высшихъ, принимать участіе въ наслажденіяхъ старшихъ, возвышаться до познанія откровеній, полученныхъ избранными, — преступившихъ законъ ожидаетъ наказаніе, тюрьма, даже пытка и смерть! Неравенство явилось результатомъ такого присвоенія себѣ богатствъ, силы или власти. Приходилось давать этому неравенству высшую, божественную санкцію, дѣлать его основой, на которой держится міръ!

Какъ бы то ни было, религія, это «откровеніе свыше», не имѣетъ ничего общаго съ началами правосудія, возникающаго исключительно изъ тѣхъ правилъ нравственности, которымъ приходится слѣдовать въ общественныхъ отношеніяхъ.

Вслѣдствіе обычнаго обмана зрѣнія, общаго одинаковымъ образомъ міру духовному, какъ и міру вещественному, люди ошибаются относительно направленія движенія, когда съ одной стороны сами они, съ другой—окружающее движутся въ противоположныхъ направленіяхъ,—имъ кажется, что сами они неподвижны, тогда какъ окружающее мчится мимо нихъ. Въ силу этого же, люди приписываютъ постоянство своимъ религіознымъ иллюзіямъ и противопоставляютъ послѣднія правиламъ нравственности, которыя, по ихъ мнѣнію, вѣчно измѣнчивы. Въ дѣйствительности, справедливо какъ разъ обратное: нравственность, т.-е. сводъ правилъ, которымъ должно слѣдовать въ общественныхъ сношеніяхъ, существуетъ уже въ силу того, что отдѣльныя особи — безразлично даже животныя или люди—живутъ вмѣстѣ, образуя общество; въ то же время религія связана исключительно со стремленіемъ къ познанію неизвѣстнаго, полна порожденій галлюцинаціи и гипотезъ и потому является второстепеннымъ факторомъ въ общемъ развитіи человѣчества.

Совершенно, впрочемъ, справедливо, что, пока различныя религіи существуютъ, онѣ вліяютъ очень энергично на нравственность людей, имъ приверженныхъ: онѣ направляютъ страсти людей, сообразно со своими догматами и съ интересами своего культа; то, чему они придаютъ исключительное наименованіе «морали»,—не болѣе, какъ образъ поведенія людей, который для нихъ наиболѣе выгоденъ.

Между тѣмъ дѣйствія человѣка являются безконечно разнообраз-

ными, въ зависимости отъ вліянія его инстинктовъ и влеченій, — они колеблются вѣчно между двумя крайностями, съ одной стороны — безграничной любовью и самозабвеніемъ, съ другой — бѣшеной злобою и мстительностью. «Сколько злыхъ дѣлъ можетъ вызвать религія»!—говоритъ поэтъ, — она можетъ удвоить жестокость человѣка, точно также какъ въ другомъ случаѣ доводитъ до крайности любовь его къ ближнимъ. При различныхъ условіяхъ внѣшней среды религія способствуетъ дифференцировкѣ ученій нравственности, свойственныхъ той или другой націи, — она указываетъ человѣку: «здѣсь истина, здѣсь—заблужденіе»!

Если же «нравственность» понимать въ узкомъ и наичаще употребляемомъ смыслѣ этого слова,—какъ поведеніе, вполнѣ отвѣчающее трёбованіямъ альтруизма, то не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что на нравственность такого рода религія не оказывала ни малѣйшаго вліянія,—скорѣе даже религія затемняла и уродовала ее, внося путаницу въ естественныя отношенія между людьми. Отношенія эти существовали съ самыхъ первоначальныхъ временъ, и потому альтруистическая мораль не менѣе древня, даже обладаетъ большей древностью, чѣмъ само человѣчество.

Правда, животныя не могли высказать знаменитыхъ правилъ, формулированныхъ Буддою, Конфуціемъ и Іисусомъ Христомъ,—«не дѣлай того другому, чего не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ другіе», и «дѣлай другому то, что желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали». Животныя не обладали даромъ слова и не могли другъ другу проповѣдывать подобныя истины, — они умѣли, однако, примѣнять эти истины на дѣлѣ! Полное самозабвеніе, жертва жизнью за любимое существо или за общину, состоящую изъ особей, связанныхъ между собой родствомъ, или просто изъ друзей, — явленія обыкновенныя во множествѣ группъ животныхъ, начиная отъ муравьевъ и птицъ, до группъ, наболѣе высоко организованныхъ. Одинъ изъ философовъ сказалъ превосходно: «справедливость и добро—вотъ два основныхъ устоя моральнаго равновѣсія; подобно тому оливковому дереву, изъ котораго Улиссъ сдѣлалъ ножки своего брачнаго ложа, они пустили корни, когда появилось на свѣтъ первое человѣческое общество, и никакія бури не вырвутъ ихъ съ корнями» [1]).

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что взаимопомощь была съ самыхъ первыхъ временъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ прогресса. Не правда ли,—за послѣднія десятилѣтія мы присутствуемъ при полной перестройкѣ стараго міра въ міръ новый, для созданія коего человѣкъ при помощи науки привлекаетъ на помощь даже излученія небеснаго пространства и соединяетъ свои слабыя усилія съ силами мірозданія?

Взаимная помощь во всей своей широтѣ была спасительнымъ средствомъ для всѣхъ несчастныхъ и для самой человѣческой расы среди

1) André Lefèvre, «Religions et Mythologies comparées».

безконечныхъ опасностей первобытнаго существованія. Человѣкъ настолько нуждается въ помощи ближнихъ, что даже, напримѣръ, оставаясь самъ съ собою, наединѣ, создаетъ въ своемъ воображеніи какъ бы двухъ людей, которые другъ друга спрашиваютъ и отвѣчаютъ. Всѣ мы живемъ другъ для друга, хотя и черпаемъ начальную силу въ нашей собственной личности. Во всѣ времена было лишь наивной дѣтской претензіей или же химерическимъ мечтаніемъ человѣка, во всемъ отчаявшагося, полагать, что одинъ человѣкъ можетъ обойтись безъ помощи другихъ и самъ своими слабыми силами постоять за себя. Сами условія жизни требуютъ полной солидарности между людьми, — она является квинтъ-эссенціей человѣческой морали. Общность усилій практиковалась во всѣ времена и не только когда люди сходились, ища помощи другъ у друга,—солидарность существуетъ и между людьми живущими и людьми, которые покоятся въ могилѣ, между представителями человѣческаго рода, относящимися сознательно къ окружающему, и между ведущими еще почти безсознательное существованіе!

Какое предписаніе морали можетъ превзойти въ силѣ и выразительности пословицу, слышанную Радловымъ [1]) у одного изъ дикихъ алтайскихъ племенъ: «когда ты собираешься умирать, не бросай своего хлѣба, когда собираешься покинуть свое поле, прежде всего засѣй его»!

1) H. Vambéry, «Sittenbilder aus dem Morgenland», p. 314.

Раздѣленіе и ритмъ исторіи

Каждому земному потрясенію соотвѣтствуетъ колебаніе небесъ.

Глава шестая.

СТРАНЫ ВОСТОКА И ЗАПАДА.—НАЧАЛЬНЫЕ МЕРИДІАНЫ.—СХОЖДЕНІЕ И РАСХОЖДЕНІЕ МІРОВЫХЪ ПУТЕЙ.—ХОДЪ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Если мы заглянемъ въ прошлое человѣчества настолько далеко, насколько позволяетъ намъ перспектива событій, извѣстныхъ въ исторіи и добытыхъ открытіями современныхъ ученыхъ, то мы убѣдимся въ томъ, что до недавней эпохи бо́льшая часть земной поверхности была раздѣлена на занятыя отдѣльными народностями области, которыя были такъ изолированы одна отъ другой или, по крайней мѣрѣ, такъ сильно различались по своей природѣ, что географическая связь между ними оставалась неизвѣстной самимъ ихъ обитателямъ.

Ни одна народность Сѣверной Америки не знала о томъ, что занимаемый ею обширный континентъ тянется отъ полярнаго архипелага до теплыхъ водъ Антильскаго моря; даже тѣ племена, которыя при своихъ долгихъ миграціяхъ проходили страну отъ одного ея края до другого,—даже и они не могли составить себѣ ясной идеи о пройденныхъ ими областяхъ, и слѣды ихъ утрачивались, какъ слѣдъ судна, плывущаго по морю. Точно также и въ Южной Америкѣ всѣ страны, мало приподнятыя надъ уровнемъ моря, занимающія наибольшее протяженіе на континентѣ, равно какъ и половина гористыхъ мѣстностей, были заняты кочевыми или осѣдлыми народностями, обладающими лишь крайне узкимъ географическимъ горизонтомъ. Что касается до цивилизованныхъ народностей, обитавшихъ на горныхъ плато отъ Ананиакъ до Титикака, то они оставались какъ бы подвѣшенными въ безграничномъ пространствѣ, внѣ какой-либо связи съ остальнымъ человѣчествомъ.

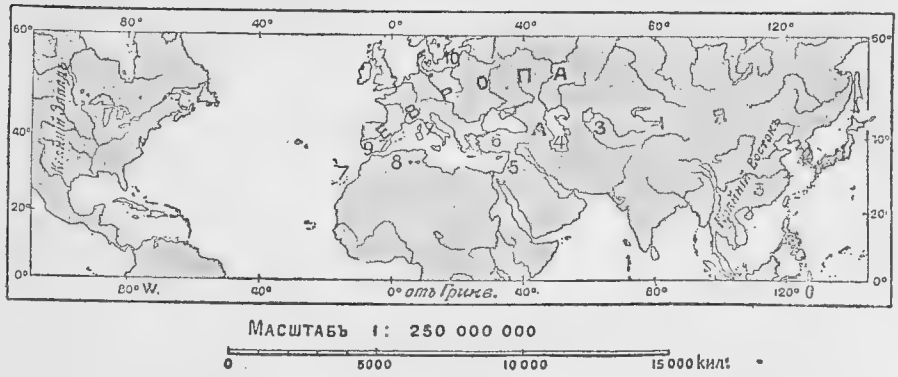
Вся Америка до эпохи, отдѣленной отъ насъ всего лишь нѣсколькими столѣтіями,—до открытія острова Гуанахани Христофоромъ Колумбомъ,—была вполнѣ изолирована отъ историческаго міра; многія американскія племена оставались неизвѣстными даже еще долгое время послѣ открытія Америки и вошли въ связь съ остальнымъ человѣческимъ родомъ лишь очень недавно, благодаря усиліямъ путешественниковъ.

Но если Новый Свѣтъ былъ внѣ цикла исторіи, такъ сказать, до вчерашняго дня, то должно замѣтить, что и обширныя континентальныя массы такъ называемаго «Стараго Свѣта» входили въ циклъ исторіи далеко не во всей своей цѣлости. До Васко де-Гама Африка жила исторической жизнью лишь въ той своей части, которая обнимаетъ бассейнъ Нила и средиземноморское побережье, Египетъ, Киренаику и Мавританію; колоссальныя пространства во внутренней части Азіи лишь недавно вошли въ кругъ извѣстныхъ намъ странъ; недавно также познакомился человѣкъ и съ обширными континентами и островами южнаго Тихаго океана.

Когда мы смотримъ въ уходящую вдаль перспективу вѣковъ, передъ нами постепенно выплываютъ изъ темноты ночи и освѣщаются отблескомъ зари страны, располагающіяся послѣдовательно отъ Атлантическаго къ Тихому океану; онѣ освѣщены и до сихъ поръ различно и на неодинаковомъ протяженіи. Область, которой владѣли греки и римляне, плоскогорія Ирана и горы Аравіи, Индостанъ и долины, по которымъ протекаютъ рѣки Китая, образуютъ зону, захватываемую первымъ періодомъ исторіи; ея волнистая ось отмѣчена на западѣ Средиземнымъ моремъ, на востокѣ—стѣною горъ, которыя въ древности назывались Иммаусскими (Гималаи). Быть-можетъ, къ этой области должно присоединить еще острова Индійскаго океана, окаймляющіе полуостровъ Индіи, и острова Зондскаго архипелага.

Эта область странъ первоначальнаго періода исторіи обладала контурами, очень нерѣзко ограниченными, и дѣлилась, естественнымъ образомъ, соотвѣтственно очертаніямъ побережья и рельефу, равно какъ и сообразно съ распредѣленіемъ очаговъ мѣстной цивилизаціи, на вполнѣ опредѣленныя географическія единицы; такими единицами были, напримѣръ, острова Кипръ, Родосъ, Евбея и Сицилія, полуострова Аттика,

№ 41. Область между крайнимъ востокомъ и крайнимъ западомъ.



1. Имперія Восходящаго Солнца—Японія.
2. Страна Утренней Зари—Корея.
3. Срединная Имперія,—Китай.
4. Каспійское море—„Казиспе", т.-е. „освѣщаемое восходящимъ солнцемъ",—одно изъ наименованій горы Демавенда, господствующей надъ Каспійскимъ моремъ.
5. Востокъ. Ассирійское наименованіе Сиріи было „Аккару", что значитъ „западъ".
6. Анатолія, отъ греческаго „анатоле" — „восходъ солнца". Страны, примыкающія къ Средиземному морю, носятъ также названіе „Левантъ".
7. Гесперія, отъ греческаго „гесперъ"—„вечеръ", „заходъ солнца", — названіе, которое сперва давалось греками Италіи, затѣмъ римлянами Испаніи и островамъ Атлантическаго океана.
   Авзонія—названіе, также дававшееся иногда Италіи; „авзоны" были „люди востока" египтянъ (Андрэ Лефевръ).
8. Магребъ—„страна солнечнаго заката" по-арабски.
9. Царство Альгарвское, отъ „el-gharb"—„страна солнечнаго заката".
10. Восточное море (Ost-See)—названіе, даваемое германцами Балтійскому морю.
    Азія или Ассія—для ассирійцевъ „страна солнечнаго восхода".
    Европа или Еребъ—для ассирійцевъ „страна солнечнаго заката".

Въ нѣкоторыхъ странахъ провинціи и города называются по своему положенію относительно востока и запада. Такъ по-китайски „тунъ"—востокъ и „нси"—западъ, потому имѣются Шан-тунъ, Шан-си, Кван-тунъ, Кван-си, Ляо-тунъ, Кіан-си и т. д.; въ Германіи имѣются Вестфалія, въ Англіи — Эссексъ, Миддльэссексъ, Вессэксъ, Вестминстеръ; во Фландріи — Остенде, Осткерке и т. д. Не стоитъ и упоминать о тѣхъ случаяхъ, когда такая приставка является поясняющей (Восточные Пиренеи и т. п.).

„Сѣверъ" и „югъ" рѣже примѣняются въ названіяхъ: Сѣверное море, Суффолькъ, Норфолькъ, департаментъ Нордъ, Нормандія и т. п.

Арголида и Италія, бассейны рѣкъ Нила, Евфрата, Желтой и Голубой рѣки, горныя плато и хребты Анануакъ и Тибетъ, Пиренеи и Кавказъ. Эти различныя единицы дѣлятся въ свою очередь на области меньшаго протяженія и, съ другой стороны, сами группируются въ обширныя страны, характеризующіяся общими чертами и частыми взаимными сношеніями. Территоріальная близость, сходство характера и причинная

связь въ историческомъ развитіи позволяютъ соединить подъ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ страны, различающіяся между собою географически и населенныя различными народами.

Можно, правда, обозначать части земного шара и по ихъ относительному положенію къ кардинальнымъ точкамъ, но въ этомъ случаѣ термины, примѣняемые для ихъ обозначенія, могутъ имѣть лишь совершенно относительный смыслъ, — вѣдь каждый человѣкъ, принимая себя за центръ мірозданія, имѣетъ свой особый «сѣверъ», особый «югъ», «востокъ» и «западъ»; если онъ примѣняетъ обычно употребляющіеся въ географіи термины, то лишь соглашаясь на полное отвлеченіе, полное забвеніе дѣйствительныхъ отношеній странъ свѣта къ себѣ самому. Такъ, провансалецъ говоритъ, что онъ «съ Юга» («du Midi»), хотя для него его собственное отечество лежитъ постольку же на югѣ, какъ и на сѣверѣ; точно также примѣняютъ названіе «левантіецъ» («человѣкъ востока») ко всѣмъ говорящимъ на европейскихъ языкахъ обитателямъ западныхъ портовыхъ городовъ Азіи. Тѣмъ не менѣе, иногда все же, вслѣдствіе постепеннаго перемѣщенія центровъ цивилизаціи, та или другая страна получаетъ названіе, указывающее на коренное измѣненіе ея относительнаго положенія. Такъ «передняя» Азія, которая была для ассирійцевъ «западомъ», сдѣлалась для византійцевъ «страной восходящаго солнца»—Анатоліей (Натолія, Надоло); позднѣе «Восточная имперія», сдѣлавшаяся наслѣдницей римской и захватившая добрую половину владѣній древняго міра, заключала въ своей обширной области также экзархатъ Равенны, расположенный на томъ самомъ полуостровѣ Италіи, который прежде назывался Гесперіей — «страной заходящаго солнца».

Такимъ образомъ, названія «востокъ» и «западъ» измѣняютъ свой смыслъ на протяженіи вѣковъ, и, чтобы придать этимъ терминамъ бо́льшую точность и реальность, приходится, какъ въ ботаникѣ и въ зоологіи, прибавлять къ названіямъ странъ прилагательныя,—мы говоримъ, напримѣръ, о «Славянскомъ Востокѣ», «Греческомъ Востокѣ», «Китайскомъ Востокѣ», «Крайнемъ Востокѣ». Точно также въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки различаютъ «Востокъ», «Западъ» и «Великій или Далекій Западъ» («Far West»), а канадцы говорятъ также о «Великомъ Сѣверѣ».

Въ виду такой путаницы, названіямъ странъ свѣта стараются придать болѣе тѣсный смыслъ,—они обозначаютъ лишь отношеніе къ опредѣленнымъ точкамъ на земной поверхности.

Пытались также этимъ совершенно относительнымъ терминамъ придать опредѣленное условное значеніе, которое было бы понятно всѣмъ географамъ. Такъ, терминъ «югъ» связанъ постоянно съ представленіемъ о сильной жарѣ, ослѣпительномъ солнечномъ свѣтѣ и т. п.,—потому онъ,

казалось бы, могъ быть сохраненъ исключительно за Сахарой и другими пустынями жаркаго пояса по обѣ стороны экватора [1]).

Точно также вполнѣ логично было бы сохранить терминъ «сѣверъ» за мѣстностями, покрытыми льдомъ въ сѣверномъ полушаріи, но тогда должно было бы примѣнять его и къ такимъ же мѣстностямъ въ южномъ полушаріи. Подобная условность слишкомъ противорѣчила бы, слѣдовательно, всей общепринятой терминологіи и потому едва ли заслужила бы общее одобреніе; вслѣдствіе этого лучше за терминомъ «югъ» сохранить исключительно географическое значеніе и примѣнять его лишь для указанія на положеніе странъ относительно сѣвернаго полюса.

Съ общей точки зрѣнія, экваторъ, какъ это обыкновенно и принимается, составляетъ пограничную черту, отдѣляющую сѣверъ отъ юга, въ частности же ясно даже и безъ особыхъ поясненій то естественное дѣленіе, которое намѣчается самими внѣшними очертаніями континентовъ. Америка дѣлится вполнѣ естественно на Сѣверную и Южную Карибскимъ моремъ и узкимъ перешейкомъ; Средиземное море является другой столь же естественной границей, образованной самой природой,—оно отдѣляетъ Европу, материкъ сѣверный, отъ Африки—материка южнаго. Далѣе къ востоку раздѣляющая граница намѣчена менѣе рѣзко, однако, климатическіе контрасты сѣвера и юга все же достаточно ясно сказываются на противоположныхъ склонахъ горъ, продолжающихся подъ различными наименованіями отъ Кавказа и Демавенда до Гималаевъ. Лишь на востокѣ азіатскаго континента граница между сѣверомъ и югомъ трудно различима,—она сливается съ основаніемъ обширнаго Индо-Китайскаго полуострова.

Нерѣдко пробовали также установить точное различіе между «востокомъ» и «западомъ», и географы, согласно съ господствующими въ различныхъ странахъ идеями, избирали для раздѣленія свѣта на двѣ половины различные основные меридіаны,—одна половина земного шара считалась восточной, другая западной. Меридіанъ Парижа или Гринвичскій меридіанъ, принятый въ настоящее время, за немногими исключеніями, всѣми моряками, разумѣется, могли имѣть лишь совершенно условное значеніе и служили только для облегченія астрономическихъ вычисленій,—ни тотъ, ни другой меридіанъ не совпадаетъ точно съ границами, дѣлящими земной шаръ сколько-нибудь естественно. Лишь одинъ изъ принятыхъ въ прежнее время астрономами начальныхъ меридіановъ совпадалъ до нѣкоторой степени съ естественнымъ раздѣленіемъ—именно, меридіанъ острова Ферро, который отъ Гренландіи тянулся черезъ этотъ

1) Carl Ritter. «De la configuration des continents», trad. E. Reclus, Revue germanique, nov. 1859.

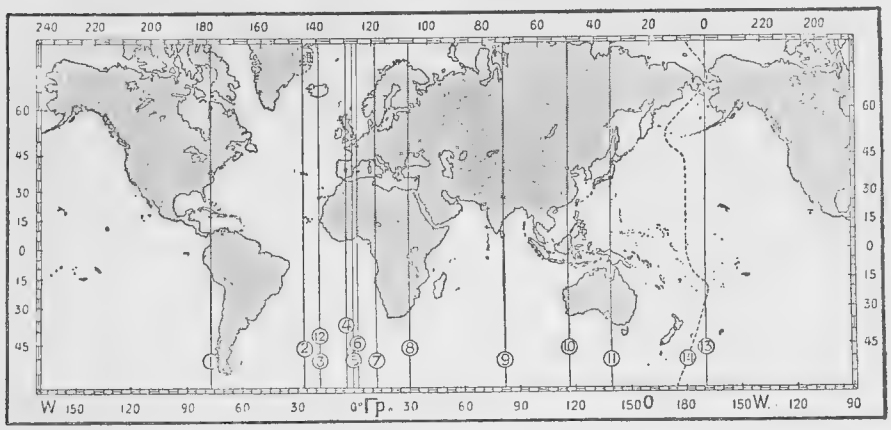
островъ до антарктическихъ странъ,—онъ почти на всемъ своемъ протяженіи шелъ по Атлантическому океану, отграничивающему Старый Свѣтъ отъ Новаго. Примѣненіе этого меридіана повело къ установленію значенія терминовъ «востокъ» и «западъ», какъ синонимовъ Стараго и Новаго Свѣта. До нѣкоторой степени это было правильно, такъ какъ Америка располагается къ западу отъ Европы и была открыта мореплавателями, направлявшимися съ востока на западъ; изучая, однако, континенты въ ихъ послѣдовательности, приходится констатировать, что континентъ Америки, вытянувшійся въ видѣ двухъ треугольниковъ, является естественнымъ продолженіемъ изгиба Азіи вокругъ обширнаго водоема Тихаго океана: такимъ образомъ, съ точки зрѣнія возникновенія континентовъ, Америка располагается къ востоку отъ Стараго Свѣта.

Если мы желаемъ, слѣдовательно, установить границу между востокомъ и западомъ на основаніи не только соображеній географическихъ, но и на основаніи того вліянія, которое эта граница имѣла въ исторіи, то намъ приходится избрать такой границей линію, проходящую посреди̇нѣ Стараго Свѣта, по обѣ стороны которой историческія событія приняли различное и оригинальное направленіе. Такимъ дѣленіемъ, оправдывающимся во многихъ отношеніяхъ, явилось бы прежде всего дѣленіе на Азію и Европу. У ассирійцевъ страна «Ассія», названіе которой постепенно измѣнилось въ «Азію», была та обширная континентальная масса, гдѣ поднимается «Крыша міра», страна, лежащая отъ нихъ къ восходу солнца, тогда какъ подъ названіемъ страны «Эребъ», т.-е. Европы, у нихъ понимались всѣ страны, тянущіяся отъ ихъ страны къ западу. Не подлежитъ сомнѣнію, что географическая граница этихъ двухъ странъ свѣта, намѣчаемая восточными развѣтвленіями Средиземнаго моря, соотвѣтствуетъ въ значительной степени различію, наблюдающемуся и въ историческомъ развитіи странъ побережья этого моря; общіе выводы сравнительной исторіи доказываютъ намъ, однако, что пограничный меридіанъ между двумя половинами свѣта, которыя скорѣе заслуживали бы условныхъ наименованій «востока» и «запада», долженъ быть проведенъ къ востоку отъ Средиземнаго моря.

Могло бы казаться на первый взглядъ, что естественная граница между востокомъ и западомъ намѣчается водораздѣлами между рѣками, текущими въ Индійскій океанъ и Китайское море, и тѣми, которыя направляются въ Атлантическій океанъ чрезъ посредство Средиземнаго моря и другихъ внутреннихъ морей. Эта граница, однако, является въ значительной степени искусственной, особенно въ Малой Азіи,—она раздѣляетъ мѣстности, подверженныя однимъ и тѣмъ же вліяніямъ почвы и климата, разъединяетъ народности, участвовавшія въ однихъ и тѣхъ же историческихъ движеніяхъ и въ значительной степени составленныя изъ элементовъ одного и того же этническаго происхожденія. Настоящую

границу между восточнымъ и западнымъ мірами должно отодвинуть такимъ образомъ, чтобы бассейнъ рѣкъ Тигра и Евфрата, равно какъ и

№ 42. Начальные меридіаны.



Масштабъ по экватору 1 : 450 000 000

0 5000 10000 килом.

НАЧАЛЬНЫЕ МЕРИДІАНЫ.	Положеніе относительно меридіана Гринвича	Положеніе относительно меридіана Парижа	Беринг. прол.
1. Вашингтонъ	72° 2′ 0″ W	79° 22′ 15″ W	178,6889°
2. О. Св. Михаила (Азорск. о-ва), меридіанъ г. Шокуртуа	26° 9′ 45″ W	28° 30′ 0″ W	144,7750°
3. О. Ферро	17° 39′ 45″ W	20° 0′ 0″ W	139,1083°
4. Санъ-Фернандо	3° 42′ 0″ W	6° 2′ 15″ W	129,8000°
5. Гринвичъ	0	2° 20′ 15″ W	127,3333°
6. Парижъ	2° 20′ 15″ O	0	125,7750°
7. Меридіанъ г. Бутиль де-Бомонъ	12° 20′ 15″ O	10° 0′ 0″ O	119,1083°
8. Пулково	30° 19′ 15″ O	27° 59′ 0″ O	107,1194°
9. Уджейнъ	75° 52′ 0″ O	73° 31′ 45″ O	76,7556°
10. Пекинъ	116° 28′ 49″ O	114° 8′ 34″ O	49,6798°
11. Токіо	139° 46′ 15″ O	137° 26′ 0″ O	34,1528°
12. Коникаль-Гилль (меридіанъ г. де-Сарротонъ)	17° 30′ 0″ W	19° 50′ 15″ W	139°
13. Беринговъ проливъ (меридіанъ Э. Реклю)	169° 0′ 0″ W	171° 20′ 15″ W	0

14. Граница, по переходѣ которой присчитывается одинъ день на судахъ, идущихъ къ западу, и убавляется день на судахъ, направляющихся къ востоку.

Цифры по нижнему краю рамки карты соотвѣтствуютъ дѣленію экватора на 360 градусовъ съ 0° до 180° къ западу и къ востоку отъ меридіана Гринвича; цифры верхняго края рамки соотвѣтствуютъ раздѣленію экватора на 240° въ одномъ направленіи отъ меридіана, проходящаго чрезъ о. Ратманова (Діомеда) и соотвѣтствующаго 169° W отъ Гринвича.

Дѣленіе г. де-Сарротона опредѣляется маякомъ Зеленаго мыса, меридіанъ котораго (около 17° 30′ W отъ Гринв.) считается 140-ымъ; г. де-Сарратонъ предлагаетъ раздѣлить экваторъ на 240 град., причемъ начальный меридіанъ проходитъ по американскому континенту около мыса Пренсъ-де-Галль, чрезъ Коникаль-Гилль.

главныя вершины Ирана, располагались къ западу отъ нея. Вся эта область, охватывающая Персію, Мидію, Ассирію и Халдею, тѣснѣйшимъ

образомъ пріобщена своей исторіей къ странамъ Средиземнаго моря, тогда какъ отношенія ея къ восточному міру были всегда менѣе активными и прерывались часто на долгое время.

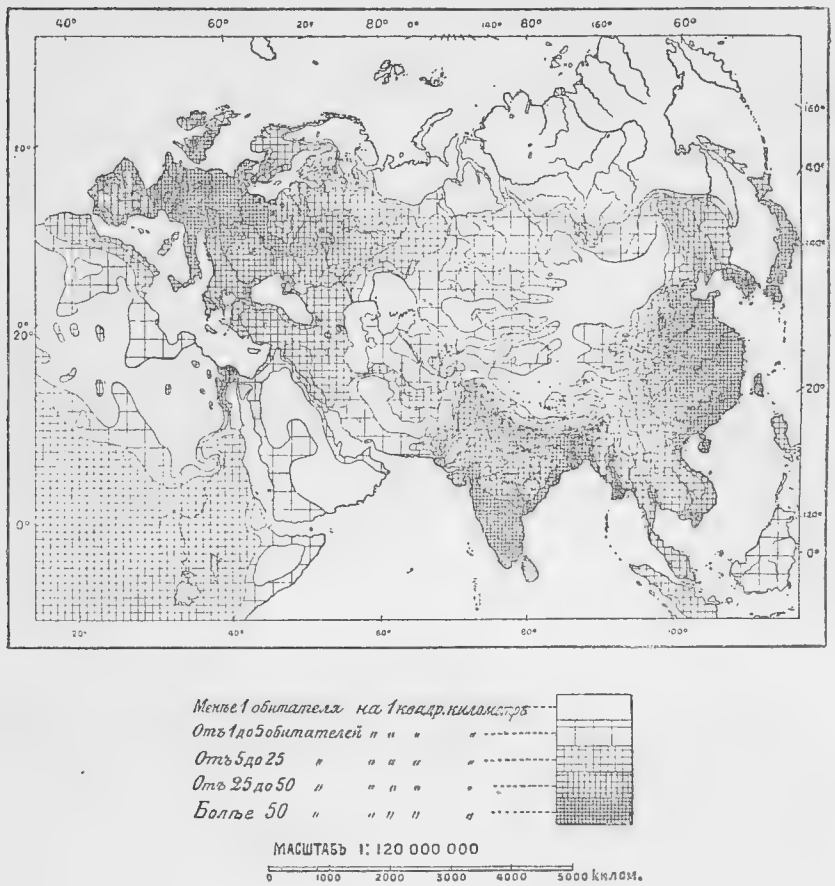
Истинная граница, раздѣляющая востокъ и западъ, намѣчена въ центрѣ Азіи областью, которая отличается одновременно какъ своимъ высокимъ рельефомъ, такъ и своей малонаселенностью. Между Месопотаміей, колоссальныя массы народонаселенія которой воздвигли нѣкогда Вавилонскую башню, и между долинами Ганга въ Индіи, гдѣ насчитывается отъ 600 — 800 обитателей на 1 кв. километръ, располагается промежуточная полоса, содержащая лишь отъ 1 до 2 обитателей на томъ же пространствѣ, — полоса, которая направляется отъ Персидскаго залива къ Ледовитому океану. Она начинается непосредственно на западъ отъ бассейна Инда почти пустынными мѣстностями Белуджистана, усѣянными лишь рѣдкими оазисами, затѣмъ она захватываетъ горы Киртаръ-Сулейманъ-Дагъ, въ тѣсныхъ долинахъ которыхъ живутъ племена, нерѣдко страдавшія отъ войнъ. Къ сѣверо-западу отъ Индостана высокія вершины Гиндукуша и другихъ горъ, уступающихъ въ вышинѣ лишь Гималаямъ, являются какъ бы пограничными столбами и продолжаются далѣе въ видѣ трудно проходимыхъ горныхъ плато Тибета, получившихъ названіе «Крыши Міра»; съ сѣвера эти плато окаймляются параллельными цѣпями горъ и присоединяются къ массиву Тянь-Шаня, т.-е. «Небесныхъ горъ». Далѣе за грандіозными массивами, увѣнчанными глетчерами, слабо населенная полоса захватываетъ обширную сибирскую низменность, направляясь къ солончакамъ береговъ озера Балхаша, къ пустынямъ степямъ Семипалатинской области и къ Голодной степи; между бассейнами рѣкъ Оби и Енисея она достигаетъ затѣмъ сѣверныхъ тундръ съ вѣчно мерзлою почвой. Изслѣдованія Гмелина и другихъ путешественниковъ доказали, что, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ фаунѣ, настоящей границей между Европой и Азіей являются, именно, эти низменныя и сухія мѣстности, а никакъ не богатыя растительностью горы Урала.

Итакъ, Старый Свѣтъ раздѣленъ на двѣ ясно различающіяся половины, причемъ континентальныя массы обѣихъ почти одинаковой величины. Во всей своей южной и центральной части широкая пограничная между ними полоса образована цѣлымъ рядомъ возвышенностей, входящихъ въ составъ центральнаго горнаго узла Евразіи, — она пересѣкается лишь въ немногихъ мѣстахъ проходами, доступными для передвиженія войскъ и для торговли. Эти нелегкіе проходы были единственными путями, по которымъ сообщались населенныя области обоихъ склоновъ водораздѣла, — по нимъ сносились между собой цивилизаціи востока и запада. Подобно тому, какъ небольшое возвышеніе почвы

можетъ внезапно остановить теченіе рѣки, такъ и набѣгъ какого-нибудь горнаго племени могъ здѣсь отрѣзать совершенно сообщеніе между востокомъ и западомъ, могъ раздѣлить міръ снова на двѣ половины. Это и совершалось въ дѣйствительности неоднократно.

Часто афганцы и туркмены останавливали здѣсь движеніе цѣлыхъ

№ 43. Ненаселенная полоса между востокомъ и западомъ.



армій; еще чаще арміи не рисковали идти далѣе этихъ проходовъ изъ боязни долгаго и тяжелаго пути въ странахъ, угрожавшихъ опасностями, лишенныхъ пріюта для отдыха и для возобновленія запасовъ. Чтобы перешагнуть за эти пугавшіе всѣхъ барьеры, какъ Дарію, такъ и Александру Македонскому, и Махмуду, Баберу и Акбару необходимы были колоссальныя средства людьми и деньгами,—средства, какія могли быть

получены лишь съ огромныхъ имперій. Даже и въ наши дни эти области, образующія пограничную полосу, представляютъ значительныя трудности при путешествіи, вслѣдствіе отсутствія удобныхъ дорогъ, караванъ-сараевъ и убѣжищъ.

Такимъ образомъ, выраженія «востокъ» и «западъ» въ ихъ общемъ смыслѣ могутъ быть совершенно точно установлены. На восточной сторонѣ вся часть Азіи, спускающаяся къ Индійскому и къ Тихому океанамъ, продолжается рядомъ огромныхъ острововъ и архипелаговъ, которые усѣиваютъ обширную водную поверхность, достигая почти береговъ Америки. Съ западной стороны передніе полуострова Азіи, бассейны Каспійскаго моря и рѣки Оби должны быть присоединены къ Европѣ, ко всему средиземноморскому міру и къ континенту Африки; чрезъ Атлантическое море эти страны примыкаютъ къ американской территоріи. Двойной континентъ Америки направленъ къ востоку своими заливами, долинами своихъ большихъ рѣкъ и склонами плодородныхъ равнинъ, — онъ, безспорно, принадлежитъ, какъ съ точки зрѣнія исторіи, такъ и по своему географическому положенію, къ европейскому міру.

Безъ сомнѣнія, большинство племенъ и народовъ, оставшихся долгое время разъединенными, жило, не имѣя ни малѣйшаго представленія объ этой полосѣ, разграничивающей востокъ и западъ; однако, уже съ самыхъ первыхъ временъ, какъ только великіе народы древняго міра познали свою исторію, они познакомились также и со значеніемъ водораздѣла, служащаго границей обоимъ склонамъ. Эволюція человѣческаго рода совершалась различными способами по обѣ стороны этой границы, и съ каждымъ вѣкомъ увеличивалось существовавшее съ самаго начала расхожденіе въ направленіи этой эволюціи, — по одну сторону человѣчество тяготѣло къ Великому океану, по другую — къ бассейну Средиземнаго моря. Какое же изъ этихъ направленій должно было повести къ болѣе серьезнымъ результатамъ, которому изъ нихъ суждено было сыграть болѣе важную роль въ воспитаніи человѣческаго рода? Въ настоящее время отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ, — въ борьбѣ за могущество побѣдилъ, безспорно, западъ.

Народности западнаго склона свидѣтельствуютъ одновременно какъ о своей наклонности къ прогрессу, такъ и о живучести и способности возстановляться. На первый взглядъ, казалось бы, востокъ имѣетъ бо́льшія привилегіи по сравненію съ западомъ, — народности, населявшія восточный склонъ, если взять ихъ во всемъ ихъ цѣломъ, имѣли, дѣйствительно, періодъ, въ который сказывалось полное ихъ превосходство. Можно предвидѣть даже, что восточныя народности въ будущемъ снова займутъ первое мѣсто, и что, подобно тому, какъ Атлантическій океанъ оттѣснилъ въ свое время Средиземное море съ занимаемаго имъ перваго мѣста, такъ впослѣдствіи Тихій океанъ оттѣснитъ на вто-

рой планъ Атлантическій,—онъ имѣетъ передъ послѣднимъ всѣ преимущества, какъ въ виду своего протяженія, такъ и въ виду дугообразнаго расположенія своихъ береговъ, составляющихъ какъ бы позвоночный столбъ всего сложнаго организма континентовъ земного шара.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, отъ какихъ странъ исходилъ первый импульсъ къ развитію, мы должны признать вѣроятнымъ, что область, занятая 3.000 лѣтъ тому назадъ народностями, имѣвшими уже сознаніе о своемъ участіи въ исторической жизни міра, была въ западной половинѣ гораздо менѣе значительна, чѣмъ на востокъ отъ пограничной полосы. Долины и горныя плато, населявшіяся мидянами и персами, долины Ассиріи и Халден, страна хиттитовъ, потомковъ Израиля и Измаила, побережье финикіянъ, сабеянъ и гиміяритовъ, берега Нила, острова Кипръ и Критъ, наконецъ, нѣкоторыя части передней Азіи, въ которыхъ развивалась уже цивилизація, расцвѣтшая позднѣе столь роскошно по другую сторону Эгейскаго моря, въ Греціи,—всѣ эти мѣстности, взятыя вмѣстѣ, составляли относительно небольшую область, по сравненію съ обширными пространствами юго-восточной Азіи, отъ долины Инда до береговъ Желтой рѣки и даже до южной Сибири, столь богатой надписями, относящимися къ давно минувшимъ вѣкамъ. Быть-можетъ, къ этой обширной азіатской территоріи должно присоединить еще и значительную часть Малайскаго архипелага, цивилизація котораго относится ко временамъ очень давнимъ. Наконецъ, океаническіе острова, разсѣянные по водной поверхности, которая по своимъ размѣрамъ соотвѣтствуетъ всѣмъ континентальнымъ массамъ Стараго Свѣта, взятымъ вмѣстѣ, составляли, повидимому, часть области, историческое развитіе которой стояло выше, чѣмъ таковое европейскихъ народовъ въ эпоху пелазговъ.

Безъ сомнѣнія, дикія племена Европы совершали въ теченіе каменнаго вѣка также миграціи въ различныхъ направленіяхъ и переходили изъ одной страны въ другую, расположенную отъ нея иногда очень далеко; однако, политическія и соціальныя условія этихъ племенъ не были настолько стойкими, чтобы являлась возможность укрѣпить въ памяти ихъ передвиженія. Предѣлы ихъ странствованій остаются совершенно неизвѣстными историкамъ, какъ будто переселеній этихъ и не существовало вовсе. Такія же неизвѣстныя намъ ближе странствованія островитянъ Тихаго океана были привязаны, по крайней мѣрѣ, сѣтью морскихъ путешествій малайцевъ къ островамъ и континенту Индіи: такимъ образомъ, жители востока могли составить себѣ представленіе о безграничномъ морѣ, которое тянется отъ береговъ Азіи въ безконечную даль и усѣяно островами и островками, столь же безчисленными, какъ звѣзды во Млечномъ Пути. На восточной половинѣ свѣта у людей не могло и возникнуть представленіе объ океанѣ, какъ о простой рѣкѣ, окружаю-

щей своимъ узкимъ потокомъ континенты,—представленіе, которое сложилось у грековъ. Индусы и малайцы должны были разсматривать океанъ скорѣе какъ безконечное пространство, теряющееся въ небесахъ.

Въ прежнія эпохи востокъ чрезвычайно сильно опережалъ западъ какъ протяженіемъ своихъ владѣній, такъ и тѣснымъ сцѣпленіемъ своихъ народностей. Однако, затѣмъ на протяженіи 30 вѣковъ востокъ удивительнѣйшимъ образомъ отсталъ,—притомъ онъ отсталъ безъ явнаго регресса со своей стороны, такъ какъ, вообще говоря, эволюція вездѣ совершается въ томъ смыслѣ, что путемъ приращенія знаній человѣкъ приближается къ лучшему. Высказывалась даже мысль, что скороспѣлость восточной цивилизаціи, именно, и была причиной этой задержки въ развитіи, — чрезмѣрная быстрота въ движеніи влечетъ за собой постоянно быструю усталость [1]). Писатели, предающіеся мистическимъ фантазіямъ и кладущіе въ основу своихъ разсужденій вѣру въ предопредѣленіе, пытались объяснить контрастъ, существующій между востокомъ и западомъ, свойственными имъ и ненарушимыми расовыми различіями. Съ самаго начала, говорятъ они, восточный и западный міры принципіально различались,—люди востока были всегда склонны къ туманнымъ мечтаніямъ, къ крайней утонченности и къ противорѣчіямъ, тогда какъ умъ западныхъ людей былъ одаренъ геніальной наблюдательностью, прямотою мысли, способностью быстро схватывать положеніе вещей. Миѳъ о змѣѣ-искусителѣ въ земномъ раю символизируетъ, по мнѣнію этихъ писателей, гибельное вліяніе востока и оправдывается во всѣхъ сношеніяхъ между обоими мірами.

Очевидно, однако, что такое мнѣніе основывается лишь на воспоминаніяхъ о тѣхъ конфликтахъ, которые возникали между народами востока и запада на почвѣ войны и коммерческихъ интересовъ въ различныя эпохи ихъ политической и соціальной жизни; простое констатированіе фактовъ было принято за объясненіе. На самомъ дѣлѣ, между цивилизаціей, находящейся въ упадкѣ, и обществомъ, которое въ расцвѣтѣ своихъ силъ, условія далеко не одинаковыя,—чтобы судить о нихъ при равныхъ условіяхъ, должно перенестись въ соотвѣтствующіе періоды ихъ исторической жизни. Было бы неправильно, напримѣръ, сравнивать Соединенные Штаты Сѣверной Америки, государство молодое и полное силъ, съ дряхлѣющимъ Китаемъ! Итакъ, мы должны совершенно устранить эти существующія якобы основныя расовыя различія и должны прежде всего изучить природныя условія восточнаго міра,—они и выяснятъ намъ причины задержки въ развитіи востока, по сравненію съ прогрессомъ запада.

Прежде всего Великій океанъ, съ тысячами разсѣянныхъ на немъ острововъ, имѣетъ, по сравненію со своей грандіозной водной поверх-

1) Gaëtan Delaunay, «Mémoire sur l'infériorité des civilisations précoces».

Горное ущелье.

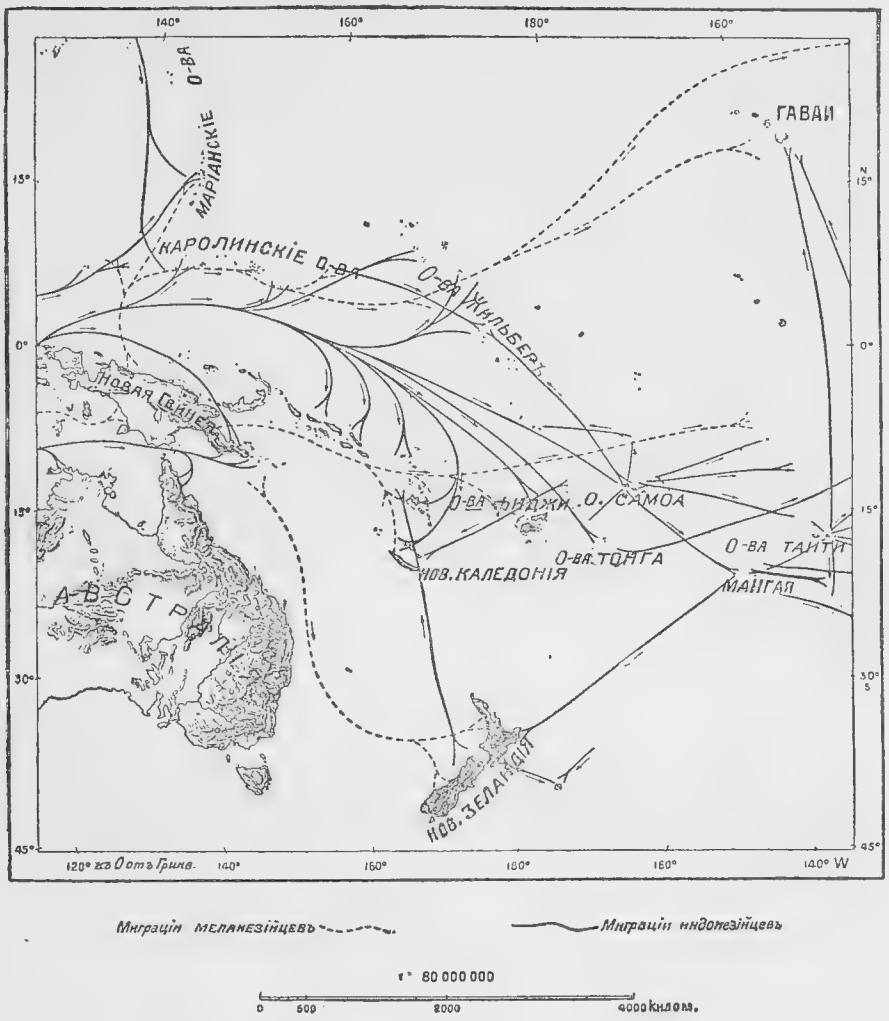
постью, лишь относительно немного выступающей изъ него суши, если не считать безплоднаго материка Австраліи; такіе центры цивилизаціи, какъ острова Самоа, Таити, архипелаги Тонга и Фиджи, будучи отдѣлены другъ отъ друга огромными разстояніями и являясь лишь слабо населенными, не могли оказывать значительнаго вліянія, — архипелаги эти были слишкомъ малы для того, чтобы на нихъ могъ возникнуть крупный очагъ цивилизаціи. Новая Зеландія, являвшаяся достаточно обширной для того, чтобы сдѣлаться обителью могущественной націи, располагается слишкомъ далеко въ сторонѣ отъ историческихъ путей, въ пустынныхъ южныхъ моряхъ; къ тому же она колонизовалась очень поздно, такъ что на ней смѣнились, быть-можетъ, до сихъ поръ всего лишь 30 поколѣній.

Что касается до острововъ, располагающихся по экватору, отъ острова Борнео до страны папуасовъ (Новой Гвинеи), то они достаточно велики и очень выгодно расположены у юго-восточнаго угла континента Азіи, какъ бы по оси общаго движенія цивилизаціи; богатство ихъ лѣсной растительности и легкость жизни среди ихъ природы позволяли, однако, ихъ туземцамъ оставаться въ первобытномъ изолированномъ состояніи, почему бо́льшая часть этихъ роскошныхъ архипелаговъ оставалась въ сторонѣ отъ общаго хода прогресса. Малайскіе авантюристы, равно какъ и колонисты, относящіеся къ самымъ различнымъ расамъ, довольствовались лишь тѣмъ, что заняли ихъ приморскую полосу. Внутренняя часть острововъ осталась неизслѣдованной, и на многихъ изъ нихъ она была даже совершенно скрыта отъ пришельцевъ, вслѣдствіе густоты лѣсовъ, въ которыхъ прятались «любители рубить головы». Лишь два большихъ острова, расположенные ближе другихъ къ материку Азіи, именно, Суматра и Ява, стояли въ связи съ цивилизованнымъ міромъ восточной Азіи. На первомъ изъ этихъ острововъ, однако, лѣса и горныя плато внутренней его части были заняты варварскими племенами, враждебно относившимися къ сношеніямъ съ чужестранцами. Если же Ява пользуется привилегіей быть причастной къ области индусской культуры, то этимъ она обязана главнымъ образомъ своей легкой доступности со стороны обоихъ своихъ побережій и затѣмъ строенію своей поверхности.

Впрочемъ, эта чудная страна, вмѣстѣ съ нѣкоторыми частями Суматры и съ нѣсколькими сосѣдними островами, принимавшими участіе въ развитіи той же цивилизаціи, не образуетъ территоріи, достаточно обширной по сравненію съ безграничнымъ океаномъ, и не можетъ служить очагомъ для возникновенія культуры, которая распространилась бы по всему островному міру крайняго востока. Скорѣе даже эта группа большихъ острововъ, во всемъ своемъ цѣломъ, содѣйствовала въ значительной степени тому, что историческая общность островныхъ областей прерывалась. Борнео, Целебесъ, бо́льшая часть Филиппинскихъ остро-

вовъ, Новая Гвинея, являющаяся уже почти континентомъ, и безплодные берега сосѣдняго материка Австраліи представляютъ собою страны, въ которыхъ чужестранецъ, потерпѣвшій караблекрушеніе мореплаватель или авантюристъ, задумавшій основать здѣсь колонію, рисковали всегда

№ 44. Миграціи народностей Океаніи.



быть встрѣченными какъ враги, а иногда, быть-можетъ, и какъ вкусное кушанье! Наконецъ, Торресовъ проливъ, этотъ главный морской путь между островами Малайскаго архипелага и Полинезіей, забаррикадированъ почти сплошь коралловыми рифами.

Точно также не могло найтись общаго центра цивилизаціи для восточнаго міра и на западномъ побережьѣ. Какъ ни поразителенъ былъ прогрессъ человѣческой мысли, родившейся у народовъ, которые жили по берегамъ Инда, Ганга, на Цейлонѣ, на Малабарскомъ и Коромандельскомъ побережьѣ, въ области бассейновъ индо-китайскихъ рѣкъ, на цвѣтущихъ долинахъ Ян-тзе-кіанга и на «Желтой Землѣ», — всѣ возникавшія здѣсь различныя цивилизаціи никогда не соединялись въ одно политическое цѣлое, и связывавшія ихъ узы, если и сохранялись, то развѣ лишь въ теченіе короткаго періода, подъ вліяніемъ пропаганды того или другого религіознаго ученія. Сношенія между этими различными странами были постоянно рѣдкими и не достаточно надежными. Многочисленныя племена, обитавшія въ видѣ независимыхъ группъ въ межлежащихъ горныхъ странахъ, разбивали всю территорію, занятую цивилизованными народностями, на отдѣльные отрѣзки. Если Японія за послѣднее время, благодаря примѣненію въ наши дни пара, который уничтожаетъ всѣ разстоянія, заняла какъ въ политическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніи центральное положеніе, то извѣстно вѣдь, во всякомъ случаѣ, что прежде она старалась тщательно изолироваться отъ внѣшнихъ вліяній, представляла собою также какъ бы особый міръ и собирала и накопляла силы для будущаго!

Взятое во всемъ своемъ цѣломъ пространство, занятое цивилизованными народами востока, представляетъ по своей формѣ нѣчто въ родѣ вѣера. Ось бассейна Инда, гдѣ раздались впервые молитвы и поэмы Ведъ, направляется къ юго-западу; сливающіеся и образующіе сложную дельту потоки Ганга и Брамапутры текутъ прямо на югъ; рѣки Индо-Китая направляются къ юго-востоку, тогда какъ рѣки Китая скатываются къ морю, лежащему на востокѣ. Въ результатѣ различныя движенія въ этихъ странахъ направляются, такъ сказать, центробѣжной силой: въ этихъ странахъ нѣтъ географическаго центра, и даже полуостровъ Индо-Китай, расположенный во впадинѣ восточнаго міра, образуетъ скорѣе раздѣляющій барьеръ, чѣмъ мѣсто встрѣчи для китайцевъ и индусовъ,— параллельныя цѣпи горъ его, населенныя дикими племенами, служатъ непосредственною преградою. Съ другой стороны, горное плато Тибета, по которому проходятъ естественные пути между Китаемъ и полуостровомъ Индіи и которое, съ точки зрѣнія геометрической, заключаетъ настоящій центръ областей юго-восточной Азіи, продолжается въ хребты, столь обильные снѣгами, поднимающіеся до такой высоты и обладающіе притомъ такимъ климатомъ, что разсѣянныя тамъ народности принуждены искать себѣ убѣжища въ глубокихъ долинахъ, которыми изборождена тамъ поверхность земли.

На сѣверо-западѣ восточный міръ ограниченъ высокими снѣговыми хребтами и во многихъ мѣстностяхъ безплодными, почти необитаемыми

пространствами. Пути сообщенія его съ западнымъ міромъ всегда ненадежны и нерѣдко совершенно прерваны,—они проходятъ чрезъ опасные горные перевалы или же направляются длинными обходами чрезъ сибирскія степи. Кромѣ нихъ имѣются морскіе пути, но они лежатъ въ

№ 45. Расходящіеся пути Крайняго Востока.

Важнѣйшіе пути — Пути меньшаго значенія.

Масштабъ 1 : 32 000 000

0 500 1000 1500 килом.

сторонѣ и были извѣстны лишь немногимъ мореплавателямъ,—эти пути направляются на западъ либо вдоль почти пустынныхъ береговъ нынѣшняго Мекрама и затѣмъ идутъ въ Персидскій заливъ, либо проходятъ чрезъ узкія врата Краснаго моря и огибаютъ полуостровъ Аравіи, также

бѣдный мѣстами, гдѣ можно было бы запастись водою, что такъ необходимо для возникновенія судоходства.

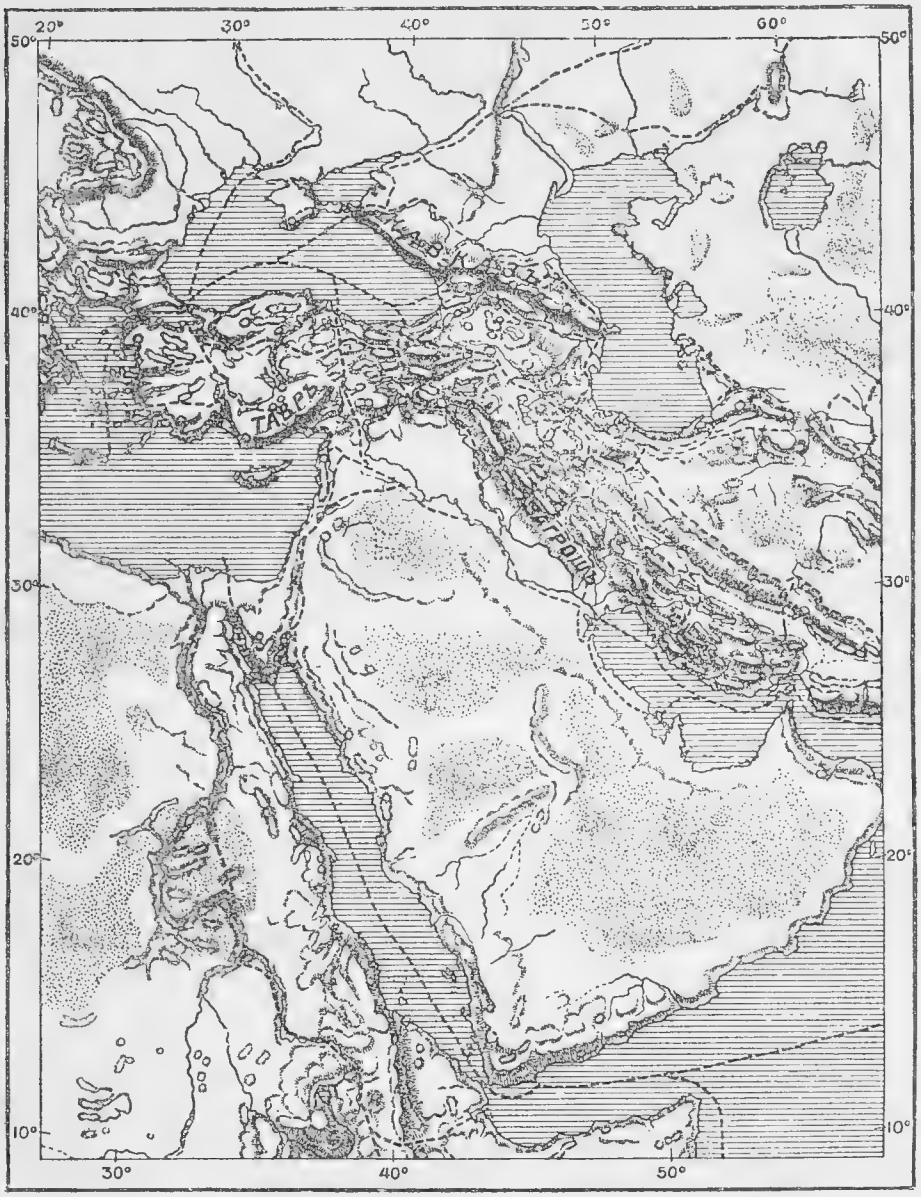
Благодаря этимъ препятствіямъ, можно сказать, лишь тонкими струйками могла проникать цивилизація востока и лишь капля по каплѣ могла она сливаться съ потокомъ западной культуры. Замѣчательнымъ образомъ, пути, по которымъ совершалась передача цивилизаціи изъ одного міра въ другой, идутъ какъ разъ въ направленіи, діаметрально противоположномъ историческимъ путямъ Азіи. Тогда какъ пути Азіи расходятся подъ тупыми углами и направляются къ далекимъ морямъ, пути запада сходятся всѣ, хотя и очень ломанными и извилистыми линіями, къ бассейну Средиземнаго моря, на которомъ возникъ греко-римскій міръ.

Сильно вытянутое въ длину Красное море, соединявшее страну гиміаритовъ и Эфіопію съ Египтомъ, направляется прямо къ Сирійскому морю, отъ котораго его отдѣляетъ лишь узкій, низменный песчаный перешеекъ; извивающаяся змѣею долина Нила открывается въ томъ же направленіи; Персидскій заливъ, продолженіемъ котораго на сѣверо-западъ служитъ рѣка Евфратъ, направляется по прямой линіи къ тому углу Средиземнаго моря, гдѣ находится островъ Кипръ. Далѣе къ сѣверу всѣ рѣки, всѣ коммерческіе пути, спускающіеся съ Анатоліи, съ передней Азіи и съ сарматскихъ равнинъ къ Черному морю, становятся притоками Средиземнаго моря чрезъ посредство Босфора и Геллеспонта. Даже огромный Анатолійскій полуостровъ распадается на нѣсколько второстепенныхъ небольшихъ полуостововъ, заключающихъ бассейны рѣкъ, направленныхъ къ Греціи. Такимъ образомъ, замѣчательный міръ Аттики, Пелопонеза и прилежащихъ странъ, именно благодаря схожденію путей, становится необходимымъ мѣстомъ встрѣчи всѣхъ азіатскихъ цивилизацій и очагомъ, на которомъ эти первичные элементы перерабатываются въ новыя формы. Таково было въ самыхъ общихъ чертахъ, съ исторической точки зрѣнія, коренное различіе между западной и восточной половинами міра въ теченіе первѣйшихъ вѣковъ историческаго періода.

Обычные взгляды на исторію являются, по существу, эгоцентричными, т.-е. въ основѣ своей они имѣютъ исключительное значеніе, которое придается авторомъ своему собственному отечеству. Нѣкоторыя народности видятъ въ своей родной странѣ настоящій центръ всего міра и потому воображаютъ, что начало исторіи было положено именно ихъ «избраннымъ народомъ». Таково въ прежнія времена было убѣжденіе евреевъ, таково же и убѣжденіе китайцевъ. Вполнѣ естественно, что такая точка зрѣнія должна была уступить мѣсто болѣе широкому воззрѣнію на вещи; однако, и до сихъ поръ, подъ вліяніемъ все той же

движущей силы, именно, общественнаго самомнѣнія, а отчасти и подъ

№ 46. Сходящіеся пути передней Азіи.



Масштабъ 1: 30 000 000

0 500 1000 1500 километ.

вліяніемъ недостаточно глубокаго пониманія, писатели-историки проповѣдуютъ крайне партійные взгляды на ходъ исторіи. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые авторы доказываютъ намъ, что «цивилизація движется съ востока къ западу, по направленію движенія солнца». Они, несомнѣнно, имѣютъ при этомъ въ виду спеціально развитіе народностей, говорящихъ на арійскихъ языкахъ, народностей, къ которымъ сами принадлежатъ,—развитіе ихъ направляется, дѣйствительно, по болѣе или менѣе извилистому пути отъ береговъ Евфрата къ берегамъ Сены и Темзы. Пробовали даже изобразить на картѣ эту ось прогресса человѣчества и выразить въ цифрахъ продолжительность между отдѣльными ея періодами [1]).

Какъ бы то ни было, имѣется все же достаточно и, можно сказать, даже въ избыткѣ примѣровъ тому, что движеніе цивилизаціи не регулируется указаннымъ фатальнымъ закономъ; очень часто наблюдается даже ходъ исторіи въ обратномъ направленіи. Если мы имѣемъ передъ собою центральную область съ естественными склонами, направленными ко всѣмъ странамъ свѣта, то не подлежитъ сомнѣнію, что прогрессъ цивилизаціи будетъ распространяться постольку же по направленію къ востоку, какъ и по направленію къ западу. Во многихъ странахъ, гдѣ движеніе народовъ совершалось вдоль рѣки или шло по направленію отъ безплодныхъ и пустынныхъ мѣстностей къ плодороднымъ и обильно населеннымъ равнинамъ, прогрессъ распространялся, слѣдуя этимъ условіямъ внѣшней среды.

Исторія цивилизаціи за послѣднія 10.000 лѣтъ отъ Вавилона до Чикаго, этого второго Вавилона, чрезъ промежуточные этапы Аѳинъ, Рима, Парижа, Лондона и Нью-Іорка, даетъ столь бьющій въ глаза примѣръ движенія съ востока на западъ, что возведеніе въ законъ этого совпаденія хода цивилизаціи съ движеніемъ солнца не должно насъ особенно изумлять.

Во всякомъ случаѣ, придерживаясь точныхъ данныхъ исторіи и оставляя въ сторонѣ всѣ гипотезы, должно констатировать, что передача тѣхъ силъ, которыя составляютъ цивилизацію, совершается отъ одного народа къ другому чрезъ весь великій организмъ человѣчества такимъ же точно способомъ, какъ въ организмѣ человѣка жизнь передается отъ одной клѣточки другой, одновременно какъ отъ периферіи къ центру, такъ и отъ центра къ периферіи. Нашъ современный міръ, въ которомъ очаги цивилизаціи располагаются въ самыхъ удаленныхъ и разбросанныхъ по всему земному шару пунктахъ,—въ Австраліи и въ Великобританіи, въ Японіи и на мысѣ Доброй Надежды и у устьевъ Ла-Платы,—не является ли и онъ прекраснымъ доказательствомъ тому, что культура распространяется свободно по всѣмъ направленіямъ? Да

1) R. Brück, «L'Humanité, son développement et sa durée».

ЧЕРЕДОВАНІЕ ЦИВИЛИЗАЦІЙ И ИХЪ СФЕРЪ ВЛІЯНІЯ

1905

Область, пути и сфера вліянія цивилизацій 7000 лѣтъ тому назадъ

Область, пути и сфера вліянія цивилизацій 4500 лѣтъ тому назадъ

Область, пути и сфера вліянія цивилизацій 2500 лѣтъ тому назадъ.

Область, пути и сфера вліянія цивилизацій 600 лѣтъ тому назадъ.

МАСШТАБЪ 1: 125 000 000 .

0 1000 5000 10000 Кил.

и какъ можетъ быть раздѣлена рѣзко исторія на одинаковые періоды,

№ 47. Нѣкоторые пути европейско-азіатской цивилизаціи.

когда канвою ея, плоскостью ея приложенія является сама земля со всѣми ея неровностями со всѣми ея распредѣленными безъ видимаго

порядка основными элементами—климатомъ, рельефомъ, горами, флорою и фауною! Жизнь не можетъ быть втиснута въ математическія формулы!

Иллюзія, аналогичная той, которая заставляетъ видѣть движеніе цивилизаціи съ востока на западъ, въ другой, болѣе узкой сферѣ явленій вызываетъ у первобытныхъ людей представленіе, что по западную сторону видимаго горизонта существуютъ острова, на которыхъ находится царство мертвыхъ. Если бы нанести на карту указанія дикарей, то было бы ясно, что положеніе какъ рая, такъ и таинственнаго ада, гдѣ томятся души мертвыхъ, изгнанныя съ земли, населенной живыми, предполагается людьми, незатронутыми культурой, преимущественно на западѣ, а не на востокѣ [1]). Не было ли и нашей общей мечтой, что, оставивъ нашу бренную оболочку, мы унесемся туда, по направленію къ угасающему свѣтилу дня, и погрузимся тамъ въ золотистыя волны пурпурной зари?

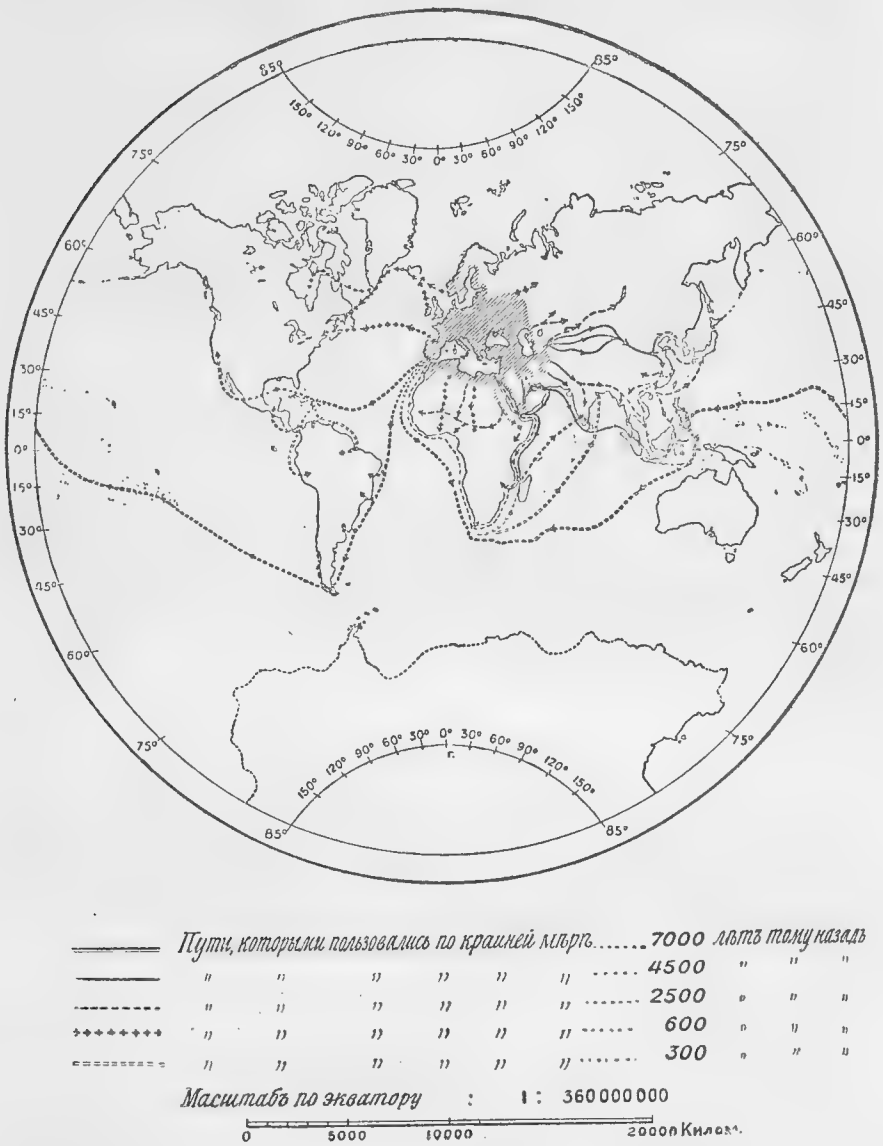
Одно поколѣніе непрерывно смѣняетъ другое, каждый моментъ исчезаютъ отработавшія клѣточки, каждый моментъ появляются клѣточки новыя, родятся новые люди, для того чтобы замѣстить умершихъ! Движеніе эволюціи совершается неощутимымъ образомъ, но если изучать людей черезъ нѣкоторые промежутки, чрезъ нѣкоторое количество лѣтъ, десятилѣтій или вѣковъ, то можно наблюдать явственныя различія, можно замѣтить, что внѣшній обликъ человѣческаго общества и его идеи сдѣлались совершенно иными,—общество не слѣдуетъ уже по прежнему направленію, у него другія цѣли и новыя точки зрѣнія. Поколѣнія отличаются одно отъ другого «какъ узлы на стеблѣ злака». На перерѣзанномъ пилою стволѣ дерева можно замѣтить годовые круги нарастанія,—точно также и истекшіе вѣка обнаруживаютъ послѣдовательныя наслоенія, движенія впередъ и назадъ и временныя задержки въ развитіи.

Совершаются ли эти измѣненія въ общемъ движеніи человѣчества и въ ходѣ развитія отдѣльныхъ группъ людей совершенно случайно, внѣ какого-либо закона, или же, наоборотъ, наблюдается въ нихъ извѣстная правильность? Намъ кажется, что послѣдовательность направляющихъ идей и послѣдовательность фактовъ, изъ нихъ вытекающихъ, имѣетъ нѣкоторый ритмъ,—она какъ бы регулируется движеніями маятника. Высказывались различныя теоріи, стремившіяся опредѣлить этотъ ритмъ. Такъ, Вико въ своемъ сочиненіи «Scienza Nuova» доказываетъ, что человѣческія общества развиваются въ теченіе ряда вѣковъ, обнаруживая «corsi» и «ricorsi», т.-е. правильно чередующіеся періоды про-

1) Fr. Ratzel, «Mythen und Einfälle über den Ursprung der Völker», Globus, 14 Juli 1900;—Johannes Zemmrich, Internationale Archiv für Ethnologie, 1891.

гресса и регресса,—человѣчество какъ бы описываетъ круги во времени и возвращается постоянно къ прежнему положенію вещей послѣ заверше-

№ 48. Нѣкоторые всемірные пути движенія цивилизаціи до путешествія Магеллана.



нія своего кругового хода. Взглядъ этотъ, по своей наивности, нѣсколько дѣтскій, и ни одинъ изъ послѣдователей Вико не допускалъ его цѣликомъ, какъ онъ есть, — слишкомъ очевидно, что въ подтвержденіе его нельзя

привести ни одного историческаго періода, который вполнѣ воспроизводилъ бы другой періодъ. Условія географическія, экономическія, политическія и соціальныя могутъ представлять извѣстныя поразительныя черты сходства, но общее положеніе вещей являетъ все же чрезвычайно существенныя различія, проистекающія отъ тѣхъ дѣйствій и противодѣйствій, которыя постоянно возникаютъ въ колоссальномъ организмѣ человѣчества. Въ настоящее время никто уже не сравниваетъ развитія человѣчества столь наивнымъ образомъ съ простымъ движеніемъ взадъ и впередъ, съ чередованіемъ прогресса и регресса,—чаще говорятъ о «спирали цивилизаціи», спирали, обороты которой непрерывно увеличиваются и безконечно разрастаются съ теченіемъ вѣковъ.

Должно, впрочемъ, все же сказать, что форма этой спирали далеко не геометрическая, и что каждое событіе въ жизни человѣчества преломляетъ ея обороты. Случается также, что во время періодовъ мѣстнаго движенія вспять, возвращенія къ первоначальному варваризму, обороты спирали, вмѣсто того чтобы расширяться, суживаются и уменьшаются. Ритмъ историческихъ событій управляется, слѣдовательно, законами чрезвычайной сложности, и, лишь выражаясь фигурально, можно позволить себѣ сравнить общій ходъ развитія съ колебаніемъ или съ правильнымъ движеніемъ по спирали. Вѣрно лишь то, что во многихъ отношеніяхъ различныя группы людей—племена, народности, государства—представляютъ намъ тѣ же явленія жизни, какія наблюдаются у животныхъ и растеній,—они рождаются, растутъ и укрѣпляются, ослабѣваютъ и умираютъ. При подробномъ изученіи можно установить для всѣхъ этихъ явленій ихъ причины, можно эти причины классифицировать и разбить на извѣстныя категоріи, несмотря даже на то, что различныя группы людей тѣсно сцѣпляются между собой, и что такія учрежденія, какъ религія, ученія нравственности, степень цивилизаціи,—оказываютъ вліяніе въ своей области. Благодаря такому сравнительному изученію, опредѣленный ходъ эволюціи общества позволяетъ предсказывать по аналогіи, каковы будутъ дальнѣйшія неизбѣжныя послѣдствія.

Условія, наиболѣе благопріятныя для развитія любого общества, племени или народа, заключаются въ томъ, чтобы жить въ мирѣ, но не изолированно, поддерживать частыя и дѣятельныя сношенія со своими сосѣдями и имѣть притомъ такія внутреннія условія, которыя позволяли бы каждому члену общества владѣть собственнымъ участкомъ земли и правомъ на трудъ. Нѣтъ никакого основанія къ тому, чтобы свобода и значеніе отдѣльныхъ личностей уменьшались; наоборотъ, отдѣльныя личности имѣютъ всѣ шансы нормально развиваться и совершенствоваться какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Когда же общество втянуто въ безконечныя войны, оно постоянно должно всего опасаться, и несчастье должно постичь его неизбѣжно. Если оно будетъ

побѣждено, оно должно будетъ унижаться, заискивать и льстить передъ побѣдителемъ, который грабитъ его и доводитъ до полнаго разорѣнія; если оно побѣдитъ, оно преклонится предъ своими вождями, давшими ему побѣду, поставитъ ихъ превыше всѣхъ остальныхъ гражданъ, наградитъ ихъ привилегіями и, слѣдовательно, дастъ имъ возможность причинять зло,—однимъ словомъ, тогда для общества начнется эпоха реакціи, и, быть можетъ, даже дѣло дойдетъ до избранія князя надъ князьями, до избранія Цезаря, полнаго самодержца и владыки, который, разумѣется, въ своихъ собственныхъ интересахъ, лишитъ всѣхъ остальныхъ свободы. Зло будетъ тѣмъ сильнѣе и длительнѣе, чѣмъ болѣе будетъ благопріятствовать данной народности богъ войны, чѣмъ сильнѣе увеличится поверхность ея территоріи, благодаря непосредственнымъ завоеваніямъ или благодаря образованію колоній,—наконецъ, чѣмъ сильнѣе эта народность будетъ притѣснять другія народности, почитаемыя ею низшими или даже обращаемыя въ рабство! Все равно, мала или обширна захваченная силой территорія, будетъ ли то городъ, область или цѣлое царство,—насильственное пріобрѣтеніе всегда въ одинаковой степени будетъ имѣть фатальныя послѣдствія для неправильно захватившаго чужую собственность,—онъ не будетъ въ состояніи удержать за собою плоды своей побѣды иначе, какъ путемъ непрерывнаго ряда преступленій, путемъ жестокости, неправосудія, насилій и убійствъ.

Впрочемъ, нѣтъ надобности, чтобы общество вело войну или вторгалось въ какія-либо чуждыя земли,—оно и помимо того можетъ впасть въ состояніе нравственнаго разложенія. Для этого достаточно, чтобы въ собственныхъ его нѣдрахъ возникъ распадъ, ведущій къ возникновенію враждебно настроенныхъ классовъ или кастъ, наслѣдственно одна другой враждебныхъ. Безразлично, раздѣляется ли власть нѣсколькими классами или находится въ рукахъ одного изъ нихъ, захвачено ли право управлять толпою «аристократами», которые сдѣлались «лучшими» людьми силою оружія, путемъ привилегій, полученныхъ отъ рожденія, или благодаря ихъ богатству, находится ли это право въ рукахъ жрецовъ, сильнѣе прочихъ стремящихся ко власти и къ обладанію не только душами, но и тѣлами представителей народа,—не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ этихъ случаяхъ между отдѣльными частями общества царитъ война, скрытая или явная, и, благодаря этой войнѣ, могущественные элементы регресса направляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы одержать верхъ надъ факторами, содѣйствующими прогрессу. Случается, что они и одерживаютъ побѣду, и тогда можно констатировать полный историческій параллелизмъ между совершившимся событіемъ и другими подобными же, происходившими при аналогичныхъ условіяхъ. Одно и то же явленіе можетъ происходить даже на противоположныхъ концахъ свѣта; на востокѣ и на западѣ соотвѣтствующее положеніе разрѣшается

естественно вполнѣ сходнымъ образомъ. Одинъ изъ историковъ-философовъ, Феррари, хотѣлъ даже возвести въ историческіе законы тѣ сходственные моменты развитія, которые наблюдаются, напр., въ исторіи Китая и въ исторіи Европы. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на существенныя различія, зависящія отъ контрастовъ внѣшней среды, общій ходъ развитія обѣихъ цивилизацій обладаетъ періодическими повышеніями и пониженіями, удивительнѣйшимъ образомъ сходными между собою.

Болѣе глубокое изученіе исторіи цивилизаціи позволяетъ намъ различить нѣсколько характерныхъ типовъ эволюціи. Тогда какъ нѣкоторыя народности появляются, такъ сказать, внезапно на горизонтѣ исторіи и сразу начинаютъ принимать участіе въ міровой жизни, другія переходятъ отъ жизни къ смерти путемъ процесса, который можетъ быть то относительно медленнымъ, то быстрымъ, то постепеннымъ, то полнымъ скачковъ.

Отъ обитателей Месопотаміи, величественную цивилизацію которыхъ выяснили недавнія открытія, остались лишь могилы въ обширныхъ пустыняхъ, называвшихся когда-то Вавилономъ и Ниневіей. Точно также въ Испаніи инквизиція быстро уничтожила великолѣпные города, поразительно разросшіеся во время господства мавровъ,—она превратила ихъ въ безлюдныя пространства — «despoblados» и «dehesas». Туземцы Тасманіи, которыхъ еще во время перваго путешествія Кука въ 1770 г. было 7.000, подвергались такимъ систематическимъ притѣсненіямъ, что исчезли съ лица земли въ теченіе одного столѣтія: послѣдній мужчина этого племени умеръ въ 1869 и послѣдняя женщина въ 1876 году. Гибель этого племени столь же насильственна, какъ въ настоящее время гибель армянъ! Сколько племенъ, соорудившихъ себѣ памятники, разсѣянные по всему земному шару отъ острововъ Тихаго океана до континента Африки и отъ острововъ Пасхи до Каролинскихъ острововъ, извѣстны исторіи лишь по именамъ! Сколько другихъ цивилизацій погибло безслѣдно, такъ что до насъ дошли лишь смутныя указанія!

Эволюція совершается также и путемъ перехода отъ относительнаго здоровья къ болѣзненному состоянію. Египетъ, конечно, не погибъ совершенно, но сколько послѣдовательныхъ измѣненій и сколько самыхъ болѣзненныхъ моментовъ претерпѣлъ онъ въ теченіе своего существованія съ того времени, какъ явился предъ нашими взорами во всемъ своемъ блескѣ и могуществѣ! Греція, Китай, Индія не являются уже болѣе государствами, стоящими во главѣ движенія человѣчества, какъ въ прошедшія эпохи своей исторіи, однако, нельзя также сказать, чтобы въ нихъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, совершенно отсутствовали жизненные элементы! Что можно сказать о странѣ, утратившей совершенно свободу, населеніе которой несмотря на это быстро возрастаетъ?

Третій процессъ хода исторіи—это переходъ отъ одной формы эволюціи къ другой. Такъ, роль современнаго Рима въ міровой жизни совершенно иного порядка, чѣмъ роль Рима древняго, Рима временъ Имперіи и Рима періода папской власти. Мы видимъ здѣсь типичный примѣръ живучести политическаго организма, который и во время тяжкой болѣзни сохраняетъ въ себѣ элементы здоровья и даже послѣ кажущейся агоніи возрождается вновь.

Существуетъ, наконецъ, еще одинъ процессъ, который можно назвать интерволюціей, — когда силою вещей нѣкоторыя народности оказываютъ взаимно другъ на друга вліяніе, которое, такъ сказать, вливаетъ въ нихъ новую жизнь. Такъ въ настоящее время латинскіе народы, которыхъ принято оплакивать, въ дѣйствительности не погибли и, навѣрное, найдутъ снова утраченное равновѣсіе, пріобрѣтутъ силу и здоровье, уже благодаря одной своей связи съ сосѣдними народностями, считающимися высшими. Такимъ же точно способомъ цивилизація влила свѣжую кровь въ японскій народъ, пріобщивъ его къ своей культурѣ; послѣдніе представители краснокожихъ были вовлечены въ потокъ жизни американскаго народа; всѣ народы мало-по-малу вступаютъ между собою въ связь, и ихъ лучшіе элементы могущественнѣйшимъ образомъ вліяютъ другъ на друга. Въ будущемъ можно будетъ говорить лишь о прогрессѣ населенія всего земного шара!

Затѣмъ движеніе впередъ и назадъ, дѣйствіе и противодѣйствіе, стремленіе къ прогрессу и къ регрессу, изъ конхъ слагается исторія, должны стоять въ связи и съ колебаніями самой нашей планеты, на которую, въ свою очередь, вліяютъ другія свѣтила и прежде всего уже солнце—этотъ грандіозный источникъ свѣта, теплоты и магнитныхъ токовъ, изливающихся на землю. Періодичность, отмѣчаемая чередующимися увеличеніемъ и уменьшеніемъ солнечныхъ пятенъ, является однимъ изъ тѣхъ космическихъ регуляторовъ, которые сильно интересуютъ ученыхъ, какъ астрономовъ, такъ и географовъ и экономистовъ,—они стараются опредѣлить вліяніе этихъ періодовъ на климатъ, на урожайные и неурожайные годы, на годы матеріальнаго благополучія человѣчества и его упадка. Повидимому, удалось открыть нѣкоторую періодичность, стоящую въ связи съ измѣненіемъ солнечныхъ пятенъ,—періоды эти обнимаютъ промежутокъ времени около одиннадцати лѣтъ, но связь между ними и дѣятельностью солнца все же не особенно ясна. Точно также Брюкнеръ констатировалъ, по крайней мѣрѣ для странъ западной Европы, существованіе послѣдовательной смѣны трехъ различныхъ періодовъ, заключающихъ чередующіеся ряды годовъ съ бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ влаги, что отражается на экономическихъ и политическихъ условіяхъ народовъ и придаетъ имъ также соотвѣтственный ритмъ.

Независимо отъ этихъ періодовъ, продолжительность коихъ не достигаетъ и предѣловъ обычной человѣческой жизни, существуютъ еще, быть-можетъ, болѣе продолжительные періоды, которые вызываютъ значительныя нарушенія въ исторіи человѣчества. Не ясно ли каждому, что грандіозные космическіе циклы должны отражаться на жизни людей,—вѣдь они находятся въ полномъ подчиненіи природѣ! Нельзя сомнѣваться въ томъ, что сильное вліяніе на человѣчество оказываетъ перемѣщеніе полюсовъ земного шара; точно также приходится соглашаться съ нѣкоторыми математиками [1]) въ томъ, что и вѣковыя колебанія магнитныхъ токовъ вправо и влѣво отъ полюсовъ отражаются на жизни человѣческаго рода. Но какова же продолжительность амплитуды магнитной стрѣлки въ ея движеніяхъ къ западу и къ востоку отъ меридіана? Пока это еще неизвѣстно съ достаточной точностью, такъ какъ давнія наблюденія производились безъ соблюденія необходимыхъ предосторожностей,—лѣтописи земного магнетизма еще въ значительной степени гипотетичны, и конечные выводы, къ которымъ пришли различные ученые, сильно расходятся. По Шазалльону [2]), магнитная стрѣлка указывала прямо на сѣверный полюсъ въ 1663 г. и затѣмъ постепенно начала склоняться къ западу вплоть до 1814 г., когда уголъ склоненія, образованный ею съ земнымъ меридіаномъ, достигалъ $22^0 30'$; въ настоящее время она возвращается опять къ плоскости меридіана и будетъ совпадать съ ней въ 2151 г. Полный или, вѣрнѣе, половинный періодъ, такъ какъ должно принять во вниманіе и склоненіе магнитной стрѣлки по направленію къ востоку отъ полюса, заключаетъ, слѣдовательно, 488 лѣтъ. Брюкъ [3]) даетъ намъ нѣсколько иную цифру,—именно 517 лѣтъ. Наконецъ, Джонъ Паркеръ увеличиваетъ эту цифру еще болѣе чѣмъ на 100 лѣтъ и опредѣляетъ продолжительность магнитнаго года въ 645 лѣтъ; онъ полагаетъ, къ тому же, что этотъ магнитный годъ стоитъ въ соотвѣтствіи со временемъ обращенія нашей планеты вокругъ центра орбиты солнца [4]).

Такимъ образомъ, было бы преждевременно считать вполнѣ извѣстной періодичность магнитныхъ колебаній, тѣмъ болѣе, что магнитная стрѣлка, находящаяся постоянно въ движеніи, повидимому, въ своихъ колебаніяхъ чрезвычайно капризна,—они мѣняются съ года на годъ, съ минуты на минуту и даже съ секунды на секунду. Еще болѣе было бы неблагоразумно пытаться установить правильную зависимость между магнитными колебаніями и исторіей человѣчества. Попытка, сдѣланная въ этомъ направленіи математикомъ Брюкомъ, привела къ крайне курьезнымъ заключеніямъ. Установивъ продолжительность существованія чело-

1) R. Brück. «L'humanité, son développement, sa durée». — 2) Chazallon. Annales du Bureau des Longitudes. 3) Op. cit., p. V. — 4) Journal of the American geographical and statistical Society, 1870.

вѣчества въ 22.702 года,—ни годомъ болѣе, ни годомъ менѣе,—авторъ дѣлитъ затѣмъ исторію на 44 магнитныхъ періода, причемъ оба первыхъ періода приходятся на промежутокъ между сотвореніемъ міра и потопомъ. Въ 1900 г. человѣческій родъ имѣлъ 5924 года отъ начала своего существованія, что должно было являться для него началомъ зрѣлаго возраста, причемъ во главѣ его должны были стать 10 главныхъ народовъ; болѣе 30 другихъ такихъ періодовъ должно пройти до той эпохи, когда земная кора будетъ разрушена геологическимъ переворотомъ и вмѣстѣ съ нею погибнутъ ея обитатели. Далѣе по этой гипотезѣ предполагалось, что въ опредѣленные годы должны произойти соціальные перевороты, — именно они должны были произойти въ 493, въ 1009 и 1523 году. Автору, разумѣется, приходится объяснять изумленному читателю значеніе этихъ годовъ,—по его мнѣнію, они соотвѣтствуютъ «рожденію христіанской идеи», «исчезновенію языческихъ идей» и «освобожденію христіанской идеи, истинность которой непреложна»! Разумѣется, утверждать подобныя вещи—значитъ свидѣтельствовать о томъ, что единственный законъ, которому подчиняется ритмъ исторіи,—это фантазія писателя!

Каждой фракціи общества соотвѣтствуетъ опредѣленный взглядъ на исторію. У теократіи свои историки, которые по-своему судятъ о событіяхъ и о людяхъ, проникая якобы въ то, что они считаютъ промысломъ Божіимъ; у монархіи также свои писатели, понимающіе историческія событія сообразно со своими убѣжденіями и со своими понятіями и изображающіе жизнь подчиненнаго человѣчества какъ бы въ видѣ мрачной тѣни, которая является полнымъ контрастомъ яркому блеску славы и могущества повелителей; современная аристократія и буржуазія точно также обладаютъ собственными истолкователями-спеціалистами, которые смотрятъ ихъ глазами, слушаютъ ихъ ушами и думаютъ сообразно съ интересами и съ предразсудками своихъ господъ. Наконецъ, каждая народность, каждый городъ, каждая самая малая община цивилизованныхъ людей и каждое учрежденіе старается быть изображеннымъ въ исторіи со своей опредѣленной точки зрѣнія и стремится отодвинуть на задній планъ весь остальной міръ. Стоитъ только сравнить два описанія какой-нибудь битвы, составленныя совершенно нелицепріятно двумя вполнѣ честно отнесшимися къ дѣлу писателями, принадлежащими лишь къ двумъ соперничающимъ народностямъ! Хотя бы битва эта происходила въ нашъ вѣкъ, была освѣщена всесторонне, имѣлись бы относительно нея точные документы и считающаяся неоспоримой статистика,—какъ велико было бы, тѣмъ не менѣе, расхожденіе между обоими мнѣніями! Что же думать объ исторіи тѣхъ временъ, отъ которыхъ сохранились у насъ лишь книги или отрывочные письменные документы, не освѣщенные никакой критикой, документы, относящіеся къ представителямъ лишь какого-нибудь

одного народа или одной касты, составленные въ интересахъ или небольшой группы лицъ, или даже лишь одной личности? Ясно, что тѣ событія, о которыхъ сообщаютъ наши предки въ своихъ писаніяхъ, не могутъ внушать намъ никакого довѣрія, такъ какъ они не освѣщены свидѣтельствами противоположной стороны,—детали ихъ имѣютъ иногда лишь интересъ простого анекдота! При отысканіи исторической истины должно считать дѣйствительными пріобрѣтеніями лишь явленія общія, лишь тѣ грандіозныя движенія впередъ и назадъ, которыя установлены общимъ ходомъ цивилизаціи, взятой во всемъ ея цѣломъ!

Недостаточно, однако, знать о ненадежности тѣхъ лѣтописныхъ данныхъ и легендъ, которыя соединяются нами подъ названіемъ исторіи,—то, что мы учили прежде, продолжаетъ заполонять нашъ мозгъ, и, вопреки нашему собственному желанію, всевозможныя заблужденія и преднамѣренная неправда затемняютъ въ нашей памяти истину. Не говоря уже о библейскихъ разсказахъ, которые всѣми признаны за полнѣйшіе миѳы, но, тѣмъ не менѣе, воспроизводятся до сихъ поръ въ школѣ, какъ разсказы о дѣйствительно совершившихся событіяхъ,—не сохранило ли и преподаваніе исторіи своего прежняго характера, основой котораго является преклоненіе предъ авторитетомъ и деспотизмомъ? Тѣ цари и властители, которыхъ заставляютъ вереницею проходить предъ ученикомъ,—личности, безусловно, темныя, вызывавшія вражду между народностями и искавшія славы въ столкновеніяхъ и гибели своихъ армій: таковъ былъ Сезострисъ, этотъ воинственнѣйшій изъ фараоновъ, заставлявшій высѣкать изъ камня свои колоссальныя изображенія предъ всѣми храмами, этотъ хвастунъ, вырѣзавшій изображенія своихъ побѣдъ, настоящихъ или выдуманныхъ, на всѣхъ стѣнахъ [1]); таковъ былъ Александръ Македонскій — варваръ, одерживавшій побѣды надъ персами благодаря превосходству греческой цивилизаціи и дошедшій въ своей гордости до того, что заставилъ провозгласить себя богомъ Азіи [2]); таковъ былъ и Цезарь, который въ Римѣ являлся представителемъ побѣдоносной демократіи и, увѣнчавъ ее, лишилъ ее съ той поры окончательно свободы; таковъ же и Наполеонъ—эта «революція въ ботфортахъ и шпорахъ», Наполеонъ, завѣщавшій угнетеннымъ имъ народностямъ цѣлый вѣкъ кровавой мести!

Очистить исторію отъ вліянія, оказываемаго этими кошмарными представленіями, является главною задачею тѣхъ писателей, которые становятся на точку зрѣнія истинно-человѣческую, становятся выше расовой ненависти, національной и партійной вражды. Многіе ученые посвятили себя этому дѣлу, и, благодаря имъ, исторія, такъ сказать, мѣняетъ свой духовный обликъ,—она проникается духомъ современности,

---

1) Fr. Lenormand, «Les premières civilisations».—2) J. Michelet «La Bible de l'Humanité».

несравненно болѣе широкимъ и нелицепріятнымъ, и выливается въ новыя формы. Она не ограничивается болѣе однимъ народомъ, подобно такъ называемой «Всемірной Исторіи» Боссюэ, не ограничивается и однимъ классомъ, какъ большинство историческихъ сочиненій, попадающихъ въ руки нашихъ дѣтей и молодыхъ людей. Изучая человѣчество цѣликомъ, во всей его массѣ, сравнивая послѣдовательно или параллельно развитіе народовъ со всѣми ихъ мнѣами, ихъ интересами и страстями, она раскрываетъ передъ всѣми тайны міра. Подобно тому какъ въ прежнія времена человѣкъ творилъ себѣ боговъ по собственному образу и подобію, такъ теперь историкъ возстановляетъ предъ нами весь опытъ человѣчества, извлекая изъ множества фактовъ ту идеальную основу, которая управляла нами во всѣ времена, но вплоть до недавней эпохи не была сознана. Запасъ тѣхъ общихъ фактовъ, которые служили матеріаломъ прежнимъ историкамъ, достался и намъ,—онъ даже постоянно увеличивается, благодаря новымъ находкамъ; само зданіе исторіи перестраивается, однако, въ еще болѣе грандіозныхъ размѣрахъ и по новому плану, несравненно болѣе логичному,—въ немъ не будетъ уже болѣе часовенъ и тронныхъ залъ, устраивавшихся тамъ ранѣе! Вико говоритъ, что исторія дѣлится на три эпохи — «эпоху боговъ», «эпоху героевъ» и «эпоху людей». Насъ хотѣли бы до сихъ поръ силою удержать въ одной изъ двухъ первыхъ эпохъ, развертывающихся предъ нашими взорами, но рѣшительно и безповоротно мы вступаемъ въ «эпоху людей»!

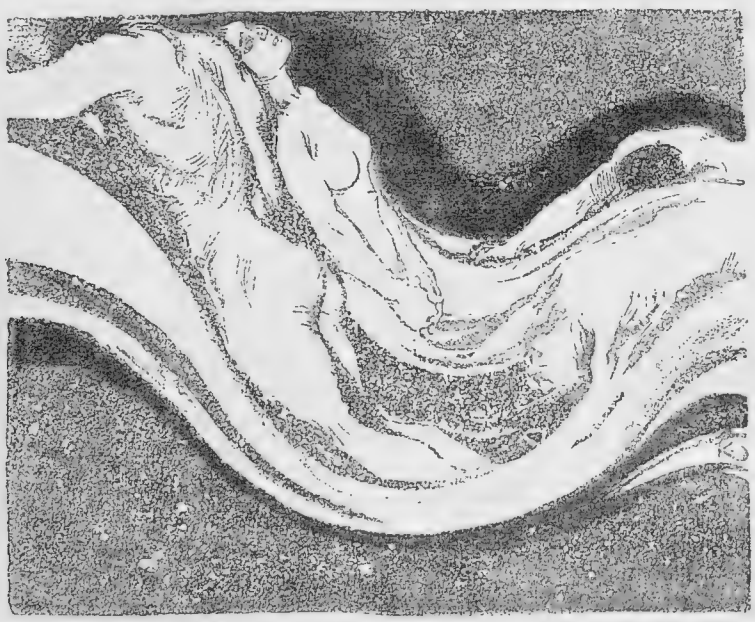
Рано или поздно исторія будетъ раздѣлена на два періода: періодъ господства случая и варварскаго невѣдѣнія и періодъ науки или «разума», какъ говорили въ свое время энциклопедисты. Слишкомъ поторопились обозначить начало «новой исторіи» при началѣ періода реформаціи [1]),—періода, когда люди, считавшіе себя обладателями истины, хотѣли другихъ пріобщить къ этой истинѣ грубой силою! «Человѣчество вступаетъ на прямой путь, лишь испробовавъ предварительно всѣ возможные кривые» (Спенсеръ)!

Въ нашемъ новомъ, истинно человѣческомъ мірѣ историческая наука не допускаетъ болѣе, какъ въ прежнія времена, сверхъестественнаго вмѣшательства чуда, нарушающаго послѣдовательность событій, не допускаетъ она и апоѳеоза легендарныхъ личностей, воздвигаемыхъ надъ обыкновеннымъ человѣчествомъ и по своей геніальности не подлежащихъ якобы обычному теченію вещей. Впредь наука о развитіи человѣчества станетъ въ прямую зависимость отъ тѣхъ же самыхъ методовъ, отъ которыхъ зависятъ и другія научныя дисциплины; она двигается впередъ лишь точными наблюденіями, тщательнымъ и нелицепріятнымъ сравненіемъ и классифицированіемъ фактовъ, распредѣляемыхъ въ пространствѣ и во времени.

1) Elie Reclus, «Notes manuscrites».

Каковы бы ни были законы или, по крайней мѣрѣ, общія соображенія, къ которымъ приводитъ историковъ ихъ долгій и кропотливый трудъ, имъ все же приходится прежде всего констатировать, что въ ходѣ историческихъ событій наблюдается чередованіе періодовъ дѣятельности и покоя, чередованіе дѣйствій и противодѣйствій,—какъ бы приливовъ и отливовъ, «движеній взадъ и впередъ», какъ говорилъ Вико! Люди и народы «свершаютъ полный кругъ и уходятъ», но они уходятъ для того, чтобы затѣмъ вернуться вновь и сдѣлать кругъ еще болѣе широкій!

Историки констатируютъ также, что съ самаго начала исторической эпохи размѣры колебаній увеличиваются, и тысячи мелкихъ мѣстныхъ ритмическихъ движеній соединяются мало-по-малу въ такія же движенія, болѣе обширныя по размаху: за ничтожнѣйшей вибраціей жизни отдѣльныхъ городовъ, мы видимъ, слѣдуютъ колебанія болѣе общія жизни націй и, наконецъ, величественные міровые размахи, заставляющіе сотрясаться всю землю и приводящіе въ движеніе всѣ народы. И въ то время какъ эти движенія взадъ и впередъ увеличиваютъ свою амплитуду, увеличиваются и иныя колебанія,—колебанія, центромъ которыхъ является каждая единичная человѣческая личность,—ея жизнь все болѣе и болѣе гармонично согласуется съ обнимающими ее широкими кругами городовъ, націй и всего міра! Общество—это «гигантъ съ безконечнымъ количествомъ душъ», о которомъ говоритъ Аристотель, но гигантъ этотъ не можетъ постичь самого себя иначе, какъ путемъ анализа многихъ тысячъ человѣческихъ личностей!



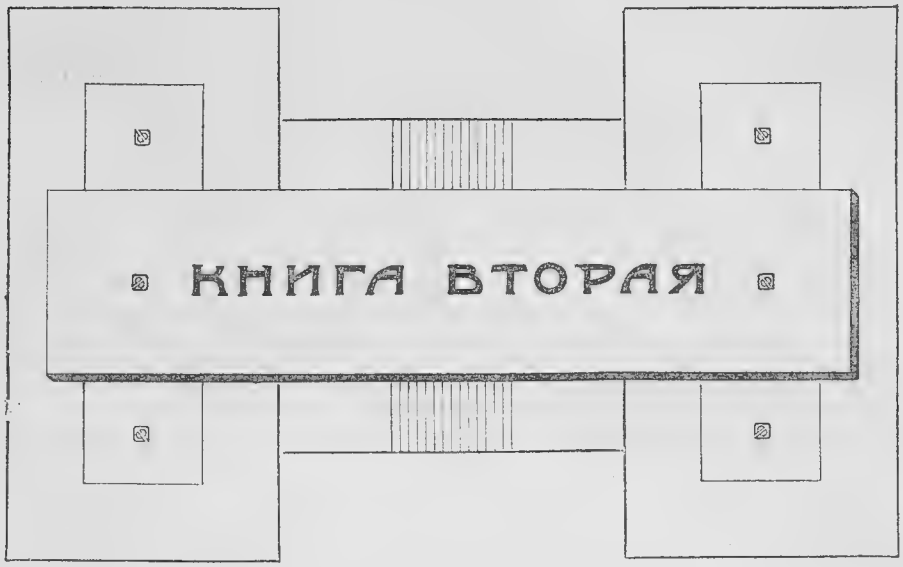
Книга вторая.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

Иранъ.—Кавказъ.—Месопотамія.—Финикія.—Палестина.—Египетъ.—Ливія.—Греція.—Острова и побережья эллинскаго міра.—Римъ.—Китайскій востокъ.—Индія.—Отдаленные міры.

Книга вторая

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ каждаго изъ нашихъ историческихъ этюдовъ мы будемъ помѣщать таблицу соотвѣтствующихъ хронологическихъ данныхъ, установленныхъ изслѣдованіями наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ. Однако, первые вѣка исторіи Ирана, до великихъ столкновеній съ царями и народами Вавилоніи, Передней Азіи и Греціи, извѣстны намъ лишь въ общихъ чертахъ, и имѣющіеся у насъ историческіе документы не позволяютъ пока установить хронологическія данныя съ точностью.

Приходится довольствоваться признаніемъ вмѣстѣ съ Морганомъ появленія первыхъ лучей историческаго разсвѣта надъ данными странами во времена безконечно отдаленныя, въ эпохи, отстоящія отъ нашего времени приблизительно на 10 тысячелѣтій. Вмѣстѣ съ упомянутымъ ученымъ и Терръенъ-де-ла-Купери можно опредѣлить время, отдѣляющее насъ отъ эпохи расцвѣта могущества страны Эламъ, когда цари, владѣвшіе Иранскимъ плоскогоріемъ, спустились съ него и стали властителями равнинъ Месопотаміи, и когда ихъ народы переселились въ Бактріану, а оттуда, перейдя черезъ горы, въ отдаленный Китай,— въ 4 или 5 тысячелѣтій. Имена историческихъ личностей становятся болѣе многочисленными, и генеалогія ихъ, равно какъ и время ихъ дѣятельности, дѣлается болѣе вѣроятной лишь съ тѣхъ вѣковъ, когда историческія событія начинаютъ опредѣляться годами той или другой

установленной эры. Въ Вавилоніи начало эры считается съ Набонассара, въ Греціи — съ учрежденія олимпіадъ (четырехлѣтій между олимпійскими играми), въ Римѣ—съ основанія города. Такимъ образомъ, Киръ, который первымъ вступаетъ изъ области иранскихъ преданій въ сознательный періодъ исторіи міровыхъ событій, находитъ уже вполнѣ точное мѣсто въ сравнительныхъ хронологическихъ таблицахъ. По Опперту, этотъ завоеватель взошелъ на престолъ Персіи и Ливіи 2460 лѣтъ тому назадъ, считая съ 1900 года христіанской эры, и этому событію соотвѣтствуютъ слѣдующія три синхроническія числа:

216 г. эры олимпіадъ.
193 г. съ основанія Рима.
187 г. эры Набонассара.

За Киромъ слѣдуетъ Камбизъ; далѣе идутъ Ахемениды, которые, начиная съ Дарія I и до Дарія III, царствовали около 200 лѣтъ; послѣдній изъ нихъ былъ побѣжденъ Александромъ Македонскимъ. Съ появленіемъ этого великаго завоевателя политическая индивидуальность Ирана прекращается, и завершается первый циклъ исторіи этой страны.

Нижеслѣдующая таблица, составленная по Де-Масперо, содержитъ года восшествія на престолъ и года смерти главнѣйшихъ царей Ассиріи и властителей мидянской и персидской династіи.

Цари Ассиріи.	Годъ эры Набонассара		Олимпіады		Годъ христіан. эры до Р. Хр.	
Ассурнарсипалъ	—	—	—	—	885	860
Салманасаръ III	—	—	—	—	860	825
Тугултипалишаръ II	—	20	26	49	745	727
Саргонъ II	25	42	54	71	722	705
Сеннахерибъ	42	66	71	95	705	681
Эсархаддонъ	66	80	95	109	681	667
Ассурбанипалъ	80	122	109	151	667	625
Цари Мидіи.						
Кіаксаръ	114	163	144	192	633	584
Астіагъ	163	198	192	227	584	549
Цари Персіи.						
Киръ	187	218	216	247	560	529
Камбизъ	218	225	247	254	529	522
Дарій I	226	262	255	291	521	485
Ксеркъ	262	282	291	311	485	465
Артаксеркъ I	282	323	311	352	465	424
Дарій II	324	342	353	371	423	405
Артаксеркъ II	342	388	371	417	405	361
Артаксеркъ III	388	409	417	438	359	338
Дарій III	411	417	440	446	336	330

Иранъ

«Всюду царилъ хаосъ и запустѣніе»,—
но съ горъ снизошелъ и вселился въ страну элементъ,
принесшій съ собою порядокъ.

Глава первая.

ПЕРЕДНЯЯ АЗІЯ И ИРАНЪ.—АРІЙЦЫ.—ПЛОСКОГОРІЯ, ГОРНЫЕ ХРЕБТЫ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПУТИ СООБЩЕНІЯ.—БАКТРІАНА, АРАХОЗІЯ, ГЕДРОЗІЯ.—ИРАНЪ И ТУРАНЪ.—ИСТОРІЯ ЭЛАМА.—ЗОХАКЪ И КАУЭ.—НРАВЫ И ВѢРОВАНІЯ.—МИДЯНЕ И ПЕРСЫ.—ПЕРСЫ И ГРЕКИ.

Можетъ, пожалуй, показаться произвольнымъ то, что мы начинаемъ описаніе земли и народовъ съ Ирана. Однако, по нѣкоторымъ соображеніямъ, начать именно съ этой страны вполнѣ логично. Настоящая исторія началась для насъ съ Иранскаго плоскогорья, занимающаго столь срединное положеніе на континентѣ,—съ него историческія

событія стали развертываться, съ одной стороны, по направленію къ востоку, съ другой—по направленію къ западу.

Слѣдуя методу исключенія, вполнѣ естественно изъять прежде всего изъ нашихъ изслѣдованій перваго періода исторіи оба континента Новаго Свѣта, открытые такъ поздно; исключенъ долженъ быть и африканскій континентъ, на которомъ многочисленныя народности остались безъ всякой связи между собой, и острова Океаніи, разсѣянные въ безграничномъ пространствѣ. Очевидно, приходится начать прежде всего съ изученія той части Стараго Свѣта, которая является центральной вдвойнѣ,—съ точки зрѣнія, во-первыхъ, географіи и во-вторыхъ—исторіи. Къ тому же эта область обнимаетъ одновременно и колоссальный массивъ Памира, раздѣляющій горные хребты, и равнины Месопотаміи, гдѣ сливаются Тигръ и Евфратъ, которые оживляютъ своими водами окрестную страну.

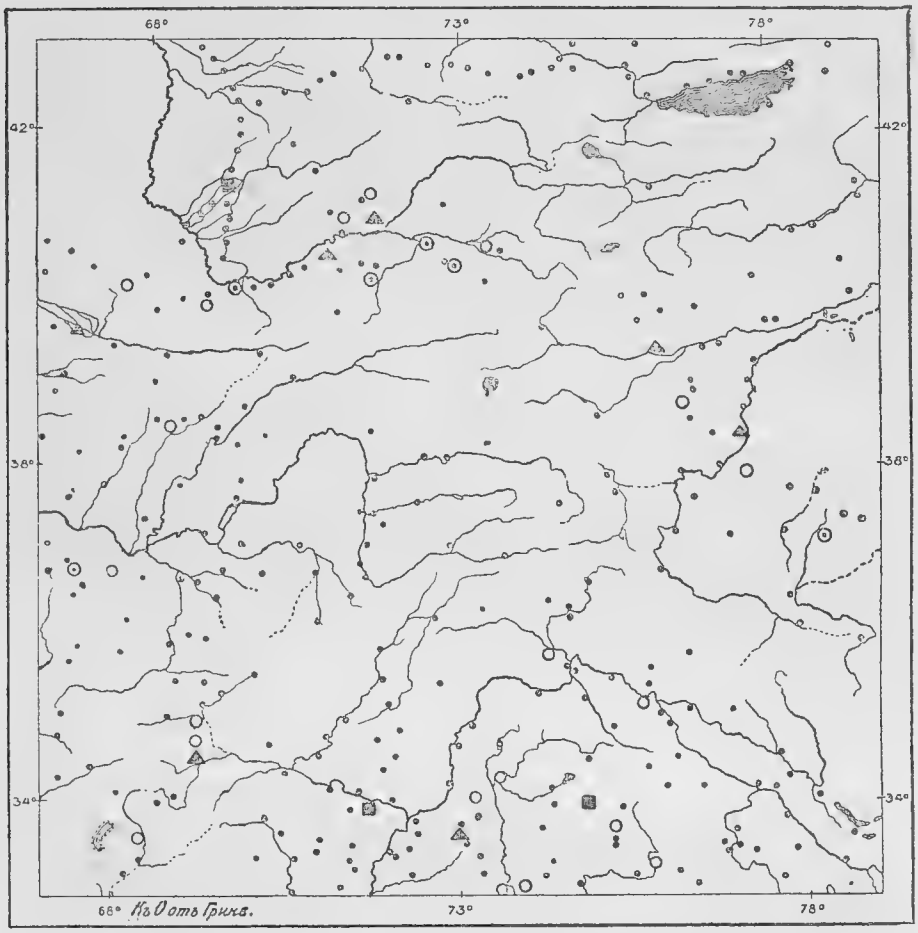
Оба эти географическіе центра столь различны по своему значенію, что образуютъ рѣзкій контрастъ въ области, являющейся промежуточною между востокомъ и западомъ; Иранъ представляетъ собою въ этой области естественное связующее звено. Въ смыслѣ рельефа, распредѣленія водъ, воздушныхъ теченій и климатическихъ условій грандіозное плато Памира и горные массивы, которые къ нему прилегаютъ, являются вполнѣ очевиднымъ образомъ ключомъ ко всей архитектурѣ континента. Однако, этотъ безусловно центральный пунктъ материка, съ точки зрѣнія матеріальныхъ условій, былъ уже по самой своей природѣ крайне неблагопріятнымъ и даже враждебнымъ человѣку,—онъ былъ какъ бы центромъ отталкиванія, а не притяженія; переселяющіеся народы, равно какъ и обыкновенные путники, принуждены совершать огромные обходы, чтобы миновать его. Въ то же время западный центръ, который можно назвать «рѣчнымъ», изъ-за присутствія въ немъ двухъ животворящихъ рѣкъ, былъ постояннымъ мѣстомъ свиданія народностей и великимъ очагомъ цивилизаціи. Такимъ образомъ, обѣ указанныя географическія единицы, являющія полный контрастъ, имѣли въ западной Азіи также и вполнѣ противоположное значеніе: Памиръ сдѣлался для человѣка, по выраженію Эли-де-Бомона, примѣненному имъ къ Оверни и центральнымъ областямъ Франціи, — «отрицательнымъ полюсомъ»: [1]); Месопотамія, орошаемая Тигромъ и Евфратомъ, стала, наоборотъ, «полюсомъ положительнымъ», областью жизни и дѣйствія, настоящимъ сердцемъ всего континента!

Эта мѣстность Передней Азіи, связанная узкой перемычкой сѣверной Персіи, вдоль хребта Эльбурса и Туркменскаго Кавказа, со всѣми путями восточной Азіи, которые идутъ къ сѣверу и къ югу отъ Памира,

1) Elie de Beaumont, «Introduction à la carte géologique».

является одновременно какъ областью континентальною, такъ и областью

№ 49. Памиры—область, избѣгаемая человѣкомъ.



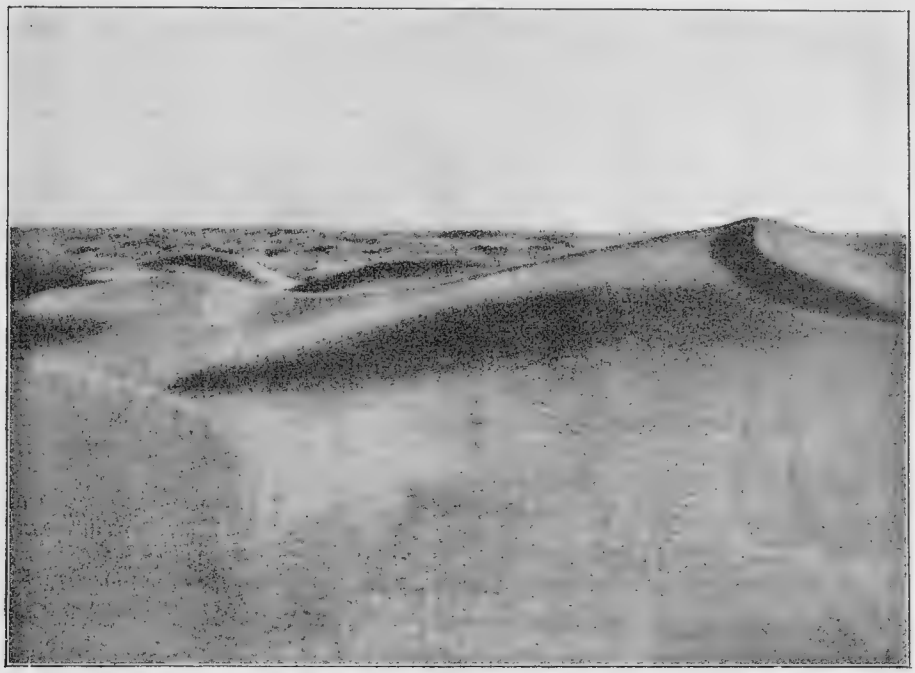
приморскою по преимуществу. Правда, она занимаетъ почти геометриче-

скую середину материка Стараго Свѣта, и лишь въ тысячахъ километровъ отъ нея располагаются наружныя очертанія континента—его океаническое побережье. Но, съ другой стороны, цѣлыхъ пять морей проникаютъ своими выдвинутыми впередъ частями почти вплоть до самой разсматриваемой области,—они приносятъ ей всѣ преимущества морского климата, обиліе осадковъ, богатую растительность и удобные пути сообщенія. Эти моря являются великими путями, какъ въ самомъ прямомъ смыслѣ, благодаря существующему на нихъ судоходству, такъ и въ смыслѣ возможности движенія по ихъ берегамъ, вдоль которыхъ, дѣйствительно, слѣдовали самыя различныя народности, относящіяся къ разнообразнѣйшимъ этническимъ типамъ и говорящія на всевозможныхъ языкахъ. Нигдѣ на земномъ шарѣ не находимъ мы повторенія условій, аналогичныхъ тѣмъ, какія встрѣчаемъ въ Передней Азіи,—вокругъ нея сходятся Персидскій заливъ, Красное море, Средиземное море, Черное и, наконецъ, Каспійское море, являющееся остаткомъ прежняго залива Ледовитаго океана, который нѣкогда покрывалъ западную Сибирь. Малая Азія и Персія были, такимъ образомъ, уже съ самаго начала, по одному лишь своему географическому строенію, предназначены сдѣлаться странами, которыя подготовляли человѣчество къ борьбѣ съ природой и духовному развитію: то, что мы называемъ «цивилизаціей», получило въ этой области свою главнѣйшую исходную точку,—отсюда цивилизація разлилась широкой волною какъ на европейскій западъ, такъ и на китайскій востокъ.

Кромѣ восхитительнаго бассейна Месопотаміи, который имѣетъ наклонъ къ Персидскому заливу, направляетъ туда свои воды и легко сообщается въ то же время, благодаря близости еще четырехъ морей, съ другими приморскими странами Стараго Свѣта, Передняя Азія, понимаемая въ самомъ широкомъ смыслѣ, какой только можно дать этому географическому термину, обладаетъ также и вторымъ обширнымъ рѣчнымъ бассейномъ,—бассейномъ, который имѣлъ чрезвычайно высокое историческое значеніе,—меньшее, впрочемъ, все же, чѣмъ значеніе Месопотаміи. Нѣсколько десятковъ вѣковъ тому назадъ область эта орошалась гораздо сильнѣе, чѣмъ нынѣ, растительность покрывала бо́льшія пространства, и культурныя земли съ осѣдлымъ населеніемъ были въ меньшей степени стѣснены надвигающимися пустынями. Этимъ вторымъ центромъ цивилизаціи была область, по которой протекаютъ двѣ великія рѣки, называемыя теперь Сыръ- и Аму-Дарьей; расположеніе этихъ рѣкъ напоминаетъ отдаленнымъ образомъ расположеніе Тигра и Евфрата, почему онѣ приводились какъ примѣръ «рѣкъ-двойниковъ» [1]).

Четырехугольникъ Ирана или собственно Персіи, это горное

1) Carl Ritter, «Configuration des continents».



Видъ пустыни Такла-Маканъ къ востоку отъ Памира.
По фотографіи Свенъ-Гедина.

плато, втиснутое между двумя очень плодородными рѣчными равнинами, имѣетъ по самой своей природѣ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что представляетъ собою область, въ которой вырисовываются первые штрихи исторіи народностей, пріобрѣвшихъ сознательное отношеніе къ самимъ себѣ и къ окружающему въ самыя древнія времена. Обширныя страны, простирающіяся по ту сторону Кавказа и Чернаго моря, страны неизвѣданныя, страшныя своими снѣгами и метелями, не существовали вовсе въ сознаніи народовъ, умѣвшихъ уже заносить свои лѣтописи на глиняныя таблички. Точно также оставались неизвѣстными и народности востока Азіи, которыя обитали по ту сторону горъ; варварскія племена, этихъ областей оставались фактически изолированными: ихъ отдѣльныя орды, племена или, быть-можетъ, даже цѣлыя націи жили совершенно особнякомъ, образовывали особые политическіе организмы, какъ бы маленькіе мірки, не знающіе и не желающіе признавать родственныхъ узъ съ другими племенами. Наоборотъ, въ центральной части Стараго Свѣта входившіе въ составъ ея Иранъ, Египетъ, Передняя Азія, Месопотамія, Аравія и Бактріана были уже въ тѣсныхъ сношеніяхъ между собою,—между ними существовалъ обмѣнъ идей, и среди многочисленнаго человѣческаго населенія земного шара страны эти образовывали одно

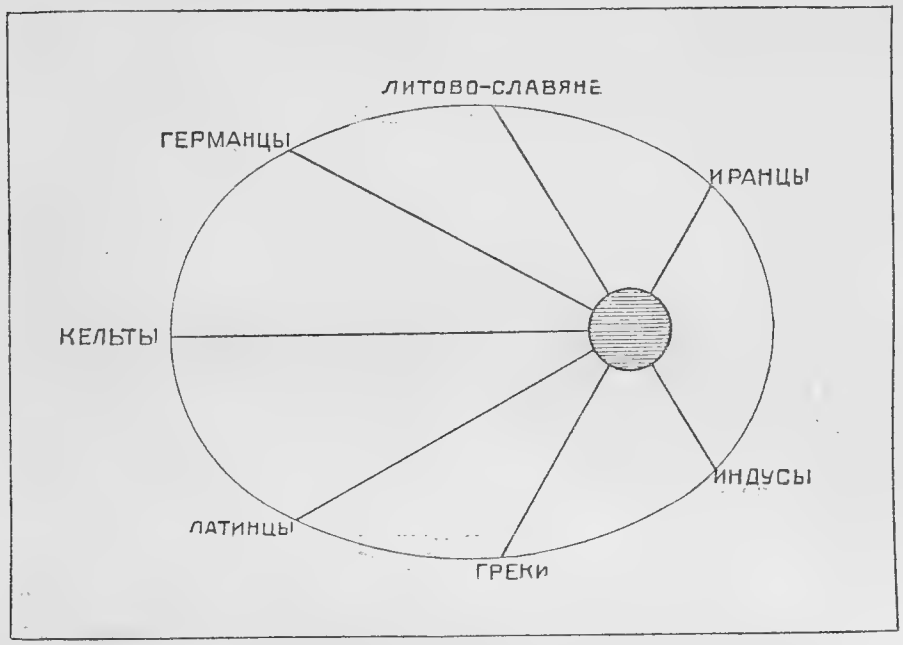
связное цѣлое. Мы видимъ здѣсь нѣчто въ родѣ первобытной всемірной имперіи, опередившей на нѣсколько тысячелѣтій таковую греко-римскаго міра; въ составъ ея входили тѣ народы, которые, по халдейской легендѣ, собрались во-едино для возведенія Вавилонской башни, съ цѣлью прославленія себя на вѣки.

Это еще не все! Иранъ, имѣвшій столь важное значеніе въ исторіи древняго міра, какъ естественная область соприкосновенія и единенія народностей западной Азіи, у которыхъ уже существовало сознаніе ихъ общности, получилъ еще болѣе существенную роль, въ силу своего особаго положенія; это была страна, изъ которой разошлись къ востоку и къ западу народы, говорящіе на языкахъ общаго происхожденія,—на языкахъ, происшедшихъ отъ первоначальнаго языка, называемаго «арійскимъ». Геній этихъ народовъ придалъ руководящее направленіе развитію мысли и культуры всего человѣчества. Именно, въ Ираиѣ находимъ мы связующее звено между европейскими языками и языками сѣверной Индіи. Сами по себѣ эти двѣ группы народовъ, говорящихъ на языкахъ общаго происхожденія, вмѣстѣ съ владѣющимъ европейскою рѣчью населеніемъ Новаго Свѣта и всѣхъ другихъ колоній, обнимаютъ 800 милліоновъ душъ, т.-е., какъ предполагается, половину всего населенія земного шара, и это отношеніе должно, повидимому, въ будущемъ еще болѣе возрасти въ пользу народностей, говорящихъ на арійскихъ языкахъ, благодаря несомнѣнно свойственной имъ предпріимчивости и энергіи: повсюду на земномъ шарѣ люди начинаютъ говорить и думать, какъ говорятъ и думаютъ они.

Безъ сомнѣнія, прошло уже то время, когда выставляли несокрушимымъ догматомъ исторіи, что цивилизація и народы Европы нашли въ Иранѣ свою общую и единственную колыбель. Та эволюція, которая совершается предъ нашими глазами, то утвержденіе арійскихъ нарѣчій въ качествѣ разговорнаго языка у множества различныхъ народностей, бѣлолицыхъ—какъ баски, краснокожихъ—какъ ирокезы, или чернокожихъ—какъ обитатели острововъ Гаити, доказываетъ намъ, что употребленіе того или другого языка отнюдь не свидѣтельствуетъ объ этническомъ родствѣ, и что первоначальная область арійскаго языка, столь обширная въ настоящее время, могла быть очень незначительной. Несомнѣнно, эта область расширялась и въ прежнія времена такимъ же точно образомъ, какъ расширяется она въ наши дни,—именно, путемъ распространенія народностей, вносящихъ цивилизацію, путемъ вліянія мирныхъ путешественниковъ и торговцевъ, странствующихъ по всему свѣту, разносящихъ драгоцѣнные товары, лекарства, волшебные рецепты, занимающихся гаданьемъ и предсказаніемъ будущаго. Этихъ странствующихъ учителей, плохими послѣдователями и подражателями коихъ явля-

ются цыгане, должно считать главными распространителями языковъ, которые завоевываютъ въ наше время міръ.

Является вопросъ, гдѣ же обитали первые учителя тѣхъ словесныхъ формъ, которыя примѣняются теперь почти милліардомъ людей? Патріотизмъ еще до сихъ поръ страстно увлекаетъ ученыхъ, и потому мѣсто возникновенія арійскаго языка указывается русскими учеными въ той или другой мѣстности сарматскихъ степей, нѣмецкими—въ области Германіи, скандинавскими—въ области Швеціи. Окончательно рѣшить этотъ вопросъ пока, впрочемъ, и невозможно; не подлежитъ сомнѣнію



Діаграмма Пиктэ.

лишь одно: самое слово «арійскій», служащее для обозначенія всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ нарѣчій одного корня, само по себѣ иранскаго и санскритскаго происхожденія,—оно обозначаетъ «благородный», и современное наименованіе Персіи «Иранъ» разсматривается какъ его производное [1]).

Быть-можетъ, именно съ Иранскаго плато произошло разселеніе первыхъ арійскихъ племенъ въ разныя стороны: знаменитая діаграмма Пиктэ [2]) указываетъ на относительныя измѣненія, происшедшія въ арій-

1) Otto Schrader, «Sprachvergleichung und Urgeschichte».—Salomon Reinach, «L'Origine des Aryens».—2) «Les Origines Indo-Européennes».

скихъ языкахъ со времени ихъ общаго возникновенія,—измѣненія, стоящія въ связи съ длиною того пути, который должны были пройти говорящіе на данномъ нарѣчіи народы. Съ другой стороны, одно изъ мѣстъ въ Зендъ-Авестѣ говоритъ непосредственно, что иранскій народъ долженъ былъ отступить назадъ вслѣдствіе наступленія сильнаго холода,—обыкновенно считаютъ равнины, расположенныя къ сѣверу отъ бассейна Аму-Дарьи, областью, которую ему пришлось покинуть.

Семитическіе (Генъ) и татарскіе (Томашекъ) элементы, заимствованные въ большомъ количествѣ арійскими языками, заставляютъ насъ также переноситься мысленно на Иранское плоскогоріе, т.-е. въ Персію, расположенную какъ разъ между семитическою равниною Халден и туранскими степями Закаспійской области.

Наконецъ, должно замѣтить, что въ области Ирана располагаются остатки первоначальныхъ народностей,—они въ своемъ первобытномъ состояніи лучше другихъ сохранили характеръ арійскихъ племенъ. Горные жители, замкнутые высокими стѣнами Гиндукуша, южный склонъ котораго направляетъ свои воды въ рѣку Кабулъ, разсматриваются всѣми лингвистами какъ наиболѣе чисто сохранившіеся арійцы,—они болѣе всѣхъ заслуживали бы наименованіе «aristoi» или «арійцы по преимуществу», если счесть допустимой этимологію, предложенную Бруннгоферомъ [1]). Окружающая природа, крутыя, почти недоступныя горы, узкія ущелья, водопады и скалы, густыя лѣсныя заросли, чрезъ которыя можно проникнуть лишь съ топоромъ въ рукахъ, защищали этихъ горныхъ жителей отъ всѣхъ сношеній съ людьми различныхъ національностей, проходившими ниже по равниннымъ мѣстностямъ. Этимъ туземнымъ племенамъ сосѣди ихъ мусульмане дали въ новѣйшія времена названіе «кафиръ» или «невѣрные»,—названіе, обусловленное скорѣе ихъ неукротимымъ стремленіемъ къ независимости, чѣмъ нежеланіемъ обратиться въ мусульманство; они сильнѣе напоминаютъ европейцевъ, чѣмъ всѣ другіе народы Азіи,—между ними встрѣчаются даже люди съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами. Языкъ ихъ, безо всякаго сомнѣнія, арійскій, приближается къ санскритскому, а ихъ религіозный культъ, связанный съ почитаніемъ огня, напоминаетъ тѣ религіозныя церемоніи, которыя описываются въ Ведахъ индусовъ: ни единое нечистое дыханіе, по ихъ представленіямъ, не должно коснуться священнаго пламени. Инструменты, домашняя обстановка, различные обычаи, способъ счисленія по 20-тиричной системѣ—говорятъ также въ пользу родственныхъ отношеній, связывающихъ кафировъ Гиндукуша съ арійцами Европы и Азіи [2]).

---

1) «Vom Aral bis zur Gangâ, p. 14. — 2) Raverty; — Theobald; – Masson; — Vignes;—Biddulph.

Точно также по приходѣ русскихъ въ Туркестанъ ими были открыты тамъ, посреди цѣлаго хаоса народностей болѣе или менѣе смѣшаннаго происхожденія, группы чисто арійскія, спасшіяся въ высокихъ долинахъ по западнымъ склонамъ Памира, въ Каратегинѣ, Дарвазѣ и Бадакшанѣ. Эти племена «гальча» и «ягнаубъ» немногочислены; ихъ едва нѣсколько тысячъ, но они, тѣмъ не менѣе, сохраняютъ внѣшній типъ, языкъ и, если не религію, то, по крайней мѣрѣ, религіозные обряды предковъ,—напримѣръ, поклоненіе домашнему очагу. Впрочемъ, гальчи вполнѣ сознаютъ благородство своей расы и считаютъ своимъ предкомъ того, чье имя прославляется многими тысячами устъ,—они, эти бѣдные горные жители, сами сравнивающіе себя съ голодными воронами, которые скребутъ снѣгъ, чтобы отыскать хоть нѣсколько зеренъ, считаютъ себя потомками Александра Великаго, завоевателя Азіи! Очень интересенъ съ точки зрѣнія антропологіи тотъ фактъ, что гальчи, внѣшность которыхъ, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ идеаламъ человѣческой красоты, обладаютъ значительной брахицефаліей, т.-е. голова ихъ относительно широка; фактъ этотъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что фанатики «германскаго» происхожденія арійцевъ считаютъ какъ разъ обратно долихоцефалію, т.-е. вытянутыя въ длину головы, доказательствомъ неоспоримаго расоваго превосходства [1]).

Персія, обладающая въ значительной степени арійскимъ населеніемъ, въ которомъ, однако, въ силу смѣшенія, много примѣсей, не появляется на аренѣ исторіи во времена столь отдаленныя, какъ равнина, орошаемая Тигромъ и Евфратомъ; арійская область, такимъ образомъ, уступаетъ, повидимому, семитическимъ странамъ въ древности своей культуры,—но это не болѣе какъ иллюзія: уже по самому наклону рельефа, по географическимъ условіямъ среды Персія, такъ сказать, предшествуетъ Месопотаміи: невозможно допустить, чтобы она не дала и культурныхъ людей ранѣе. Дѣйствительно, топкія болота Месопотаміи, остающіяся по берегамъ рѣкъ при ихъ разливѣ и высыхающія на солнцѣ послѣ спада водъ, были первоначально совершенно необитаемы; культура, проникавшая постепенно и оттѣснявшая все далѣе и далѣе непаселенные лѣса и болота, спустилась съ высокихъ долинъ Персіи. Колонисты двигались, слѣдуя наклону почвы, по плодороднымъ мѣстностямъ, окаймляющимъ потоки, и именно они образовали первое населеніе низменныхъ равнинъ; имъ должно приписать заслугу урегулированія рѣкъ и ручьевъ, превращенія лѣсовъ въ поля и луга, созданія очага прогресса и цивилизаціи въ хаотической, убійственной для человѣка мѣстности. Быть можетъ, именно къ этому положенію вещей относятся

1) Vacher de Lapouge, «L'Aryen», p. 26.

слова древней халдейской легенды, примѣненныя позднѣе евреями,—«всюду царилъ хаосъ и запустѣніе»! Съ горъ снизошелъ, однако, и вселился въ страну элементъ, внесшій съ собою порядокъ!

Западная часть Иранскаго плоскогорья, т.-е. именно та часть, которая на современномъ языкѣ получила наименованіе Персіи, имѣетъ болѣе правильную и болѣе цѣлостную форму, чѣмъ часть восточная; въ силу этого и исторія ея должна была развиваться ходомъ болѣе ровнымъ и болѣе величественнымъ.

Съ первобытныхъ временъ, когда народности, жившія въ сосѣднихъ географическихъ областяхъ, сохраняли еще полную независимость своего существованія, нѣкоторыя части территоріи Ирана ускользали отъ такой общности историческихъ судебъ. Но если разсматривать плоскогорье, отдѣльно взятое, то приходится согласиться съ тѣмъ, что оно расположено удивительно выгодно въ смыслѣ образованія одного чрезвычайно прочнаго политическаго цѣлаго. На сѣверо-западѣ многочисленные горные массивы охраняютъ, какъ крѣпости, горные проходы, перевалы и высокія долины, по которымъ могли бы проскользнуть на плоскогоріе вторгающіеся изъ кавказскихъ странъ народы. По всей длинѣ западнаго фронта вытянуты широкой полосою горные хребты, поднимающіеся надъ долинами Месопотаміи. Другіе пограничные хребты, отходящіе отъ юго-восточнаго угла Каспійскаго моря, ограничиваютъ Персію съ сѣверо-востока и отдѣляютъ ее отъ песковъ и отъ наносныхъ пространствъ, орошаемыхъ Оксусомъ. Со стороны востока обширныя пустыни, непригодныя для жизни человѣка, отдѣляютъ на значительномъ протяженіи западный треугольникъ Персіи отъ лабиринта восточныхъ долинъ, населеннаго афганцами. Наконецъ, два моря омываютъ подножіе Иранскаго плоскогорья: на сѣверѣ глубокій бассейнъ Каспійскаго моря, продолжающійся до холодныхъ сѣверныхъ странъ, столь отдаленныхъ, что въ прежнія времена онѣ могли казаться безконечно далекими; на югѣ—Персидскій заливъ, имѣющій форму полукруга и открывающійся въ Индійскій океанъ,—берега его долгое время были также неизвѣстны. Народности, населявшія высокія равнины Ирана и оберегавшія проходы, которые ведутъ къ нему со стороны Евфрата, проявляли большую силу и мощь при своихъ нападеніяхъ, и, съ другой стороны, огромнымъ преимуществомъ ихъ была почти полная неприступность окружающей ихъ стѣны горъ,—всюду находились препятствія, крутые склоны, выжженые солнцемъ пески, заливы, окруженные крутыми скалами. Если чужеземные морскіе пираты высаживались массами на южные берега, то они встрѣчали передъ собою высокія стѣны горъ, поднимающіяся одна за другою; если кочевыя разбойничьи племена и проникали небольшими отрядами на высоты плоскогорья, они тотчасъ же

Водопадъ Тотъ-э-Казабъ въ горахъ бахтіаровъ.
По фотографіи Моргана.

наталкивались тамъ на густыя массы людей, и имъ приходилось поспѣшно обращаться въ бѣгство и возвращаться на свои равнины. До Александра Великаго ни одному изъ завоевателей, пришедшихъ съ запада, не удалось овладѣть страною, лежащею далѣе къ востоку за краемъ плоскогорья.

Такая полная географическая изолированность должна была сдѣлать Иранъ мѣстопребываніемъ тѣсно сплоченныхъ имперій. Здѣсь, не говоря уже о тѣхъ государствахъ, которыя остались неизвѣстны исторіи, возникла имперія Эламъ, управляемая могущественными Нахонтами; затѣмъ здѣсь образовалось царство мидянъ, столь же грандіозное царство Кира и наслѣдниковъ его Ахеменидовъ; здѣсь же, послѣ побѣдоноснаго похода Александра Македонскаго, сгруппировались въ очень сильную націю парѳяне, оказавшіе столь сильное сопротивленіе римлянамъ; позднѣе здѣсь возникла династія Сассанидовъ, передъ которой совер

менно разбилось прежнее военное счастье Рима. Послѣ вторженія магометанъ, на Иранскомъ плоскогорьи возникли другія династіи, и еще въ наши дни Иранское царство, извѣстное подъ наименованіемъ Персіи, свойственнымъ, въ сущности, одной изъ его провинцій, сохранило свои естественныя границы, даже несмотря на то, что теперь военное искусство получило могущественную помощь со стороны индустріи и прежнія условія рельефа и климата потеряли свое значеніе, и что сама территорія Ирана въ грандіозномъ водоворотѣ исторіи человѣчества сдѣлалась ничтожнымъ клочкомъ земли, простой игрушкой, служащей предметомъ раздора Англіи и Россіи.

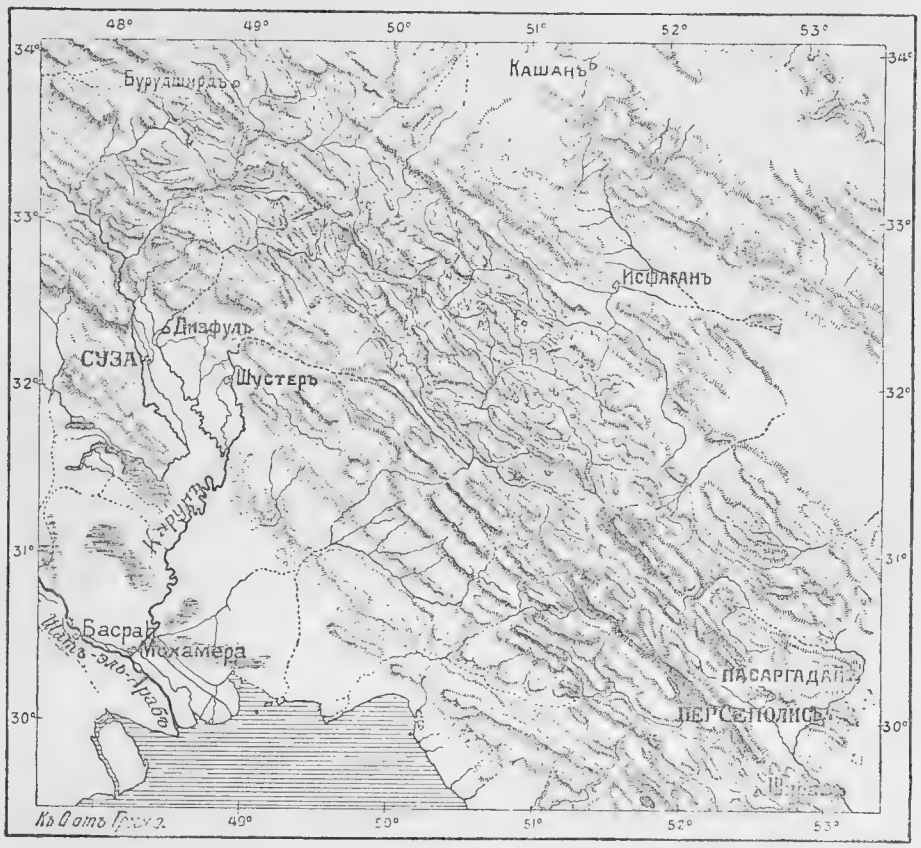
Иранъ былъ одною изъ тѣхъ странъ земного шара, гдѣ вырабатывались нѣкоторые наиболѣе цѣнные элементы нашего интеллектуальнаго развитія и нашего грядущаго прогресса. Напомнимъ роль Персіи въ эволюціи религіозныхъ представленій, именно, зарожденіе въ ней религіи поклоненія огню, религіи Зардушта или Зороастра, религіи манехеянъ, шіитской и бабистской секты магометанства, напомнимъ также роль Ирана въ развитіи поэтическаго творчества, представителями котораго являлись Саади, Гафизъ, Фирдуси; напомнимъ и участіе въ развитіи искусствъ, которыми Персія и до сихъ поръ выдѣляется среди всего Востока, отъ Индіи до Турціи.

Горные хребты, тянущіеся параллельными цѣпями вдоль юго-западнаго края Ирана, образуютъ стѣны, крайне трудно проходимыя, и рѣки, берущія начало внутри лабиринта, вырываются изъ своей темницы рядомъ узкихъ ущелій и тѣснинъ, прорѣзающихъ хребты подъ прямымъ угломъ и большею частью совершенно недоступныхъ: тропинки, ведущія въ страну, проходятъ почти всѣ чрезъ сѣдловины въ высокой стѣнѣ горъ; чтобы попасть изъ какой-либо мѣстности нагорья въ ниже лежащую равнину, расположенную иногда въ бассейнѣ той же самой рѣки, пастухи бываютъ принуждены совершить не менѣе 20 подъемовъ и такого же числа спусковъ; никто кромѣ горныхъ жителей не рѣшается странствовать по подобнымъ мѣстностямъ, никто не можетъ перейти чрезъ эти гребни горъ, достигающіе иногда высоты 4.000 метровъ. Названіе Загрошъ, которое имъ даютъ, происходитъ, какъ говорятъ, отъ арабскаго слова «загхаръ», которое означаетъ «узкое ущелье между высокими горами, на границѣ враждебной страны».

Результатомъ такихъ природныхъ условій является то, что обитатели этой дикой страны, бахтіары, оставались фактически независимыми въ теченіе всего историческаго періода; по всей вѣроятности, они были независимыми и въ предшествующія эпохи. На востокѣ, который считается обыкновенно проникнутымъ духомъ монархизма, можно, тѣмъ не менѣе, констатировать существованіе федеральныхъ республикъ, сохраняющихся

въ теченіе многихъ вѣковъ [1]). Лѣтописи упоминаютъ, правда, что племя луръ и бахтіары были подчинены то халдейцамъ, то ассиріянамъ, то эламитамъ или персамъ; однако, на самомъ дѣлѣ, самолюбіе и тщеславіе

№ 50. Расположеніе хребтовъ въ области бахтіаровъ.



властителей вполнѣ удовлетворялось какими-нибудь подарками, приносимыми въ видѣ дани съ большою церемоніей, и, довольствуясь этой почестью, властители остерегались нападать вооруженною силою на бахтіаровъ, сидящихъ въ своей естественной крѣпости, за сотнею стѣнъ.

1) Carl Ritter, «West-Asien», vol. IX, p. 216.

Даже, наоборотъ, цари династіи Ахеменидовъ, при всемъ блескѣ своего могущества, должны были платить коссеенцамъ или бахтіарамъ за право прохода, когда сами отправлялись изъ Экбатаны въ Вавилонъ или изъ Персеполя въ Сузу [1]).

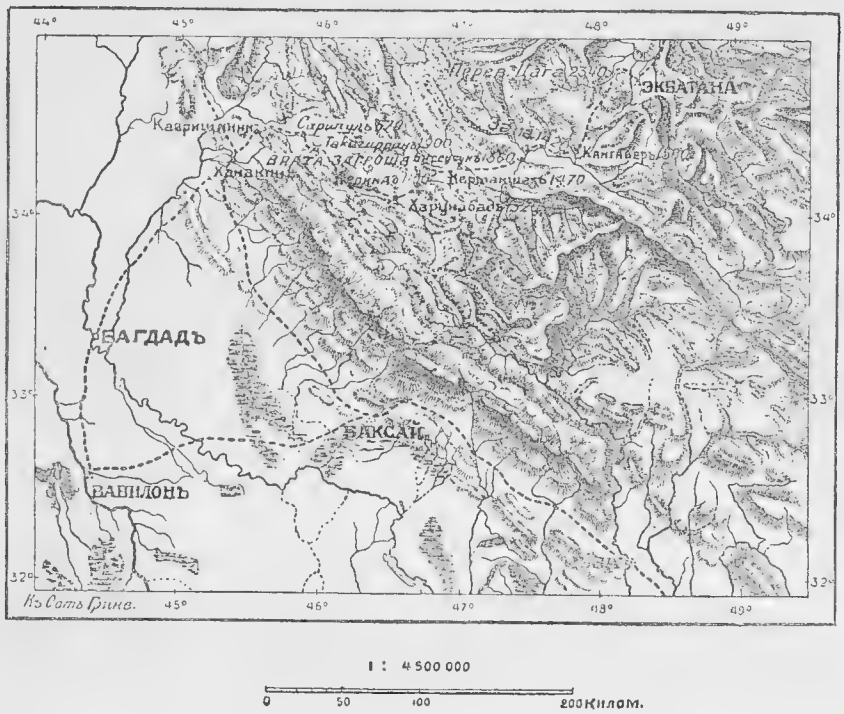
Эти горные жители тѣмъ болѣе опасны для другихъ и тѣмъ легче остаются у себя полными хозяевами, что обладаютъ чрезвычайной подвижностью, — они то являются кочевниками, насущими свои стада, то осѣдлыми земледѣльцами; нѣсколько разъ въ теченіе года перекочевываютъ они съ горныхъ вершинъ въ низовья, въ зависимости отъ времени года; при случаѣ, они могутъ собираться въ значительныя полчища или же разсѣеваться, подобно горнымъ козамъ, по своимъ утесамъ и скаламъ. При подобномъ образѣ жизни они пріобрѣли высоко развитый духъ свободы, глубоко проникнувшее въ ихъ душу чувство независимости и равенства,—это заставляетъ ихъ относиться съ презрѣніемъ къ сосѣдямъ, которые находятся въ менѣе благопріятныхъ природныхъ условіяхъ. Названіе ихъ народа, обозначающее «счастливые», «храбрые», «непобѣдимые», свидѣтельствуетъ уже о тѣхъ причинахъ, которыя обусловили ихъ побѣду, дали имъ полную увѣренность въ своихъ движеніяхъ и поступкахъ и ясность взглядовъ. Временами они соглашались служить вольнонаемными воинами въ персидской арміи, но лишь подъ условіемъ, что ихъ будутъ держать вмѣстѣ, а не распредѣлятъ по разнымъ полкамъ. Если ихъ наслѣдственныя права бывали нарушены, среди нихъ вспыхивало возстаніе, и, случалось, они спускались съ горъ мстителями за попранныя права и нападали на окружающіе города. Они не допускаютъ къ себѣ въ свои горы никакихъ правительственныхъ чиновниковъ, къ иностранцамъ же относятся очень предупредительно и любезно, и, напримѣръ, нѣсколько англичанъ и даже одна англичанка въ 1890 г. пользовались ихъ гостепріимствомъ и проводили у нихъ цѣлое лѣто.

Хотя бахтіары всѣ между собою очень похожи, вслѣдствіе одинаковости климатическихъ условій и образа жизни, обусловленнаго окружающимъ, они, тѣмъ не менѣе, принадлежатъ къ различнымъ этническимъ группамъ, что объясняется опять-таки орографическимъ рельефомъ страны. Подобно тому какъ въ Швейцаріи мы находимъ четыре различныхъ національности—нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ и романшей, такъ не меньшее число народностей замѣчается и среди бахтіаровъ. Одни изъ нихъ являются, повидимому, чистокровными арійцами, другіе, безъ сомнѣнія, семитическаго происхожденія. Преобладающее большинство бахтіаровъ разсматривается какъ народность,

1) Strabon, d'après Néarque, livre XI, chap. XIII, 6; Arrien, «Anabase», VII, 15; Perrot et Chipiez, v. 499.

содержащая тюркскую кровь; наконецъ, имѣется и элементъ скорѣе монгольскаго типа, равно какъ и многочисленные представители промежуточныхъ типовъ, указывающіе на смѣсь различныхъ элементовъ въ разныхъ пропорціяхъ. Однако, народы эти, столь многообразнаго происхожденія, говорятъ всѣ на языкѣ персидскаго типа,—тому причиной мощь иранскаго духа, которой они подпали и которая ихъ цивилизовала. Большое разнообразіе этническаго состава страны бахтіаровъ объясняется постоянными передвиженіями воинственныхъ народовъ и

№ 51. Путь изъ Вавилона въ Экбатану.



военными столкновеніями, происходившими вокругъ занимаемыхъ ими горныхъ массивовъ. Въ зависимости отъ превратностей побѣдъ и пораженій, цѣлыя племена и арміи различнѣйшихъ національностей оттѣснялись въ предгорья или нагорныя плато и устраивались въ этихъ самой природой созданныхъ крѣпостяхъ страны Эламъ. Мѣстныя легенды сообщаютъ о неоднократномъ приходѣ народовъ, отличающихся по своему происхожденію и игравшихъ роль то властителей страны, то вассаловъ при феодальномъ строѣ. На основаніи индукціи историческая

наука сближаетъ въ настоящее время названія бахтіаровъ, Бактріаны и колѣна Бакъ, проникшаго въ Китай; однако, надписи завоевателей очень рѣдко упоминаютъ объ этихъ обитателяхъ высокихъ долинъ,—они не стремились къ болѣе легкой жизни на равнинахъ и избѣгали ужасовъ войны. Лѣтописи великихъ имперій Эламитской, Вавилонской, Ассирійской, Мидянской и Персидской совершенно не упоминаютъ о данныхъ народностяхъ, жившихъ въ сторонѣ отъ военной славы.

Если исключить бахтіаровъ и нѣкоторыя другія народности меньшаго значенія, которымъ рельефъ страны позволялъ жить въ относительной изолированности, то можно сказать, что вообще обитатели высокаго Иранскаго плоскогорья должны были, благодаря легкости соприкосновенія и смѣшенія, безъ труда соединяться въ одно національное цѣлое. Такое сплоченное политическое цѣлое, стоящее въ связи съ географической цѣлостностью плато, отнюдь не подразумѣваетъ необходимости сліянія въ одну расу всѣхъ этническихъ элементовъ, собравшихся вмѣстѣ или насильственно привлеченныхъ изъ разныхъ окружающихъ странъ. Наоборотъ, элементы эти представляли первоначально чрезвычайно сильные контрасты; иначе и быть не могло,—сосѣднія страны различаются чрезвычайно сильно своей почвой и климатомъ: горы Арменіи и низменныя равнины Халдеи, безплодныя долины Мекрана и выжженные солнцемъ берега Персидскаго залива, песчаныя мѣстности, по которымъ протекаетъ Оксусъ, и степи вблизи Каспійскаго моря—всѣ эти страны имѣютъ природу настолько противоположную, что и жители являются въ одной изъ нихъ земледѣльцами, въ другой—кочевниками, въ третьей—разбойничьими племенами; всѣ они говорятъ на различнѣйшихъ языкахъ, имѣютъ самые разнообразные нравы и обычаи, оказываются то неграми, то семитами, то арійцами или туранцами.

Однако, обитатели разнообразнаго происхожденія, встрѣтившіеся на западномъ Иранскомъ плоскогоріи, благодаря различнымъ сплетеніямъ судебъ человѣчества, претерпѣли тамъ болѣе или менѣе быстрое превращеніе и утратили свой первобытный характеръ; вся человѣческая масса, образуемая этими различными элементами, подверглась энергичному перетиранію и образовала совершенно новое производное. Горные жители, спустившіеся съ высокихъ снѣжныхъ долинъ, обитатели побережій, поднявшіеся съ выжженныхъ береговъ, примѣнились какъ тѣ, такъ и другіе, но лишь въ обратномъ направленіи, къ новому для нихъ климату этихъ странъ, окруженныхъ разрѣженнымъ воздухомъ.

Персія вся цѣликомъ располагается въ области умѣреннаго климатическаго пояса, хотя нѣкоторыя части ея береговъ, омываемыхъ водами Индійскаго океана, и отличаются высокими температурами, бла-

годаря направленію вѣтровъ, отсутствію дождей и своему положенію подъ жгучими лучами южнаго солнца. Судя по направленію линій изотермъ, въ значительной степени, впрочемъ, гипотетическому, средняя температура Персіи является почти такой же, какъ температура Франціи, которая расположена гораздо сѣвернѣе; однако, Франція располагается на меньшей высотѣ надъ уровнемъ моря и менѣе подвергается воздушнымъ и морскимъ теченіямъ съ юго-запада. Указанная средняя температура, въ связи съ сильными сезонными колебаніями холода и тепла, по опыту всего человѣчества, оказывается одною изъ наиболѣе благопріятныхъ какъ въ гигіеническомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ интеллектуальнаго развитія населенія. Такія физическія условія среды, вліяя на смѣсь тѣхъ различныхъ этническихъ элементовъ, которые столкнулись между собой и смѣшались на высокомъ плоскогоріи Ирана, содѣйствовали выработкѣ той красоты внѣшняго типа персовъ, которая приближаетъ ихъ, вмѣстѣ съ георгіянцами и черкесами, ближе всего къ идеалу красоты, какъ мы его понимаемъ; тѣ же самыя причины

Бахтіаръ-кочевникъ.

обусловили и выработку умственныхъ качествъ иранцевъ, столь замѣчательныхъ гибкостью и ясностью пониманія. Въ персидскихъ школахъ дѣти, сидящія группами на циновкахъ, положительно, восхищаютъ европейскихъ путешественниковъ: глаза ихъ горятъ умомъ и понятливостью, жесты ихъ красивы и обнаруживаютъ духовное развитіе.

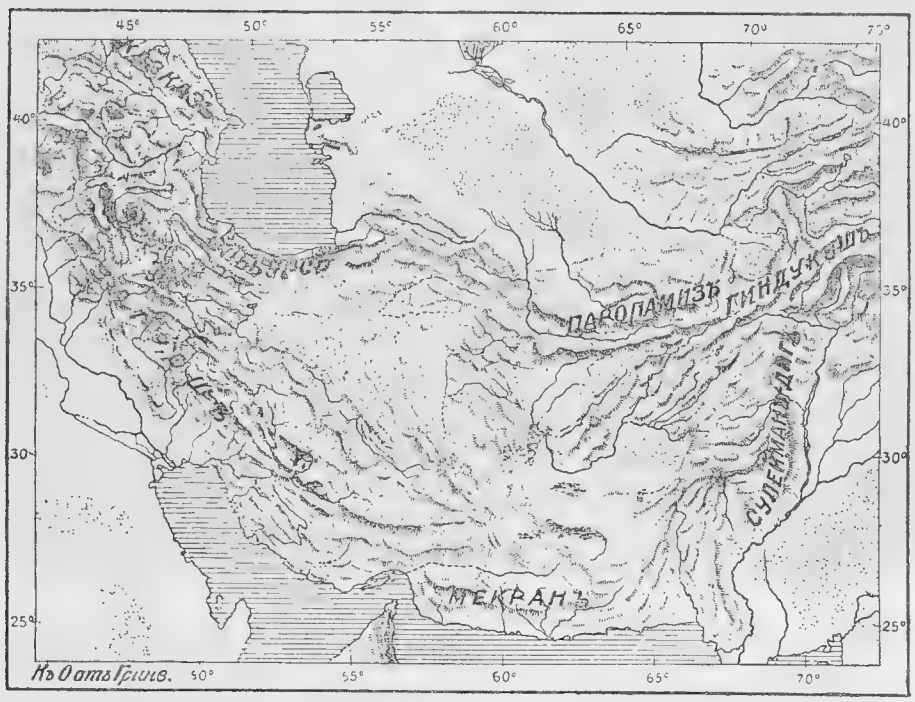
Трапеціеобразная поверхность Персіи, заключающаяся между неравными по вышинѣ хребтами горъ, является по своей природѣ далеко не въ одинаковой степени благопріятно устроенной для процвѣтанія представителей человѣческаго рода. Совершенно наоборотъ,—очень большая часть высокаго плоскогорія состоитъ изъ каменистыхъ, глинистыхъ, песчаныхъ или солончаковыхъ пространствъ, совершенно непригодныхъ для обитанія. Плато обладаетъ около своей середины впадиной съ полого спускающимися скатами,—высота ея надъ уровнемъ моря достигаетъ всего лишь 300 (140?) метровъ. Въ прежнія времена по склонамъ этой срединной впадины сбѣгали рѣки, и внутри находилось внутреннее море или, по крайней мѣрѣ, огромное озеро; однако, благодаря общему измѣненію климата въ сторону большей сухости, водоемъ усохъ, рѣки также высохли, и все пространство покрылось солончаковой растительностью и сдѣлалось совершенно безплоднымъ; населеніе должно было ограничиться тѣмъ, что заняло травянистыя долины и плодородныя пространства, которыя тянутся у подошвы горъ. Даже и между параллельными хребтами большинства горныхъ цѣпей, которыя слѣдуютъ одна за другой въ юго-западной части плоскогорья, тянутся мѣстами пространства, совершенно лишенныя воды, гдѣ не можетъ устроиться человѣкъ. Если вѣтряная мельница, дѣйствительно, изобрѣтеніе персидскаго происхожденія, какъ увѣряютъ туземцы, то основывается это, конечно, на существованіи здѣсь тѣхъ вѣтровъ, которые вѣчно съ силою дуютъ въ обширныхъ пустынныхъ пространствахъ и на отдѣльныхъ холмахъ, возвышающихся посреди усохшаго моря.

Изучая очертанія этихъ, по самой природѣ, безплодныхъ областей Ирана, можно констатировать, что въ общемъ онѣ, вмѣстѣ съ прилежащими низменностями, имѣютъ очертанія почти правильнаго треугольника, углы котораго направлены къ центру, къ югу и къ востоку страны. Съ другой стороны, плодородныя области, привлекающія къ себѣ человѣка и пригодныя для его осѣдлой жизни и земледѣлія, располагаются двумя полосами, которыя сходятся подъ острымъ угломъ въ сѣверо-западной части плато.

Эта территорія простирается на протяженіи болѣе 500 километровъ между двумя рядами высокихъ горъ; огромные массивы ограничиваютъ ее съ сѣвера, конусы отдѣльныхъ вулкановъ поднимаются въ различныхъ мѣстахъ, и одинъ изъ нихъ почти окруженъ водами озера

Урмія; значительное число проходовъ расходятся во всѣ стороны отъ Азербейджана по направленію ко всѣмъ окружающимъ странамъ,—на востокъ—къ берегамъ Каспійскаго моря, на сѣверъ—къ долинѣ Аракса, на западъ—къ озеру Ванъ, на юго-западъ—къ Тигру и Евфрату. Такимъ образомъ, приморскіе рыболовы, земледѣльцы и пастухи закаспійскихъ странъ, горные жители Арменіи—всѣ имѣли частые случаи смѣ-

№ 52. Орографическая карта Персіи.

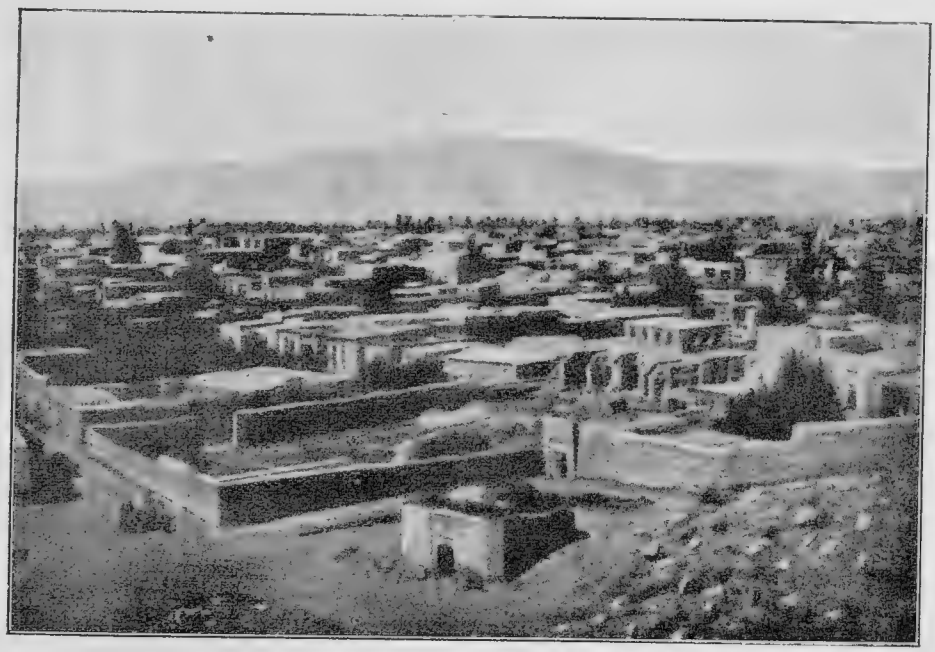


1 : 25000000

0 1000 2000 километ.

шиваться и сталкиваться съ обитателями Атропатены и съ переселенцами, которые пришли изъ южныхъ или восточныхъ частей Ирана, слѣдуя вдоль направленія хребтовъ. Соприкосновеніе двухъ культурныхъ полосъ и двухъ различныхъ населеній, сталкивающихся въ этой области, неизбѣжнымъ образомъ придало странѣ особую жизненность, подобно тому какъ пламя разгорается при соприкосновеніи двухъ костровъ.

Впрочемъ, уже разнообразіе этническихъ элементовъ, соединившихся въ промежуткѣ между горами, между «священными вершинами» —Демавендомъ, Эльвендомъ, Савеланомъ и Араратомъ—должно было облегчить возникновеніе великой цивилизаціи. Тамъ, въ треугольникѣ, образуемомъ Тегераномъ, Тавризомъ и Гамаданомъ, располагался центръ тяжести всего мидянскаго и персидскаго міра, устроившагося на Иранскомъ плато, и тамъ этотъ центръ тяжести находится и по сю пору.

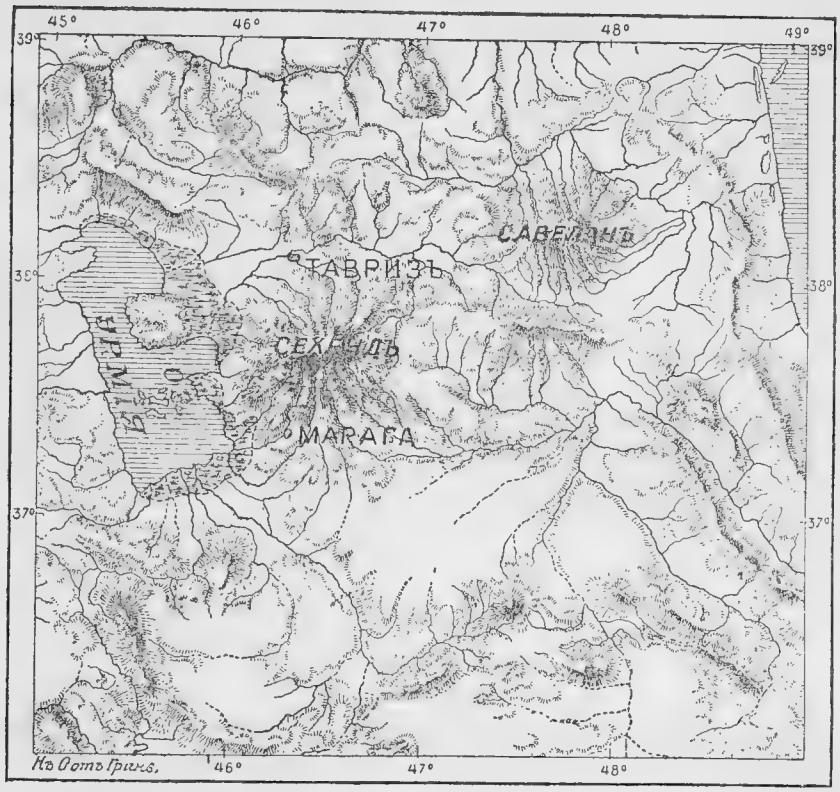


Видъ города Марага у подножія Сехенда (Азербейджанъ).
По фотографіи Моргана.

Благодаря открытіямъ географическаго мѣстоположенія тѣхъ городовъ, которые упоминаются въ Ведахъ, Бруннгоферъ считалъ возможнымъ утверждать, что арійцы, сложившіе эти древнія священныя пѣсни, обитали именно въ области Атропатены и сосѣднихъ странъ, расположенныхъ къ востоку — по направленію къ Арменіи, и къ западу — по направленію къ Хороссану. Потухшій вулканъ, носящій въ настоящее время названіе Савелана, является единственной горой, съ вершины которой можно одновременно видѣть Каспійское море, теченіе рѣки Раза (Аракъ) и знаменитыя снѣжныя вершины горъ Химаватъ, т.-е. хребта Альборджъ или Эльбурсъ. Вулканъ Савеланъ—не что иное, какъ Асна-

ванта, гдѣ было дано божественное откровеніе послѣдователямъ Зороастра [1]);—это была гора еще болѣе священная, чѣмъ Демавендъ и Араратъ,—впрочемъ, святость горъ переносилась, подобно пламени, съ вершины на вершину одновременно съ тѣмъ, какъ народности переселялись вдоль подножья горныхъ хребтовъ.

№ 53. Азербейджанъ.



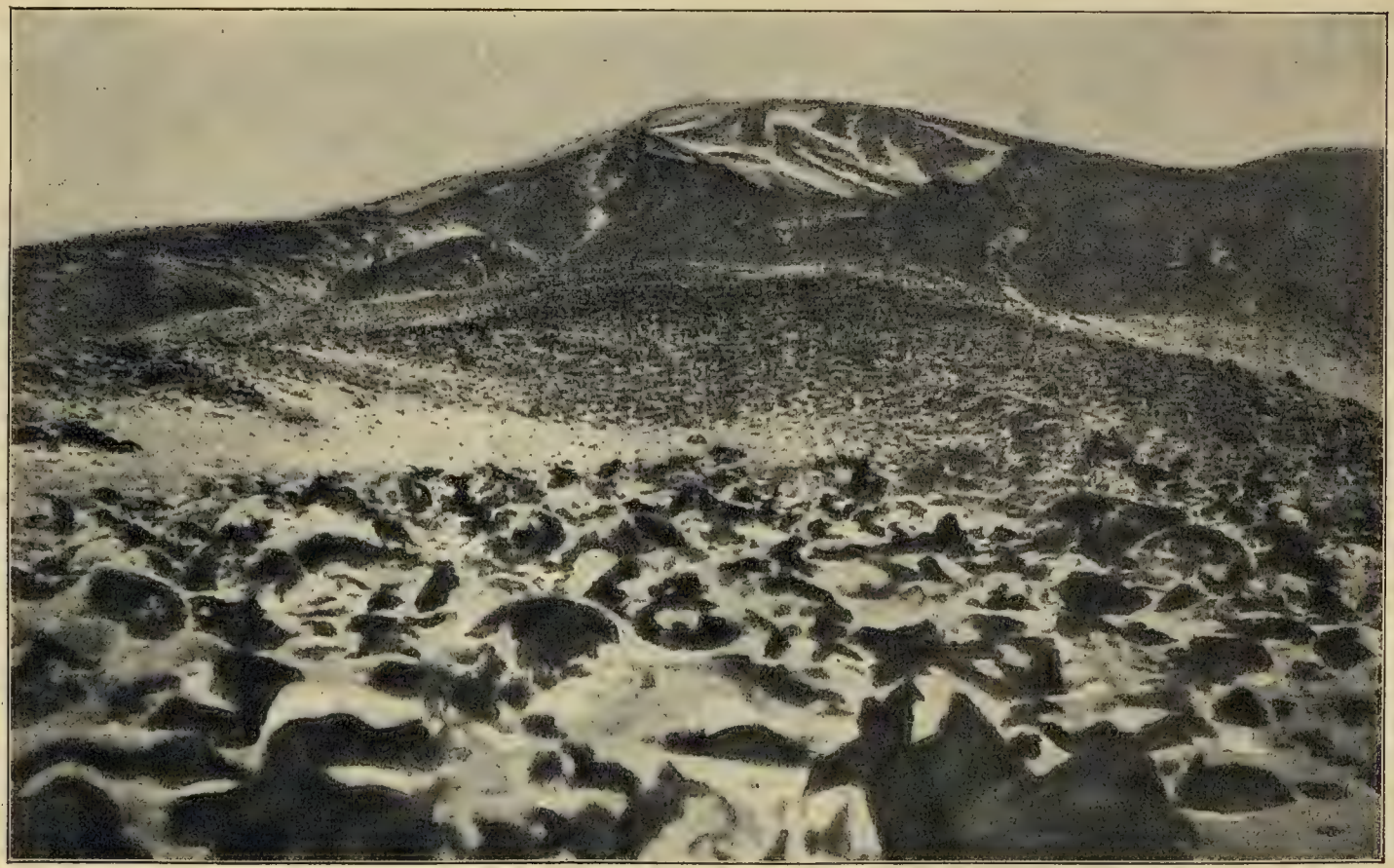
Изъ двухъ широкихъ полосъ территоріи Ирана, сходящихся угломъ въ Атропатенѣ, та, которая тянется съ востока на западъ и слѣдуетъ южной подошвѣ Иранскаго Кавказа и Эльбурса, получила въ исторіи первостепенное значеніе, благодаря естественнымъ путямъ, которые

1) Hermann Brunnhofer. «Vom Aral bis zur Gangâ», p. 11.

являются ея продолженіемъ, — они, съ одной стороны, доходятъ до окраинъ Азіи, съ другой — направляются въ Европу и въ Африку Западная полоса, которая тянется вдоль пограничныхъ горъ по направленію къ югу, имѣетъ, безъ сомнѣнія, огромное историческое значеніе въ смыслѣ установленія сношеній между различными провинціями Ирана, въ особенности между Мидіей и собственно Персіей; однако, естественный путь, пролегающій по ней, оканчивается, теряясь наполовину въ почти совершенно пустынныхъ мѣстностяхъ склона, направленнаго къ Индійскому океану, боковые же пути, пересѣкающіе подъ прямымъ угломъ горы, которыя примыкаютъ къ Халдеѣ, отклоняютъ какъ народныя движенія, такъ и движеніе идей къ западу.

Одинъ изъ этихъ боковыхъ путей, идущій чрезъ широкую выемку въ западныхъ горахъ, огибаетъ съ сѣвера Эльвендъ и имѣетъ видъ лѣстницы, которою, повидимому, пользовались съ незапамятныхъ временъ, такъ какъ различіе въ продуктахъ и самихъ культурахъ прилежащихъ странъ—горной страны и низменной равнины—дѣлаетъ сношенія между ними совершенно неизбѣжными; обитатели горнаго плато спускались съ него въ большомъ числѣ внизъ, а обитатели равнины, въ свою очередь, поднимались часто наверхъ, на плоскогоріе.

Обосновавшись на верхней ступени этого прохода, арміи персовъ занимали позицію, которую почти невозможно было взять приступомъ; съ другой стороны, и арміи не могли удержаться отъ искушенія спуститься по ступенямъ лѣстницы внизъ и отправиться завоевывать равнину. Исторія учитъ насъ, что властители Персіи почти всегда играли роль нападающихъ, и что очень часто, низвергая какъ лавину свои арміи съ плоскогорія, они захватывали ниже расположенныя страны не только до Евфрата, но и почти до Средиземнаго моря и Архипелага. Отраженная волна покоренныхъ народностей иногда отбрасывала персовъ обратно въ ихъ горы, и постоянно въ проходахъ, образуемыхъ Тигромъ и Евфратомъ, или въ западныхъ вратахъ горъ Загрошъ давались рѣшительныя сраженія. Преданія разсказываютъ намъ о великихъ столкновеніяхъ, которыя происходили по окраинамъ равнинъ между эламитами, т.-е. персами древнихъ временъ, съ одной стороны, и халдейцами и ассирійцами—съ другой. Совершивъ неосторожность и рискнувъ спуститься въ равнину, чтобы выдержать напоръ своихъ противниковъ, цари Ирана гораздо болѣе рисковали быть побѣжденными, чѣмъ если они остались въ своихъ горныхъ проходахъ. Именно, въ равнинной мѣстности Арбеллъ Дарій былъ разбитъ на голову Александромъ Македонскимъ. Позднѣе въ той же самой области римскія арміи Красса, Валерьяна, Юліана Философа были уничтожены персами, и «битва битвъ», данная персами магометанамъ, разыгралась также въ низменной области между Тигромъ и его каналами.



Вершина Демавенда (видъ, снятый съ высоты 4500 метровъ).
По фотографіи Моргана.

Великій сѣверный историческій путь Ирана сохраняетъ то же направленіе, которое свойственно азіатской преградѣ, образуемой цѣлымъ рядомъ высокихъ хребтовъ, продолжающимся до Иммаусскихъ горъ, т.-е. Гималаевъ. Западная часть этого пути точно намѣчается самой природой. Хребетъ Эльбурсъ или древній Альборджъ, который носилъ это наименованіе еще въ самыя первыя историческія времена, вырисовывается на небосклонѣ параллельно этому пути, идущему вдоль южнаго склона горъ. По священнымъ книгамъ иранцевъ, Альборджъ—первая гора, вышедшая изъ рукъ Ормузда, и ей было вмѣнено въ обязанность божествомъ направить свои воды въ долину и породить людей. Иранская религія видитъ въ хребтѣ Альборджъ область семи симметричныхъ частей земли, которыя соотвѣтствуютъ семи небесамъ, семи кругамъ ада, семи цвѣтамъ радуги, семи металламъ, находимымъ въ горахъ, семи днямъ недѣли, семи основнымъ грѣхамъ и семи главнымъ добродѣтелямъ. Человѣкъ во всѣ времена сохранялъ идею великаго значенія чиселъ, ритма, гармоніи, въ первобытныя же эпохи своего дѣтства онъ искалъ законности въ повтореніи одинаковыхъ фактовъ и въ самыхъ грубыхъ аналогіяхъ, а не во внутреннемъ соотвѣтствіи причинъ и слѣдствій. «Гора духовъ» или Демавендъ придавала хребту Альборджъ особое священное значеніе, быть-можетъ, вслѣдствіе своихъ изверженій лавы и, безъ сомнѣнія, также благодаря снѣгамъ своей вершины, своимъ столбамъ пара, своимъ внезапнымъ наводненіямъ и присутствію теплыхъ ключей. Демавендъ—это древняя гора Касіана (kaspion oros), которую «первою освѣщаетъ солнце»,—ея названіе сообщилось затѣмъ и сосѣднему морю—«Каспійскому».

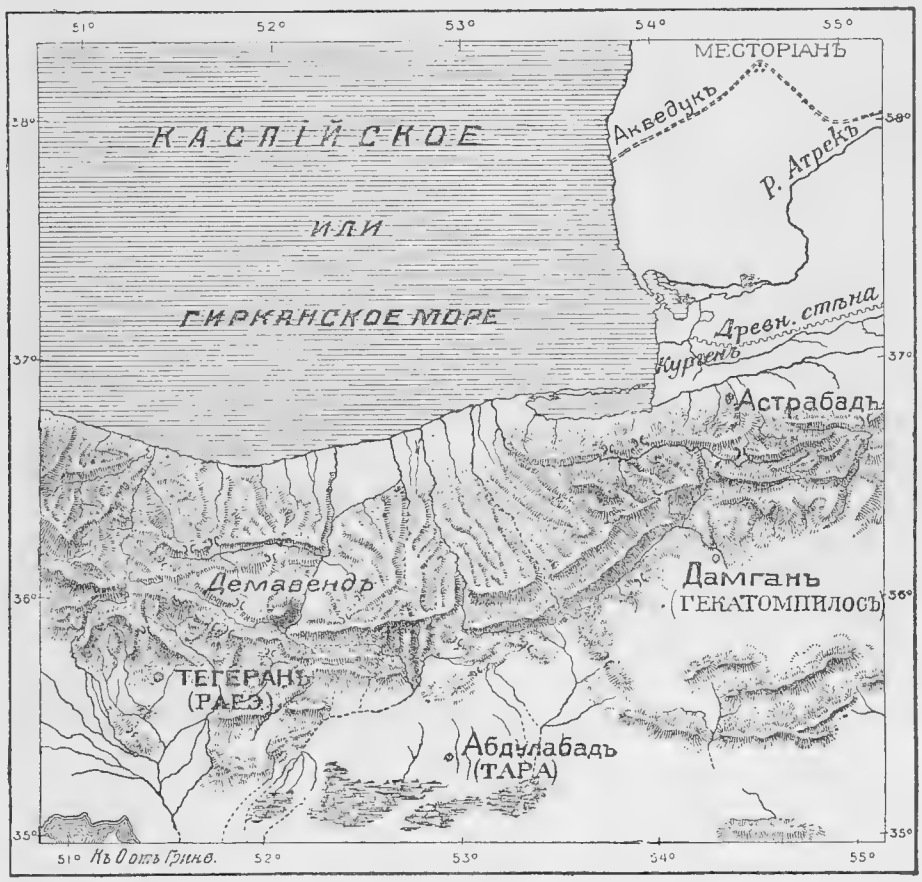
Къ востоку отъ Демавенда имѣются многочисленные прорывы въ горахъ: это область «Ста Вратъ»—Гекатомпилосъ, гдѣ сотни горныхъ дорогъ спускались къ берегамъ Каспійскаго моря; въ этой части страны имѣется довольно широкая полоса очень плодородныхъ мѣстностей—современный Мазандеранъ. Городъ Гекатомпилосъ, который Гобино отожествляетъ съ нынѣшнимъ Дамганомъ [1]), становился нѣсколько разъ во время господства парѳянъ столицей иранскаго міра. Купцы, колонисты, земледѣльцы группировались вокругъ этого жизненнаго центра, знаменитаго уже въ самой глубокой древности,—колѣно пармійцевъ, владѣвшее его торговыми предпріятіями, было извѣстно своимъ большимъ богатствомъ вплоть до отдаленной Индіи [2]).

Къ западу отъ этого колоссальнаго вулкана чрезъ хребетъ Эльбурсъ имѣется очень мало проходовъ. На узкомъ побережьѣ Каспійскаго моря не было вовсе никакого пути: съ этой стороны береговая

1) Golineau, «Histoire des Perses», t. I, p. 149.– 2) Hermann Brunnhofer, Urgeschichte der Aryer in Vorder und Central-Asien, Erster Band, p. 131.

полоса, открывающаяся передъ путешественниками, прорѣзана быстрыми потоками, прервана большими и трудно проходимыми отрогами, населена воинственными племенами, очень склонными къ нападенію на проѣзжающихъ. Фактически этотъ извилистый путь, тянущійся на про-

№ 54. Область Восточнаго Эльбурса, Мазандеранъ.



1:3 500 000

0 50 100 150 килом.

тяженіи 800 километровъ между Закаспійскими пустынями и долинами Закавказья, остается замкнутымъ для народныхъ переселеній: несмотря на кажущееся при первомъ взглядѣ на карту удобство этого побережья, его никоимъ образомъ не слѣдуетъ считать историческимъ путемъ

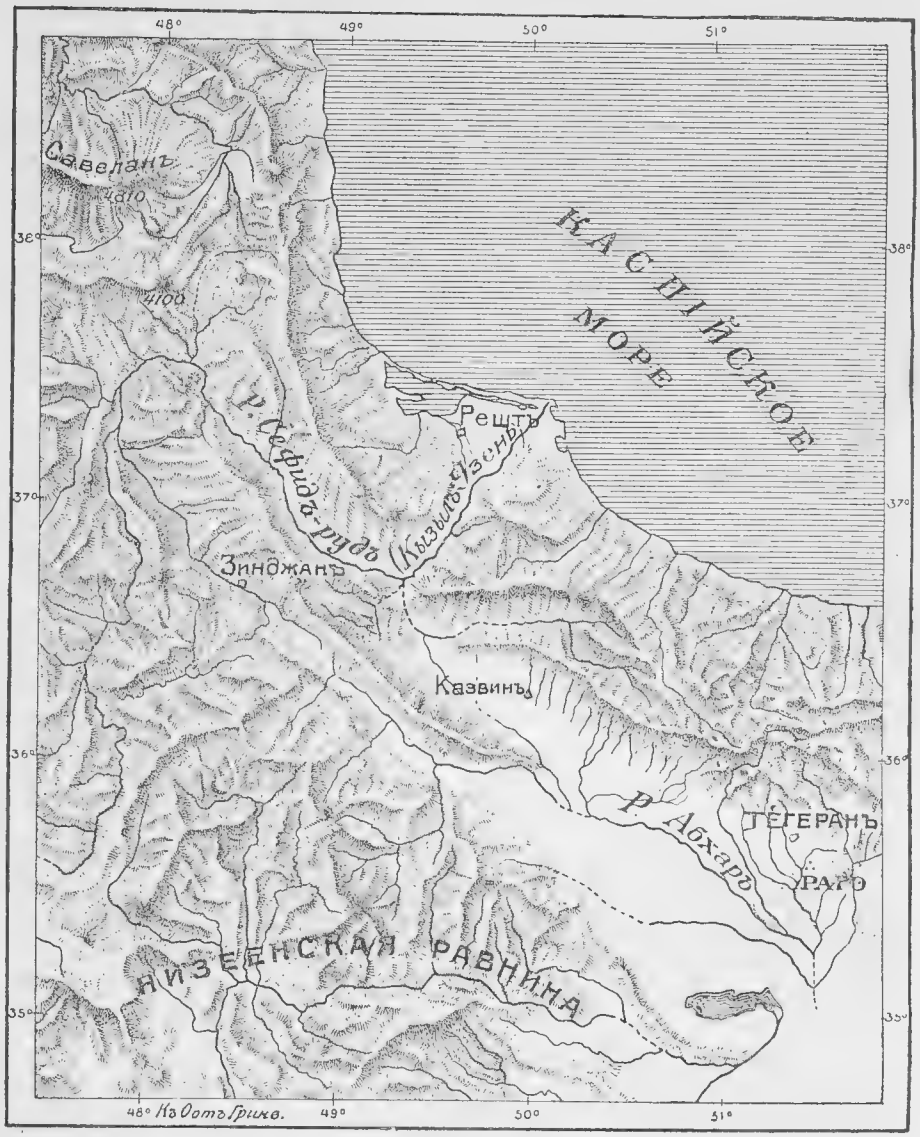
сколько-нибудь большого значенія. Почти всѣ чужестранные народы, которые рискнули отправиться вдоль этого побережья, были принуждены остановиться въ пути либо для того, чтобы отразить нападеніе горныхъ жителей страны Гиланъ и сдѣлать попытку овладѣть землею, на которую они попали, либо для того, чтобы перебраться чрезъ хребетъ Эльбурсъ и выйти на противоположномъ склонѣ на великій путь переселенія народовъ, который тянется вдоль южнаго склона горъ.

Горячіе ключи Тунекабумъ (Мазандеранъ).
По фотографіи Моргана

Къ востоку отъ Каспійскаго моря срединный азіатскій путь дѣлится на двѣ вѣтви; одна изъ нихъ идетъ вдоль южнаго подножья Иранскаго Кавказа, тогда какъ другая спускается на сѣверъ въ равнины. Въ этомъ мѣстѣ чрезъ находящіеся въ горахъ прорывы множество горныхъ тропинокъ направляется къ юго-восточному углу Каспійскаго моря и къ нижнему теченію рѣки Гургенъ. Мѣсто на земномъ шарѣ, занятое въ настоящее время «Городомъ Звѣздъ» или «Городомъ Муловъ»—Астрабадомъ или Астерабадомъ,—мѣсто историческое по преимуществу; на немъ необходимо долженъ былъ образоваться пунктъ,

служащій станціей для каравановъ,—на немъ такой пунктъ долженъ былъ

№ 55. Область Западнаго Эльбурса, Гиланъ.



1 : 3500000

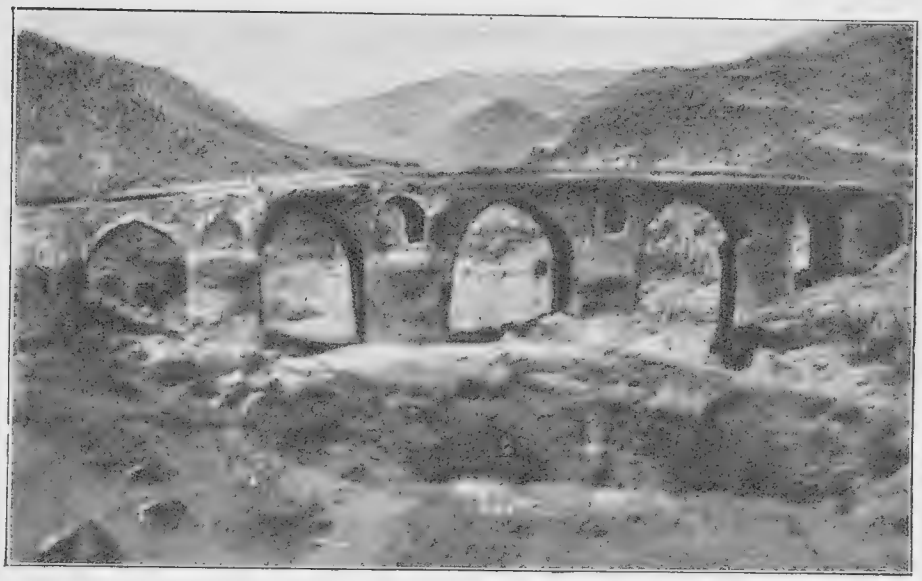
0 100 200 километровъ

снова возстановиться тотчасъ же послѣ опустошительнаго нашествія

завоевателей. Вполнѣ естественно, пытались постоянно укрѣплять входъ, ведущій въ видѣ лѣстницы въ горы, и до сихъ поръ можно видѣть за Гургеномъ слѣды стѣны, которая, отходя отъ береговъ Каспійскаго моря, продолжается далѣе въ пустыню; постройка ея приписывается туземцами сдѣлавшемуся у нихъ легендарнымъ героемъ — Александру Двурогому. Самая устойчивость названія Гургенъ, что значитъ «Волчья рѣка»,— названія, присвоеннаго небольшому водному потоку, нерѣдко совершенно пересыхающему, свидѣтельствуетъ объ основномъ значеніи, которое имѣли эти мѣста въ стратегическомъ отношеніи; Гургенъ не что иное, какъ Гирканъ,—названіе, которое было перенесено на всю страну, называвшуюся Гирканіей, т.-е. на область, простирающуюся отъ Индіи и до Каспійскаго или Гирканскаго моря.

Во всякомъ случаѣ, открытые чрезъ эту часть азіатской преграды историческіе проходы имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Пути чрезъ Гургенъ приводятъ къ пустыннымъ или мало населеннымъ пространствамъ, которыя въ теченіе извѣстнаго намъ періода были почти постоянно заняты разбойничьими племенами. Боковые пути, ведущіе вправо и влѣво, опасны или, по крайней мѣрѣ, очень затруднительны. Справа, т.-е. со стороны востока, тянутся многочисленными параллельными цѣпями хребты Туркменскаго Кавказа, которые приходится огибать къ сѣверу, минуя цѣлый рядъ этаповъ, совпадающихъ съ оазисами или, по меньшей мѣрѣ, съ орошенными участками, которые расположены у сѣверной оконечности долинъ. Такое путешествіе являлось гораздо болѣе продолжительнымъ и во всякомъ случаѣ болѣе опаснымъ, чѣмъ путешествіе по южному пути, идущему по самому Иранскому плато, вдоль подошвы пограничныхъ хребтовъ.

Такимъ образомъ тотъ проходъ между обоими склонами азіатской преграды, которымъ всѣ пользовались по преимуществу, долженъ былъ находиться въ мѣстности, гдѣ обѣ параллельно текущія рѣки, называемыя теперь Мургабомъ и Герирудомъ, прорѣзаютъ хребты Паропамиза. Тамъ плодородныя долины находятся по обоимъ склонамъ, и потому могли возникнуть два города, которые съ того времени являлись одними изъ наиболѣе населенныхъ городовъ земного шара, именно, съ одной стороны, Гератъ, съ другой—Мервъ. Тамъ переходъ чрезъ безплодные пески гораздо менѣе продолжителенъ, чѣмъ въ другихъ пограничныхъ областяхъ Ирана, и, направляясь на сѣверо-западъ, можно даже достичь Оксуса и его прибрежныхъ мѣстностей, проходя сплошь по странамъ, которыя орошаются многочисленными горными ручьями, сбѣгающими съ сосѣднихъ хребтовъ. Въ этой мѣстности весь сложный рельефъ поверхности, свойственный Азіи, оказывается какъ бы сглаженнымъ въ видѣ обширнаго залива, въ которомъ скопляются во множествѣ народности,—тамъ отъ времени до времени давленіе, оказываемое переселяю-



Мостъ чрезъ рѣку Кызылъ-Узень (Гиланъ).
По фотографіи Моргана.

щимися народностями и завоевателями, должно было оттѣснять обитателей по другую сторону горъ. Въ этой мѣстности намѣчается огромный изгибъ естественнаго пути средней Азіи.

Изученіе отношеній Стараго Свѣта во всемъ его цѣломъ къ Ирану показываетъ намъ съ полной очевидностью, что значеніе этого историческаго пути чрезъ Персію является капитальнымъ,—онъ представляетъ собою какъ бы общій стволъ главнѣйшихъ географическихъ путей, которые мы перечислимъ далѣе.

Африканскій континентъ сносился съ Азіей въ прежнія времена исключительно лишь путями, идущими отъ его сѣверо-восточныхъ береговъ чрезъ страну гиміаритовъ ко входу въ Красное море: такимъ образомъ, исключительно лишь чрезъ Суэцкій перешеекъ и чрезъ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ вліяніе африканскихъ народностей могло передаваться до Ирана, чрезъ лежащій по пути бассейнъ Евфрата. Средиземноморскія страны, главная ось которыхъ проходитъ чрезъ островъ Кипръ и заливъ Александретты, вытянуты также по направленію къ верховьямъ Евфрата и къ Иранскому плато. Черное море, къ которому сходились пути всей Европы, идущіе по рѣкамъ Дону, Днѣпру, Днѣстру и Дунаю, окружено путями, сходящимися у основанія подножья Персіи, въ Закавказьѣ и въ окрестностяхъ Арарата. Наконецъ, изъ Персіи пути расходятся по направленію ко всѣмъ странамъ востока: одинъ изъ

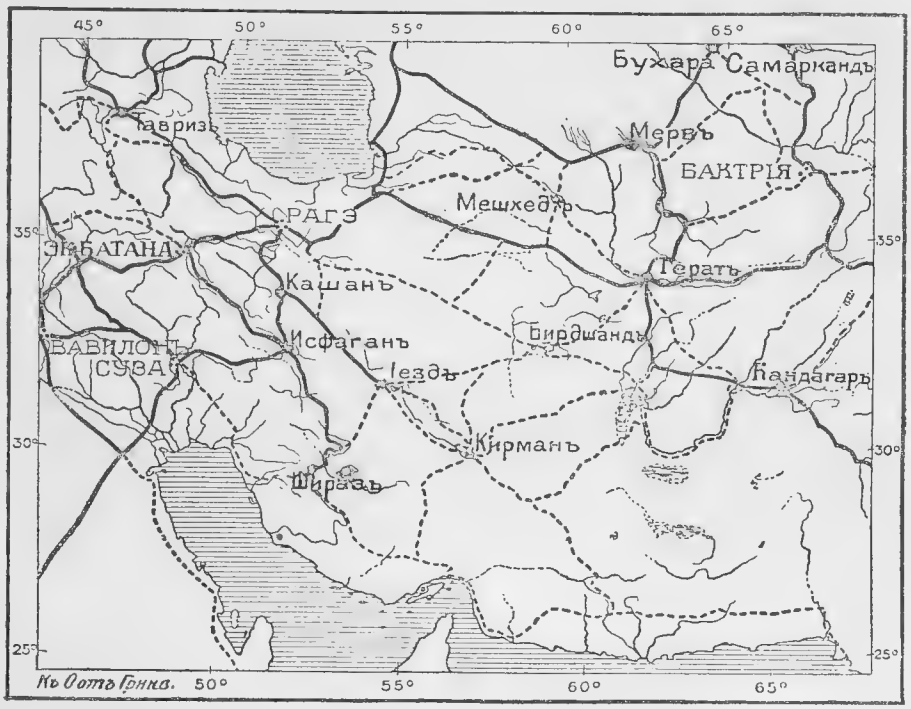
нихъ огибаетъ восточное основаніе обширныхъ памирскихъ плоскогорій и проходитъ чрезъ врата Джунгаріи, всѣ другіе проходятъ чрезъ ущелья и горные перевалы высокихъ нагорій центральной Азіи. Все это пути, по которымъ въ теченіе всего древняго періода совершалась съ крайнимъ востокомъ большая торговля нефритомъ и другими товарами, обладающими высокою цѣнностью при относительно маломъ объемѣ. Вся эта масса вѣтвящихся путей, имѣвшихъ историческое значеніе и тянувшихся съ востока на западъ чрезъ весь міръ, обладала однимъ общимъ выходомъ, который шелъ по южному склону горъ, окаймлявшихъ Каспійское море, вдоль подножья Иранскаго плоскогорья.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что земли Иранскаго плоскогорья сдѣлались, безспорно, уже благодаря самому ихъ рельефу, путемъ, по которому неминуемо должна была распространяться цивилизація съ одного конца свѣта на другой; можно было бы предположить, что другіе пути, располагающіеся сѣвернѣе, гдѣ тянутся безконечныя равнины, по которымъ въ теченіе вѣковъ нерѣдко проходили различные народы при своемъ переселеніи, представляютъ аналогичныя преимущества. Дѣйствительно, переселенія народовъ возможны и иными путями, помимо Иранскаго плоскогорія, — именно, равнинами, степями и пустынями Джунгаріи, Сибири и восточной Россіи, однако, области эти были населены лишь номадами, степень культуры которыхъ не могла быстро измѣняться, въ виду большого однообразія ихъ условій существованія. Народы, вторгавшіеся съ запада или съ востока, терялись тамъ, какъ въ морѣ; перемѣщеніе народностей съ одного края безграничной равнины до другого совершалось безъ какихъ-либо измѣненій въ степени ихъ цивилизаціи, — миновавъ въ качествѣ кочевниковъ и варваровъ врата Джунгаріи, они появлялись и у Карпатовъ таковыми же. Моральное сотрясеніе, которое должно было вызвать революцію въ ихъ существованіи, произошло лишь за тысячи километровъ отъ ихъ родной земли.

Совершенно иначе, какъ мы видѣли, обстояло дѣло на высокихъ плоскогоріяхъ Ирана, благодаря тому контрасту, который страна эта представляетъ со всѣми окружающими областями. Приходили ли народы, выселившіеся съ равнинъ Месопотаміи или изъ долинъ Кавказа, съ песковъ Туркестана или изъ бассейна Инда,—они равнымъ образомъ оказывались на Иранскомъ плоскогоріи перенесенными въ совершенно новую среду, и уже тотъ путь, который они только-что сдѣлали, доставлялъ имъ возможность кое-чему научиться и даже измѣниться подъ вліяніемъ цивилизаціи, сильно отличающейся отъ ихъ собственной. Сѣверный путь Персіи, между Мешхедомъ и Гамаданомъ, можно сравнить съ плющильными вальцами, чрезъ которые народности, какъ прокатываемые металлы, проходили, перерабатывая какъ свои идеи, такъ и свои нравы,—

войдя варварами въ страну, они выходили изъ нея пріобщенными къ болѣе высокой ступени цивилизаціи! Отсюда проистекаетъ капитальное значеніе Персіи въ общемъ ходѣ исторіи человѣчества. Не безъ основанія всѣ мы, западные и восточные народы—европейцы, американцы, индусы, китайцы—смотримъ на Иранъ какъ на страну нашихъ пред-

№ 56. Пути чрезъ Иранское плоскогоріе.



Болѣе крупные пути Менѣе значительн. пути

1 : 20 000 000

0 100 500 1000 километр.

ковъ! Легенды, гласящія о томъ, что первые люди сошли съ этого плоскогорія, имѣютъ вполнѣ вѣрную основу.

Къ сѣверу отъ горной преграды, соединяющей хребетъ Эльбурсъ съ Памиромъ, между равнинами, населеніе которыхъ подверглось цивилизующему вліянію Иранскаго плоскогорія, является первымъ съ сѣвера рѣчнымъ бассейномъ бассейнъ рѣки Чу, соединяющейся съ озеромъ

Иссыкъ-Куль или «Теплымъ озеромъ». Этотъ бассейнъ едва заслуживаетъ упоминанія, какъ мѣсто пребыванія народностей; онъ имѣетъ, такъ сказать, лишь географическое значеніе, такъ какъ воды рѣки Чу окружены со всѣхъ сторонъ песками,—онѣ объяты пустынею, въ которой земледѣльцамъ, т.-е. именно цивилизованнымъ народностямъ, можетъ быть отведено лишь очень незначительное мѣсто.

Населенная зона начинается лишь съ рѣки Яксарта древнихъ грековъ или Силисъ древнихъ скифовъ, извѣстной въ наши дни подъ названіемъ Сыръ-Дарьи. Эта рѣка менѣе богата естественными связями съ остальной частью континента, чѣмъ ея соперница, располагающаяся южнѣе. Она беретъ свое начало въ самомъ сердцѣ Тянь-Шаня, пробѣгаетъ въ своемъ верхнемъ теченіи, окруженная снѣжными гребнями и дикими ущельями,—область ея верховьевъ, по своему суровому климату, допускаетъ существованіе лишь очень разсѣяннаго народонаселенія, которое можетъ, къ тому же, заниматься исключительно скотоводствомъ. Земледѣліе, это первое условіе цивилизаціи, начинается лишь въ долинѣ Ферганы, представляющей собою дно прежняго озера съ горизонтальными слоями осадочныхъ отложеній, прекрасно орошаемыхъ обильными водами Сыръ-Дарьи и ея многочисленныхъ притоковъ. Долина эта по красотѣ и по разнообразію культуры, а равно и по величественности видовъ горъ, которыя ограничиваютъ ее съ сѣвера и съ юга, какъ Альпы или Апеннины, положительно, вторая Ломбардія. Фергана—одна изъ прекраснѣйшихъ странъ міра; во всѣхъ областяхъ иранской культуры она славится ясностью и прозрачностью своей атмосферы; это «совершенно голубая страна», говоритъ путешественникъ Уйфальви,—страна съ нѣжнымъ оттѣнкомъ бирюзы; небо тамъ вѣчно голубое, такого же цвѣта вода озеръ и рѣкъ, перья воронъ и дроздовъ, камни на поляхъ и стѣны зданій!

Однако, великолѣпная Ферганская долина не могла пріобрѣсти въ прежнія времена большого значенія въ исторіи, такъ какъ размѣры ея относительно невелики, и ея культурныя народности, огражденныя съ запада обширными пустынями, не могутъ свободно сообщаться съ остальнымъ міромъ,—такое сообщеніе сдѣлалось возможнымъ лишь въ нынѣшнія времена, благодаря изобрѣтенію быстрыхъ способовъ передвиженія. Власть иранцевъ и позднѣе грековъ не переходила за предѣлы этой высокой долины Сыръ-Дарьи, откуда тянулся чрезъ горы «путь за шелкомъ», проложенный въ тѣ времена купцами въ далекій Китай. Аванпостъ персовъ находился тамъ, гдѣ теперь располагается городъ Ходжентъ,—названіе этого города—Кира – объяснялось тѣмъ, что таково было имя легендарнаго основателя имперіи; греки переводили это названіе—Кирополисъ. Недалеко оттуда македоняне построили «Александрію самую дальнюю»,—«Alexandreia é eskhaté». Почти непосредственно

за этой мѣстностью начинается пустыня; Сыръ-Дарья теряетъ здѣсь уже въ безчисленныхъ оросительныхъ каналахъ значительную часть своихъ водъ, полученныхъ ею въ ледникахъ Тянь-Шаня,—рѣки, которыя направляются къ ней, изсякаютъ, не доходя до ея русла, и пески, по-

№ 57. Область туркменовъ.

1 : 10 000 000

0 100 200 500 Килом

симые вѣтромъ, принуждаютъ ее нерѣдко измѣнять свое направленіе и еще болѣе бѣднѣть водами, оставляя въ разныхъ мѣстахъ болота. Далѣе рѣка, направляющаяся къ сѣверо-западу и доходящая до Аральскаго моря, орошаетъ справа и слѣва лишь узкую полосу, совершенно

недостаточную для того, чтобы земледѣльческія народности могли на ней устроиться и образовать живую стѣну, непроницаемую для разбойничьихъ туркменскихъ племенъ, которыя обитаютъ въ степяхъ. Такимъ

№ 58. Горы и области Центральной Азіи.

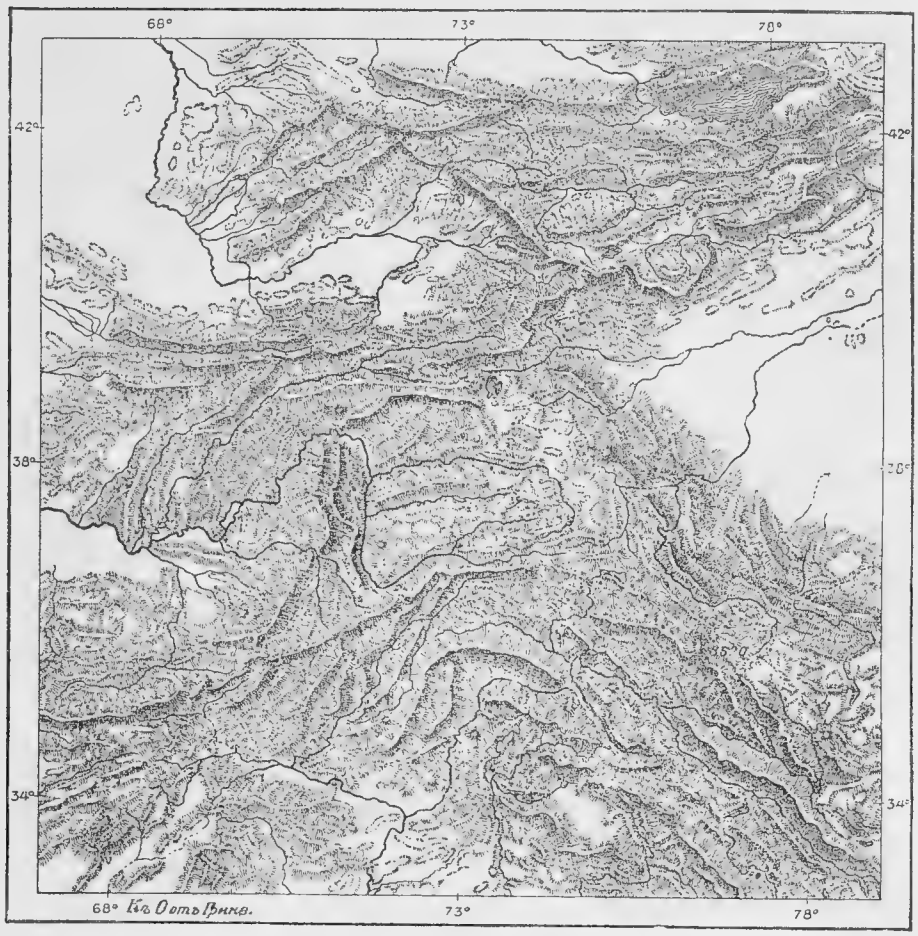
1: 10 000 000

0 200 400 600 Килом.

образомъ, дивная азіатская Ломбардія оказывалась лишенной всякой непосредственной связи со странами по ту сторону Каспійскаго моря, и цивилизація въ ней принуждена была атрофироваться, благодаря отсутствію интеллектуальныхъ связей съ остальнымъ міромъ.

Бассейнъ рѣки Оксуса, или Аму-Дарьи, располагается южнѣе и потому обладаетъ еще болѣе теплымъ климатомъ,—онъ на 500—600 километровъ ближе къ экватору, несравненно богаче проточными водами

№ 59. Орографическая карта Центральной Азіи.



и обладаетъ чрезъ перевалы Паропамиза болѣе непосредственными естественными путями сообщенія съ Индіей и Ираномъ; въ силу всего этого исторія его была болѣе дѣятельная, и жизнь развивалась здѣсь интенсивнѣе, чѣмъ въ Ферганѣ. Десятки милліоновъ людей могли съ

удобствомъ жить въ этомъ обширномъ бассейнѣ, превосходно орошаемомъ на всемъ его протяженіи,—и, дѣйствительно, какъ по легендамъ, такъ и по другимъ источникамъ, населеніе по среднему теченію Оксуса, было чрезвычайно многочисленнымъ. Самая богатая часть этой области была знаменитая Бактріана, главный городъ которой—Та-Бакца—почти тожественъ по своему названію съ «бахтіарами», обитающими въ горахъ Ирана; онъ является, по всей вѣроятности, этапнымъ пунктомъ эмигрантовъ, вышедшихъ изъ этой страны для того, чтобы колонизовать Китай подъ предводительствомъ нѣкоего Нахонта, который позднѣе сдѣлался императоромъ Ши-Хоанти [1]). Преданіе разсказываетъ намъ о томъ, что легендарный Зороастръ проповѣдывалъ своимъ первымъ ученикамъ именно въ Бактріанѣ; позднѣе эта страна сдѣлалась также очагомъ буддійской пропаганды, а затѣмъ, подъ владычествомъ селевкидовъ и ихъ послѣдователей, — центромъ греческаго вліянія въ центральной Азіи. Въ книгѣ «Vendidâd» названіе Бактрія — Bâkhdi — или «страна высокихъ знаменъ» изображаетъ символически королевскій блескъ и военное могущество [2]).

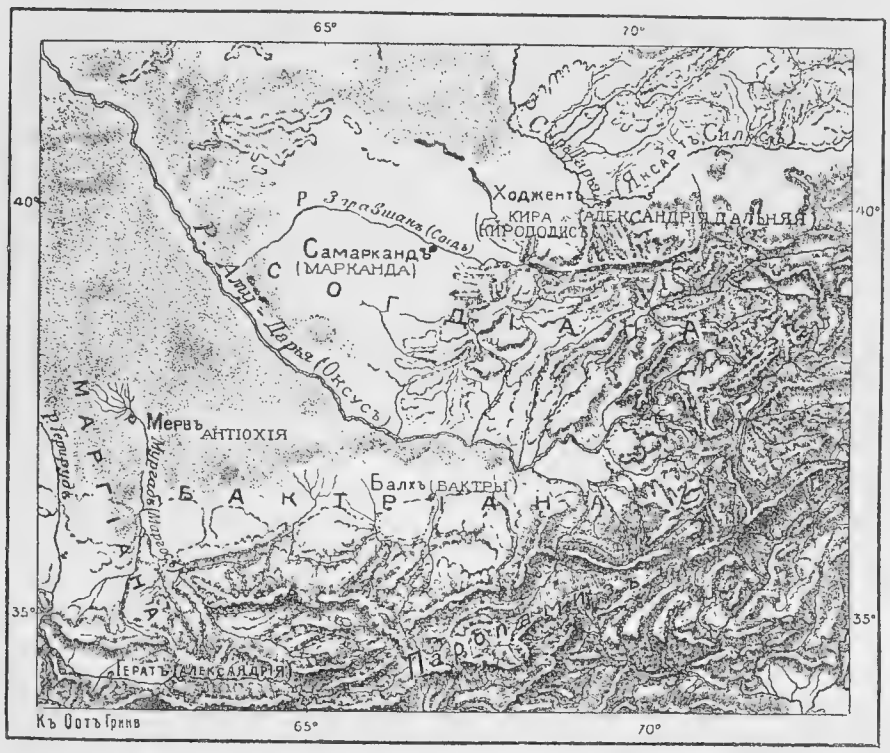
Къ сѣверу отъ Бактріаны, на противоположномъ склонѣ долины Оксуса возникли другіе значительные города: такъ въ Согдіанѣ—Марканда (Самаркандъ), городъ, въ эпоху Александра Великаго окруженный стѣною въ 30 километровъ длины, сдѣлавшійся позднѣе роскошной столицей Тамерлана. Къ западу отъ Бактріаны и Согдіаны располагается Маргіана, т.-е. плодородная долина рѣки Маргосъ или Мургаба, и Харезмія, называемая иначе «Низменной страной» и занимающая дельту Оксуса; эти двѣ страны должны были также получить большое значеніе, благодаря высокой цивилизаціи и огромному количеству добываемыхъ въ нихъ продуктовъ,—то и другое стоитъ въ связи съ ихъ чрезвычайнымъ богатствомъ водою. Особенно большое значеніе получила Маргіана—«самая плодородная земля въ мірѣ», гдѣ одинъ изъ селевкидовъ построилъ, для прославленія своего имени, городъ Антіохію Маргіанскую; этотъ городъ, какъ разсказываютъ, былъ вмѣстѣ со своими садами окруженъ стѣною въ 275 километровъ въ окружности. Особое значеніе имѣла Маргіана для древняго Ирана въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ, вслѣдствіе расположенія своего въ выемкѣ Паропамиза, она была, по своимъ естественнымъ условіямъ, мѣстностью, предназначенною для торговыхъ сношеній, и мѣстомъ встрѣчи переселяющихся народностей. Рѣка, орошающая поля древней Антіохіи, на мѣстѣ которой въ настоящее время находится Мервъ, вытекаетъ изъ невысокаго прорыва въ горахъ; далѣе къ западу прорываетъ горы другая

1) Terrien de la Couperie, «Oriental and Babylonian Record». — 2) Fr. Lenormant, «Les Origines de l'Histoire», t. II, p. 509.

параллельная ей рѣка, открывая такимъ образомъ какъ бы широкія врата, гдѣ македоняне не преминули построить городъ Александрію—военный пунктъ, который долгое время былъ широко извѣстенъ подъ наименованіемъ Герата и нерѣдко называется «ключемъ къ Индіи».

И, несмотря на то, что области эти имѣли въ своей исторіи періодъ замѣчательнаго расцвѣта, онѣ сдѣлались все же затѣмъ почти

№ 60. Окраины Ирана.



1 : 10 000 000

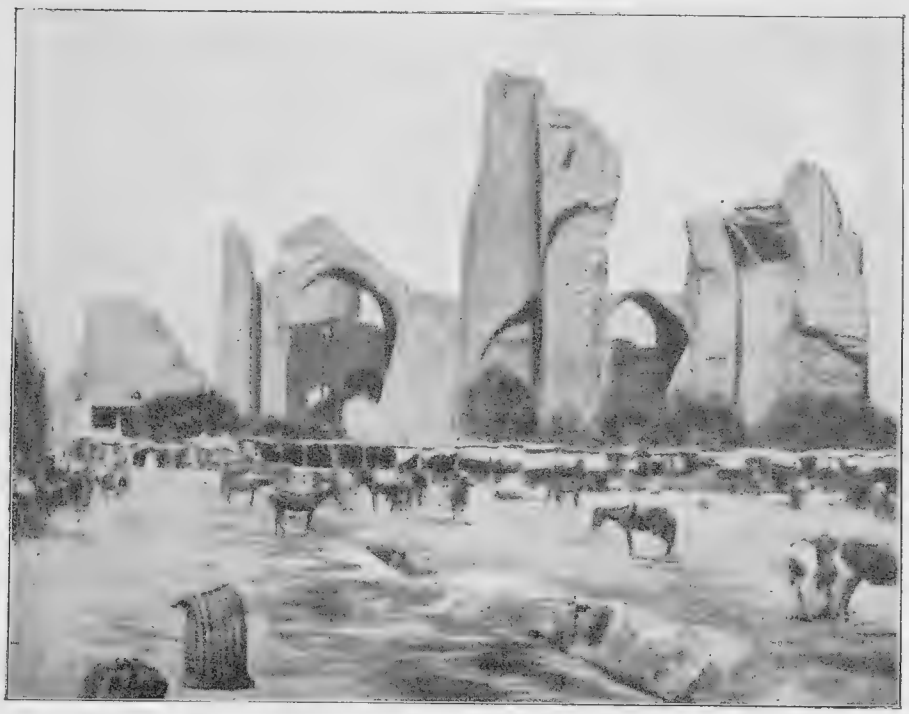
0 100 250 500 килом

на всемъ своемъ протяженіи пустынями. Правда, «по нимъ прошла война», но, безъ сомнѣнія, онѣ могли бы снова расцвѣсть, какъ многія другія опустошенныя страны. Такой расцвѣтъ былъ бы, однако, возможенъ, лишь если бы эти области верхняго теченія Яксарта, Оксуса, Согды и Маргоса не висѣли, такъ сказать, «въ воздухѣ», не являлись бы случайными оазисами посреди номадовъ, наслѣдственныхъ враговъ

земледѣлія, если бы онѣ не находились посреди горъ и трудно проходимыхъ плоскогорій, посреди ужасныхъ пустынь, которыя прерываютъ всякое сообщеніе съ другими цивилизованными странами. Со стороны востока Бактріана, надъ которой поднимаются высоты Памира, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году не можетъ совершенно сообщаться со склонами Кашгаріи,—туда ведутъ снѣжные перевалы, доступные лишь пастухамъ или же отчаянно отважнымъ купцамъ, везущимъ товары. На западѣ и на югѣ единственный естественный путь, сообщающій долину Оксуса и страны внѣшней части Ирана съ Ираномъ внутреннимъ и съ остальнымъ міромъ, — это дорога, направляющаяся къ югу отъ горной преграды Азіи, Паропамиза, въ Арменію и въ Вавилонію чрезъ Персію и Мидію. Этотъ путь можно сравнить съ тонкой нитью, связывающей Бактріану съ берегами Средиземнаго моря и Европою. Пока эта нить сохранялась, внѣшній Иранъ и страны Оксуса и Яксарта поддерживали сношенія, вслѣдствіе которыхъ проникали культура и прогрессъ западнаго міра; какъ только, однако, нить эта бывала перерѣзана войною и другими событіями, данныя страны впадали въ состояніе относительно глубокаго варварства.

Дѣйствительно, сравнительное изученіе народовъ показываетъ, что, въ теченіе всѣхъ періодовъ своего процвѣтанія или, по крайней мѣрѣ, политическаго могущества, Бактріана находилась въ свободныхъ торговыхъ сношеніяхъ или даже въ политическомъ единеніи со странами по ту сторону склоновъ горъ. Такъ, въ теченіе доисторическихъ вѣковъ, когда въ бассейнѣ Оксуса возникалъ маздеизмъ—религіозный культъ, который намъ, современнымъ людямъ, кажется религіей по преимуществу арійскою, арійцы господствовали, повидимому, на высокихъ плоскогоріяхъ Азіи, отъ склоновъ Тянь-Шаня и Памира до хребтовъ Азербейджана, — они должны разсматриваться не какъ предки «индо-европейской расы», захватывающей теперь половину міра, а какъ народность, говорящая на языкѣ, родственномъ нашимъ языкамъ. «Сердцемъ настоящаго Ирана былъ городъ Балхъ» — говоритъ Гобино [1]). Послѣ этого періода, въ теченіе котораго Бактрія обладала даже, быть-можетъ, нѣкоторой гегемоніей надъ народностями той же расы, обитавшими по южному склону горъ, страна эта оставалась еще долгое время связанной съ ними, какъ въ счастьѣ, такъ и въ несчастьѣ, такъ какъ она подпала затѣмъ подъ власть ассирійцевъ, а позднѣе мидянъ, персовъ, македонянъ и грековъ-селевкидовъ. Позднѣе, когда первоначальная сила, имѣвшая своей точкой опоры берега Средиземнаго моря, почти утратилась, и когда прямые наслѣдники Александра Македонскаго принуждены были покинуть восточныя провинціи имперіи, независимое греческое

1) Gobineau, «Histoire des Perses», t. I, p. 11.



Видъ въ г. Самаркандѣ.

государство, возникшее въ Бактріанѣ, продолжало быть въ сношеніяхъ на югѣ съ парояпами и даже съ обитателями Индіи, — одинъ изъ монарховъ этой страны, Деметрій, жившій около 2100 лѣтъ тому назадъ, носилъ титулъ «короля Индіи».

Даже болѣе: сильный толчокъ, данный Бактріанѣ цивилизованными народностями, пришедшими съ запада, сдѣлалъ изъ этой страны этапный пунктъ между Средиземнымъ моремъ и Желтой рѣкой. Въ ту эпоху, когда Бактріана сдѣлалась греческой и стала культурнымъ центромъ Центральной Азіи, китайцы, которые, по историческимъ даннымъ [1]), унаслѣдовали свои знанія и свои искусства отъ выходцевъ, пришедшихъ въ прежнія времена изъ той же самой страны, находились въ частыхъ сношеніяхъ съ народностями, живущими по противоположную сторону горъ. Обѣ провинціи—Бактріана и Согдіана—обозначались ими подъ общимъ названіемъ «Великой Яванін» или «Великой Греціи»,—такое же названіе давали римляне тѣхъ же вѣковъ южной части Италіи. Въ теченіе нѣкотораго времени даже бассейнъ верховьевъ Оксуса, извѣстный

1) Terrien de la Couperie, «Oriental and Babylonian Record».

у нихъ по встрѣчающемуся названію Чинъ или Самокіенъ, т.-е. Самаркандъ, находился въ зависимости отъ Срединной имперіи. Этотъ бассейнъ былъ тогда очагомъ пропаганды буддизма, подобно тому, какъ 1000 лѣтъ ранѣе онъ былъ центромъ маздеизма и какъ позднѣе сдѣлался одной изъ величайшихъ школъ магометанской религіи.

Изоляція Бактріаны, происшедшая въ промежутокъ между временами греческаго владычества и вѣками господства ислама, имѣла своей причиной не столько природныя условія, сколько вторженіе племенъ, извергнутыхъ сѣверными странами; впрочемъ, и природа,—именно, существованіе такой преграды, какъ Паропамизъ,—играла нѣкоторую роль. Широко открытыя съ сѣвера и съ сѣверо-запада степи, ограничивающія области Яксарта и Оксуса, угрожали тѣмъ большей опасностью въ смыслѣ вторженія кочевыхъ народностей, что данныя области были превосходно обработаны и усѣяны богатыми городами. Орды разбойничьихъ племенъ уже съ самыхъ первыхъ временъ нападали на выдвинувшіяся слишкомъ далеко впередъ колоніи и только и ждали случая, чтобы вторгнуться въ страны, которыя могли имъ дать богатую военную добычу,—такой случай могъ представиться при междоусобныхъ войнахъ и различныхъ другихъ событіяхъ. Чѣмъ чаще повторялись набѣги, тѣмъ болѣе измѣнялся составъ народонаселенія данныхъ областей, такъ какъ вторгнувшіяся племена во многихъ мѣстностяхъ занимали мѣста прежнихъ жителей, которыхъ или совершенно истребляли или оттѣсняли въ высокія долины горъ. Въ концѣ концовъ, арійскій элементъ, сдѣлавшійся слишкомъ слабымъ для того, чтобы оказывать сопротивленіе, былъ во многихъ мѣстностяхъ вдоль склоновъ Гиндукуша совершенно уничтоженъ и удерживался лишь въ нѣкоторыхъ городахъ, будучи только терпимымъ, совершенно порабощеннымъ и принужденнымъ иногда отказаться отъ своего языка и отъ своей религіи. Такимъ образомъ, тюрки и монголы, извѣстные подъ различными именами — туркменовъ, киргизовъ, кара-калпаковъ, кайсаковъ, бурутовъ, узбековъ,—заняли бо́льшую часть бассейновъ Яксарта и Оксуса вперемежку съ сартами, т.-е. народностью смѣшаннаго происхожденія, у которой еще не вполнѣ утратились арійскія черты. Единственными близкими родственниками пранцевъ южнаго плоскогорія являются таджики, т.-е. «вѣнценосные», — племя, обитающее въ городахъ восточной Бактріаны вблизи горъ. Однако, типъ ихъ уже далеко не чистый, и къ языку ихъ сильно примѣшаны слова и обороты тюркскіе и монгольскіе. По приходѣ русскихъ въ Туркестанъ, этническихъ группъ чисто арійскихъ не было тамъ уже вовсе, за исключеніемъ народностей, населявшихъ складки высокихъ горъ на западномъ склонѣ Памира, въ Каратегинѣ, Дарвазѣ и Бадакшанѣ

Своими вторженіями въ арійскую область обѣихъ рѣкъ Арало-Каспійскаго бассейна кочевыя народности, пришедшія изъ болѣе сѣвер-

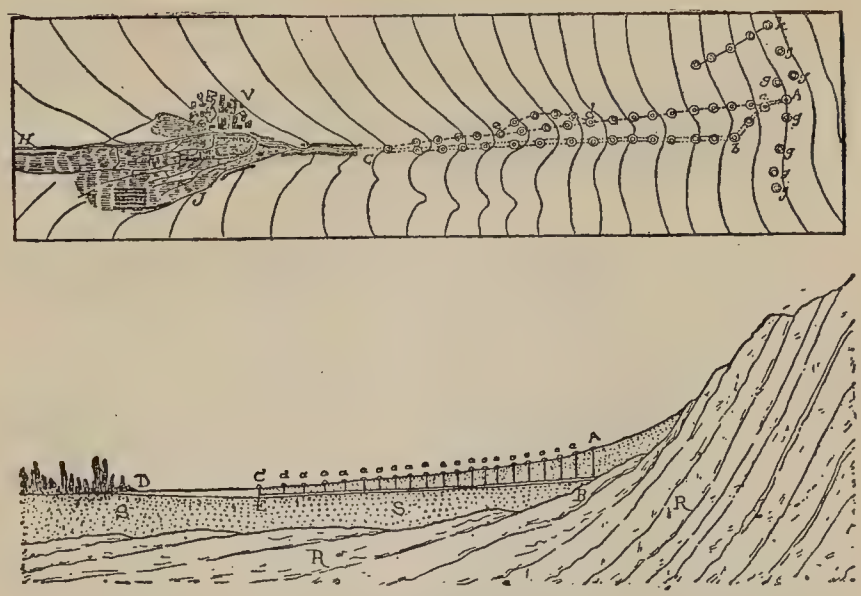
Типичное персидское горное селеніе Аскъ въ долинѣ Ларъ (видъ, снятый съ плоскогорія Рэна).
По фотографіи Моргана.

ныхъ странъ, воздѣйствовали двоякимъ образомъ на измѣненіе природы страны, ея почвы и климата,—прежде всего на нее повліяли ихъ жестокія опустошенія, уничтоженіе садовъ, рощей и лѣсовъ, затѣмъ—уничтоженіе земледѣлія и замѣна его скотоводствомъ. Кочевники засыпали

каналы или, по крайней мѣрѣ, давали илу ихъ занести; вмѣсто того чтобы регулировать теченіе рѣкъ, они тѣмъ, что поили свои стада по берегамъ, содѣйствовали образованію болотъ на берегахъ и неправильному теченію водъ. Благодаря ихъ вліянію, увеличилась также степь, быть-можетъ, въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ климата. Они дали болѣе точный географическій смыслъ названію «Туранъ»,—названію, которое съ самыхъ древнихъ временъ противопоставляютъ обыкновенно Ирану. Между обѣими областями, раздѣляемыми горною преградою Азіи, къ востоку отъ Каспійскаго моря, наблюдается вездѣ контрастъ между низменной равниной и высокимъ плоскогорьемъ и, въ еще большей степени, — между мирными осѣдлыми племенами и воинственными ордами номадовъ.

Иранское плоскогорье, которое отдѣляется отъ Бактріаны, Маргіаны и пустынь Турана и Каспійскаго моря различными горными цѣпями и массивами индійскаго Кавказа, дѣлится на двѣ естественныхъ обширныхъ области: изъ нихъ западная—собственно Иранъ, восточная—различныя области, которыя назывались ранѣе Арахозіей, Дрангіаной, Гедрозіей и которыя теперь извѣстны подъ названіемъ Афганистана и Белуджистана. Восточная область, долины которой пересѣкаются съ долинами Бактріаны, по поверхности своей почти равняется западной, но отличается отъ послѣдней природою земной поверхности, которая во всемъ своемъ цѣломъ представляетъ гораздо бо́льшее разнообразіе рельефа, болѣе сложное строеніе и, слѣдовательно, является болѣе благопріятной для сохраненія этническаго разнообразія населенія. Обѣ половины Иранскаго плоскогорья представляютъ по своимъ чертамъ извѣстную аналогію, — какъ одна, такъ и другая, окружены пограничными горами, огромными массивами съ расходящимися или параллельными хребтами; какъ одна, такъ и другая, имѣютъ въ серединѣ углубленіе, къ которому направляются, или, по крайней мѣрѣ, направлялись до осушенія части страны, воды внутренняго склона. Имѣется, однако, и различіе въ направленіи склоновъ. Тогда какъ общій наклонъ западнаго Иранскаго плоскогорья направленъ весь къ сѣверо-западу и къ юго-востоку, въ восточной области онъ направленъ къ сѣверо-востоку и къ юго-западу.

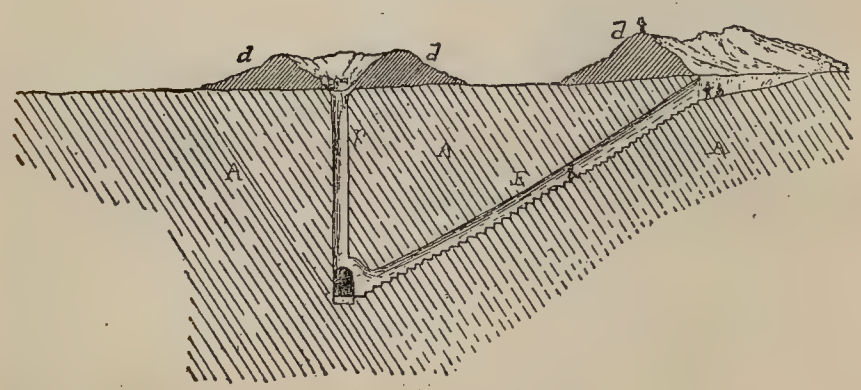
Горныя преграды и географическое положеніе склоновъ, направленныхъ вдоль срединной ложбины, должны были обусловить и соотвѣтствующее сходство въ жизни народностей, обитающихъ тамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно замкнуты, а тѣ, которыя, благодаря природнымъ условіямъ, имѣли свободное сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ, были, несмотря на это, большею частью увлечены внутрь страны,— увлечены наклономъ поверхности и направленіемъ водъ. Такимъ образомъ, условія



Оросительные каналы.

Планъ и вертикальный разрѣзъ.

A, *a*, *b*, *d*, *e*, *f*, *g*, *k*—вертикальные колодцы.
C, E—выходное отверстіе канала.
D, J, H—орошаемая область.
B, R, S—каменныя породы.



Подземная лѣстница.

d—земля, выброшенная изнутри при сооруженіи.
p—вертикальные колодцы.
E—лѣстница.

По планамъ, снятымъ Дж. Морганомъ въ Азербейджанѣ.
(Археологическая экспедиція въ Персіи).

благопріятствовали образованію отдѣльныхъ этническихъ группъ, рѣзко ограниченныхъ народностей; первѣйшимъ условіемъ для возникновенія первобытнаго патріотизма является присутствіе у страны рѣзко ограниченныхъ контуровъ.

Рѣдкость дождей и недостаточность проточныхъ водъ сдѣлала обитателей этой страны чрезвычайно искусными въ отысканіи и сохраненіи подпочвенныхъ водъ. Ни въ одной области Ирана нѣтъ людей, которые были бы болѣе умѣлы въ отысканіи глубоко лежащихъ подземныхъ ключей и въ устройствѣ «karez», т.-е. каналовъ, называемыхъ въ самой Персіи «kanât» и тянущихся вдоль склоновъ горъ на высотѣ нѣсколькихъ метровъ надъ почвой. Наклонъ ихъ устроенъ въ высшей степени совершенно, такъ что облегчаетъ движеніе воды, но притомъ не придаетъ ей такой большой скорости, которая могла бы вызвать размываніе каналовъ. Города и деревни располагаются вдоль этихъ животворящихъ артерій. Нѣкоторые «karez» были высѣчены въ видѣ галлерей въ скалахъ, другіе—проведены въ видѣ сифоновъ подъ оврагами. Одинъ изъ этихъ каналовъ въ долинѣ Бори, въ современномъ Белуджистанѣ, былъ вырытъ надъ русломъ потока шириною въ 90 метровъ, по которому вода сбѣгаетъ послѣ дождей въ водоемъ глубиною въ полтора метра съ быстротою 9 километровъ въ часъ [1]).

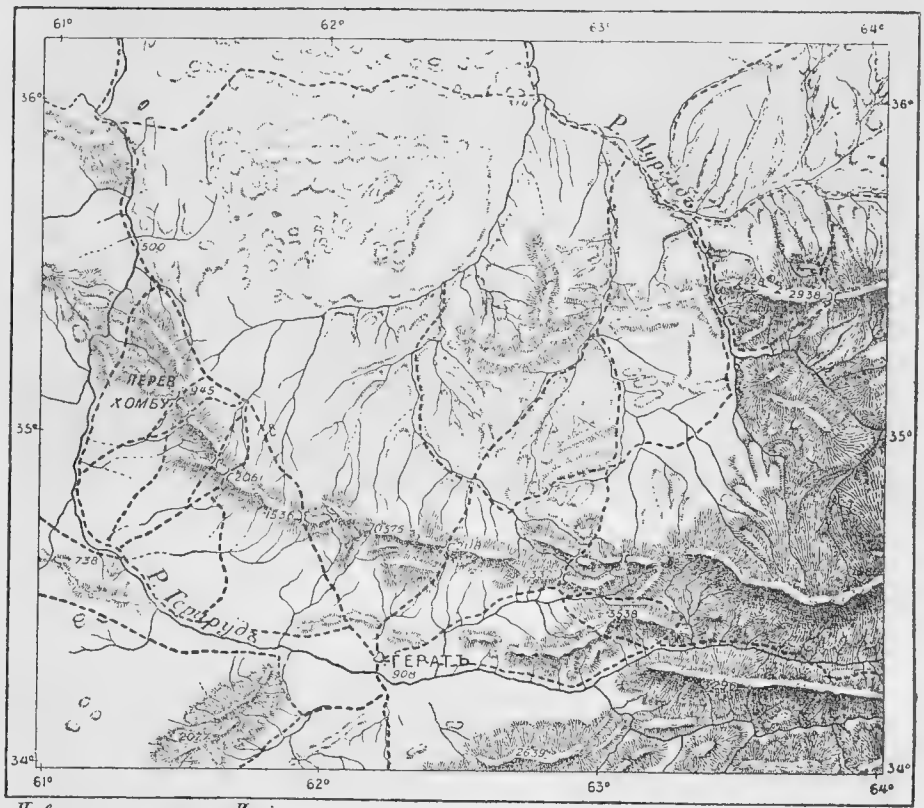
Въ настоящее время бо́льшая часть населенія, живущаго въ Афганистанѣ и въ Белуджистанѣ, составляется изъ элементовъ по типу, языку и образу мыслей арійскихъ; у многихъ афганскихъ народностей, обращенныхъ въ магометанскую вѣру, просвѣчиваютъ даже сквозь новую обрядность религіозные обычаи, аналогичные обычаямъ кафировъ и гальчей. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что при началѣ историческаго періода обитатели этой части Арійскаго плоскогорія были болѣе чистой расы, такъ какъ среди современнаго населенія встрѣчается много различныхъ монгольскихъ народностей, много семитовъ и арабовъ, — всѣ они, какъ извѣстно, происходятъ отъ завоевателей и переселенцевъ, пришедшихъ сюда въ теченіе 25 послѣднихъ вѣковъ. Итакъ, очевидно, хотя вся территорія и ограждена съ сѣвера и съ востока стѣнами горъ, съ юга—моремъ, хотя она отдѣлена отъ Персіи пустынями и горными хребтами и можетъ быть сравнена съ крѣпостью, состоящей изъ значительнаго числа отдѣльныхъ укрѣпленій, въ которыхъ племена могутъ долгое время удерживать свою независимость, въ ней существуютъ все же обширныя бреши, чрезъ которыя могутъ проникать на плоскогоріе новые пришельцы.

Наиболѣе значительной изъ этихъ брешей является та, которая образуетъ сообщеніе сѣверо-западнаго угла современнаго Афганистана,

1) A. C. Yate, «Loralai», Scottish Geogr. Magazine. July 1897, p. 360.

т.-е. долины Геріруда, съ равнинами, расположенными къ сѣверу отъ Паропамиза. Въ этой области многіе пути ведутъ съ одного склона горъ на другой, и каждый изъ нихъ имѣетъ свое историческое значеніе. Прежде всего уже легко воспользоваться русломъ рѣки Геріруд, когда она усохнетъ, или ея берегами: стоитъ лишь нѣсколько ниже той мѣст-

№ 61. Пути, идущіе отъ Герата.



По военнымъ картамъ Индіи

ности, гдѣ располагается, на высотѣ не менѣе 800 метровъ, городъ Гератъ, послѣдовать теченію Геріруда, чтобы войти въ цѣлый рядъ ущелій, которыя совершенно перерѣзаютъ горную преграду Индійскаго Кавказа; въ концѣ концовъ, можно такимъ путемъ достигнуть обширной равнины, по которой развѣтвляются оросительные каналы Теджена.

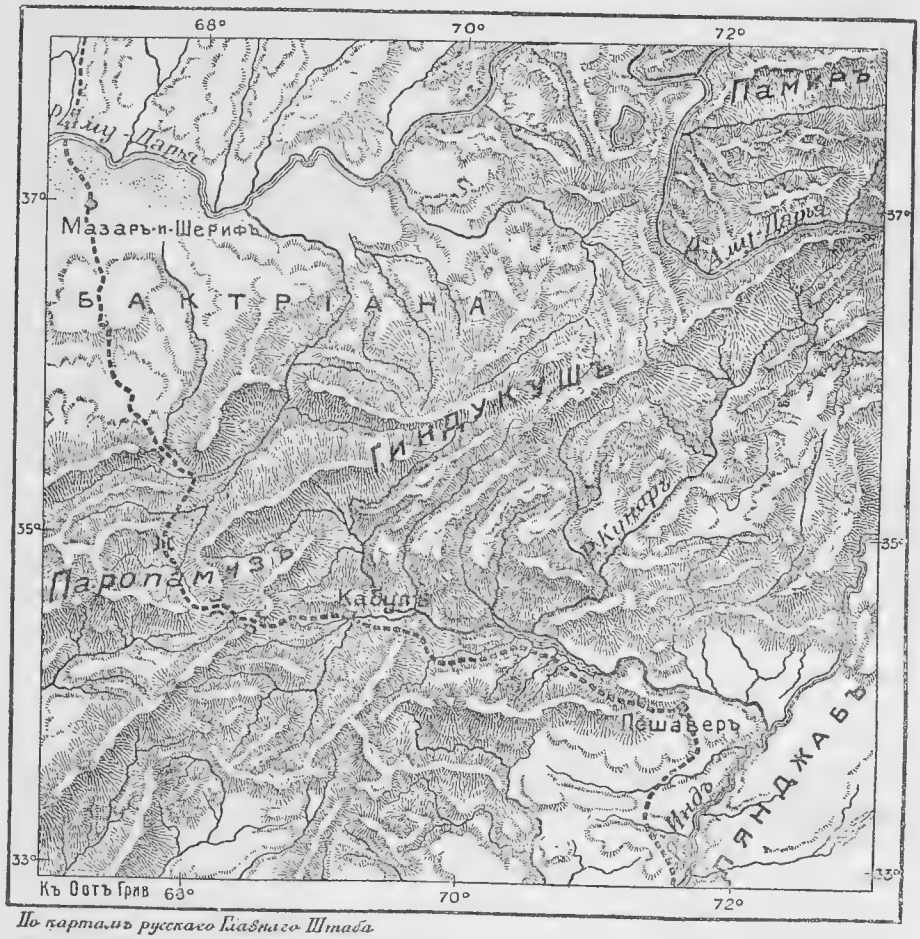
Туркмены въ окрестностяхъ Самарканда.

Однако, тѣснины, чрезъ которыя протекаетъ рѣка, и нерѣдкое здѣсь чрезвычайно сильное поднятіе ея водъ препятствовали переселяющимся народностямъ и купцамъ слѣдовать этимъ путемъ,—они всегда предпочитали проходить далѣе къ востоку чрезъ одну изъ брешей, которыя прорѣзаютъ продолженія Паропамиза. Первый путь, соединяющій по прямой линіи бассейны Мерви и Герата, поднимается на высоту 1536 метровъ,—высоту незначительную сравнительно со всѣми другими перевалами, которые слѣдуютъ еще далѣе къ востоку и ведутъ уже чрезъ Гиндукушъ. Однако, между этимъ прямымъ путемъ и долиной Геріруда въ горахъ, которыя называются въ настоящее время хребтомъ Бархутъ и являются продолженіемъ Паропамиза, путешественникамъ извѣстны многіе легко проходимые перевалы, и одинъ изъ нихъ, перевалъ Хомбу, высотою въ 945 метровъ, возвышается надъ лежащими рядомъ съ сѣвера и съ юга долинами не болѣе какъ на 300 метровъ [1]).

1) Lessar, Geographical Journal. Jan. 1883.

Такимъ образомъ, естественные пути сообщенія между обоими склонами Паропамиза не трудны. Но особую, чрезвычайную важность въ исторіи народностей придаетъ этимъ многочисленнымъ горнымъ проходамъ то обстоятельство, что всѣ различные пути, сходящіеся въ бассейнѣ

№ 62. Горная преграда между Бактріаной и Пянджабомъ.



По картамъ русскаго Главнаго Штаба

1 : 5 000 000

0 50 100 150 200 250 Килом.

Герата, продолжаются широкимъ проходомъ, пересѣкающимъ всю восточную арійскую область и приводящимъ въ географическую связь долину Оксуса съ долинами, по которымъ пробѣгаетъ Пять Рѣкъ (Пянджабъ). Правда, непосредственно къ югу отъ Герата тянется горная цѣпь, пере-

валы которой не менѣе 2.000 метровъ вышины, но къ западу этотъ хребетъ быстро понижается, и его можно обогнуть и пройти къ югу чрезъ область, покрытую незначительными возвышенностями, поднимающимися на высоту въ 1.000 — 1.200 метровъ, — тамъ можно безъ труда проѣхать въ экипажѣ, запряженномъ четверкой лошадей [1]).

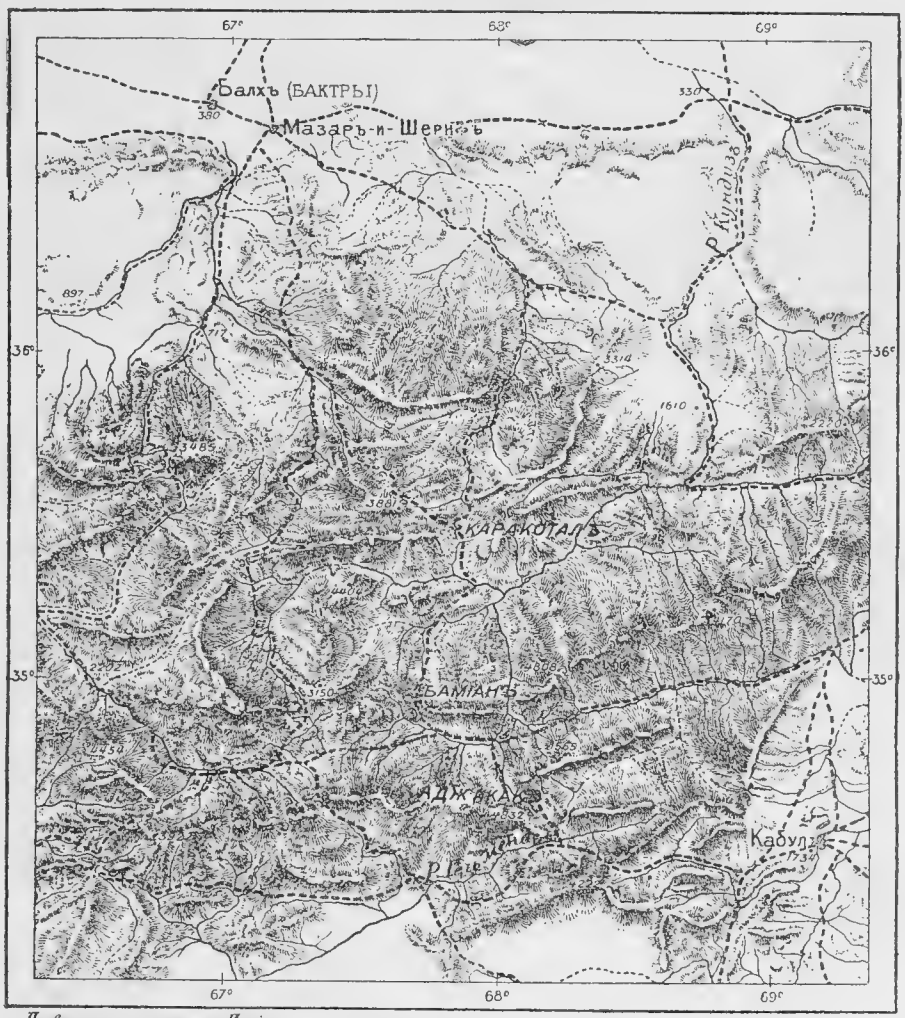
Этотъ естественный путь, слѣдующій почти на всемъ своемъ протяженіи долинами рѣкъ, которыя низвергаются въ глубокую впадину Дрангіаны,—современный Сеистанъ,—подходитъ близко къ горамъ, господствующимъ надъ долиною Инда, и ведетъ къ населенному центру, аналогичному Герату,—это нынѣшній городъ Кандагаръ, о которомъ легенда, подобно тому какъ и о Гератѣ и о многихъ другихъ городахъ Азіи, гласитъ, что онъ былъ основанъ или первымъ человѣкомъ, или однимъ изъ его сыновей. Истинный смыслъ этой легенды заключается въ томъ, что въ данныхъ мѣстностяхъ, гдѣ такъ часто сталкивались могущественныя историческія теченія, люди должны были группироваться въ большомъ числѣ въ городскія общины съ того самаго момента, какъ народности пришли въ движеніе.

Однако, этотъ столь удобный путь, ведущій отъ береговъ Каспійскаго моря къ Индійскому океану, имѣетъ на сѣверной оконечности точкой своего отправленія почти пустынную страну, по которой вокругъ оазиса Маргіаны странствуютъ кочевыя народности; онъ описываетъ затѣмъ огромную дугу въ наименѣе населенной части Афганистана и оканчивается проходами Солиманъ-Дага на равнинахъ, сильно выжигаемыхъ солнцемъ и наименѣе обитаемыхъ изъ всѣхъ равнинъ, по которымъ протекаетъ Индъ. По столь длинному и кружному пути взаимныя сношенія народовъ происходили лишь въ слабой степени,—такъ нерѣдко электрическая искра не можетъ перескочить, вслѣдствіе слишкомъ далекаго разстоянія. Наиболѣе энергичное сближеніе между человѣческими массами должно было произойти гораздо далѣе къ востоку и къ сѣверу отъ пути между Мервью и Кандахаромъ, — здѣсь ширина нагорія, раздѣляющаго долины Оксуса и долины Пянджаба, не превосходитъ 300 километровъ по прямой линіи, и обѣ крайнія точки находятся въ густо населенныхъ странахъ. Нѣкогда милліоны людей тѣснились въ Бактріанѣ; съ другой стороны, сѣверо-западный уголъ Индіи содержитъ также населеніе, которое, повидимому, во всѣ времена было достаточно многочисленнымъ,—къ востоку отъ него находятся также массы земледѣльцевъ; наконецъ, долина, мѣстами расширяющаяся и образующая небольшіе бассейны, представляетъ здѣсь на протяженіи большей части лежащихъ въ промежуткѣ горъ путь сравнительно легкій,—это долина древней рѣки Кофенъ, называемой въ настоящее время р. Кабулъ.

1) Henry Rawlinson, Geographical Journal, 1893, p. 17.

Обѣ страны — Бактріана и равнина Индіи оказывали другъ на друга, а также и на купцовъ, миссіонеровъ и завоевателей, притяга-

№ 63. Горный проходъ Баміанъ.



По военнымъ картамъ Индіи

Легко замѣтить, что карты № 62 и 63, представляющія одну и ту же мѣстность, сильно расходятся. Это обусловливается тѣмъ, что онѣ составлены одна по русскимъ, другая по англійскимъ источникамъ.

тельное дѣйствіе, и это должно было обусловить частое пользованіе наиболѣе удобными и легко проходимыми горными тропами въ этой

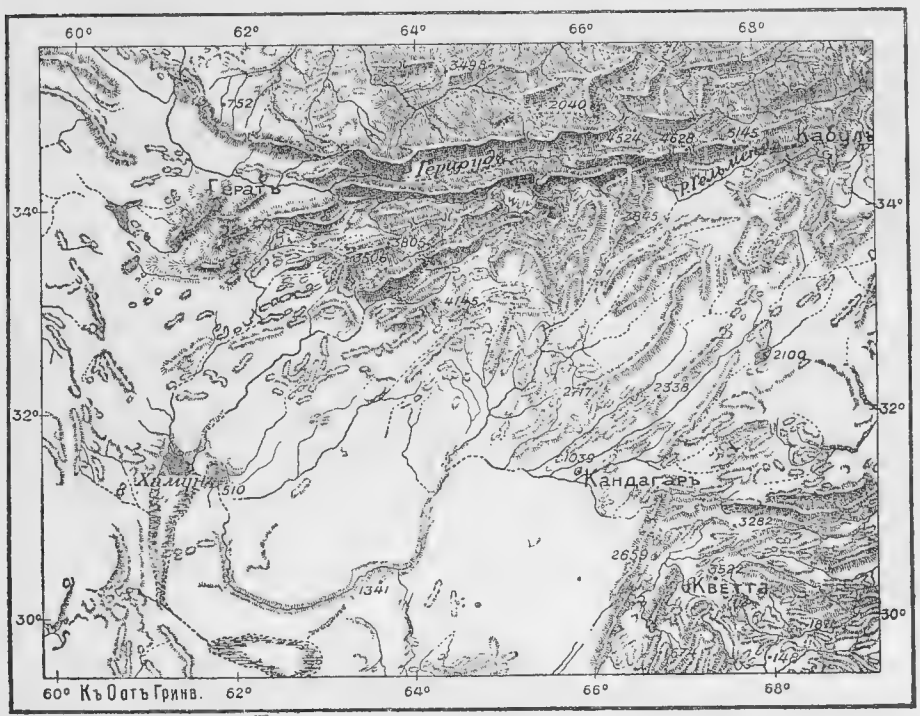
части высокаго Гиндукуша. Здѣсь представляется цѣлый рядъ горныхъ проходовъ, но изъ всѣхъ ихъ наиболѣе легки тѣ, которые идутъ чрезъ Каракоталъ и Баміанъ, пересѣкаютъ главную цѣпь горъ перевалами высотою въ 3—4.000 метровъ и спускаются затѣмъ прямо въ долину одного изъ притоковъ Кабула или же достигаютъ самой рѣки этой, протекающей здѣсь въ гранитномъ ложѣ. Другой перевалъ, въ томъ же самомъ прорывѣ горъ, позволяетъ воспользоваться боковымъ путемъ, который направляется къ юго-западу въ Сенстанъ и Персію,—это проходъ, называемый въ настоящее время Хаджикакъ, т.-е. «проходъ пилигримовъ»,—названіе, которое напоминаетъ о томъ, что цѣлые караваны мусульманъ-паломниковъ направляются чрезъ него къ священнымъ городамъ Месопотаміи и побережья Краснаго моря. Такимъ образомъ, всѣ эти бреши, вмѣстѣ взятыя, образуютъ жизненный центръ, имѣющій чрезвычайно высокое историческое значеніе,—быть-можетъ, во всемъ мірѣ нѣтъ другого пункта, который въ этомъ отношеніи могъ бы сравниться съ этимъ. Разумѣется, не могло обойтись безъ того, чтобы по ту и по другую сторону указанныхъ проходовъ не возникли богатые и могущественные города, которыми пользовались постоянно въ мирное время путешественники и которыхъ добивались завоеватели. Здѣсь черезъ эти проходы, безъ сомнѣнія, происходили на зарѣ нашей исторіи передвиженія народовъ, говорящихъ на арійскихъ нарѣчіяхъ, съ одного склона индійскаго Кавказа на другой.

Внѣ указанныхъ историческихъ путей и ихъ подступовъ области древней Арахозіи располагаются такимъ способомъ, что защищаютъ живущія въ нихъ народности отъ всѣхъ измѣненій. Массивы горъ образуютъ отдѣльныя защищенныя области и благопріятствуютъ сохраненію стариннаго режима и прежнихъ нравовъ; безъ сомнѣнія, очень многія народности отдаленныхъ мѣстностей остались тамъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ существованія въ теченіе всѣхъ вѣковъ древняго періода и даже еще въ теченіе долгихъ вѣковъ послѣ похода Александра Македонскаго. Дрангіана, лежащая на полу-пути между горами и выжженой солнцемъ пустыней, является мѣстомъ отдохновенія народовъ, въ которое иногда, благодаря близости великихъ путей и крупныхъ культурныхъ центровъ, проникала культура и развивалась, принимая самыя оригинальныя формы. Древняя исторія этой страны еще подлежитъ изученію.

Въ областяхъ, тянущихся къ югу отъ той впадины, въ которой течетъ рѣка Гельмендъ и располагаются соленыя озера Сенстана, другіе горные районы населены осѣдлыми племенами, которыхъ также защищаютъ, какъ стѣны крѣпости, отвѣсные обрывы горъ. На этомъ, однако, и прекращается сходство внѣшнихъ условій, такъ какъ прежде всего массивы эти въ среднемъ менѣе высоки, чѣмъ грандіозная стѣна

Гиндукуша, и, вслѣдствіе иного расположенія, они предоставляютъ гораздо меньше удобныхъ убѣжищъ. Затѣмъ горы эти располагаются и въ иномъ климатѣ, очень сухомъ, съ дождями, выпадающими безъ какой-либо правильности и недостаточно часто, почему условія для произрастанія растеній не настолько благопріятны, чтобы жители могли разсчитывать на ежегодную обильную жатву,—нерѣдко недостатокъ средствъ пропита-

№ 64. Сеистанъ и Дрангіана.



По военнымъ картамъ Индіи.

1 : 8 000 000

0 100 200 300 400 500 Килом.

Форма и протяженіе соленыхъ озеръ, въ которыхъ оканчиваются р. Гельмендъ и другія рѣки Сеистана, подвержены постояннымъ измѣненіямъ.

нія заставляетъ ихъ выселяться въ сосѣднія страны частями или даже сплошь, съ мирными или воинственными цѣлями. Съ другой стороны, напасть на ихъ убѣжище легче, благодаря существованію многочисленныхъ промежуточныхъ равнинъ, развѣтвляющихся въ видѣ длинныхъ аллей по всей территоріи этой древней страны Кадру—«страны смуглыхъ людей»; свое названіе она получила по цвѣту кожи ея обитате-

лей—племени «брани», которое Геродотъ называлъ племенемъ «эфіоповъ». Греки измѣнили названіе Кадру въ «Гедрозія»; теперь эта страна носитъ названіе Белуджистана [1]).

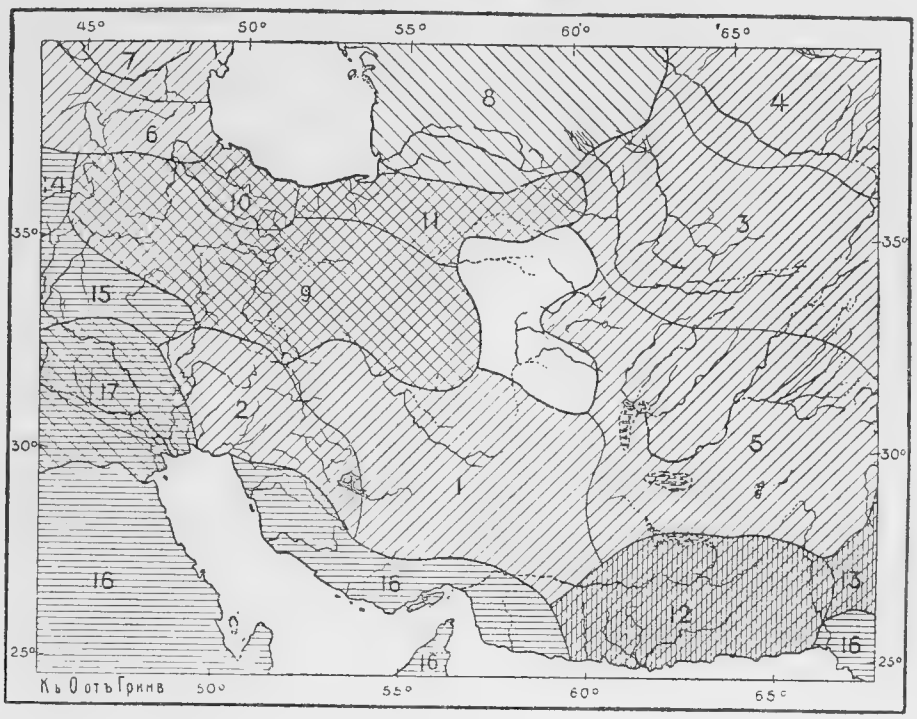
Вполнѣ естественно, что обитатели побережья Индійскаго океана и Персидскаго залива стремились установить правильныя и частыя торговыя сношенія вдоль побережья. Исторія говоритъ намъ, что этимъ путемъ, дѣйствительно, пользовались не только небольшіе караваны, но и цѣлыя арміи. Однако, отсутствіе прѣсной воды по побережью, малое количество очень разбросаннаго населенія, опасность умереть отъ голода или отъ жажды отталкивали нерѣдко купцовъ и военачальниковъ отъ этого пути, который во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ не являетъ никакихъ серьезныхъ препятствій; не горныя преграды, а сыпучіе пески сдѣлали Гедрозію страною опасною и страшною для путешественниковъ. Набѣги разбойничьихъ племенъ, налетающихъ внезапно, какъ стаи воронъ, заставляли также опасаться этой выжженой солнцемъ страны. Во всѣ времена морскимъ путемъ отъ портовыхъ городовъ Индостана къ таковымъ Персидскаго залива пользовались чаще, чѣмъ сухопутнымъ, и тѣ нѣсколько городовъ, которые встрѣчаются на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого по побережью, обязаны своимъ существованіемъ прежде всего захожденію въ нихъ каботажныхъ судовъ.

Изученіе этническихъ элементовъ, соединенныхъ въ области между Памирами и Месопотаміей, показываетъ, что съ самаго начала историческаго періода здѣсь находились три какъ бы налегающія одна на другую расы: семитическая раса, арійская раса и являющаяся съ лингвистической точки зрѣнія полною ихъ противоположностью [2]) туранская раса. Семиты доходили лишь до подножій хребта Загроша, тогда какъ арійцы и туранцы оспаривали другъ у друга обладаніе плоскогоріемъ, причемъ не было никакой возможности сказать, кто изъ нихъ ранѣе занималъ страну. «Древніе туранцы», о которыхъ здѣсь только и будетъ рѣчь (родственность ихъ турано-алтайскимъ племенамъ—татарамъ, монголамъ, тюркамъ, венграмъ и финнамъ—не болѣе какъ предположеніе), проникли въ страну съ юго-восточнаго угла Каспійскаго моря, поднялись на плато Ирана, захватили Атропатену и область древней Мидіи. Далѣе къ югу они заняли также значительную часть долинъ нагорной Сузіаны. Наконецъ, «аккадійцы» или «горные жители» того же туранскаго происхожденія спустились въ долины Месопотаміи, гдѣ они встрѣтились съ народностями различнаго происхожденія, пришедшими, быть-можетъ, съ

1) Hermann Brunnhofer. «Urgeschichte der Arier in Vorder- und Central-Asien», Erster Band, p. 109.—2) «Questi n sumérienne». J. d'Oppert, J. de Morgan, Hommel etc.—Halévy, Guyard etc.

юга или юго-запада и образованными главнымъ образомъ семитами, къ которымъ въ бо́льшей или меньшей степени были примѣшаны другіе элементы.

№ 65. Народности Ирана.



1. Персы въ узкомъ смыслѣ слова.
2. Эламиты.
3. Бактры,
4. Согдіанцы.
5. Пактіанцы.
6. Алародійцы.
7. Албанцы Кавказа.
8. Туркмены.
9. Мидяне.
10. Рагійцы.
11. Гирканцы.
12. Брани или „эфіопы" Геродота.
13. Индусы.
14. Семиты въ узкомъ смыслѣ слова.
15. Ассирійцы.
16. Арабы.
17. Халдейцы.

Данныя карты нѣсколько расходятся съ текстомъ: именно, здѣсь эламиты разсматриваются какъ народность, сдѣлавшаяся арійской.

На высотахъ Ирана соперничавшія и враждовавшія народности принадлежали въ значительной части къ двумъ расамъ—арійской и туран-

ской,—расы эти искали новаго равновѣсія въ своей относительной группировкѣ; южная и восточная часть плато, отъ Арахозіи до провинціи Персіи (Персиды), были заняты арійскими народностями; по направленію къ сѣверо-востоку ихъ преобладаніе уменьшалось. Геродотъ въ знаменитомъ отрывкѣ своей исторіи (I, 101) перечисляетъ 6 родовъ («genea») мидянъ, и изъ истолкованія ихъ названій, которое пытались дать Оппертъ и Ленорманъ, вытекаетъ, повидимому, что два изъ этихъ родовъ—одинъ, обозначенный спеціально какъ «арійская народчость», и другой—«народность маговъ» или «лучшихъ»—были того же происхожденія, какъ персидскій народъ; другія четыре этническія группы составляли, быть-можетъ, именно ту «туранскую основу» земледѣльческаго населенія, которая дѣлилась на двѣ группы—осѣдлыхъ земледѣльцевъ и пастуховъ номадовъ [1]). Еще 26 вѣковъ тому назадъ горная область между Араксомъ и плоскогоріемъ Ирана была населена народностями, не имѣвшими никакой арійской примѣси. Какъ бы символомъ того антагонизма, который существовалъ между туранцами и арійцами, населявшими плато между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, является вѣковая борьба между обѣими вѣтвями той же семьи—мидянами и персами.

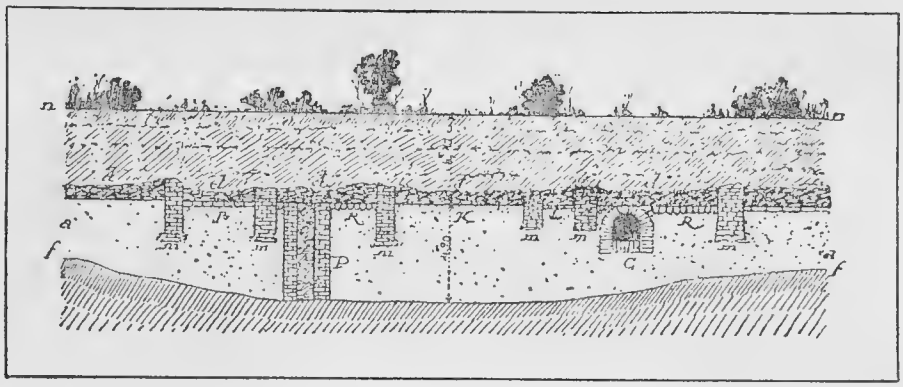
Въ мидійскомъ текстѣ надписей, вырѣзанныхъ на камнѣ по приказанію властителей Ахеменидовъ, всѣ слова государственнаго и административнаго языка заимствованы непосредственно изъ арійскаго нарѣчія высшихъ классовъ, т.-е. изъ древне-персидскаго языка (его не должно смѣшивать съ современнымъ персидскимъ, который со времени распространенія магометанства переполнился арабскими словами). Однако, порабощенныя народныя массы сѣверо-западной части Иранскаго плоскогорія продолжали долгое время говорить на нарѣчіи не арійскаго происхожденія, и цари Персіи должны были признать его однимъ изъ оффиціальныхъ языковъ имперіи. Въ надписяхъ, сдѣланныхъ на трехъ языкахъ, которыя мы до сихъ поръ встрѣчаемъ на стѣнахъ скалъ, второе мѣсто послѣ персидскаго языка занимаетъ какой-то агглютинирующій языкъ, въ которомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ спеціалистовъ, можно распознать формы тюркскихъ нарѣчій,—этотъ языкъ (мидійскій или ново-анзанитскій?) былъ языкомъ народнымъ и, являясь одной изъ старинныхъ традицій мидійской имперіи, получилъ болѣе почетное мѣсто впереди вавилонскаго языка; въ надписяхъ, сдѣланныхъ на четырехъ языкахъ, за нимъ и за вавилонскимъ слѣдуетъ египетскій текстъ [2]). Въ двухъ мѣстностяхъ древней Мидіи, упоминаемыхъ Шпигелемъ [3]), изслѣдователи отмѣчаютъ присутствіе надписей, сдѣланныхъ лишь на одномъ

1) Fr. Lenormant, «Les Origines de l'Histoire», tome II, p. 489 et suiv.— 2) Oppert, «Le Peuple et la langue des Mèdes»; Lenormant, passim; J. Halévy, «La prétendue langue d'Accad», «Les prétendus mots sumériens», J. de Morgan.— 3) Spiegel, «Erân», p. 34.

языкѣ, несомнѣнно туранскаго происхожденія, на которомъ говорили древніе обитатели страны, порабощенной завоевателями-арійцами.

Ученые не могутъ еще пока рѣшить, въ какой пропорціи были представлены эти два этническіе элемента въ смѣшанномъ населеніи Мидіи, хотя самый фактъ общности происхожденія нашихъ западно-европейскихъ языковъ и арійскаго языка персовъ побуждаетъ насъ, подъ вліяніемъ естественнаго эгоистическаго чувства, приписывать арійцамъ господствующую роль на плоскогоріи Ирана,—какъ въ смыслѣ численности, такъ и въ смыслѣ политическаго значенія невольно мы отводимъ первое мѣсто персамъ.

Впрочемъ, когда борьба между народностями прекратилась, она прекратилась и между языками и продолжалась лишь на другой почвѣ—



Разрѣзъ чрезъ слои наноса, заключающіе развалины древняго города Амоль.
По фотографіи Моргана.

a.—Древніе наносные слои, на которыхъ былъ построенъ городъ.
f.—Твердые нижніе слои почвы.
m, *p*, C, P, R.—Фундаменты, своды и трубы.
d.—Верхній уровень развалины.
n.—Современный уровень почвы.

на почвѣ духовнаго и нравственнаго развитія, — именно, наблюдалась борьба между дуалистической религіей арійцевъ и вѣрою въ духовъ или шаманизмомъ туранцевъ [1]). Несмотря на то, что борьба эта была глухой и безсознательной, она не препятствовала проявленію антагонизма, который сохранился до извѣстной степени и до нашихъ дней.

Обитатели Ирана считали себя, естественнымъ образомъ, подобно другимъ народамъ, народностью, занимающею первое мѣсто среди остальныхъ этническихъ группъ; они не ошибались, впрочемъ, нисколько, когда приписывали своей странѣ преимущественное вліяніе, сравнительно съ окружающими областями, которыя нерѣдко обозначались подъ общимъ

1) Lenormant, «Premieres civilisations».

названіемъ «Турана». Названіе это произносилось иранцами часто съ извѣстнымъ оттѣнкомъ ненависти и презрѣнія, аналогично тому, какъ выражаются китайцы относительно «чужеземныхъ чертей»,—оно прилагалось преимущественно къ бродячимъ народностямъ, блуждающимъ по обширнымъ равнинамъ, которыя тянутся къ сѣверу отъ Паропамиза между окаймленными зеленью берегами Оксуса и Яксарта. Въ болѣе расширенномъ смыслѣ, подъ названіемъ Турана понималась также и вся область сѣвера Азіи вплоть до Ледовитаго океана и Берингова моря. Персы, подобно евреямъ, грекамъ и до нѣкоторой степени и другимъ народностямъ, пришли къ убѣжденію, что именно они образуютъ человѣчество по преимуществу, народъ божественнаго происхожденія, всѣ же остальныя народности—не что иное, какъ сборище низшихъ существъ, не имѣющихъ даже права на наименованіе человѣка. «Книга царей» поэта Фирдуси является по существу не чѣмъ инымъ, какъ исторіей священной войны между героями и чудовищами, между добрыми и злыми геніями, между Ираномъ, какъ представителемъ всего добраго, и Тураномъ—символомъ всякаго зла. Впрочемъ, наименованіе «туранцы», принятое цѣлою школою антропологовъ для обозначенія всѣхъ не арійскихъ народностей сѣвера Азіи, доказываетъ, что и современная наука находится подъ вліяніемъ тѣхъ же увлеченій и идей, которыми были одушевлены древніе обитатели Ирана. Подобно послѣднимъ, мы, подъ вліяніемъ, такъ сказать, расоваго инстинкта, унаслѣдовали горделивыя представленія объ арійцахъ и рисуемъ себѣ туранцевъ—народности, родившіяся внѣ нашего избраннаго міра,—какъ народности, стоящія во всѣхъ отношеніяхъ ниже. «Арія и Тура», позднѣе Иранъ и Туранъ [1]), — являли собою контрастъ, столь явственно намѣченный самою природою, что представленіе о немъ удерживается у насъ даже по истеченіи цѣлыхъ тысячелѣтій и на разстояніи многихъ тысячъ километровъ отъ мѣста его происхожденія.

Область страны Эламъ, въ первоначальномъ значеніи этого наименованія, располагалась среди первыхъ отроговъ Загроша, которые господствуютъ надъ Месопотаміей и надъ морскимъ побережьемъ, вдающимся между Аравіей и Ираномъ; въ теченіе вѣковъ, однако, подъ наименованіемъ страны Эламъ соединилась вся область къ востоку до окраины плоскогорія, къ западу—до Сузіаны, которая, въ первоначальномъ значеніи этого слова, представляла изъ себя лишь низовую часть долины рѣки Каруна; мало-по-малу оба эти названія, Эламъ и Сузіана, стали употребляться одно вмѣсто другого. Этимъ объясняется, что Суза, которая, будучи взята въ отдѣльности, принадлежала бы географически скорѣе къ

1) Lenormant, ouvrage cité.

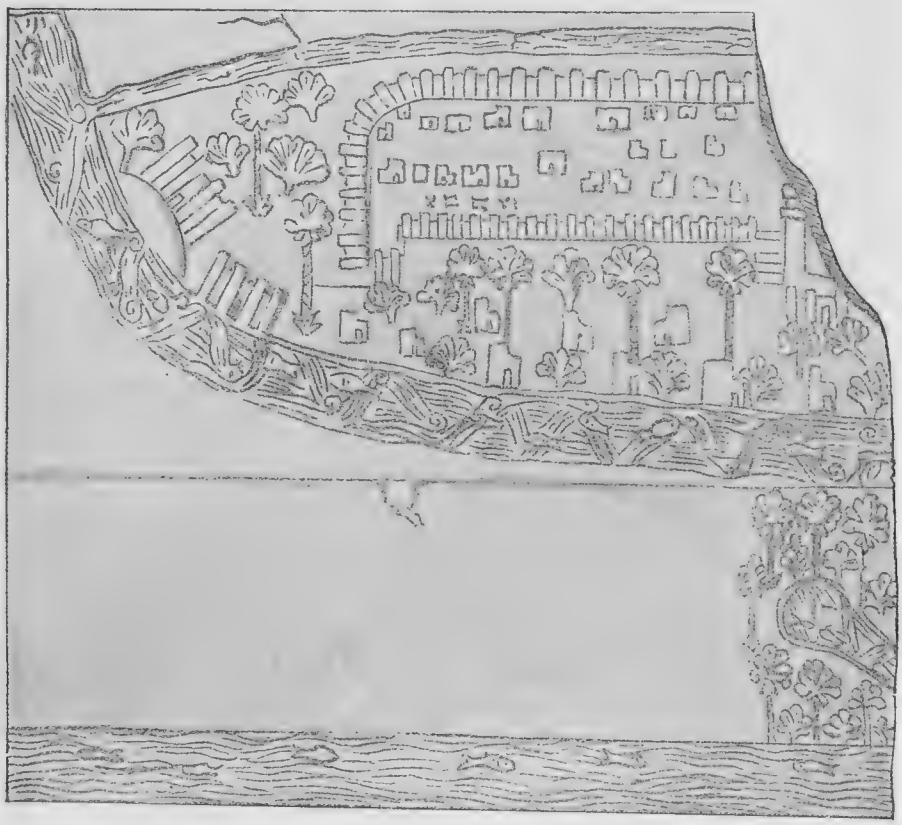
Барельефъ Хуринъ-Шейхъ-Хана.
По фотографіи Моргана.

Клинообразная надпись на правой сторонѣ барельефа болѣе поздняго происхожденія. Она гласитъ: „Тардоннисъ, начальникъ города, сынъ Синипса, возстановилъ это изображеніе и снова воздвигъ его, такъ какъ оно упало Кто уничтожитъ это изображеніе, того пусть превратятъ въ прахъ Шамашъ и Ададъ, его самого и его племя и самое имя его".

Трудно и представить себѣ, какова древность этого памятника, реставрація котораго относится къ эпохѣ, современной, по Дж. Моргану, царю Гудеа, жившему 5600 лѣтъ тому назадъ. Находится этотъ памятникъ недалеко отъ Кальмана (см. карту № 69).

Месопотаміи, входитъ въ составъ Ирана. Въ самыя первыя времена историческаго періода, въ ту эпоху, когда цивилизованными народностями Халден были аккадійцы и сумерійцы, эламиты, которые по своему культурному развитію стояли не ниже ихъ, смотрѣли свысока на этихъ своихъ соперниковъ и оберегали отъ ихъ нападеній свою столицу.

Лучи историческаго знанія, отброшенные на эту страну недавними изслѣдованіями, проникаютъ, по Моргану [1]), въ глубину приблизительно сотни вѣковъ. Въ эти отдаленныя времена Персидскій заливъ заходилъ далѣе на сѣверъ, захватывая сушу, и слонъ, носорогъ, левъ и антилопа странствовали по болотистымъ равнинамъ у подножія горъ: остатки этихъ животныхъ находятся въ настоящее время на глубинѣ 20 метровъ подъ поверхностью земли, надъ ними располагаются обдѣланные камни и че-



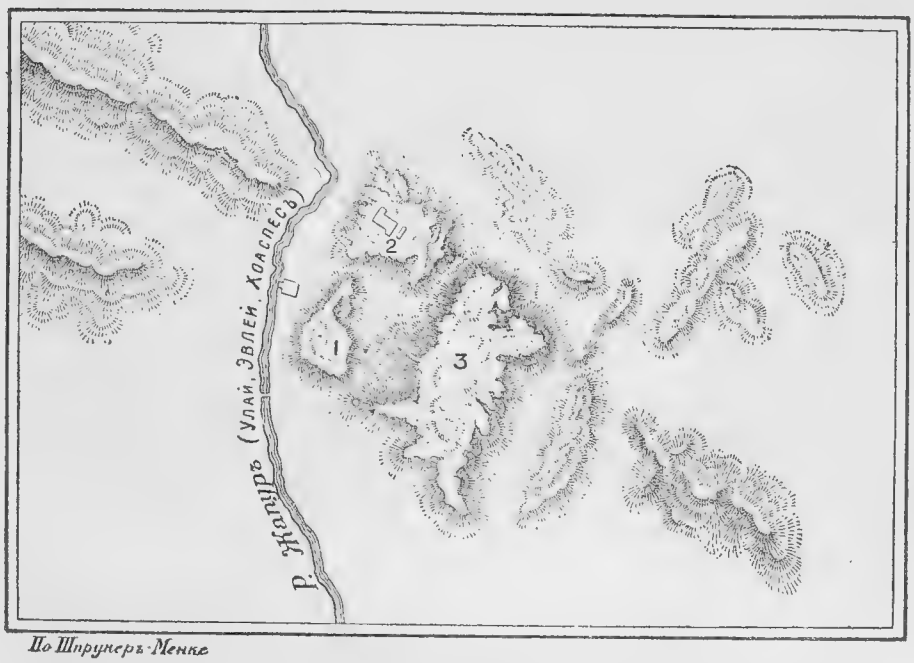
Обломокъ барельефа, найденнаго въ 1857 г. и изображающаго планъ г. Сузы.

репки глиняной посуды, свидѣтельствующіе о существованіи въ тѣ времена человѣка. Ученые изслѣдователи нашли также глиняныя таблички, покрытыя знаками, которые до сихъ поръ не удалось дешифрировать,— онѣ представляютъ изъ себя счетныя таблицы, древность которыхъ опредѣляется приблизительно въ 6000 лѣтъ. Имя самаго перваго изъ царей, о которомъ удалось узнать, относится къ столь же отдаленной эпохѣ.

1) Morgan, «Histoire de l'Élam»

Со времени этихъ первыхъ историческихъ указаній до разрушенія Сузы ассирійцами, т.-е. въ теченіе періода болѣе чѣмъ въ 3.000 лѣтъ, исторія страны Эламъ является въ общихъ чертахъ не чѣмъ инымъ, какъ разсказомъ о непрерывной борьбѣ между властителями Сузы и властителями городовъ Халден. Объ этомъ свидѣтельствуютъ уже надписи: оффиціальнымъ языкомъ Сузіаны былъ попеременно то семитическій, т.-е.

№ 66. Планъ города Сузы.



По Шпрунеръ-Менке.

1 : 25 000

0 200 400 600 800 1000 Метр

1. Цитадель. 2. Дворецъ Дарія (Ападана). 3. Царскій акрополь.

вавилонскій, то туранскій, т.-е. анзанитскій, смотря по тому, кто побѣждалъ—Вавилонъ или Суза.

Войны не мѣшали, однако, торговымъ и культурнымъ сношеніямъ между обитателями Халден, семитами или семитизированными народностями, и туранцами, жившими у склоновъ Ирана.

Эламиты обладали очень древней культурой, даже болѣе древней, чѣмъ жители Месопотаміи,—они населяли занятую ими область еще въ тѣ времена, когда долина великихъ рѣкъ едва выдавалась изъ воды. Потому-

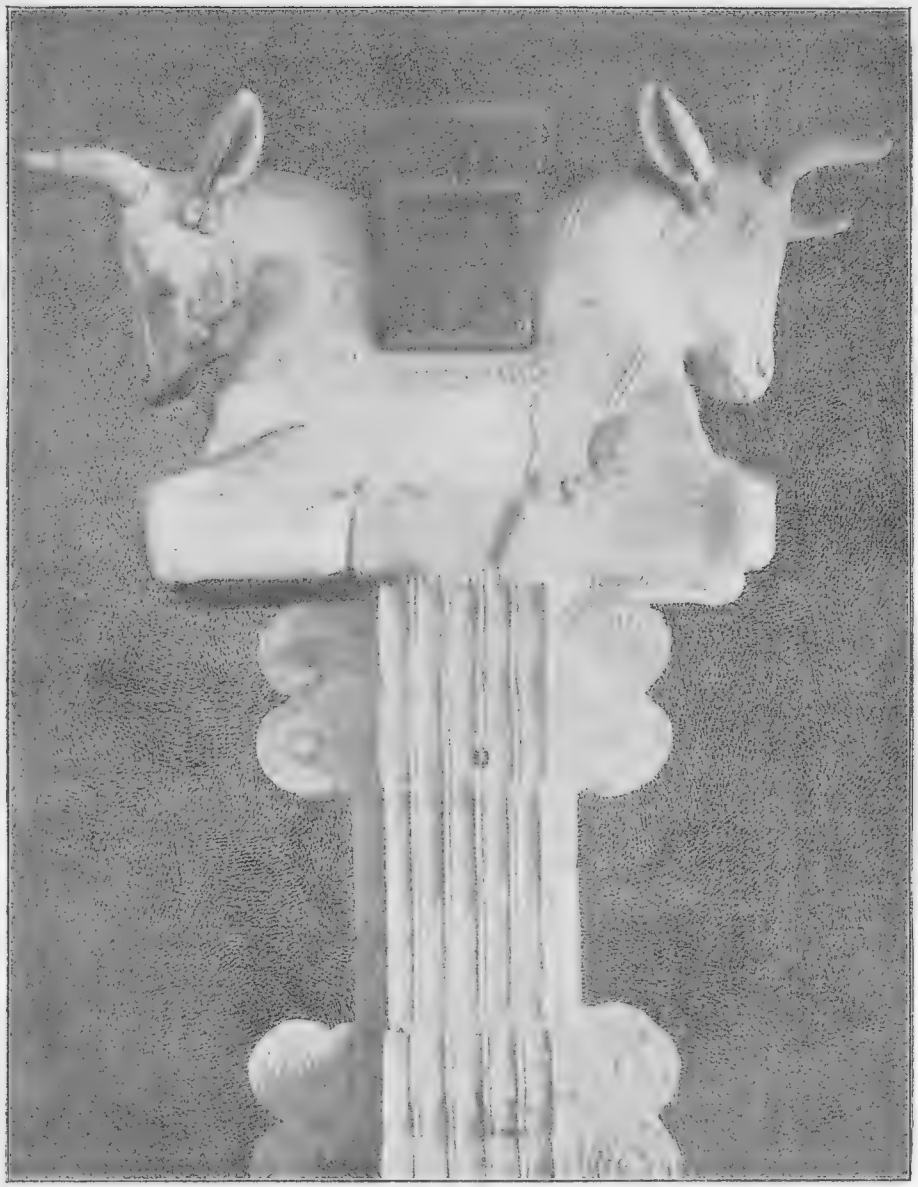
то страна ихъ и называлась вавилонянами «древней землей»—Эламъ. У эламитовъ была уже сильно развитая промышленность, они умѣли вспахивать и обрабатывать почву, сѣяли просо и пшеницу. Въ странѣ ихъ было введено съ самыхъ древнихъ временъ пришедшее изъ Индіи чрезъ Персидскій заливъ воздѣлываніе сахарнаго тростника,—оно и обусловило названіе этой страны «Хузъ» (Суза) или «страна сахара» [1]).

Эламиты запрягали въ свои военныя колесницы по двѣ лошади и при взятіи городовъ пользовались для разрушенія стѣнъ метательными машинами. Своимъ глинянымъ сосудамъ они придавали различныя красивыя формы, умѣли отливать благородные металлы, золото, серебро, мѣдь. Въ качествѣ астрономовъ и математиковъ они были причастны халдейской наукѣ; они пользовались децимальной и дуодецимальной системой счисленія, умѣли предсказывать солнечныя затменія и знали «золотое число», т.-е. 19-лѣтній періодъ, послѣ котораго солнце и луна становятся въ совершенно тождественное положеніе по отношенію къ землѣ. Они раздѣляли время на годы, мѣсяцы, недѣли и дни совершенно такъ же, какъ ихъ сосѣди, обитатели Месопотаміи; наконецъ, они обладали и сокровищемъ всѣхъ сокровищъ—письменностью.

Наиболѣе славный періодъ эламитскаго могущества относится къ періоду, отдаленному отъ насъ на 42 вѣка. Въ эту эпоху въ Сузѣ властвовали цари, извѣстные подъ именами Нахонтовъ или Нахунтовъ; власть ихъ распространялась на западъ до Средиземнаго моря; мы не можемъ сказать, какое отношеніе имѣлъ этотъ фактъ ко вторженію въ Египетъ «пастушескихъ народностей»,—вторженію, которое произошло съ точностью до одного вѣка въ то же самое время. Во всякомъ случаѣ, оба эти факта относятся къ тому же циклу перемѣщенія народностей. На востокъ Нахонты расширили такъ далеко свои владѣнія, что отъ нихъ получилъ первоначальный толчокъ чрезъ Бактріану Китай: горная народность, бахтіары, заронили искру, которая зажгла китайскую цивилизацію [2]).

Могущество эламитской имперіи было, однако, недолговѣчно; 39 вѣковъ тому назадъ знаменитый вавилонскій царь Хаммураби покорилъ Сузу. Позднѣе, послѣ вѣковой борьбы, отдѣльныя фазы которой не выяснены, могущественные цари снова имѣютъ центромъ своей имперіи столицу Сузіаны. Одинъ изъ членовъ этой династіи, Шиншинакъ, сынъ Шутрукъ-Нахонта, большой строитель и археологъ, возстановилъ болѣе 20 древнихъ храмовъ, откопалъ и реставрировалъ старинныя колонны, тщательно переписалъ находившіеся на памятникахъ тексты на древ-

1) Carl Ritter, «Asien», vol. IX, pp. 229 et suivantes. — 2) Terrien de la Couperie, «Babylonian and Oriental Record».



Украшеніе колоннъ во дворцѣ Артаксеркса Ападана (Суза, эпоха Ахеменидовъ).
Луврскій музей.

немъ семитическомъ языкѣ, имѣвшемъ иногда 2.000-лѣтнюю давность, и прибавилъ къ нимъ на анзанитскомъ языкѣ свое собственное имя и имена своей жены и своихъ дѣтей [1]).

1) Capitan. «Histoire de l'Élam». Revue de l'École d'Anthropologie.

До этого времени Иранское плоскогоріе оставалось внѣ исторіи; населеніе Ирана до эпохи Ахеменидовъ не обладало искусствомъ письма. Неясные намеки, которые открываются въ настоящее время, указываютъ, однако, на то, что мало-по-малу центръ притяженія всего персидскаго міра перемѣщался съ юга къ сѣверу, — въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ перемѣщался центръ его могущества въ предѣлахъ бассейна обѣихъ рѣкъ. Вслѣдъ за великимъ вліяніемъ, которое оказывала на весь восточный міръ Халдея, послѣдовало такое же вліяніе Ассиріи; этимъ государствомъ были даже присоединены нѣкоторыя окраинныя области и плоскогорія. Одинъ изъ городовъ, лежащихъ на берегу Тигра, Нинивія, сдѣлался могущественнымъ соперникомъ Сузы.

Безумная страсть къ разрушенію и ко взаимному уничтоженію обуяла, повидимому, народности, обитавшія между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, со времени возникновенія ассирійскаго могущества. Войны слѣдовали безъ перерыва одна за другою; онѣ кромѣ того усложнялись еще чрезвычайно набѣгами новыхъ народностей, пришедшихъ съ сѣвера: киммерійцы, пришедшіе изъ сарматскихъ степей, завоевываютъ Малую Азію и Арменію, затѣмъ скифы вторгаются изъ бассейна Аральскаго моря.

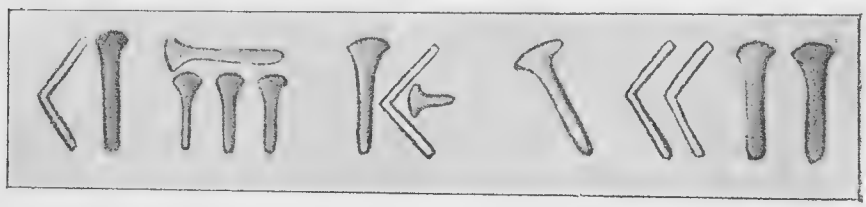
Государство Эламъ было нѣсколько разъ опустошено и завоевано царями Саргономъ и Сеннахерибомъ; наконецъ, по однимъ источникамъ, 2530, по другимъ—2546 лѣтъ тому назадъ была окончательно разрушена ассирійскимъ царемъ Ассурбанипаломъ его тысячелѣтняя столица, Суза. «Я открылъ ихъ сокровищницы, я взялъ оттуда ихъ богатства, золото и серебро... Я отнялъ у нихъ изваяніе Шушинака, божества, обитающаго въ лѣсахъ,—изваяніе, котораго еще никому не удавалось видѣть... Я разбилъ крылатыхъ львовъ и быковъ, охранявшихъ ихъ храмы»! Такъ упивался побѣдитель обуявшей его страстью разрушенія и такъ воспѣвалъ онъ свои дѣянія. Для него имѣли, однако, мало цѣны и значенія обожженыя глиняныя таблички, представлявшія собою правительственный архивъ,—онѣ уцѣлѣли и являются для насъ несравненно болѣе драгоцѣнными, чѣмъ золото и серебро, столь прельщавшія, повидимому, варваровъ-побѣдителей [1])! Послѣ паденія Сузы государство Эламъ — «самое древнее изъ государствъ Передней Азіи» — сошло съ міровой сцены [2]).

Лѣтъ 30 спустя, послѣ паденія Сузы, погибла подъ ударами мидянъ и гордая столица саровъ Нинивія, а еще черезъ 50 лѣтъ на персидскій тронъ вступилъ «царь царей» Киръ.

---

1) J. de Morgan. «Mission archéologique en Perse». Предисловіе.—2) G. Maspero, «Histoire ancienne des peuples de l'Orient», p. 470.

Самое древнее изъ событій исторіи Ирана, сохраненное подобно алмазу въ грязной глинѣ, свидѣтельствуетъ среди груды легендъ и противорѣчивыхъ хроникъ, что древніе персы, которымъ приходилось такъ жестоко страдать отъ притѣсненій царей, пережили также однажды дни расплаты съ ними. Самое событіе это затемняется мракомъ давности, и имена тѣхъ лицъ, которыя вырвали власть изъ рукъ царей, остались намъ неизвѣстными, но народная память и точность разсказа, передаваемаго древней персидской легендой, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что такая революція дѣйствительно имѣла мѣсто [1]). Разсказъ этотъ воплощенъ въ форму курьезной басни о чудовищномъ властителѣ Зохакъ, который носилъ на своихъ плечахъ двухъ гигантскихъ змѣй,—онѣ питались исключительно лишь человѣческимъ мозгомъ. У кузнеца Кауэ 17 сыновей пало жертвою этихъ царственныхъ змѣй, и остался лишь



Клинообразная надпись, срисованная съ памятниковъ Персеполя въ 1621 г.

одинъ единственный сынъ, который тираномъ былъ предназначенъ той же участи. Тогда Кауэ водрузилъ на концѣ древка свой кожанный передникъ кузнеца, собралъ вокругъ себя рабочихъ людей, вооруженныхъ молотами, стамесками, пилами, и пошелъ походомъ противъ Зохака; чудовище было побѣждено и въ страхѣ бѣжало къ горѣ Демавенду, гдѣ другой герой, Феридунъ, приковалъ его къ скаламъ вулкана. Въ теченіе тысячелѣтій кожанный передникъ Кауэ оставался въ качествѣ реликвіи, защищавшей Персію; къ сожалѣнію, кузнецы не сохранили этой реликвіи въ своихъ рукахъ,—ее похитили у народа властители; они покрыли кожу парчею и пурпуромъ, украсили ее алмазами, сапфирами, рубинами и бирюзою; они сдѣлали для нея оправу такой тяжести, что ее едва могли снести нѣсколько человѣкъ; народъ не узналъ болѣе своей святыни. Исторія гласитъ, что часовня, въ которой эта реликвія хранилась, попала въ руки мусульманамъ послѣ ужасной битвы при Кадези, и побѣдители подѣлили ея остатки. «Это не было, однако, настоящее знамя», говорятъ персы про себя, и всѣ они вѣрятъ, что когда-нибудь будетъ найденъ настоящій кожанный передникъ кузнеца! Лишь въ другой формѣ, но и мы питаемъ ту же надежду!

1) Mohl. «Livre des Rois».

Многочисленныя племена, обитавшія въ горахъ и на высокихъ плато, прежде чѣмъ подпасть подъ иго великихъ имперій, пользовались полной политической свободой и находились въ положеніи, сходномъ съ тѣмъ, въ какомъ въ настоящее время находятся бахтіары,—подобно имъ, они жили очень просто, занимались воздѣлываніемъ долинъ и скотоводствомъ на альпійскихъ лугахъ.

Древняя историческая легенда мидянъ, приводимая Геродотомъ, разсказываетъ намъ, что обитатели высокихъ плоскогорій одни лишь не подчинялись законамъ войны и не знали другихъ законовъ, кромѣ законовъ правосудія. Это съ самаго своего появленія была, должно быть, гордая и сильная народность; воспитаніе ея дѣтей заключалось въ трехъ вещахъ: «въ умѣньѣ ѣздить верхомъ,—стрѣлять изъ лука и говорить правду», обычай этой страны запрещалъ даже упоминать о вещахъ, которыя не позволено было дѣлать [1]). Можно напомнить также восклицаніе великаго царя мидянъ Астіага, побѣжденнаго персидскимъ царемъ Киромъ: «Удивительно, какъ эти люди, питающіеся фисташками, могутъ сражаться съ такою храбростью» [2])?

Одна изъ особенностей первоначальнаго языка арійцевъ, поскольку онъ извѣстенъ намъ изъ изученія различныхъ происшедшихъ отъ него діалектовъ, заставляетъ насъ заключать, что у первоначальныхъ народностей этой расы были въ высокой степени мирныя наклонности. Дѣйствительно, слова, относящіяся къ мирнымъ занятіямъ, большею частью между собою сходны или происходятъ отъ общихъ корней; точно также названія, обозначающія домашнихъ животныхъ, родственны въ арійскихъ нарѣчіяхъ какъ востока, такъ и запада, тогда какъ слова, имѣющія отношеніе къ войнѣ, къ охотѣ, и названія дикихъ животныхъ относятся почти всѣ къ языкамъ позднѣйшаго происхожденія, указывая тѣмъ, что вслѣдъ за періодомъ первобытнаго полнаго мира наступили во всей странѣ эпохи борьбы [3]).

Если вѣрить «Книгѣ царей», то первобытные иранцы не ѣли мяса животныхъ и не знали другой пищи, какъ корни, зерна и плоды. Фирдуси разсказываетъ намъ, какимъ способомъ прелестный и добрый принцъ Зохакъ превратился въ чудовище жестокости: его заставили съѣсть яйцо и затѣмъ пріучили постепенно ѣсть мясо, сперва жареное, затѣмъ сырое,—въ концѣ концовъ, онъ сталъ отвратительнымъ людоѣдомъ, надъ которымъ одержалъ побѣду кузнецъ Кауэ со своимъ знаменемъ изъ кожаннаго передника. Такое воспитаніе принца, конечно, символъ революціи, происшедшей въ нравахъ народностей при переходѣ къ мясной пищѣ; революція эта совпадаетъ, по всей вѣроятности, съ періодомъ

1) «Histoires d'Hérodote». Livre I, pp. 136, 138.—2) Nicolas de Damas, цитир. по Dieulafoy, «L'art antique de la Perse», p. 23.—3) Max Müller, «Essais de Mythologie comparée», trad. G. Perrot, pp. 53, 54.

тѣхъ большихъ войнъ, которыя вели обитатели плоскогорія съ народностями низменной равнины.

Свидѣтельства, сохранившіяся со временъ первобытной исторіи, недостаточно многочисленны, чтобы мы могли познакомиться со всѣми сторонами того колоссальнаго наслѣдства, которое получило человѣчество отъ иранскаго міра въ видѣ открытій въ области техники, въ видѣ философскихъ идей, поэмъ, миѳовъ, легендъ. Очень вѣроятно, однако, что въ нашемъ современномъ запасѣ знаній та часть, которая унаслѣдована нами отъ нашихъ предковъ, значительно превышаетъ часть, пріобрѣтенную нами самими.

Мы обязаны имъ даже самыми первыми началами, которыя позволили развиться математикѣ. Именно, у обитателей Ирана,—какъ мы можемъ объ этомъ судить по близкой родственности у всѣхъ арійцевъ терминовъ, обозначающихъ единицы, десятки и сотни,—возникла та система нумераціи, которая, освободившись совершенно отъ примѣненія метафоръ и синонимовъ, установила разъ навсегда для каждаго числа вполнѣ опредѣленное обозначеніе. Въ этомъ заключалось одно изъ наиболѣе значительныхъ событій въ эволюціи человѣческаго рода! Первобытное счисленіе ограничивалось, повидимому, лишь сотнями, такъ какъ наименованія «тысячи» различаются въ индо-европейскихъ нарѣчіяхъ [1]); во всякомъ случаѣ, оно заключало уже въ зародышѣ теорію децимальной системы, безъ которой нельзя себѣ представить развитія науки въ современномъ мірѣ.

Наконецъ, является вопросъ, не возникло ли уже у персовъ и представленіе о шарообразной формѣ земли? Дѣйствительно, что такое представляла собою эта удивительная чаша съ вырѣзанными на ней очертаніями семи частей свѣта, которая служила для справокъ Киру? Скорѣе всего въ ней можно видѣть попытку изображенія земного шара.

Тѣ первобытные религіозные культы, которые, соединившись съ другими элементами, сложились позднѣе въ маздеизмъ и сдѣлались причиною того, что страны Ирана получили названіе «чистыхъ» странъ, заключались, повидимому, въ поклоненіи всеочищающему огню и въ обожаніи земледѣлія, которое заставляетъ человѣка вступать въ союзъ съ землею; такой двойственный культъ не выходилъ долгое время изъ предѣловъ отдѣльныхъ семей и не вызывалъ возникновенія жреческой касты.

Конечно, поклоненіе огню является культомъ наиболѣе простымъ, нормальнымъ и понятнымъ,—этотъ культъ легче всего оправдывается и съ научной точки зрѣнія. Съ того времени, какъ человѣкъ утратилъ первобытный страхъ предъ явленіями природы и сталъ размышлять о при-

1) Max Müller. «Essais de Mythologie comparée», trad. G. Perrot, pp. 65, 67.

чинахъ и слѣдствіяхъ въ окружающемъ его обширномъ мірѣ, онъ естественно долженъ былъ преклониться предъ дневнымъ свѣтиломъ, великимъ источникомъ тепла и жизни на землѣ. До того, какъ въ небѣ загорается заря, человѣку холодно и грустно, его тревожатъ сновидѣнія ночи! Какъ только круглый дискъ солнца покажется на горизонтѣ, по всей природѣ разливается трепетъ любви, цвѣты раскрываютъ свои лепестки, птицы начинаютъ свои пѣсни, люди же радостно принимаются за работу. Вечеромъ, когда священное свѣтило, свершивъ свой путь, погружаетъ свой красный дискъ въ мягкое ложе облаковъ или угасаетъ въ водахъ океана, покой распространяется по землѣ, и сонъ объемлетъ всѣ существа, подготовляя ихъ къ новой дѣятельности, къ слѣдующему дню. Сила и мощь солнца переходятъ въ огонь—этотъ земной отблескъ свѣтила, эту искру небеснаго очага; энергія солнца всасывается сокомъ деревьевъ, она переходитъ въ кровь животныхъ и людей, въ ихъ мозгъ и мышцы! Исчезло бы солнце, и въ тотъ же мигъ исчезло бы и все на землѣ! Стоитъ лишь уменьшиться солнечному теплу, и мы окажемся въ области «вѣчной зимы» [1]), наша столь прославленная цивилизація перейдетъ въ варварство, отступившіе къ полюсу ледники снова распространятся за предѣлы полярнаго круга и уничтожатъ всѣ дѣянія рукъ человѣческихъ!

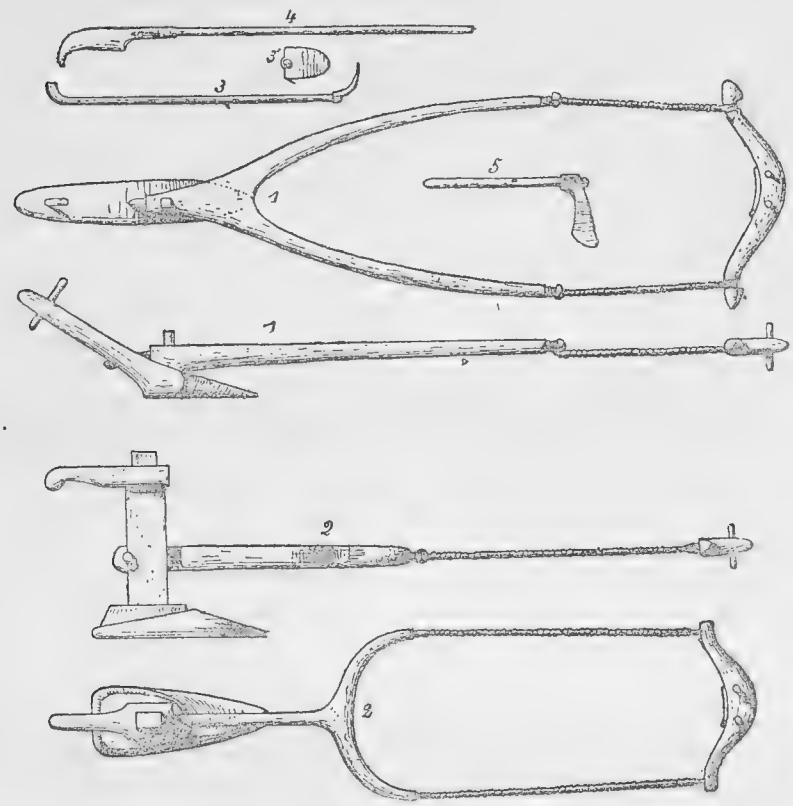
Вполнѣ естественно, что изъ всѣхъ корней, изъ которыхъ выросло величественное древо маздеизма, корнемъ наиболѣе древнимъ былъ именно культъ солнца и его земного представителя—ослѣпительнаго пламени, все сожигающаго и все очищающаго! Эта первобытная религія, слѣды которой отчасти стерло позднѣйшее общее развитіе человѣчества, сохранила въ иранскомъ мірѣ столь опредѣленныя и ясныя черты, что иранскія народности во всѣ времена находились столь же всецѣло подъ ея вліяніемъ, какъ и въ самомъ началѣ своей сознательной жизни.

Правда, какъ животныя, такъ и люди отъ вѣка были знакомы съ огнемъ, который они видѣли въ кратерахъ вулкановъ, при ударѣ молніи въ дерево, въ искрахъ кремня или въ горѣніи смолистыхъ вѣтвей, зажигающихся при треніи; велика была, однако, побѣда человѣка, когда онъ научился сохранять тлѣющіе угли и огонь, и еще больше была его побѣда, когда онъ узналъ способы добыванія огня по своему желанію. По сравненію съ этимъ первымъ открытіемъ, всѣ другія, которыми мы такъ гордимся, являются совершенными пустяками,—всѣ они основаны не болѣе какъ на измѣненіи и превращеніи той первоначальной силы, которую получилъ человѣкъ, когда по его волѣ возгорѣлась первая искра; въ этотъ моментъ всѣ остальные виды его творчества существовали уже въ

1) James Groll, «Climate and time».

зародышѣ! Самая высокая и благородная фигура миѳическаго періода исторіи, безспорно, Прометей, похититель небеснаго огня!

Вполнѣ понятно, что пріемы добыванія огня считались первоначально священнодѣйствіями, и что долгое время добывать огонь старинным способомъ, путемъ вращенія стержня изъ твердаго дерева въ дощечкѣ изъ мягкаго дерева, было долгомъ главы семьи. Домашній огонь



Орудія земледѣлія изъ Мазандерана.

1 и 2. Плугъ.—3. Мотыга для культуры риса,—4. Серпъ съ длинной рукояткой.—5. Топоръ.

въ теченіе тысячелѣтій былъ окруженъ внѣшними знаками глубокаго почитанія, и, какъ это ни странно, совершенно одинаковые обряды почитанія огня встрѣчаемъ мы и у пантеистовъ и политеистовъ—арійскихъ народностей Индіи, и у дуалистовъ—иранцевъ, и у фетишистовъ Африки и Новаго Свѣта, — не ясно ли доказываетъ это, что культъ огня предшествовалъ у всѣхъ народностей развитію религіозныхъ представленій и вѣрованій?

Этотъ первобытный культъ, соотвѣтствовавшій величайшей побѣдѣ человѣчества, которая совершилась во всѣхъ частяхъ земного шара и почти не зависѣла отъ географическихъ условій, могъ долѣе всѣхъ религій обходиться безъ содѣйствія жрецовъ, — сохраненіе огня было естественной обязанностью матери семейства, заботящейся о поддержаніи жизни въ своемъ домѣ. Даже и въ настоящее время, по истеченіи тысячелѣтій, быть-можетъ, даже десятковъ и сотенъ тысячелѣтій, культъ этотъ находитъ нерѣдко безмолвное выраженіе и сказывается во множествѣ обычаевъ: у племени гальчей, напримѣръ, этой первобытной памирской народности, не имѣющей жрецовъ, угольный жаръ каждое утро благоговѣйно освобождается отъ покрывающей его золы; почитаніе тепла, дающаго въ то же время и свѣтъ, таково, что туземцы боятся дотронуться до тлѣющихъ углей нечистыми предметами, — они не рѣшаются даже осквернить угли своимъ дыханіемъ, такъ какъ съ давнихъ временъ уже поняли, что чистый воздухъ превращается при выдыханіи въ летучій ядъ! Чтобы погасить пламя, они должны производить особыя движенія рукой по извѣстнымъ предписаннымъ правиламъ. На камняхъ домашняго очага угольный жаръ является тѣмъ, чѣмъ въ мірозданіи лучезарное свѣтило, освѣщающее работу человѣка!

Такое первобытное поклоненіе животворящему пламени сохранялось во всѣ времена,—оно проникало и во всѣ другія религіи и даже въ тѣ, которыя возникли изъ другого источника—изъ чувства страха предъ смертью; нѣтъ вѣдь на землѣ храма, гдѣ не горѣлъ бы огонекъ, который долженъ вѣчно храниться неугасимымъ! Иногда въ храмѣ, какъ символъ вѣчной жизни народа, вѣчный огонь поддерживаютъ дѣвственницы. Въ тѣхъ религіозныхъ культахъ, въ которыхъ главенствовали жрецы, символизмъ, однако, замѣнилъ конкретную дѣйствительность, и вѣра далеко не являлась уже такой живой и полной, какою она сохранялась, напримѣръ, въ горахъ Ирана и даже въ нѣкоторыхъ деревняхъ Европы, гдѣ хозяйки тщательно покрываютъ вечеромъ уголья золою, чтобы утромъ раздуть ихъ и зажечь отъ нихъ топливо. Во всѣ эпохи жизни человѣчества хозяйки эти были настоящими жрицами огня!

Другой религіозный культъ возникъ у предковъ иранцевъ въ тѣ очень давнія времена, когда какой-то изобрѣтательный земледѣлецъ приспособилъ заостренный кусокъ дерева или кремневый ножъ къ первобытному плугу и запрягъ въ него быковъ,—животныхъ, послѣ собаки, пользовавшихся наибольшимъ почетомъ у человѣка. Собака, кстати сказать, уже въ тѣ времена была вѣрнымъ другомъ и спутникомъ человѣка,—ея имя помѣщается въ надписяхъ непосредственно за именами свободныхъ людей [1]).

---

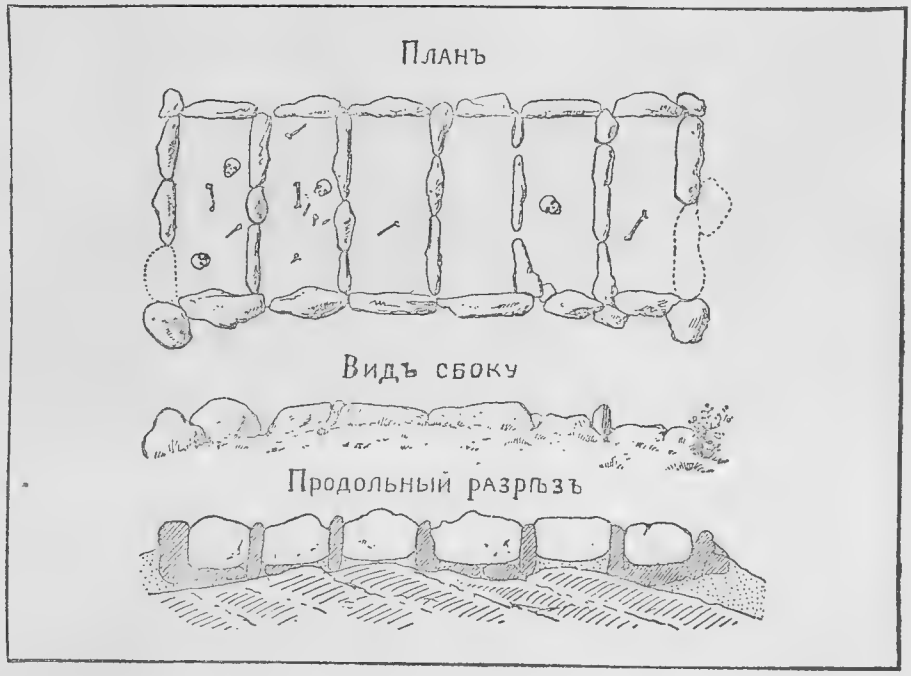
1) De Gobineau. «Histoire des Perses», t. I, p. 24.

Арба земледѣльцевъ изъ Хозрована.

Неизвѣстно, гдѣ именно было сдѣлано это открытіе систематическаго разрыхленія плодородной почвы, но то почитаніе вспахиванія земли, которое мы встрѣчаемъ у восточныхъ арійцевъ въ ихъ Ведахъ, указываетъ намъ, что, повидимому, они унаслѣдовали это искусство,—наше вниманіе направляется къ тѣмъ плоскогоріямъ, съ которыхъ они спустились. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ знакомство съ плугомъ также и у подножья западныхъ склоновъ Ирана въ Месопотаміи, въ эпоху, отдаленную отъ насъ по меньшей мѣрѣ на 7 тысячелѣтій. Изъ этихъ мѣстностей, по сю и по ту сторону Ирана, открытіе обработки почвы распространилось на чрезвычайно обширную область Стараго Свѣта,—частью оно распространялось непосредственно, частью замѣщало воздѣлываніе почвы заступомъ, обработку болѣе простую, которая примѣнялась ранѣе.

Переворотъ, совершившійся какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ мірѣ человѣческаго общества, благодаря открытію примѣненія плуга, является однимъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые наиболѣе глубоко захватили жизнь народностей и натолкнули послѣднія на совершенно новые пути. Итакъ, та форма обработки почвы, которая въ наши теперешнія времена сдѣлалась символомъ консервативности духа, была въ извѣстную эпоху событіемъ революціоннаго характера!

Кромѣ того, измѣненіе въ способѣ обработки почвы повлекло за собою, повидимому, также и замѣну однихъ пищевыхъ веществъ, служившихъ у иранскихъ народностей для поддержанія существованія, другими. Растеніе, которое доставляло до того времени человѣку хлѣбъ, было просо [1]); когда же земледѣлецъ сталъ располагать инструментомъ, который позволялъ ему легче и на болѣе обширномъ пространствѣ разрыхлять землю, онъ сталъ обрабатывать другія полезныя растенія и



Могильникъ послѣдователей религіи Зороастра.
По Моргану.

прежде всего пшеницу и рожь, родину которыхъ ботаники ищутъ въ горахъ Ирана и въ Малой Азіи.

Историческая перспектива сближаетъ событія, которыя совершились въ различныя отдаленныя эпохи, и, вслѣдствіе того, историкъ рискуетъ сильно ошибиться, когда видитъ какъ бы въ одной плоскости цѣлый рядъ открытій, совершавшихся послѣдовательно въ давно прошедшія времена. Если вѣрно, однако, въ дѣйствительности, что примѣненіе домашнихъ животныхъ и изобрѣтеніе колесъ совпадаетъ съ про-

1) Hahn, «Demeter und Baubo. Die Hausthiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen».

гресомъ земледѣлія и съ пріобрѣтеніемъ болѣе обильнаго источника питанія, то надо сознаться, что человѣкъ того времени, человѣкъ арійскаго міра, попалъ въ водоворотъ замѣчательнѣйшихъ открытій и значительно продвинулся впередъ по пути прогресса, какъ въ знаніяхъ, такъ и въ искусствахъ и въ мірѣ духовномъ. Неудивительно, что предки наши, исполненные самаго наивнаго энтузіазма, благодаря побѣдамъ, которыя они одержали надъ окружающимъ, явились также и основателями новой религіи — культа земледѣлія съ его празднествами Пахотьбы, Посѣва и Жатвы. «Въ чемъ заключается послушаніе истинной вѣры»? — говорится въ одномъ мѣстѣ Авесты.— «Оно заключается въ усиленномъ воздѣлываніи хлѣбныхъ злаковъ», — гласитъ отвѣтъ Ормузда.— «Когда хлѣбъ всходитъ, демоновъ объемлетъ страхъ; когда его жнутъ, они воютъ отъ отчаянія; когда его мелютъ, они разсѣиваются»!

Странствующій нищій въ Персіи.

Первобытный культъ огня, воздѣлыванія почвы, плуга, домашнихъ быковъ и насущнаго хлѣба возникъ изъ чувства признательности къ этимъ столь важнымъ въ жизни человѣчества моментамъ и чувства вполнѣ понятнаго восхищенія ими. Это преклоненіе, конечно, отнюдь не могло обусловливать пониженія нравственнаго уровня вѣрующихъ.

Порча нравовъ и отупѣніе стали сказываться лишь въ результатѣ насильственнаго выполненія обрядовъ и нелѣпаго повторенія однихъ и тѣхъ же заученныхъ фразъ; культъ становится причиной регресса умственной жизни съ того момента, когда подпадаетъ подъ власть жрецовъ, которые за свое безпокойство не забываютъ къ тому же собирать съ вѣрующихъ третью, пятую или десятую часть ихъ доходовъ.

Къ этимъ первоначальнымъ религіознымъ вѣрованіямъ первобытныхъ

иранцевъ, нашедшимъ себѣ вполнѣ ясное выраженіе въ Авестѣ и въ другихъ священныхъ книгахъ Персіи, примѣшались, естественнымъ образомъ, и различныя другія религіозныя представленія, свойственныя первобытному поклоненію природѣ и анимизму. Восторженное поклоненіе небу и облакамъ, обожаніе животворящей воды, бьющей ключемъ изъ-подъ земли, боязнь злыхъ духовъ, порожденныхъ разстроеннымъ воображеніемъ человѣка, входили уже въ видѣ примѣси въ составъ первобытной иранской религіи еще до того времени, когда былъ формулированъ маздеизмъ — поклоненіе «Наивысшему» «Премудрому» Существу. Маздеизмъ получилъ затѣмъ чрезвычайно важное значеніе какъ въ исторіи Ирана, такъ и вообще въ исторіи человѣческой мысли,—охвативъ собою всѣ предшествующія формы религій, онъ добавилъ новую идею — идею антагонизма двухъ началъ, добра и зла.

Для насъ имѣетъ мало значенія, былъ ли основатель этой религіи, нѣкій Заратвастра, Заратуштра, Задучъ или Зороастръ, дѣйствительно, исторической личностью, родившейся въ Бактріанѣ, въ Рагэ или въ Атропатенахъ, или же это было лишь легендарное лицо, созданное уже поздиѣе фантазіей людей. Былъ ли Зороастръ, согласно съ допустимымъ, но не вполнѣ достовѣрнымъ этимологическимъ толкованіемъ, дѣйствительно «добрый земледѣлецъ» [1]), и вѣрно ли, что онъ являлся первымъ жрецомъ, первымъ воиномъ и первымъ земледѣльцемъ, — этого мы не знаемъ; достаточно, что имя его является символомъ по существу дуалистической религіи Ирана.

Если первобытный религіозный культъ огня, земледѣлія, природы и духовъ не привязанъ по своему происхожденію къ опредѣленнымъ географическимъ условіямъ, то этого нельзя, во всякомъ случаѣ, сказать относительно религіи Зороастра — маздеизма. Этотъ религіозный культъ обязанъ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени своимъ столь ясно выраженнымъ характеромъ природѣ Ирана.

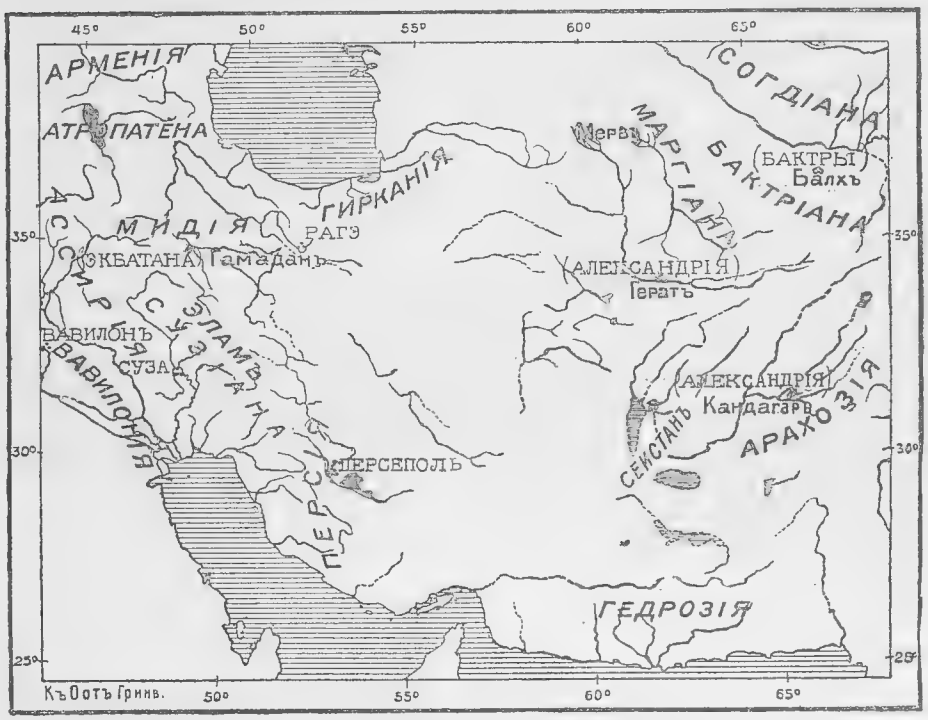
Конечно, сознаніе существованія вѣчной борьбы двухъ началъ не свойственно исключительно Персіи, — каждая народность и каждая человѣческая личность обрѣтаетъ эту борьбу въ самой себѣ. Безпрерывно видимъ мы вокругъ себя и въ насъ самихъ столкновеніе между элементами явно противоположными—столкновенія между свѣтомъ и тьмой, здоровьемъ и болѣзнью, радостью и печалью, смѣхомъ и слезами, любовью и ненавистью, жизнью и смертью. Человѣкъ даже любитъ раздваивать свое собственное «я» на тѣло и душу, хотя единичность и цѣлостность его собственной природы самымъ очевиднымъ образомъ доказывается

---

1) По Вилльямсу Джексону, въ его книгѣ «Zoroaster, the prophet of ancient Iran», «Зар-уштра» обозначаетъ «дикій верблюдъ»; — значеніе это, однако, трудно объяснимо.

самой жизнью. Точно также говорятъ и о полахъ, какъ о противоположныхъ началахъ. Наконецъ, и съ точки зрѣнія политической и моральной всѣ общества разлагаются на партіи и на «софы», на друзей и враговъ, на гражданъ и чужестранцевъ, на грековъ и варваровъ и даже на «сыновей неба» и «дьяволовъ ада».

№ 67. Государства и населенные центры Ирана.



Въ Персіи, однако, мы находимъ и внѣ человѣческой личности ясное выраженія борьбы двухъ началъ въ различныхъ матеріальныхъ формахъ, которыя должны были безпрестанно привлекать къ себѣ вниманіе населенія. Прежде всего уже яркій географическій контрастъ между высокимъ нагорьемъ и нижележащими равнинами, т.-е., съ одной стороны, туркменскими степями, съ другой—долинами Месопотаміи. Контрастъ этотъ долженъ былъ еще болѣе усиливаться, благодаря враждебнымъ нравамъ народностей, приходящихъ между собою въ соприкосно-

веніе, — на плоскогорьѣ — иранцевъ, внизу—туранцевъ. Кромѣ того на самомъ плоскогорьѣ мы видимъ рѣзкую противоположность между роскошными садами городовъ и окружающими ихъ песками и солончаками. Во многихъ областяхъ Ирана каждый городъ окруженъ волнами зелени, которую ему приходится защищать каменной стѣною отъ надвигающихся песчаныхъ дюнъ. Таковы условія, олицетворяемыя борьбою эпическихъ личностей иранца Рустема и туранца Афразіаба, борьбою добраго царя Феридуна и тирана Зохака, на плечахъ котораго покоятся змѣи, алчущія мозга людей!

Въ священномъ миѳѣ иранцевъ контрастъ между двумя началами выражается въ рожденіи двухъ божественныхъ близнецовъ, вышедшихъ изъ одного чрева, равныхъ по могуществу и обладающихъ властью надъ неисчислимыми сонмами духовъ. Одинъ изъ этихъ божественныхъ близнецовъ — Ахура-Мазда или Ормуздъ, что значитъ «премудрый властитель», другой—Ангро-Маину или Ариманъ, что значитъ «духъ притѣсненія», «духъ порабощенія зла». Между обоими этими божествами колеблются непрерывно судьбы міра,—всѣ мы не болѣе какъ игрушка, служащая предметомъ раздора этихъ великихъ борцовъ. Впрочемъ, человѣкъ не долженъ отчаиваться въ исходѣ борьбы, происходящей въ небесной выси: если онъ постоянно будетъ прилагать свои силы въ сторону добра, то, именно благодаря ему, чрезъ 7.000 вѣковъ ожиданія Ормуздъ одержитъ побѣду, и притомъ побѣду самую благородную, — Ариманъ будетъ обращенъ и сдѣлается самъ божествомъ справедливости и міровой любви.

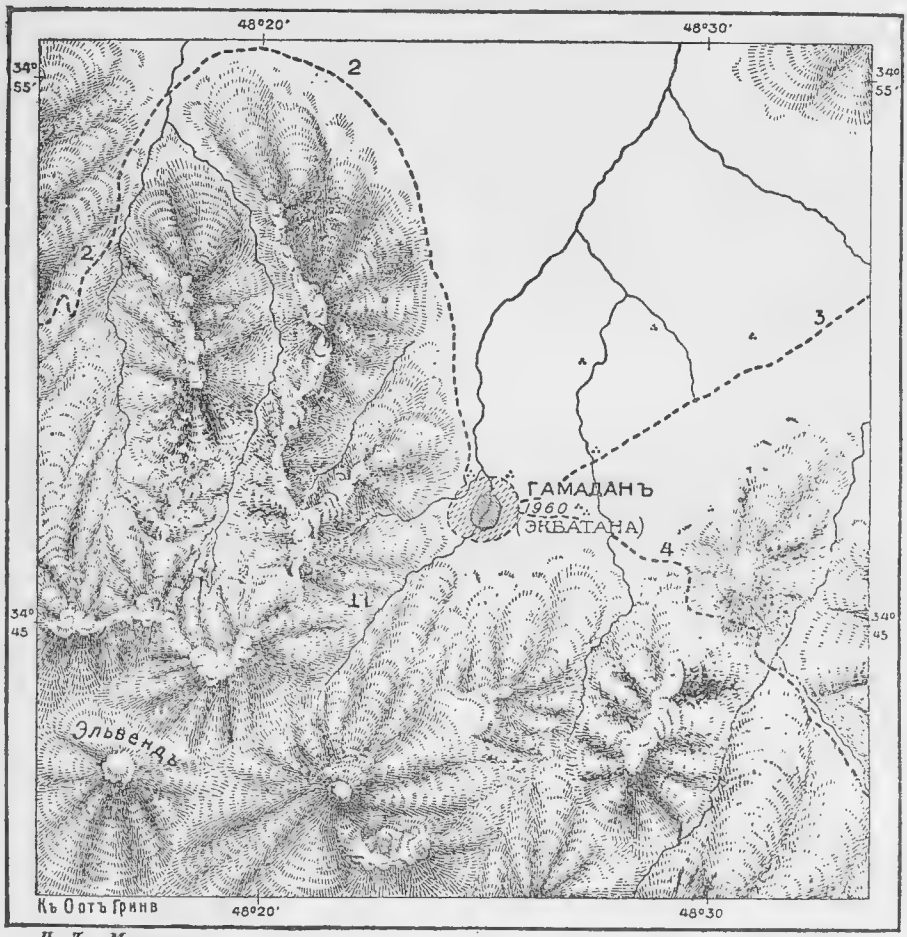
Холмъ развалинъ дворца въ Экбатанѣ.
По Моргану.

Такова была религія, во многихъ отношеніяхъ очень высокая, которую персы проповѣдывали народностямъ окружающихъ равнинъ, начиная съ эпохи Ахеменидовъ [1]); позднѣе, впрочемъ, эта религія сильно измѣнилась, благодаря примѣси различныхъ мѣстныхъ религіозныхъ культовъ и благодаря тѣмъ превращеніямъ, которымъ она подверглась, вслѣдствіе дѣятельности жрецовъ, жаждущихъ матеріальныхъ благъ и власти. Главнымъ очагомъ религіи Зороастра была постоянно Атропатена,

1) De Gobineau, «Histoire des Perses», passim.

«страна великаго жреца»; это была резиденція главнаго священнослужителя, окруженнаго множествомъ другихъ жрецовъ и пользовавшагося одинаковымъ почетомъ съ властителями Ирана. Отъ жрецовъ этихъ намъ

№ 68. Экбатана и гора Эльвендъ.



По Дж. Моргану.

1 : 250000

0 5 10 15 Килом.

1. Надпись на трехъ языкахъ.
2. Путь въ Бизутунъ и Месопотамію.
3. Путь въ Рагэ.
4. Путь въ Персеполь.

осталось въ наслѣдство множество превосходно чеканенныхъ серебряныхъ монетъ съ изображеніемъ главнаго священнослужителя, поклоняющагося огню; кромѣ того на нихъ изображено легендарное знамя кузнеца Кауэ.

Безъ сомнѣнія, жрецы, претендовавшіе на истолкованіе высшей воли, оказывали огромное вліяніе на государственныя дѣла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ до эпохи Сассанидовъ [1]), существовалъ и домашній религіозный культъ, дѣлавшій изъ главы семьи также настоящаго жреца.

Безъ сомнѣнія, Авеста въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ въ настоящее время, была распространена жрецами около III-го вѣка христіанской эры [2]) въ странѣ мидянъ: оттуда и пришли къ намъ новыя священныя книги, возникшія, по всей вѣроятности, изъ остатковъ прежнихъ древнихъ книгъ.

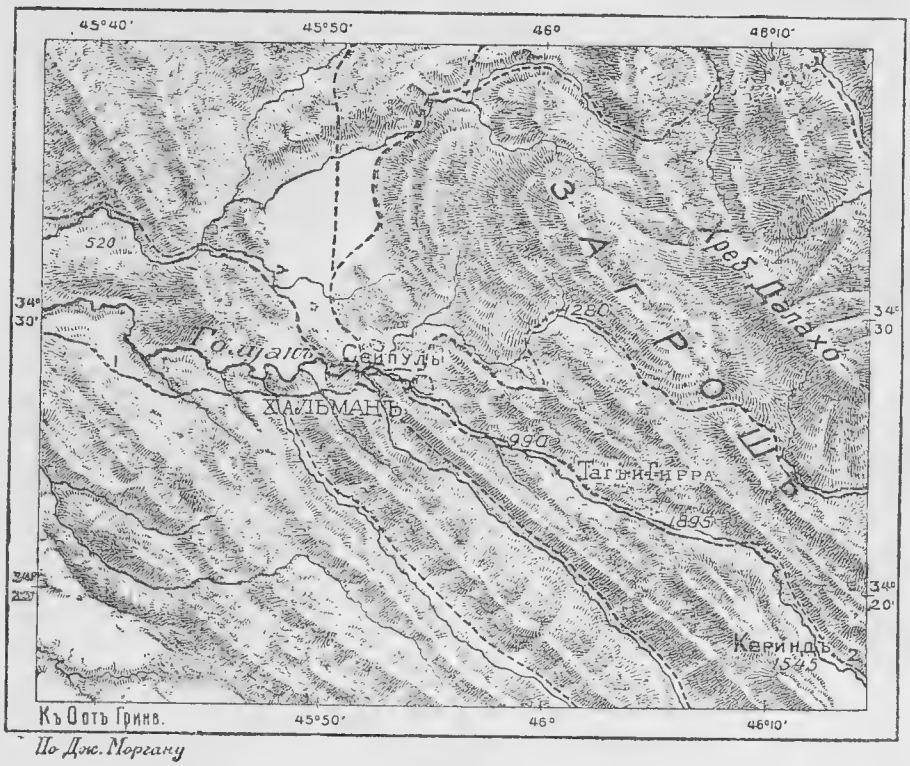
Новыя книги скоро, въ свою очередь, устарѣли, и религія Зороастра въ древней формѣ своей почти совершенно утратилась, тогда какъ значительное число народныхъ преданій, басенъ и пословицъ сохранилось съ того времени почти дословно: насколько мы можемъ проникнуть въ прошедшее Ирана, во всѣ времена эти наивныя выраженія человѣческой мысли оказываются почти тожественными. Даже по самому своему сложенію разсказы эти, передававшіеся изъ устъ въ уста, сохраняютъ характеръ древности: ни одинъ способъ передачи мысли не является столь консервативнымъ, какъ этотъ, даже несмотря на то, что возникаютъ безчисленные варіанты преданій, обусловленные личными свойствами разсказчика, характеромъ народности и окружающею цивилизаціей. Вѣдь и у насъ, послѣ распространенія христіанства, сохранились почти безъ измѣненій волшебныя сказки, передаваемыя отъ одного поколѣнія другому,—такимъ же точно образомъ въ тѣ времена, когда не была еще написана Авеста, идея личнаго Бога не проникла въ эти сказки. Въ этихъ сказаніяхъ нынѣшнихъ временъ и среднихъ вѣковъ легко сейчасъ же распознать, что внесено въ нихъ священниками и писателями; старинная основа, предшествующая христіанству, сохранилась въ нихъ до сихъ поръ самымъ явственнымъ образомъ. Перевороты чрезвычайно крупнаго соціальнаго значенія могли совершаться безо всякихъ измѣненій первобытнаго строя народной фантазіи,—такимъ же образомъ, напримѣръ, среди огромнаго количества русскихъ сказокъ едва можно найти ничтожныя черточки, которыя указывали бы на эпоху крѣпостного рабства крестьянъ [3]).

Фактъ чрезвычайной важности, невольно поражающій въ исторіи Ирана,—это очень частое перемѣщеніе города, выбраннаго центромъ государства въ качествѣ военнаго пункта для нападенія и защиты. Фактъ этотъ объясняется географическимъ положеніемъ Персіи. Страна, пересѣкаемая путями, по которымъ неизбѣжнымъ образомъ должны были

1) De Gobineau, «Histoire des Perses», t. I, p 106.—2) Darmsteter.—3) Eugène Hins, «La Russie dévoilée au moyen de la Littérature populaire. L'Épopée animale», pp. 8 et 9.

слѣдовать земледѣльческія народности, переселявшіяся съ востока на западъ, должна была волей-неволей обращать свое вниманіе то на одну сторону, то на другую, смотря по тому, откуда ей грозила опасность. Такимъ образомъ, центръ тяжести страны съ вѣками измѣнялся, и притомъ нерѣдко даже внезапно. Опредѣленная и точно ограниченная гео-

№ 69. Горные проходы Загроша.



По Дж. Моргану

1 : 500000

0 10 20 30 Килом.

1. Путь въ Месопотамію. 2. Путь въ Бизутунъ и Экбатану.

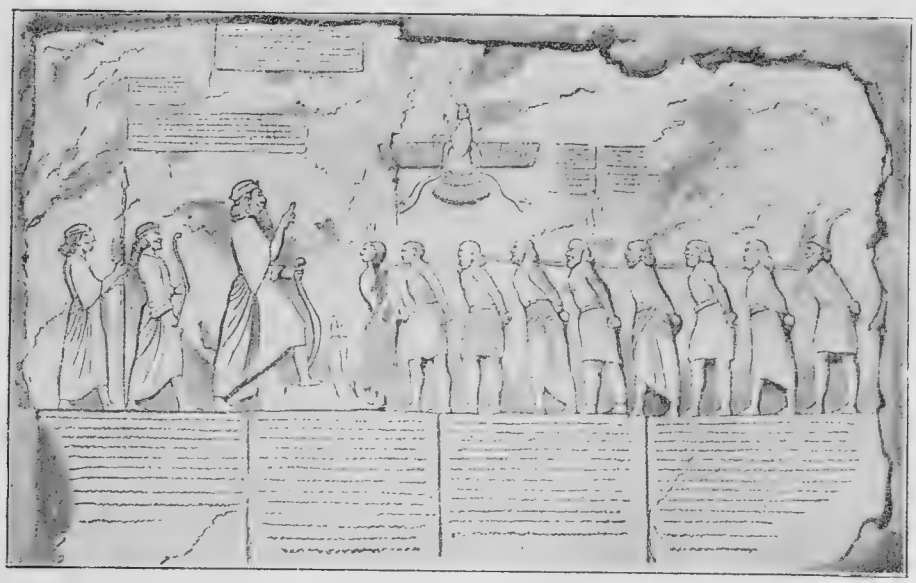
Барельефъ и надпись Хуринъ-Шейхъ-Хана находится въ 30 километрахъ къ W отъ Хальмана за предѣлами карты.

графическая индивидуальность Ирана, съ его каймою высокихъ горъ, позволяетъ сравнить его съ бойцомъ, на котораго нападаютъ одинъ за другимъ многочисленные противники. Сообразно съ ударами, которые ему приходится выдерживать, онъ долженъ часто измѣнять свою позу, долженъ самъ наносить удары направо и налѣво, колоть и рубить. Главныя

усилія его обращались болѣе въ сторону запада: огромныя имперіи возникли въ бассейнѣ Месопотаміи, и вполнѣ естественно, что центръ могущества Ирана перемѣщался параллельно по окраинѣ плоскогорія.

Когда великимъ владыкою надъ всею равниною становился Вавилонъ или одинъ изъ другихъ городовъ нижней Месопотаміи, главныя силы обитателей плоскогорія концентрировались въ Сузѣ, въ Персеполѣ или въ другихъ мѣстностяхъ южной Персіи; когда главную роль въ области верхней Месопотаміи стала играть Ниневія, то центральный очагъ власти на высотахъ Ирана былъ перенесенъ въ Экбатану.

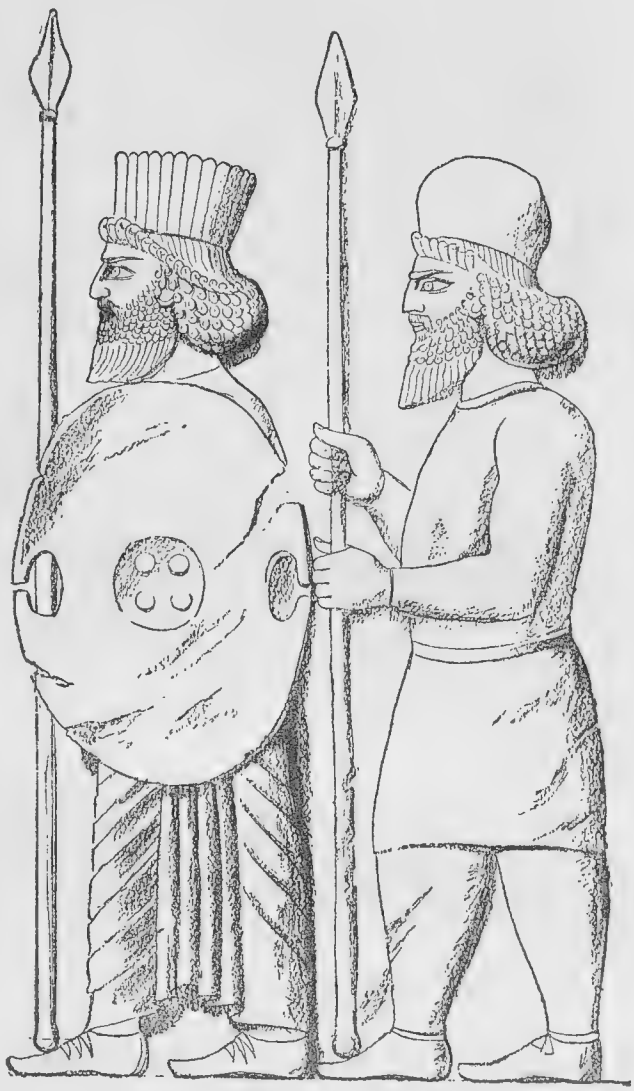
Двадцать пять, двадцать шесть вѣковъ тому назадъ, когда исторія этой части Ирана только-что начала опредѣляться, сказывалось уже, по



Барельефъ и надпись на четырехъ языкахъ въ Бизутунѣ.

всей вѣроятности, въ теченіе многихъ поколѣній преобладающее вліяніе мидянъ; оно неохотно признавалось, однако, другими народностями плоскогорья, и этотъ антагонизмъ долженъ былъ уменьшать могущество конфедераціи иранскихъ государствъ, находившихся подъ гегемоніей племенъ сѣверо-запада. Борьба между мидянами и ассирійцами замѣнила, такимъ образомъ, длившуюся тысячелѣтія борьбу между Сузою и Халдеей, однако, положеніе, занимаемое обитателями сѣвернаго Ирана, привилегіей которыхъ было то, что они обладали естественной крѣпостью Атропатены, было болѣе сильнымъ, чѣмъ положеніе эламитовъ, столица которыхъ, Суза, расположенная въ низменной долинѣ предгорій, подвергалась постояннымъ нападеніямъ.

Неоднократно, въ теченіе почти двухъ вѣковъ, воинственныя орды ассирійскихъ властителей прорывались чрезъ свои горные проходы въ окрестныя страны и совершали удачные набѣги, побѣждая и временно подчиняя себѣ сосѣднія народности. Одинъ изъ первыхъ царей, именно Салманассаръ III, прошелъ чрезъ горный проходъ Загроша и достигъ почти озера Урмія,—именно, той мѣстности, гдѣ поднимался новый возникающій городъ Экбатана. Другой ассирійскій царь, Саргонъ, слѣдовалъ совершенно опредѣленному методу, — онъ переселялъ покоренныя народности и колонизировалъ долины Мидіи сирійскими и финикійскими элементами. Мидяне не разъ бывали принуждены платить побѣдившимъ ихъ ассирійскимъ царямъ дань, но властители Ниневіи упоминаютъ съ такою тщательностью о каждомъ малѣйшемъ успѣхѣ, одержанномъ ими надъ ихъ сосѣдями, «могущественными мидянами», что—угадать не трудно—народность эта, очевидно, въ дѣйствительности никогда не была совершенно покорена.

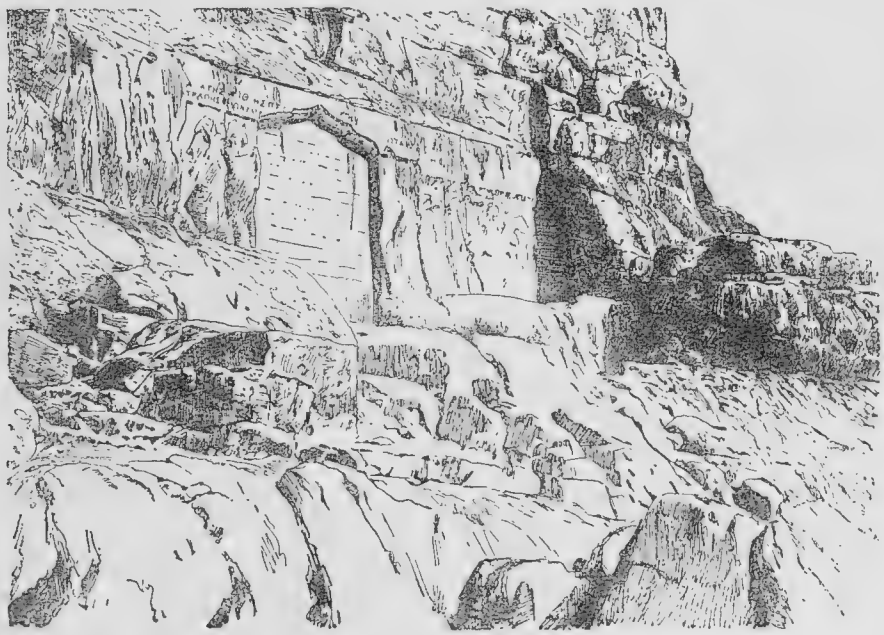


Пѣхотинцы мидянинъ и персъ.
По барельефу Луврскаго музея.

Въ то самое время, когда ассирійское могущество обладало наибольшимъ распространеніемъ, могущественный толчокъ, произведенный передвиженіемъ народовъ Центральной Азіи, нарушилъ все равновѣсіе.

Саки (скифы) наводнили всю переднюю Азію, отъ Бактріаны до мѣстностей, сосѣднихъ съ долиной Нила. Въ семь или восемь лѣтъ, къ концу царствованія Ассурбанипала, они разгромили Мидію, Ассирію, Арменію, Вавилонію, Палестину, Финикію и затѣмъ исчезли, какъ бы растворившись въ побѣжденныхъ ими народностяхъ. Разрушительный потокъ лишь прошелъ по странѣ, но равновѣсіе всѣхъ народностей было совершенно нарушено.

Мидяне, гористая природа страны которыхъ гарантировала ихъ отъ полнаго уничтоженія, первые оправились отъ постигшаго ихъ бѣдствія



Барельефъ и надпись на пареянскомъ и персидскомъ языкахъ въ Бизутунѣ.
По Моргану.

и тотчасъ же стали мечтать объ уничтоженіи ассирійцевъ. Вскорѣ на развалинахъ Ниневійской имперіи возникла имперія мидянъ. Ниневія была разрушена до основанія, и ея имя не упоминается болѣе въ исторіи.

Мидія быстро распространила свои предѣлы отъ Персидскаго залива до Чернаго моря и отъ долины Гельменда до долины Галиса въ Малой Азіи, — это была, однако, относительно миролюбивая имперія. Чрезъ такой короткій срокъ послѣ войнъ Саргона и Ассурбанипала, приходится прямо изумляться, когда видишь наступленіе періода мира и согласія, періода заключенія мирныхъ договоровъ и союзовъ. Месопота-

мія помогала Мидіи въ покореніи Ниневіи,—въ результатѣ дружественный союзъ, заключенный между Набупалуссаромъ, царемъ Вавилоніи, и Кіаксаромъ, царемъ Экбатаны, соблюдался свято и ихъ пріемниками, Набу-

№ 70. Персія.

1: 10 000 000

0 100 200 300 400 500 километ.

кудуруссуромъ (Навуходоносоромъ), съ одной стороны, и Астіагомъ—съ другой. Лидія противостояла первымъ натискамъ иранцевъ, и, чувствуя, что силы ихъ равны, соперники также заключили миръ, продолжавшійся въ теченіе всего времени существованія мидянской имперіи. Въ самой

Персіи, однако, одинъ изъ военачальниковъ поднялъ мечъ противъ своего повелителя: Астіагъ былъ свергнутъ Киромъ, личность котораго болѣе или менѣе легендарна, и имперія мидянъ и персовъ уступила мѣсто имперіи персовъ и мидянъ.

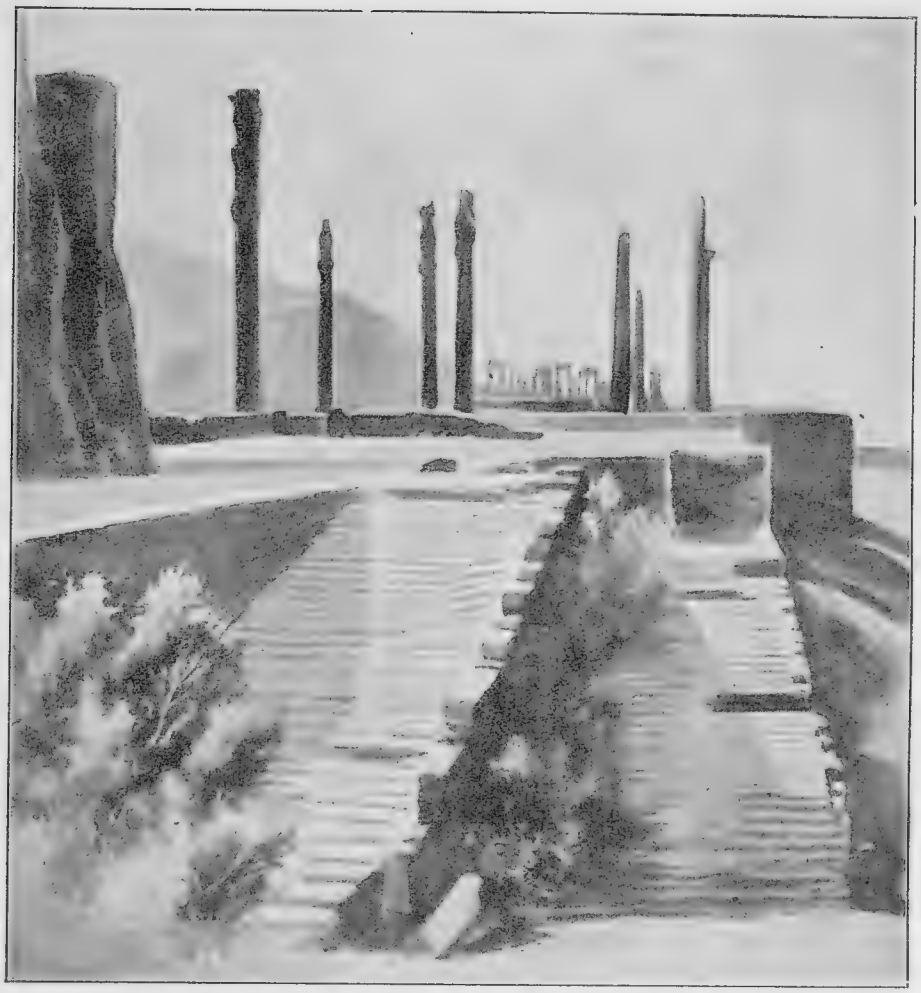
Тотчасъ по своемъ восшествіи на престолъ Киръ собралъ въ одно могущественное цѣлое, обладающее къ тому же агрессивными наклонностями, всѣ разнообразные и до той поры враждебные этническіе элементы, находившіеся въ предѣлахъ имперіи. Подобно многимъ другимъ властителямъ, жившимъ какъ послѣ, такъ и до него, Киръ попытался примирить враждебныя партіи и народности, направивъ ихъ завоевателями въ сосѣднія, чужія страны. Такъ начался длинный періодъ завоеваній и захватовъ, который продолжался далѣе при Ахеменидахъ; множество различныхъ народностей было покорено и спаяно въ одно колоссальное воинственное цѣлое.

Подъ ужаснымъ натискомъ этихъ полчищъ почти весь извѣстный въ тѣ времена міръ вошелъ въ концѣ концовъ въ предѣлы имперіи персовъ и мидянъ: въ ея предѣлахъ слились Месопотамія и Арменія, Малая Азія, Сирія и даже Египетъ, Киренея вплоть до садовъ Гесперидъ, страна скифовъ до сѣверныхъ степей и азіатскія равнины вплоть до покрытыхъ льдами Иммаусскихъ горъ, наконецъ, сѣверо-западныя области Индіи, которыя впослѣдствіи Александръ Македонскій, какъ послѣдователь Ахеменидовъ, отвоевалъ обратно,—съ запада на востокъ область, подвластная персидскимъ царямъ, простиралась на протяженіи 4—5 тысячъ километровъ въ длину.

Въ эту эпоху своего величія Персія была тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Римская имперія 7 или 8 вѣковъ спустя. Мечта о всемірной имперіи никогда не была такъ близка къ своему осуществленію. Персія, впрочемъ, занимала главенствующее мѣсто не только протяженіемъ своихъ владѣній,—она была первою и по высотѣ культуры, по развитію философскихъ идей и по терпимости къ самымъ различнымъ взглядамъ. Незадолго до смерти Иранъ охватывалъ, казалось, весь міръ, и властитель его настолько увѣровалъ въ свое всемогущество, что «опьяненіе избыткомъ власти и великая тяжесть ея затмили его разсудокъ» и, какъ разсказываетъ намъ исторія, создали изъ него Камбиза [1]).

Центръ тяжести колоссальной имперіи долженъ былъ затѣмъ снова перемѣститься подъ давленіемъ событій. Прежде всего персы, сдѣлавшись господствующимъ народомъ, признали необходимымъ основать столицу своей обширной территоріи, — прежде они мало заботились объ этомъ вслѣдствіе феодальнаго устройства своихъ главнѣйшихъ областей; такимъ образомъ возникъ Персеполь, расположенный въ самомъ центрѣ соб-

[1]) De Gobineau, «Histoire des Perses», t. I, p. 520.



Развалины Персополя. Гигантская лѣстница для торжественныхъ процессій.

ственно Персіи,—онъ поднялся вскорѣ надъ всѣми остальными городами своей роскошью и великолѣпіемъ. Въ то же время обычными столичными городами имперіи были Экбатана, какъ лѣтняя резиденція персидскаго царя, и новая Суза, возникшая на развалинахъ прежней и служившая резиденціей зимней. Оба эти города обладали тѣмъ преимуществомъ, что находились недалеко отъ пунктовъ, гдѣ можно было ожидать нападенія западныхъ враговъ, съ которыми вели борьбу иранцы. Изъ этихъ двухъ аванпостовъ персидскіе «цари царей» стерегли народы Месопотаміи и побережья Средиземнаго моря отъ Египта до Чернаго моря, въ постоянной готовности направить вооруженныя силы въ тотъ или другой пунктъ, гдѣ угрожала опасность. Какъ бы въ видѣ предупрежденія народностямъ за-

пада, Дарій, сынъ Гистаспа, велѣлъ вырѣзать вблизи Бизутуна или Багистана (т.-е. «мѣстопребыванія боговъ») на плотныхъ известняковыхъ скалахъ, господствующихъ надъ долиною Тигра и Евфрата, великолѣпную надпись на трехъ языкахъ — персидскомъ, мидянскомъ и ассирійскомъ. «Я—Дарій, великій царь, царь царей, царь Персіи, царь всѣхъ ея областей, сынъ Гистаспа, внукъ Арзамеса, Ахеменидъ» — такъ начинается горделивая надпись. Въ эпоху наибольшаго величія Персіи, наибольшей ея славы,—славы, предшествующей постоянно вѣкамъ матеріальнаго и моральнаго упадка,—почти всѣ цивилизованныя народности западной Азіи были объединены его обширной имперіей.

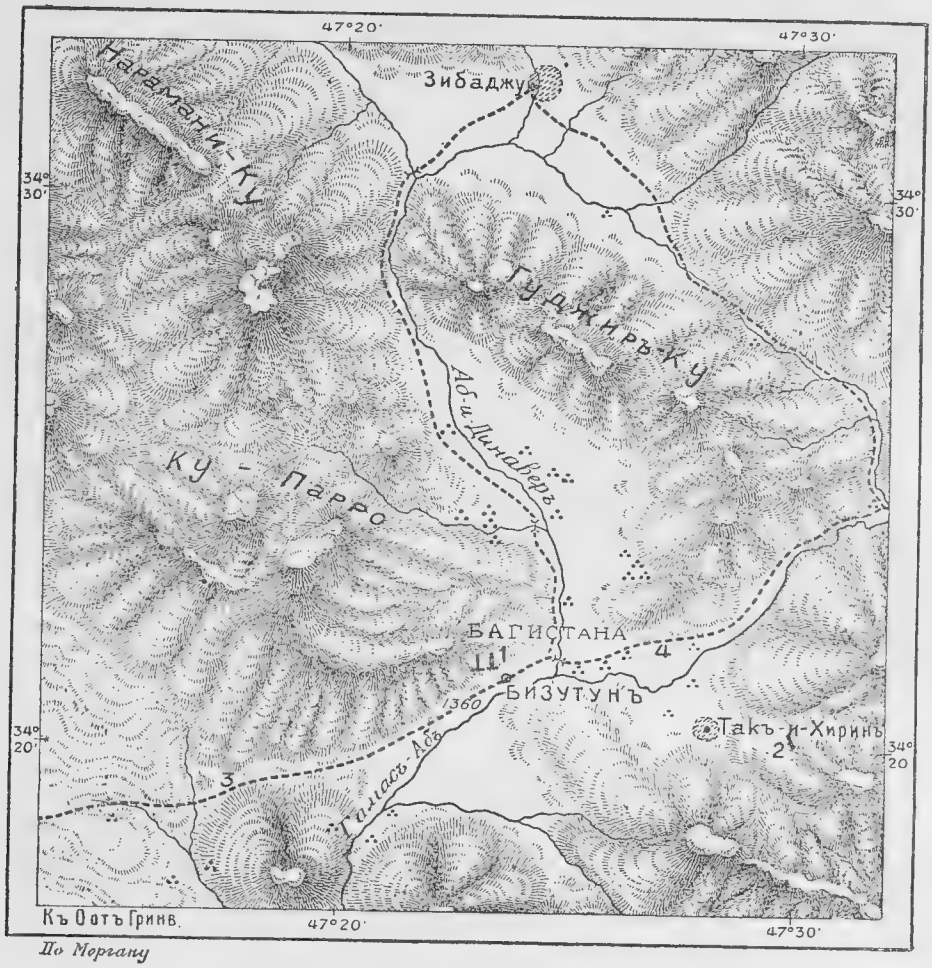
Завоеванія мидянъ и персовъ не имѣли, однако, по существу, такого гнетущаго характера, какъ наши современные «патріотическіе» захваты, при которыхъ побѣжденные принуждаются побѣдителями измѣнять свой языкъ и свою культуру: каждая народность сохраняла свои законы, свои нравы, даже свою мѣстную администрацію подъ верховною властью великаго царя,—подданные обязывались лишь уплатою повинностью и военною службою. Властитель, царящій надъ множествомъ народностей великихъ и малыхъ, особенно гордился многочисленностью и разнообразіемъ племенъ и языковъ, подвластныхъ ему, и даже не имѣлъ и представленія о томъ, что возможно было бы образованіе такого государства, въ которомъ всѣ члены составляли бы одно національное цѣлое и имѣли бы одинаковый образъ мышленія, — его вполнѣ удовлетворяло то, что онъ является неоспоримымъ владыкою, можетъ предписывать, что ему пожелается, цѣлому сонму послушныхъ сатраповъ и въ состояніи заставить исполнять свою волю, такъ какъ его велѣніямъ послушны милліоны солдатъ, выдрессированныхъ подъ ударами ременныхъ бичей! По отношенію къ феодальнымъ князьямъ Персіи «царь царей» былъ, однако, не болѣе какъ «первымъ среди равныхъ»,—лишь для покоренныхъ чужеземныхъ народностей онъ былъ полнымъ и всемогущимъ владыкой. Очевидно, такая двойная форма управленія должна была развиться къ выгодѣ самодержавной власти. Греческіе историки, не пытаясь проникнуть въ психологію персидскихъ царей, принуждены все же констатировать, что, въ отличіе отъ ассирійцевъ, персы обыкновенно щадили побѣжденныхъ враговъ и не считали даже себя въ правѣ обращаться жестоко съ рабами [1]). Киръ и послѣ него Дарій воздерживались отъ полнаго истребленія покоренныхъ народностей; древніе персы сохраняли уваженіе къ человѣческой жизни.

Между народами, упоминаемыми въ бизутунской надписи «великимъ царемъ» какъ народы, ему подвластные и платящіе дань, онъ имѣетъ, однако, безстыдство называть также Спарту и Іонію, т.-е.

1) De Gobineau, «Histoire des Perses», t. I, p. 403.

Аѳины,—онъ совершенно забываетъ Мараѳонъ! Такимъ образомъ, въ тѣ времена, какъ и нынѣ, исторія, излагаемая съ патріотической точки

№ 71. Бизутунъ и его окрестности.



По Моргану

1 : 250000

0 5 10 15 Килом.

1. Надписи Бизутуна.
2. Надписи Такъ-и-Хирина.
3. Путь къ перевалу Загроша.
4. Путь на Экбатану.

зрѣнія, охотно забываетъ пораженія и замѣняетъ ихъ въ оффиціальныхъ документахъ разсказами о сомнительныхъ побѣдахъ. Впрочемъ, властитель Персіи, окруженный придворными, быть-можетъ, дѣйствительно, вообра-

жалъ, что битвы, совершавшіяся на столь отдаленной окраинѣ его великой имперіи, оканчивались соотвѣтственно съ его славою. Безъ сомнѣнія, у него не являлось ни малѣйшаго представленія о томъ глубокомъ смыслѣ, какой пришлось приписать потомству столкновеніямъ его съ маленькимъ греческимъ народомъ. Къ тому же, должно сознаться, что какъ ни исполняютъ насъ гордостью побѣды Мильтіада и Ѳемистокла, являющіяся въ нашихъ глазахъ побѣдами свободной мысли и личной инціативы,—окончательная побѣда въ эпоху древней исторіи досталась все же персамъ: она была завоевана руками Александра Македонскаго!

Однако, еще до того, какъ разыгрались рѣшительныя сраженія, урегулировавшія отношенія между греками и иранцами, существовали уже давно непрерывныя сношенія, политическія и торговыя, приведшія обѣ цивилизаціи въ соприкосновеніе и вызвавшія между ними взаимный обмѣнъ. Выполнено это было благодаря посредничеству народовъ Малой Азіи, частью родственныхъ грекамъ, частью подвергшихся въ большей или меньшей степени ихъ вліянію; затѣмъ содѣйствовали тому также авантюристы Аттики и острововъ Пелопонеза, являвшіеся предшественниками тѣхъ искателей счастья, которые въ настоящее время эмигрируютъ изъ Греціи въ такомъ огромномъ количествѣ,—они проникли на востокъ, принося туда свои искусства и техническія знанія.

Неопровержимыя доказательства существованія греческаго вліянія въ Персіи мы находимъ въ развалинахъ Персеполя, которыя носятъ названіе «трона Джемхида»—легендарной личности, отожествляемой персами съ Даріемъ, сыномъ Гистаспа. Вполнѣ очевидно, что великолѣпныя постройки, возведенныя въ ту эпоху, когда побѣдители Ахемениды наводняли своими войсками всѣ окрестныя страны, являются въ значительной степени результатомъ подражанія. Властители Персіи, пораженные гигантскими сооруженіями, которыя имъ приходилось осаждать и завоевывать во время ихъ походовъ, пожелали и въ своей странѣ воздвигнуть дворцы не менѣе великолѣпные, чѣмъ въ чуждыхъ странахъ. Очень вѣроятно, что они привели съ собой въ Персію искусныхъ строителей Египта, Финикіи, Передней Азіи и Греціи. На переномерованныхъ камняхъ построекъ можно видѣть греческія буквы, а Плиній разсказываетъ о нѣкоемъ Телефанѣ изъ Фокеи, какъ о великомъ художникѣ-строителѣ, жившемъ при дворѣ Дарія.

Ученые, занимавшіеся исторіей архитектуры [1]), старались выяснить участіе различныхъ элементовъ, соединившихся въ грандіозныхъ архитектурныхъ сооруженіяхъ Персеполя, и, благодаря ихъ стараніямъ, удалось узнать, въ концѣ концовъ, что персидскіе строители были не только исключительно подражателями,—они придавали своимъ творепіямъ особый

1) Coste et Flandin, Perrot et Chipiez, Dieulafoy.

характеръ, соотвѣтствующій ихъ собственному духу, матеріаламъ, при-

Барельефъ во дворцѣ Дарія.

мѣнявшимся ими, и мѣстнымъ условіямъ, въ которыхъ имъ приходилось

работать. Имъ исключительно принадлежатъ роскошныя террасы и великолѣпныя лѣстницы, по которымъ могли двигаться торжественныя процессіи пѣшеходовъ, всадниковъ и колесницъ; имъ же принадлежатъ колонны, вышина которыхъ въ 10 или 12 разъ превышаетъ ширину, и вершина украшена тяжелыми капителями, составленными изъ двухъ паръ сидящихъ на заднихъ ногахъ животныхъ — быковъ, овновъ или единороговъ. Солнечные лучи, чередуясь съ рѣзкими тѣнями, проникали чрезъ широкое отверстіе крыши между балками кедроваго дерева и освѣщали тронъ изъ золота и слоновой кости, плиты изъ глазированныхъ кирпичей и пурпурныя завѣсы съ золотыми каймами. Все это, вмѣстѣ взятое, безъ сомнѣнія, являло очень характерный отпечатокъ и не встрѣчалось нигдѣ болѣе, кромѣ Ирана,—съ греческими постройками стиль персидскихъ имѣлъ лишь очень отдаленное родство. Основнымъ различіемъ между обѣими архитектурами было то, что греческая возникла всюду сама по себѣ, благодаря иниціативѣ частныхъ лицъ, тогда какъ архитектура Ирана развилась для удовлетворенія прихоти царей и не нашла себѣ продолженія въ живыхъ твореніяхъ національнаго творчества Персіи.

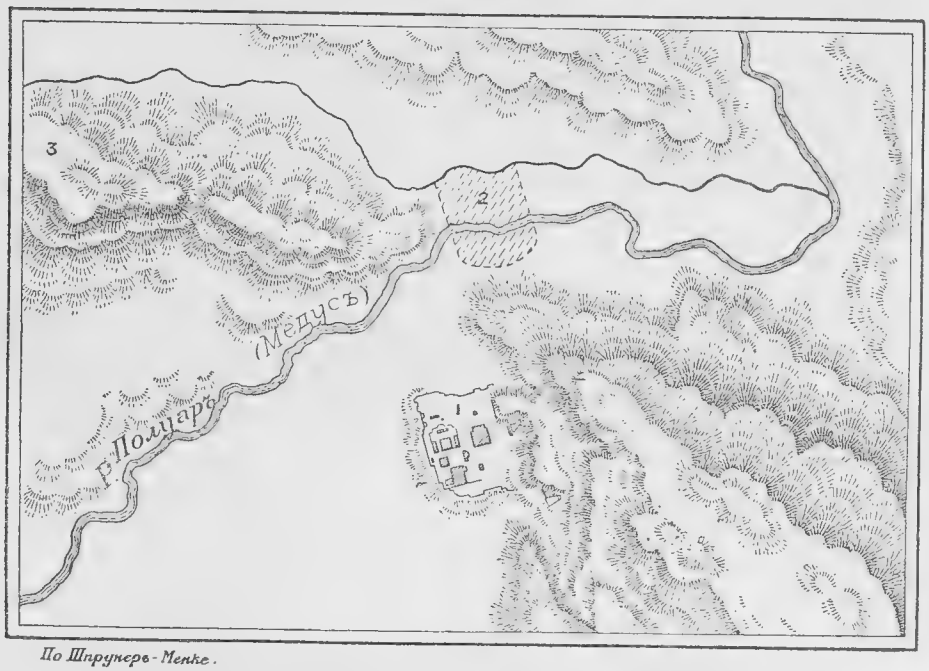
Иранскіе строители подражали также ассирійскимъ и халдейскимъ архитекторамъ, но проявляли при этомъ большую независимость и полную самобытность. Объ этомъ можно судить уже по ихъ крылатымъ быкамъ, украшающимъ ворота зданій, — они гораздо грандіознѣе и высѣчены болѣе изящно, чѣмъ такіе же быки ассирійскихъ дворцовъ; кромѣ того персидскіе художники не пользовались причудливыми пріемами, свойственными ихъ нинивійскимъ предшественникамъ, которые, для удовлетворенія грубаго чувства перспективы, придавали своимъ чудовищнымъ животнымъ даже пять конечностей.

Изъ всѣхъ персидскихъ архитектурныхъ сооруженій менѣе всего выказываютъ заимствованіе съ чужеземныхъ образцовъ царскія гробницы. Очень вѣроятно, что въ этихъ сооруженіяхъ сохранялся отчасти стиль древнихъ иранскихъ пещерныхъ жилищъ, — подземныя жилища мертвыхъ должны были имѣть сходство съ таковыми живыхъ. Общій планъ такихъ подземелій является постоянно однимъ и тѣмъ же: надъ входомъ, ведущимъ въ залу, которая служила усыпальницей, всегда располагается цѣлая процессія статуй, несущихъ щитъ; на этомъ щитѣ находится изображеніе усопшаго царя, поклоняющагося священному огню на алтарѣ.

Выше, въ верхней части четыреугольника, высѣченнаго въ скалѣ, изображенъ окрыленный «Феруэръ»,—онъ символизируетъ, быть-можетъ, лучшую половину духа усопшаго царя, возносящуюся уже къ небу и несущую къ Ормузду всѣ добрыя дѣянія или, по крайней мѣрѣ, добрыя намѣренія покойнаго.

Одновременно съ тѣмъ, какъ греческое вліяніе распространялось на иранцевъ, такъ и вліяніе монархіи Ахеменидовъ сказывалось на небольшихъ республикахъ Греціи. Разсказы купцовъ, описанія вернувшихся въ Грецію ремесленниковъ и художниковъ, роскошь и великолѣпіе посланниковъ и ихъ свиты производили чрезвычайно сильное впечатлѣніе на живое воображеніе грековъ; различныя боровшіяся между собою въ

№ 72. Персеполь.



По Шарукеру-Менке.

1 : 25 000

0 200 400 600 800 1000 метр.

1. Тронъ Джемхида. 2. Деревня Истакеръ на низинѣ. 3. Холмы Истакеръ.

каждой изъ небольшихъ реснубликъ партіи должны были уже силою вещей постоянно обращать свои взоры на восточнаго колосса, отбрасывавшаго тѣнь къ западу. Одни изъ нихъ, свободные граждане, съ гордостью вспоминали о томъ, какъ все могущество Дарія и Ксеркса разбилось объ ихъ копья,—они чувствовали себя исполненными презрѣнія ко всему остальному міру «варваровъ» и рабовъ «великаго царя»; другія партіи, стремящіяся къ пріобрѣтенію власти въ своемъ собственномъ отс-

чествѣ, находили, что абсолютная власть монарха, слову котораго повинуются всѣ народы отъ жгучихъ пустынь юга до ледяныхъ полей сѣвера, представляетъ собою зрѣлище поразительнаго величія, почему должно стремиться къ учрежденію такого же порядка въ Греціи, стремиться къ тому, чтобы и въ ней явились властители, приказанія которыхъ весь міръ встрѣчалъ бы съ покорностью и трепетомъ. Помимо того, персидскіе властители располагали и той позорной силой, которую доставляетъ золото: деньги, драгоцѣнныя ткани, тяжело нагруженные сокровищами корабли нерѣдко мѣняли убѣжденія политическихъ дѣятелей, казавшіяся непоколебимыми. Вѣдь сдѣлался же Ѳемистоклъ, побѣдитель при Саламинѣ, персидскимъ сатрапомъ и подвластнымъ царю царей управителемъ городовъ, которые и по племенному составу, и по языку, и по нравамъ были греческими!

Одинъ изъ членовъ семейства Ахеменидовъ, Киръ младшій, старавшійся тщетно отнять власть у своего брата Артаксеркса Мнемона, является въ исторіи какъ бы полу-грекомъ, — онъ воспринимаетъ, по крайней мѣрѣ, внѣшнія стороны греческой культуры и очень умѣло привлекаетъ на свою сторону греческихъ писателей и художниковъ, являющихся къ его двору. Мы видимъ, что такимъ же точно образомъ, при аналогичныхъ обстоятельствахъ въ XVIII вѣкѣ, когда подготовлялась гигантская борьба между народностями и между идеями, цѣлый рядъ литераторовъ и ученыхъ направляется съ запада ко дворамъ Фридриха Великаго и Екатерины II, чтобы подѣлиться съ ними своими идеалами и предложить имъ свои планы реформъ, въ наивномъ чаяніи, что эти неограниченные властители воспользуются ихъ проектами улучшенія человѣческаго рода. «Съ сѣвера идутъ къ намъ теперь лучи свѣта»! — восклицали они въ эту эпоху, обращаясь къ очень любезно принимавшимъ ихъ деспотамъ, вся культурность которыхъ заключалась лишь въ умѣньѣ говорить по-французски. Точно также и краснорѣчивый Ксенофонтъ, голова котораго была еще наполнена поученіями Сократа, ищетъ образцовъ, достойныхъ подражанія, среди персовъ, «и человѣкомъ особенно великимъ кажется ему Киръ, столь умѣло управляющій людьми, съ которыми онъ умѣетъ обходиться съ такою ловкостью» [1]).

Такъ подготовлялось сліяніе: персы мало-по-малу становились греками, тогда какъ эти послѣдніе — персами. Когда Александръ Македонскій, отмстившій мидянамъ за ихъ побѣды и завоеванія, достигъ сердца Азіи, которую наводнилъ греками и македонянами, онъ не проявилъ себя нисколько въ качествѣ носителя греческой цивилизаціи, жаждущаго поднять до нее варваровъ,—скорѣе онъ старался самъ стать персомъ, сдѣлаться «царемъ Азіи», сдѣлать границами своей имперіи

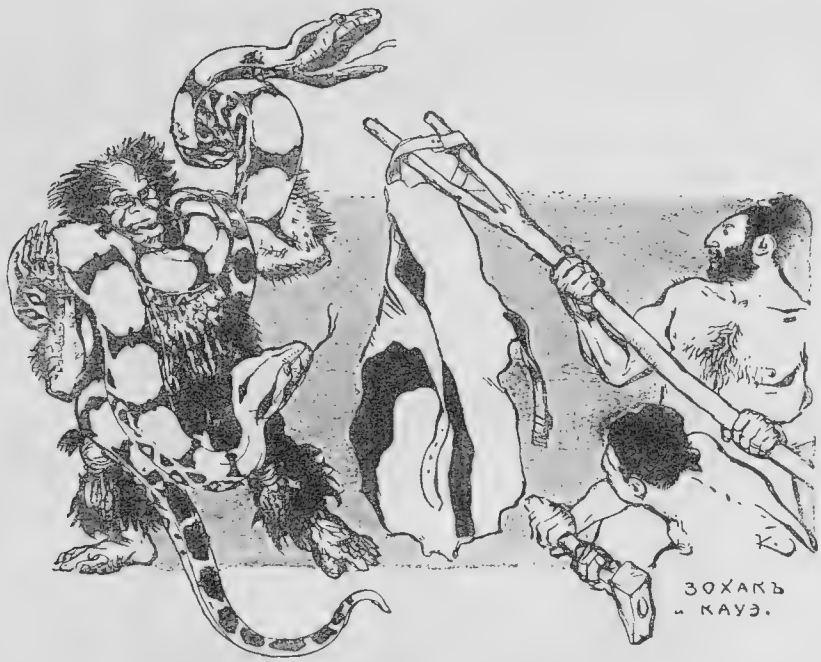
1) Киропедія, кн. I, гл. 1.

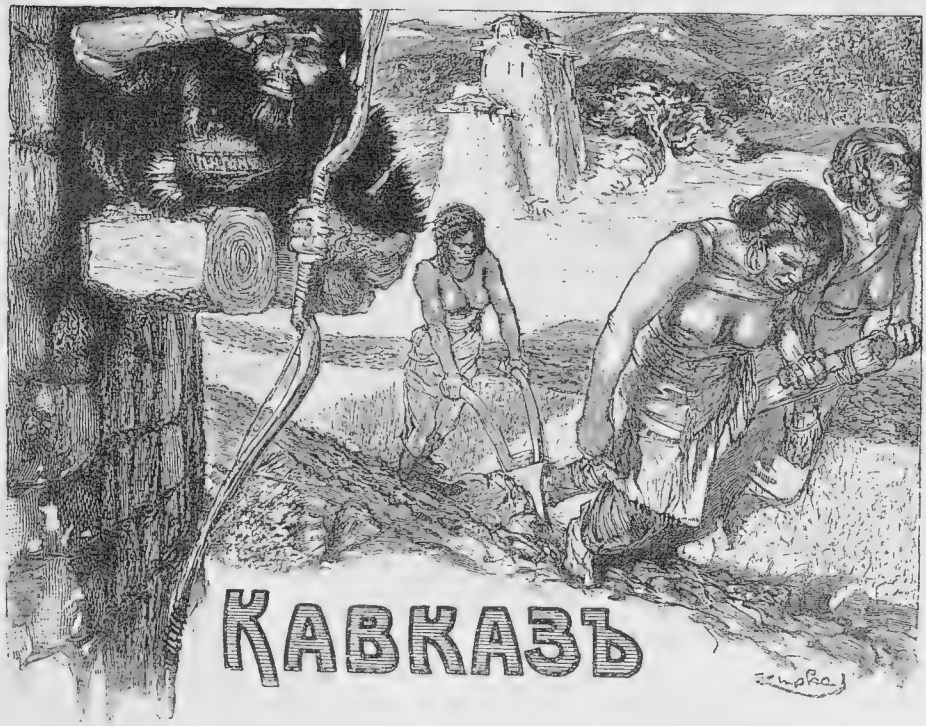
границы владѣній Дарія, на дочери котораго онъ женился. Изъ обѣихъ его столицъ Суза была персидской по преимуществу, тогда какъ другая столица, Вавилонъ, уже по самому своему положенію, господствовала

Царь въ сопровожденіи своихъ служителей.
Надъ этой группой видно изображеніе духа Феруэръ.
Барельефъ въ Персеполѣ.

надъ всѣмъ восточнымъ міромъ въ качествѣ центра великихъ путей сообщенія всей Передней Азіи. Замѣчательно, что память объ Александрѣ, «двурогомъ царѣ», столь же хорошо сохранилась среди азіатскихъ на-

родовъ, какъ и въ эллинскомъ мірѣ: его, дѣйствительно, принимали за азіатскаго завоевателя, какимъ ему и хотѣлось быть! Однако, появленіе его разграничиваетъ двѣ эры: съ того времени греческія страны и Иранъ принадлежатъ уже къ одному міру; двѣ области, бывшія до тѣхъ поръ рѣзко обособленными, дѣлаются солидарными въ своихъ историческихъ движеніяхъ; человѣчество, живущее сознательной жизнью, удваивается.





Преданія странствуютъ вмѣстѣ съ народами и переходятъ отъ одной горы къ другой.

Глава вторая.

КАВКАЗЪ: РЕЛЬЕФЪ, ГОРНЫЕ ПРОХОДЫ.—ДАГЕСТАНЪ И МИНГРЕЛІЯ.—НАСЕЛЕНІЕ.—АНТИ-КАВКАЗЪ: РЕЛЬЕФЪ И ПУТИ СООБЩЕНІЯ.—АРМЯНЕ И КУРДЫ.—ИСТОРІЯ.

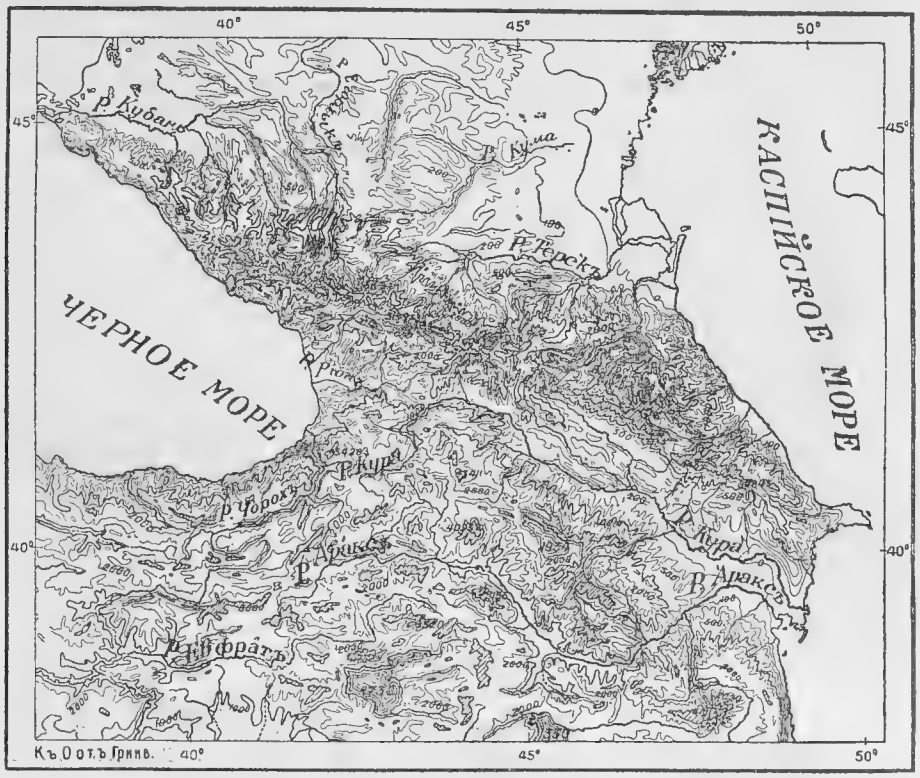
Кавказъ относится къ древнему міру скорѣе своей таинственностью, чѣмъ своей исторіей. Онъ былъ такъ мало извѣстенъ, что обыкновенно его называли просто «горою» и считали его то обширнымъ комплексомъ горъ, то отдѣльной вершиной, поднимающейся въ видѣ изолированнаго массива, подобно горѣ Аргѣ или горѣ Арарату. Въ противоположность тому, другіе представляли себѣ, что гористая область Кавказа простирается до предѣловъ свѣта, до пространствъ, покрытыхъ льдами, гдѣ царитъ вѣчный сумракъ ночи. Въ то же время многочисленные миѳы,

передаваемые съ различными варіантами народностями отъ плоскогорій Ирана до побережій Средиземнаго моря, указывали на горы Кавказа, какъ на область, изъ которой вышли могущественные народы или гдѣ совершились событія, имѣющія огромное значеніе въ судьбахъ человѣчества. Однако, въ хаотическомъ мірѣ невѣдѣнія «крайности сходятся» еще гораздо чаще, чѣмъ при конфликтѣ человѣческихъ страстей. Тѣ же самыя чудесныя явленія, тѣ же самыя необычайныя событія, которыя привязывались къ вершинамъ Кавказскихъ горъ, совершались, по вѣрованію индусовъ, на вершинахъ Гималаевъ, а по убѣжденію иранцевъ— на вершинахъ Эльвенда или Демавенда; наконецъ, на другой сторонѣ Стараго Свѣта, эти же самыя чудеса привязывались къ вершинамъ западныхъ горъ. Гигантъ Атласъ несетъ на себѣ небо или, вѣрнѣе, землю,— это необъяснимо съ точки зрѣнія логики, но въ легендѣ кажется вполнѣ естественнымъ; точно также «Двухвершинная гора», т.-е. современный Эльбрусъ, является колыбелью двухъ звѣздъ Діоскуровъ, Кастора и Поллукса, бахромчатая завѣса его снѣговъ соединяется съ безграничной пеленою небосклона. По легендѣ грековъ, являющейся наслѣдіемъ, которое получено ими отъ еще болѣе древнихъ народностей, одинъ изъ титановъ, «похититель небеснаго огня», былъ богами прикованъ къ горамъ Кавказа. Однако, и до него сколько еще другихъ Прометеевъ подверглось той же участи,—либо было приковано къ вершинамъ горъ, или раздавлено подъ тяжестью скалъ! Такъ Зохакъ, заключенный въ пещерѣ Демавенда, тщетно взывалъ къ небесамъ; точно также позднѣе Энселадъ напрасно напрягалъ свои безсильныя мышцы, стараясь сбросить съ себя гнетущую его массу Этны. Легенды странствуютъ вмѣстѣ съ народами и переходятъ отъ одной горной вершины къ другой!

Какъ ни мало былъ извѣстенъ Кавказъ съ точки зрѣнія своего положенія, своихъ формъ и рельефа, онъ считался, во всякомъ случаѣ, вполнѣ правильно гранью между двумя мірами. Кавказъ является частью той преграды, которая раздѣляетъ континентъ Азіи на два склона—сѣверный и южный — и которая продолжается въ предѣлахъ Европы непрерывнымъ рядомъ хребтовъ,—именно, горами Крыма, Альпами, Пиренеями и горами Кантабрійскими. Однако, изъ всей этой вереницы хребтовъ нѣтъ ни одного, который былъ бы ограниченъ болѣе рѣзко, вырисовывался бы болѣе ясно и опредѣленно, чѣмъ Кавказскій хребетъ, который тянется отъ Каспійскаго моря къ Черному; непрерывность этой складки земной поверхности чрезвычайно рѣзко выражена съ той и съ другой стороны. Западная оконечность Кавказскихъ горъ вытягивается остріемъ по направленію къ Таманскому полуострову и послѣ короткаго перерыва появляется затѣмъ снова въ видѣ Крымскихъ горъ; восточная часть массива кажется также внезапно прерванной водами Каспійскаго моря, однако, подводный хребетъ между двумя глубокими котловинами

Каспійскаго моря является въ дѣйствительности ея восточнымъ продолженіемъ и примыкаетъ у Закаспійскаго побережья къ той краевой цѣпи горъ, которую иногда называютъ «Туркменскимъ Кавказомъ» и которая, подъ различными мѣстными наименованіями, ограничиваетъ съ сѣ-

№ 73. Рельефъ Кавказа и горъ Арменіи.



Горизонтали проведены на уровнѣ. 0. 100. 200. 500. 1000. 2000. 3000. 4000 и 5000 метровъ

1 : 10 000 000

0 200 400 600 килом.

веро-востока своими параллельными цѣпями плоскогорія Ирана и затѣмъ сливается съ высотами Гиндукуша.

Оба склона Кавказа, сѣверный и южный, являются совершенно противоположными по своей природѣ. Къ сѣверу горы постепенно пони-

жаются либо боковыми отрогами, либо хребтами такъ называемаго Малаго Кавказа, т.-е. параллельно расположенными второстепенными цѣпями, высота которыхъ постепенно уменьшается. Въ общемъ, однако, паденіе склона довольно быстрое, и всадники, мчащіеся по ровной степи, вдругъ замѣчаютъ вырисовывающіяся на небосклонѣ высокія туманныя вершины, которыя поднимаются надъ темными лѣсами и блещутъ своими вѣчными льдами. Низменная равнина ограничиваетъ подножье горъ, подобно морю, омывающему утесистые берега. И на самомъ дѣлѣ, эта почти горизонтальная равнина была въ недавнюю еще геологическую эпоху моремъ: въ этой впадинѣ соединялись выдвинутые впередъ заливы Чернаго и Каспійскаго морей. Съ того времени сохранился еще замѣчательный протокъ, носящій названіе Маныча,—онъ, безъ сомнѣнія, съ точки зрѣнія физической географіи, является рвомъ, отдѣляющимъ Европу отъ Азіи.

Осетинъ.

Сторона Кавказскаго хребта, обращенная къ югу, господствуетъ лишь надъ рѣчными долинами, ограниченными съ юга другими хребтами, которые даже видны уже съ главнаго Кавказскаго хребта; эта сторона примыкаетъ къ другимъ системамъ горъ и нагорій. Высокій поперечный хребетъ, достигающій вышины 1.000 метровъ на самомъ низкомъ изъ своихъ переваловъ, по которому проходитъ желѣзная дорога съ Тифлиса на Батумъ, связываетъ самые высокіе массивы Кавказа съ остальными горами, которыя иногда соединяются подъ общимъ названіемъ Анти-Кавказа. Къ югу отъ долинъ рѣкъ Куры и Ріона все пространство, заключающееся между двумя морями, занято горами, и эти горы во многихъ мѣстахъ превышаютъ высоты, на конхъ можетъ пребывать человѣкъ. Нѣсколько особенно высокихъ вершинъ—конусы бывшихъ вулкановъ Алагеза, Арарата и Бингёль-дага — господствуютъ надъ всею мѣстностью своими снѣжными пиками. Мѣстами поднимаются великолѣпныя вершины, съ которыхъ открывается видъ на кажущійся хаосъ горъ, — эти горы тянутся съ одной стороны къ плоскогорію Ирана, съ другой—къ огромному четыреугольнику Малой Азіи и къ сирійскому побережью.

Природный контрастъ между обоими склонами Кавказскаго хребта повторяется и въ исторіи обитающихъ тамъ народностей. Ясно для каждаго, что обитатели степей, свободно странствующіе по своимъ

областямъ и не встрѣчающіе другихъ препятствій кромѣ холмиковъ наносимаго вѣтромъ песка, низменныхъ солончаковъ и неглубокихъ болотъ, должны имѣть совершенно иные нравы, иное политическое и соціальное развитіе, чѣмъ обитатели глубокихъ горныхъ долинъ, гдѣ жи-

Осетинская деревня.

тели каждаго отдѣльнаго бассейна лишь съ трудомъ могутъ сообщаться съ другими частями страны. Населеніе равницъ имѣетъ наклонности къ непостоянной кочевой жизни; оно появляется и затѣмъ исчезаетъ, оттѣсненное другими кочевниками; оно даже не оставляетъ и никакихъ слѣ-

довъ своего посѣщенія. Съ другой стороны, народности, заключенныя въ массивы горъ или замкнутыя въ плодородныя равнины, которыя тѣсно ограничены горными хребтами, состоятъ обыкновенно изъ пастуховъ и осѣдлыхъ земледѣльцевъ, ведущихъ вполнѣ постоянный образъ жизни, обладающихъ стойкими учрежденіями и опредѣленными сношеніями съ сосѣдними народностями. Такіе народы легко становятся объектомъ сказаній и описаній исторіи, тогда какъ подвижныя орды, вродѣ тѣхъ, которыя странствовали по ту сторону Кавказа, остаются долгое время незатронутыми исторіей.

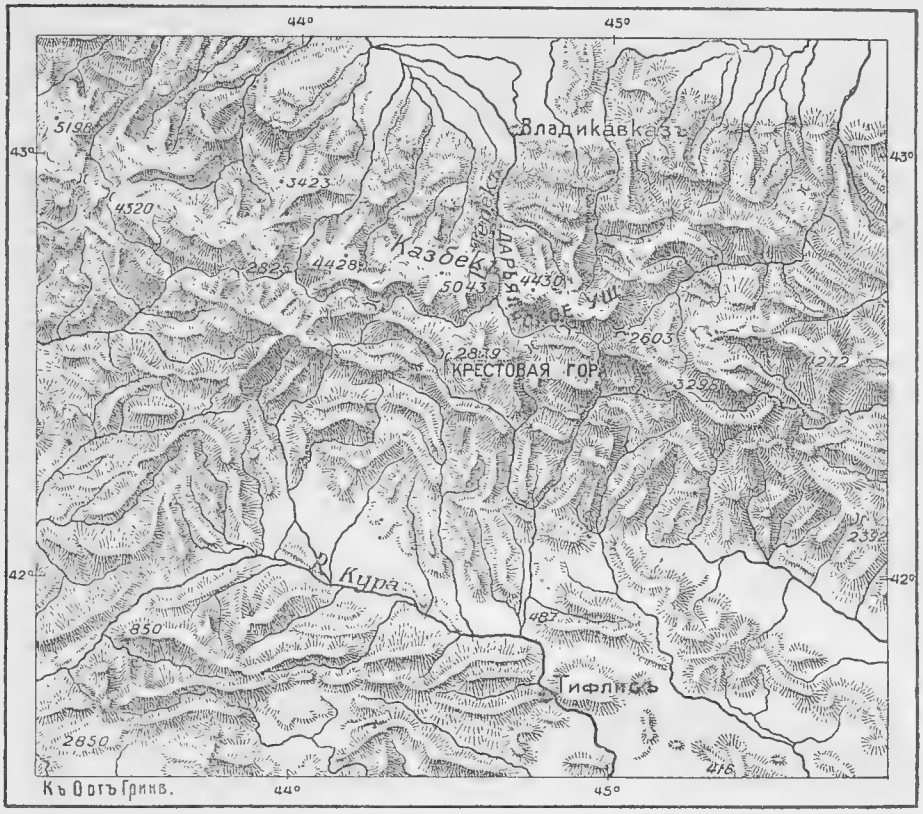
Итакъ, съ самаго появленія у человѣчества сознательнаго отношенія къ окружающему, горные хребты, расположенные между Каспійскимъ и Черпымъ морями, представляли два склона, рѣзко различающіеся по своему характеру: одинъ склонъ относительной цивилизаціи, другой—полнаго варваризма,—на югѣ былъ свѣтъ, на сѣверѣ тьма. Тѣмъ не менѣе, обмѣнъ товаровъ и идей могъ происходить какъ съ той, такъ и съ другой стороны, но происходилъ онъ скорѣе кружнымъ путемъ, чѣмъ непосредственно чрезъ горные проходы. Историками установлено, что въ теченіе вѣковъ очень часто совершались передвиженія народовъ съ цѣлью переселеній и завоеваній между Передней Азіей и сарматскими равнинами, т.-е. равнинами южной Россіи; эти переселенія народовъ продолжались чрезъ европейскую Ѳракію, вдоль береговъ Чернаго моря. Въ прежнія времена киммерійцы и скиѳы, въ болѣе позднюю эпоху турки—свершили такой круговой путь, слѣдуя по берегамъ Чернаго моря и руководствуясь закономъ наименьшей затраты энергіи.

Кромѣ того, какъ ни мало доступенъ и какъ ни трудно проходимъ Кавказскій хребетъ, который тянется наискось между двумя морями на протяженіи тысячи километровъ и раздѣляетъ области, очень различныя по природѣ почвы и климату, все же иногда народности, бѣжавшія отъ преслѣдованій врага или увлеченныя побѣдой во время военнаго набѣга, пытались его перейти. Однако, такія попытки прорваться вооруженною силою или переселиться чрезъ хребетъ мирнымъ путемъ происходили лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, въ эпохи сильныхъ перемѣщеній народовъ; возможность такихъ переселеній обусловливалась существованіемъ естественныхъ проходовъ въ Кавказскомъ хребтѣ.

Первыя изъ такихъ естественныхъ воротъ открываются около середины перешейка, въ самомъ узкомъ его мѣстѣ, гдѣ отъ Чернаго моря до Каспійскаго приблизительно около 500 километровъ. Съ двухъ сторонъ, съ сѣвернаго Кавказа и съ Закавказья, поднимается къ прорыву въ хребтѣ по широкой рѣчной долинѣ съ сѣвера—долина рѣки Терека, съ юга—долина рѣки Куры; обѣ эти рѣки—наиболѣе обильныя водами рѣки Кавказа, и горный хребетъ представляетъ здѣсь во всей своей массѣ наименьшую толщину, приблизительно около 100 километровъ въ области

сѣдловины. Наиболѣе высокая точка перевала, называемая въ настоящее время Крестовой горой, 2.263 метр. вышины и не достигаетъ границы вѣчныхъ снѣговъ: послѣдняя въ нѣкоторыхъ частяхъ Кавказа проходитъ лишь на высотѣ 3.500 и даже 4.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Путь, которымъ приходится слѣдовать при пересѣченіи здѣсь хребта, намѣченъ

№ 74. Дарьяльскій проходъ.



1: 2 000 000

0 10 20 30 40 50 Килом.

тѣмъ болѣе ясно, что сѣверная цѣпь горъ, являющаяся продолженіемъ главнаго хребта западнаго Кавказа, совершенно прорѣзана водами Терека, бѣгущими въ Дарьяльскомъ ущельѣ; приходится пересѣчь лишь одинъ хребетъ, и путешественнику, поднявшемуся по ущельямъ и долинамъ вдоль рѣки, остается преодолѣть лишь незначительный перевалъ,—

онъ огибаетъ величественный массивъ Казбека и спускается затѣмъ въ долину рѣки Куры.

Съ самаго начала историческихъ временъ народность иранскаго происхожденія, оссы или осетины, называющіе сами себя племенемъ «иронъ», утвердилась въ этомъ проходѣ и заняла въ немъ какъ входъ, такъ и выходъ. Благодаря такому захвату выгоднаго положенія, оссы могли защищать этотъ въ высокой степени важный путь Кавказа, притягивавшій къ себѣ по преимуществу кочевыя народности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опасность со стороны послѣднихъ угрожала чрезвычайно сильная, особенно въ ту эпоху, когда цѣлый потокъ варварскихъ племенъ низвергался къ югу, — двумъ императорамъ—римскому императору Юстиніану и повелителю Ирана Хозрою Нушірвану — пришлось общими усиліями охранять эти врата Дарьяла противъ вторженія хазаровъ.

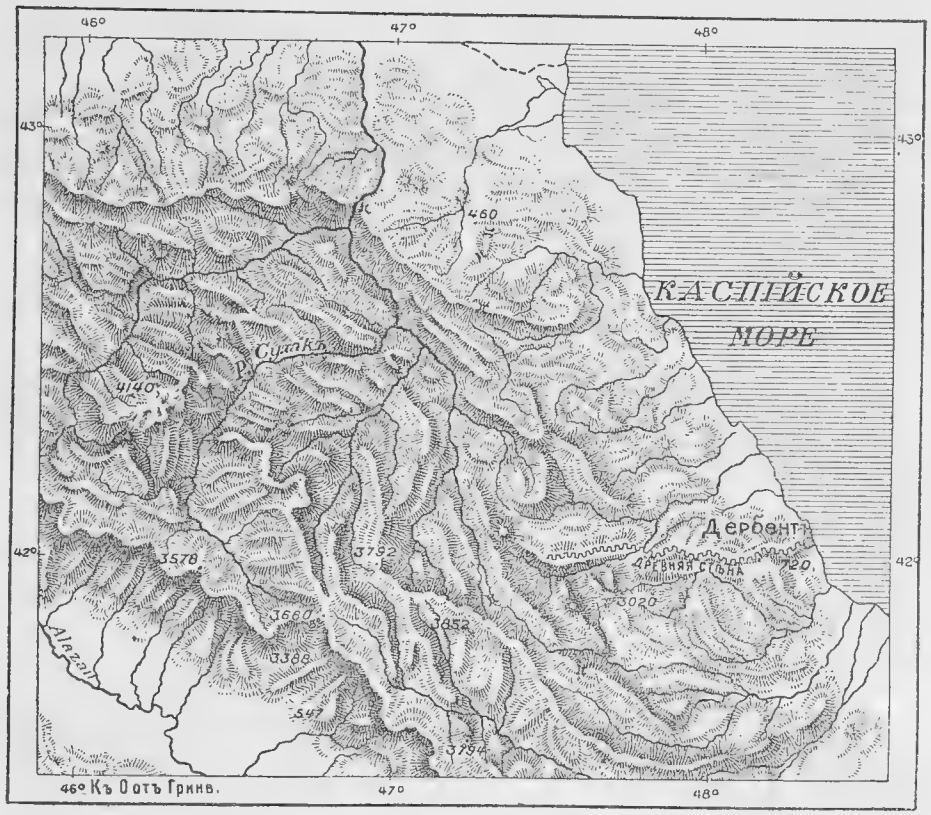
Другой естественный проходъ Кавказа открывается на востокѣ, у береговъ Каспійскаго моря. Съ этой стороны горы сразу понижаются, и между ихъ отрогами остаются широкія долины, по которымъ извиваются горные потоки, берущіе воду отъ вѣчныхъ снѣговъ. Даже у самаго подножья обрывовъ берега Каспійскаго моря предоставляютъ широкій и удобный проходъ, благодаря пониженію морского уровня, который въ настоящее время располагается на 27 метровъ ниже Азовскаго моря. Именно чрезъ этотъ-то проходъ, называемый Желѣзными Воротами, и проникали различныя народности, выселявшіяся съ плоскогорій Ирана и съ другихъ сосѣднихъ горныхъ странъ, — чрезъ него прошли мидяне и персы, турки и татары, таты и талихи.

Кавказъ представляетъ собою грандіозную преграду, которую движущіеся народы стараются преодолѣть въ ея наиболѣе слабой точкѣ. Натискъ народовъ вполнѣ аналогиченъ напору воды въ большомъ резервуарѣ. Народы наталкиваются на колоссальную стѣну горъ и въ большинствѣ случаевъ не могутъ перейти чрезъ нее, такъ какъ единственныя врата, представляющія собою какъ бы шлюзы въ плотинѣ, заняты оссами, опирающимися на укрѣпленія, построенныя съ цѣлью защиты Дарьяльскаго прохода, — народностямъ ничего не остается болѣе, какъ направиться вправо и пройти тѣмъ вторымъ проходомъ, который открывается вдоль побережья Каспійскаго моря.

За предѣлами этихъ воротъ движущаяся масса переселяющихся народностей можетъ разлиться широкимъ потокомъ по долинамъ и можетъ направить свои отраженныя волны и во впадины склоновъ горнаго хребта. Такъ и происходило въ дѣйствительности: наводненіе водами и наводненіе людскими массами подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ. Такъ, мы видимъ, племена татъ и талихъ проникаютъ изъ бассейна Куры далеко въ узкій коридоръ Желѣзныхъ Воротъ; точно также области, населенныя азербейджанскими татарами, продолжаются къ сѣверу и переходятъ въ

области румикскихъ татаръ, а сосѣдями этихъ послѣднихъ въ равнинахъ сѣвернаго Кавказа являются ихъ предшественники татары-ногайцы, тогда какъ другое татарское племя, карачаи, было вытѣснено давленіемъ переселяющихся народностей въ долины сѣвернаго склона Кавказа. Потокъ

№ 75. Дагестанъ и Желѣзныя Ворота.



татарскихъ племенъ, пришедшихъ съ юга чрезъ Желѣзныя Ворота, встрѣтился, однако, въ низменныхъ равнинахъ съ колоссальнымъ потокомъ другихъ туранскихъ народностей, пришедшихъ чрезъ широкія ворота, находящійся къ югу отъ Уральскаго хребта, между этимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ.

Если выходцы съ юга и могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовать западнымъ побережьемъ Каспійскаго моря, чтобы вторгнуться затѣмъ въ расположенныя къ сѣверу сарматскія равнины, то, съ другой стороны, народное движеніе могло происходить и въ обратномъ направленіи. Съ цѣлью защиты отъ вторженія кочевыхъ дикихъ племенъ властители Закавказья нерѣдко старались укрѣпить данный проходъ, особенно въ мѣстности, которая является наиболѣе удобной для оказанія сопротивленія,—именно, въ мѣстности, извѣстной въ настоящее время подъ тюркскимъ названіемъ Дербента или «Желѣзныхъ Воротъ». До изобрѣтенія артиллеріи огромная стѣна, продолжавшаяся километровъ на 30 въ горы и, съ другой стороны, вдававшаяся въ море, являлась, дѣйствительно, непреодолимымъ препятствіемъ. Фирдуси въ своей «Книгѣ царей» приписываетъ сооруженіе ея Александру Македонскому, а возстановленіе ея Хозрою Нуширвану; въ промежутокъ между этими двумя строителями хроники упоминаютъ въ качествѣ ея возстановителей также короля персидскаго Іездигерда II, который жилъ во времена вторженія гунновъ. Всѣ эти цари старались прежде всего преградить дорогу «чудовищнымъ» племенамъ сѣвера, «ужаснымъ царямъ Гогу и Магогу» или, слѣдуя магометанской терминологіи,—«Яджуй и Маджуй» [1]). Персидскій поэтъ описываетъ также способъ построенія этой стѣны Александромъ Великимъ: «онъ велѣлъ положить одинъ на другой слой мѣди, желѣза, свинца, камней, древесныхъ стволовъ и вѣтвей, затѣмъ велѣлъ 100.000 кузнецамъ поджечь все это, такъ что всѣ металлы сплавились и образовали одну сплошную массу». Стѣна, остатки которой мы встрѣчаемъ въ настоящее время, считается именно частью стѣны, построенной Александромъ Великимъ.

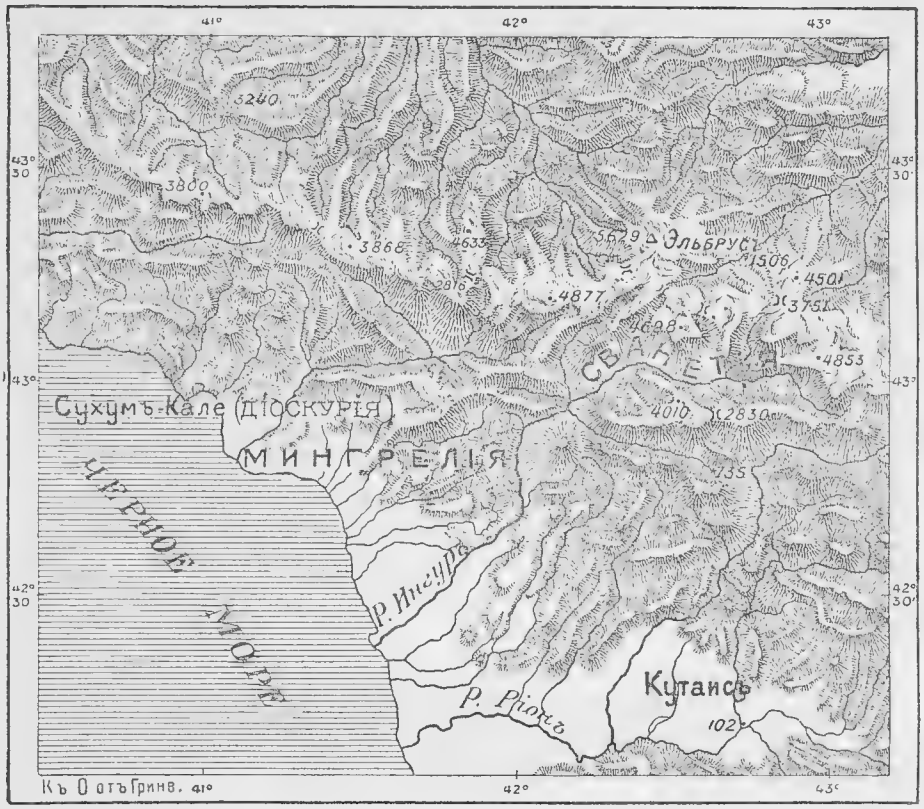
Несмотря на всѣ старанія Александра Великаго и другихъ легендарныхъ царей, завоеватели Яджуй и Маджуй, т.-е. всевозможныя воинственныя племена сѣвера, все же прошли этимъ роковымъ путемъ, который, впрочемъ, вовсе не прегражденъ въ своей сѣверной части. Въ этой области Кавказа, которая въ настоящее время носитъ названіе Дагестана или «Страны горъ», области между Апшеронскимъ полуостровомъ и долиной Сулакъ, долины расходятся въ видѣ колоссальнаго вѣера по направленію къ востоку и сѣверо-востоку, и, именно благодаря этому, во внутреннюю часть горнаго массива могло послѣдовательно проникнуть множество народностей, какъ бѣжавшихъ отъ преслѣдованій, такъ и являвшихся завоевателями,—всѣ эти народности, вмѣстѣ съ выходцами, пришедшими съ южнаго склона хребта, образовали удивительно пеструю смѣсь самыхъ разнородныхъ племенъ.

---

1) D'Ohsson, «Voyage d'Abou el Cassim».

Съ другой стороны, вся западная часть Кавказа, между Дарьяльскимъ ущельемъ и Киммерійскимъ Босфоромъ, представляетъ собою, по своимъ этническимъ элементамъ, одно очень обширное цѣлое, которое поразительнѣйшимъ образомъ соотвѣтствуетъ простотѣ орографическихъ

№ 76. Замкнутыя долины западнаго Кавказа.



формъ этой области. Прежде всего цѣпь горъ, вытянувшаяся съ большою правильностью на сѣверо-западъ, является, дѣйствительно, совершенно непреодолимой стѣной на протяженіи приблизительно 200 километровъ, отъ Казбека до Эльбруса; кромѣ того относительная узость хребта обусловливаетъ образованіе лишь очень незначительнаго числа долинъ, при-

годныхъ для колонизаціи. Переселяющіяся народности, которыхъ борьба за существованіе привела къ подножью западнаго Кавказа или параллельныхъ ему хребтовъ, безразлично на сѣверномъ или на южномъ склонѣ, должны были неминуемо остановиться въ своемъ движеніи или же направиться въ сторону, къ морю. Горный хребетъ предоставлялъ имъ въ этой своей части лишь очень немного пересѣкающихъ его брешей, по которымъ бы путники могли черезъ него перебраться; параллельныя стѣны горъ, тянущіяся одна за другой, чрезвычайно трудно проходимы,—невысокіе хребты между ними непроходимы вовсе изъ-за крутости своихъ обрывовъ и густого покрова своихъ лѣсовъ, тогда какъ высокія горы—изъ-за снѣговъ. Что же касается до попытки обойти Кавказъ и попасть съ одного его склона на другой, обогнувъ его западную оконечность, то объ этомъ нечего было и мечтать, такъ какъ по южному берегу сотни мысовъ выдаются въ воды Чернаго моря и образуютъ проходы, которые легко могутъ быть защищены ничтожной кучкой людей. Около 2.000 лѣтъ тому назадъ цѣлая армія строителей обосновалась на этомъ побережьѣ по приказанію царя Митридата, чтобы провести здѣсь дорогу карнизами вродѣ того, какъ проведенъ путь по берегамъ Средиземнаго моря между Ниццей и Спеціей,—это было единственнымъ средствомъ соединить обѣ половины обширной имперіи, расположенной къ сѣверу и къ югу отъ Чернаго моря; однако, сооруженная дорога играла нѣкоторую роль лишь въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, и императоры Рима, а затѣмъ и императоры Византіи не заботились нисколько объ ея возстановленіи; она была возстановлена русскими, послѣ того какъ находилась въ полномъ упадкѣ и забвеніи въ теченіе 20 вѣковъ.

Массиву горъ, единому по своему образованію, соотвѣтствуетъ населеніе, единое по своему происхожденію, по своимъ нравамъ и своей исторіи. За исключеніемъ сванетовъ верховьевъ рѣки Ингура и карачайцевъ или «племени Черной рѣки», живущихъ въ сѣверныхъ долинахъ, въ окрестностяхъ Эльбруса, всѣ обитатели западной части Кавказскаго хребта принадлежатъ къ группѣ болѣе или менѣе смѣшанныхъ племенъ, обозначаемыхъ съ давнихъ поръ подъ общимъ названіемъ черкесовъ. Правда, кабардинцы на востокѣ, племя адиге на сѣверо-западѣ и абхазцы на южномъ склонѣ хребта представляютъ между собой серьезныя различія, зависящія отъ почвы, климата и торговыхъ сношеній, однако, всѣ они образуютъ рѣзко ограниченную этническую группу. Таково было въ общихъ чертахъ распредѣленіе народностей на Кавказѣ до прихода русскихъ, и можно сказать съ полной увѣренностью, что и въ доисторическую эпоху условія внѣшней среды, аналогичныя нынѣшнимъ, опредѣляли собою такую же групировку населенія, бывшаго лишь болѣе рѣдкимъ.

Каково бы ни было происхожденіе того или другого горнаго пле-

мени, самая природа страны обусловливала въ большинствѣ случаевъ совершенно изолированное существованіе его. Долины Кавказа обладаютъ лишь однимъ входомъ со стороны равнины и ограничены со всѣхъ остальныхъ сторонъ вѣчными снѣгами, недосягаемыми ледниками, — вслѣдствіе этого каждая изъ нихъ образуетъ отдѣльную область, иногда настоящую темницу или огромную ловушку, въ которой населеніе оказывается замкнутымъ и въ силу этого сохраняетъ цѣликомъ свою индивидуальность. Каждая изъ долинъ Сванетіи или Дагестана представляла собою вполнѣ замкнутый мірокъ, гдѣ жила группа семей въ полной изолированности и даже въ полномъ невѣдѣніи народовъ внѣ данной долины, — подобная группа людей составляла часто какъ бы крохотное человѣчество, совершенно незнакомое съ великимъ человѣческимъ родомъ остального обширнаго міра. Ни въ одной горной области Европы и Азіи нельзя найти столь изолированныхъ общинъ, рѣзко различающихся между собою и отрицающихъ иногда даже несомнѣнныя узы родства, какъ на Кавказѣ. Это обусловливается тѣмъ, что ни одна другая страна не представляетъ одновременно столь противоположныхъ чертъ природы, какъ Кавказъ, — онъ обладаетъ большою притягательною силою, благодаря богатству своей флоры и мягкости климата, и въ то же время обладаетъ способностью тѣсно привязывать къ извѣстнымъ мѣстностямъ народности, вслѣдствіе формы долинъ своихъ рѣкъ съ трудными къ нимъ подступами.

Одно очень часто цитируемое мѣсто «Географіи» Страбона (книга XI, гл. 2, ст. 16) сообщаетъ намъ, что, по разсказамъ купцовъ, иногда на базарѣ города Діоскуріи, расположеннаго тамъ, гдѣ находится нынѣшній городъ Сухумъ-Кале, встрѣчались вмѣстѣ «300 различныхъ народностей». Греческій географъ считаетъ это преувеличеніемъ, насчитываетъ, однако, все же 70 народностей, говорящихъ на особыхъ языкахъ, которыя сходились въ Діоскуріи для обмѣна товарами, — данныя эти вполнѣ точны, и, безъ сомнѣнія, Страбонъ обязанъ ими Моаферну, дядѣ своей матери, который былъ губернаторомъ Колхиды (книга XI, гл. 2, ст. 18). Справедливости этихъ данныхъ тѣмъ легче повѣрить, что по переписи 1891 г. въ одномъ лишь Закавказьѣ насчитывается 56 различныхъ народностей, а на всемъ Кавказѣ число ихъ опредѣляется болѣе 80. Такимъ образомъ, по прошествіи 18 вѣковъ мы видимъ почти полное совпаденіе между показаніями Страбона и точными современными изслѣдованіями этнографовъ и статистиковъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что, несмотря на переселенія и перемѣщенія народностей, этническая основа осталась одинаковой: многія народности, какъ, напримѣръ, сваны, прикрѣплены совершенно неподвижно къ тѣмъ же самымъ горнымъ долинамъ, въ которыхъ обитали ихъ предки. Этому удивительному разнообразію этническаго состава кавказскаго населенія Страбонъ даетъ, однако,

совершенно ошибочное, можно сказать, даже нелѣпое объясненіе: «разнообразіе это—говоритъ онъ—зависитъ отъ бродячей жизни, которую ведутъ эти народы». Въ дѣйствительности, наоборотъ, разнообразіе этническаго состава обусловливается почти полной замкнутостью кавказскихъ долинъ, гдѣ племена насильственнымъ путемъ изолированы, — они не могутъ совершенно смѣшиваться и знакомы между собой лишь благодаря тому, что отъ времени до времени торговцы ихъ сходятся на ярмаркахъ.

Раздробленный такимъ образомъ на множество отдѣльныхъ областей, Кавказъ никогда не могъ слиться въ одно цѣльное государство, въ одну имперію; самое большее, что иногда съ него спускались разбойничьи племена и временно получали господство надъ устрашенными народностями прилежащихъ равнинъ, или же, наоборотъ, завоеватели, явившіеся съ равнинныхъ мѣстностей, проникали и захватывали нѣкоторыя горныя долины. Легкость защиты, однако, и затруднительность нападенія, въ связи съ почти полной невозможностью передвиженія и перевозки грузовъ, должны были въ теченіе вѣковъ поддерживать то первоначальное равновѣсіе, которое установилось между многочисленными мелкими народностями Кавказа. Имперія, которая обнимала бы и соединяла бы въ одно цѣлое всѣ хребты Кавказа, не могла организоваться,— завоеватели должны были придти извнѣ, и они могли явиться лишь въ тѣ времена, когда сѣверныя равнины были заняты многочисленнымъ населеніемъ и обладали достаточной силою и могуществомъ для нападенія и для захвата страны. Эти условія могли возникнуть лишь въ теченіе прошлаго вѣка, когда народилось могущество Россіи.

Однако, всѣ эти сотни небольшихъ изолированныхъ народностей имѣли все же возможность поддерживать между собою постоянныя торговыя сношенія, и мало-по-малу между ними установился торговый обмѣнъ, который имѣлъ значительные размѣры еще въ миѳическія времена, какъ о томъ свидѣтельствуетъ легенда о Золотомъ Руно. Греки непосредственно совершали свои плаванія къ устьямъ рѣки Фазъ (Ріонъ), но кромѣ того они получали также металлы и другіе цѣнные предметы торговли съ Кавказа еще и чрезъ различныхъ посредниковъ. Благодаря естественному раздѣленію труда, устанавливающемуся среди народовъ, соотвѣтственно съ условіями ихъ внѣшней среды, нѣкоторыя племена занялись исключительно перевозкой товаровъ, и благодаря такому мирному занятію, равно необходимому для всѣхъ, они сдѣлались желанными гостьми и всюду и вездѣ пользовались гостепріимствомъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, имѣются серьезныя указанія на то, что существовала правильная торговля между Кавказомъ и берегами Балтійскаго моря чрезъ посредство оссовъ или, быть-можетъ, азовъ, переселившихся затѣмъ въ Скандинавію, которые обитали и обитаютъ до сихъ поръ по обонмъ склонамъ

Дарьяльскаго прохода, являющагося единственнымъ относительно легкимъ путемъ чрезъ параллельныя цѣпи Кавказскихъ горъ [1]).

По сравненію съ той стѣною горъ, которая тянется наискось между обоими морями, Чернымъ и Каспійскимъ, различные горные массивы, соединяемые иногда подъ названіемъ Анти-Кавказа, не имѣютъ никакой правильности въ своемъ распредѣленіи, обладаютъ многочисленными центрами образованія и сложною складчатостью, свидѣтельствующею объ очень энергичныхъ процессахъ геологической исторіи. Въ этомъ лабиринтѣ можно различить нѣсколько направленій горныхъ хребтовъ, которые нигдѣ, однако, не имѣютъ характера такихъ непрерывныхъ цѣпей, какъ величественная стѣна Кавказа. Горные хребты эти безъ какого-либо видимаго порядка изрѣзаны на многочисленные второстепенные отроги горными потоками и рѣками, — съ одной стороны Ріономъ и Чорохомъ, съ другой — Араксомъ и Курою, на западѣ и юго-западѣ — различными притоками Евфрата, на юго-востокѣ — притоками Тигра; всѣ эти рѣки выносятъ колоссальное количество обломковъ каменныхъ породъ и осадковъ, съ тѣмъ, чтобы отложить ихъ въ Черномъ, въ Каспійскомъ морѣ и въ Персидскомъ заливѣ. Грандіозныя явленія вымыванія каменныхъ породъ имѣли въ своемъ конечномъ результатѣ полный стокъ воды изъ большей части тѣхъ озерныхъ бассейновъ, которые нѣкогда заполняли впадины этихъ горныхъ странъ; впрочемъ, и до сихъ поръ здѣсь остается еще нѣкоторое количество крупныхъ и малыхъ озеръ. Будучи въ среднемъ менѣе высокимъ и обладая бо̀льшими размѣрами по сравненію съ Кавказкими горами, Анти-Кавказъ отличается меньшей крутизною склоновъ, и вслѣдствіе этого на немъ должны долѣе задерживаться озерные водоемы, — они сохраняются до тѣхъ поръ, пока воды ихъ не стекутъ чрезъ глубокія промоины рѣчныхъ руслъ.

Горы Арменіи, поднимающіяся крутыми обрывами къ югу отъ Закавказья, покоятся на ровномъ, высокомъ основаніи, расположенномъ около 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря и различнымъ образомъ размытомъ потоками. Многочисленные массивы горъ господствуютъ въ различныхъ частяхъ этого пустыннаго, высокаго плато или поднимаются надъ глубокими долинами, прорѣзающимися у ихъ основанія. Отъ ущелья Евфрата до долинъ Аракса и отъ долины Куры до склона горъ, обращеннаго къ Тигру, путешественнику приходится идти по крайне неровной мѣстности, и на протяженіи сотенъ километровъ онъ видитъ горизонтъ, окруженный со всѣхъ сторонъ зубчатыми хребтами. Такіе гиганты, какъ вулканъ Алагёзъ («Пестрая гора») или какъ гора Мазисъ,

1) Champeaux, «Science sociale».—Vivien de St.-Martin, «Recherches sur les populations primitives du Caucase».

извѣстная на западѣ болѣе подъ названіемъ Арарата, царятъ надъ этимъ кажущимся хаосомъ, но ни коимъ образомъ не опредѣляютъ и не ограничиваютъ какой-либо географической области, не имѣющей свободнаго выхода наружу. Страна представляетъ всюду препятствія, которыя, однако, легко преодолимы или же могутъ быть обойдены. Вслѣдствіе этого общій географическій характеръ страны расплывчатый и неопредѣленный, — не знаешь, какое дать ей названіе, такъ какъ она не имѣетъ естественныхъ границъ и со всѣхъ сторонъ окружена переходными областями.

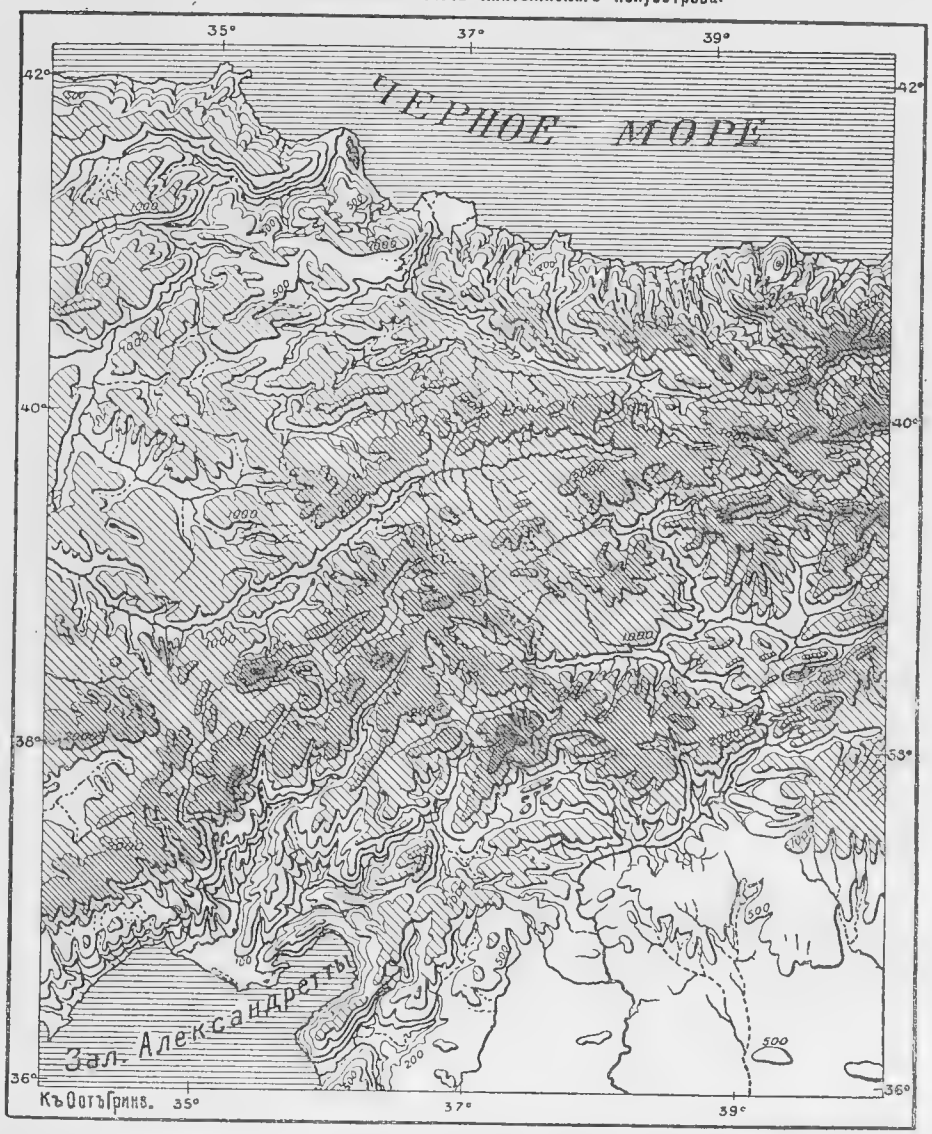
На западѣ граница, отдѣляющая Малую Азію отъ Анти - Кавказа, намѣчена очень рѣзко не столько теченіемъ Верхняго Евфрата или Кара-Су («Черная Вода»), сколько тѣмъ общимъ пониженіемъ рельефа въ меридіанальномъ направленіи, которое на сѣверѣ находитъ себѣ продолженіе въ самой западной части долины этой рѣки.

Вблизи отъ залива Александретты равнина, на которой располагаются въ настоящее время Биреджикъ и Марашъ, продолжается къ сѣверу, по направленію къ дугообразно выгнутому юго-восточному берегу Чернаго моря, и продолженіемъ ея являются относительно легко доступныя равнины и горныя плато: вся эта мѣстность образуетъ вполнѣ явственный желобъ, идущій отъ одного моря къ другому, и можетъ разсматриваться какъ перехватъ, отграничивающій Анатолійскій полуостровъ. Въ то же время высокая горная преграда закрываетъ съ юга эту область, служащую переходомъ между Арменіей и Малой Азіей, и самъ Евфратъ, равно какъ и многіе его притоки, вплоть до рѣки Джихунъ, принуждены пересѣчь этотъ барьеръ,—они прорѣзаютъ его узкими ущельями. На сѣверѣ, по склону, обращенному къ Черному морю, рядъ другихъ узкихъ ущелій, гдѣ съ ревомъ бѣгутъ горныя рѣчки, соотвѣтствуетъ этимъ разбросаннымъ безъ какой-либо правильности ущельямъ южнаго склона.

Различные главные притоки Евфрата образуютъ въ долинахъ своихъ верховьевъ географическую область, совершенно отличную отъ той, которую мы находимъ въ равнинахъ ихъ низовьевъ. Кажется, что верхнее теченіе рѣки въ области горъ и ея извилистое нижнее теченіе составляютъ собою одно нераздѣльное цѣлое, но это—чистѣйшая иллюзія. Самое направленіе, въ которомъ текутъ обѣ параллельныя рѣки, образующія верхній Евфратъ,—направленіе съ востока на западъ, примыкаетъ, съ исторической точки зрѣнія, гораздо болѣе къ долинѣ древняго Халиса, нынѣшней рѣки Кизылъ - Ирмакъ, чѣмъ къ направленію рѣкъ Месопотаміи. Въ сѣверныхъ областяхъ передвиженія народовъ происходили съ востока на западъ, отъ Арменіи по направленію къ Малой Азіи или обратно, тогда какъ на югѣ эти передвиженія совершались въ направленіи какъ-разъ перпендикулярномъ — съ сѣвера на югъ — при выселеніи, и съ юга на сѣверъ — при нашествіяхъ съ завоевательными цѣлями.

Названіе Арменіи, которое часто дается странѣ, расположенной за

№ 77. Восточная часть Анатолійскаго полуострова.



Горизонтали проведены на высотѣ 100, 200, 500, 1000, 2000, 3000 и 4000 метровъ.

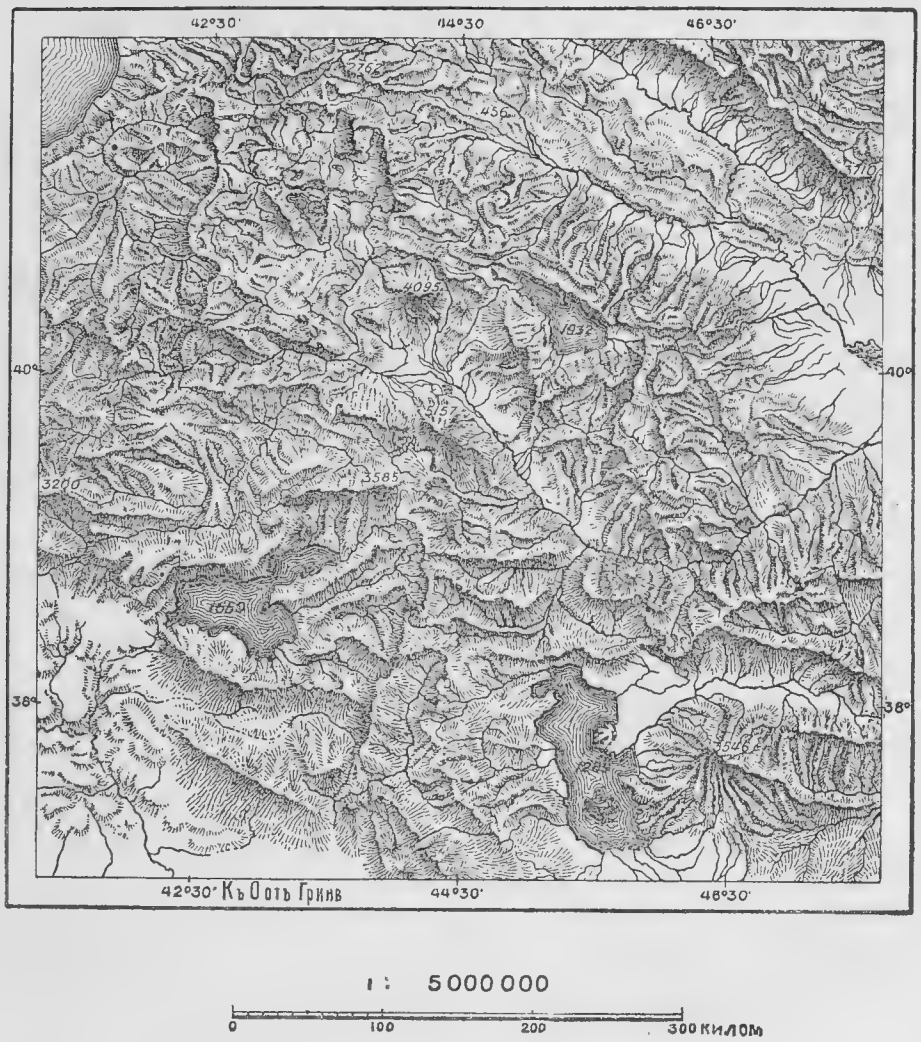
1 : 5 000 000

0 100 200 300 400 километ.

хребтомъ Кавказа, по ея наиболѣе культурной народности, имѣетъ нѣ-

которое значеніе лишь съ точки зрѣнія чисто этнографической, и къ тому же, даже до истребленія армянъ турками, представители этой народности находились въ преобладающемъ количествѣ лишь въ немногихъ

№ 78. Рельефъ горъ Арменіи.



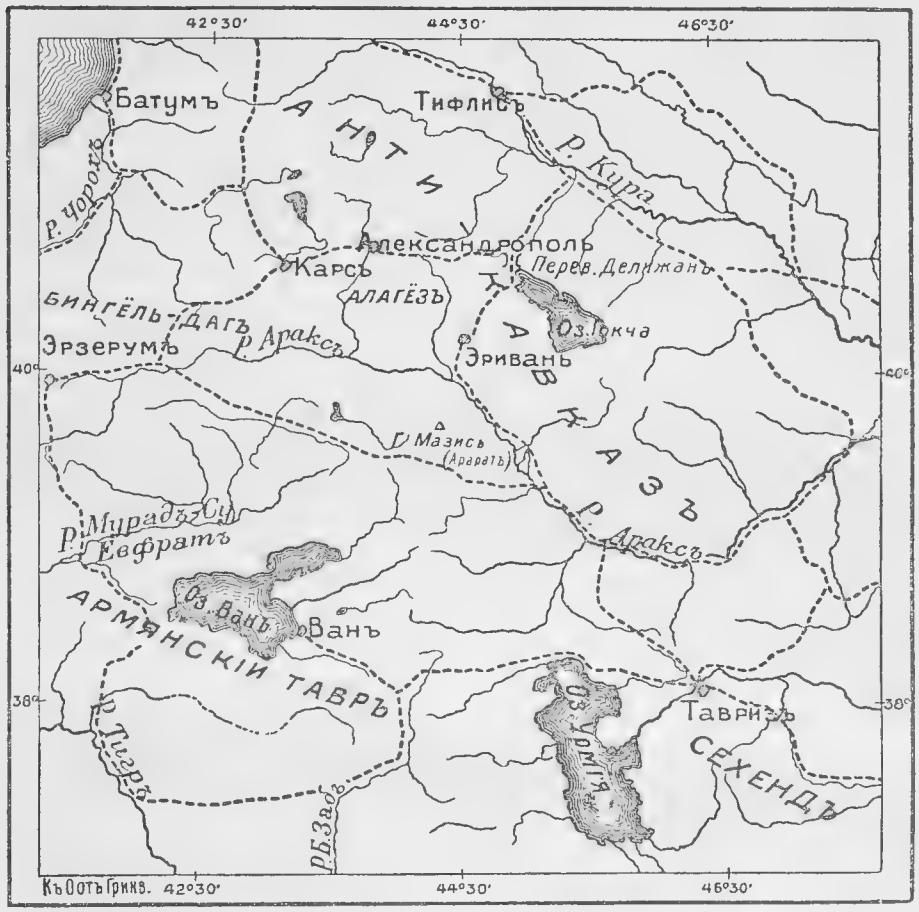
1 : 5000000

0 100 200 300 километ

районахъ страны; очень часто армянамъ приходилось переселяться въ различныхъ направленіяхъ подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ сосѣднихъ народовъ. Даже названія мѣстностей часто мѣнялись. Названіе

Араратъ, присвояемое въ настоящее время величественной горѣ Мазисъ, имѣло ранѣе гораздо болѣе широкое значеніе. Въ своей ассирійской формѣ—Урарту или Арарту—это названіе обозначало сѣверо-восточную

№ 79. Пути сообщенія въ области Анти-Кавказа.



1 : 5000000

0 100 200 300 Килом.

часть Арменіи и главнымъ образомъ долину Аракса; еще св. Іеронимъ понималъ подъ названіемъ Араратъ не отдѣльный вулканъ, а обширную плодородную страну, простирающуюся по направленію къ Каспійскому

морю. Однимъ словомъ, Араратъ—это была страна алародіевъ, или араратіевъ, упоминаемыхъ Геродотомъ [1]).

Съ другой стороны, названіе «Арменія» примѣнялось въ древнія времена, повидимому, къ юго-западной части страны, носящей это названіе въ наше время. Геродотъ [2]) знаетъ «армянъ» лишь въ верховьяхъ Евфрата, вблизи Фригіи и въ горахъ, гдѣ беретъ свое начало рѣка Галисъ. Такимъ образомъ, переселеніе этой народности должно было совершиться въ направленіи съ запада на востокъ и окончилось тѣмъ, что она попала въ долину Аракса [3]). Приблизительно въ началѣ царствованія династіи Ахеменидовъ армяне населяли окрестности горы Арарата, которая сдѣлалась географическимъ центромъ ихъ страны. Напоминаніемъ о переселеніи армянъ по направленію къ востоку служитъ названіе «Ашкеназъ» — древнее наименованіе фригійцевъ или «асканіевъ». По мнѣнію очень многихъ филологовъ, Черное море, извѣстное съ давнихъ временъ подъ названіемъ «Понтосъ Аксеносъ» или «Аксейносъ», получило это названіе вслѣдствіе того, что по его берегамъ обитали асканіи; лишь позднѣе греческіе мореходы измѣнили это названіе и придали ему на своемъ языкѣ значеніе добраго предзнаменованія.

Достаточно сравнить неправильные массивы Анти-Кавказа и горъ, называемыхъ обыкновенно Армянскимъ Тавромъ, съ длинной цѣпью Кавказскаго хребта, вытянувшейся по прямому направленію и трудно доступной, чтобы понять, какъ различны должны были быть историческія движенія въ этихъ двухъ областяхъ: горы и плоскогорія южной области, прорѣзанныя пересѣкающими ихъ путями, гораздо болѣе удобопроходимы, чѣмъ стѣна Кавказскаго хребта, преграждавшая путь переселявшимся народностямъ.

Самая массивная и наиболѣе объединенная изъ всѣхъ горныхъ областей Арменіи располагается прямо противъ Кавказа, выдвигая свои параллельныя или развѣтвленныя цѣпи горъ между Иранскимъ плоскогоріемъ и верхнимъ теченіемъ Евфрата. Конечно, вся эта страна не можетъ разсматриваться какъ одно географическое цѣлое, имѣющее реальный характеръ, но легко понять, что народность, господствующая по своей численности, по своей силѣ или по относительно высокому уровню своей культуры, могла все же сдѣлать попытку къ созданію имперіи, которая обнимала бы всю эту страну,—такая имперія могла обладать даже завоевательными наклонностями и могла покорить народности окружающихъ равнинъ. Данная область въ то же время, должно замѣтить, легко мо-

1) Кн. III, 94; Fr. Lenormant. «Les origines de l'histoire», t. II, pp. 2, 3 ss.— 2) Кн. I, 72, 194; VII, 73.—3) Moïse de Khorène; Fr. Lenormant, «Les origines de l'histoire», t. II, pp. 372 ss.

жетъ подвергнуться нападенію въ каждомъ изъ пунктовъ своей обширной окружности, — всюду открываются широкія бреши въ стѣнахъ этой цитадели.

Такимъ образомъ, народности, заключенныя въ бассейнахъ Куры и Ріона, т.-е. въ просторномъ проходѣ Закавказья, могли пытаться открыть себѣ доступъ во многихъ пунктахъ этой страны. Первыми легко доступными вратами для нихъ была открытая съ юга долина Аракса; если по ней поднимались завоеватели достаточно многочисленные и настолько сильные, что могли оттѣснить туземныхъ жителей, то они огибали всю восточную половину Анти-Кавказа и даже, не имѣя надобности брать штурмомъ какія-либо укрѣпленія, проникали вплоть до великолѣпныхъ садовъ Эривани, расположенныхъ между Алагёзомъ и и Мазисомъ. Тамъ передъ ними былъ богатый выборъ,—для дальнѣйшаго движенія они могли выбрать среди сотенъ притоковъ Евфрата тотъ, по которому проходъ казался имъ менѣе затруднительнымъ и менѣе защищеннымъ. Для обитателей областей Закавказья, расположенныхъ въ серединѣ перешейка между обоими морями, самымъ удобнымъ путемъ для нападенія былъ путь, которымъ идетъ въ настоящее время колесная дорога, — именно, путь чрезъ перевалъ Делижанъ и по западному берегу озера Гокчи; добравшись до этихъ высотъ, они могли затѣмъ либо спуститься въ долину Эривани, либо направиться къ западу въ ту область, гдѣ нѣсколько расходятся горные хребты, — стратегическими пунктами этой области русскіе въ настоящее время воспользовались, воздвигнувъ тамъ крѣпости Карсъ и Александрополь. Четвертымъ проходомъ является высокая долина рѣки Куры, откуда, по побережью Чернаго моря, путь идетъ въ Лазистанъ, — этимъ путемъ другія народности достигали горныхъ дорогъ, расходящихся вѣеромъ по высокимъ пастбищамъ, которыя окружаютъ бассейнъ рѣки Чороха.

Относительная доступность горъ Анти-Кавказа и Тавра для переселяющихся народностей объясняетъ намъ тѣ непрерывныя войны, которыя свирѣпствовали въ этихъ странахъ постоянно, а также объясняетъ и частыя переселенія народовъ, которыя тамъ происходили. Обитатели этой области испытывали давленіе со всѣхъ сторонъ, смѣшивались, раздроблялись, и потому въ результатѣ отдѣляющія ихъ границы должны были оказаться несравненно менѣе рѣзкими, чѣмъ границы ихъ сосѣдей на самомъ Кавказѣ; территорія ихъ должна была гораздо чаще мѣняться; разселяться имъ приходилось во всѣхъ направленіяхъ. Въ силу этого языки, племенной составъ, традиціи также часто мѣнялись, и во многихъ случаяхъ предполагаемые турки въ дѣйствительности — греческаго происхожденія, а люди, которые сами называютъ себя «армянами», являются евреями или курдами. Впрочемъ, именно эти послѣдніе оказываются съ самаго начала исторіи народностью, наилучше сохранившею свой типъ,

что и понятно, если припомнить, что они обитаютъ въ самыхъ высокихъ горныхъ областяхъ, обладающихъ наиболѣе крутыми склонами: вторгавшіяся народности старались избрать путь, который привелъ бы ихъ къ побѣдамъ и завоеваніямъ, наиболѣе легкій, и потому благоразумно избѣгали крутыхъ склоновъ и высокихъ долинъ, нерѣдко засыпанныхъ снѣгами.

Разнообразію племенного состава въ Анти-Кавказѣ соотвѣтствуетъ и разнообразіе религій, причиной чему являются также географическія условія среды, а отнюдь не «таинственные, неисповѣдимые пути Провидѣнія», какъ любили говорить въ прежнія времена. Горы, ограничивающія Малую Азію, располагаются приблизительно въ самомъ центрѣ тяжести тѣхъ странъ, гдѣ родились великія религіозныя теченія—религія Зороастра, еврейская религія и христіанство,—конфликтъ между этими различными религіями, между силами, заключенными на одной и той же узкой аренѣ, долженъ былъ неизбѣжнымъ образомъ вызвать появленіе религій смѣшанныхъ, въ особенности такихъ, которыя въ ихъ различныхъ формахъ получили общее наименованіе «гностицизма». Затѣмъ всѣ эти религіозные культы были обречены на дальнѣйшую эволюцію, когда, въ свою очередь, на аренѣ, представляемой Передней Азіей и побережьемъ Средиземнаго моря, появился исламъ. Въ этомъ мы видимъ явленіе изъ области соціальной механики, вполнѣ согласное съ ея законами!

Армяне, разсѣянные по склонамъ горъ и по высокимъ долинамъ, окружающимъ Араратъ, никогда не находили въ своей родной землѣ средствъ, достаточныхъ для своего существованія; подобно многимъ другимъ горнымъ народностямъ, они всегда были принуждены добывать эти средства въ чужихъ странахъ. Отъ другихъ странствующихъ народностей ихъ отличало, однако, высокое развитіе интеллектуальнаго элемента. Эта ихъ привилегія объясняется также географическими факторами. Отечество ихъ, по сравненію съ землею курдовъ, территорія которыхъ сплетается съ ихъ территоріей, какъ нити одной и той же ткани, состоитъ главнымъ образомъ изъ открытыхъ террасъ, изъ обширныхъ мѣстностей, лежащихъ по берегамъ озеръ или выполняющихъ дно прежнихъ водоемовъ, тогда какъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ крутые обрывы горъ, прорѣзанныхъ ущельями и трудно доступными проходами, даютъ прибѣжище лишь пастухамъ, обитающимъ на высотахъ среди снѣговъ, среди лишеній и опасностей. Такой природный контрастъ выражается всюду въ этой области, и одинаковый же контрастъ обнаруживается въ нравахъ и наслѣдственныхъ чертахъ соотвѣтствующихъ народностей. Благодаря вліянію среды, однѣ народности перешли къ земледѣлію, подсобнымъ занятіемъ которому является торговля, вызывающая періодическія странствія, другія живутъ исключительно своими стадами, пополняя недостающее отъ времени до времени разбойничьими набѣгами.

Озеро и крѣпость Ванъ.

Какъ бы то ни было, обитатели Анти-Кавказа не всегда пользовались независимостью, даже въ теченіе существованія отдѣльнаго царства, называвшагося Арменіей: тотъ или другой комплексъ горныхъ долинъ могъ образовать независимую группу земель лишь въ тѣ эпохи, пока не возникли еще на югѣ великія имперіи, обладавшія завоевательными стремленіями. Мы знаемъ, впрочемъ, исторію горной страны, простирающейся отъ озера Ванъ до озера Урміи, т.-е. страны Урарту, — названіе, тожественное съ названіемъ Араратъ евреевъ,—лишь изъ ассирійскихъ лѣтописей, такъ какъ искусство письма, заимствованное отъ ниневійцевъ и примѣненное къ мѣстному языку, проникло въ страну лишь въ эпоху Ассурнарзипала. Въ теченіе періода, продолжавшагося не менѣе 700 лѣтъ и начавшагося 3.400 лѣтъ тому назадъ, вліяніе ассирійцевъ въ этой странѣ играло абсолютно первую роль. Даже еще при царѣ Сар-

гонѣ напоръ завоевателей, пришедшихъ съ юга, не вызвалъ никакой попытки къ сопротивленію, и Арменія подпала подъ ихъ власть. Спокойствіе въ странѣ, правда, нарушалось нерѣдкими нападеніями киммерійцевъ и скифовъ; названіе этого послѣдняго народа встрѣчается даже при упоминаніи Страбономъ области Арменіи въ верховьяхъ Аракса, носившей названіе Саказены. Нѣкоторые историческіе документы свидѣтельствуютъ также о войнахъ, происходившихъ между князьями Ванъ и гетеянцами, обосновавшимися въ сѣверной Сиріи [1]).

На той части территоріи Арменіи, которая въ настоящее время принадлежитъ Россіи, Никольскій и другіе археологи открыли еще до

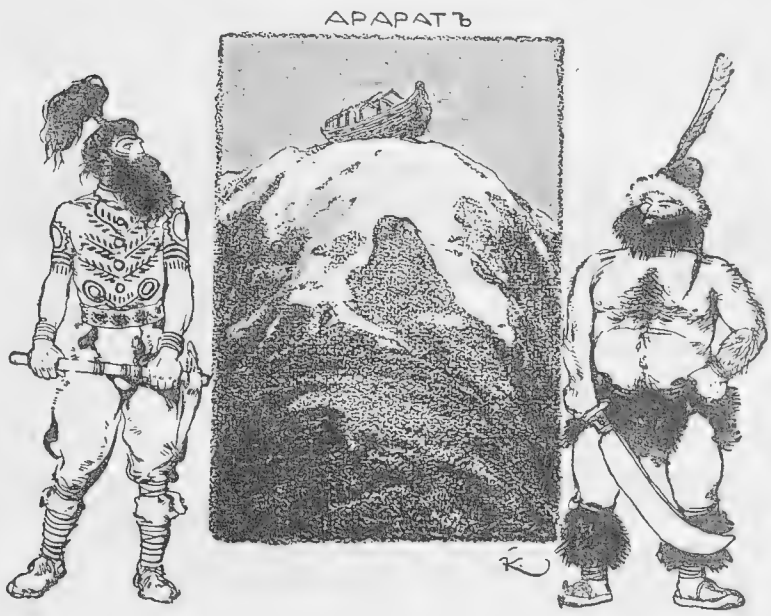
Скифы, вооруженные копьями, по барельефу на вазѣ изъ Куль-Оба.
Изъ коллекцій Эрмитажа въ С.-Петербургѣ.

1895 г. 23 большихъ клинообразныхъ надписи, а во всѣхъ областяхъ Арменіи, простирающихся съ юга на востокъ до Азербейджана, ихъ извѣстно около сотни. Къ сожалѣнію, не всѣ эти надписи еще прочтены, такъ какъ нѣкоторыя измѣненія ассирійскихъ знаковъ дѣлаютъ чтеніе ихъ довольно труднымъ. Изъ всѣхъ этихъ письменныхъ документовъ наиболѣе замѣчательнымъ является тотъ, который покрываетъ стѣны у подножья скалъ, увѣнчанныхъ крѣпостью Ванъ,—эта надпись состоитъ изъ 500 строкъ и приписывается легендою Семирамидѣ. Въ ней разсказывается о великихъ дѣяніяхъ царя Аргишти I, который въ эпоху расцвѣта ассирійскаго могущества, въ эпоху, предшествовавшую царствованію Тиглатфавазара II (Тугультинапалишарра), достигъ своими завоеваніями сирійскихъ береговъ Средиземнаго моря. Географическая по-

1) A. H. Sayce, «Les Hétéens». Annales du Musée Guimet, p. 50.

слѣдовательность этихъ надписей показываетъ, каково было направленіе историческихъ путей: оно было предуказано, такъ сказать, самою формою горныхъ плато и массивовъ горъ и нисколько не измѣнилось даже съ тѣхъ отдаленныхъ эпохъ. Цивилизація, разлитая въ этихъ странахъ въ эпоху ассирійскаго вліянія, была, повидимому, во многихъ отношеніяхъ выше современнаго культурнаго уровня данныхъ народностей,—такъ, напримѣръ, по всѣмъ склонамъ холмовъ и по всѣмъ долинамъ тянулись каналы, служащіе для орошенія, въ настоящее же время они совершенно разрушились, и ихъ приходится возстановлять, затрачивая огромныя суммы. Много еще придется затратить трудовъ, чтобы возстановить эту сѣть оросительныхъ каналовъ и привести ее въ такое состояніе, въ какомъ она была въ древней Арменіи. Продолжительное порабощеніе народа лишило его энергіи, необходимой для того, чтобы хорошо устроиться въ своей странѣ.

Послѣ ассирійцевъ Арменія подпала подъ власть царей Мидіи, затѣмъ ее завоевалъ Киръ, введя въ составъ своей обширной имперіи; наконецъ, когда рухнуло персидское владычество, Арменія раздѣлила жребій всѣхъ странъ, которыя были захвачены побѣдами Александра Великаго. Съ той поры страна Арарата вошла въ составъ міра, подвластнаго западу.



Месопотамія.

Хронологія.

Въ настоящее время невозможно еще составить хронологическую таблицу историческихъ событій въ предѣлахъ Месопотаміи. Результатами недавнихъ археологическихъ изысканій и раскопокъ являются пока лишь имена нѣкоторыхъ повелителей, власть которыхъ часто не распространялась за предѣлы ихъ городовъ Ниппура, Агада, Киша, Ларзама, Ура, Сузы и Вавилона. Мы ограничимся здѣсь перечисленіемъ лишь именъ наиболѣе знаменитыхъ царей,—именъ, которыя можно встрѣтить на цоколяхъ ихъ статуй, хранящихся въ европейскихъ музеяхъ.

Первый рядъ царей былъ открытъ при раскопкахъ города Ниппура. Имена царей Муллилъ, Лугаль, Энсагна относятся ко временамъ, отдаленнымъ отъ настоящаго на 8000 лѣтъ, но возможно, что обозначаютъ лишь миѳическихъ личностей.

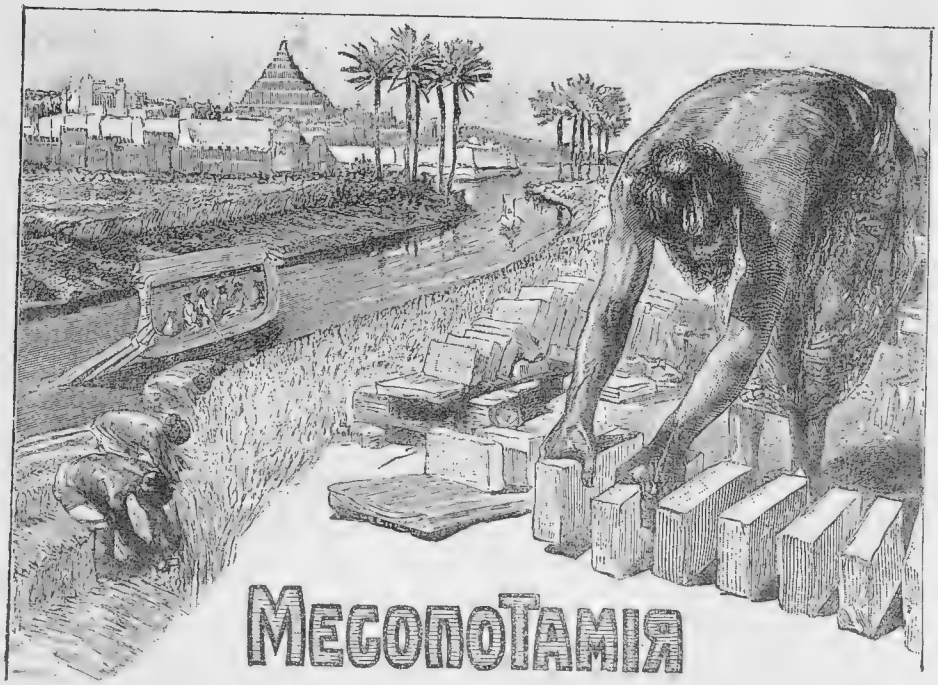
Къ періоду, отдаленному отъ нашего на 56—60 вѣковъ, относятся Шаргина и его сынъ Нарамъ-Синъ, царь Агада, Урбагу и Дунги, цари города Ура, вассалъ ихъ Гудеа, властитель Сирпулы, Хумбаба и Карибуха-Хухинакъ, цари Сузы.

Хаммураби, царь вавилонскій, распространилъ свое владычество на всю Халдею приблизительно 3950 лѣтъ тому назадъ.

Нѣсколько вѣковъ спустя, въ Месопотаміи царствовала такъ называемая «касситская» династія, происхожденіе которой неизвѣстно. Одинъ изъ послѣднихъ ея представителей, царь Куригальзу, жилъ 31 вѣкъ тому назадъ. Вскорѣ послѣ него, въ царствованіе Тугультинапалешарра II (см. стр. 340), начинается эра ассирійскихъ нашествій на низовую область Халдеи, и отдѣльные независимые цари становятся рѣдкими.

Приведемъ здѣсь имена нѣкоторыхъ царей Вавилона, заимствуя ихъ изъ работъ Пинша; послѣдній изъ этихъ царей, Набу-нахидъ, былъ свергнутъ съ трона «царемъ царей» Киромъ.

	Годъ эры Набонассара.		Олимпіады.		Годъ христ. эры до Р.Хр.	
Набу-назиръ (Набонассаръ)	0	14	29	43	747	733
Мардухъ-бали-динна	26	38	55	67	721	709
Самассу-мукинъ	80	100	109	129	667	647
Набу-апалъ-утсуръ (Набополассаръ) .	122	143	151	172	625	604
Набу-куду-руссуръ (Навуходоносоръ).	143	186	172	215	604	561
Амиль-мардухъ	186	188	215	217	561	559
Набу-нахидъ	191	209	220	238	556	538



Въ рѣчныхъ областяхъ цивилизація имѣетъ двойное происхожденіе: источникомъ ея является съ одной стороны земледѣліе, съ другой—торговля.

Глава третья.

ОБЛАСТЬ МЕСОПОТАМІИ.—ИСТОРИЧЕСКІЕ ПУТИ.—ТУРАНСКАЯ КУЛЬТУРА. — НАШЕСТВІЕ СЕМИТОВЪ. — ЗЕМНОЙ РАЙ И СВЯЩЕННЫЯ ГОРЫ.—СУДОХОДСТВО И ЛЕГЕНДА О ПОТОПѢ.—КАИНЪ И АВЕЛЬ.—ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.—ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, АРХИТЕКТУРА, АСТРОНОМІЯ, ПИСЬМЕННОСТЬ.—ГОРОДА И ИМПЕРІИ ХАЛДЕИ И АССИРІИ.

Южнѣе горной страны Арменіи географическія черты мѣстности, въ которой протекаютъ великія рѣки Тигръ и Евфратъ, опредѣляютъ собою ходъ исторіи. Мы имѣемъ здѣсь передъ собой колоссальную арену, окруженную зубчатыми цѣпями горъ, чрезъ которыя ведутъ широкіе проходы, позволяющіе народностямъ вторгаться цѣлыми толпами, — не трудно понять, что на такой аренѣ должны были совер-

шаться великія событія. Кромѣ того здѣсь же оканчивается великій міровой путь, идущій той или другой дорогой чрезъ Персію,—путь, который тянется вдоль основанія азіатской преграды и дѣлится на двѣ вѣтви въ предѣлахъ Иранскаго плоскогорія: одна вѣтвь его направляется къ Азербейджану, другая—къ Гамадану и къ подножью Эльвенда. Первый путь позволяетъ спуститься чрезъ страну курдовъ къ мѣсту сліянія Большого Заба и Тигра; второй путь, еще болѣе знаменитый въ исторіи, достигаетъ самаго сердца Месопотаміи, ея болѣе плодородной и наиболѣе густо населенной части. Далѣе къ югу открывается другой проходъ, которымъ можно спуститься изъ самой Персіи къ рѣкамъ Херхѣ, Карупу и Шатъ-Эль-Арабу.

Въ сѣверо-западной части той же арены два великихъ историческихъ пути, служившихъ для передвиженія народовъ, сообщаютъ Месопотамію съ Малой Азіей и чрезъ нее со всѣмъ европейскимъ міромъ,—они ведутъ чрезъ хребты пограничныхъ горъ. Одинъ изъ нихъ достигаетъ обширной равнины, бывшей нѣкогда дномъ озера, гдѣ Токма-Су соединяется съ Евфратомъ,—это важнѣйшій этапный пунктъ между Багдадомъ и Константинополемъ; другой путь пересѣкаетъ Евфратъ въ области его самаго западнаго изгиба и направляется къ тому прорыву въ хребтѣ Тавра, который извѣстенъ подъ названіемъ «Киликійскихъ воротъ».

Наконецъ, горы по средиземноморскому побережью, тянущіяся по берегамъ Палестины и Сиріи и не представляющія, въ сущности, нигдѣ непроходимой преграды, оказываются прорѣзанными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорывами, связующими морское побережье съ бассейномъ Тигра и Евфрата. Такимъ образомъ, обширный амфитеатръ, расположенный между горами Ливана, Тавра и Загроша, могли легко посѣтить самыя разнообразныя народности, и, дѣйствительно, его посѣщали народности, пришедшія изъ странъ съ самыми различными климатическими условіями, народности всѣхъ національностей, говорящія на всевозможныхъ языкахъ, обладающія самыми различными условіями культуры. Лишь одно единственное море,—именно, длинный рукавъ Персидскаго залива, въ который вливаетъ свои воды Шатъ-Эль-Арабъ,—омываетъ берега амфитеатра Месопотаміи, но на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея къ ней направлены другія моря, приносящія ей обильную дань товарами, людьми и идеями. Съ этой точки зрѣнія, какъ мы уже видѣли, передняя Азія къ западу отъ Персіи занимаетъ географическое положеніе, не имѣющее себѣ равнаго.

Должно замѣтить, однако, что равнина Тигра и Евфрата дѣлится на двѣ рѣзко различающіяся части; одна изъ нихъ была полна жизни: это Месопотамія въ узкомъ смыслѣ слова; другую можно считать совершенно мертвой,—она покрыта полями лавы, голыми скалами, песчаными пустынями и даетъ прибѣжище лишь кочевникамъ-бедуинамъ, которые

быстро передвигаются съ одного мѣста на другое, слѣдуя за своими стадами, питающимися тощей травой и листвою рѣдко разсѣянныхъ кустарниковъ. Граница, дѣлящая эти двѣ половины амфитеатра, представлена

№ 80 Месопотамія.

1:12 000 000

0 250 500 750 Килом.

1. Проходъ Загроша. 2. Киликійскія ворота.

Евфратомъ, который направляется наискось отъ своей западной излучины къ Персидскому заливу. Эта граница пустыни должна была сдѣлаться въ то же время большимъ торговымъ путемъ между Индійскимъ

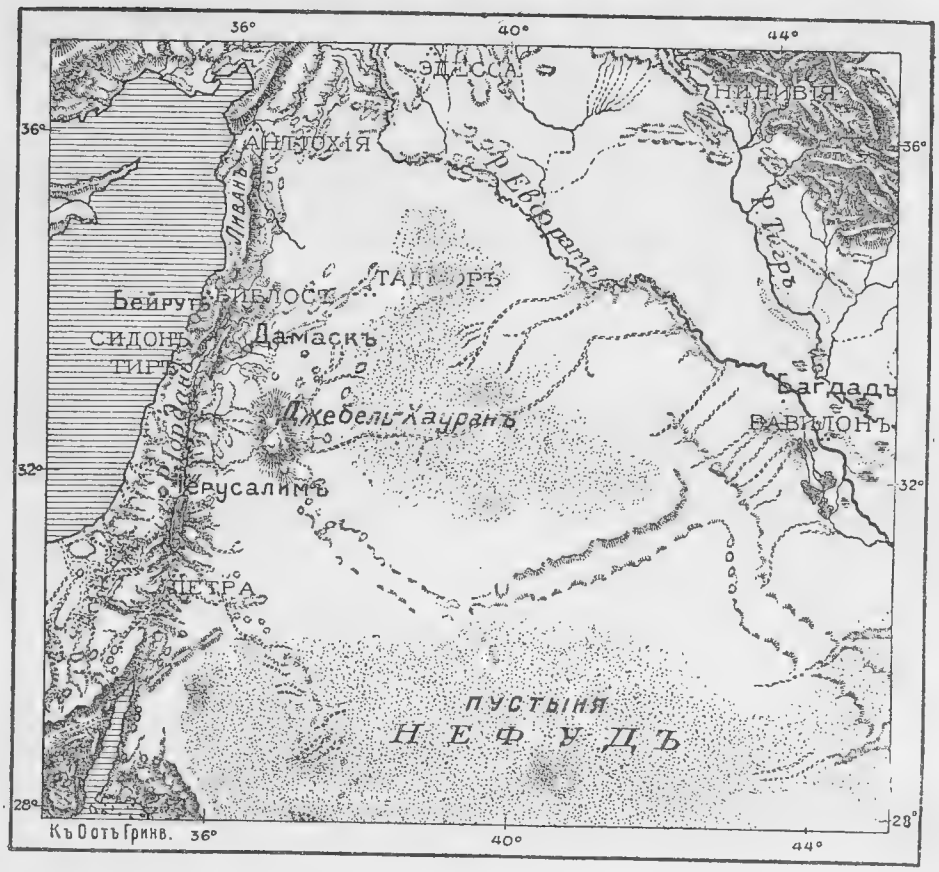
океаномъ и Средиземнымъ моремъ; съ самаго возникновенія цивилизаціи, именно по этому пути долженъ былъ происходить обмѣнъ золота, жемчуга, драгоцѣнныхъ камней, хлопчато-бумажныхъ матерій и шелка на товары запада.

Рѣка Евфратъ, являющаяся продолженіемъ оси Персидскаго залива по направленію къ заливу Александретты, была болѣе удобнымъ и лучше расположеннымъ естественнымъ путемъ, чѣмъ другая такая же проторенная дорога — долина Нила. Однако, и этотъ послѣдній путь, почти параллельный Красному морю въ нижерасположенной половинѣ своего теченія и сообщающійся съ вытянутымъ рукавомъ Краснаго моря нѣсколькими боковыми легко доступными путями, долженъ былъ также пріобрѣсти крупное значеніе въ торговлѣ восточнаго и западнаго міровъ. Вслѣдствіе этого между государствами, изъ которыхъ одно расположено на берегахъ Евфрата и другое на берегахъ Нила, должна была возникнуть чрезвычайно сильная конкурренція. Мы, современные люди, привыкли думать, что войны изъ-за торговаго соперничества стали возникать лишь въ новѣйшее время, и что могущественныя державы лишь съ недавнихъ поръ стали вести между собою борьбу изъ-за отдаленныхъ рынковъ,—это, однако, неправильно, и мы видимъ здѣсь достаточно яркій примѣръ обратнаго. Сезостриты, Ассурбанипалы и Камбизы являлись такими же коронованными представителями финансовыхъ интересовъ и монополій того времени, какими были въ Индіи въ прошломъ вѣкѣ Дюплэ и Кливъ и какими въ настоящее время являются государства, владѣющія различными областями въ Африкѣ.

На обоихъ великихъ естественныхъ путяхъ Тигра и Евфрата нѣкоторые пункты были намѣчены самой природой какъ мѣстности, которыя должны были получить особое историческое значеніе. Таковы были берега Тигра вблизи впаденія въ него рѣки Большой Забъ, гдѣ въ прежнія времена располагался городъ Ниневія, недалеко отъ того мѣста, на которомъ произошло столько великихъ сраженій и, между прочимъ, битва при Арбеллахъ, послѣ которой персидская монархія перешла въ руки македонянъ. Такова же была область обѣихъ рѣкъ-близнецовъ въ той мѣстности, гдѣ онѣ сближаются между собой и вступаютъ на обширную равнину Діяла, — въ этомъ мѣстѣ обѣ жизненныя артеріи сходятся, и оросительные каналы сплетаются въ колоссальный лабиринтъ,—тамъ находятся руины древняго Вавилона, руины Селевкіи, столицы потомковъ Александра Великаго, руины Ктезифона, столицы династіи Сассанидовъ, тамъ же располагается и нынѣшній городъ Багдадъ. Въ этомъ мѣстѣ настоящій центръ тяжести всей Месопотаміи. Съ перваго же взгляда можно узнать, какія мѣстности сдѣлались жизненными центрами средняго теченія Евфрата. Тамъ, гдѣ кончается пустыня, должны были начаться пути, соединяющіе рѣку съ моремъ.

Персидскій заливъ, который является какъ бы продолженіемъ долины Тигра и Евфрата, открывается въ Индійскій океанъ, подобно обширному внутреннему рейду гавани,—онъ подготовляетъ мореходовъ къ пла-

№ 81. Пустыни къ западу отъ Месопотаміи.



ванію по открытому морю; даже халдейцы еще давали этому заливу названіе «рѣки»—«Nâr Marratu» [1]). Это было основнымъ преимуществомъ, послужившимъ къ развитію вавилонской цивилизаціи; почти замкнутое

1) Alfred Loisy, «Les Mythes babyloniens», p. 189.

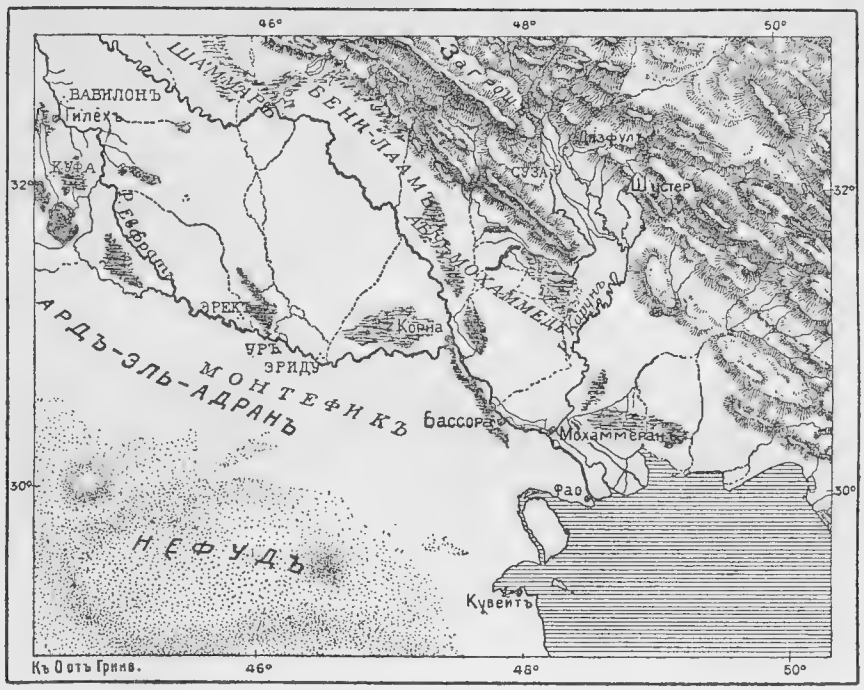
море обладало въ архипелагахъ своихъ острововъ и по побережьямъ прекрасными якорными стоянками, благодаря которымъ люди, занимавшіеся судоходствомъ по рѣкѣ, могли постепенно расширить свою дѣятельность и пуститься въ море, а настоящіе моряки здѣсь, какъ бы въ преддверіи океана, подготовлялись къ плаванію по послѣднему. Итакъ, благодаря присутствію моря, благодаря рѣкамъ, которыя въ него вливаются, область, охватываемая географическими познаніями цивилизованныхъ людей уже въ началѣ халдейской исторіи, должна была быть довольно значительной. Названія странъ, вырѣзанныя на цоколяхъ статуй въ Сиппулѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, насколько обширна была область, изъ которой суда привозили всевозможные товары, металлы, драгоцѣнныя породы деревьевъ и камни, служившіе для постройки и для украшенія города: на западѣ—Египетъ, на востокѣ—плато страны Эламъ были хорошо извѣстны купцамъ Сиппулы 50 вѣковъ тому назадъ [1]). Очень вѣроятно, что область распространенія вліянія Вавилона простиралась далеко за тѣ предѣлы, которыхъ достигали позднѣе познанія грековъ и римлянъ. Одинъ изъ ассирійскихъ текстовъ, древность котораго Оппертъ опредѣляетъ въ 28—29 вѣковъ, сообщаетъ намъ, что купцы нинивійскаго царя ловили жемчугъ въ морѣ, гдѣ дуютъ муссоны, и добывали желтый янтарь въ моряхъ, гдѣ полярная звѣзда находится надъ головою [2]). И вмѣстѣ съ тѣмъ ассирійская имперія, расположенная внутри континента, ничего не могла прибавить къ географическимъ познаніямъ халдейцевъ, жившихъ вблизи гаваней Персидскаго залива. Напротивъ, господство ассирійскихъ властителей соотвѣтствуетъ эпохѣ значительнаго упадка знаній и нравственности, и, по всей вѣроятности, въ эту эпоху географическій горизонтъ долженъ былъ сильно сузиться.

Во всемъ своемъ цѣломъ бассейнъ двухъ рѣкъ, внѣ предѣловъ горной области, имѣетъ форму обширнаго амфитеатра, къ которому направляются со всѣхъ сторонъ сходящіеся пути. Вслѣдствіе этого изо всѣхъ окрестностей могли происходить по направленію къ этой мѣстности сильныя движенія народныхъ переселеній, — каждая долина, въ случаѣ избытка и переполненія своего населенія, извергаетъ его по направленію теченія рѣкъ; представители всѣхъ народностей собираются въ городахъ, гдѣ народности перемѣшиваются между собою. Такимъ образомъ, равнина все болѣе и болѣе заселяется въ одной своей части пастушескими народностями, странствующими со своими стадами въ областяхъ, обильныхъ травою, въ другой—земледѣльцами, которые стараются исполь-

1) Léon Heuzey. «Découvertes en Chaldée par E. de Sarzec», p. 130.—2) «Recueil des travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptiennes et assyriennes», pp. 33 ss.

зовать непосредственно воду рѣкъ для орошенія своихъ полей. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя части низменныхъ мѣстностей, по которымъ протекаютъ Тигръ и Евфратъ, должны были долгое время оставаться недоступными для такихъ переселенцевъ; это были тѣ наносныя земли, ко-

№ 82. Распредѣленіе населенія Месопотаміи по роду занятій.



1 : 5500 000

0 25 150 300 килом

Кувейтъ—морская вывозная торговля.
Бассора—рѣчная торговля, разведеніе пальмъ.
Фао, Мохаммера—рѣчная и морская торговля.
Нефудъ—песчаная пустыня.
Ардъ-эль-Адранъ—области уади.
Загрошъ—земледѣліе и горныя пастбища.
Иранское плосконогоріе — земледѣліе, садоводство, разведеніе мака и розъ.

У подножія горъ область земледѣлія приведена въ полный упадокъ разрушеніемъ оросительныхъ каналовъ и превратилась почти сплошь въ скудныя пастбища.

торыя оказались впослѣдствіи наиболѣе плодородными,—земли, гдѣ вода долгое время образовывала болотца и озера, заросшія тростникомъ и окруженныя плохой растительностью. Ко всѣмъ неудобствамъ почвенныхъ условій присоединялись еще лихорадки, преграждавшія доступъ къ этимъ отчасти затопляемымъ областямъ, сдѣлавшимся позднѣе порази-

тельно плодородной Халдеей. Необходимъ былъ длинный рядъ вѣковъ, для того чтобы трудныя работы по завоеванію человѣкомъ почвы въ Месопотаміи были завершены; однако, мы видимъ уже на самомъ разсвѣтѣ исторіи, при первыхъ проблескахъ лучей, освѣтившихъ судьбы этихъ странъ, что мѣстности эти были превращены трудами человѣка въ роскошные сады. Въ одной изъ самыхъ древнихъ извѣстнымъ намъ надписей, относящейся ко времени, отдаленному отъ насъ почти на 60 вѣковъ, Вавилонія носитъ названіе Кенги—«страна каналовъ и камышевыхъ зарослей» [1]). Заслуга такого превращенія въ культурное состояніе земель, сдѣлавшихся знаменитыми по своему плодородію, принадлежитъ, по всей вѣроятности, народностямъ различныхъ расъ, спустившимся съ плоскогорій и долинъ окрестностей; однако, среди этническихъ элементовъ различнаго происхожденія, которые принимали участіе въ развитіи цивилизаціи въ низменностяхъ Месопотаміи, наибольшую пользу, по свидѣтельству древнихъ надписей, принесли не тѣ народности, съ которыми считаютъ себя родственными по происхожденію и по языку настоящіе или мнимые арійцы Европы,—самую значительную роль въ бассейнѣ южной части обѣихъ рѣкъ играли вовсе не тѣ племена, которыя говорятъ на индо-европейскихъ нарѣчіяхъ.

Ассиріологи, находившіеся подъ впечатлѣніемъ полнаго превосходства арійцевъ во всѣхъ отношеніяхъ, были очень изумлены этимъ своимъ открытіемъ. Они съ удивленіемъ узнали изъ самыхъ древнихъ клинообразныхъ надписей, что языкъ этихъ надписей не имѣлъ никакихъ чертъ иранскаго или семитическаго языка, а обнаруживалъ самое прямое родство съ туранскими нарѣчіями, каковыми являются различные языки Урала и Алтая. Языкъ, передаваемый этими первыми письменными знаками, принадлежитъ къ типу агглютинирующихъ языковъ, не имѣетъ флексій и соотвѣтствуетъ по всему своему характеру совершенно иному типу рѣчи, чѣмъ свойственный различнымъ другимъ обитателямъ Месопотаміи. Гортанные звуки, играющіе такую большую роль въ нарѣчіяхъ семитовъ, отсутствуютъ въ этомъ языкѣ совершенно, а шипящіе звуки въ немъ рѣдки. Наконецъ, особенно очевиднымъ дѣлаетъ его туранское происхожденіе то обстоятельство, что элементарныя формы 180 первыхъ извѣстныхъ намъ письменныхъ знаковъ напоминаютъ намъ очертанія существъ и предметовъ, свойственныхъ климату, совершенно отличному отъ климата халдеевъ; всѣ они свойственны странѣ, въ которой фауна и флора имѣютъ болѣе сѣверный характеръ, гдѣ нѣтъ ни львовъ, ни леопардовъ, но имѣются медвѣди и волки, гдѣ не извѣстенъ одногорбый верблюдъ, но извѣстенъ верблюдъ двугорбый, и гдѣ культурными характерными растеніями являются не пальмы и виноградникъ,

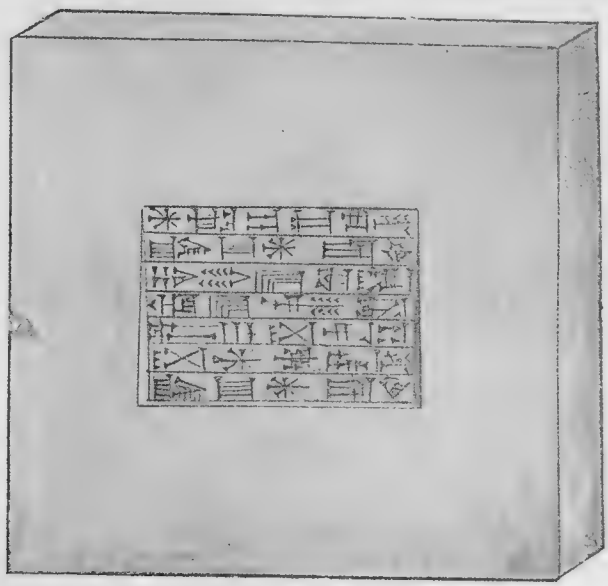
1) J. P. Peters. «Nippur». Expédition de l'Université de Pennsylvania. 1890.

Долина Малаго Заба у Бешаста.
По фотографіи Моргана.

а злаки и хвойныя. Такимъ образомъ, очень вѣроятно, что отечество этого языка и этой древней письменности, пришедшихъ въ Месопотамію чрезъ Сузіану, должно искать въ странѣ Эламъ. Многіе ученые (Вармундъ, Дьёлафуа, Дж. Морганъ) предполагали, что въ этой области жили люди негритянской расы, другіе (А. Блохъ) видѣли въ обитателяхъ этой страны, предшествовавшихъ семитамъ и халдейцамъ, чернокожихъ, пришедшихъ съ юга, но не относящихся къ негритянской расѣ.

Имя этого восточнаго народа, обязаннаго своимъ прогрессомъ, который сталъ позднѣе нашимъ, своему послѣдовательному переселенію среди различныхъ внѣшнихъ условій и своему постоянному труду, не дошло до насъ въ точности, великое дѣяніе его, однако, сдѣлавшееся основой нашей культуры, сохранилось. Древніе цари города Уръ въ нижней Халдеѣ, прославляя свои подвиги надписями на первобытныхъ монументахъ, называли себя «властителями странъ Сумиръ и Аккадъ»; по толкованію большинства писателей, оба эти названія относятся къ «народностямъ равнины» и «народностямъ горъ»; другіе спеціалисты по чтенію клинообразныхъ надписей истолковываютъ эти названія какъ «на-

родъ юга» и «народъ сѣвера». Въ ту эпоху, однако, къ которой относятся эти первыя клинообразныя надписи, обитатели горъ, или аккадійцы, уже переселились на равнину,—они обитали рядомъ съ сумирійцами, или сумерійцами, въ странахъ, орошаемыхъ обѣими великими рѣками. Какъ тотъ, такъ и другой народъ говорилъ, повидимому, на языкахъ одинаковаго происхожденія, и въ ту эпоху оба они играли главенствующую роль, по сравненію съ народностями другой расы, напримѣръ, съ семитами, обитавшими въ той же странѣ. Такимъ образомъ, именно эту народность—аккадійцевъ—должны мы разсматривать какъ нашихъ духовныхъ предковъ, какъ народъ, совершившій тѣ цѣнныя пріобрѣтенія знанія, которыми мы обязаны обитателямъ Месопотаміи; позднѣе они передали эти духовныя пріобрѣтенія, съ одной стороны, въ долину Нила (Масперо, Гоммель и др.), съ другой—въ долины Хоанъ-хо и Янъ-тзе-кіанга (Терріенъ-де-ля-Купери).



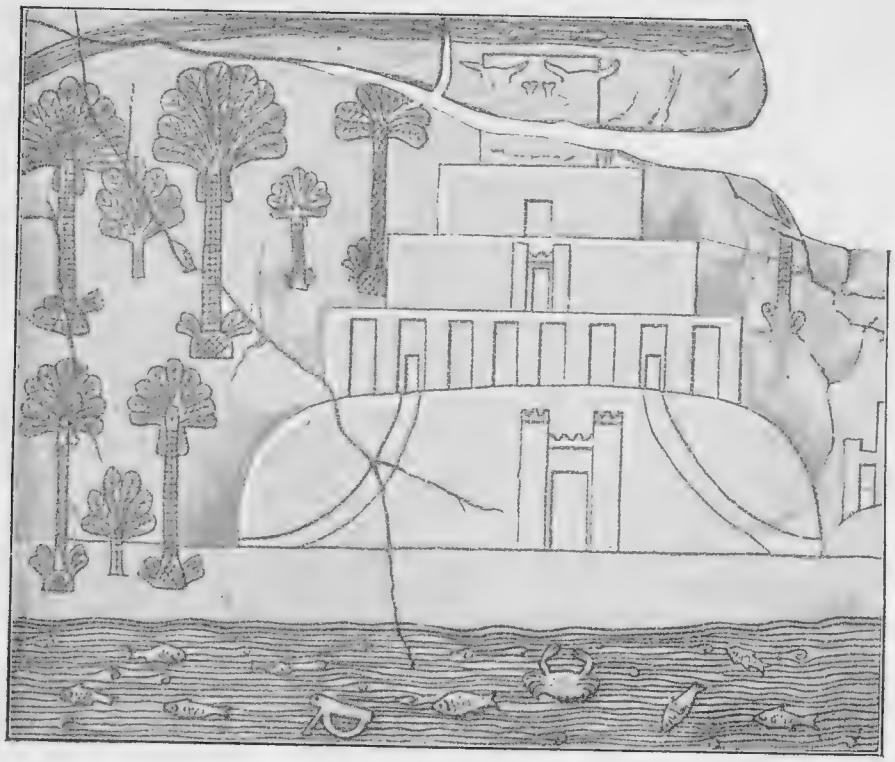
Вавилонскій кирпичъ съ клинообразною надписью.

Однимъ изъ доказательствъ той главенствующей роли, которую играли аккадійцы, являются данныя географической номенклатуры: именно, этой народности приписываютъ большинство старинныхъ названій мѣстностей и, въ частности, названія обѣихъ великихъ рѣкъ. Евфратъ назывался «Purâtu», что на аккадійскомъ языкѣ означаетъ «русло рѣки». Такое же значеніе имѣло на аккадійскомъ языкѣ названіе Тигра «Iddigla», измѣненное ассирійцами въ «Diglat» и израильтянами въ «Hid-degel» [1]).

Но, какъ ни велико было умственное и нравственное наслѣдіе, оставленное этимъ первымъ культурнымъ народомъ, сдѣлавшимся цивилизаторомъ, сами по себѣ члены данной народности въ численномъ отно-

---

1) Fried. Delitzsch. «Wo lag das Paradies», pp. 169, 171; Fr. Lenormant. «Les origines de l'histoire», t. II, pp. 535, 536.



Вавилонская башня по ассирійскому барельефу.

шеніи являлись меньшинствомъ среди населенія страны, — они либо утратили свое преобладающее вліяніе, благодаря массовому переселенію въ страну семитовъ, либо одряхлѣли и погибли, именно благодаря своей привилегированности: какъ бы то ни было, но мы видимъ, что, мало-по-малу, число ихъ уменьшается, и они растворяются во вторгающихся волнахъ семитическаго элемента. Къ народностямъ аккадійскимъ и сумерійскимъ все болѣе и болѣе присоединяется этотъ этническій элементъ, образованный народностью калди или халдейцами,—«касдимъ» Библіи; въ концѣ концовъ, этотъ элементъ получаетъ такое преобладающее вліяніе, что имя его замѣняетъ собою имена обѣихъ предшествующихъ народностей. Каково происхожденіе этого національнаго элемента—неизвѣстно. Быть-можетъ, первоначально это былъ высшій аристократическій классъ, отдѣленный отъ подчиненной ему массы народонаселенія; скорѣе, однако, онъ составился изъ новыхъ пришельцевъ, явившихся сюда большею частью изъ восточной Аравіи. Прійдя въ страну густыми массами, около 4.000 лѣтъ тому назадъ, они основали первоначально большое число мелкихъ государствъ въ южной части Месопотаміи, за-

тѣмъ сдѣлались властителями надъ самой Вавилоніей [1]). Будучи, какъ и другіе переселенцы, пришедшіе съ сѣвера и сѣверо-запада, семитами, они, мало-по-малу, заставили принять свой языкъ и обитателей всей страны. Аккадійское нарѣчіе измѣнилось постепенно въ языкъ священный, которымъ пользовались лишь при религіозныхъ церемоніяхъ, подобно тому, какъ у насъ пользуются церковнымъ латинскимъ языкомъ,— оно оставалось такимъ сотни и тысячи лѣтъ спустя послѣ того, какъ жители страны перестали его употреблять въ своемъ обиходѣ. Не являются ли мистическія формулы тѣмъ болѣе дѣйствительными и могущественными, чѣмъ менѣе онѣ понятны? Не являются ли и амулеты тѣмъ болѣе сильными, чѣмъ менѣе можно разгадать начертанные на нихъ знаки? Аккадійское нарѣчіе было языкомъ мертвымъ уже въ теченіе по меньшей мѣрѣ 10 вѣковъ, когда ему еще обучали въ семинаріяхъ Вавилона [2]). Имъ пользовались въ молитвахъ, въ волхованіи, въ астрологіи; въ нашихъ языкахъ удерживается нѣкоторое количество аккадійскихъ словъ, точно также какъ въ нашей миѳологіи сохранились многочисленныя черты аккадійскаго міровоззрѣнія. Что касается до самаго имени «халдейцевъ», то оно сохранилось на долгое время, но утратило свой первоначальный смыслъ, такъ какъ его прилагаютъ обыкновенно вообще къ народностямъ, населяющимъ Месопотамію: во времена римской имперіи оно не имѣло другого значенія, какъ «волшебники» и «астрологи»; въ настоящее время оно сохранилось въ узкомъ смыслѣ за христіанскою сектою семитическаго происхожденія, остатки которой существуютъ еще кое-гдѣ на плоскогоріяхъ Азербейджана и въ горахъ, населенныхъ курдами.

Замѣчательная легенда о смѣшеніи языковъ, происшедшемъ при постройкѣ вавилонской башни, ясно доказываетъ намъ, что множество всевозможныхъ народностей переселилось въ эту отдаленную эпоху въ область нижняго Евфрата. Однако, всѣ эти разнообразные этническіе элементы подверглись преобладающему вліянію семитовъ и, въ концѣ концовъ, совершенно семитизировались, подобно тому какъ ранѣе семитизировались аккадійцы, которые нѣкогда въ теченіе продолжительнаго періода пользовались политическимъ господствомъ и играли первую роль въ области духовнаго развитія. Не менѣе 6.000 лѣтъ тому назадъ народности, жившія по берегамъ Тигра въ странѣ Ассуръ, равно какъ и обитатели сѣверной Месопотаміи, принадлежали всѣ къ семитической расѣ, которая въ концѣ концовъ заняла всю страну, расположенную между Ираномъ и Средиземнымъ моремъ, между горами Арменіи и Индійскимъ океаномъ [3]).

1) Hugo Winckler. «Die Völker Vorder-Asiens», p. 11. — 2) Fr. Lenormant. «Les premières civilisations», t. II, pp. 151, 152. — 3) Hugo Winckler. «Die Völker Vorder-Ariens», p. 8

45 вѣковъ тому назадъ, семиты, принадлежащіе къ группѣ «хананеянъ», владычествовали въ Вавилонѣ, который былъ ими избранъ столицею всей страны. Имена ихъ царей не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія [1]). Однако, еще до «хананеянъ» другіе семиты имѣли частыя столкновенія съ населеніемъ Месопотаміи, но, повидимому, не завоевали страны, — это были просто разбойничьи племена, и въ ихъ названіи «хабиру» можно узнать древнихъ «гебреевъ», являющихся, по Библіи, предками евреевъ,— названіе это было также синонимомъ «бедуиновъ». Евреи тѣхъ временъ были кочевымъ пастушескимъ племенемъ и, подобно другимъ племенамъ, которыя унаслѣдовали ихъ страну и принадлежатъ къ той же расѣ, совершали при каждомъ удобномъ случаѣ летучіе набѣги на богатыя и плодородныя области Месопотаміи. Въ ту эпоху, къ которой относятся упоминанія халдейскихъ лѣтописей объ этихъ непріятныхъ сосѣдяхъ, семитизація всего населенія страны была уже совершившимся фактомъ; племена, родственныя по своему языку хабирамъ, сдѣлались господами и обитателями страны.

Евреи за принудительною работою въ Месопотаміи.
По барельефу въ Кужундчикѣ.

Откуда же произошли эти семитическіе народы, образовавшіе великую имперію Ниневіи и Вавилона? Быть-можетъ, вопросъ этотъ должно признать неразрѣшимымъ, въ томъ смыслѣ, что неизвѣстно, образуютъ

1) H. Winckler, op. cit., p. 12.

ли семиты въ дѣйствительности единую расу, или же они происходятъ изъ различныхъ источниковъ,—ничто не позволяетъ намъ заключать, что, напримѣръ, ассирійцы верховьевъ Тигра и арабы береговъ Краснаго моря и окраины Аравіи имѣютъ однихъ и тѣхъ же предковъ. Допуская, что группировка народностей является, съ точки зрѣнія генеалогической, тѣмъ же, чѣмъ она въ настоящее время является съ точки зрѣнія родственности языковъ, мы имѣемъ право спросить себя, откуда пришли въ Месопотамію наиболѣе активные элементы населенія, обновившіе ея прежній этническій составъ. По Шпренгеру, арабы являются семитами по преимуществу, и именно съ ихъ полуострова Аравіи выселялись послѣдовательно различныя народности, изъ которыхъ возникли ассирійцы, халдейцы, финикіяне и евреи, — этотъ ученый видитъ во всѣхъ представителяхъ расы «многочисленныя отложенія арабовъ, отдѣляющіяся слой за слоемъ» [1]). Ренанъ, Шрадеръ, Гезеніусъ, Сарзекъ лишь другими словами высказываютъ ту же гипотезу.

Тѣмъ не менѣе, является все же вопросъ, не спустилась ли главная масса семитическихъ народностей съ области предгорій или, быть-можетъ, даже и съ самыхъ горъ Арменіи, расположенныхъ къ сѣверу отъ равнинъ, которыя орошаются обѣими великими рѣками; не естественнѣе ли считать центромъ возникновенія народовъ страну, богатую рѣками, плодородными областями, обильною растительностью и животными, чѣмъ страну, которая состоитъ изъ выжженыхъ солнцемъ пустынь, гдѣ человѣку такъ трудно поддерживать свое существованіе? Пытались даже толковать соотвѣтственнымъ образомъ этимологію самаго названія народа семъ (семиты), — по толкованію нѣкоторыхъ, названіе это произошло отъ имени страны Симъ, восточной части армянскаго Тавра, которая, дѣйствительно, населена переселившимися туда семитами. Это словопроизводство, однако, едва ли вѣрно, и, во всякомъ случаѣ, въ равной степени допустимо другое объясненіе названія семитовъ,—объясненіе, по которому это названіе, какъ и имена многихъ другихъ народовъ, основывается на національной гордости, свойственной племени,—именно, «семиты» означаетъ «люди славы» [2]), люди, выдающіеся среди всѣхъ другихъ народностей, какъ лучшее и одаренное высшимъ разумомъ племя; ихъ наименованіе является, слѣдовательно, тожественнымъ съ наименованіемъ расы, населяющей востокъ Европы, именно расы «славянъ» (отъ «слава»).

Каково бы то ни было происхожденіе самаго названія семитовъ, не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію то обстоятельство, что ле-

---

1) Sprenger. «Die alte Geographie Arabiens», p. 293. — 2) Genesius, Bohlen, Fr. Lenormant etc.

генды и молитвы ихъ указываютъ на сѣверъ, какъ на страну ихъ предковъ. Миѳъ, который во всѣ времена наиболѣе возбуждалъ воображеніе человѣка, именно, миѳъ о раѣ, имѣетъ, если изучить его первоначальное происхожденіе, такое же точно значеніе. Множество комментаторовъ, для которыхъ достаточно какого-нибудь одного слова или знака, объясняемаго сообразно съ ихъ желаніемъ, чтобы вывести иногда цѣлую теорію, истолковывали на тысячу ладовъ эту легенду о раѣ. На картѣ

№ 83. Мѣстонахожденіе рая и священныхъ горъ.

1. Сѣверный полюсъ.
2. Островъ Праслинъ (Сейшелльскіе о-ва).
3. Фузи-Яма (священная гора японцевъ).
4. Гора Оми (пров. Сечуанъ въ Китаѣ).
5. Ханъ-Тенгри въ Тянь-Шани.
6. Гора Меру въ Гималаяхъ.
7. Пикъ Адама на о. Цейлонѣ.
8. Вилла-де-лосъ-Цезаресъ въ Патагоніи.
9. Одна изъ вершинъ Сѣверной Америки.
10. Счастливые острова (Канарскіе о-ва).
11. Эльдорадо въ Новой Гренадѣ.
12. Галжаръ-Таусъ (озеро Чадъ).

Дополненіемъ къ этой картѣ является карта № 84.

Азіи райскіе сады располагались въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, иногда сообразно со стремленіемъ удовлетворить національному тщеславію, иногда съ цѣлью легчайшаго примѣненія тѣхъ или другихъ историческихъ или религіозныхъ воззрѣній.

Дѣлалось даже предположеніе, что настоящее мѣстонахожденіе знаменитаго райскаго сада — сѣверный полюсъ: по мнѣнію англичанина Е. С. Мартина, область вѣчныхъ льдовъ должна была начать охлаждаться ранѣе всѣхъ другихъ областей земного шара, и потому, именно, она

должна была являться мѣстопребываніемъ нашихъ прародителей! Оставляя въ сторонѣ такія попытки искать мѣстонахожденіе рая такъ далеко отъ Месопотаміи, мы должны все же замѣтить, что въ миѳическихъ преданіяхъ о раѣ постоянно упоминается какая-то «полунощная гора», служившая мѣстопребываніемъ властителю свѣта, отцу небесныхъ духовъ, — гора, являвшаяся источникомъ водъ и осью, вокругъ которой вращаются небеса.

Пирамидальные храмы халдейцевъ и другихъ народностей, получившихъ свое начало въ Месопотаміи, имѣли своей основной моделью гору, и именно священную гору сѣвера,—подобно горной вершинѣ, они стремились подняться къ небесамъ превыше облаковъ. При самомъ первомъ возникновеніи легенды, гора эта была, безъ сомнѣнія, всѣмъ извѣстной вершиной, пользовавшейся поклоненіемъ и считавшейся всѣми священной; удаляясь, однако, отъ этой священной горы, поднимавшейся надъ ихъ колыбелью, народы забыли ея точное мѣстонахожденіе и при своихъ постоянныхъ перемѣщеніяхъ переносили послѣдовательно свое поклоненіе съ одной вершины на другую. Съ того времени, какъ дальнія страны, бывшія ихъ родиной, исчезли съ ихъ горизонта и даже изъ ихъ памяти, имъ приходилось искать священное мѣсто вблизи отъ своего современнаго мѣстообитанія и нерѣдко создавать даже его въ своей фантазіи! Демавендъ, Эльвендъ или какая-нибудь другая вершина Иранскаго востока была, надо думать, самой первоначальной горой, «Отцомъ странъ». Неизвѣстно также, о какой вершинѣ говоритъ пророкъ Исаія [1]), прославляя «тронъ сонма ангеловъ, поднимающійся у полунощи превыше звѣздъ Бога силы», — быть-можетъ, это Араратъ или Кавказскій хребетъ? По существу — это безразлично, такъ какъ поверхность земного шара испещрена священными горами, и тамъ, гдѣ простирается совершенно плоская равнина, люди стараются возвести искусственныя горы—храмы. Такимъ образомъ, совершенно тщетны попытки отожествленія той или иной горной вершины съ горою, бывшею храмомъ одновременно всѣхъ народовъ земли, или даже хотя бы съ горою одного опредѣленнаго народа,—напримѣръ, халдейцевъ или евреевъ.

И ступенчатыя пирамиды, и привязанная также къ древнимъ, передававшимся изъ рода въ родъ легендамъ знаменитая «лѣстница св. Якова»—были, въ своемъ первоначальномъ значеніи, не чѣмъ инымъ, какъ настоящими горами, наклонными ступенчатыми поверхностями, по которымъ безплотные духи поднимались вверхъ, принося свое поклоненіе богамъ. Эти руками человѣческими созданныя горы, пирамиды съ семью вратами, посвященными семи планетамъ, были символами божественныхъ вершинъ. Не были ли также и «висячіе сады» вавилонскихъ

1) Кн. Исаіи, гл. XIV, 13.

царей искусственными воспроизведеніями рая? Они располагались террасами, поднимавшимися на большую высоту на сводахъ, и получали въ изобиліи воду, которая доставлялась туда сильными гидравлическими машинами,—струйки сбѣгавшей воды не являлись ли символами священныхъ рѣкъ, берущихъ свое начало съ высокихъ горныхъ вершинъ [1])?

Кромѣ того очень вѣроятно, что вавилонскіе цари пользовались тѣмъ, что народъ такъ почитаетъ ступенчатые храмы, и дѣлали ихъ своими усыпальницами, совершенно такъ же, какъ египетскіе фараоны заставляли погребать себя въ пирамидахъ [2]).

Персидское названіе рая—«парадизъ», по всей вѣроятности, недавняго происхожденія: 4.000 лѣтъ тому назадъ названіе «pairi-daiza» примѣнялось лишь къ охотничьимъ паркамъ, окруженнымъ стѣною, и никоимъ образомъ не обозначало мѣста полнаго блаженства, т.-е. рая въ современномъ значеніи слова. Очень возможно, что такіе лѣса, расположенные по сосѣдству съ Эльвендомъ или какой-нибудь другой великолѣпной горой и сохраняемые для охоты персидскихъ царей, были, дѣйствительно, мѣстностями чрезвычайно пріятными по чистотѣ своего воздуха, прозрачности своихъ горныхъ водъ, по роскошному развитію растительности и изобилію дичи, вслѣдствіе чего названіе «парадизъ» и сдѣлалось въ нашихъ западно-европейскихъ языкахъ синонимомъ «восхитительнаго сада» или даже «вѣчнаго блаженства». У иранцевъ, во всякомъ случаѣ, это названіе всегда оставалось выраженіемъ вульгарнымъ,—таинственная мѣстность вѣчнаго счастья и наслажденія называлась у нихъ терминомъ «vara» [3]), аналогичнымъ слову «Эденъ», примѣняемому въ священныхъ книгахъ евреевъ и обозначавшему также «мѣсто радости» или «мѣсто блаженства».

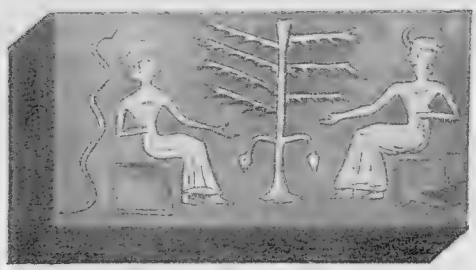
Всѣ эти райскіе сады, помимо своихъ собственныхъ красотъ, обладали еще однимъ элементомъ, дѣлавшимъ ихъ безконечно прекрасными,—именно, съ ними были связаны воспоминанія людей, исполненныя сожалѣнія. Народы, называвшіе раемъ ту или другую мѣстность, сохраняли воспоминаніе о томъ, что принуждены были ее когда-то покинуть, съ цѣлью избѣжать истребленія непріятельскими войсками или чтобы спастись отъ наводненія или землетрясенія. Мѣстности эти считались раемъ уже прежде всего потому, что были утрачены. Надежда, однако, постоянно примѣшивается къ горькому сожалѣнію о потерянномъ прошломъ, и потому всегда существовали у народовъ и рай будущаго—«земли обѣтованныя», являвшіяся предметомъ страстнаго желанія. Отдаленные предки наслаждались счатьемъ, неужели же не получатъ его и ихъ потомки? Неужели

---

1) Oppert. «Expédition en Mésopotamie», t. III, pp. 56 ss.; Ch. et F. Lenormant.—2) Alfred Jeremias. «Hölle und Paradies bei den Babyloniern».—3) Dillman G. de-Harlez, Fr. Lenormant. «Les origines de l'histoire», pp. 64 ss.

не найдетъ человѣчество земли обѣтованной гдѣ-нибудь тамъ, на высокихъ горныхъ вершинахъ, увѣнчанныхъ снѣгами и туманами, или еще далѣе, за предѣлами горизонта, въ тѣхъ таинственныхъ странахъ, откуда поднимается къ намъ солнце, или же въ областяхъ солнечнаго заката, гдѣ лучезарное свѣтило исчезаетъ за пурпурной завѣсой, или, наконецъ, въ невѣдомомъ пространствѣ, куда устремляются вѣчные странники, перелетныя птицы? Неужели не найдетъ человѣчество тамъ страны своихъ грезъ, священной страны, гдѣ не будетъ болѣе ни голода, ни жажды, ни усталости, ни рабства, ни смерти?

У каждой націи, у каждаго народа, у каждаго племени былъ свой собственный рай. Историческая географія приводитъ намъ сотни такихъ мѣстъ вѣчнаго блаженства, блещущихъ какъ яркія звѣзды на поверхности нашей планеты,—они разбросаны по земному шару отъ горныхъ вершинъ острова Нипона вплоть до Вилла-де-Лосъ-Цезаресъ, въ долинахъ сѣверной Патагоніи. Является даже вопросъ, существуетъ ли хоть одна изъ трудно доступныхъ великихъ горныхъ вершинъ, которая не разсматривалась бы когда-нибудь тою или другой народностью, обитающею у ея основанія, какъ «рай» или какъ «Олимпъ». «Небесныя горы», или горы Тянь-Шаня, расположенныя къ востоку отъ Ирана, получили свое названіе, по всей вѣроятности, также вслѣдствіе того, что въ нихъ видѣли мѣстообитаніе высшихъ существъ, и много другихъ горныхъ массивовъ или горныхъ вершинъ обязаны подобными же наименованіями тѣмъ же самымъ причинамъ. Къ числу ихъ принадлежитъ, напримѣръ, Мустагъ-Ата, великолѣпная гора въ 7,500 метровъ вышиною, на которую Свенъ Гединъ тщетно пытался подняться 4 раза подъ-рядъ. На вершинѣ ея, какъ разсказываютъ, разстилается чудная долина, по которой струится обрамленная деревьями рѣка,—она впадаетъ въ озеро, никогда не возмущаемое бурями. Бѣлые верблюды пасутся тамъ на сочной травѣ, и красивые старцы съ длинными бородами, одѣтые въ бѣлое, ведутъ мирную бесѣду въ тѣни вишневыхъ деревьевъ, сгибающихся подъ тяжестью плодовъ. Тамъ стоитъ съ древнѣйшихъ временъ городъ Янандаръ, населенный безсмертными жителями, вѣчно счастливыми и вѣчно смѣющимися,—его башни и стѣны отражаются въ прозрачныхъ водахъ озера. Почти тожественная легенда существуетъ въ Валлійскомъ кантонѣ объ одной роскошной долинѣ, съ давнихъ поръ потерянной и забытой

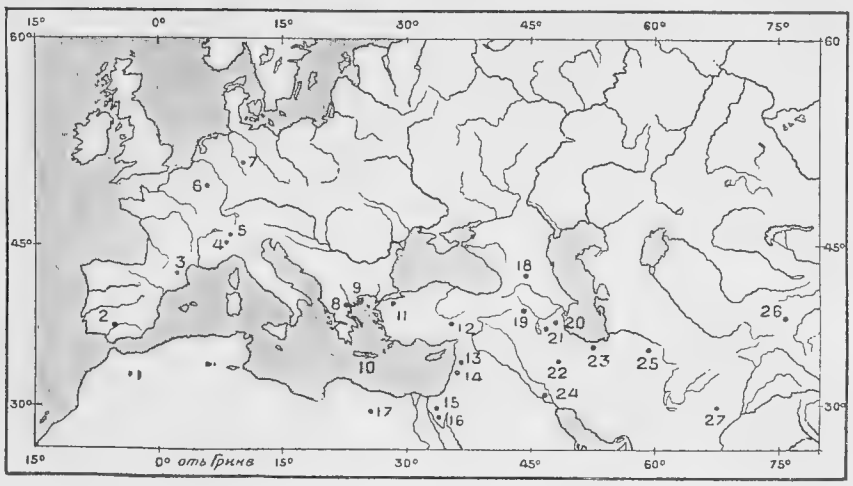


Адамъ и Ева.
По барельефу Делича.

людьми,—долину эту еще и теперь разыскиваютъ нѣкоторые въ массивѣ Монъ-Розы [1]).

Тогда какъ обитатели Месопотаміи указывали мѣстонахожденіе рая въ предѣлахъ Ирана или въ Арменіи, позднѣе западные семитскіе народы помѣщали рай въ бассейнѣ Евфрата, и именно одинъ изъ этихъ

№ 84. Нѣкоторыя священныя горы и райскіе сады Европы и Азіи.



1. Атласъ и Гесперіды Мавританіи.
2. Гесперіды Бетиса.
3. Канигу и Пюи-де-Бригъ, священныя горы.
4. Парадизо, священная гора.
5. Монъ-Роза, райская долина.
6. Сьеркъ, гора Ноева ковчега.
7. Брокенъ, гора Ноева ковчега.
8. Олимпъ Ѳессаліи, обитель боговъ.
9. Авосъ, священная гора.
10. Ида, священная гора.
11. Олимпъ Виѳиніи, священная гора.
12. Аргейская священная гора.
13. Сирійская долина.
14. Гермонъ, священная гора.
15. Хоребъ, священная гора.
16. Синай, священная гора.
17. Аменти (мѣстопребываніе мертвыхъ) и Гесперіды Киренеи.
18. Казбекъ, священная гора.
19. Араратъ, священная гора.
20. Савеланъ, священная гора.
21. Сехендъ, священная гора.
22. Эльвендъ, священная гора.
23. Демавендъ, священная гора.
24. Нижняя Халдея, мѣсто земного рая.
25. Хороссанъ, мѣсто земного рая.
26. Тагарма или Мустагъ-ата.
27. Сулейманъ-дагъ, священная гора.

то райскихъ садовъ долины великихъ рѣкъ и сохранился долѣе всего заманчивымъ миражемъ въ воображеніи человѣчества, благодаря священнымъ книгамъ евреевъ. Гдѣ же въ дѣйствительности располагалась эта замѣчательная мѣстность, оставшаяся въ воспоминаніяхъ евреевъ столь прекрасной, что они сдѣлали ее мѣстомъ появленія на свѣтъ пра-

1) Javelle. «Souvenirs d'un Alpiniste».

родителей? Гдѣ находился этотъ садъ, служившій мѣстообитаніемъ человѣка, когда онъ былъ совершенно безгрѣшенъ и полонъ невинности? Едва ли возможно опредѣлить съ точностью мѣсто, гдѣ находился миѳическій рай Халден, такъ какъ различныя жреческія касты различныхъ городовъ соперничали между собою и приписывали его мѣстонахожденіе, въ зависимости отъ своихъ симпатій, то той, то другой мѣстности, и, безъ сомнѣнія, сообразно съ перемѣщеніемъ религіозныхъ культовъ, съ возникновеніемъ и разрушеніемъ городовъ, переносилось и само священное мѣсто. Однимъ изъ такихъ избранныхъ пунктовъ былъ Вавилонъ. Древнее наименованіе этого города — Тинъ-Тиръ-Ки — означаетъ «мѣсто древа жизни», слѣдовательно, мѣсто дерева, которое находилось въ центрѣ земного рая; кромѣ того одно изъ наименованій самой Вавилоніи—Ганъ-Дуніашъ или Каръ-Дуніяшъ—значитъ «паркъ» или «огражденное мѣсто» бога Дуніашъ—божества, сущность котораго еще не выяснена и теряется въ туманѣ древнѣйшихъ миѳовъ. Съ другой стороны, различныя легенды вполнѣ опредѣленно привязываютъ мѣстонахожденіе настоящаго рая къ мѣсту сліянія священныхъ рѣкъ Тигра и Евфрата [1]). Жители береговъ этихъ рѣкъ разсказываютъ даже, что группа пальмъ, расположенная въ мѣстности Корна, надъ мѣстомъ сліянія обѣихъ рѣкъ, точно отмѣчаетъ мѣстность, гдѣ произрастало древо познанія добра и зла. Развалины города Эриду — «города Добраго Бога», быть-можетъ, самаго древняго изъ городовъ Халден,—покрываютъ собою поверхность земли вблизи сліянія рѣкъ, на лѣвомъ берегу Евфрата. По мусульманской легендѣ, быть-можетъ унаслѣдованной отъ израильтянъ, тѣло Адама, нашего общаго предка, родившагося отъ красной глины береговъ Евфрата, покоится подъ развалинами города Куфа, которыя расположены къ югу отъ Вавилона, недалеко отъ вратъ, ведшихъ въ «садъ вѣчнаго блаженства», откуда Адамъ былъ изгнанъ огненнымъ мечомъ ангела.

Подобно тому, какъ миѳъ о земномъ раѣ перемѣстился первоначально съ высокихъ горъ востока въ долины Халден, такъ точно продолжалъ онъ свой путь и далѣе на западъ, изъ страны въ страну, переселяясь вмѣстѣ съ народами и ихъ религіями. Такимъ образомъ, новый рай возникъ между Ливаномъ и Анти-Ливаномъ въ долинѣ, которая, въ дѣйствительности, по описанію Птоломея, была обителью «наслажденій». Затѣмъ онъ передвинулся къ западу въ область эллинскаго міра и даже за ея предѣлы, — чѣмъ инымъ, какъ не раемъ, были эти сады Гесперидъ, Киренеи, Мавританіи, Бетиса, наконецъ, Счастливые острова? Все это были мѣста вѣчнаго блаженства, мѣста грядущихъ надеждъ человѣчества, замѣнившія собою страны, о которыхъ у людей сохранилось глубокое сожалѣніе. Позднѣе, въ ту замѣчательную эпоху, когда по

1) Henri Rawlinson, Schrader, Lenormant etc.

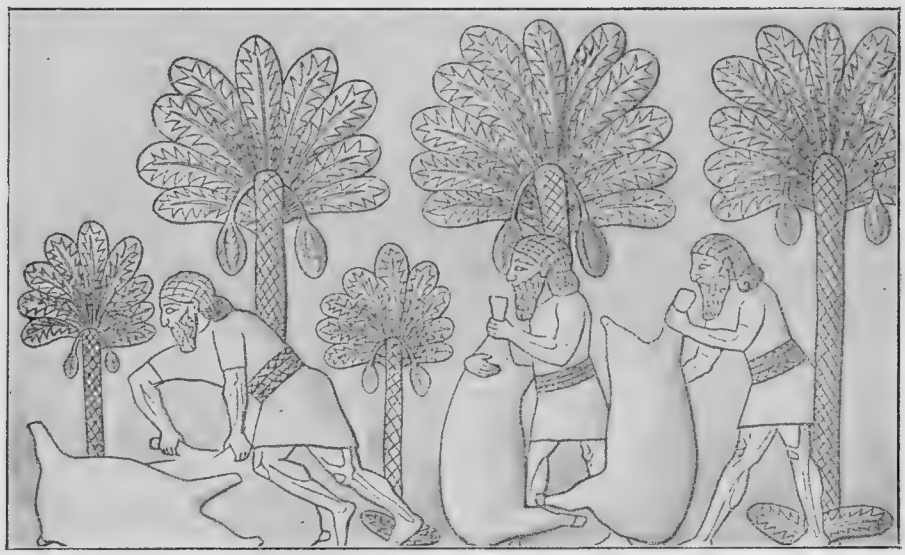
ту сторону Атлантическаго океана выплылъ цѣлый новый міръ, самъ Колумбъ предполагалъ, что великая рѣка, воды коей вливаются въ заливъ Печали, сбѣгаетъ съ земного рая; этотъ рай позднѣе искали въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ и въ самыхъ различныхъ формахъ, — его находили то у истоковъ Жуванса, то въ обильныхъ золотомъ поляхъ Эльдорадо. Безъ сомнѣнія, рай искали бы и до сихъ поръ, если бы успѣхи географіи не привели въ извѣстность всѣ земли нашей планеты и не заставили бы признать общую законность всѣхъ явленій природы!

Изъ многочисленныхъ предположеній относительно мѣстонахожденія рая самымъ курьезнымъ, быть-можетъ, было предположеніе Гордона, побѣдителя тайпинговъ и героя Хартума. Этотъ воинъ-фанатикъ описываетъ намъ островъ Праслинъ, изъ группы Сейшелльскихъ острововъ, какъ несомнѣнный Эдемъ Библіи! «Четыре рѣки», о которыхъ говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ, правда, не протекаютъ тамъ болѣе вокругъ райскаго сада, находящагося на этомъ островѣ, но это ничего не значитъ: онѣ находились тамъ прежде,—островъ соединялся съ континентомъ! Тигръ и Евфратъ, протекавшія якобы по той мѣстности, которая сдѣлалась теперь Персидскимъ заливомъ и Оманскимъ моремъ, впадали въ Индійскій океанъ, тогда какъ Нилъ и рѣка Гихонъ, на которой теперь стоитъ Іерусалимъ, сливались въ долинѣ, выполненной въ настоящее время Краснымъ моремъ, и, огибая Сокотору, присоединялись къ обѣимъ великимъ рѣкамъ Халден! Всѣ остальныя части библейскаго текста истолковываются Гордономъ совершенно такимъ же образомъ: такъ, древо жизни было не чѣмъ инымъ, какъ хлѣбнымъ деревомъ, этимъ замѣчательнымъ растеніемъ, доставляющимъ пропитаніе островитянамъ, а древо познанія добра и зла—не что иное, какъ знаменитая морская кокосовая пальма Lodoicea Seychellarum [1]). Изслѣдователь, обладающій болѣе широкими географическими горизонтами, не сталъ бы, конечно, искать райскихъ садовъ въ столь тѣсномъ и замкнутомъ пространствѣ, какое представляетъ собою островокъ, заброшенный среди моря,—ему можетъ придти въ голову развѣ лишь вопросъ, не должно ли отожествить мѣсто вѣчнаго блаженства съ тою областью, которую, дѣйствительно, орошаютъ 4 великихъ рѣки—Тигръ, Евфратъ, Индъ и Нилъ? Вѣдь легенды, въ которыхъ смѣшиваются нерѣдко и небо, и адъ, и земля, не заботятся обыкновенно о точности деталей. Эти 4 могучихъ потока произвели, по всей вѣроятности, наисильнѣйшее впечатлѣніе на воображеніе человѣчества, и вполнѣ естественно было соединить ихъ на одной общей картинѣ [2])!

---

1) J. v. Zaffauk von Orion, Mittheil. der geograph. Ges. in Wien, № 5, 1900.—
2) Alfred Loisy. «Les mythes babyloniens».

Великіе рѣчные потоки, вліявшіе столь сильно на возникновеніе представленія о земномъ раѣ, должны были столь же значительно вліять и вообще на нравы и представленія обитавшихъ по берегамъ ихъ народовъ. Дѣйствительно, земледѣліе на плодородной почвѣ, образованной рѣчными наносами, получило совершенно иной характеръ, чѣмъ земледѣліе въ окружающихъ иранскихъ долинахъ. Въ этихъ низовьяхъ, на окраинахъ пустыни и въ то же время на благодатной почвѣ рѣчного ила, въ мѣстностяхъ, гдѣ «голова въ огнѣ, а ноги въ водѣ», земледѣльцы Месопотаміи научились воздѣлывать финиковую пальму,—дерево,



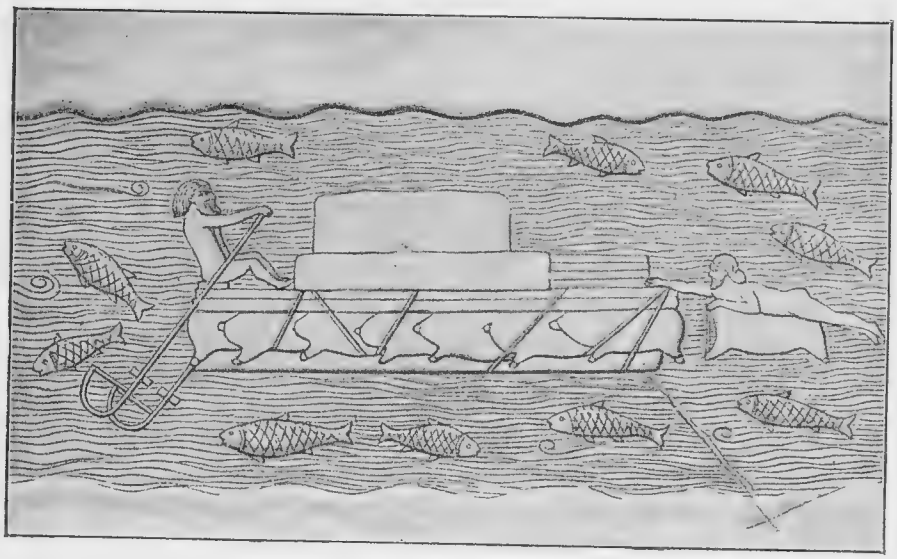
Надуваніе мѣховъ.
По барельефу изъ Хорсабада.

сдѣлавшееся исключительною принадлежностью человѣческаго рода, такъ какъ оно не встрѣчается вовсе въ дикомъ состояніи: это чистѣйшее созданіе рукъ человѣческихъ, и человѣкъ, въ свою очередь, сдѣлалъ его божествомъ [1]).

Точно также искусство судоходства должно было само собой родиться на берегахъ великихъ рѣкъ Месопотаміи, тогда какъ на высокихъ плоскогоріяхъ Ирана первобытные народы совершенно не имѣли случая ему научиться. Ручьи и горныя рѣки плоскогорія—не болѣе какъ струйки воды, непригодныя для плаванія и исчезающія къ тому же въ пескахъ

1) De Sarzec. — Rivières. Bull. de la Société Geogr. d'Alger, 2-e trim. 1903.

пустыни, подъ изсушающимъ дуновеніемъ вѣтра; немногочисленныя озера, усѣянныя мелями и окаймленныя болотистыми берегами, не могли также послужить въ эти отдаленныя эпохи къ возникновенію судоходства. Наоборотъ, по берегамъ Тигра и Евфрата жители легко могли сдѣлаться искусными корабельщиками. Даже въ той части страны, гдѣ обѣ рѣки въ ущельяхъ бѣгутъ со страшной стремительностью, приходится видѣть, какъ стволы деревьевъ уносятся водою внизъ по теченію,—жителямъ оставалось лишь соединять ихъ въ плоты, чтобы получить удобный способъ перевозки людей и товаровъ. За предѣлами лѣсной области обитатели



Плоты на мѣхахъ.
По барельефу изъ Хорсабада.

береговъ увеличивали пловучесть своихъ плотовъ, поддерживая ихъ мѣхами, сдѣланными изъ шкуръ домашнихъ животныхъ.

Этотъ способъ передвиженія, примѣнявшійся обитателями береговъ Тигра и Евфрата при переправахъ черезъ рѣки, является для насъ доказательствомъ того, что уже и въ ту эпоху, когда по берегамъ этихъ рѣкъ тянулась культурная полоса, въ непосредственномъ сосѣдствѣ данныхъ водъ обитали пастушескіе народы. Употребленіе мѣховъ возникаетъ вполнѣ естественно въ степныхъ областяхъ, гдѣ деревья рѣдки, гдѣ растенія недолговѣчны и не даютъ плодовъ, которые могли бы служить сосудами для храненія жидкостей, и гдѣ отсутствуютъ ліаны, изъ коихъ могутъ быть сплетены корзины. Въ такихъ мѣстностяхъ человѣкъ

научился замѣнять естественные сосуды кожами убитыхъ животныхъ, примѣнять ихъ для всевозможныхъ потребностей домашняго обихода, а также и пользоваться ими при переправѣ черезъ рѣки. Шкура, снятая съ барана и надутая воздухомъ, вполнѣ достаточна для того, чтобы поддерживать въ водѣ одного человѣка; даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ Тигръ шириной болѣе километра, и гдѣ теченіе его сильно и быстро, обитатель побережья не задумывается пуститься на такой шкурѣ вплавь съ одного берега на другой, — онъ держится за нее обѣими руками и направляетъ свои движенія ногами. Цѣлыя арміи переправлялись на надутыхъ мѣхахъ черезъ рѣки не только въ Месопотаміи, но и въ другихъ странахъ, населенныхъ пастушескими народами, которые сами по себѣ или отъ чужеземцевъ научились пользоваться этимъ способомъ переправы: Александръ Македонскій и его войска видѣли, какъ переправлялись черезъ Тигръ обитатели Месопотаміи, и сами переправились черезъ Оксусъ на мѣхахъ; такъ переправлялось, впрочемъ, и до и послѣ нихъ множество другихъ завоевателей.

Подобнымъ пріемомъ пользуются, однако, и въ нѣкоторыхъ цивилизованныхъ странахъ до настоящаго времени, особенно въ портовыхъ городахъ Голландіи, гдѣ нерѣдко примѣняютъ «поплавки», т.-е. воздушные ящики—ихъ прикрѣпляютъ сбоку тяжело нагруженныхъ судовъ, вслѣдствіе чего суда поднимаются выше своей нормальной ватерлиніи. Плоты бревенъ, которые сплавляются по направленію къ Парижу съ верховьевъ рѣкъ Моррана, поддерживаются также подобными поплавками, такъ какъ дубовое только-что срубленное дерево обладаетъ удѣльнымъ вѣсомъ, превышающимъ вѣсъ вытѣсненной воды, и на поверхности можетъ поддерживаться лишь въ томъ случаѣ, если кругомъ къ нему привязано нѣкоторое количество пустыхъ ящиковъ, непроницаемыхъ для воды [1]).

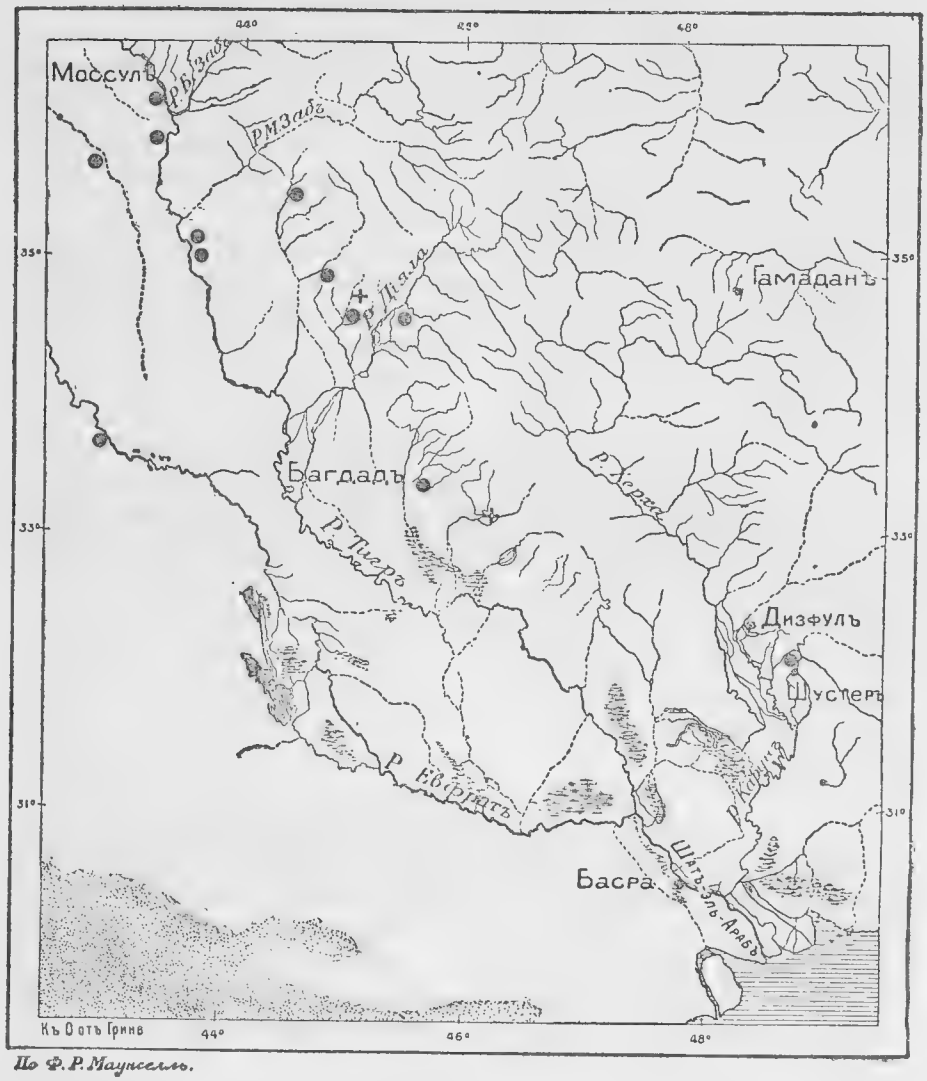
Достигнувъ городовъ, лежащихъ въ низовьяхъ рѣкъ, и продавъ съ большою выгодой свой грузъ, плотовщики Месопотаміи отдѣлывались также и отъ составныхъ частей своихъ судовъ. Мѣхи могли получить примѣненіе въ качествѣ сосудовъ для храненія жидкостей или служить для поддерживанія пловцовъ при переправѣ черезъ рѣку; что же касается древесныхъ стволовъ, то они имѣли большую цѣнность въ этихъ мѣстностяхъ, обращенныхъ жителями сплошь въ воздѣланныя пространства и обладающихъ лишь кое-гдѣ въ окрестностяхъ городовъ пальмовыми рощами; эти стволы, конечно, получали примѣненіе либо для различныхъ домашнихъ надобностей, либо для постройки настоящихъ лодокъ.

---

1) Olivier Beauregard. En Asie. Kachmir et Tibet, p. 7.

Въ виду того, что писанная исторія не сообщаетъ никакихъ дан-

№ 85. Источники нефти въ Халдеѣ.



По Ф. Р. Маунселлю.

Нефтяные источники + Залежи гипса Пороги.

1: 6 000 000

0 50 100 200 300 километ.

ныхъ о морскомъ судоходствѣ халдейцевъ, ученые предполагали, что до

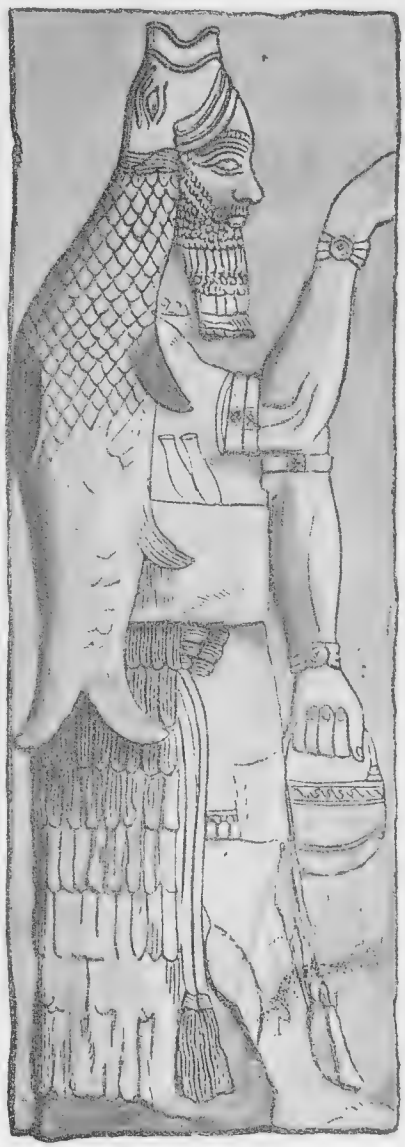
финикіянъ никто изъ обитателей Востока не рѣшался пуститься въ открытое море. Многія указанія, однако, позволили позднѣе Іерингу утверждать, что и вавилоняне также рѣшались бороться съ морскими волнами. Постройкѣ судовъ, этой новой побѣдѣ человѣческой техники, вызванной, быть-можетъ, наблюденіями надъ формой тѣла рыбы, благопріятствовали въ Месопотаміи самыя различныя естественныя условія: такъ, нефть, напр., выходящая изъ земли въ видѣ многочисленныхъ источниковъ по берегамъ Тигра и въ сосѣднихъ долинахъ, доставляла въ изобиліи необходимую для постройки судовъ минеральную смолу. Какъ ни различна была форма судовъ, они всегда представляли собою относительно легкія постройки, покрытыя цыновками и пропитанныя смолой [1]).

Заливъ, называемый Персидскимъ, могъ бы быть названъ съ одинаковымъ правомъ Вавилонскимъ; онъ представляетъ собою прекрасный путь отъ Вавилоніи вдоль береговъ Аравіи къ острову Бахреину, жемчугъ котораго съ давнихъ поръ высоко цѣнился: многочисленныя развалины на этомъ островѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ ранѣе значительнымъ, густо населеннымъ торговымъ центромъ [2]). При плаваніи по этому пути вблизи береговъ мореходамъ не приходилось покидать естественнаго бассейна, какимъ являлся Персидскій заливъ, окаймленный множествомъ гаваней; они нигдѣ не теряли изъ вида береговъ материка или прибрежныхъ острововъ и, такимъ образомъ, практиковались въ плаваніи, прежде чѣмъ окончательно пуститься въ открытое море либо на юго-востокъ, въ безграничныя пространства Индійскаго океана, либо на западъ—въ заливы и къ берегамъ финикійскихъ водъ, водъ Кипра и Крита. Персидскій заливъ въ то время, 8000 лѣтъ тому назадъ, былъ сильнѣе вытянутъ въ длину, чѣмъ теперь; онъ простирался гораздо далѣе внутрь материка: рѣки Евфратъ, Тигръ и Карунъ не сливались въ одной дельтѣ, и для того, чтобы попасть изъ Сузы въ Ниневію или въ Вавилонъ, приходилось пускаться въ открытое море. Извѣстно изъ клинообразныхъ надписей, что Синахерибу, а позднѣе и Ашшурбаниналу приходилось бороться съ бурями во время военныхъ экспедицій, предпринимавшихся ими противъ страны Эламъ. Въ эту эпоху, отдѣленную отъ нашего времени 30-ью вѣками, морской берегъ Халдеи находился въ 100 километрахъ далѣе къ сѣверу; въ теченіе послѣднихъ 100 лѣтъ ежегодное увеличеніе берега за счетъ рѣчныхъ наносовъ исчисляется немного болѣе 50 метровъ въ годъ [3]).

Въ легендѣ о всемірномъ потопѣ описывается, какъ нѣкій Ситнапиштимъ (Сизутросъ, Шассисадра, Атрахазисъ, Ной) построилъ морской корабль и снабдилъ его кормчимъ—обстоятельство, которое было бы со-

1) R. von Ihering. Les Indo-Européens avant l'histoire; Frédéric Houssay, Annales de Géographie.—2) Stiffe; Loftus; A. de Gerlache. Notes manuscrites. — 3) Loftus, Ainsworth, Lyell, Carl Ritter, de Morgan etc.

вершенно необъяснимымъ, если бы обитатели страны не имѣли представленія о морскомъ судоходствѣ, и если бы они не понимали необходимости управленія рулемъ для поддержанія опредѣленнаго курса корабля: дѣйствительно, на Тигрѣ и Евфратѣ, напримѣръ, каждый матросъ могъ бы служить кормчимъ, и на простомъ разливѣ корабль могъ бы плавать безъ всякаго управленія. Голубь, выпущенный послѣ спаденія водъ всемірнаго потопа, указываетъ намъ также, что моряки-халден имѣли обыкновеніе, подобно морякамъ-финикіянамъ, выпускать этихъ птицъ, когда находились въ открытомъ морѣ, и думали, что приближаются къ берегамъ; голуби, поднявшись высоко на воздухъ, направлялись прямо къ ближайшему берегу и указывали, такимъ образомъ, мореходамъ, куда слѣдуетъ держать путь: голуби служили имъ компасомъ [1]). По вавилонской легендѣ, великое божество, богъ-рыба Эа или Оанесъ, прикрѣпилъ къ своимъ рогамъ спасательное судно, послѣднее прибѣжище человѣчества, и перенесъ его затѣмъ на вершину горы чрезъ безбрежную поверхность разлившихся водъ. Этотъ символическій разсказъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, очень глубокій смыслъ. Божественная рыба не ограничивается тѣмъ, что спасаетъ людей, ведя ихъ корабли по узкому руслу обѣихъ рѣкъ, она заставляетъ ихъ пускаться въ морскую даль, отправляться за разысканіемъ различныхъ необходимыхъ припасовъ, обмѣнивать произведенія собственной страны на чужіе товары. Такимъ образомъ, люди



Богъ-рыба Оанесъ.
По барельефу изъ Калаха.

1) R. von Ihering; op. cit.

отдаленныхъ странъ знакомятся другъ съ другомъ, оказываютъ другъ другу взаимную помощь, обмѣниваются продуктами своего труда и своими идеями.

Значеніе этой символической рыбы, т.-е. судоходства и торговли, въ исторіи экономическихъ и соціальныхъ отношеній вавилонскаго міра было такъ велико, что легенда приписываетъ богу-рыбѣ все, что свершилось великаго въ этой странѣ. Онъ научилъ людей примѣненію письменныхъ знаковъ, наукамъ и искусствамъ всѣхъ родовъ, научилъ основанію городовъ и постройкѣ храмовъ, преподалъ основы законодательства и геометріи, показалъ, какъ слѣдуетъ сѣять и жать, однимъ словомъ, доставилъ людямъ все, что ведетъ къ облегченію жизни: «съ того времени не было изобрѣтено ничего хорошаго» [1]). Легенда сообщаетъ намъ также, что Оанесъ былъ какъ бы земноводнымъ: онъ былъ одновременно и рыбой и человѣкомъ, голова его была человѣческая, тѣло—рыбье, ноги человѣка и хвостъ рыбы; въ теченіе дня онъ проводилъ время на землѣ, когда же солнце спускалось за горизонтъ, онъ погружался въ море съ тѣмъ, чтобы выйти изъ него, когда дневное свѣтило снова взойдетъ. Не является ли внутреннимъ символическимъ смысломъ этихъ представленій то, что начало цивилизаціи двойственно, что его должно искать одновременно какъ на землѣ, такъ и въ морѣ, какъ въ земледѣліи, такъ и въ торговлѣ [2])?

Легенда о всемірномъ потопѣ, которую въ прежнія времена считали миѳомъ исключительно евреевъ, такъ какъ она найдена была только въ ихъ священныхъ книгахъ, какъ оказывается теперь, безъ малѣйшаго сомнѣнія, должна быть отнесена къ миѳическимъ произведеніямъ халдейскаго происхожденія. Одна изъ табличекъ нинивійской библіотеки указываетъ даже названіе города, который подвергся затопленію: «Шуриппакъ, извѣстный тебѣ городъ, который былъ расположенъ на берегу Евфрата..., и великіе боги въ своемъ гнѣвѣ причинили въ немъ потопъ» [3]). То, что устанавливается въ настоящее время письменными документами, было предначертано самой природой,—подобный миѳъ, разумѣется, не могъ возникнуть на плоскогоріи, бѣдномъ водою, какъ Иранъ, гдѣ потопъ, пожалуй, былъ бы даже съ радостью встрѣченъ людьми [4]); миѳъ этотъ не могъ бы возникнуть также и въ каменистыхъ степяхъ, по которымъ странствовали пастухи-евреи, или въ гористыхъ мѣстностяхъ Кавказа. Мѣстомъ возникновенія такого преданія могли быть лишь низменныя мѣстности, гдѣ дожди низвергаются страшными

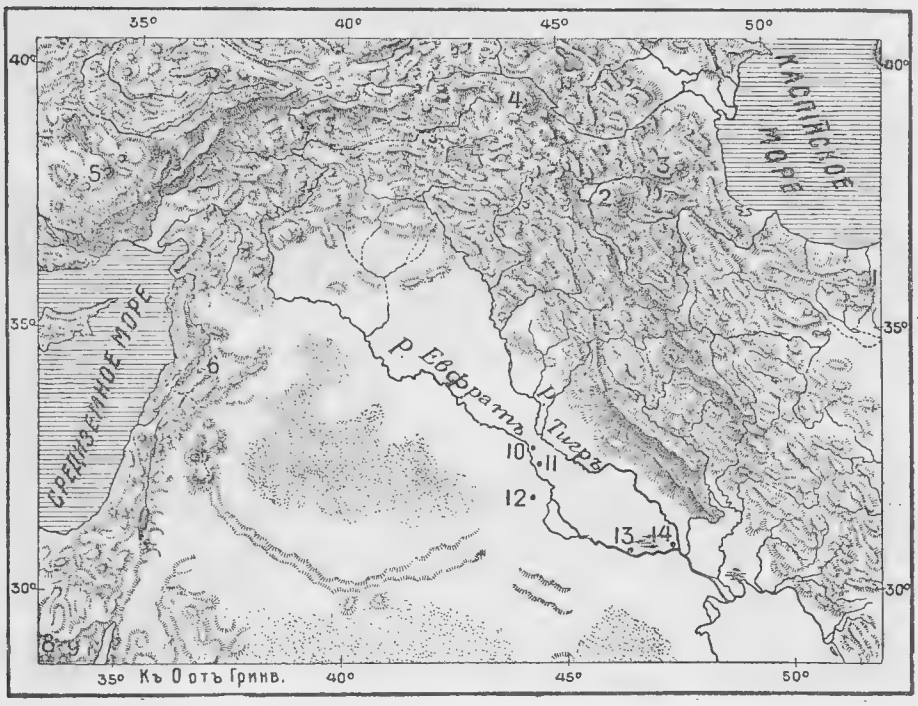
---

1) Bérose. Fragments (cit. Lenormant, Maspero etc). — 2) R. C. d'Alaing van Giessenburg. Évolution des Ideés religieuses dans la Mésopotamie, pp. 88, 89.— 3) Jastrow. Religion of Babylonia and Assyria.—4) F. R. Spiegel. Ausland., № 10, 1872.

потоками, и гдѣ рѣки нерѣдко выходятъ изъ береговъ, затопляя своими водами огромныя пространства, уничтожая посѣвы и смывая цѣлые города.

Въ книгѣ Бытія эта исторія потопа передается со многими ошибками: названіе «ковчегъ» (tebah) означаетъ «сундукъ», а не «судно»;

№ 86. Мѣстности, упоминаемыя въ халдейскихъ легендахъ.

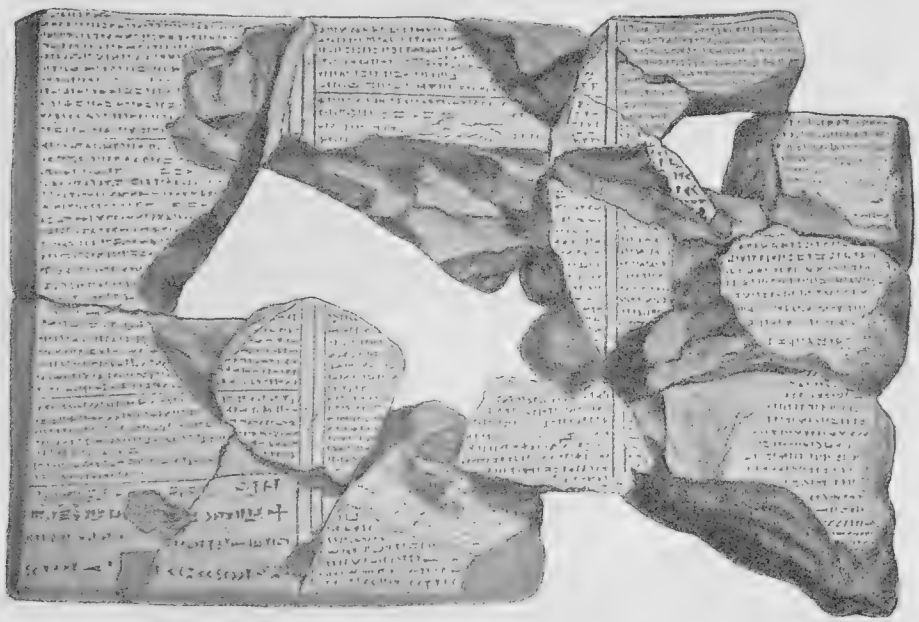


Нѣкоторыя изъ священныхъ горъ: 1) Демавендъ; 2) Сехендъ; 3) Саваланъ; 4) Араратъ; 5) Аргейская гора; 7) Гермонъ; 8) Хоребъ; 9) Синай.
6) Мѣстоположеніе земного рая—селеніе Парадизъ.
10) Сиппаръ—въ легендѣ Бероза этотъ городъ играетъ роль, приписываемую по нинивійскимъ письменнымъ документамъ древнему городу Шуррипакъ — „быть-можетъ, говоритъ Луази, по сходству ихъ названій".
11) Тинъ-тиръ-ки—„мѣстонахожденіе древа познанія добра и зла"; 12) Куфа—гробница Адама.
13) Эриду—легенда о сотвореніи міра начинается съ сотворенія Эриду.
14) Корна—настоящее мѣстонахожденіе древа познанія добра и зла.

не разсказывается вовсе о спускѣ этого судна, и, точно также, не сумѣли евреи воспроизвести и ту часть халдейской легенды, въ которой говорится о кормчемъ, о направленіи курса судна и вообще о различныхъ другихъ морскихъ дѣлахъ [1]).

1) Fr. Lenormant. Les premières Civilisations, t. II, p. 53.

Впрочемъ, надо сказать, что не въ одномъ только бассейнѣ Тигра и Евфрата возникли эти преданія о потопѣ; они появились и въ другихъ странахъ, подверженныхъ такимъ же географическимъ условіямъ, напримѣръ, возникли въ мѣстностяхъ, по которымъ протекаютъ великія рѣки Китая Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзянъ. Такимъ образомъ, въ различныхъ мѣстностяхъ повторялись эти разсказы, которые христіанскими миссіонерами разсматриваются какъ чрезвычайно важное подтвержденіе предполагаемаго «всемірнаго» потопа, о которомъ говоритъ Библія. Эти



Исторія всемірнаго потопа, вырѣзанная на глиняныхъ табличкахъ.

Одна изъ 12 табличекъ, на которой вырѣзана эпопея о Гильгамишѣ, въ которой исторія потопа является однимъ изъ случаевъ. Исторія о сотвореніи заполняетъ 7 такихъ табличекъ. (Библіотека Ашшурбанипала, дешифрированная Дж. Смитомъ въ 1875 г.).

исторіи, разсказывавшіяся въ странахъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой, должны были, само собою разумѣется, сходиться въ тѣхъ подробностяхъ, которыя вытекаютъ изъ самаго событія: сильные дожди, постройка спасательнаго судна, его остановка на скалѣ или на горѣ, первая зеленая вѣтвь или первый цвѣтокъ, найденный послѣ опаснаго плаванія, наконецъ, возстановленіе человѣческаго рода послѣ великаго потопа. Такія легенды не возникали, однако, вовсе въ тѣхъ странахъ, гдѣ никогда не происходило большихъ наводненій, гдѣ главнѣйшими бѣдствіями, угрожающими человѣку, являются бури, циклоны и вулканическія изверженія. Вотъ почему, къ великому изумленію всѣхъ коммен-

таторовъ Библіи, въ самыхъ древнихъ историческихъ документахъ Ирана нѣтъ никакого упоминанія о всемірномъ потопѣ. Подобное явленіе, будучи совершенно неизвѣстнымъ жителямъ, не могло и представиться ихъ воображенію въ видѣ такой грандіозной катастрофы, какъ описанная въ книгѣ Бытія.

Всѣ народности, у которыхъ возникла легенда о потопѣ, или которыя переняли ее отъ другихъ, уже въ силу извѣстнаго рода патріотизма и естественнаго стремленія локализировать наглядным образомъ арену дѣйствія легенды, должны были искать въ предѣлахъ своей страны то

№ 87. Легенда о всемірномъ потопѣ.

1) Низменныя долины Китая.
2) Месопотамія.
3) Ѳессалія, съ которой связана легенда о Девкаліонѣ и возрожденіи человѣчества изъ камней.
4) Венецуэла, нижнее теченіе Ориноко, гдѣ человѣчество вторично возродилось изъ плодовъ мавриціи (*Mauritia flexuosa*).

священное мѣсто, на которомъ немногіе праведники спаслись отъ общаго бѣдствія; такимъ мѣстомъ должна была явиться какая-нибудь возвышенность, которая поднималась бы среди окружающихъ волнъ. Обитатели Месопотаміи, у которыхъ легенда родилась въ той формѣ, какая придается ей священными книгами евреевъ, христіанъ и мусульманъ, считали мѣстомъ, гдѣ остановился ковчегъ, вершину самой высокой изъ горъ, находящихся на окраинѣ ихъ страны, Кардукскихъ или Гордійскихъ, т.-е. Курдскихъ горъ, въ горахъ Загрошъ, по западной

окраинѣ Ирана: именно тамъ должно искать гору Низиръ, о которой упоминаютъ клинообразныя надписи. Впрочемъ, Библія евреевъ, заимствуя, безъ сомнѣнія, разсказы ассирійцевъ, передаетъ буквально, что обитатели ковчега «спустились съ востока и поселились въ равнинахъ Месопотаміи» [1]).

Отъ этого пункта мѣсто остановки ковчега перемѣщается по различнымъ направленіямъ, слѣдуя за передвиженіями народовъ и за распространеніемъ самого преданія. Иранцы называютъ такимъ мѣстомъ лежащую къ востоку гору Эльвендъ и различныя вершины хребтовъ Альборджа и Эльбурса, Демавендъ и, наконецъ, еще нѣсколько другихъ «горъ Ноя». Афганистанъ и Бухара также имѣютъ свои «мѣста приставанія ковчега», а близъ вершины Меру, въ Гималаяхъ, поднимается гора Наубендханамъ или «гора причала корабля», къ которой Ману Вайвасвата причалилъ свое судно во время всемірнаго потопа. Однимъ словомъ, всѣ горы, поражавшія воображеніе народа настолько, что преданіе дѣлало ихъ резиденціей боговъ и первобытнымъ раемъ человѣка, разсматривались въ то же время и какъ священныя мѣста, гдѣ человѣчество, очищенное водами, получило второе рожденіе. Въ другомъ направленіи горы Кавказа, и въ особенности гора Мазисъ или Араратъ сдѣлались также «горами Ноева ковчега» для тѣхъ народовъ, которые обитали въ нижележащихъ долинахъ. Затѣмъ, съ переселеніемъ народовъ, захватившихъ съ собою весь багажъ своей исторіи и своихъ преданій, перемѣщеніе священныхъ горъ продолжалось къ западу [2]), и массивы наиболѣе близкіе постоянно скрывали собою отъ народовъ болѣе отдаленныя вершины. Одной изъ такихъ вершинъ была Аргейская гора, затѣмъ Олимпъ Виѳиніи и Олимпъ Ѳессаліи. Наконецъ, даже и въ нашихъ Пиренеяхъ Пикъ-де-Бригъ и гора Канигу, по легендамъ мѣстныхъ пастуховъ, несутъ еще на своихъ вершинахъ желѣзныя кольца, къ которымъ былъ привязанъ священный ковчегъ!

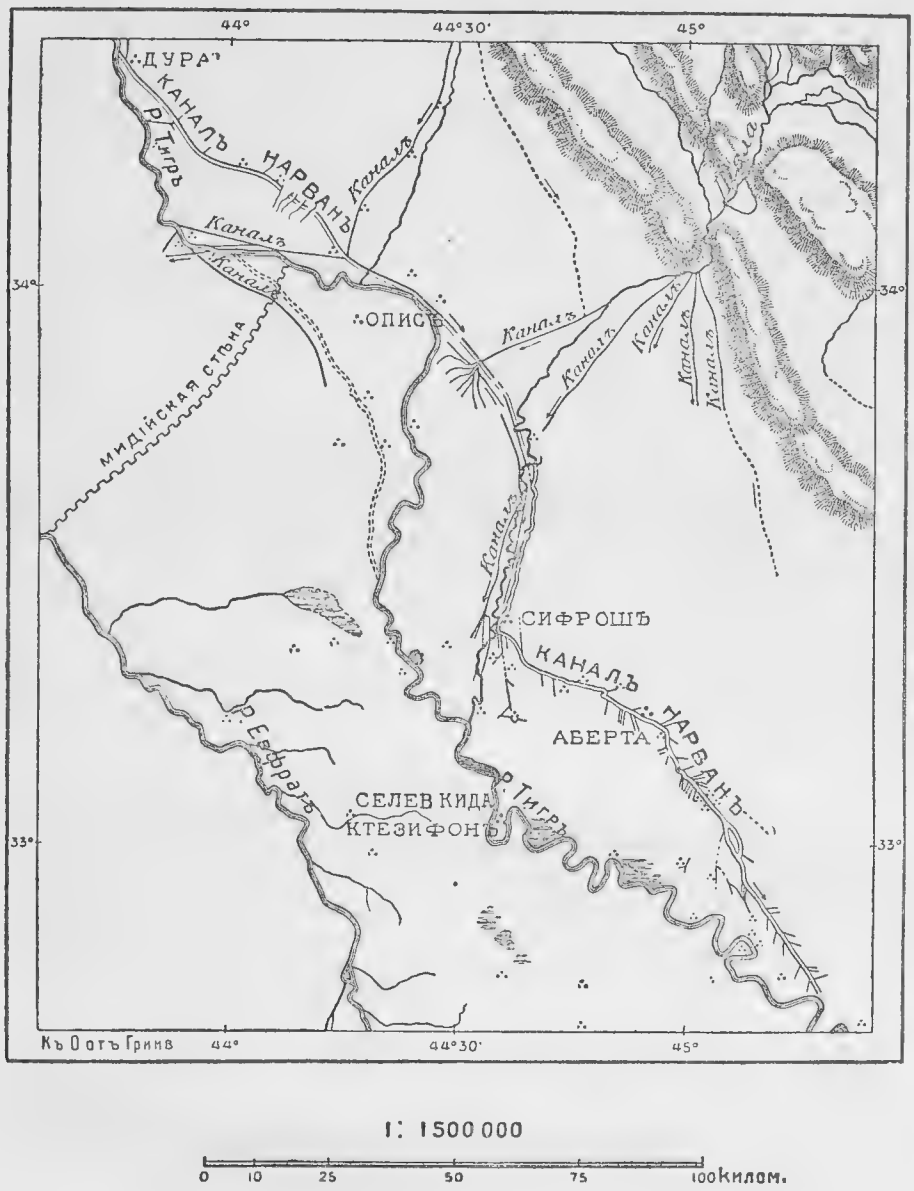
Въ Африкѣ имѣется также свой Араратъ въ видѣ горы Хаджаръ-Таусъ со скалистой, изрѣзанной вершиной, которая поднимается у южнаго берега озера Чадъ, среди плодородной наносной долины рѣки Шари [3]). Наконецъ, и жители Сѣверной Америки, большіе почитатели Библіи, очень ревниво относящіеся къ Старому Свѣту, старались также истолковать священныя книги въ свою собственную пользу, и неоднократно въ американскихъ журналахъ приходилось читать, что настоящій Араратъ, на которомъ остановился Ноевъ ковчегъ, представленъ на самомъ дѣлѣ той или другой горой ихъ собственнаго отечества!

---

1) Книга Бытія, XI, 2. — 2) Obry. Du Berceau de l'Espèce humaine; Fr. Lenormant. L'Ararat et l'Eden. Les Origines de l'Histoire, t. II. — 3) Denham and Clapperton. Wanderings and Discoveries (см. карты №№ 83 и 84).

Несмотря на то, что оба миѳа, о раѣ и о всемірномъ потопѣ,

№ 88. Каналъ Нарванъ и Мидійская стѣна.



1: 1500 000

0 10 25 50 75 100 километ.

сильно различаются между собой тѣми рамками, которыя ихъ окружаютъ,

оба они, тѣмъ не менѣе, содержатъ въ основѣ своей одну и ту же идею,— именно идею рожденія или возрожденія человѣчества сперва среди райскихъ садовъ и затѣмъ, вторично, на вершинѣ горы, на которой остановился ковчегъ. Вотъ почему у различныхъ народностей проявлялась и естественная наклонность привязывать оба эти мѳа къ одной и той же мѣстности [1]) и считать ее же мѣстопребываніемъ земныхъ боговъ.

Приведенное въ Библіи [2]) преданіе объ обоихъ сыновьяхъ Адама, изъ которыхъ одинъ былъ землепашцемъ, другой пастухомъ, выясняетъ очень прозрачно ту эволюцію, которую произвело вавилонское земледѣліе во всей умственной жизни человѣчества, и очень вѣроятно, что мѳъ, содержащійся въ этомъ древнемъ преданіи, не еврейскаго происхожденія: онъ настолько полонъ противорѣчій, что объяснить его можно, лишь освободивъ предварительно отъ тѣхъ очевидныхъ неточностей, которыя были введены въ него плохими переписчиками, вѣроятно, еще въ давнія времена. Дѣйствительно, несмотря на то, что израильтяне въ ту эпоху, когда ими былъ записанъ разсказъ о Каинѣ и Авелѣ, были прекрасно знакомы съ земледѣліемъ, воспоминанія о древнихъ патріархальныхъ условіяхъ жизни заставляли ихъ все же видѣть въ пастушескомъ состояніи настоящій золотой вѣкъ,—въ ихъ глазахъ пастушеская жизнь, жизнь праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова, являлась наиболѣе славной и заслуживающей преклоненія. Отсюда и явилось предпочтеніе, оказанное пастуху предъ земледѣльцемъ, и особое покровительство пастуха со стороны самого Бога.

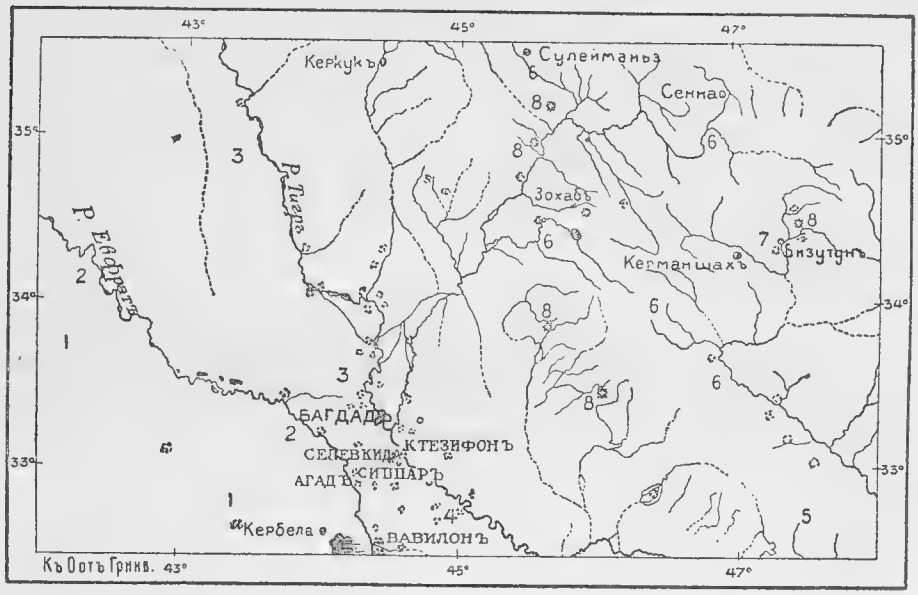
По іудейскому толкованію легенды, чувственное Божество прельстилось сожигаемымъ на алтарѣ мясомъ животныхъ, орошеннымъ въ изобиліи жиромъ, и въ силу того приняло особо милостиво жертвоприношеніе пастуха Авеля, отвергнувъ земные плоды, принесенные земледѣльцемъ Каиномъ. Эта явная несправедливость плотояднаго божества была причиной первой ненависти среди людей и перваго убійства. И въ то же время весь ходъ исторіи показываетъ намъ, что благословеніе бо̀льшаго умственнаго развитія, важнѣйшія изобрѣтенія и всяческій прогрессъ исходятъ именно отъ этого отверженнаго брата. Казалось бы, скорѣе уже именно земледѣльцу должно было преданіе въ своей первобытной формѣ выказать особое предпочтеніе. Каинъ изъ обоихъ братьевъ первый по рожденію, въ чемъ выражена уже нѣкоторая идея превосходства, въ то же время онъ проявляетъ и превосходство духовное: именно самъ Каинъ строитъ первый городъ, одинъ изъ потомковъ его рода становится первымъ техникомъ, такъ какъ открываетъ

1) Fr. Lenormant. Les Origines de l'Histoire, t. II, pp. 45 ss. — 2) Книга Бытія, IV.

способъ выковывать орудія изъ мѣди и желѣза; одинъ изъ его внуковъ изобрѣтаетъ арфу и духовые инструменты.

Наконецъ, одинъ изъ потомковъ Каина, сдѣлавшись снова пастухомъ, научаетъ другихъ пастуховъ искусству ткать шатры. Такимъ образомъ, всѣ пріобрѣтенія цивилизаціи проистекаютъ отъ человѣка, безусловно одареннаго геніемъ, отъ человѣка, который первымъ сумѣлъ

№ 89. Строительные матеріалы въ Месопотаміи.



▫ Погибшіе города ✿ Крѣпости

1 : 5 000 000

0 50 150 300 километ.

1. Палатки изъ шкуръ или кожъ.
2. Хижины изъ помета и тростника, покрытаго асфальтомъ.
3. Дома изъ сырцовыхъ кирпичей, памятники изъ обожженныхъ кирпичей.
4. Хижины изъ тростника.
5. Пещеры въ конгломератѣ и дома изъ валуновъ.
6. Дома изъ тесанаго камня.
7. Памятники изъ мрамора.
8. Укрѣпленія изъ камня.

провести борозду плугомъ, засѣять ее злаками и извлечь изъ нихъ зерно для приготовленія хлѣба!

Не въ этомъ ли, на самомъ дѣлѣ, итогъ всей экономической эволюціи? Если поставить себя на ту точку зрѣнія, которая была, безъ сомнѣнія, свойственна обитателямъ Месопотаміи, бывшимъ первоначальными составителями этой легенды, то Каинъ долженъ былъ являться личностью совершенно иною, чѣмъ какою онъ рисуется нашему вооб-

раженію, находящемуся подъ вліяніемъ неточной версіи этого первоначальнаго источника, и первое убійство, которое приписывается земледѣльцу, не должно бы быть отнесено къ нему,—оно не совпадаетъ вовсе съ дѣйствительностью!

Съ исторической точки зрѣнія, въ столкновеніяхъ между народами нападеніе никогда не исходитъ отъ мирнаго земледѣльца — оно всегда проистекаетъ отъ пастуха-номада, находящагося въ вѣчныхъ поискахъ новыхъ областей для своихъ стадъ. Помимо того, самая идея убійства гораздо легче могла родиться въ душѣ человѣка, который постоянно умерщвляетъ животныхъ и существуетъ за счетъ ихъ мяса, чѣмъ въ душѣ земледѣльца, додумавшагося до сооруженія деревяннаго плуга. Исторія перваго убійства въ еврейской версіи, на самомъ дѣлѣ,—не что иное, какъ первая клевета!

Мѣсто возникновенія нашихъ главныхъ преданій, Месопотамія, явилось также и мѣстомъ, откуда мы получили въ наслѣдство наибольшее количество матеріальныхъ пріобрѣтеній цивилизаціи. Изобиліе мѣстныхъ продуктовъ, разнообразіе пищевыхъ веществъ и товаровъ, привозимыхъ изъ дальнихъ странъ, схожденіе историческихъ путей, которымъ слѣдовали переселяющіеся народы, большое количество чужестранцевъ, пришедшихъ со всѣхъ странъ свѣта и сильно различающихся своими нравами, языкомъ и идеями, обусловили такую интенсивность жизни Вавилоніи, что, безъ сомнѣнія, именно къ эпохѣ ея могущества должно отнести основныя открытія и величайшія усовершенствованія, которыя позволили человѣчеству перейти отъ первобытнаго варварства ко вполнѣ сознательной культурной жизни. Прежде всего уже земледѣліе сдѣлало въ Месопотаміи поразительные успѣхи, и если страну эту и нельзя считать мѣстомъ самаго первоначальнаго возникновенія земледѣлія — послѣднее въ своихъ первобытныхъ формахъ существовало во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, — то, во всякомъ случаѣ, должно признать, что земледѣліе получило тамъ замѣчательное развитіе и сдѣлалось великимъ источникомъ матеріальной пищи для человѣчества. Геродотъ констатируетъ земледѣльческія богатства въ Вавилоніи въ выраженіяхъ, которыя свидѣтельствуютъ о его полномъ изумленіи [1]).

Высокое въ Месопотаміи развитіе системы орошенія, являющееся непремѣннымъ условіемъ интенсивной культуры и энергичнымъ факторомъ цивилизаціи, свидѣтельствуетъ о могущественныхъ техническихъ средствахъ и большой затратѣ силъ: на тысячи километровъ простиралась между Евфратомъ и долиной р. Карунъ сѣть оросительныхъ каналовъ, созданныхъ еще до начала историческихъ временъ. Воды р. Керхи

1) Книга I, Кліо, V, 193.

орошали окрестности Сузы, начиная съ эпохи Карибу, и распредѣлялись по обширной сѣти каналовъ, слѣды которыхъ «находятся не только въ письменныхъ документахъ, но и на поверхности земли» [1]), Мидійская стѣна была, по всей вѣроятности, не чѣмъ инымъ, какъ оградою канала. Каналъ Дижейль бралъ воду изъ Тигра для орошенія его праваго берега [2]). Наиболѣе замѣчательной выполненной халдеями работой по орошенію было, однако, снабженіе водою 12000 кв. километровъ по лѣвому берегу Тигра,—эта сѣть каналовъ (рис. на стр. 491) доходила до города Описъ и давала возможность существованія многимъ милліонамъ людей. Основной вѣтвью былъ каналъ Нарванъ—«Питательный», который тянулся на протяженіи 400 километровъ, причемъ 70 километровъ отъ города Дура и до города Адимъ были прорѣзаны въ конгломератѣ. Сѣченіе этого канала было таково, что даже въ ту эпоху, когда еще покрытыя лѣсами горы Азербейджана и Загроша обусловливали бо́льшее количество воды въ рѣкѣ, Евфратъ, тѣмъ не менѣе, никогда не выходилъ изъ береговъ, какъ бывало во времена Страбона; что касается Тигра, то вся рѣка цѣликомъ могла быть направлена въ искусственный каналъ. Плотины и шлюзы, бассейны, служащіе для регулированія, и чрезвычайно остроумное распредѣленіе каналовъ свидѣтельствуютъ о большомъ искусствѣ и значительныхъ познаніяхъ въ области гидравлики.

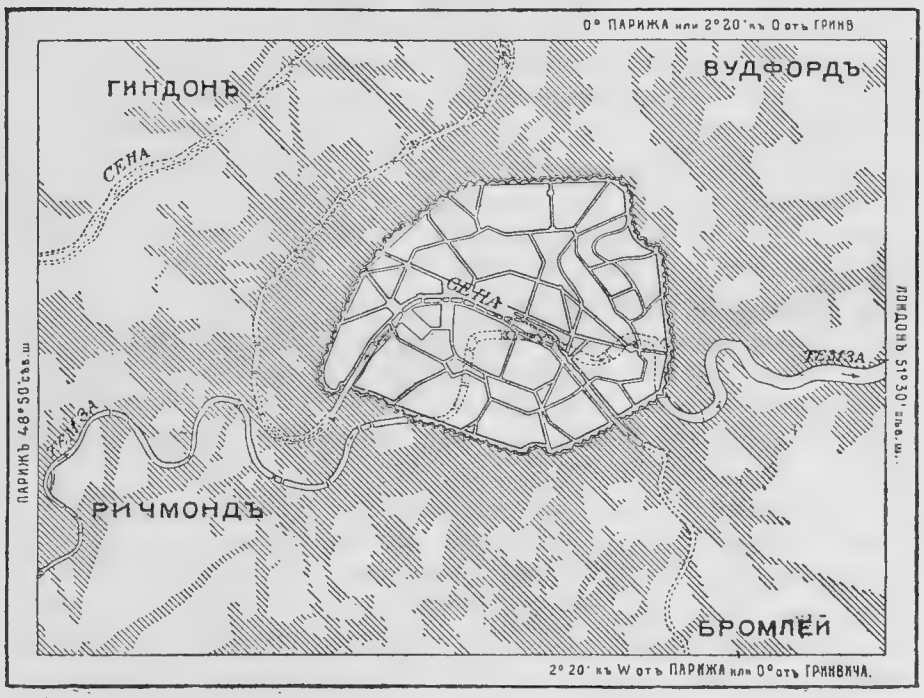
Эта система орошенія выполняла свое назначеніе совершенно правильно въ теченіе тысячелѣтій. Навуходоносоръ исправилъ шлюзы города Дура, которые были отчасти разрушены войсками Александра Македонскаго. Персидская династія Сассанидовъ и затѣмъ арабская династія Абассидовъ поддерживали эту систему орошенія, хотя не всегда могли противодѣйствовать все болѣе и болѣе возрастающему занесенію каналовъ иломъ: Тигръ, измѣняя свое русло, разрушилъ «Питательный» каналъ къ западу отъ Описа и превратилъ страну въ пустыню.

Домашнія животныя, которыми человѣкъ располагаетъ въ настоящее время въ Месопотаміи, были привязаны къ нему уже съ самыхъ древнихъ историческихъ временъ, и даже первая глава книги Бытія упоминаетъ о домашнихъ животныхъ, какъ если бы они существовали во всѣ времена. Въ числѣ этихъ друзей земледѣльца находилась въ Месопотаміи и лошадь, но названіе, которое свойственно ей на аккадійскомъ нарѣчіи, «paikurra» или «вьючное животное съ Востока», доказываетъ, что животное это было превращено въ домашнее состояніе на плоскогоріяхъ Востока [3]) или, быть-можетъ, въ сосѣднихъ степяхъ, гдѣ и до настоящаго времени водятся дикія лошади (Equus Prshevalskyi),

1) J. de Morgan. Travaux de la Délégation en Perse.—2) W. Willcoks. Ancient Irrigation Works on the Tigris.—3) Fr. Lenormant. Les premières Civilisations.

которыхъ удалось добыть живыми Груму-Гржимайло и Клеменцу [1]). Однимъ изъ этаповъ, которые должна была миновать лошадь, были, безъ сомнѣнія, знаменитыя Низейскія долины, гдѣ паслись стада наилучшихъ лошадей Персіи. Въ настоящее время ищутъ этотъ древній

№ 90. Современные Вавилоны.



1 : 250 000

0 5 10 15 20 километ.

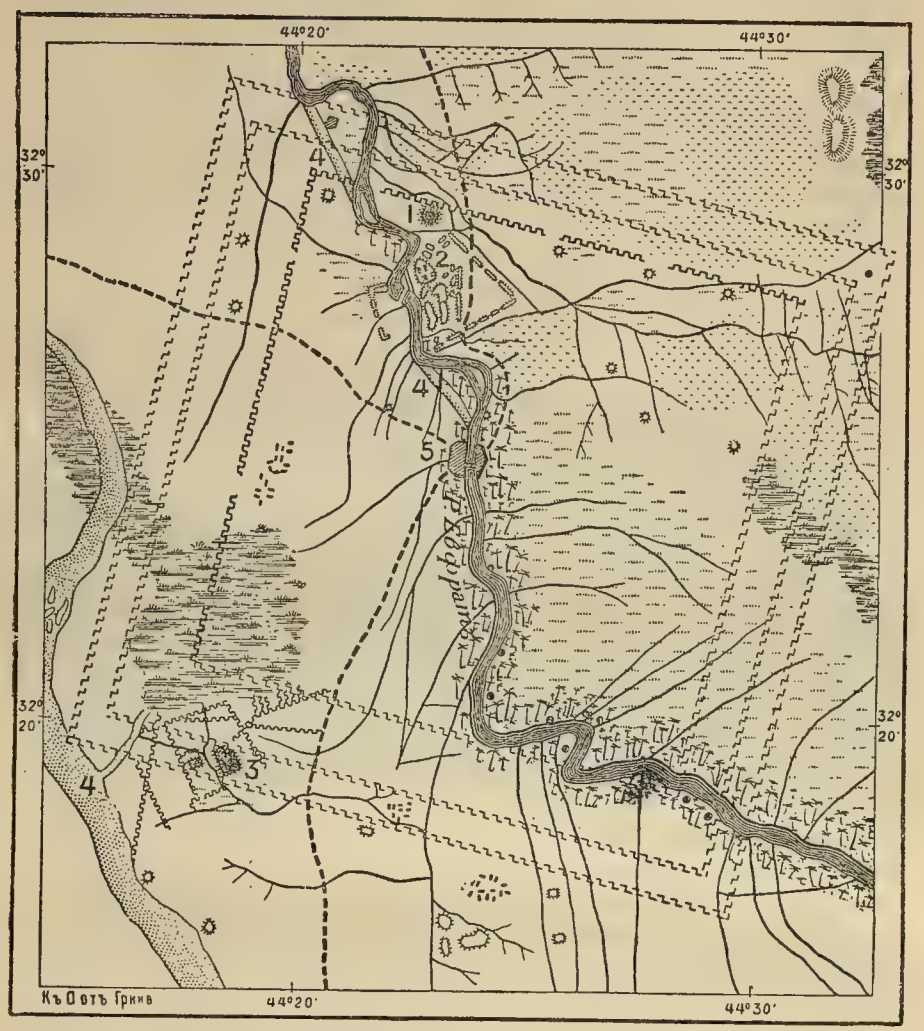
Планы Парижа и Лондона, изъ коихъ послѣдній изображенъ штриховкой, наложены другъ на друга такимъ образомъ, что отель де-Вилль Парижа совпадаетъ съ Мэншьонъ-Гоузомъ Лондона. Оба эти плана выполнены въ такомъ же масштабѣ, какъ планъ Вавилона № 91 на слѣдующей страницѣ.

рай Иранскаго міра [2]) либо въ Мидіи между Гамаданомъ и Тегераномъ, либо въ окрестностяхъ города Нишапуръ.

Въ Месопотаміи замѣчался также большой прогрессъ и металлургической промышленности, именно уже съ самаго начала до историческихъ временъ здѣсь изготовлялись различные предметы изъ мѣди,

1) Geographical. Journal, June 1896, p. 657.—2) Геродотъ. Исторія, кн. VII, 40.

№ 91. Планъ древняго Вавилона.



Пальмовыя рощи. Воздѣланныя мѣста. Пастбища. Болотист. пространства.

Мѣстоположеніе разрушившихся древнихъ стѣнъ. Сохранившіяся до сихъ поръ древнія стѣны

Современныя населенныя мѣста. Дороги.

1 : 250 000

0 5 10 15 20 километ.

1. Муджелибэ (Маклюбэ, Бабиль).
2. Дворецъ Навуходоносора.
3. Бирсъ-Нимрудъ или башня Борсиппа.
4. Прежнее русло Евфрата.
5. Хилла.

бронзы, желѣза и золота: въ самыхъ древнихъ гробницахъ Варка и Мугеиръ, близъ Сузы, были найдены, одновременно съ каменными орудіями, предметы изъ этихъ металловъ; отсутствовали лишь издѣлія изъ серебра [1]). Желѣзо пользовалось очень широкимъ примѣненіемъ, особенно въ Ассиріи, — очевидно, благодаря близкому сосѣдству рудоносныхъ областей Загроша, Тавра и горныхъ хребтовъ по берегамъ Чернаго моря, гдѣ работали халибійскіе рудокопы. Нигдѣ ни въ Халдеѣ, ни въ Египтѣ не было найдено такого огромнаго количества металлическихъ инструментовъ, какое было открыто Пласомъ въ одномъ изъ складовъ дворца въ Хорсабадѣ: всѣ эти цѣпи, молотки, крюки, мотыги, кайла, наконечники плуговъ, серпы и обода колесъ были сдѣланы изъ великолѣпнаго металла и образовали какъ бы цѣлую желѣзную стѣну, для прорытія которой потребовалось цѣлыхъ три дня! Вѣсъ всѣхъ этихъ желѣзныхъ издѣлій былъ опредѣленъ болѣе чѣмъ въ 160 тоннъ.

Первобытные обитатели наносныхъ равнинъ, по которымъ протекаютъ Тигръ и Евфратъ, располагали въ теченіе періода распахиванія страны большимъ количествомъ лѣса, покрывавшаго долину; они обладали и сплавнымъ лѣсомъ, несшимся внизъ по рѣкѣ, вслѣдствіе естественнаго подмыванія водою деревьевъ въ верховьяхъ, — лѣсъ этотъ могъ служить имъ для постройки жилищъ. Когда, однако, почва была превращена въ пахотную землю, и поля покрыли всю страну, земледѣльческое населеніе могло строить себѣ хижины или мазанки лишь изъ глины, превращенной въ кирпичи, высушенные на солнцѣ,—тростникъ, горная смола, мятая глина — таковы были матеріалы для постройки; человѣку приходилось возводить свой домъ изъ той же самой почвы, которая находилась подъ его ногами. Постройки такого рода недолговѣчны, быстро разрушаются и превращаются въ груды земли, обрастающей травой, какъ только ихъ перестаютъ поддерживать. Тѣмъ не менѣе, такія постройки изъ глины являются первоначальнымъ и основнымъ типомъ нашихъ современныхъ жилищъ; для возведенія жилищъ въ настоящее время, въ зависимости отъ мѣстности и отъ имѣющихся въ наличности матеріаловъ, примѣняются дерево, естественные камни или кирпичъ, валуны, обкатанные горными потоками, мраморъ, порфиръ или желѣзо.

Главнѣйшая эволюція въ искусствѣ постройки зданій состояла въ Месопотаміи въ томъ, что совершился переходъ отъ сырцовыхъ кирпичей къ кирпичамъ обожженымъ. Безъ сомнѣнія, подобныя открытія дѣлались тысячи разъ до того, какъ получили практическое примѣненіе. Огонь домашняго очага, вѣроятно, нерѣдко превращалъ, благодаря той или другой случайности или, быть-можетъ, благодаря пожару, находящіеся

1) Alfred Ditte. Revue Scientifique, 25 nov. 1899.

вблизи сырцовые кирпичи изъ разсыпчатой глины въ кирпичи, плотные какъ камень. По всей вѣроятности, превращеніе глины въ твердое, камнеподобное вещество оставалось въ теченіе долгихъ вѣковъ фактомъ всѣми наблюдавшимся, но не дававшимъ никакого повода къ измѣненію въ способѣ постройки домовъ изъ сырцовыхъ кирпичей; затѣмъ, въ одинъ прекрасный день, кому-нибудь изъ высоко-одаренныхъ строителей пришло въ голову примѣнить обожженые кирпичи для возведенія всей или части постройки, которую ему хотѣлось сдѣлать болѣе прочной или болѣе красивой. По словамъ Іеринга [1]), «обожженіе перваго кирпича должно разсматриваться какъ событіе, имѣвшее наиболѣе плодотворныя послѣдствія изъ всѣхъ событій, совершившихся на землѣ,— трудно сравнить съ нимъ какое-либо другое по значенію въ цивилизаціи»;

Четверная вавилонская колонна изъ обожженыхъ кирпичей.

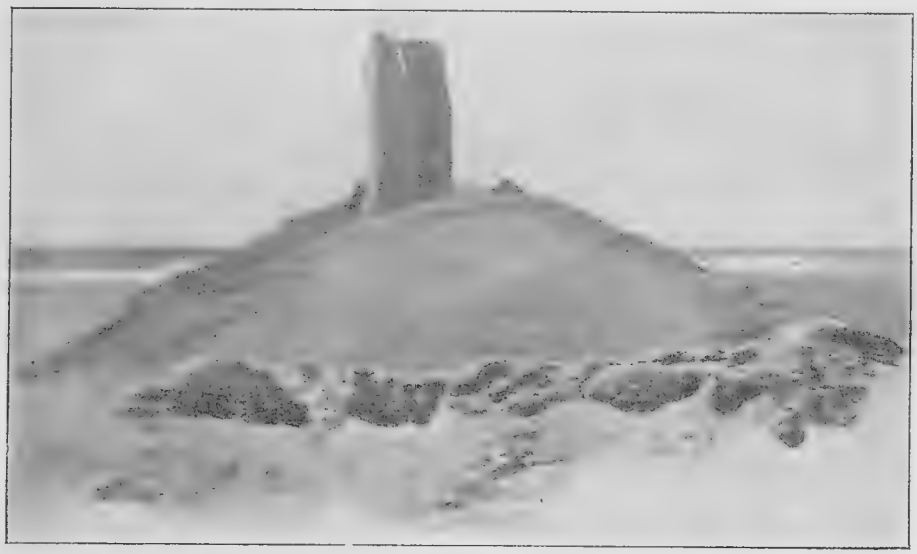
На каждомъ кирпичѣ находится незамѣтная снаружи надпись, оттиснутая до обжиганія. Это— магическая формула, предназначенная гарантировать вѣчность монументовъ и защитить ихъ отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ (Гобино).

дѣло въ томъ, что съ появленіемъ кирпичей возникли и города. Тогда какъ плугъ увеличилъ лишь количество пищи, кирпичи, эти искусственные камни, позволили людямъ сплотиться въ большія сообщества, объединили ихъ на поприщѣ труда и, позволивъ воздвигнуть огромныя зданія, вызвали у нихъ сознаніе своего культурнаго превосходства, развили въ нихъ національное чувство и породили возникновеніе извѣстной интеллектуальной дисциплины, явившейся результатомъ самаго процесса строительства, — цѣлый рядъ умственныхъ завоеваній, связанныхъ съ возведеніемъ зданій, направилъ человѣчество на совершенно новый путь

1) Ihering: Les Indo-Européens avant l'Histoire, trad. de Meulenaere.

цивилизаціи. По Петерсу, первые обожженые кирпичи, которые намъ извѣстны, это — кирпичи храма въ Саргонѣ (Шаргина); возрастъ ихъ опредѣляется не менѣе какъ въ 5700 лѣтъ.

Искусственныя горы, которыя возводили халден для того, чтобы помѣстить на вершинѣ ихъ обитель своихъ боговъ, отнюдь не являются произведеніями архитекторовъ, ничего не понимающихъ въ строительномъ искусствѣ: напротивъ, онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что строители были прекрасно знакомы съ искусствомъ измѣренія земли, расположенія строительныхъ матеріаловъ и вычисленія ихъ устойчивости; повидимому, у нихъ была высоко развита математическая наука, и рѣша-

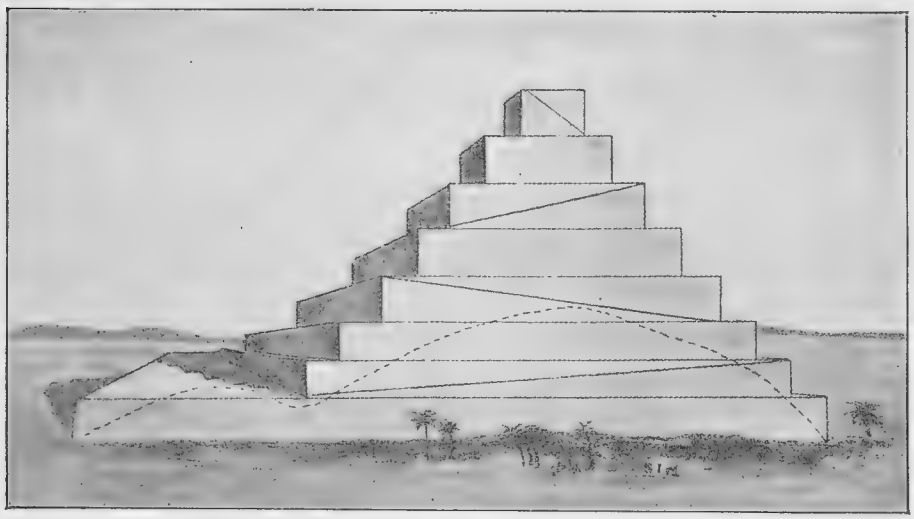


Бирсъ-Нимрудъ, развалины Вавилонской башни.

лись очень сложныя задачи. По мнѣнію Іеринга, именно благодаря этимъ колоссальнымъ архитектурнымъ работамъ у халдеевъ возникло свойственное имъ представленіе о раздѣленіи времени. Безъ сомнѣнія, при постройкѣ имъ необходимо было строго распредѣлять часы труда и отдыха, необходимо было также и избирать опредѣленный день, въ который совершенно прекращалась бы работа, для того, чтобы могла возстановиться энергія: такимъ днемъ была «sabatu» или суббота, которую посвящали первоначально просто отдыху и возстановленію силъ, тогда какъ позднѣе у евреевъ, и въ особенности у христіанъ-фанатиковъ, этотъ день сдѣлался днемъ молитвы, умерщвленія плоти и смертельной скуки! Необходимость труда урегулировала настолько жизнь халдеевъ, что, по ихъ убѣжденію, даже сами боги должны были отдыхать на седь-

мой день,—такимъ образомъ, напримѣръ, міръ оказался созданнымъ въ шесть дней, а на седьмой день Богъ предался отдыху и любовался завершеннымъ твореніемъ. Точно также, по вавилонской легендѣ, не вполнѣ точно переданной въ Библіи, и всемірный потопъ закончился въ субботу, послѣ того какъ въ теченіе 6 дней были разверсты всѣ хляби небесныя: даже и облака, невольные труженики, должны были отдыхать, чтобы возстанавливать свои силы! Миѳъ о Богѣ-Творцѣ приписывалъ ему, разумѣется, тѣ же нравы и обычаи, которые свойственны были и людямъ.

Обладаніе большимъ запасомъ знаній и точными свѣдѣніями о раздѣленіи пространства и времени, обладаніе искусствомъ строитель-



Возстановленное изображеніе Вавилонской башни.

По описанію Геродота, храмъ Беля находился на 7-ой площадкѣ Башни Языковъ, на высотѣ 189 метровъ надъ равниной. Развалины въ настоящее время образуютъ груду въ 710 метровъ въ окружности и 65 въ вышину; надъ ней поднимается кирпичный столбъ, являющійся однимъ изъ угловъ террасы (Фр. Кауленъ).

ства изъ кирпичей исполнило халдеевъ, безъ сомнѣнія, большою гордостью. Книга Бытія разсказываетъ, что строители вавилонской башни, задавшіеся цѣлью довести ее до самаго неба, были подвигнуты къ тому, главнымъ образомъ, своею гордостью: они хотѣли, чтобы имя ихъ пронеслось по всей землѣ и сдѣлалось извѣстно всѣмъ народамъ; можно сказать, что они и успѣли въ этомъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ Творецъ міра позавидовалъ ихъ славѣ и нарочно снизошелъ съ неба, чтобы смѣшать ихъ языки и уничтожить, такимъ образомъ, ихъ доброе согласіе!

Вавилоняне являлись соперниками самого Бога, такъ какъ пожелали возвести свою башню до обители предвѣчнаго Творца; въ то же

время они превзошли всѣ другіе народы и тѣми размѣрами, которые они придавали стѣнамъ своихъ городовъ: даже и въ наше время, у народовъ воинственныхъ, обладающихъ огромными денежными средствами, колоссальнымъ числомъ солдатъ и могущественной техникой, нельзя найти ни одного укрѣпленнаго города съ такими стѣнами, которыя по своимъ размѣрамъ могли бы сравняться со стѣнами Вавилона! Дѣйствительно, представьте себѣ стѣну протяженіемъ приблизительно въ 90 километровъ, вышиною въ 10 метровъ и толщиною въ 30, снабженную къ тому же 250 поднимающимися надъ нею башнями. Съ сѣверной стороны первымъ препятствіемъ, преграждающимъ подступъ къ Вавилону, и являлась такая стѣна и ровъ, пересѣкавшій весь полуостровъ, образованный обѣими рѣками, на протяженіи болѣе чѣмъ 100 километровъ. Внутри пространства, занятаго городомъ и его окрестностями, которыя были настолько обширны, что могли доставлять пропитаніе городу во время осады, поднимались другія стѣны, параллельно съ наружными, и дѣлали городъ совершенно неприступнымъ. И, на самомъ дѣлѣ, Вавилонъ ниразу не былъ взятъ иначе, какъ путемъ предательства или изъ-за полной беззаботности жителей, которые, слишкомъ надѣясь на невозможность открытой атаки, недостаточно бдительно охраняли городъ со стороны рѣки. Будучи вполнѣ гарантированными противъ нападенія враговъ извнѣ, благодаря огромнымъ стѣнамъ Вавилона, вавилонскіе цари были защищены и отъ всякаго нападенія со стороны своихъ собственныхъ подданныхъ, — они жили во внутренней цитадели, господствовавшей надъ обоими берегами рѣки. Конечно, и Вавилонъ, подобно всѣмъ остальнымъ городамъ, не могъ, въ концѣ концовъ, избѣжать своей участи, однако, лѣтописи его все же не отмѣчаютъ ни единаго возстанія народа и свидѣтельствуютъ о томъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ всѣ вражескія нападенія разбивались безрезультатно о его высокія стѣны. Все это было создано изобрѣтеніемъ кирпича, и справедливо говоритъ Іерингъ: «обожженый кирпичъ явился краеугольнымъ камнемъ вавилонскаго міра».

Въ дополненіе къ строительному искусству, повлекшему за собою существенныя научныя пріобрѣтенія, именно развитіе науки измѣренія земли (геометріи) и пріемовъ измѣренія времени,—явилось искусство судоходства; оно также сыграло немаловажную творческую роль въ лѣтописяхъ знанія, такъ какъ почти всецѣло ему обязаны своимъ развитіемъ астрономическія познанія человѣчества.

Въ эпоху, когда господствовало представленіе, что каждая народность спеціально создана Богомъ для выполненія особыхъ предначертаній, и что появилась на свѣтъ она уже одаренная независимо отъ среды своеобразными качествами, ученые довольствовались признаніемъ,

Бабиль (Врата Бога) на берегахъ Евфрата.

Массивъ изъ кирпича въ 180 метровъ длины и ширины и 45 метровъ вышины, предположительно висячіе сады, построенные Навуходоносоромъ (Фр. Кауленъ).

что халдеи сами собой усовершенствовались болѣе другихъ народовъ въ дѣлѣ наблюденія надъ небесными свѣтилами. Однако, позднѣе, когда стала ощущаться потребность въ выясненіи причины этого явленія, его пытались объяснить соціальными условіями халдейской народности: предполагали, что пастушескія племена Месопотаміи, проводя ночи подъ яснымъ звѣзднымъ небомъ и оберегая свои стада, имѣли часто случай наблюдать за движеніями небеснаго свода и позднѣе воспользовались своими наблюденіями для того, чтобы извлечь изъ нихъ указанія на чередованіе временъ года.

Доказательства эти не согласны съ исторической истиной: халдеи, когда къ нимъ проникла цивилизація, группировались уже вокругъ многолюдныхъ городовъ, не были болѣе пастухами и своимъ духовнымъ развитіемъ были обязаны земледѣлію и осѣдлому образу жизни. Сосѣднія народности, арабы и туранцы, находившіяся на стадіи пастушескихъ кочевыхъ народовъ, были въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи и скорѣе имѣли случай заниматься изученіемъ неба. Нѣтъ, мы должны признать, что матерью всякаго искусства, въ самомъ широ-

комъ значеніи этого слова, является необходимость; необходимость породила и науку. Мореходамъ Вавилоніи неизбѣжно приходилось сталкиваться съ потребностью нахожденія на небесномъ сводѣ какой-либо неподвижной опорной точки для направленія своихъ судовъ, и именно благодаря этому и былъ открытъ ими небесный полюсъ; ими же производились наблюденія надъ кажущимся вращеніемъ звѣзднаго свода и различныхъ созвѣздій, разстоянія между которыми всегда остаются неизмѣнными, ими же были найдены планеты или звѣзды, обладающія собственнымъ движеніемъ. Однимъ словомъ, халден сдѣлались астрономами вслѣдствіе того, что они были моряками, и благодаря тому же стали впослѣдствіи ихъ учениками финикіяне. Позднѣе, когда тяжелый гнетъ убилъ у населенія Месопотаміи всякую свободную инціативу, ихъ ученики-финикіяне, переселившись изъ архипелага Бахреина на берега Сиріи и начавъ свою дѣятельность на волнахъ наиболѣе обширнаго изъ всѣхъ извѣстныхъ имъ въ тѣ времена пяти морей, сдѣлались сами ихъ учителями. Цари Ассиріи и Александръ Македонскій снабжали свои корабли моряками изъ Тира и Сидона [1]). Въ этомъ должно, однако, видѣть результатъ перемѣщенія центра дѣятельности какъ духовной, такъ и матеріальной, самимъ ходомъ цивилизаціи въ бассейнѣ Средиземнаго моря.

Какъ въ древности представляли себѣ міръ.

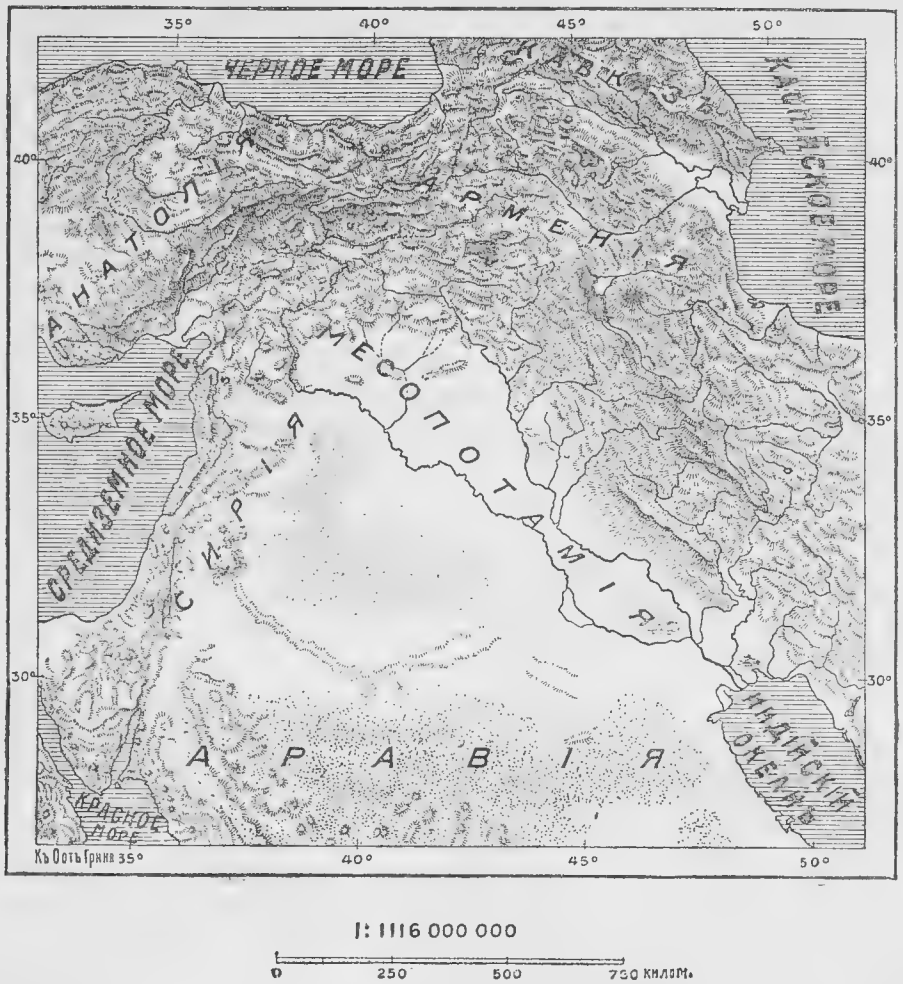
По Гоммелю

Помимо всего остальнаго, впрочемъ, мы имѣемъ тому и документальныя доказательства. По изслѣдованіямъ Опперта, можно утверждать на основаніи ассирійскихъ надписей, что астрономы Халден производили непрерывныя наблюденія надъ луной, солнцемъ и планетами въ теченіе очень продолжительнаго промежутка времени. Они констатировали, напримѣръ, повтореніе солнечныхъ затменій чрезъ извѣстные періоды. Имъ прекрасно былъ извѣстенъ періодъ въ 223 оборота луны, т.-е. въ 18 лѣтъ и 11 дней—періодъ saros; они вывели изъ наблюденій и другой періодъ,

1) Fr. Delitzsch, «Wo lag das Paradies», p. 76.

въ 100 разъ болѣе продолжительный, именно періодъ въ 1805 лѣтъ или 22325 оборотовъ луны, по истеченіи этого періода затменія повторяются въ прежнемъ порядкѣ. Упоминаемое спеціально въ надписяхъ затменіе, которое выбрано исходнымъ пунктомъ одного изъ такихъ

№ 92. Пять морей, окружающихъ Месопотамію.



цикловъ, относится къ году, удаленному отъ 1900 года нашей эры на 13442 года, и, какъ допускаютъ, годъ этотъ соотвѣтствуетъ совпаденію солнечнаго затменія съ восхожденіемъ Сиріуса [1]).

1) Jules Oppert. Acad. des Inscript. et Belles-Lettres, séance du 12 sept. 1884.

Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что халдейская наука значительно опередила научныя познанія о раздѣленіи времени на основаніи движенія небесныхъ свѣтилъ, имѣвшіяся у всѣхъ другихъ народовъ. Дневное движеніе луны по окружности небеснаго свода, тщательно вычисленное халдейскими астрономами, точно совпадало съ числомъ $13^0\,10'\,35''$, найденнымъ нашими астрономами [1]).

Была найдена и истинная продолжительность года, и хотя она обычно исчислялась всего лишь въ 360 дней, но при этомъ не забывали, для урегулированія средней продолжительности, включать въ опредѣленное время дополнительный мѣсяцъ. Халдейскіе астрономы описали также солнечныя пятна и увеличеніе и уменьшеніе свѣта планетъ. Они производили наблюденія надъ кометами и устраивали небесные глобусы, на которыхъ располагали звѣзды, соединенныя въ созвѣздія [2]). Они же изобрѣли знаки зодіака, и тожественность формъ и аналогія символовъ, проявляющіяся, внѣ всякаго сомнѣнія, во всѣхъ зодіакахъ другихъ странъ—въ зодіакахъ, созданныхъ въ Египтѣ, въ Индіи, въ Камбоджѣ и Китаѣ—неоспоримо доказываютъ намъ, что астрономическія наблюденія, производившіяся халдейскими астрономами, легли въ основу всѣхъ зодіаковъ древняго міра. Изученіе документальныхъ данныхъ устанавливаетъ также, что въ ту эпоху, когда были созданы первые круги зодіака, солнце въ весеннее равноденствіе находилось въ созвѣздіи Вола, такъ какъ названіе этого созвѣздія находится на первомъ мѣстѣ въ ряду другихъ созвѣздій зодіака. Имѣя въ виду, что солнце вошло въ область этого созвѣздія 61 вѣкъ тому назадъ и уже 40 вѣковъ тому назадъ перешло въ область слѣдующаго созвѣздія, можно заключить, что кругъ зодіака былъ созданъ халдейцами не менѣе какъ 4000 лѣтъ тому назадъ; въ то же время подобная работа предполагаетъ, что ей предшествовали продолжительные періоды подготовки научной почвы [3]).

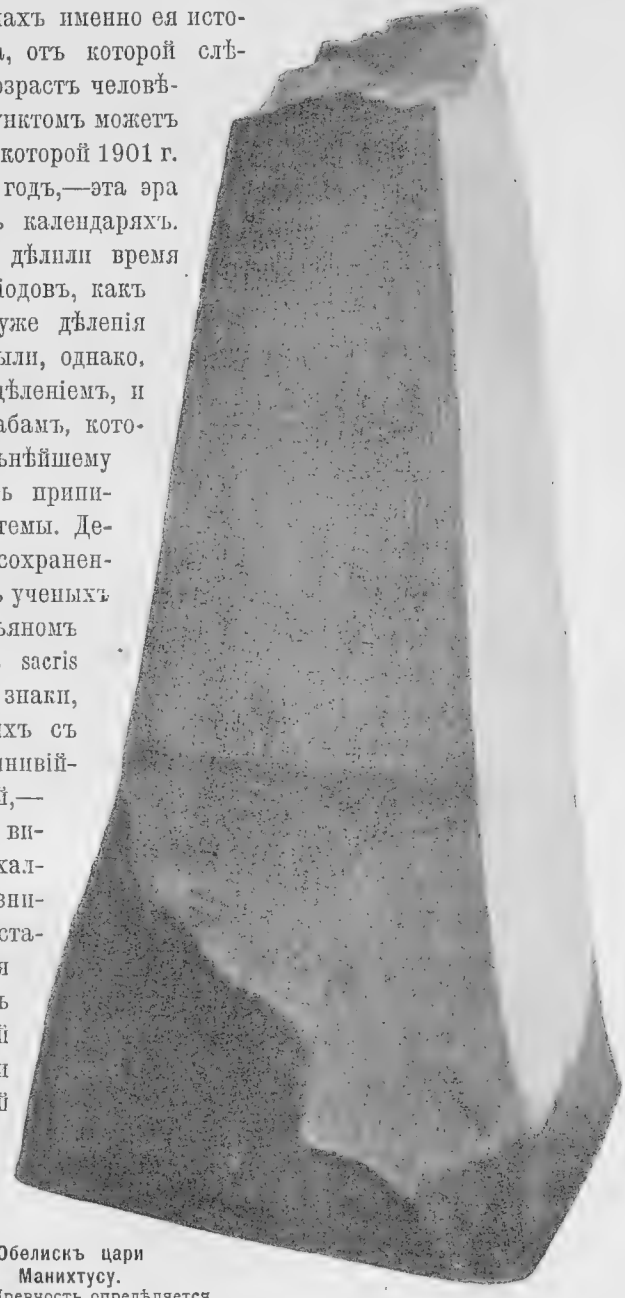
Изслѣдованія столь великаго значенія требовали, конечно, многочисленнаго персонала, и, дѣйствительно, въ каждомъ городѣ находилась своя обсерваторія, и она публиковала свои эфемериды совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ въ наши дни подобныя научныя учрежденія. Безъ сомнѣнія, сказывалась при этомъ и связь астрономіи съ астрологіей, и предсказанія счастливыхъ и тяжелыхъ событій входили въ значительной степени въ обязанности астрономовъ-наблюдателей,—однако, чистая наука извлекала и отсюда элементы прогресса: рѣшались задачи, относящіяся къ области геометріи, чертились карты и планы; эти документы, заслуживающіе большого вниманія, хранятся въ настоящее время въ видѣ обрывковъ въ нашихъ музеяхъ. Имѣя въ виду

---

1) Fr. Kaulen. Assyrien und Babylonien, p. 174.—2) Hommel. Aufsaetze und Abhandlungen.—3) Adhémar Leclère, Revue Scientifique, 16, X, 1897, p. 481.

столь великія научныя заслуги Халдеи, можно было бы считать ее достойной того, чтобы въ предѣлахъ именно ея исторіи лежала та исходная точка, отъ которой слѣдуетъ считать историческій возрастъ человѣчества. Такимъ начальнымъ пунктомъ можетъ считаться эра Набонассара, по которой 1901 г. нашей эры значился бы 2648 годъ,—эта эра и упоминается постоянно въ календаряхъ.

Обитатели Месопотаміи дѣлили время на группы по 12 и по 7 періодовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ уже дѣленія на недѣли и мѣсяцы; они были, однако, знакомы и съ десятичнымъ дѣленіемъ, и именно имъ, а отнюдь не арабамъ, которые содѣйствовали лишь дальнѣйшему распространенію, должно быть приписано созданіе десятичной системы. Десятичная таблица умноженія, сохраненная для потомства однимъ изъ ученыхъ эпохи Возрожденія, Валерьяномъ Бользани въ его книгѣ «De sacris Aegyptiorum litteris», содержитъ знаки, сходные во всѣхъ отношеніяхъ съ клинообразными значками ниневійскихъ и вавилонскихъ надписей,—въ ней должно, слѣдовательно, видѣть настоящій памятникъ халдейскаго происхожденія. Возникаетъ также вопросъ, не представляетъ ли и четырехугольная таблица, лежащая на колѣняхъ изваянія царя Гудеа, который держитъ въ рукахъ линейку и циркуль, такой же таблицей умноженія, основанной на десятичномъ счисленіи [1])? Что касается знака запятой, которымъ такъ много пользуется наша система счисленія, то онъ произошелъ, безусловно, отъ клинообразнаго значка и даже мало измѣнился.



Обелискъ цари Манихтусу.
Древность опредѣляется въ 57 вѣковъ.
Изъ Луврскаго музея.

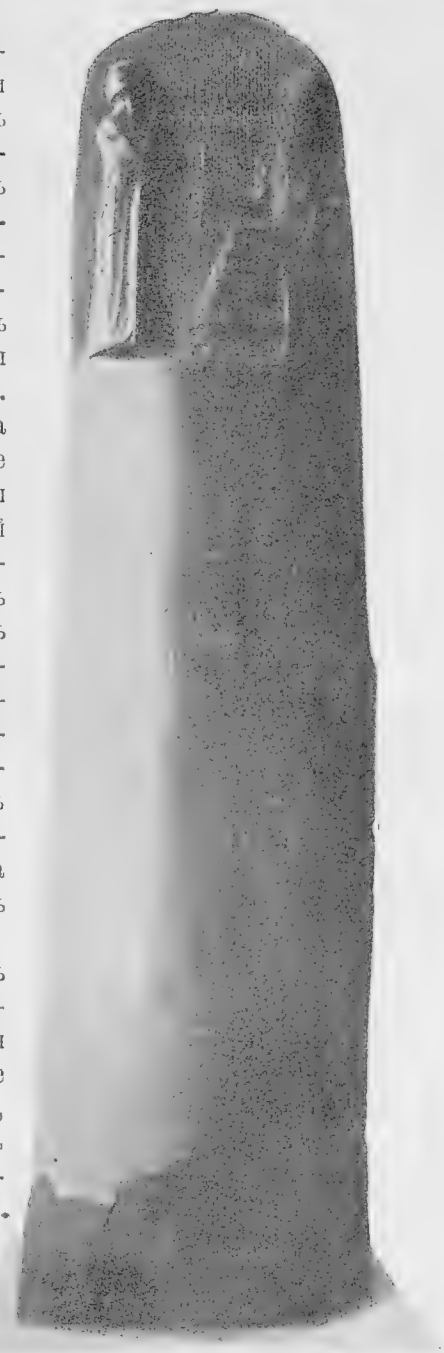
1) R. Astier. Congrès des Sociétés savantes. Toulouse, 1899; Revue scientifique. 12 avril 1899, pp. 501, 502.

Благопріятныя условія внѣшней среды, почвы, климата, распредѣленіе рѣкъ, присутствіе моря, пригоднаго для судоходства, и существованіе благопріятныхъ вѣтровъ придали Месопотаміи много преимуществъ, создали въ ней высокій подъемъ научнаго духа и сдѣлали Вавилонію центральнымъ торговымъ рынкомъ всѣхъ народностей для обширнѣйшей области Стараго Свѣта. Изъ дошедшаго до насъ свода законовъ Хаммураби мы узнаемъ, что торговля находилась въ рукахъ богатыхъ капиталистовъ и банкировъ, которые совершенно такъ же, какъ и въ наши дни, управляли свыше всѣми дѣлами и предоставляли детали коммерческихъ операцій своимъ агентамъ. Торговцы являлись сюда издалека, изъ странъ, до которыхъ можно было добраться, лишь путешествуя мѣсяцы и годы; такія сношенія завязывались вслѣдствіе посѣщенія различныхъ странъ путешественниками. Обмѣнъ товарами могъ возникать и развиваться среди народностей, говорящихъ на различныхъ языкахъ и относящихся къ разнообразнымъ расамъ, лишь благодаря тому, что существовали извѣстныя правовыя гарантіи. Всѣ тѣ юридическія установленія, которыя считаются нашими современными государствами ихъ собственнымъ изобрѣтеніемъ, были въ дѣйствительности извѣстны уже въ Халдеѣ. Обитатели послѣдней заключали между собой договоры по образованію торговыхъ обществъ и брачные договоры; они были знакомы съ закладомъ имущества и поручительствомъ, примѣняли благородные металлы какъ мѣновую монету и замѣняли ихъ иногда письменнымъ чекомъ, правда, болѣе тяжелымъ, чѣмъ нынѣшній, но зато и менѣе опаснымъ въ смыслѣ воровства,—именно такими чеками, носившими названіе «siparîe», служили глиняныя таблички, на которыхъ писали заостренной палочкой приказаніе уплатить извѣстную сумму и затѣмъ обжигали на огнѣ.

Всѣ эти способы обмѣна товарами облегчались въ значительной степени великимъ открытіемъ—открытіемъ письменной передачи мысли, давшимъ возможность матеріализовать и свободно распространять послѣднюю. Аккадійцы, эта туранская народность, основавшая первые города въ долинѣ Месопотаміи, вырѣзали свои надписи уже 70 вѣковъ тому назадъ. Преданіе о всемірномъ потопѣ, какъ оно передается Берозомъ, свидѣтельствуетъ о томъ уваженіи, которое уже въ тѣ времена проявляли вавилоняне къ книгамъ, содержащимъ описанія давнихъ историческихъ временъ. Именно, по этому преданію, Сизутросу было прежде всего рекомендовано, въ предвидѣніи наступающаго великаго бѣдствія, взять начало, середину и конецъ всего того, что было записано на таблицахъ, и зарыть эти письменные документы въ «городѣ солнца»—Синпарѣ. Въ то время какъ то же самое преданіе о всемірномъ потопѣ въ передачѣ Библіи сообщаетъ лишь о предупредительныхъ мѣрахъ для дальнѣйшаго существованія животныхъ на землѣ, версія, разсказываемая

Березомъ, отмѣчастъ заботливость Бога, Спасителя человѣчества, также и о сохраненіи сокровищъ мысли! Кромѣ того, и самый мивъ о сотвореніи міра свидѣтельствуетъ объ убѣжденіи вавилонянъ въ необходимости книгъ для человѣчества. Городъ Эриду былъ, согласно этому миву, построенъ во всемъ великолѣпіи своихъ сооруженій, со всѣми своими обсерваторіями и собраніями глиняныхъ таблицъ еще до того, какъ «были посѣяны сѣмена, давшія начало человѣческому роду»[1]). Періодъ развитія науки былъ до начала исторіи такъ продолжителенъ, что вавилоняне не могли и представить себѣ эпохи, которая бы предшествовала письменности. Каждый городъ соперничалъ съ другими своими книжными богатствами и считался литературнымъ центромъ. Такъ, городъ Урукъ или Варка въ Халдеѣ (городъ Эрекъ Библіи или Орхоэ греческихъ географовъ) былъ, подобно городу Сиппару, «городомъ книгъ»; царь Шаргина основалъ и въ городѣ Ниппурѣ библіотеку, изъ которой Ашшурбанипалъ велѣлъ скопировать бо́льшую часть текстовъ для лѣтописей ниневійскаго дворца, — библіотека эта содержала болѣе 500 томовъ по 500 страницъ каждый въ форматѣ in quarto современныхъ книгъ [2]).

Какъ далеко мы ни углубляемся въ прошедшее, письменные документы указываютъ, что происхожденіе письма относится къ еще болѣе древнимъ временамъ, и ученые до сихъ поръ ожидаютъ еще того времени, когда древнія библіотеки Месопотаміи будутъ въ достаточной степени изслѣдованы и приведены въ порядокъ,—не подлежитъ сомнѣнію, что тогда исторія этихъ мѣстностей на протяженіи 50 вѣковъ до нашего времени выяснится со



Сводъ законовъ короля Хаммураби.
Древность опредѣляется почти въ 40 вѣковъ.
Луврскій музей.

1) A. Loisy. Les Mythes babyloniens», p. 63. — 2) Fr. Lenormant. Les premières Civilisations, t. II; — Hilprecht, Fouilles de Nippur; — E. Nys. Revue de Droit international et de Législation comparée.

всѣми своими подробностями и будетъ, пожалуй, даже болѣе ясна, чѣмъ исторія Греціи до персидскихъ войнъ и исторія Рима до Сципіона [1]).

Самая первоначальная форма письменныхъ знаковъ, вырѣзанныхъ, выбитыхъ или нарисованныхъ на различныхъ матеріалахъ и сохранившихся въ библіотекахъ городовъ Халдеи, состояла, конечно, въ воспроизведеніи очертаній предметовъ, т.-е. была аналогичной іероглифамъ. Пока этотъ способъ письма служилъ для передачи идей отдѣльныхъ личностей—жрецовъ, чиновниковъ и другихъ членовъ одной и той же народности, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, не было—особой надобности его мѣнять; несомнѣнно, было, однако, замѣчено, что при передачѣ отъ одного народа къ другому, напримѣръ, отъ аккадійцевъ семитамъ, начертанныя изображенія переводились въ каждомъ языкѣ совершенно другими словами, и потому воспроизведеніе собственныхъ именъ и священныхъ формулъ становилось совершенно невозможнымъ. Такимъ образомъ, явилась настоятельная необходимость прибавлять къ іероглифамъ дополнительные знаки, служащіе для выраженія либо отдѣльныхъ слоговъ, либо звуковъ, или же—совершенно замѣнить древній способъ начертанія новымъ, основаннымъ всецѣло на изображеніи слоговъ или буквъ. Таковы были и въ дѣйствительности тѣ измѣненія, которыя послѣдовательно происходили въ письменныхъ знакахъ халдейцевъ по окончаніи эпохи аккадійской цивилизаціи, въ теченіе вавилонскаго, ассирійскаго и персидскаго періодовъ.

Матеріалы, употреблявшіеся для изготовленія таблицъ, и способы письма также измѣнились съ теченіемъ времени. Быть-можетъ, первоначально письменные знаки рисовались на деревѣ, и, во всякомъ случаѣ, было время, когда ихъ оттискивали на необожженой глинѣ,—Лофтусу удалось найти при раскопкахъ города Урука двѣ таблички, носившія одну и ту же надпись, причемъ на одной изъ нихъ эта надпись была вырѣзана, а на другой оттиснута [2]). Вырѣзываніе надписей получило потомъ наибольшее распространеніе, и почти всѣ письменные документы этихъ древнихъ эпохъ, находящіеся въ нашихъ музеяхъ, содержатъ именно знаки, вырѣзанные въ формѣ гвоздей острыми палочками, которыя оставляли глубокій слѣдъ въ твердой глиняной табличкѣ. Въ данномъ случаѣ матеріалъ обусловливалъ самый способъ выполненія письменныхъ знаковъ: вавилонское письмо получило эту свою курьезную клинообразную форму именно вслѣдствіе того, что глиняныя таблички были единственнымъ удобнымъ матеріаломъ, которымъ вавилоняне располагали,—на этомъ матеріалѣ трудно было вырѣзывать изогнутыя линіи, и удобнѣе всего было проводить прямыя черты и затѣмъ задерживать сразу движеніе острія, образуя расширенную часть черты.

1) Hugo Winckler. Die Völker Vorder-Asiens. — 2) Loftus; Fr. Kaulen. Assirien und Babylonien, pp. 89 et 108.

Лишь благодаря поразительному искусству и остроумію такихъ вы-

№ 93. Древніе города Халдеи.

Агадъ и **Сипларъ**—Сефарваимъ Библіи.
Аккадъ, Дукургальзу—въ настоящее время Абер куфъ.
Эриду, За, Нунки—въ настоящее время Абу-Шабреинъ.
Кути—въ настоящее время Телль-Ибраимъ.
Ларсамъ, Синеаръ—въ настоящее время Сенкерехъ.
Ниппуръ, Нофаръ—въ настоящее время Нифферъ.
Сирпула, Сиртелла, Сиргула, Зергулъ (?) — въ настоящее время Телль-Лохъ.
Уръ, Синъ—въ настоящее время Мугеиръ.
Урукъ, Уну, Эрехъ, Орхоэ, Варка.

По Гоммелю, Эриду былъ городомъ наиболѣе древнимъ, метрополіей города Мемфиса въ Египтѣ, тогда какъ Сирпула и Гирзу образовали второй рядъ городовъ, предшествовавшій городамъ Агоду и Ниппуру, которые, въ свою очередь, предшествовали возникновенію городовъ Уръ, Ларсамъ, Вавилонъ и др.

Прежнее побережье Персидскаго залива нанесено приблизительно пунктиромъ по даннымъ Моргана.

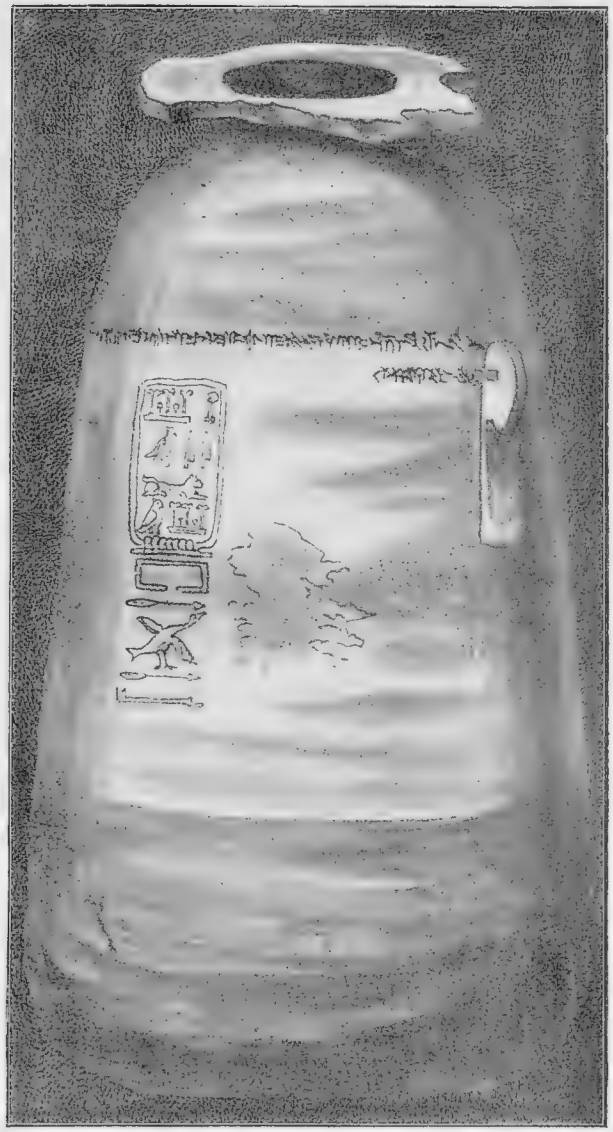
дающихся изслѣдователей, какъ Гротефендъ, Раулинсонъ, Оппертъ, Смисъ

и др., удалось прочитать эти клинообразныя надписи аккадійцевъ и ассиріянъ, мидянъ и персовъ, и заслуга данныхъ изслѣдователей тѣмъ болѣе значительна, что, повидимому, уже ученые временъ Навуходоносора и Дарія испытывали огромныя затрудненія при выясненіи смысла древнихъ таблицъ. Въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, когда измѣнялся непрестанно языкъ народностей, и чередовались на одномъ и томъ же тронѣ самыя различныя династіи, первобытныя таблицы лѣтописей сдѣлались бы совершенно непонятными и недоступными намъ, если бы ученые библіотекари тѣхъ временъ не позаботились о переводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ на современныя семитическія нарѣчія, сохраняя мѣстами, гдѣ дѣло касалось религіи, архаичныя формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не переведенные документы и документы, въ которыхъ жрецы, заботясь о таинственности своихъ церемоній и дѣйствій, старались выражаться на языкѣ, непонятномъ для обыкновенныхъ смертныхъ, накоплялись въ такомъ количествѣ во дворцахъ царей, что начинали даже обременять ихъ. Приходилось создавать

Камень изъ Такъ-керса.
Открытъ на разстояніи однодневнаго пути отъ Нинивіи.

цѣлый арсеналъ грамматикъ, словарей и таблицъ для того, чтобы была возможность прочитать древнія письмена, — вспомогательныя произведенія подобнаго рода образуютъ половину всей ассирійской литературы.

Статистика поземельной собственности, подробные перечни протяженія и доходовъ воздѣланныхъ земель, описи количества скота и другія данныя, имѣющія значеніе для казны, образовали также значительную часть этихъ книжныхъ богатствъ, занимавшихъ во дворцахъ больше мѣста, чѣмъ сами обитатели дворцовъ. Манія оффиціальной канцелярщины была язвой уже въ вавилонскомъ государствѣ за много вѣковъ до того, какъ она еще прочнѣе утвердилась въ Греціи.

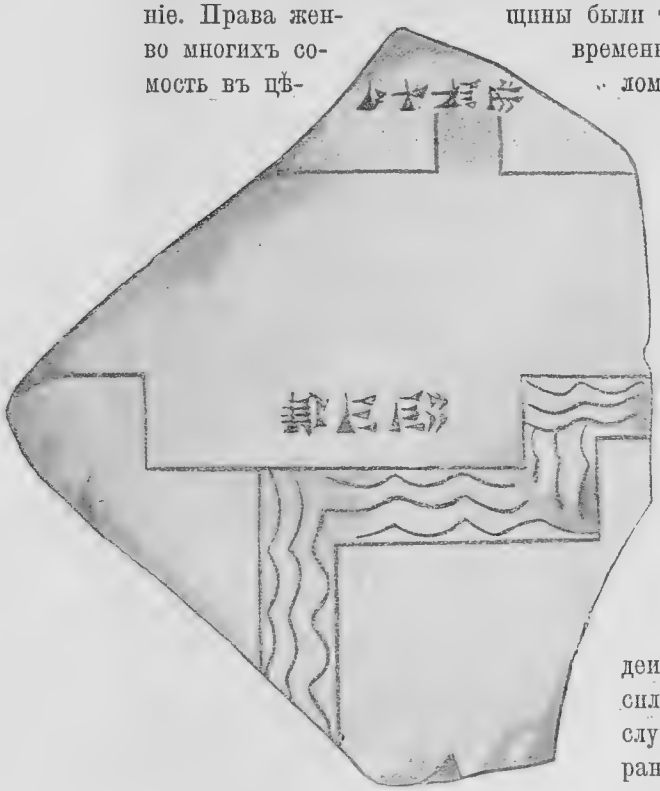


Ваза Ксеркса.

Ваза изъ алебастра, сохраняющаяся во Французскомъ Кабинетѣ Медалей. Изслѣдованія Гротефенда позволили установить, что надпись означаетъ: „Ксеркъ чистый и могущественный". Шамполліонъ (младшій) прочелъ египетскую надпись точно такъ же. Опытъ этотъ былъ рѣшающимъ въ смыслѣ установленія значенія клинообразныхъ знаковъ.

Сводъ законовъ Хаммураби бросаетъ яркій лучъ свѣта на составъ халдейскаго общества. Слѣдуетъ замѣтить, что устанавливаемыя имъ кары очень суровы: законъ основывается на правѣ мщенія, присуждаетъ къ смерти за относительно незначительныя преступленія и пред-

писываетъ изувѣченіе за другія преступленія; испытаніе невинности при помощи холодной воды рѣшаетъ по этому кодексу нерѣдко, кто виновенъ, и кто невиненъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, впрочемъ, онъ является гораздо болѣе гуманнымъ, чѣмъ позднѣйшія законодательства,—такъ, положеніе рабовъ-евреевъ 4000 лѣтъ тому назадъ было гораздо менѣе печальнымъ, чѣмъ положеніе негровъ до войны за ихъ освобожденіе. Права женщины были также болѣе ограждены, чѣмъ во многихъ современныхъ странахъ,—ея независимость въ цѣломъ рядѣ случаевъ была гарантирована, ея приданое являлось цѣною, за которую она отказывалась отъ наслѣдства отца [1]). Наконецъ, должно сказать, что всякое религіозное ученіе совершенно отсутствовало въ уложеніи Хаммураби, чѣмъ послѣднее сильно отличалось отъ законодательства евреевъ, установленнаго нѣсколькими столѣтіями позже и находившагося подъ несомнѣннымъ вліяніемъ вавилонскихъ законовъ [2]).



Обломокъ части плана Вавилона съ клинообразными надписями.

При нарушеніяхъ правилъ торговли законы Халдеи наказывали хозяина вдвое сильнѣе, чѣмъ его служащихъ; въ случаѣ нанесенія ударовъ или ранъ, вознагражденіе потерпѣвшему бѣдному человѣку должно было уплачиваться болѣе высокое, чѣмъ богатому. Въ законахъ были предусмотрѣны и обязанности врача, архитектора, моряка, а также и «непостриженной въ монахини жрицы».

Эти законы, существовавшіе, по всей вѣроятности, до своего изданія въ качествѣ обычаевъ, заставляютъ предполагать, что въ странѣ находилось многочисленное осѣдлое населеніе, которое широко пользовалось письменностью, у котораго значительную роль играли строительное искусство и мореходство, и, наконецъ, у котораго земледѣліе

1) Dareste. Journal des Savants. — 2) Chilperic Edwards. The Hammurabi Code and the Sinaitic Legislation.

было высоко развито и покоилось на обширной сѣти оросительныхъ каналовъ.

Въ этихъ областяхъ, изобилующихъ плодородными пространствами и столь счастливо расположенныхъ въ мѣстахъ встрѣчи народовъ и ихъ взаимнаго обмѣна товарами, эра всемірнаго могущества началась уже съ самыхъ первыхъ временъ первобытной исторіи.

Одна изъ надписей въ храмѣ Ниппера, которой американскіе ученые, изслѣдовавшіе эти развалины, приписываютъ древность въ 80 или даже въ 90 вѣковъ, гласитъ: «Миллель, владыка міра, вручилъ Лугалю власть надъ землею... Отъ восхода солнца до его заката, отъ Персидскаго залива до Верхняго моря, въ которое опускается огненный шаръ

Цилиндрическая печать.

солнца, когда уходитъ на покой». Среди этого моря островъ Кипръ являлся провинціей той огромной имперіи, въ которой Лугаль «обладалъ полной властью надъ всѣми, дабы дозволять всѣмъ народамъ жить въ мирѣ» [1]).

Отъ южной долины, на которой располагались по сосѣдству другъ съ другомъ могущественные города Ниппуръ, Уръ, Эрекъ, Эриду, Сипаръ, обладавшіе каждый своимъ особымъ богомъ или богиней [2]) покровителями, центръ культуры перемѣщался, мало-по-малу, къ сѣверу и нашелъ, наконецъ, свою наиболѣе устойчивую точку опоры въ томъ мѣстѣ, гдѣ обѣ великія рѣки Тигръ и Евфратъ сближаются между собой

1) National Society of Geography, 1897, p. 172. — 2) P. Jensen. Assyrisch-Babylonische Mythen und Epen, p. 290.—A. Loisy. Les Mythes babyloniens, p. 3.

и соединяются каналами. Именно въ этомъ-то мѣстѣ и возникъ Вавилонъ—городъ, долѣе всѣхъ другихъ великихъ городовъ міра сохранявшій политическое могущество и власть надъ обширнѣйшими имперіями. Впрочемъ, должно сказать, что въ теченіе того ряда вѣковъ, который народы жили подъ властью Вавилона, эта могущественная столица принуждена была претерпѣть сильнѣйшія превратности судьбы, множество войнъ и возстаній. Уже въ эпоху возникновенія ассирійской имперіи, т.-е. болѣ 36 вѣковъ тому назадъ, самый величественный памятникъ Вавилона, знаменитая ступенчатая башня Борсиппа, называвшаяся по традиціи «Башней смѣшенія языковъ», представляла собою лишь одинъ развалины. Объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ сообщаетъ гимнъ на аккадійскомъ языкѣ, переведенный Ленорманомъ: «Семисвѣтный храмъ былъ воздвигнутъ наидревнѣйшимъ изъ царей, который, однако, не довелъ постройку до конца... дожди и бури обратили постройку въ развалины, облицовка изъ кирпичей разсыпалась, громады камня превратились въ холмы». Въ еще болѣе разрушенномъ состояніи была эта знаменитая пирамида въ тѣ времена, когда Навуходоносоръ предпринялъ ея реставрацію,—однако, и реставрированная башня претерпѣла ту же участь и снова разсыпалась, оставаясь безмолвной свидѣтельницей высокаго развитія цивилизаціи въ древности.

Даже и послѣ того, какъ Вавилонъ пересталъ быть столицей Месопотаміи, онъ еще въ теченіе долгихъ вѣковъ сохранялъ верховенство, въ качествѣ города, выдающагося своей промышленностью и торговлей. Когда центръ военнаго могущества перемѣстился къ сѣверу и обосновался въ мѣстѣ сліянія рѣкъ Тигра и Большого Заба, этотъ центральный пунктъ Месопотаміи не прекратилъ, тѣмъ не менѣе, своего могущественнаго вліянія на царей и народы: многіе изъ ассирійскихъ монарховъ дѣлали его своей столицей; нерѣдко и возстанія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подавлявшіяся, въ другихъ же—увѣнчивавшіяся побѣдой, опирались также на укрѣпленія Вавилона. Когда Вавилонъ былъ взятъ арміей Кира, которая отвела отъ города теченіе Евфрата и воспользовалась усохшимъ русломъ рѣки, городъ сдѣлался опять столицей независимаго царства. И даже побѣдители-персы не рѣшились развѣнчать завоеванный городъ: они сдѣлали его, вмѣстѣ съ Персеполемъ и Сузой, столицей. Позднѣе Александръ Македонскій, ставъ властителемъ всего извѣстнаго міра, отъ Іоническаго моря и оазиса Юпитера Аммона до устьевъ Инда, также избралъ Вавилонъ центромъ своей страны и мѣстомъ встрѣчи всѣхъ цивилизованныхъ народовъ того времени. Лишь позднѣе, когда резиденція властителей была перенесена на нѣкоторое разстояніе отъ Вавилона, въ новый городъ Селевкиду, началось его паденіе; однако, такое перемѣщеніе центра управленія имѣло лишь чисто-мѣстное значеніе,—географическимъ центромъ Месопотаміи и всѣхъ странъ, находя-

щихся отъ нея въ зависимости, остается до нашего времени центральный пунктъ тѣхъ наносныхъ пространствъ, гдѣ смѣшиваются между собою воды обѣихъ великихъ рѣкъ. Названіе «Вавилона» придается всей этой мѣстности, въ переносномъ же смыслѣ Вавилономъ обозначаютъ каждый могущественный городъ, заключающій въ себѣ милліоны жителей и славящійся, съ одной стороны, горячимъ стремленіемъ къ знанію и наукѣ, съ другой — своими пороками.

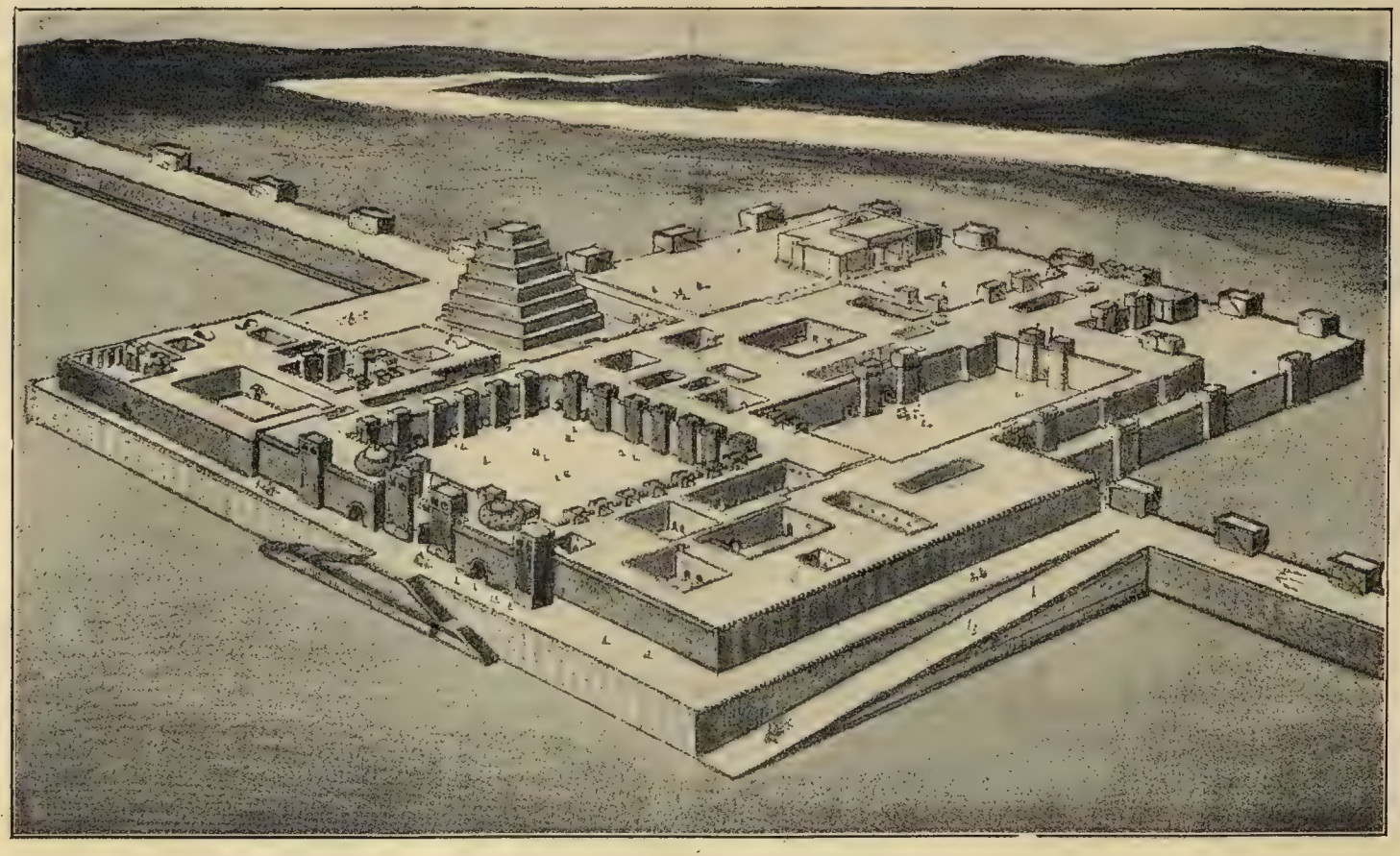
По сравненію съ самой Месопотаміей, тотъ центръ цивилизаціи, гдѣ зародилась ассирійская имперія, почти совершенно лишенъ оригинальности, такъ какъ все было получено имъ изъ южныхъ областей: и письменность, и промышленность, и науки, и искусства. Монархическая власть получила тамъ, однако, столь необычайну́ю силу, что монархи Ассиріи сдѣлались представителями самаго полнаго и всевластнаго самодержавія по преимуществу. Горныя племена, спускающіяся съ окружающихъ долинъ, состоятъ изъ курдовъ, которые съ трудомъ поддерживаютъ свое существованіе, занимаясь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, и всегда являются готовыми къ разбою, если представится благопріятный случай. Предводитель разбойничьей банды во всякое время можетъ найти между ними достаточное число головорѣзовъ, которые охотно согласятся предпринять подъ его началомъ воинственный набѣгъ; точно также и властитель страны всегда можетъ навербовать между ними достаточное число мало разборчивыхъ наемниковъ. Этими-то именно элемен-

Статуя царя Ашшурбанипала.
Британскій Музей.

тами и пользовались цари Ассиріи для организаціи своихъ армій, не дававшихъ никому пощады, всегда готовыхъ убивать, жечь и грабить. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ странѣ Ниневіи, гдѣ каждая изъ сходящихся въ ней долинъ доставляла обширный военный матеріалъ людьми, военная монархія, каковой была Ассирія, могла располагать также и всѣми пріобрѣтеніями промышленности и науки, доставлявшимися въ нее съ юга; повидимому, однако, сами ассирійцы немного прибавили къ тѣмъ открытіямъ, которыя они получили изъ Халдеи.

Всѣ постройки ассирійскихъ царей имѣли своимъ назначеніемъ либо военныя цѣли, либо прославленіе личности властителей: цѣли научныя и религіозныя лишь въ самой слабой степени преслѣдовались ими. Реставраціи дворца Саргона, произведенныя Пласомъ и Шипье, указываютъ на то, что покоренныя народности затрачивали колоссальное количество энергіи на созданіе для своихъ властителей дворцовъ, являвшихся цѣлыми годами и содержавшихъ многочисленныя арміи служителей и солдатъ. Протяженіе террасъ, великолѣпная перспектива грандіозныхъ лѣстницъ, величественныя ворота и высокія башни должны были внушать каждому подходящему къ дворцу изумленіе и священный ужасъ,—они должны были возбуждать трепетъ предъ обитателемъ этого сооруженія, и это впечатлѣніе усиливалось еще болѣе зрѣлищемъ колоссальныхъ статуй людей и животныхъ, которыя охраняли входы. Для изготовленія такихъ чудовищныхъ изваяній ассирійскіе скульпторы имѣли въ своемъ распоряженіи алебастровыя и базальтовыя скалы сосѣднихъ горъ,—они могли, такимъ образомъ, продлить на безконечно долгое время существованіе своихъ созданій, которыя уцѣлѣли даже среди грудъ обломковъ кирпича и камня. Живописцы и декораторы, работавшіе въ ассирійскихъ дворцахъ, располагали чрезвычайно долговѣчными красками, составленными изъ солей свинца и мѣди, — до послѣдняго времени эти краски считались недавнимъ изобрѣтеніемъ, но затѣмъ были открыты археологами при раскопкахъ Ниневіи.

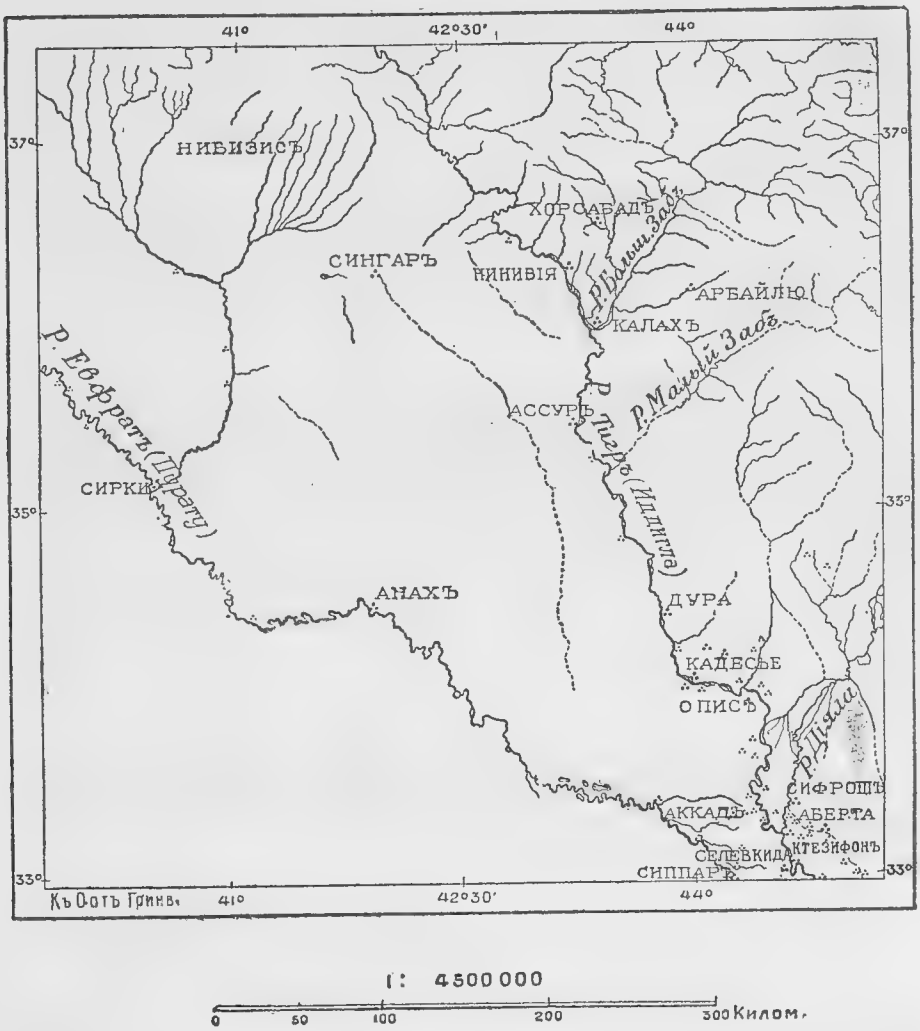
Точное мѣстоположеніе центра ассирійской имперіи было предуказано уже самой природой въ томъ мѣстѣ, гдѣ большія грузовыя суда принуждены были прекращать свой дальнѣйшій путь вверхъ по рѣкѣ, и гдѣ въ то же время перегружались товары съ плотовъ, спускавшихся съ верховьевъ. Клинообразныя надписи открыли намъ, что въ древнія времена существовалъ городъ Ашуръ или Ассуръ, расположенный на правомъ берегу Тигра, ниже сліянія этой рѣки съ Большимъ Забомъ. Безъ сомнѣнія, городъ этотъ существовалъ въ очень отдаленную эпоху, такъ какъ самое названіе его было почти забыто въ тѣ времена, когда персидская народность вступаетъ въ свой историческій періодъ; возможно, что городъ этотъ былъ въ Ассиріи первымъ центромъ вавилонской культуры и столицей самой страны, которая отъ него получила и свое на-



Реставрація дворца Саргона въ Дуръ-Шарукинѣ, по Пласу.

именованіе [1]). Позднѣе центръ главной торговли перемѣстился нѣсколько далѣе къ сѣверу, къ мѣсту сліянія Тигра съ Большимъ Забомъ. Тамъ возникъ городъ Калахъ, вторая резиденція имперіи, основаніе которой

№ 94. Древніе города Ассиріи.



приписывается легендой Нимруду или Немроду; наиболѣе знаменитыми властителями, владѣвшими этимъ городомъ, были Салманасаръ и Ашшурпасирпалъ. Въ свою очередь, палъ затѣмъ и городъ Калахъ, и мѣсто его

1) Fr. Lenormant. Les premières Civilisations, t. II, p. 84.

было занято Ниневіей, развалины которой расположены напротивъ нынѣшняго города Моссулъ. Впрочемъ, каждый изъ властителей, ревниво относившихся къ своему божественному происхожденію, любилъ основывать свою собственную резиденцію, которая принадлежала бы ему спеціально; такъ, 26 вѣковъ до нашего времени Саргонъ построилъ свой грандіозный дворецъ, приблизительно въ 20 километрахъ къ сѣверу отъ Ниневіи,—названіе его Дуръ-Шарукинъ напоминаетъ нѣсколько имя основателя, тогда какъ другое названіе, употребляемое чаще, именно Хорсабадъ, произошло отъ имени персидской династіи Хозравовъ. Синахерибъ сдѣлалъ снова центромъ своей имперіи Ниневію, третью столицу Ассиріи.

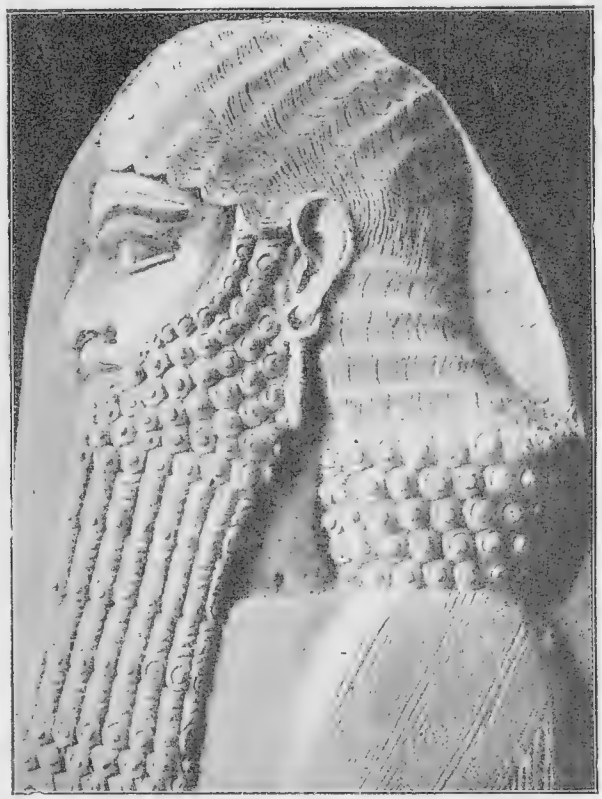
Ниневія замѣчательно удачно расположена въ мѣстѣ соединенія двухъ обширныхъ долинъ, въ томъ пунктѣ, гдѣ должна была происходить перегрузка товаровъ, и по самой серединѣ того великаго естественнаго пути, который соединяетъ заливъ Александретты съ горными областями Азербейджана и съ Каспійскимъ моремъ; кромѣ того, она находилась на внѣшнемъ углу обширнаго амфитеатра горъ. Все это обусловило быстрое завоеваніе Ниневіей огромнаго значенія какъ коммерческаго пункта и центральнаго складочнаго мѣста. Тѣмъ не менѣе, поверхность, занимаемая руинами этого города и намѣченная достаточно ясно развалинами его стѣнъ, опредѣляется не болѣе какъ въ 10 кв. километровъ; значительную часть этого пространства занимали къ тому же огромные царскіе дворцы, и потому оно было совершенно недостаточно для того, чтобы заключать въ себѣ то многочисленное населеніе, о которомъ сообщаетъ достаточно, впрочемъ, темное мѣсто легенды пророка Іоны [1]). Несмотря на все коммерческое и промышленное значеніе столицы Ассиріи, цари ея сдѣлали городъ все же «логовомъ львовъ и городомъ крови»!

Властители сѣвера не были, подобно первымъ царямъ юга, царями миролюбивыми и добродушными, они не занимались лишь подобно «отцу Оркхаму» тѣмъ, что стремились «проникнуть въ тайны рѣкъ и достичь счастья и благополучія своихъ подданныхъ». Они старались быть грозными, подобно ассирійскому богу Элль-Илонъ («сильный, внушающій страхъ»); они разсказывали о своихъ жестокихъ дѣяніяхъ съ гордостью, съ полнымъ спокойствіемъ и съ сознаніемъ совершеннаго долга. Къ тому же божество Элль-Илонъ настолько сливалось съ ними самими, что, можно сказать, у нихъ не было вовсе никакой религіи; они не строили себѣ храмовъ, а жилища ихъ были настоящими святилищами [2]);

---

1) Гл. III, 3; гл. IV, 2.—2) Ernest Renan. Histoire du Peuple d'Israël, t. II, p. 457.

священные гимны ихъ были не древняго происхожденія, не слагались на чужеземномъ языкѣ и не были облечены покровомъ тайны,—это были заявленія вполнѣ откровеннаго своевластія: «Я взялъ города приступомъ,— пишетъ царь Синахерибъ, и я превратилъ ихъ въ груды пепла... Я вымелъ страну, какъ метлою, и сдѣлалъ ее пустынею»... Точно также документъ, извѣстный подъ названіемъ «цилиндра Тейлора», гласитъ: «Мои военныя колесницы давили людей и животныхъ и мяли трупы враговъ. Я воздвигъ себѣ памятникъ изъ огромныхъ грудъ труповъ, которымъ были отрѣзаны конечности. У всѣхъ, кто попадалъ живымъ въ мою власть, я приказывалъ отрѣзать руки». Царь Ашшурбанипалъ также гордится своею жестокостью: «Онъ попалъ живымъ въ мои руки, и я велѣлъ содрать съ него кожу. Я велѣлъ вырвать глаза у его сына, и затѣмъ, вмѣсто того, чтобы бросить его на съѣденіе псамъ, я замуровалъ его въ Воротахъ Солнца въ Ниневіи». Такихъ дѣяній, впрочемъ, было еще недостаточно для «служителя Ашшура»: ему нужно было запрягать въ свою колесницу побѣжденныхъ царей и погонять ихъ бичами. Гнѣвъ ассирійскихъ владыкъ проявлялся даже по отношенію къ мертвымъ: «Я взялъ ихъ кости — говоритъ Ашшурбанипалъ о царяхъ Элама — и увезъ ихъ въ другую страну, я вселилъ безпокойство въ ихъ загробныя тѣни и лишилъ ихъ жервоприношеній»... Побѣжденные цари заключались въ Ниневіи въ желѣзныя клѣтки, и ихъ за-



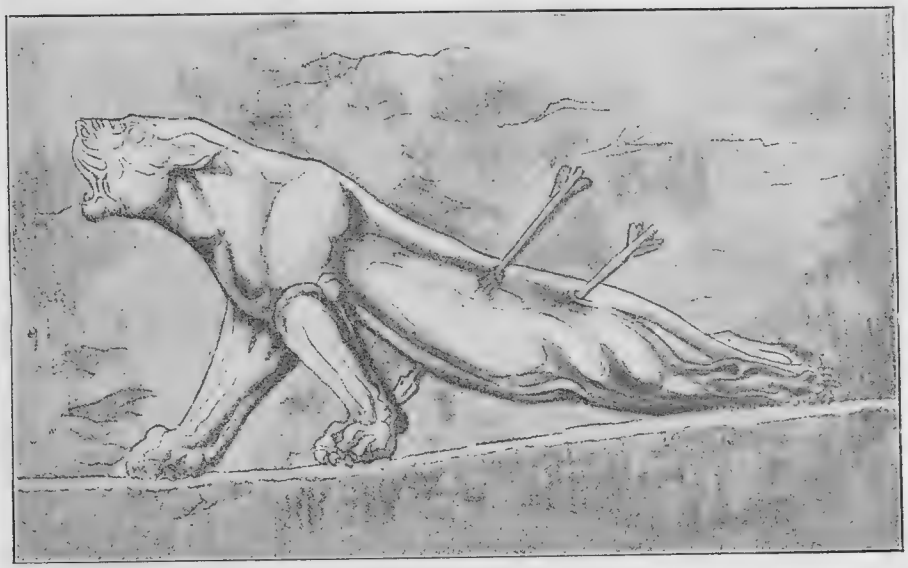
Голова ассирійскаго военачальника.

Луврскій музей.

„Идея побѣдоносной силы выражена во всѣхъ мощныхъ и великолѣпно напряженныхъ членахъ изображенія... Но какова голова? Голова — ничтожна, лишена выраженія, безстрастна“... (Гобино).

ставляли крошить и толочь въ порошокъ кости ихъ предковъ на забаву зѣвакъ!

Невольно является вопросъ, не зависитъ ли отъ привычки къ кровопролитію, убійствамъ и мученіямъ то несомнѣнное совершенство въ изображеніи умирающихъ людей и животныхъ, которое свойственно ассирійскимъ художникамъ: наиболѣе совершеннымъ произведеніемъ ниневійскаго искусства является раненная стрѣлами львица, которая защищается еще передними лапами и разверстою пастью, тогда какъ



Раненная львица.

Барельефъ изъ Куюнджика.

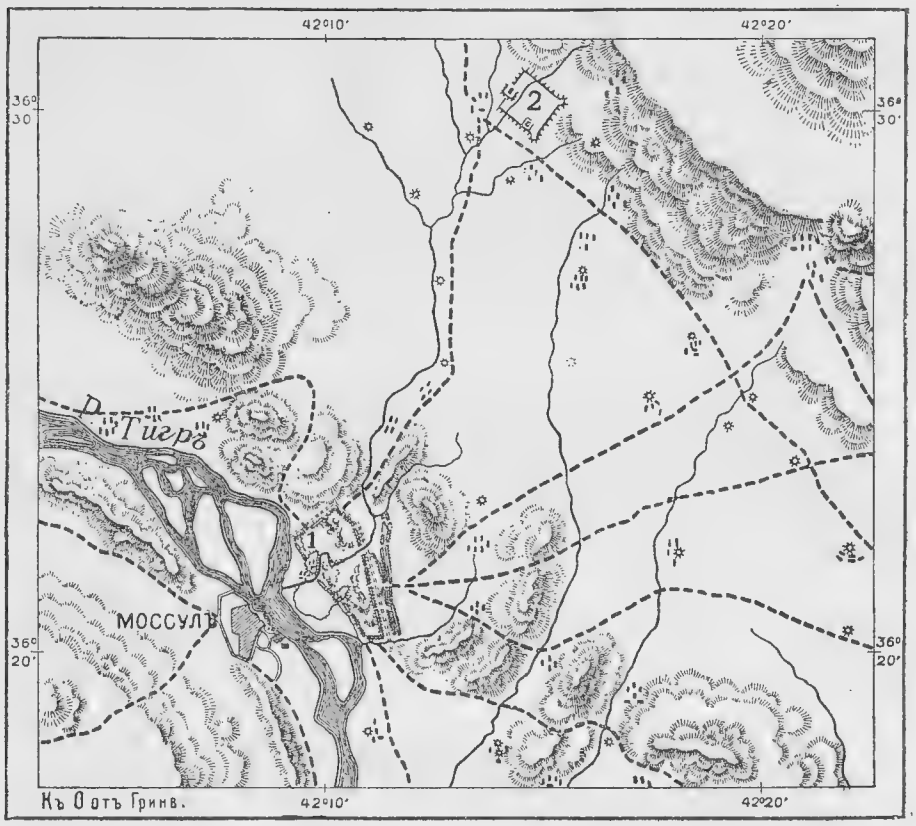
заднія конечности ея вытянуты и волочатся по землѣ въ полномъ параличѣ.

«Логовище львовъ» превратилось, однако, затѣмъ въ пустыню, и исторія не сообщаетъ намъ даже подробностей о паденіи Ассиріи,—оно произошло либо въ эпоху вторженія скифовъ, либо нѣсколько позднѣе, благодаря побѣдамъ мидянъ, 2500 лѣтъ тому назадъ. Чрезвычайно быстро Ниневія была забыта: Ксенофонтъ, 200 лѣтъ спустя, проходилъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ ея развалинъ и даже не упоминаетъ имени Ниневіи, несмотря на то, что говоритъ о другихъ городахъ, напримѣръ, о Ларисѣ и Меспилѣ, которые лежали точно также среди грандіозныхъ развалинъ стѣнъ и пирамидъ [1]). Впрочемъ, до извѣстной степени

1) Походъ десяти тысячъ, кн. III, гл IV.

понятно, что въ тотъ критическій моментъ, когда Ксенофонтъ, окруженный врагами, принималъ на себя командованіе греческими войсками и приступалъ къ своему знаменитому обратному походу въ Грецію, ему

№ 95. Нинивія и Хорсабадъ.



1 : 250000

0 5 10 15 20 километ.

1. Нинивія — холмъ, расположенный къ сѣверо-западу отъ развалинъ, называется турками Куюнджикъ; на немъ расположены развалины дворца Синахериба.
2. Дуръ-Шарукинъ или Хорсабадъ—дворецъ.

не было возможности посвящать много времени разслѣдованіямъ о славѣ древней Ассиріи.

Въ настоящее время исторія этихъ мѣстностей, омываемыхъ Тигромъ и Евфратомъ и нѣкогда столь густо населенныхъ, воскресаетъ передъ

нами и какъ бы вырастаетъ изъ земли, въ которой она долгое время была погребена. Раскапывая груды обломковъ, мы видимъ, какъ предъ нами возстановляются величественныя фигуры древнихъ боговъ — видъ этихъ фигуръ приводилъ въ трепетъ и въ изумленіе, смѣшанное съ ужасомъ, современныхъ обитателей страны, арабовъ, потомковъ нинивійскихъ почитателей этихъ божествъ. Кромѣ того, груды обломковъ кирпичей сохранили до нашего времени сотни и тысячи исписанныхъ глиняныхъ табличекъ, по нимъ современные ученые выясняютъ, мало-по-малу, древніе миѳы, и изъ нихъ они узнаютъ о первоначальныхъ источникахъ нашего знанія. Къ сожалѣнію, хотя и сохранились въ большомъ количествѣ эти различные остатки, находимые въ развалинахъ дворцовъ, сами постройки обителей царей не дошли до нашего времени. Какъ ни были онѣ грандіозны по своимъ размѣрамъ, онѣ оказались не вѣчными, такъ какъ построены были не изъ камня, а изъ сырцовыхъ необожженныхъ кирпичей. Они разбились въ осколки и образовали цѣлые холмы, вродѣ холма изъ обломковъ Бирсъ-Нимруда, вродѣ безчисленныхъ tell'ей, которые усѣиваютъ собою долины Вавилоніи и Сузіаны; уцѣлѣли лишь одни камни. Подобно тому какъ постройки Вавилона и столицы Ассиріи, и древніе города Аккадіи, города малой Месопотаміи (страна къ востоку отъ Тигра, между притоками Каруна) сдѣлались невысокими холмиками сѣрой глинистой почвы—безчисленныя войны, пожары и время являются тому причиной.

Отъ обѣихъ Сузъ, которыя въ этой области возникли въ теченіе, быть-можетъ, 4 тысячелѣтій ея существованія, осталось лишь очень немного: остались обтесанные куски діорита, бронзовыя издѣлія, глиняные сосуды съ синей, бѣлой, желтой или зеленой глазурью, обожженые кирпичи съ выдавленными надписями и различные предметы, совершенно лишившіеся своей формы. Скопленіе обломковъ обожженой глины, однако, такъ велико, что объемъ одного Акрополя, самаго меньшаго изъ трехъ холмовъ, опредѣляется Морганомъ въ 1500000 куб. метровъ; вышиною же этотъ холмъ въ 35 метровъ, и весь состоитъ изъ обломковъ. Въ Ниппурѣ американскіе изслѣдователи констатировали въ холмахъ такой же вышины налеганіе 21 слоя, изъ конхъ каждый соотвѣтствовалъ отдѣльному городу, и 6 изъ такихъ городовъ имѣли не менѣе 6000 лѣтъ давности.

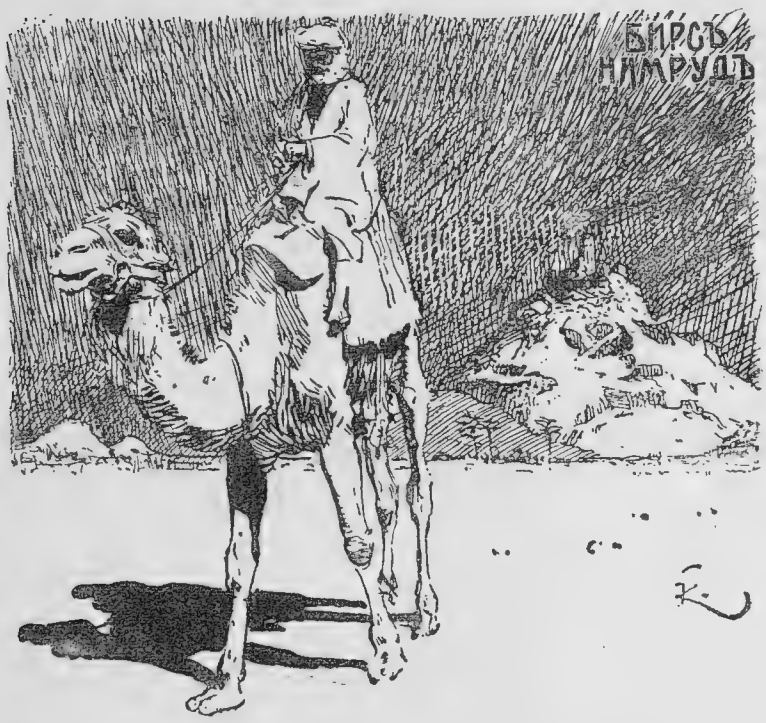
Подобный процессъ разрушенія не коснулся памятниковъ «трона Джемхида» въ Персеполѣ, благодаря тому, что тамъ находилъ себѣ бо́льшее примѣненіе камень, и стѣны были относительно менѣе высокими; мраморъ и порфиръ террасъ и лѣстницъ, ворота и колонны сохранились несмотря на то, что кирпичныя части распались въ прахъ.

Воображеніе человѣка, однако, не можетъ допустить прекращенія

жизни. Великій городъ, въ которомъ жили милліоны людей, всегда кажется таящимъ въ себѣ жизнь и населеннымъ если не людьми, то фантомами и духами. Вотъ почему у насъ невольно возникаетъ глубокое уваженіе къ тѣмъ въ наше время пустыннымъ странамъ, которыя нѣкогда кишѣли народомъ. Когда-то густо населенные города, къ которымъ во множествѣ стекались со всѣхъ сторонъ чужеземцы, превратились теперь въ обширныя кладбища. Уже въ тѣ времена, когда Вавилонъ былъ молодымъ городомъ, предшественникъ его городъ Эрекъ или Варка, «городъ книгъ», и служилъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія и считался туземцами священнымъ мѣстомъ—эта слава осталась за нимъ и до нынѣшняго времени. Обыкновенно древній городъ окруженъ некрополями, которые тянутся на многія версты. Съ древнѣйшихъ временъ обитатели верховьевъ великихъ рѣкъ бросали трупы умершихъ въ воды Евфрата; въ городѣ Эрекъ ихъ погребали въ землѣ, считав-

Ассирійское божество съ головой орла.
Луврскій музей.

шейся священной. Такъ же точно и у насъ въ средніе вѣка тѣла покойныхъ спускали въ Рону, которая несла ихъ въ сѣти арлезійцевъ, вылавливавшихъ трупы въ Арлискампѣ или въ Елисейскихъ поляхъ и предававшихъ ихъ тамъ землѣ. Подобно городу Эреку, множество другихъ городовъ Месопотаміи, пробуждающихъ воспоминанія о великихъ событіяхъ, сдѣлались кладбищами и, какъ таковыя, стали мѣстомъ паломничества и мѣстами, чрезвычайно почитаемыми во всемъ мусульманскомъ мірѣ.



АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

географическихъ и историческихъ названій и именъ цитированныхъ въ текстѣ авторовъ.

Названія племенъ и народностей отмѣчены жирнымъ шрифтомъ; цифры обозначаютъ страницы; *курсивомъ* набраны страницы, на которыхъ данное названіе находится на картѣ, помѣщенной въ текстѣ.

А

Абассиды—495.
Аббація—*101*.
Абдулабадъ—*365*.
Аберкуфъ - *511*.
Аберта—*491*, *511*, *521*.
Аб-и-Динаверъ - *425*.
Абиссинія—76.
Абомей - *275*.
Аборы—75.
Абріе—*71*.
Абу-Мохамедъ *465*.
Абу-Шабренъ *511*.
Абхазцы—444.
Абхаръ, р. - *367*.
Авель - 492.
Авеста—411, 412, 416.
Авзонія - *307*.
Авиньонъ - *125*.
Авраамъ - 294, 492.
Австралійцы—230, 274.
Австралія—202, 211, 254, 270, 318, 319, 324.
Австрія—162.
Австралія—120, *167*, *319*.
Агадъ 458, *493*, *511*.
Агамемнонъ - 291.
Агассицъ—37.
Агна—*193*.
Агра *253*.
Ада, долина 68.
Ададъ - 397.
Адаизы *271*.
Адама, Пикъ *473*.
Адамъ—5, 476, 478, 487, 492.
Адиге—444.
Адимъ 495.
Адріатическая раса кар. стр. 6.
Адріатическое море—196.
Адума—*11*.
Азербейджанъ—359, 360, *361*, 378, 456, 460, 470, 495, 522.
Азія—35, 126, 161, 177, 187, 196, 208, 306, 307, 308, 310, 312, 314, 315, 318, 320, 322, 323, 334, 339, 342, 344, 345, 346, 348, 349, 362, 368, 369, 370, *374*, *375*, 376, 378, 379, 382, 388, 396, 402, 422, 424, 426, 430, 431, 434, 436, 438, 454, 460.
Азовское море - 195, 440.
Азы 446.
Аймара—66, 70, 82, 87, 265, 277.
Акбаръ 313.
Аквавы—270.
Акка - 9, *11*.
Аккадійцы - 392, 397, 468, 469, 470, 508, 510, 512.
Аккадія - 526.
Аккадъ—467, *511*, *521*.
Аккару *307*.
Акоа—*11*.
Алагёзъ 436, 447, *451*, 453.
Алародійцы—*393*.
Албанцы—*393*.
Александретты зал. - 369, 448, *449*, 462, 522.
Александрія — 180, *377*, *413*.
Александрія дальняя — 372, *377*.
Александрополь — *451*, 453.
Александръ Великій 5, 313, 334, 340, 349, 351, 362, 368, 376, 378, 390, 422, 426, 430, 431, 442, 457, 462, 482, 495, 504, 516.
Александръ, мысъ - *193*.
Аливуру - 289.
Аллегени—184.
Алеуты 52.
Алжиръ - 122, 180.
Алтай - 466.
Альбертъ, мысъ *41*.
Альбинанъ *77*.
Альборджъ—360, 364, 490.
Альгаврское, царство — *307*.
Альгонкины—46, 47, 173, *271*.
Альпы 26, 28, 67, 70, 72, 75, 162, 196, 265, 372, 434.
Альта—254.
Аляска - 50, 57, 58, 236.
Амазонка 54, 59, 81, 92, *95*, 96, 97, 98, 100, 108, 182, 217, 265, 270.
Амазонки—245.
Аменти - *477*.
Америка—46, 57, 72, 160, 177, 178, 190, 216, 219, 220, 306, 309, 310, 314.
Ами-Буэ 21.
Амиль-Мардухъ—458.
Аму-Дарья, р.—344, 348, *373*, *374*, 375, *377*, *387*.
Амьенъ - 202.
Анануакъ 306, 307.
Анатолійскій полуостр.—322, 448, *449*.
Анатолія *307*, 308, 322, *505*.
Анахъ—*521*.
Англія—23, 88, *307*, 352.
Англо-Манну 414.
Ангумуа - 184.
Андаманцы—9, *11*.
Андріё 72.
Анды—59, 72, 75, 265, 277.
Анжи *20*.
Анжулъ - *20*.
Анти-Кавказъ—436, 447, 448, 451, 452, 453, 454, 455.
Анти-Ливанъ - 478.
Антильское море—306.
Антіохія—376, *377*, *463*.
Антіохія Маргіанская — 376.
Антонины—5.
Анубисъ—276.

Апатоэ –215.
Апахи *133.*
Апеннины—372.
Аписъ 276.
Аполобамба 74, 195.
Апольда *189.*
Апшеронскій полуостр. 442.
Арабы—122, 138, 192, *393,* 472, 503, 526.
Аравалли –*253.*
Аравійское море *421.*
Аравія, пустыни – 35, 54, *55,* 266, 278, 306, 321, 345, 396, 469, 472, 484, 505.
Аракъ, р.—*345,* 359, 360, 394, 447, *451,* 452, 453, 456.
Арало - Каспійскій бассейнъ – 380.
Аральское море – *373,* 402.
Араратъ — 360, 361, 369, 433, 436, 448, *451,* 452, 454, 455, 457, 474, *477,* 487, 490.
Арахозія – 382, 390, 394, *413.*
Арбазъ—77, *123.*
Арбайлю – *521.*
Арбеллы – 362, 462.
Арга – 433.
Аргейская гора – *477,* 487, 490.
Аргентина 62.
Аргишти I 456.
Арголида—307.
Ардэшъ, р. – *198,* 200.
Ардъ-эль-адранъ *465.*
Аренга – *11.*
Арзамесъ – 424.
Ариза, р. – 168.
Аризона – 132, 148, 173, 178, 255, 256.
Арика – *95.*
Аримань – 414.
Аристотель – 336.
Арійцы 208, 216, 348, 354, 356, 360, 378, 392, *393,* 394, 395, 396, 404, 405, 409, 466.
Арія 396.
Арлезійцы – 528.
Арлискампъ—528.
Арль — *125.*
Армснія—356, 359, 360, 378, 408, *413,* 422, 447, 448, 449, *450,* 451, 452, 455, 456, 457, 459, 470, *505.*
Армяне – 330, 452, 453, 454.
Ароэ –239.
Арпико – *20.*
Арранскіе острова 203.
Арси-сюръ-Кюръ – *20.*
Артаксеркъ Ападанъ – 401.
Артаксеркъ Мнемонъ— 430.
Артаксеркъ I—340.
Артаксеркъ II – 340.
Артаксеркъ III – 340.
Аруаки—190.
Архимедъ—200
Архипелагъ – 362.
Асканіи – 452.
Аскъ 381.
Аснаванта – 360.
Ассамъ – 246, *247.*
Ассирійцы 310, 353, 362, 378, *393,* 399, 424, 455, 457, 472, 490, 512.
Ассирія – 311, 315, 340, 356, 402, 464, 498, 504, 517, 518, 521, 522, 524, 525, 526,
Ассія 310.
Ассурбанипалъ (Ашшурбанипалъ)—340, 402, 462, 484, 488, 509, 517, 521, 523.
Ассурнасирпалъ—340, 455.
Ассуръ (Ашшуръ) – 470, 518, *521,* 523.
Астіагъ 340, 404, 422.
Астрабадъ – *365,* 366, *373.*
Асхабадъ – *373.*
Аталайя – 75.
Атапахи *271.*
Атлантическій океанъ 54, 115, 306, 310, 314, 315, 479.
Атлантическо-средиземно-морская раса кар. стр. 6.
Атласъ – 192, 434, *477.*
Атоллъ, мысъ—*193.*
Атрахазисъ 484.
Атрекъ, р. *365, 373.*
Атропатена 359, 360, 361, 392, 412, *413,* 414.
Аттакапы *271.*
Аттика – 307, 322, 426.
Афганистанъ — 382, 384, 388, 490.
Афганцы –313, 350.
Афразіабъ – 414.
Африка 9, 17, 35, 54, 84, 100, 104, 122, 124, 147, 150, 160, 166, 178, 187, 212, 232, 233, 246, 251, 255, 263, 276, 297, 306, 309, 314, 330, 362, 407, 462, 490.
Ахемениды — 340, 351, 354, 394, 401, 402, 414, 422, 424, 426, 429, 430, 452.
Ахиллесъ – 239.
Ахмедабадъ *253.*
Ахура-Мазда – 414.
Ашкеназъ 452.
Ашонго – *11.*
Ашуръ—518.
Ашфельдъ—61.
Аэта – *11.*
Аѳины—324, 425.
Аѳосъ *477.*

Б

Баберъ – 313.
Бабиль – 497, 503.
Ба-бинга – 9, *11.*
Ба-бонго – 9, *11.*
Ба-бонко – *11.*
Ба-булу *11.*
Бабъ-эль-Мандебскій проливъ 369.
Багдадъ *355,* 460, 462, *463, 483, 493.*
Багистана – 424, *425.*
Ба-Гобо 217.
Бадахшанъ — 349, *374,* 380.
Базадръ – 87.
Ба-люба – 252.
Бакса *511.*
Баксай *355.*
Бактріана 339, 345, 356, *374,* 376, *377,* 378, 379, 380, 382, *387,* 388, 389, 400, 412, *413.*
Бактрія – *371,* 376, 378.
Бактры *393.*
Бактры *377, 389, 413.*
Бакъ—356.
Бали – 276.
Балканскій полуостр. – 82, 240.
Балканы—74.
Балтійское море — *307,* 196, 446.
Балхашъ—312.
Балхъ — *377,* 378, *389, 413.*
Баль *267.*
Бамбергъ 180.
Баміанъ—*389,* 390.
Баски 141, 184, 346.
Баракъ, р. – *247.*
Барешу 184.
Барма-Гранде *20.*
Барода—*253.*
Барошажъ-де-Понтарлье – *267.*
Бархутъ – 386.

Баръ-эль-Джебель 122.
Баръ-эль-Зерафъ - 122.
Басра - *353*, *483*.
Бассора—*465*.
Ба-топо - *11*.
Батта - 289.
Ба-туа *11*.
Батумъ 436, *451*.
Баффинова земля - 49.
Бахія 14, 106.
Бахофенъ - 245.
Бахреинъ, о. - 484, 504.
Бахтіары—351, *353*, 354, 355, 356, 357, 376, 401.
Ба-яга—*11*.
Ба-яэли *11*.
Беджа 54, 56.
Беарнія - 259.
Бедуины - 460, 471.
Бедфордширъ—28.
Бейрутъ *463*.
Бекъ—34.
Беллинзона *267*.
Белуджистанъ - 312, 382, 384, 392.
Бель—501.
Бельгія - 23.
Бенгалоре *241*.
Вени-Барка *183*.
Бени-Лаамъ *465*.
Венъ *31*.
Бергаллія *267*.
Берингово море - 396.
Беринговъ прол. *311*.
Бёри-Сентъ-Эдмёндсъ - *20*.
Бернъ - 265.
Берозъ - 487, 508, 509.
Бецъ - 92.
Библосъ *463*.
Бизутунъ *355*, 415, 424, *425*, *493*.
Биллитонъ—180.
Бингель-дагъ 436, *451*.
Биканеръ—*253*.
Биреджикъ 448.
Бирджандъ - 371, *421*.
Бирсъ-Нимрудъ - 497, 500, 526.
Бискайскій заливъ 196.
Бисмарка, архипелагъ — *167*, 212, 213.
Блохъ 467.
Блумфонтенъ 212.
Блюданъ *267*.
Блюменбахъ—7.
Блументритть 254.
Боасъ—46.
Бодо *247*, 249.
Бодэнъ - 40.
Бозамбланъ - *20*.
Боливія—97.
Бользани - 507.
Боранъ 294.
Бори 384.
Борнео 180, 296, 318.
Борнъ, р. *123*.
Борсиппа 497, *511*, 516.
Босняки 229.
Боссюэ 335.
Босфоръ 322.
Босфоръ Киммерійскій—443.
Ботокуды — 82, 96, 230, 234.
Бразилія 14, 62, 82, 106, 245, 254, 270.
Брамапутра, р. 246, *247*, 320, *321*.
Брамуа *77*, 123,
Брандисъ *267*.
Брани 392, *393*.
Браунингъ 238.
Бревесъ *95*.
Брегау *267*.
Бретань 106.
Бретта, де 192.
Бриенда - 239.
Бріансонъ - 67, *71*.
Брокенъ *477*.
Брокъ 14.
Бромлей—496.
Бруннгоферъ 348, 360.
Брэшамъ - *20*.
Брюкъ - 332.
Брюкнеръ 34, 331.
Брэксъ—*20*.
Брюникль *20*.
Брюннъ *20*.
Будда 5, 303.
Бугъ *197*.
Бургонь *267*.
Бургундія - *267*.
Буржуа 27.
Буронъ 192.
Бурудширдъ—*353*.
Буруты—380.
Буряты 141.
Бухара *371*, *373*, 490.
Бушмены 212, 254.
Буэнос-Айресъ 74.
Бьеннское озеро - 180.
Бьютензоргъ 188.
Бѣлый заливъ - 102
Бюффонъ 20.
Бюхерь—220.

В

Ва - *77*.
Вавилонія—339, 340, 356, 378, *413*, 458, 466, 470, 484, 494, 504, 508, 526.
Вавилонъ 324, 330, 354, 355, 371, 399, 413, 431, 462, *463*, 464, *465*, 470, 471, 478, 484, 493, 497, 502, 511, 514, 516, 517, 526, 527.
Вакаши *271*.
Вакъ 294.
Валансъ - *125*.
Валерьянъ 362.
Валлари *241*.
Валлійскій Кантонъ - 476.
Валь-д'Акостъ *267*.
Вальпарайзо - 74.
Вальтелина, р. - 266, *267*.
Валэ Верхній - *267*.
Валэ-дю-Гессинъ - *267*.
Вандея 100.
Ванкуверъ 191.
Ванлэпу *271*.
Ванлонь - *77*.
Ванъ, городъ - *451*, 456.
Ванъ, озеро 359, *451*, 455.
Варинъ—*77*.
Варезское озеро - 180.
Варезъ 162.
Варка—498, 509, 511, 527.
Вармундъ - 467.
Варта, р. *197*.
Васко-де-Гама - 52, 306.
Ва-тва 9.
Вашингтонъ *311*.
Вашо *271*.
Веда 258, 320, 348, 360, 409.
Ведда *241*, 274.
Везэръ, р. 28, 29, 30, *31*, *197*, 200, 215.
Веймаръ 30, *189*.
Вейра *77*.
Вейтспики *271*.
Вели обритапія 324.
Великобританскіе остр. — 84.
Великій океанъ - 314, 316.
Великія озера 96.
Велльоре—*241*.
Венгры - 392.
Венеты - *197*.
Венеція—180, 299.
Венецуэла 489.
Вернамьежъ - *77*, 123.
Верра - *189*.
Верхнее озеро 208.
Вессэксъ *307*.
Вестминстеръ *307*.
Вестфалія *307*.
Вестъ-Маньяръ 86.
Ветрозъ - *77*, *123*.
Ветциконъ 28.
Виза, гора *71*.
Византійцы - 308.

Византія - 441.
Вико, 326, 327, 335, 336.
Вилла-де-лосъ-Цезаресъ - *473*, 476
Вильзеръ, 31, 216.
Винландъ - 46.
Винчелль 34.
Вирей 7.
Висла, р. *197*.
Виссенбергъ *267*.
Вишоски *271*.
Віандоты—248, 249.
Віомингъ - 184.
Владикавказъ - *439*.
Во, де 266.
Воду—276.
Вогезы—26.
Войсекъ—*20*, 31.
Воклюзъ—279.
Вольней—56.
Восточная раса - кар. стр. 6.
Вудфордъ - 496.
Вье-Валлонъ - *198*.
Вьежъ *267*.
Вьеннъ—*125*.
Вюрцбургъ - 180.
Вѣна - 88.

Г

Габесъ - *183*.
Габонъ - 104.
Габсбургъ - *267*.
Гаваи, остр. *167*.
Гаджаръ-Таусъ - *473*.
Гадрамо - 35.
Гайленрейтъ *20*.
Гаити, остр.—276, 316.
Галапагосскіе остр.—106.
Галисъ, р.—452.
Галлія 161, 191, 196, 216.
Гальвей 203.
Гальга 349.
Гамаданъ 360, 370, *413*, *415*, 460, *483*, 496.
Гамасъ-Абъ—*425*.
Гамбургъ 61.
Гангъ, р. — 90, 99, *253*, 312, 320.
Ганъ 121.
Ганъ-Дуніашъ 478.
Ганеза—276, 277.
Гаохати *247*.
Гардъ-Френэ—84.
Гарі ма *183*.
Гаронна, р. 27, 170.
Гарро - 246, *247*.
Гасконь 64.
Гаспиталь - *267*.
Гафизъ—352.
Гвіаіара, р.—*243*.
Гваліоръ—*253*.
Гватемала—17, 220.
Гвинея, Новая *167*, 218, 270, 272, *319*.
Гвіана 217.
Гвэнія, р.—*243*.
Гебридскіе острова — 84 107, 173.
Гедрозія - 382, 392, *413*.
Гедэ - 188.
Гезеніусъ 472.
Геймъ - 34.
Гекатомпилосъ - 364, *365*, *373*.
Геккель - 7, 14,
Геллеспонтъ 91, 322.
Гельландъ 46.
Гельмендъ, р. - *389*, 390, *391*.
Генъ 348.
Георгійцы 357.
Георгія—286.
Гера - *189*.
Гератъ—368, *371*, *377*, *385*, 386, 387, 388, *391*, *413*.
Гердеръ 4.
Герирудъ, р.—368, *373*, *377*, *385*, 386, *391*.
Геркулесъ—201, 218.
Германія 64, 307, 347.
Германцы—240, 347.
Гермерсгеймъ *89*.
Гермонъ - *477*, 487.
Геродотъ 245, 392, 394, 404, 452, 494, 501.
Гесперіды 422.
Гесперіды Бетиса - *477*.
Гесперіды Киренеи *477*.
Гесперіды Мавританіи - *477*, 478.
Гесперія *307*, 308.
Гетеенцы—456.
Гетоффа - *183*.
Геи - 284.
Гизанна, р.—*71*.
Гизе - 170.
Гиланъ 366, *367*, 369.
Гилехъ—*465*.
Гиллестръ *71*.
Гиль, р.—67, *71*.
Гильбургхаузенъ *189*.
Гильгамишъ 488.
Гималаи—72, 75, 265, 306, 309, 312, 364, *374*, 434, *473*, 490.
Гиміариты 315, 322, 369.
Гиндукушъ—239, 265, 312, 348, *359*, *374*, 380, 386, *387*, 390, 391, 435.
Гиндонъ - 496.
Гиндъ, р. - 91.
Гиппократъ - 40.
Гирзу 511.
Гирканія *413*, 368.
Гирканское море — *365*, 368.
Гирканцы *393*.
Гирканъ - 368.
Гиссаръ - *374*.
Гистасиъ - 424, 426.
Гихонъ - 479.
Глазинай 209.
Гларисъ *267*.
Гленельгъ - 211.
Гліддонъ - 7.
Гмелинъ 312.
Гоа *241*.
Гоальпара *247*.
Гоби, пустыня - 54, *55*.
Гобино - 43, 44, 220, 364, 378.
Гоголь - 78.
Гогъ 442.
Годмаръ 72.
Гокча, оз.—*451*, 453.
Голіафъ 202.
Голландія - 26, 482.
Голодная степь 312.
Голуанъ - *417*.
Голубая рѣка—99, 307.
Гомеръ - 290.
Гоммель 468, 511.
Гордійскія горы - 489.
Гордонъ 479.
Гота *189*.
Готтентоты - 150, 274.
Гравноаръ - *20*.
Гранжъ *77*.
Гранъ-Хако - 62.
Грей 211.
Греки 290, 294, 306, 316, *347*, 372, 392, 396, 413, 426, 429, 446, 464.
Гренландія 24, 26, 29, 44, 46, 48, 309.
Гренландцы 52, 236.
Гренобль *125*.
Греція - 40, 116, 240, 315, 322, 330, 339, 340, 426, 429, 430, 510, 513, 525.
Гриманъ - *77*.
Гримизюа *77*.
Гринвичъ—309, *311*.
Гринелль *20*.
Гринелля, земля—*41*.
Гринъ 88.
Гротефендъ - 511, 513.
Грумъ-Гржимайло - 496.
Грюйэръ - *267*.
Гуамъ - 259.
Гуанахани - 306.
Гуараносы 62, 63, 64, 290.

Гудеа - 397, 458, 507.
Гуджиръ-Ку—*425*.
Гузо - 238.
Гумбольдта, глетчеръ - *41*.
Гумбольдтъ - 62.
Гумиловичъ—260.
Гунны - 432.
Гургенъ, р. — 366, 368, *373*.
Гуронъ 184.
Гуроны 96, 173.
Гэллей-Хилль въ Англіи *20*.
Гэмильтонъ въ Ирландіи—*20*.

Д

Давидъ—202, 294.
Дагестанъ - *441*, 442, 445.
Дагомейцы - 272, 276.
Дагомея - *275*.
Дакель - 35.
Далахо, хреб. *417*.
Далмація *101*, 102.
Дамаскъ *463*.
Дамганъ 364, *365*, *373*.
Данакиль - 54, 56, 57.
Данія 160.
Дансанъ—*374*.
Дара—*71*.
Дарвазъ - 380.
Дарвинъ - 7, 136, 138, 235, 238.
Дарій I — 313, 424, 426, 429, 431, 512.
Дарій II 340.
Дарій III - 340.
Деникеръ - 7.
Дарьяльскій проходъ — 439, 440, 443.
Даяки - 296.
Двина, западн.—*197*.
Девкаліонъ - 489.
Де-Грефъ 39.
Демонъ *20*.
Дели 143, *253*.
Демиджанъ, перев. *451*, 453.
Дель Лири, остр.—*20*.
Демавендъ *307*, 309, 360, 361, 364, 365, 403, 434, 474, *477*, 487, 490.
Деметрій—379.
Дендера - 151.
Дербентъ - *441*, 442.
Джайпуръ *253*.
Джамна *253*.
Джебель-Хауранъ—*463*
Джемхидъ 426, 526.
Дженгія *247*.
Джевпре—180.
Джерба - 180, *183*.
Джихунъ - 448.
Джонстонъ—9, 14.
Джунгарія 370.
Джунгарскія степи - *55*.
Джуръ 35.
Дижейль 495.
Дизфулъ - *353*, *465*, *483*.
Динарическая раса кар. стр. 6.
Диссентисъ - *267*.
Діана 296.
Діего-Альварецъ—86.
Діего-Суарецъ *81*.
Діола 99, 100.
Діомеда, остр. *311*.
Діоскурія 415.
Діоскуры - 434.
Діяла, р. *461*, 462, *483*, 491, *521*.
Днѣпръ - 27, *197*, 369.
Днѣстръ *197*, 369.
Доброй Надежды, мысъ - 159, 324.
Догбо—*11*.
Дональдсонъ Смисъ—9.
Донъ 369.
Дордонья—200, 215.
Досъ - 82.
Дофинэ *125*.
Дравиды—*393*.
Дрангіана 382, 388, 390, *391*.
Дропади - 249.
Дуйва—*183*.
Ду ургальзу *511*.
Дунай 73, 88, 196, *197*, 369.
Дунги 458.
Дуніашъ—478.
Дура *491*, 495, *521*.
Дурга 276.
Дуръ - Шарукинъ — 519 5.2, 525.
Дхаръ *253*.
Дьелафуа 467.
Дэнка 60, 61, 62, 65, 151.
Дюбуа - 13.
Дюмы 9.
Дюпле—462.
Дюранса, р.—*71*, 125.

Е

Евбея- 307.
Евразія 312.
Евреи *241*, 295, 396, 455, 471, 474, 475, 477, 486, 490, 500.
Европа 26, 27, 28, 30, 64, 73, 83, 84, 86, 122, 158, 161, 172, 177, 178, 179, 195, 196, 208, 212, 214, 222, 265, 277, 291, 307, 309, 310, 312, 314, 315, 330, 331, 346, 348, 362, 369, 378, 408, 434, 436, 466.
Евротъ 90.
Евфратъ, р.—88, 91, 99, 307, 311, 322, 324, 342, 344, 349, 350, 359, 362, 369, 424, *435*, 447, 448, *451*, 452, 453, 459, 460, *461*, 462, *463*, *465*, 468, 470, 477, 478, 479, 481, *483*, 484, 485, 486, *487*, 488, *491*, *493*, 494, 495, *497*, 498, 503, *511*, 515, 516, *521*, 525, 527.
Египетъ 24, 35, 54, 87, 116, 151, 169, 209, 266, 306, 322, 330, 345, 400, 422, 423, 426, 464, 498, 506, 511.
Егорлыкъ, р.—*435*.
Екатерина II—430.
Елисейскія поля—528
Енисей 312.

Ж

Жапуръ, р.—*399*.
Желтая рѣка 99, 307, 315, 379.
Желѣзныя Ворота 440, *441*, 442.
Женева *267*.
Женеву а - *267*.
Жильберъ, остр.—*319*.
Жувансъ—479.
Жэръ - 12.
Жюно 58.
Жюссье, А.—20.

З

Заале, р. - *189*.
Заальфельдъ *189*.
Забайкалье 127.
Забъ, Б., р. *451*, 460, *461*, 462, *483*, 516, 518, *521*.
Забъ, М., р. *461*, 467, *483*, *521*.
Загроша, врата—*355*.
Загрошъ—170, *323*, 352, *359*, 362, 392, 396, *417*, *425*, *460*, 461, *465*, 489, 495, 498.
Задучъ—412.
Закавказье 365, 369, 438, 442, 445, 453.

Закаспійская область 348, 435.
Зальцунгенъ — *189.*
Зана *355.*
Западная Европа — 10.
Западная раса — кар. стр. 6
Заравшанъ — *373*, *374*, *377.*
Заратвастра — 412.
Заратуштра — 412.
Зардушта 352.
Зевсъ 294.
Зеландія, Новая — *167*, *319.*
Зеленый мысъ *311.*
Зендъ Авеста 348.
Зергупъ — *511.*
Зибаджу *425.*
Зинджанъ — *367.*
Зондскій архипелагъ — 266, 289, 306.
Зоннебергъ — *189.*
Зороастръ — 352, 361, 376, 410, 412, 414, 416, 454.
Зохабъ — *493.*
Зохакъ — 403, 404, 414, 434.

И

Иберійскій полуостровъ — 191, 198.
Ибнагмемъ — *193.*
Игиди 35.
Ида *477.*
Иддигла — *511*, *521.*
Изеръ, р. — *125.*
Измаилъ 315.
Изолетта — 180.
Израиль — 315.
Изуаръ, ущелье — 67, *71.*
Иллинойсъ *19.*
Ильма *189.*
Ильменау *189.*
Иммаусъ, горы — 306, 364, 422.
Ингуръ, р. — *443*, 414.
Индійскій Кавказъ — 385.
Индійскій океанъ 54, 58, 158, 306, 310, 314, 350, 356, 362, 388, 392, 461, 463, 470, 479, 484, *505.*
Индія 5, 24, 51, 62, 81, 87, 142, 172, 187, 195, 215, 240, *241*, 249, 252, 306, 312, 315, 320, 330, 346, 352, 364, 368, 375, 377, 379, 388, 389, 400, 407, 422, 462, 506.
Индокитай 62, 309, 320.
Индо-Малайскіе остр. — 265, 270
Индостанъ — 242, 306, 312, 392.
Индусы — *347*, *393*, 252, 316, 348, 371.
Индъ, р. 99, 312, 315, 320, 370, *374*, *387*, 388, 479, 516.
Индѣецъ — 46, 74, 124, 126, 132, 166, 173, 220, 234, 255, 272.
Инки 190.
Иннуитъ 44, 46, 47.
Инферно 213.
Иранскій Кавказъ 361.
Иранское плоскогоріе — 339, 341, 347, 348, 350, 352, 356, 360, 368, 369, 370, 371, 382, 384, 394, 402, 452, 460.
Иранцы *347*, 358, 364, 372, 396, 407, 414, 421, 426, 434, 475, 490.
Иранъ — 54, 55, 306, 311, 339, 340, 341, 342, 344, 345, 346, 347, 348, 350, 351, 352, 357, 358, 359, 361, 362, 364, 368, 369, 370, *371*, 375, 376, *377*, 378, 382, 384, 392, *393*, 394, 395, 396, 397, 399, 402, 403, 405, 408, 409, 410, 412, *413*, 414, 415, 416, 417, 418, 422, 428, 432, 434, 435, 436, 440, 470, 476, 477, 480, 486, 489, 490.
Ирландія 60, 259.
Ирокезы — *271*, 346.
Ирравади, р. *321.*
Ирула *241*
Иса, р. — *243.*
Исаакъ 294, 482.
Исаія 474.
Исландія — 86.
Испанія 195, *307*, 330.
Исселени — *271.*
Иссыкъ-куль 372, *374.*
Исталеръ *429.*
Исфаганъ *353*, *371*, *421.*
Ига *41*, 43, 44.
Итакуатьяга *95.*
Италія 40, 161, 170, *307*, 308, 379.
Итальянцы 354
Ифигенія 294.
Иффренъ — *183.*

І

Іаковъ — 492.
Іездигердъ II — 442.
Іездъ — *371*, *421.*
Іегова — 276, 294.
Іеннмерръ — *511.*
Іекитинхонха — 82.
Іена *189*
Іерингъ, фонъ — 39, 214, 484, 499, 500, 502.
Іеронимъ, св. — 451.
Іерусалимъ — 186, *463*, 479.
Іефтей — 294.
Іисусъ Христосъ 303.
Іоапири, р. *243.*
Іона, пророкъ — 522.
Іоническое море — 516.
Іонія 424.
Іоркъ, мысъ — *193.*
Іудея — 40.

К

Кабао — *183.*
Кабардинцы 444.
Кабира *183.*
Кабулъ 348, *374*, *387*, 388, *389*, 390, *391.*
Кавказскій хребетъ 26, 434, 436, 438, 444, 447, 452, 474.
Кавказъ — 72, 75, 191, 196, 265, 307, 309, *323*, 345, 366, 368, 370, 382, 390, 433, 434, 435, 436, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 449, 452, 453, 486, 490, *505.*
Кадези 403, *521.*
Кадру 391.
Каза-Бланка — 173.
Казбекъ — *439*, *477*, 440, 443.
Казвинъ — *367.*
Казиспе *307.*
Казришининъ *355.*
Каинъ 492, 493.
Кайсаки 380.
Калаверасъ *19.*
Калапоой *271.*
Калахъ 521.
Калди — 469.
Каледонія, Новая — *167*, 229, 230, *319.*
Каликутъ *241.*
Калитъ, Великій 293.
Калифорнія — 57, 270.
Калифорнскій зал. 132, *133*, 195.
Каллонъ *241.*
Калмыкъ — 127.
Кальманъ 397.
Камбизъ 340, 422, 462.
Камбоджа 506.
Камерунъ 104.

Камплонъ—297.
Канада 96.
Канадское море—191.
Канакъ—229, 230.
Канарезы - *241.*
Канарскіе острова *473*
Канарскій, Большой, о.—75, 177.
Канга *193.*
Кангаверъ *355.*
Кангарзукъ *193.*
Кандагаръ *371*, 388, *391*, *413.*
Канигу—*477*, 490.
Каннаноре - *241.*
Канштадтъ—*20.*
Кано *257.*
Кантабрійскія горы 434.
Капштадтъ *59.*
Каравайя 59.
Карибское море - 309.
Кара-Калпаки 380.
Каракорумъ *374.*
Каракоталъ—*389*, 390.
Кара-Кумъ—*373.*
Каракэвы—*271.*
Кара-Су, р.—448.
Каратегинъ — 349, *374*, 380.
Карачаи 441.
Карачи 151.
Карибу - ха - Хухинакъ — 458.
Карибъ 495.
Карно 147.
Каролинскіе остр. 104, 176, 192, 204, 224, 225, *319*, 330.
Карпаты—26, 196, 370.
Карсъ—*451*, 453.
Карунъ, р. *353*, 396, 460, *461*, 465, *483*, 484, 494, *511*, 526.
Каръ-Дуніашъ 478.
Карѳагеняне—110.
Касаи 252.
Касдимъ—469.
Касіапа 364.
Каспійское море — *307*, 314, 344, 350, 356, 359, 360, 364, *365*, 366, *367*, 368, 370, *373*, 374, 382, 388, 392, 394, 402, 434, *435*, 436, 438, 440, *441*, 442, 447, *487*, *505*, 522.
Кастанеда 23.
Кастенедоло *20.*
Касторъ - 434.
Катрфажъ—276.
Каука—72.
Кауленъ 501.
Кауэ 403, 404, 415.
Кафиръ 348.
Каффры—112, 165, 211, 230, 274.
Кашанъ - *353*, *371*, *421.*
Кашгарія 54, 378.
Кашгаръ—*374.*
Кашгаръ-Дарья, р.—*374.*
Кашмиръ 66.
Кван-си - *307.*
Кван-тунъ *307.*
Кветта—*391.*
Квилонъ *241.*
Квореты *271.*
Кевсенавъ—208.
Кевиръ, пуст. *421.*
Кейра, долина - 67, 69, *71.*
Кельты *347.*
Кенги 466.
Кеннеди, проливъ *41.*
Кентонъ 16.
Кентъ 27.
Кенэ - 205.
Кербела—*493.*
Кергуэльскіе остр. — 58, 59, 61, *63.*
Керіндъ—*355*, *417.*
Керкукъ - *493.*
Керманшахъ—*355*, *493.*
Керхи 494.
Кибургъ—*267.*
Киву, озеро 9.
Кизылъ-Ирмакъ, р. 448.
Кикла *183.*
Киликійскія ворота 460.
Килиманджаро - 76.
Кимо *11.*
Киммерійцы — 402, 438, 456.
Кипръ — 116, 307, 315, 322, 369, 484, 515.
Кира 372, *377.*
Киргизы—380.
Киренея—206, 422, 478.
Кирисы *271.*
Киркуэль—*20.*
Кирманъ *371*, *421.*
Кирополисъ 372, *377.*
Киртаръ-Сулейманъ-Дагъ-312.
Киръ - 91, 340, 351, 402 404, 405, 422, 424, 430 457, 458.
Китай 24, 87, 150, 234, 248, 286, 306, *307*, 316, 320, 330, 339, 356, 372, 376, 400, 488, 489, 506.
Китайское море 310.
Китайцы—121, 149, 150, 322, 371, 379, 396.
Китовый заливъ—*193.*
Китовый проливъ—*41.*
Китунэхи *271.*
Кихуа 66, 70, 86, 87, 121, 265, 270, 272, 277.
Киша—458.
Кишу *511.*
Кіаксаръ - 340.
Кіан-си *307.*
Кіовы—*271.*
Клеменцъ 496.
Кливъ—462.
Клиши *20.*
Клондайкъ—50.
Коддо - *271.*
Коканъ - *374.*
Коломбо *241.*
Колорадо 139.
Колумбія 70, 72, 178, 285.
Колумбъ—52, 306, 479.
Колхида - 445.
Колыма, р. 273.
Комбарелль *31*, 258.
Комбарельская пещера—260, 261.
Конго 81, 214, 220.
Коникаль-Гилль—*311.*
Конкани *241.*
Константинополь -460.
Констанцъ *267.*
Контей—*77.*
Контъ 276.
Конфуцій 303.
Конциза 179.
Копихи—*271.*
Кордильеры - 75.
Корея - *307.*
Кориба 255.
Коркодонъ, р.—273.
Корна — *465*, 478, 487, *511.*
Королевскій проливъ - *63.*
Коромандельскій берегъ—106, 320.
Коронадосы 83.
Коссеенцы 354.
Коссонэ *267.*
Коста-Рика 17, 201.
Костено - *271.*
Котону—275.
Кофенъ—388.
Кошинъ - *241.*
Кранганоре - *241.*
Крапинъ—30.
Красное море 54, 321, 322, 344, 369, 390, 462, 472, 479, *505.*
Крассъ 362.
Крестовая гора *439.*
Крики—*271.*
Кристоль—21.
Критъ 315, 484.
Кроаціи 30, 209.
Крозье, гора - *63.*
Кро-Маньонъ - *20*, *31.*
Крымскія горы—434.
Крымъ—434.

Крыша міра – 310, 312.
Ксенофонтъ – 430, 524, 525.
Ксеркъсъ—91, 340, 429, 513.
Ктезифонъ – 462, *491*, *493*, *511*, *521*.
Куаръ – *267*.
Куахультики *271*.
Кубань, р. *435*.
Кувейтъ 465.
Кудагу—*241*.
Кудуктуарзукъ *193*.
Кузы—*271*.
Кукъ – 59, 330.
Куланапы – *271*.
Куль-Оба – 456.
Кума, р. *435*.
Кунаръ, р. – *387*.
Кундузъ, р. *389*.
Куновъ – 246.
Ку-Парро *425*.
Кура, р.—*435*, 436, 438, *439*, 440, 447, *451*, 453.
Курбонъ, рѣка *179*.
Кургенъ – *365*.
Курдскія горы 489.
Курдукскія горы 489.
Курды 454, 470.
Куригальзу 458.
Курціусъ 90.
Кутаисъ – *443*.
Кути – *511*.
Куфа – *465*, 478, 487, *511*.
Куэнь-Лунь – 75, *374*.
Куюнджикъ 525.
Куята *193*.
Кызылъ-Кумъ—*373*.
Кызылъ-Узень, р.—*367*, 369.
Кювье – 21.
Кэна, море – *41*.
Кэрсонъ-Сити – *19*.

Л

Лаббаи – *241*.
Лабрадоръ 47, 48, 49.
Лагона-Санта—*19*.
Ла-Денизъ *20*.
Лазистанъ – 453.
Ла Калеви *31*.
Лакедивскіе остр.—*241*.
Лакруа, ущелье *71*.
Ла-Маделэнъ *20*, *31*.
Ламартинъ – 14.
Ла-Мутъ – *31*.
Лангъ—160.
Ландескоты – 64, 65, 67.
Ла-Нолеттъ – *20*.
Ланъ – *77*.
Лапландія—150.
Ла-Плата – 324.
Ларисса – 524.
Ла-Рокъ – *198*.
Ларсамъ – 458, *511*.
Ларъ – *20*, 381.
Латинцы *347*.
Ла-Траверсетъ *71*.
Латьеръ – 184.
Ле-Боде-л'Арбюзье—*20*.
Левантійцы 308.
Левантъ *307*.
Ле-Грезъ – 31.
Ледовитый океанъ 44, 46, 72, 121, 312, 344, 396.
Лезажеттъ—*77*, *123*.
Лезейзи *31*.
Лелланъ, Макъ 245, 250.
Ле-Мустье—*31*.
Лембанъ – *11*.
Ленгуа – 234.
Ленорманъ – 208, 394, 516.
Ленцбургъ *267*.
Леонаръ – *123*.
Ле-Плэ – 40.
Ливанъ – 460, *461*, 478.
Ливійская пустыня *55*.
Ливія – 340.
Ликиліки – 289.
Лима 74.
Лимузенъ—31.
Литово-славяне *347*.
Лифляндія 31.
Ліонъ – 84.
Лоайасе, остр. – *179*.
Ложери 29, 30.
Ложери-Бассъ *20*, *31*.
Ложери-Отъ *31*.
Лозанна – *267*.
Л'Ольмо *20*.
Ломбардія *267*, 372, 374.
Лонгъ-Эйландъ 34.
Лондонъ – 162, 324, 496.
Лопари *6*, 44, 150, 215.
Лоренцо-Маркецъ – 230.
Лоретто 229.
Лорлея 90.
Лоррэнь – *267*.
Лофотскіе остр.— 122.
Лофтусъ 510.
Лоэшъ-виллъ *77*.
Лоэшъ-Бэнъ—*77*.
Луази—487.
Луара, р. 64, 169, 170.
Лугаль 458, 515.
Луизіадскіе остр. – *167*.
Луизіанская лагуна – 18.
Луръ 353.
Лутуами *271*.
Луты, пуст. *421*.
Лхасса – 75.
Лэйелль – 19.
Любліанъ 162.
Людовикъ XIV—260.
Люцонъ, о. 9, *11*, 254.
Ляо-Тунъ—*307*.

М

Маасъ, р.— 26.
Мабуягъ – 192.
Мавританія – 180, 478.
Мавры – 330.
Магелланъ—52.
Магнусъ, Олафъ – 166.
Магогъ – 442.
Магометъ – 54.
Магребъ *307*.
Мадагаскаръ *11*, 81.
Ма д'Азиль – *20*, 161, 168, 213.
Мадакту – *511*.
Мадейра – *95*.
Маджуй 442.
Мадрасъ – 241.
Мадура *241*.
Мажъ—*77*.
Мазаи—263.
Мазандеранъ 364, *365*, 366, 407.
Мазаръ-и-Шерифъ—*374*, *387*, *389*.
Мазисъ, гора – 447, *451*, 453, 490.
Майзуръ – *241*.
Майнмазинъ *247*.
Макапа—*95*.
Македоняне—372, 378, 430.
Маклюбэ 497.
Макъ-Ги—132.
Малабарскій берегъ 249, 320.
Малайцы 223, 315, 316.
Малайламъ – *241*.
Малайскій архипелагъ – 315, 319.
Малакка *11*, 248, 265.
Малая Азія 310, 410, 422, 436, 448, 454, 460,
Маледивскіе остр.—*241*.
Мальва *253*.
Малярно *20*.
Мамю *183*.
Манаосъ – *95*.
Мангалоре *241*.
Мангая – *319*.
Манехеяне 352.
Маниту—184.
Манори *31*.
Ману-Вайвасвата—490.
Манувріе—14, 29.
Манычъ—436.

Марага - 360, *361.*
Маракаибо 180.
Марашъ - 448.
Мараѳонъ – 425.
Маргіана – 376, 382, 388, *413.*
Маргосъ, р. - 376, *377.*
Мардухъ - бали - динна — 458.
Марипо - *271.*
Марицбургъ – 212.
Маріанскіе остр. — 259, *319.*
Марканда – 376, *377.*
Маркизскіе остр. - 228.
Марокко *11*, 199.
Марсель – *125.*
Марсель-де-Сэрра - 21.
Марсилли-сюръ-Эръ - *20.*
Мартиникъ, остр. - 150.
Мартіусъ 92.
Мартинъ – 473.
Маршальскіе остр. - 192.
Масперо, де—340, 468.
Матмата – 182, *183.*
Матто-Гроссо – 62.
Махи, р. – *253.*
Махмудъ - 313.
Медненъ *183.*
Медусъ, р. – *429.*
Меймене – *373.*
Мейнингенъ – *189.*
Мейрихштадтъ - *189.*
Мейрюсъ *20.*
Мекка – 186.
Меконгъ – *321.*
Мекранъ 321, 356, *359.*
Мексика—70, 148, 154, 191, 195, 265.
Меланезія - 102, 212, 213, 230.
Мельбурнъ – 59.
Мельвилль 44.
Мемфисъ – 511.
Менамъ – *321.*
Меноминекъ - 127.
Ментона *11.*
Мервъ 368, *371*, *373*, 376, *377*, *413.*
Мервь, р. – 386, 388.
Меркати 20.
Мероэ – 54.
Меру, гора — 275, *473*, 490.
Мерчисона, проливъ – 41.
Месвинъ - 27.
Месопотамія - 87, 126, 190, 312, 330, 339, 342, 344, 345, 349, 350, 370, 390, 392, 396, 397, 399, 400, 409, 413, 415, 422, 423, 448, 458, 459, 460, *461*, 462, *465*, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 474, 477, 480, 482, 484, 489, 490, 493, 494, 495, 496, 498, 503, 504, *505*, 508, 509, 516, 517, 526, 528.
Месопилъ - 524.
Месторіанъ – *365.*
Метамеръ – *183.*
Метеланимъ – 176.
Мечниковъ - 87.
Мешхедъ – 370, *371*, *373.*
Миддльэссексъ – *307.*
Мидія – 311, 340, 356, 362, 378, 392, 394, 395, *413*, 422, 457, 496.
Мидяне - 315, 351, 378, *393*, 394, 404, 416, 424, 430, 512.
Миклухо-Маклай – 159.
Микронезія - *167.*
Миллель 515.
Мильтіадъ 426.
Мильцъ, р. – *189.*
Мингрелія – *443.*
Минданао, о. – *11.*
Минкопи – 230.
Мирдиты – 240.
Миссиссипи 34, 92, 97, 108, 127, 184.
Митридатъ – 444.
Михаила Св. остр. – *311.*
Мичиганъ – 34, 184.
Ми-чонгъ-и-ниви - *257.*
Мишле - 112.
Моаферна – 445.
Могемокъ – 224, 225, 226.
Мокелюмны - *271.*
Монголія – 54, 126, 127.
Монголы 160, 234, 392.
Мононгахела - 184.
Монтескье - 40.
Монтефикъ – *465.*
Монтуаръ – 170.
Монтэнь – 40.
Монъ-Дофинъ – *71.*
Монъ-д'Оржъ – *123.*
Монъ-Женеврэ *71.*
Монъ-Роза - *477.*
Моки 178, 255.
Мопла *241.*
Морганъ 339, 351, 360, 366, 369, 381, 397, 398, 410, 414, 467, 511, 526.
Моржъ, р. — *123.*
Морранъ, р. - 482.
Москва 58.
Моссаро – *11.*
Моссулъ – *483*, 522, *525.*
Мохамера – *353*, *465.*
Мохосы - *95.*
Муангъ - *11.*
Муговръ – 498, 511.
Муджелибэ - 497.
Муленъ-Киньонъ – *20.*
Муллилъ 458.
Мурадъ-Су, р. – *451*, *461.*
Мурбахъ – *267.*
Мургабъ, р. - 368, *373*, 376, *377*, *385.*
Мускоджи - *271.*
Мустагъ-Ата - 476, *477.*
Мустье – 27, 28.
Мьежъ – *77.*
Мэкензи, остр. - 224, 225.
Мюйска – 66.

Н

На – *123.*
Набонассаръ – 340, 458, 507.
Набополассаръ – 458.
Набу-апалъ-утсуръ – 458.
Набу-куду-руссуръ 458.
Набу-назиръ - 458.
Набу-нахидъ - 458.
Навуходоносоръ — 458, 495, 497, 512, 516.
Наги-Санъ *20.*
Назареяне - *241.*
Наиръ *241*, 249, 250.
Налю – *183.*
Наманганъ *374.*
Нандацъ - *77*, 123.
Наполеонъ – 334.
Нарамани-Ку *425.*
Нарамъ-Синъ 458.
Нарбада *253.*
Нарзарзуакъ - *193.*
Надоло 308.
Нарванъ - *491*, 495.
Натолія – 308.
Наубендханамъ - 490.
Нахонты – 351, 376, 400.
Нахюатль 66.
Начезы *271.*
Неандерталь *20.*
Небесныя горы – 312.
Негапатана *241.*
Негритосы 8, *11.*
Негритосы аэта *11.*
Негры 192, 216, 219, 220, 276, 356, 467.
Ней - Лауэнбургъ — 212, 213.
Нейшатель *267.*
Нейшательское оз. – 179.
Некарау *89.*
Нелюре *241.*
Нессе, р. - *189.*
Нефудъ, пустыня — *463*, *465.*
Нибизисъ - *521.*

Нигеръ – 91, 95, 99, 100, 192, 297.
Нидау – 180.
Низампатамъ *241.*
Низейская равнина *367*, 496.
Низиръ 490.
Низменные острова – 36.
Никобарскіе остр. 291.
Никольскій 456.
Нилъ – 34, 54, 60, 88, 90, 99, 122, 151, 190, 205, 207, 252, 276, 306, 307, 315, 322, 462, 468, 479.
Нимродъ – 521.
Нимрудъ – 521.
Ниневія – 330, 402, 462, *463*, 471, 484, 512, 518, *521*, 522, 523, 524, 525.
Нипонъ – 476.
Нипперъ 515.
Ниппуръ – 509, *511*, 526.
Нифферъ – *511.*
Ницца – 444.
Ништапуръ – 496.
Ніасъ, остр. *167.*
Новая Гвинея – 159, 318, 319.
Новая Гренада – *473.*
Новая Зеландія 318.
Новая Мексика 148, 255.
Ново-Гебридскіе остр. – 140.
Новый Свѣтъ – 35, 56, 57, 60, 66, 82, 83, 121, 126, 208, 220, 306, 310, 342, 407.
Ной 484.
Номе, мысъ – 50.
Нордъ, департаментъ – *307.*
Нормандія *307.*
Норфолькъ – *307.*
Нотгъ 7.
Нофаръ – *511.*
Ноя, горы 490.
Нуармутье 64.
Нубійская пустыня *55.*
Нубійцы – 54.
Нупки – *511.*
Нью-Іоркъ 324.
Нью-Фаундлендъ – 60.
Нѣманъ – *197.*

О

Оанесъ – 485, 486.
Обермайленъ – 178.
Обидосъ – *95.*
Обь 312, 314.
Обэръ *20.*
Ова-герреро – 246.
Овамбо – 131.
Овернь 312.
Огненная Земля – 43, 235.
Оговэ – 214.
Одеръ, р. *197.*
Оджибвеи 96, 126.
Одъ, р. – 27.
Озирисъ 209.
Океанія *167*, 177, 228, 255, 270, 302, *319*, 312.
Оксусъ, р. 350, 356, 368, *373*, 375, 376, *377*, 378, 379, 380, 387, 388, 396, 482.
Олимпъ – 275, 294, 476.
Олимпъ Виѳиніи – *477*, 490.
Олимпъ Ѳессаліи – *477*, 490.
Ольбія – *197.*
Ольсенъ, мысъ – *193.*
Оманское море – 479.
Оми *473.*
Онтонагонъ 208.
Описъ *491*, 495, *521.*
Оппертъ 340, 394, 464, 504, 511.
Оранби – 256, *257.*
Орвьето *20.*
Ордосское плато *55.*
Орегона 270.
Орильякъ 27.
Ориноко, р. – 62, 96, 164, 176, *243*, 489.
Ориньякъ *20.*
Оркнейскіе остр. – 107.
Оркхамъ 522.
Ормуздъ – 364, 411, 414, 428.
Ормузскій прол. – *421.*
Орнолакъ 207
Оронтъ, р. – *461.*
Орфей 218.
Орхоэ – 509, 511.
Осетины 436, 440.
Оссы 446.
Остенде *307.*
Осткемпе *307.*
Остъ-Индія – 84.
Охайо – 34.

П

Паган 223.
Пактіанцы – *393.*
Палендрю *179*, 180.
Палайники *271.*
Палаосскіе остр. – *167*, 262, 293.
Палембангъ – 152.
Палестина 460.
Палла-Ярви – 150.
Памиръ 342, 345, 349, 371, *374*, 378, 380, *387*, 392.
Панду – 144, 249.
Пантеонъ 275.
Папагосы – 56, *133.*
Папуасы 176, 218, 289, 318.
Парагвай 219.
Па адизо – *477.*
Парадизъ – 487.
Парижъ 58, 309, *311*, 324, 482, 496.
Паркеръ 332.
Пармійцы 364.
Паропамизъ – *359*, 368, 375, 376, *377*, 378, 380, 385, 386, *387*, 396.
Парѳяне 351, 379.
Пасаргадай *353.*
Пасхи, остр. – 34, 35, 106, 330.
Патагонія 92, *473*, 476.
Паюны *271.*
Пейзакъ *31.*
Пекинъ *311.*
Пелопонезъ 322, 426.
Пералесъ *20.*
Пергамъ 214.
Переходно-адріатическая раса кар. стр. 6.
Переходно-сѣв. раса кар. стр. 6.
Перигора – 31, 184.
Пернамбуко – 106.
Персеполь *353*, 354, 403, *413*, 415, *421*, 422, 423, 426, *429*, 516, 526.
Персиды 394.
Персидскій заливъ – *11*, 312, 321, 322, 344, 350, 356, 392, 394, 398, 400, 402, *421*, 447, 460, 461, 462, 463, 464, 479, 484, 511, 515.
Персія 278, 311, 340, 342, 344, 347, 348, 349, 350, 352, 356, 357, 358, *359*, 362, 369, 370, 371, 378, 384, 390, 394, 403, 411, 412, *413*, 416, *421*, 422, 423, 424, 425, 426, 428, 430, 460, 496.
Персы 315, 353, 357, 362, 372, 378, *393*, 394, 396, 422, 424, 426, 512.
Перу – 10, 57, 74.
Перувіанцы 277.
Петерсъ 500.
Петеффи 78.
Петито – 49.
Петра 172, *463.*
Петри, Флиндерсъ – 170.

Пешаверъ—*374*, *387*.
Пиктэ 347.
Пикъ-де-Бригъ - 490.
Пикьерлю *193*.
Пимасы *133*, *271*.
Пиндара - 87.
Пинша - 458.
Пиренеи—26, 72, 75, 168, 185, 207, 265, *307*, 434, 490.
Пири 43.
Пиръ-Манго—151.
Плакаръ - *20*.
Пласъ 498, 518, 519.
Плиній 426.
Подбаха *20*.
Пойнтъ-Барроу 50, 51.
Пойнтъ-Декъ - 61.
Покойниковъ зал. 107.
Полинезійцы 274.
Полинезія—36, 160, *167*, 228, 319.
Поліаръ - *241*.
Поллуксъ - 434.
Полуаръ, р.—*429*.
Понапе 176.
Пондишери *241*.
Понтимело *19*.
Понтосъ-Аксеносъ - 452.
Поншартрэнъ - 18.
Порто-Ново - *275*.
Португальцы - 284.
Портъ Газели 61.
Понъ-д'Аркъ—*198*.
Понъ-Тушаръ—172.
Праслинъ, остр. - *473*, 479.
Працъ-Лимбо - *123*.
Працъ-Розъ - *123*.
Предмостъ *20*.
Пренсъ-де-Галль *311*.
Престичъ 27.
Преттигау 267.
Пржевальскій 160.
Прибрежная раса—кар. стр. 6.
Привислинская раса кар. стр. 6.
Провансъ - *125*.
Прометей—407, 434.
Прутъ, р.—*197*.
Прюдо, земля - *41*.
Птоломей - 478.
Пулково *311*.
Пурату *511*, *521*.
Пьерръ-Сенъ-Мартенъ — 185.
Пьетта - 213.
Пэнъ 50.
Пэрри, мысъ - *41*, 193.
Пюи-де-Бригъ - *477*.
Пюи-Курни - 27.
Пянджабъ *374*, *387*, 388.

Р

Раба 294.
Равенна—308.
Рагійцы - *393*.
Рагэ - *365*, *367*, *371*, 412, *413*, 415.
Раджадхова - 143.
Раджпутана *253*.
Раджпуты—252, *253*.
Раза - 360.
Разюнъ *267*.
Ракаонь—*77*.
Рахаза 240.
Рамайяна - 90.
Рамъ 27.
Раппершвилль *267*.
Рассоха - 273.
Ратманова, остр. *311*.
Раудинсонъ - 511.
Рейнъ - 73, 88, *89*, 108.
Рейтель 27.
Ренанъ - 472.
Ренниттейгъ - *189*, 190.
Ретть *367*.
Ризъ 168.
Римляне 240, 248, 290, 299, 306, 351, 379.
Римская имперія—191.
Римъ 116, 299, 324, 331, 334, 340, 352, 444, 510.
Ричардса, гора *63*.
Ричмондъ 496.
Ріо-Бранко, р. - *243*.
Ріо-дель-Альторъ *133*.
Ріо-Жанейро—74.
Ріо-Жиль *133*.
Ріо-Колорадо 133.
Ріо-Негро - 92, *95*, 234, 243.
Ріонъ—436, 447, 453.
Ріонъ, р. *435*, *443*.
Ріо-Хоша—60.
Робенхаузенъ 203.
Родія *241*.
Родосъ 307.
Рождества, гавань - *63*.
Розеннизель 180.
Романши—354.
Ромэнсъ - 238.
Рона, р.—27, 73, 76, 77, *123*, *125*, 528.
Ронкаль - 184.
Росса, гора—*63*.
Россія - 352, 370, 438, 446, 456.
Россъ, Джемсъ 44, 58.
Рошъ 170.
Ру—249, 281, 285.
Рудольфа, оз.—9.
Рудольфштадтъ—*189*.
Русскіе 141, 349, 380, 444.
Рустемъ—414.
Рэнъ 381.
Рютимейеръ 28.

С

Саавезъ—*123*.
Саади 352.
Саберматти *253*.
Сабеяне 315.
Сабиняне - 240.
Савеланъ 360, *361*, *367*, *477*, 487.
Савойя 162, *267*.
Савона *20*.
Савоэ, остр. - *167*.
Савьезъ—*77*.
Сагресъ—115.
Сальгетъ *247*.
Сакай *11*.
Саказены 456.
Саламинъ - 430.
Салевъ—*77*.
Салиши *271*.
Саллель-Кабардэ *20*.
Салманасаръ 340, 521.
Салоненъ - *321*.
Сальгешъ - *77*.
Самаркандъ - *371*, *374*, 376, *377*, 379, 380, 386.
Самассу-мукинъ 458.
Самоа - *167*, *319*, 318.
Самокіенъ - 380.
Самоѣды 6, 44, 48, 50, 52, 56.
Санга - 9.
Сангкой *321*.
Сансанъ 12.
Санта-Лючіа—150.
Санта-Марта 60.
Сантаремъ *95*.
Санъ (бушмены) *11*, 212.
Санъ-Фернандо - *311*.
Сара 164.
Саразины 273.
Саргонъ—267, 340, 402, 454, 500, 518, 519, 522.
Сардинія, остр.—*11*.
Сар-и-пуль - *355*.
Сарзекъ - 472.
Сассаниды - 351, 416, 462, 495.
Сахара 35, 54, *55*, 192.
Сванетія *443*, 445.
Сванеты 44.
Свенъ-Гединъ 345, 476.
Сеара - 54, *55*.
Себеникo—*101*.
Севенны - 26.

Семенольская раса — кар. стр. 6.
Сезана *71.*
Сезострисъ – 334, 462.
Сенстанъ – 388, 390, *391*, *413.*
Сейпуды – *417.*
Сейшелльскіе остр. *473*, 479.
Селевкида – *491*, *493*, *511*, 516, *521.*
Селевкиды – 378.
Селевкія – 462.
Семангъ – *11.*
Семипалатинская обл. 312.
Семирамида – 456.
Семиты 356, 392, *393*, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 510.
Сена, р. – 196, 324, 496.
Сенегалъ, р. – 99, 207.
Сенека – 291.
Сенкерехъ – 511.
Сенна – *493.*
Сеннахерибъ – 340, 402, 484, 522, 523, 525.
Сентонжъ – 184.
Сентъ Андрэ-де-Рокпертюи *198.*
Сентъ-Ашель – 27, 202.
Сенъ-Блазьенъ *267.*
Сенъ Веранъ – *71.*
Сенъ-Галль *267.*
Сенъ Жанъ – *77.*
Сенъ-Жилль 279.
Сенъ-Кильда – 84.
Сенъ-Клодъ – *267.*
Сенъ-Леонаръ 77, 287.
Сенъ-Люкъ *77.*
Сенъ-Мартенъ *77.*
Сенъ-Преста – 27.
Сенъ-Ремэзъ – *198.*
Сенъ-Сиркъ – *31.*
Сенъ-Тома – *241.*
Сербы 82, 141.
Сервьеръ – *71.*
Серетъ – *197.*
Сефидъ-рудъ, р. – *367.*
Сехбидъ *361.*
Сефарвимъ 511.
Сехендъ – 360, *451*, *477*, 487.
Сечуанъ – *473.*
Сибирь 289, 315, 344, 370
Сибирь, Восточная 140.
Сива – 90, 276.
Сидонъ – *463*, 504.
Сизигросъ 484, 508.
Сикіанъ *321.*
Силисъ – 372, *377.*
Симъ – 472.
Синай *55*, *477*, 487.
Сингалезы *241.*
Сингапуръ – 17.
Сингаръ – 511, *521.*
Синдъ, р. – *253.*
Синиписа 397.
Синъ 511.
Синпаръ 487, *493*, 508, 509, *511*, 515.
Сиргула 511.
Сирейль – *31.*
Сирійская долина – *477.*
Сирійское море 322.
Сирійцы 56.
Сирія – *307*, 422, 456, 460, 504, *505.*
Сирки – *521.*
Сирпула – 458, 464, *511.*
Сиртелла – 511.
Ситнапиштимъ – 484.
Ситтль *20.*
Ситха – 58.
Сифрошъ *491*, *511*, *521.*
Си-шомъ-ивн *257.*
Сицилія – 307.
Сіа-пошъ – 239.
Сіерра-Мадре 191.
Сіерра-Невада – 60.
Сіобанъ 103
Сіонъ *77*, *123*, *267.*
Сіу *271.*
Скалистыя горы 34, 96.
Скандинавія – 26, 216, 446.
Скифы 372, 402, 422, 438, 456.
Скрелингеры 46.
Славяне – 472.
Смеермассъ *20.*
Смисъ – 511.
Смита, проливъ *41*, 44.
Смитъ – 488.
Согдіана – 376, *377*, 379, *413.*
Согдіанцы – *393.*
Согдъ – *377.*
Соединенные Штаты – 8, 34, 87, 308, 316.
Сокотра – 479.
Сократъ – 291, 430.
Солиманъ-Дагъ – 388.
Солимонесъ, р. *95*, 243.
Соломона, острова – *167*, 214.
Солютрэ – *20*, 216.
Сомалійская пустыня — *55.*
Сомалійцы – 44, 59.
Сомюръ – 172.
Сона 196.
Соноры – 56.
Сордъ – *20.*
Спарта – 425.
Спенсеръ – 334.
Спеція – 444.
Спи – *20*, 92.
Средиземное море – 135, 139, 158, 306, 307, 309, 310, 312, 314, 322, 344, 362, 378, 379, 400, 423, 434, 444, 454, 456, 462, 470, *487*, 504, *505.*
Срединная имперія – 380.
Сринагаръ – *374.*
Станцъ *267.*
Старый Свѣтъ – 35, 37, 54, 121, 191, 208, 306, 310, 312, 315, 342, 344, 345, 369, 409, 434, 490, 508.
Стефаніи, озеро – 9, 294.
Стиксъ – 90.
Стипка – *20.*
Страбонъ – 445, 456, 495.
Страсбургъ – *267.*
Су – 199.
Суданъ – 221.
Суза *353*, 354, *355*, *371*, 396, 398, *399*, *413*, *465*, 400, 401, 402, 423, 431, 458, 484, 495, 498, *511*, 516, 526.
Сузіана – 202, 392, 396, 399, 400, *413*, 467, 526.
Сулакъ – *441*, 442.
Сулейманъ *493.*
Сулейманъ-дагъ — *359*, *374*, *477.*
Суматра – 103, 140, 163, 252, 289, 318.
Сумерійцы – 397, 468, 469.
Сумиръ 467.
Суффолькъ – 28, *307.*
Сухумъ-Кале – *443*, 445.
Суэцкій перешеекъ – 369.
Сципіонъ 510.
Счастливые острова – *473*, 478.
Сыръ-Дарья 344, 372, 373, *374*, *377.*
Сьеркъ – *477.*
Сьерра-Невада-де-Санта-Марта – 190.
Сьерра – *77.*
Сѣверная Америка — 26, 44, 96, 97, 121, 124, 126, 139, 166, 173, 184, 196, 208, 212, 270, 272, 306, 308, 309, 316, 473, 490.
Сѣверная раса – кар. стр. 6.
Сѣверное море – *307.*
Сѣверо-западная раса — кар. стр. 6.
Сэбинъ, мысъ – 41.
Сэлини – *271.*
Сэлиши – *271.*
Сэри – 154, *155*, 191, *271.*
Сэсты – *271.*

Т

Та-Бакца – 376.
Тавризъ – 360, *361*, *371*, *451*.
Гавръ – *323*, 453, 460, *461*, 472, 498.
Тавръ, Армянскій *451*, 452.
Тагарма *374*, *477*.
Тагъ-и-Гирра *417*.
Таджики 380.
Тадморъ *463*.
Таити – 292, 293, 318, *319*.
Тайпинги – 479.
Тайякъ – *31*.
Такигиррахъ *355*.
Такили *271*.
Такла-Макань, пустыня – *55*, 344, *374*.
Такъ-и-Хиринъ – *425*.
Такъ-Керса 512.
Таласскій-Алатау *374*.
Талихъ – 440.
Таманскій полуостр. 434.
Тамили *241*.
Тампа – 185.
Таньо – *271*.
Тапахоцъ *95*.
Тара *365*.
Тарантэзъ *267*.
Тарахумара – 190.
Тардъ – 301.
Таримъ, р. – 93, 96, 119, *374*.
Таро *198*.
Тасманія 234, 330.
Татары – 392, 440.
Татахумъ – *183*.
Татъ – 440.
Таубахъ – *20*, 30.
Таффэ – *95*.
Тахуэльхо – 270.
Ташкентъ – *374*.
Тегеранъ – 360, *365*, *367*, 496.
Тезей – 201.
Тейлоръ – 523.
Телефанъ – 426.
Телленбергъ *267*.
Телль-Ибранмъ – 511.
Телль-Лохъ 511.
Теллъпель – 119.
Темза – 324, 496.
Терекъ, р. – *435*, 438, *439*.
Терріенъ-де-ла-Купери – *339*, 468.
Телугу *241*.
Тессина – 266.
Тохуантепекъ – 195.
Течуко – 265.
Тибести – 35.
Тибетцы – 70, 290.
Тибетъ 75, 173, 190, 249, 307, 312, 320.
Тибуронъ, остр. – *133*, *155*.
Тиглатфавазаръ II – 456.
Тигръ, р. – 91, 310, 342, 314, 349, 359, 362, 402, 424, 447, *451*, 459, 460, *461*, 462, *463*, 465, 470, 472, 479, 481, 482, *483*, 484, 485, *487*, 488, *491*, *493*, 495, 498, *511*, 515 516, 518, *521*, *525*, 526.
Тикки-тикки *11*.
Тильбёри *20*.
Тимуквэны *271*.
Тиники *271*.
Тинъ-тиръ-кя 478, 487.
Тинэ – 124.
Тироль – *267*, 287.
Тирстъ – *267*.
Тиръ – 180, *463*, 504.
Тисса *197*.
Титикака, оз. 86, 306.
Тито Виньоли – 276.
Тифлисъ – 436, *439*, *451*.
Тифонъ – 209.
Тихій океанъ – 17, 104, 106, 159, 166, 265, 306, 310, 314, 315, 330.
Тичино – 73.
Товарищества, остр. – 231.
Тоггенбургъ *267*.
Тода *241*.
Токіо *311*.
Токма-су, р. 460, *461*.
Томашекъ 348.
Тонга, остр. 318, *319*.
Топинаръ – 7.
Торресовъ проливъ 319.
Тотъ-э-Козабъ 351.
Трамспиъ – *183*.
Триниль – 13, *19*.
Триполи 181, *185*.
Тристанъ-д'Акунья – *85*, 86.
Троо 169, 170.
Троя 209.
Тсангбо – *321*.
Туамоту – *167*.
Туареги 54, 192.
Тугултинполишаръ II 340, 456, 458.
Туйакъ *183*.
Тулу – *241*.
Тунебо 178.
Тунекабумъ – 366.
Тунисъ 180, *183*.
Тунское озеро – 34.
Тура – 396.
Туранцы 356, 392, *393*, 394, 395, 396, 399, 414, 503.
Туранъ – 382, 396.
Турвилль де 40.
Тургеневъ 78.
Туркестанъ – 127, 319, 370, 380.
Турки – 453.
Туркменскій Кавказъ – 342, 435.
Туркменскія степи – *55*.
Туркмены 313, *373*, 374, 380, 386, 393.
Турналь – 21.
Турція 352.
Тусаянъ – 255.
Тутикоринъ *241*.
Тэнжанъ *20*.
Тэнъ 114.
Тюрзакъ – *31*.
Тюрингія – 190.
Тюрки 392.
Тюрко-монголы – кар. стр. 6.
Тянь-Шань 191, 312, 372, 373, *374*, 378, *473*, 476.

У

Уаллакъ, остр. – 204, 289.
Уальпи *257*.
Уамбутти – *11*.
Ураунъ 62, 164.
Уа-туа *11*.
Уа-тусси – 9.
Уа-уту – 9.
Уганды 9.
Удайпуръ – *253*.
Удженъ *311*.
Узбеки – 380.
Уйда *275*, 276.
Уйфальви – 372.
Улай, р. – *399*.
Улиссъ – 303.
Ультима-Споранца – *19*.
Унсть – 108.
Уну – 511.
Уншпунненъ *267*.
Уоллесъ, Альфредъ – 92, 234.
Уопъ, р. – *243*.
Уралъ – 312, 441, 466.
Урарту – 455.
Урбагу – 458.
Ури – *267*.
Урмія, озеро – 359, *361*, *451*, 455.
Уру – 86.
Урухъ – 509, 510, 511.
Уръ 458, 465, 467, 511, 515.
Уріэ – *271*.

Ф

Фазъ, р.—446.
Фалькенштейнъ - *267.*
Фальклендскіе остр.—58.
Фао - *465.*
Фарафрэ - 35.
Фаросъ—180.
Фергана—372, *374*, 375.
Феридунъ 403, 414.
Феррара—330.
Феррерскіе остр. 108
Ферро, остр. 309, *311.*
Феруэръ - 428, 431.
Фиджи, остр.—*167*, 263, 318, *319.*
Физонъ—254.
Филиппинскіе остр.—234, 318.
Филиппсбургъ—*89.*
Финикія 51, 116, 426.
Финикіяне—110, 315, 472, 504.
Финны—392.
Фирдуси 352, 396, 404, 442.
Фіуме *101.*
Фландрія—*307.*
Флиндерсъ - 234.
Флорида 87, 191.
Фокея 426.
Фонтанальба 213.
Фонъ-де-Гомъ *31.*
Формоза—265.
Фосиньи - *267.*
Фіансуа, мысъ—*63.*
Франція 10, 23, 27, 44, 67, 170, 200, 342, 357.
Франшъ-Монтань *267.*
Фрейбургъ *267.*
Французы - 354.
Фригійцы—452.
Фригія—452.
Фридрихъ Великій—430.
Фрисландія 266.
Фузи-Яма *473.*
Фурфоозъ—*20.*
Фэльмаусъ, бухта *85.*

Х

Хабиры 470.
Хаджарь-таусъ - 490.
Хаджей *183.*
Хаджикакъ—*389*, 390.
Хадей - *183.*
Хазары—440.
Хазія—246, *247.*
Хайнанъ—265.
Халдеи—353, 362, *393*, 463, 464, 466, 467, 469, 470, 472, 474, 483, 485, 495, 500, 501, 504, 510, 514.
Халдея—311, 315, 348, 356, 362, 397, 399, 402, 458, 466, 467, *477*, 478, 479, 483, 484, 498, 504, 507, 508, 509, 510, 511, 518.
Халисъ, р. 448.
Халха *55.*
Хальманъ *417.*
Хамиты 252.
Хаммураби—400, 458, 509, 513, 514.
Хаммунъ - *391.*
Ханакинъ - *355.*
Хананеяне 471.
Хануманъ 276.
Ханъ-Тенгри *473.*
Харгэ 35.
Харезмія 376.
Хартумъ—479.
Харунабадъ—*355.*
Хассаніэ 252.
Хеопсъ - 209.
Херрадура 201.
Херха, р.—460, *461*, *483*, *511.*
Хива—*373.*
Химаваты 360.
Хингу *95.*
Хирта—84.
Хитты - 315.
Хоанхо - *321*, 468.
Хоаспесъ, р.—*399.*
Ховайя—*183.*
Ходжентъ—372, *377.*
Хозравы 522.
Хозрованъ 409.
Хозрой-Нуширванъ - 440, 442.
Хомбу, перев. - *385*, 386.
Хонды - 142.
Хоносъ - 57.
Хоребъ—*477*, 487.
Хороссанъ—360, *477.*
Хосрабадъ - 498, *521*, 522, 525.
Хотоны 127.
Христіанія - 58.
Хуака 10.
Хузъ—400.
Хумбаба—458.
Хумехи *271.*
Хуринъ-Шейхъ - Ханъ — 397.
Хуанъ-хэ, р.—488.
Хэдеонъ—92.

Ц.

Цага, перев.—*355.*
Цара—*101.*
Цезарь - 5, 329, 334.
Цейлонъ, остр.—*241*, 274, 320, 473.
Целебесъ—159, 270, 273, 318.
Цельсъ - 23.
Центанъ—*183.*
Церова—*183.*
Церамъ, остр.—*167.*
Цламатъ *183.*
Цуни—178, 254, *271.*
Цыгане - 195.
Цэвъ *198.*
Цэза, р.—*198*, 200.
Цюрихское озеро—178.
Цюрихъ—180, *181*, *267.*

Ч.

Чадъ, озеро—*473*, 490
Чамбалъ, р.—*253.*
Чаткалъ-тау—*374.*
Челли - 173,
Черкесы—357, 444.
Черное море — 322, 344, 345, 369, 423, 434, 436, 438, *443*, 444, 445, 447. 448, 452, 453, 498, 505.
Четырехъ Кантоновъ озеро—34, 266.
Чикаго - 324.
Чиказау *19.*
Чинъ 380.
Чипвей - 126.
Чорохъ, р. - *435*, 447, *451*, 453.
Чу, р. - 371, *374.*
Чудесъ, озеро 213.
Чукотская земля - 44.
Чукотскій полуост. 49.
Чукчи—44, 49, 51, 289.
Чэлленжеръ, мысъ *63.*

Ш.

Шаблэ - *267.*
Шазалльонъ 332,
Шалонъ-сюръ-Марнъ—20.
Шалэ 77.
Шамашъ—397.
Шамберн—*125.*
Шаммаръ *465.*
Шампольіонъ (млад.)—513.
Шандолекъ—*77.*
Шанселадъ *20.*
Шан-си—*307.*
Шан-тунъ *307.*
Шаргина—45*, 500, 509.
Шари, р. - 490.
Шассисадра—484.
Шатъ-эль-Арабъ — *353*, 460, *483.*

Шаффгаузенъ—29.
Шахэпти *271.*
Швабія *-267.*
Швальбе—30.
Швейцарія 28, 29, 66, 73, 127, 203, 265, 354.
Швейцерсбильдъ *11*, 29.
Шветцингенъ *89.*
Швеція 347.
Швицъ - *267.*
Шелль 27.
Шельда 26, 108.
Шеръ 27.
Шетландскіе остр. - 108, 109.
Шимаку *271.*
Шимарики—271.
Ши-мо-пави—*257.*
Шинкоки *271.*
Шиншинакъ - 400.
Ши-по-и-люви *257.*
Шиппи *77.*
Шиппе—518.
Ширазъ—*353*, *371*, *421.*
Шитпмэши *271.*
Шифферштадтъ 88, *89.*
Ши-Хоанти 376.
Шлиманнъ 209.
Шмалькальденъ—*189.*
Шмерлингъ 21.
Шнини—*183.*
Шо 84.
Шойя *11.*
Шотландія—84, 173.
Шошоны *271.*
Шпейеръ—*89.*
Шпигель 394.
Шпицбергенъ - 26.
Шпренгеръ—472.
Шрадеръ - 472.
Штарнбергское оз. 180.
Штейненъ, фонъ - деръ — 235.
Шулькрафтъ—293.
Шумразенъ *183.*
Шурпинакъ 486.
Шустеръ 170, *353*, *421*, *465*, *483.*
Шутрукъ-Нахонтъ 400.
Шушинакъ - 402.

Э

Э - *125.*
Эа - 485, 511.
Эвлей, р. - *399.*
Эгезъ *198.*
Эгейское море - 106, 266, 315.
Эгилль *71.*
Эгильонъ *198.*
Эгисхеймъ *20.*
Эдесса *463.*
Эйанъ *77.*
Эйе *77.*
Эйзенахъ - *189.*
Эйзи 258.
Экбатана 354, *355*, *371*, *413*, 414, *415*, 423, *425.*
Эквадоръ - 59.
Эламиты 353, *352*, *393*, 397, 400.
Эламъ—170, 339, 351, 355, 356, 396, 399, 400, 402, *413*, 464, 467, 484, 523.
Эли-де-Бомонъ 342.
Элль Иллонъ 522.
Эльба 61, *197.*
Эльбрусъ 434, *443*, 444.
Эльбурсъ 312, *359*, 360, 361, 364, *365*, 366, *367*, 371, 490.
Эльвендъ 360, 362, 415, 434, 460, 474, 475, *477*, 490.
Эльдорадо *473*, 479.
Эльзасъ, Верхній *267.*
Эмаръ 21.
Эннивepзари-Лоджъ—*41.*
Энній 13.
Энсагна 458.
Энселадъ 434.
Эперолазъ *123.*
Эребъ 310.
Эрекъ - *465*, 509, 511, 515, 527, 528.
Эремансъ - *77*, *123.*
Эрзерумъ - *451.*
Эривань *451*, 453.
Эриду *465*, 478, 187, 509, 511, 515.
Эритрея *55.*
Эррега - 86.
Эрфуртъ - *189.*
Эсархаддонъ—340.
Эскимосы *41*, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 54, 215, 236.
Эспинасъ - 238.
Эссексъ *307.*
Этна 434.
Эфіопы - 392, *393.*
Эѳіопія 290, 322.

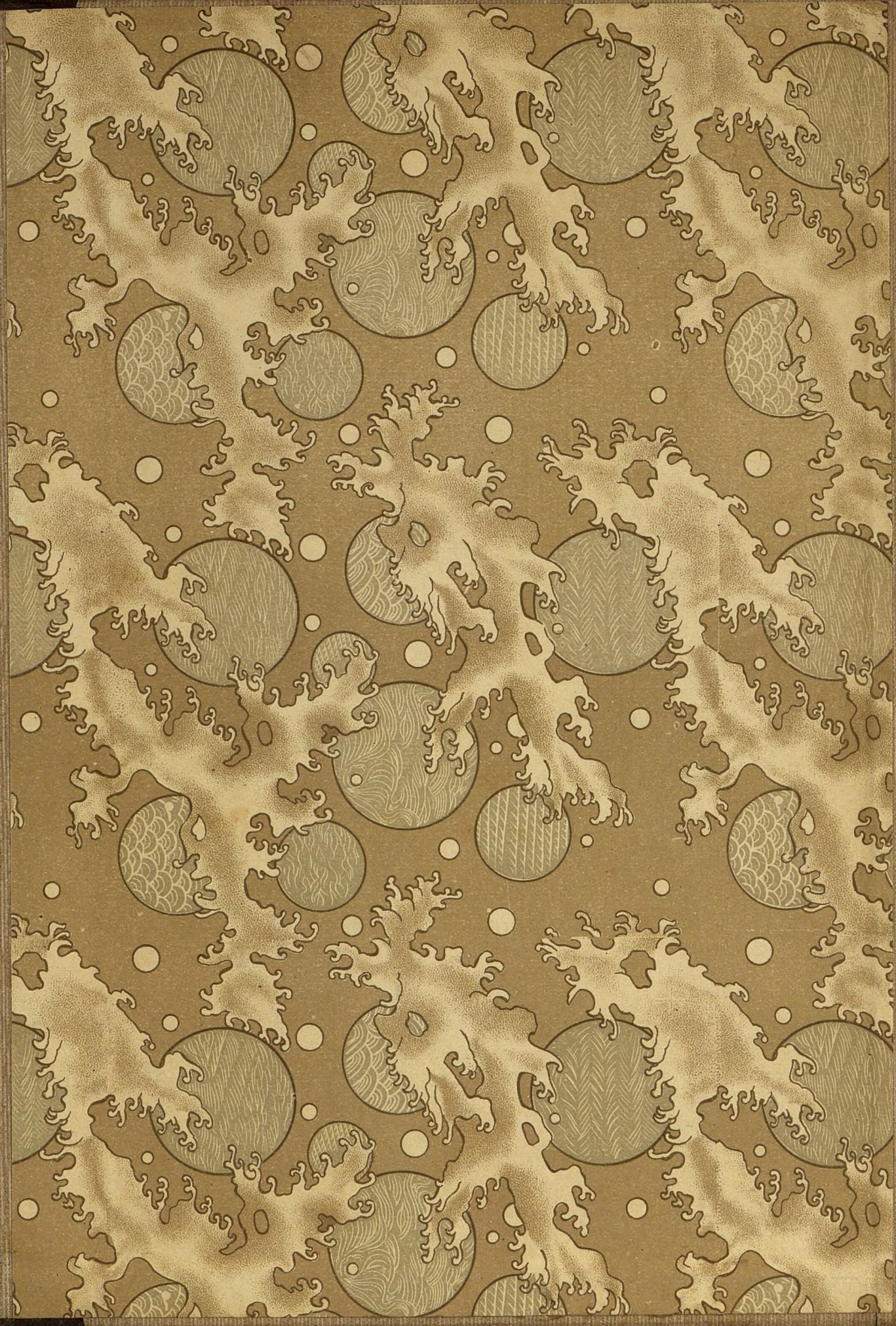
Ю.

Южная Америка - 54, 73, 121, 152, 225, 244, 270, 306, 309.
Юкагиры - 273.
Юки - *271.*
Юконъ, р.—50.
Юліанъ Философъ - 362.
Юмы *271.*
Юпитеръ Аммонъ 516.
Юра 66.
Юриштиры 144.
Юруа, р. *243.*
Юстиніанъ - 440.

Я.

Ява, - 13, 188, 318.
Яварн, р. 243.
Ягнаубъ 319.
Яджуй 442.
Яки 191.
Яконы—*271.*
Яксартъ 372, *377*, 378, 380, 396.
Якуты 284.
Янайдаръ—476.
Яни *271.*
Янъ-тзе-кіанъ (Янъ-цзы-цзянъ) — 88, 320, *321*, 468, 488.
Японія - *307*, 320, 324.
Японцы—121, 228, 248.
Япура, р. *243.*
Яркендъ - *374*

Ѳ.

Ѳемистоклъ 426, 430.
Ѳессалія 489.
Ѳивы - 54.
Ѳракія—438.

6 (товар)
А
6,900,